

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ.

СОСТАВИЛЪ

С. КОВНЕРЪ.

— ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. —

ПЛАТОНЪ.

МОСКВА

Догматическая школа.

Въ историческомъ ходѣ развитія медицины господствуетъ тотъ же основной законъ, какъ и въ исторіи развитія культуры вообще: за всякимъ великимъ переворотомъ въ области человѣческаго знанія и культуры, послѣ непосредственнаго вліянія на современниковъ, наступаетъ періодъ долговременнаго затишья и только впоследствии, по истеченіи многихъ вѣковъ, вліяніе это обнаруживается съ новой неотразимой силой. Этотъ законъ повторился и въ судьбахъ гиппократизма. Не смотря на обоснованіе Гиппократомъ медицины, разъ навсегда, какъ науки и искусства, послѣдовательное вліяніе его въ ближайшій за нимъ періодъ было чрезвычайно кратковременно. Можно даже сказать, что отпаденіе отъ него началось еще при жизни Гиппократа. Это объясняется тѣмъ, что трезвое научное наблюденіе, единственнымъ представителемъ коего въ древности явился Гиппократъ, весьма скоро ступевалося передъ выступившей послѣ него съ новой силой чисто-умозрительной философій, подъ вліяніемъ которой возникла такъ-называемая догматическая медицинская школа.

Выраженіе „догматизмъ Гиппократа“ легко можетъ ввести въ заблужденіе и подать поводъ думать, что Гиппократъ создалъ ясно формулированный и строго провѣренный методъ, носящій это названіе. Настоящимъ творцомъ гиппократовскаго догматизма является не Гиппократъ, а сынъ его Эссалъ, который прикрывалъ этимъ именемъ свою систему, утверждая, что въ основу ея имъ будто положены исключительно гиппократическія начала. Но это несогласно съ истиной, такъ какъ въ сущности онъ слѣдовалъ больше философіи Платона, которая значительной долей и введена имъ въ медицину. „Едва, говоритъ Sprengel, открыли путь къ усовершенствованію благодѣтельнаго искусства, едва наблюденіе сдѣлалось самой прочной основой всякаго медицинскаго сужденія, какъ, вслѣдствіе всеобщаго увлеченія діалектикой и умозрѣніями, этотъ путь снова былъ оставленъ и вмѣсто вѣчныхъ истинъ природы, коимъ училъ Гиппократъ, стали преподавать безплодныя тонкости, а вмѣсто про-

стыхъ правилъ его искусства—однѣ лишь пустыя гипотезы“¹⁾. Очевидно, послѣ смерти Гиппократъ простое трезвое наблюдение не могло устоять противъ напора умозрительной діалектики, если уже сынъ Гиппократъ весь отдался этому направленію, подѣ влияніемъ Платона, отъ телеологическаго направленія котораго не могъ отрѣшиться, 500 лѣтъ спустя, даже такой наблюдательный умъ, какъ Галенъ. Поэтому влияние философіи Платона на медицину заслуживаетъ полнаго вниманія и подробнаго разсмотрѣнія въ исторіи этой науки.

Платонъ.

Платонъ (430—348 до Р. Х.), сынъ Аристонъ и Периктионы и ученикъ Сократа, основалъ въ 389 г. въ Афинахъ философскую школу, получившую названіе академіи (отъ Akademos, имени хозяина усадьбы, гдѣ помѣщалась школа), которую посѣщали также переодѣтыя женщины. Сочиненія Платона состоятъ изъ „Разговоровъ,“ изъ коихъ особенное отношеніе къ медицинѣ имѣетъ „Тимей“ (О природѣ). Но для лучшаго уразумѣнія медицины Платона необходимо сначала обозрѣть вкратцѣ его философію.

Космогонія Платона²⁾ принимаетъ троякаго рода предвѣчныя существа: 1) вѣчный разумъ (νοῦς, δίανοια, или Богъ, θεός, творецъ вселенной, δημιουργός), 2) матерію, изъ которой и 3) идеи (или типы), по которымъ созданъ міръ. Такъ какъ существующій міръ прекрасенъ, а творецъ его, вѣчный разумъ, всеблагъ, то при созданіи его первообразомъ могло служить только вѣчное³⁾, а такъ какъ онъ могъ творить только прекрасное и ничто неразумное не должно превосходить по красотѣ неразумное, то Богъ „вложилъ разумъ въ душу и душу въ тѣло“ для созданія вселенной, дабы она вышла наилучшійшимъ и совершеннѣйшимъ твореніемъ⁴⁾. Весь міръ поэтому есть для Платона одно одушевленное разумное существо (ζῷον ἔμφυχον ἔννοον)⁵⁾, не похожее одна-

¹⁾ Sprengel, Pragmatische Geschichte der Arzneikunde, Halle, 1880, I, 433.

²⁾ При изложеніи ученія Платона о природѣ и медицинѣ мы приняли въ основаніе діалогъ его: Τιμαίος, ἢ περὶ φύσεως, въ Platonis philosophi quae exstant graece ad ed. H. Stephani accurate expressa, IX, Biponti. 1786. Пособіями при этомъ служили: Plato's *Timaeus*, übersetzt von K. Schneider in Breslau въ „Janus“ Henschel'a, 1847, II B., 425—467 и 625—689, а также Lichtenstädt, Platons Lehren auf d. Gebiete der Naturforschung u. Heilkunde, Leipzig, 1826 и Льюисъ, Исторія философіи, Спб., 1866, вып. II, 209—243. Кромѣ „Тимея“ при дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно встрѣтятся ссылки и на другія сочиненія Платона, каковыя ссылки, относящіяся всѣ къ изданію Stephanus'a, обозначены для краткости St. и заимствованы нами изъ Lichtenstädt'a.

³⁾ Timaeus, l. c. 303 (ed. Steph. 29).

⁴⁾ Тамъ же, 305 (ed. Steph. 30).

⁵⁾ Тамъ же, 306 (St. 30).

ко ни на одно изъ отдѣльныхъ существъ, такъ какъ имѣетъ всестороннее направленіе и сферическую форму, какъ самую совершенную, обнимающую собою всё существующія формы ¹⁾. Далѣе Платонъ учитъ, что міру присуще постоянное движеніе ²⁾, тѣмъ не менѣе среди безпрестанно мѣняющаго теченія вещественныхъ явленій въ мірѣ все таки остается нѣчто постоянное, вѣчное, какъ причина внутренняго единства и даже самой этой измѣнчивости вещей. Мировая душа или внутренняя причина жизни и движенія разлита повсюду ³⁾. Въ безконечномъ разнообразіи вселенной Платонъ усматриваетъ внутреннюю гармонію, каждое движеніе есть для него выраженное въ звукахъ или числахъ гармонія, а жизнь вселенной—прекраснѣйшая изъ всѣхъ музыкальныхъ гармоній, пониманіе которой, впрочемъ въ весьма слабой степени, доступно лишь человѣку, этому наиболее совершенному воплощенію красоты и гармонія на землѣ и единственному созданію, одаренному чувствомъ изящнаго, тогда какъ остальнымъ живымъ существамъ чуждо это „чувство порядка и безпорядка въ движеніяхъ, которые носятъ названіе ритма и дисгармонія“ ⁴⁾.

Однако, согласно ученію Платона, Богъ не создалъ ни матерій, ни идей (типовъ), а то и другое существовали испоконъ вѣка и Богъ, устраивая хаосъ, устроилъ его по образцу этихъ идей ⁵⁾.

Чувственные предметы, учить Платонъ, мимолетны, несовершенны, безпрестанно мѣняются; дѣйствительное бытіе имѣютъ только идеи (*ἰδέαι τῶν ὄντων*), предсуществующія испоконъ вѣка и составляющія сверхчувственные прообразы вещей (*παραδείγματα*) ⁶⁾. Другими словами: чувственный міръ, все что мы видимъ—это только явленія (*phaenomena*), идеи же суть вещи въ себѣ (*noisena*), умственные сущности, общія понятія или представленія, которыя собственно одни только и существуютъ и одни только и есть настоящія, реальныя существа (*ὄντως ὄντα*) ⁷⁾. Идеи—это формы; вещественные же предметы суть копія съ нихъ, подобія идей, но при томъ копія невѣрныя, такъ какъ феномены не служатъ точнымъ снимкомъ съ нуменовъ ⁸⁾.

Міръ сотворенъ изъ четырехъ элементовъ, земли, огня, воздуха и воды, которые сами по себѣ не предсуществовали въ безформенной матеріи, но которые вѣчный разумъ составилъ изъ матерій, сформированной въ извѣстные треугольники. Земля состоитъ изъ равностороннихъ, остальные элементы изъ неравностороннихъ треугольниковъ. Огонь составленъ изъ меньшаго числа треугольниковъ и главнымъ образомъ изъ пира-

¹⁾ Тамъ же, 310 (St. 33).

²⁾ Тамъ же, 311 (St. 34).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ De legibus (Nomon), ed. Steph. 653.

⁵⁾ Ср. Льюисъ, I. с. 227. Здѣсь кстати замѣтимъ, что для обозначенія совокупности всего естественнаго міра Платонъ употребляетъ различныя выраженія, каковы: вселенная, τὸ πᾶν (Tim. I. с. 304, 29), природа, ἡ φύσις (во многихъ мѣстахъ), небо, οὐρανός и космосъ, κόσμος (Timaeus, 302, 28), хаосъ же или хаотическую матерію онъ называетъ ὕλη (Ср. Lichtenstädt I. с. 28). Sprengel однако говоритъ (I. с. 438, примѣч. 32), что для обозначенія первобытной матеріи Платонъ никогда не употребляетъ ὕλη, а всегда ἔδρα, χῶρα или φύσις.

⁶⁾ Timaeus, 302, 28.

⁷⁾ Phaedon, 31, Cratyl. 50. Ср. Sprengel, I, 440.

⁸⁾ Ср. Льюисъ, I. с. 216—227.

мигдалныхъ частицъ; ¹⁾ воздухъ изъ восьмигранныхъ (Dodekaëdron): земля—изъ кубическихъ частицъ (куβικόν εἶδος), составленныхъ изъ прямыхъ треугольниковъ ²⁾, и наконецъ вода изъ двадцатигранныхъ частицъ (Ikosaëdron). Къ этимъ элементамъ Платонъ въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ еще эфиръ ³⁾. Земля составляетъ самый неподвижный, тяжелый по вѣсу элементъ, который не можетъ быть превращенъ ни въ какой другой и сообщаетъ всѣмъ земнымъ тѣламъ форму и плотность; остальные же элементы могутъ быть превращены одинъ въ другой ⁴⁾.

Психологiя Платона учитъ, что Богъ, создавъ мiръ по образу идей, вмѣстѣ съ тѣмъ сотворилъ божества низшаго порядка, которыя вмѣстѣ съ вѣчнымъ разумомъ участвовали въ созданiи мiра и отчасти носятя вокругъ земли (какъ напр. солнце, луна, звѣзды), отчасти невидимы и заняты созиданiемъ отдѣльныхъ физическихъ предметовъ, въ особенности животныхъ, причеиъ либо создаютъ сами для себя животное тѣло, либо изъ извѣстной части самихъ себя образуютъ животную душу ⁵⁾. А потому человеческая душа бываетъ двоякая: безсмертная, разумная, божественная (θεῶν, ἀθάνατον) и смертная (θνητόν), неразумная, чувственная ⁶⁾. И та и другая взаимно дополняютъ одна другую, причеиъ послѣдняя пробуждаетъ въ безсмертной, разумной душѣ воспоминанiя изъ мiра идей, вынесенныхъ послѣдней изъ ея прежней жизни или времени пребыванiя съ богами, когда она имѣла ясныя понятiя о вѣчной истинѣ и видѣла лицомъ къ лицу бытiе ⁷⁾. Согласно этому божественная, разумная составная часть души, до сотворенiя тѣла, царяла въ горнихъ областяхъ свѣта и истины, въ блаженныхъ обителяхъ божественныхъ существъ, въ обществѣ конхъ она жила. Теперь же она заключена въ животное тѣло, какъ въ темницу, и ожидаетъ своего освобожденiя. Материальная, неразумная, животная душа, обуреваемая страстями (вождѣлвiями, гнѣвомъ, честолюбиемъ, отвращенiемъ), въ противоположность божественной душѣ, удѣлъ которой—чистое созерцанiе. Отсюда борьба между разумомъ и вождѣлвiями ⁸⁾.

Что касается вопроса о распредѣленiи добра и зла въ мiрѣ, то Платонъ принимаетъ, что матерiи вообще присуще зло, и онъ неоднократно говоритъ между прочимъ и о злой душѣ мiра, какъ причинѣ безпорядочнаго движенiя, всякаго неразумiя и зла въ созданiи, которое Богъ своею всеблагостью привелъ въ порядокъ и хотя, благодаря этому, возникли порядокъ, красота, добро, совершенство и всякое реальное бытiе въ физическомъ и духовномъ мiрѣ, тѣмъ не менѣе въ земномъ мiрѣ, по крайней мѣрѣ, количество зла превосходитъ количество добра на столько же, на сколько феноменовъ больше нежели нумеровъ, и матерiи больше нежели идей. Зло, стало-быть, есть необходимая часть земнаго мiра и ведетъ постоянную войну съ добромъ, въ чемъ собственно и заключается процессъ обра-

¹⁾ „Имѣеть оплотнѣвшую форму пирамиды, τὸ τῆς πυραμίδος στερεὸν γεγυρόσ εἶδος, Tim. 357, 56.

²⁾ Тамъ же, 356, 55.

³⁾ Epinom., 639.

⁴⁾ Timaeus, 356, 358, St. 55, 56.

⁵⁾ Тамъ же, 328, 329, St. 42.

⁶⁾ Timaeus, 386, 69.

⁷⁾ Ср. Льюисъ I. с. 223.

⁸⁾ Tim., 432, 433, St. 90.

зованія ¹⁾. Исключительное же господство добра, красоты и всякаго совершенства Платонъ полагаетъ въ царствѣ вѣчнаго свѣта, гдѣ рядомъ съ вѣчнымъ разумомъ живутъ и деи, несовершенные первообразы всѣхъ реальностей въ нашемъ видимомъ мірѣ, сверхчувственные, идеальныя цѣли, сообразно съ коими созданъ міръ. Высшее благо и истинное знаніе заключаются поэтому въ познаваніи причинъ вещей, тѣхъ идеальныхъ цѣлей, по которымъ онѣ устроены наилучшимъ образомъ подобно тому, какъ вѣчный разумъ есть наивысочайшая цѣль и верховное благо. Это телеологическое міросозерцаніе Платонъ внесъ и въ свое ученіе о человѣческомъ организмѣ ²⁾.

Физиологія Платона принимаетъ, что согласно съ первоначальной сферической формой вселенной и всѣхъ существъ, какъ самой совершенной, второстепенное божество, создавшее человѣческое тѣло, сотворило прежде всего мозгъ, вышедшій изъ его рукъ также сферическимъ и отмѣченнымъ, слѣдовательно, печатью высшаго совершенства. Вообще въ мозгу заложены жизненныя связи (τῶ βίῳ θεσμοί), соединяющія душу съ тѣломъ и составляющія основу смертной жизни. Онъ, какъ и всѣ тѣла, состоитъ изъ треугольниковъ, самую благородную его часть, „божественное сѣмя“, составляетъ головной мозгъ (ἐγκεφάλου)—сѣдалище разумной души и звѣно, связующее жизнь души и тѣла, продолженіе же его, состоящее изъ круглыхъ и продолговатыхъ образований, составляетъ спинной мозгъ (σπονδυλόν), мѣстопребываніе смертной души. Для защиты отъ внѣшнихъ вліяній мозгъ заключенъ въ костяную оболочку, затылочное отверстіе и подвижные позвонки служатъ для помѣщенія продолженія его—спинного мозга ³⁾. Жизнь всему сообщаетъ внутренній огонь, источникомъ коего служитъ теплота крови ⁴⁾. Этотъ внутренній огонь раздробляетъ и растворяетъ пищу, въ чемъ и заключается процессъ пищеваренія: въ видѣ летучаго газа онъ вмѣстѣ съ переваренными пищевыми соками поднимается, проникаетъ въ сосуды и распредѣляетъ ихъ по всему тѣлу. Пищевыя вещества, растворенныя въ пищевыхъ сокахъ, вступаютъ въ связь съ родственными имъ простыми составными частями животныхъ соковъ, въ коихъ ярче всего выступаетъ красный цвѣтъ, такъ какъ огонь причиняетъ сильное испареніе (ἐξέρμοσις) всѣхъ осталь-

¹⁾ Ср. Льюис, I. с. 233.

²⁾ Въ Федонѣ Платонъ рассказываетъ, какъ въ его повскахъ за истинной его надело на это міросозерцаніе услышанное имъ случайно чтеніе одного изреченія Анаксагора: „разумъ былъ причиной и устроителемъ всѣхъ вещей“, которое онъ самъ развилъ еще шире; „наилучшимъ образомъ для каждой“ и т. д., пока не дошелъ до вывода: „причина каждой вещи—наилучшая ея цѣль, а причина всего сущаго—наивысшее благо.“ P h a e d o n. ed. Bekker, 1817, 90.

³⁾ T i m a e u s, 394, 395, St. 73.

⁴⁾ T i m a e u s, 408, St. 79.

ныхъ, инородныхъ соковъ. Поэтому красная кровь по своему близкому отношенію къ огню составляетъ главный источникъ питанія человѣческаго тѣла ¹⁾. Питаніе разсматривается Платономъ какъ прилаживаніе или параніе новыхъ частицъ на старыя, вслѣдствіе одинаковаго очертанія (треугольнаго и т. д.) ихъ элементовъ ²⁾.

Голова, мѣстопребываніе души, составляетъ вмѣстѣ сборный пунктъ почти для всѣхъ орудій души, т. е. органовъ чувствъ. Изъ нихъ прежде всего образуются глаза, лучшій, величайшій даръ боговъ (ἐκ θεῶν... ἰσχυρῶν μετέστον ἀγαθῶν) ³⁾.

Зрѣніе происходитъ отъ соединенія свѣта, истекающаго изъ глаза, съ проникающимъ въ него и сроднымъ ему дневнымъ свѣтомъ, съ исчезновеніемъ коего мы перестаемъ видѣть, такъ какъ свойственный глазу свѣтъ истекаетъ, не встрѣчаясь съ родственнымъ ему солнечнымъ свѣтомъ ⁴⁾. Платонъ первый представилъ теорію цвѣтовъ. По его мнѣнію цвѣтъ видимыхъ предметовъ зависитъ отъ соотношеній истекающаго изъ нихъ свѣта къ внутреннему свѣту глаза; при одинаковомъ количествѣ и одинаковой величинѣ частицъ того и другаго свѣта тѣла прозрачны; большое количество мелкихъ свѣтовыхъ частицъ, производящихъ свѣто-разсѣпаніе, условливаетъ бѣлый, противоположное же—черный цвѣтъ. Когда часть внѣшняго свѣта потухаетъ и поглощается глазами, то происходятъ различные цвѣта и прежде всего красный (цвѣтъ крови). Отъ соединенія краснаго и бѣлаго происходитъ желтый цвѣтъ, смѣсь краснаго съ чернымъ и бѣлымъ даетъ пурпуровый цвѣтъ; большая примѣсь чернаго—темнопурпуровый; бурый цвѣтъ происходитъ отъ смѣси желтаго и сѣраго, сѣрый отъ смѣси бѣлаго и чернаго, блѣдно-зеленый—отъ смѣси желтаго и бѣлаго; голубой цвѣтъ отъ смѣси бѣлаго и блестящаго, свѣтло-голубой отъ смѣси бѣлаго и голубаго; зеленый—отъ смѣси бурога и чернаго ⁵⁾.—Вѣки служатъ для удержанія внутренняго свѣта и предупрежденія излишней его траты. Въ очень глубокомъ, спокойномъ снѣ передъ душою проходятъ образы прошедшаго отъ оставшагося въ глазѣ свѣта и вызываютъ сновидѣнія. Предметы, находящіеся на правой сторонѣ, мы видимъ на лѣвой и на оборотъ, потому что наше тѣло стоитъ лицомъ къ лицу съ этими предметами и свѣ-

¹⁾ *Тімаеусъ*, 410, 411, St. 80.

²⁾ Тамъ же, 412, St. 81.

³⁾ Тамъ же, 338, St. 47.

⁴⁾ Тамъ же, 335, St. 45.

⁵⁾ Тамъ же, 382—384, St. 67, 68.

товые лучи перекрещиваются словно въ рельефномъ съ двухъ сторонъ зеркалѣ (*ἔταν ἢ τῶν κατόπτρων λείωτης ἔνθεν καὶ ἔνθεν ὕψη λαβύουσα*) ¹⁾. Причину свѣтовыхъ воспріятій Платонъ полагаетъ въ безтѣлесной душѣ.

Слухъ (звукъ, голосъ) происходитъ отъ сотрясеній (*πληγαί*), передающихся отъ воздуха посредствомъ уха черезъ мозгъ и кровь душѣ. Происходящее отсюда колебаніе, начинающееся въ головѣ и кончающееся въ мѣстопребываніи печени, называется слухомъ. Быстрыя колебанія воздуха производятъ ясныя, высокія тоны; медленныя—низкія, грубыя тоны ²⁾.

Вкусъ происходитъ отъ растворенія вкусовыхъ частицъ въ сокахъ и передачи ихъ душѣ путемъ маленькихъ сосудовъ, идущихъ отъ языка къ сердцу, мѣстопребыванію вождельній. Чѣмъ плотнѣе эти вкусовыя частицы пристають къ языку, тѣмъ вкусъ горьче; чѣмъ больше онѣ растворяются и смѣшиваются съ родственными имъ соками, тѣмъ онѣ соленаѣе. Острый вкусъ происходитъ отъ согрѣванія вкусовыхъ частицъ и соотвѣтственныхъ частицъ рта, кислый отъ броженія ихъ и образованія воздушныхъ пузырьковъ; наконецъ сладкій—отъ совершенной гармоніи между вкусовыми частицами и сродными имъ соками сосудовъ языка, вызывающей на языкѣ чувство сладости ³⁾.

Что касается *обонянія*, то, по выраженію Платона, въ основаніе его „не положено никакой идеи“ (*„περὶ δὲ τῆν τῶν μωκτῆρων δύναμιν, εἶδη μὲν οὐκ ἔνι*), т. е. это ощущеніе и его причина чрезвычайно измѣнчивы и происходитъ оно каждый разъ при переходѣ матеріи изъ одного состоянія въ другое, напр. при ея разжиженіи, гніеніи, раствореніи или испареніи. Онъ поэтому сравниваетъ запахъ, происходящій отъ превращенія газовъ въ воду, съ туманомъ (*ἐμίχλη*), а происходящій отъ превращенія воды въ газы, съ дымомъ (*καπνός*). Поэтому пахучія вещества всегда тоньше воды и гуще воздуха (*ἕθεν λεπτότεραι μὲν ὕδατος, παχύτεραι δὲ ὁσμάϊ ξύμπασαι ἀέρος*). Вообще есть только два рода запаховъ, пріятные или противные ⁴⁾. Сонъ Платонъ объясняетъ ослабленной дѣятельностью чувства обонянія или, какъ онъ выражается, чувственного воздуха (*ἄνεσις τοῦ αἰσθητικοῦ πνεύματος*). Совершенное же прекращеніе этой дѣятельности влечетъ за собою смерть.

Изъ двухъ родовъ человѣческой души и безсмертная, разумная имѣетъ свое мѣстопребываніе въ головѣ, а смертная, неразумная, сварливая, жи-

¹⁾ Timaeus, 335, 336, St. 45, 46.

²⁾ Тамъ же, 381, St. 67.

³⁾ Tim., 377—379, St. 65, 66.

⁴⁾ Tim., 380, St. 66.

вотная, обуреваемая страстями (гнѣвомъ, надеждой, любовью), отдѣлена отъ первой длинной шей, подчинена ей и помѣщается въ сердцѣ.

Сердце есть источникъ крови и изъ него происходятъ всѣ сосуды тѣла, черезъ которые оно съ силой гонитъ кровь во всѣ части тѣла, дабы урегулировать движенія животной души, а такъ какъ сердце отъ вредныхъ раздраженій можетъ разгорячаться (усиленное сердцебиеніе при душевномъ волненіи), то рядомъ съ нимъ и для его охлажденія помѣщаются находящіяся съ нимъ въ связи легкія, которыя имѣютъ губчатое, пористое строеніе и воздухоносные сосуды (*ἀρτηρίαι*), служащія для охлажденія слишкомъ горячаго сердца, укрощенія гнѣва и удержанія сосудовъ тѣла въ повиновеніи. Этому охлажденію способствуетъ также поступленіе въ легкія, вмѣстѣ съ воздухомъ, и части напитковъ, которые оттуда выводятся черезъ почки ¹⁾.

Печень, толстая, гладкая, блестящая и содержащая смѣсь сладкаго и горькаго, есть мѣстопробываніе животныхъ инстинктовъ, изъ коихъ одни, болѣе низкіе и грубые, какъ гнѣвъ, помѣщаются преимущественно въ желчномъ пузырь (λόχον) и въ вѣтвяхъ воротной вены (πόλα), а другіе, болѣе утонченные, какъ способность прорицанія, гнѣздятся въ ткани печени, такъ какъ печень лишена сознанія и въ прорицаніи разумная душа не принимаетъ участія, ибо „даже сумасшедшіе часто предсказываютъ будущее, а во снѣ передъ нами всплываютъ образы прошедшаго.“ Вообще животная душа привязана къ срединѣ тѣла между пупкомъ и діафрагмой, „словно животное, привязанное къ своему корыту, изъ котораго получаетъ пищу.“ По этой причинѣ вождельнія гнѣдятся въ плотномъ, сладкомъ и гладкомъ веществѣ печени, на поверхности которой, словно въ зеркалѣ, отражаются исходящія изъ головы мысли и такимъ образомъ доводятся до сознанія животной души ²⁾.

Селезенка служитъ для очищенія печени и умѣренія беспорядочныхъ движеній животной души. Она, сама по себѣ безкровная (*ἀναιμόν*) и пористая (*κελόν*), вбираетъ въ себя нечистоты печени и тогда разбухаетъ, по очищеніи же тѣло ея опять съеживается и принимаетъ первоначальный объемъ ³⁾.

Кишечный каналъ представляется длиннымъ и извитымъ съ цѣлью долѣе удерживать пищу, дабы не нарушать отправленій разумной души слишкомъ частой потребностью организма въ возобновленіи пищи ⁴⁾.

¹⁾ Tim., 388, 389, St. 70.

²⁾ Tim., 390—393, St. 71, 72.

³⁾ Тамъ же, 393, St. 72.

⁴⁾ Тамъ же, 394, St. 73.

Кости служатъ для укрѣпленія и прочности тѣла и вмѣстѣ съ мускулами (*σάρκες*) защищаютъ мозгъ, это „божественное сѣмя“ (τὸ θεῖον σπέρμα), отъ жара и холода, а все тѣло отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній ¹⁾. Затылочное отверстіе и гибкій позвоночный столбъ служатъ для продолженія и распространенія мозга внизъ ²⁾. *Кости* состоятъ изъ затвердѣлой въ огнѣ земли ³⁾; *мускулы* изъ смѣси земли, огня, воды и бродила (*ζύμωμα*), происшедшаго изъ кислыхъ и солѣныхъ веществъ; *связки* (*νεῦρα*)—изъ смѣси костнаго вещества и необисленнаго мяса и поэтому составляютъ средину между костями и мускулами ⁴⁾. Нервы (*ἑπίτροποι*) смѣшиваются Платонъ съ сухожиліями и связками (*νεῦρα*), которыя служатъ для облегченія движеній въ составахъ. Точно также Платонъ смѣшиваетъ артеріи и вены.

Ротъ служитъ для принятія пищи и для рѣчи. Черепные *иски* происходятъ отъ борьбы, возникающей вслѣдствіе движеній и питанія. *Кожа* служитъ для защиты головы и всего тѣла. *Волосы* и ихъ корни произошли отъ остывшихъ влажныхъ веществъ въ видѣ тонкихъ удлинненій ткани изъ отверстій кожи, образовавшихся въ послѣдней отъ продиравленія ея въ многочисленныхъ мѣстахъ огнемъ, причѣмъ образованіе корней волосъ объясняется возвращеніемъ этихъ удлинненій подъ кожу отъ сѣжivanja подъ вліяніемъ холода. *Ногти*, а равно когти, подобно волосамъ, также относятся къ системѣ кожи ⁵⁾.

Для отвода излишнихъ соковъ изъ головы служатъ два спинныхъ сосуда, которые перекрещиваются такъ, что правые переходятъ на лѣвую, а лѣвые на правую сторону ⁶⁾.

Легкія, устроенныя подобно сѣти, служатъ для вдыханія (*ἀναπνοή*) воздуха и огня, такъ какъ пустаго пространства нѣтъ въ природѣ (*ἡ ἰσότης τῶν αἰμάτων, ἐπειδὴ κενόν οὐδέν ἐστιν*) ⁷⁾, и для выдѣленія изъ тѣла тончайшихъ частицъ огня и воздуха, могущихъ оказаться для него вредными (выдыханіе, *ἐκπνοή*); остальные же два элемента остаются и служатъ для питанія тѣла. Въ мельчайшихъ сосудистыхъ сѣткахъ легкихъ и другихъ частей тѣла происходитъ обоюдный токъ крови и воздуха, необходимый для сохраненія здоровья ⁸⁾. При этомъ Платонъ примѣняетъ свою теорію треу-

¹⁾ Тамъ же, 397, St. 74.

²⁾ Тамъ же, 396, 397, St. 73, 74.

³⁾ Тамъ же, 396, St. 73.

⁴⁾ Тамъ же, 397, St. 74.

⁵⁾ Тамъ же, 399—402, St. 75, 76.

⁶⁾ Тамъ же, 404, St. 77.

⁷⁾ Тамъ же, 407, St. 79.

⁸⁾ Tim., 408—411, St. 79, 80.

гольниковъ къ процессамъ роста и развитія: *ростъ* происходитъ тогда, когда питательныхъ веществъ притекаетъ больше, чѣмъ выдѣляется, *обратное развитіе*—наоборотъ. Пока ткани тѣла свѣжи и прочно образованы изъ треугольниковъ элементовъ, онѣ увеличиваются отъ раздѣленія и усвоенія треугольниковъ, изъ коихъ состоятъ пища и напитки. Когда же корни треугольниковъ тканей отъ долговременной борьбы расходятся, то онѣ болѣе не въ состояніи раздѣлять и усваивать треугольниковъ пищи и тогда наступаетъ старость. Смерть происходитъ отъ нарушенія связи треугольниковъ мозга съ душою ¹⁾, каковая тогда оставляетъ тѣло, въ которое она была заключена, словно въ темницу, въ наказаніе за грѣхи, совершенные ею въ періодъ, предшествовавшій ея земной жизни, и съ чувствомъ величайшаго блаженства снова возвращается въ обитель свѣта и боговъ.

Что касается процессовъ *зачатія* и *рожденія*, то Платонъ считаетъ ихъ „божественными“ и хотя они происходятъ въ смертномъ, живомъ существѣ, но сами по себѣ они бессмертны (*ἀθάνατοι*). Согласно своимъ политическимъ воззрѣніямъ онъ требуетъ контроля надъ ними государства и устанавливаетъ для нихъ сроки (для женщинъ отъ 20 до 40, а для мужчинъ отъ 30 до 55 лѣтъ) ²⁾. Половое влеченіе (любовь) разсматривается Платономъ какъ особенное „одушевленное живое существо,“ вложенное богами въ мужчинъ и женщинъ для цѣлей полового сообщенія. Сѣмя образуется въ спинномъ мозгу и, какъ одушевленная часть живаго тѣла, обнаруживаетъ сильное стремленіе изливаться наружу, возбуждая тѣмъ самымъ любовь къ произражденію. Живѣе всего это стремленіе сказывается у мужчины, словно необузданное, не повинующееся разуму животное. Матка также есть дикое необузданное животное, жаждущее оплодотворенія и рожденія, въ случаѣ же неудовлетворенія она приходитъ въ изступленіе, блуждаетъ по всему тѣлу и, заграждая выходы для воздуха, причиняетъ затрудненное дыханіе и самыя различныя страданія, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока не наступитъ оплодотвореніе и не начнется питаніе плода внутри матки ³⁾. На развитіе младенца внутри матки большое вліяніе имѣетъ состояніе беременной, которой рекомендуются умѣренное движеніе, спокойствіе духа и избѣжаніе какъ сильныхъ наслажденій, такъ и печали ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 412, 413, St. 81.

²⁾ De statu, V, ed. Steph. 460.

³⁾ Tim., 433—436, St. 91.

⁴⁾ De legib. VII, 789, 792, ed. Steph.

Къ этому примыкають идеи Платона о воспитаніи дѣтей, при чемъ главную роль играютъ занятія „музами“ и въ особенности гимнастика, регулирующая ростъ и обратное развитіе тѣла ¹⁾. До двухлѣтняго возраста дѣтей слѣдуетъ укутывать (*σπαργαῖν*); кормилицы должны быть здоровыя и крѣпкія, выносить дѣтей на воздухъ, кормить днемъ и ночью, вслѣдствіе усиленныхъ у нихъ процессовъ горѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ при воспитаніи ихъ слѣдуетъ избѣгать какъ изнѣживающей роскоши (*τροφή*), такъ и системы утрашенія и слишкомъ строгаго и жестокаго обращенія. Отъ 3 до 6 лѣтъ дѣти обоаго пола могутъ играть и двигаться вмѣстѣ, послѣ 6 лѣтъ мальчиковъ слѣдуетъ отдѣлять отъ дѣвочекъ, но и тѣхъ и другихъ уже съ ранняго возраста приучать къ умѣренной гимнастикѣ, обращая одинаковое вниманіе на развитіе какъ п р а в о й, такъ и л ѣ в о й половины тѣла, какъ это дѣлается у скіевоовъ ²⁾. Чрезмѣрная гимнастика ведетъ къ вырожденію человѣческой природы, примѣромъ чему могутъ служить атлеты, состояніе конхъ располагаетъ къ сну и вредно для здоровья и которые „просыпають всю жизнь“ и при малѣйшемъ уклоненіи отъ обычнаго образа жизни подвергаются сильнымъ и значительнымъ заболѣваніямъ ³⁾.

Патологія Платона. Согласно Платону здоровье заключается въ правильномъ соотношеніи разнородныхъ частей въ организмѣ и есть высочайшее благо (*ὑψίστου ἀριστόν ἐστι*) ⁴⁾, составляющее главную цѣль физической и духовной жизни, болѣзнь же есть зло (*ἡ νόσος κακόν*) ⁵⁾. Во всѣхъ сочиненіяхъ Платона постоянно проводится параллель между болѣзнію съ одной и порокомъ, невѣжествомъ, жадностью съ другой стороны. Иногда болѣзнь опредѣляется имъ какъ возмущеніе (*στάσις*) ⁶⁾ вслѣдствіе разъединенія того, что по природѣ должно быть связано. Въ *Тимеѣ* сущность болѣзни сводится либо къ противоестественному избытку или недостатку въ элементарномъ составѣ организма, либо къ перемѣщенію элементовъ, „вслѣдствіе жадности,“ изъ обыкновеннаго въ чуждое имъ мѣсто (*τῆς χώρας μεταστάσις ἐξ οἴκλειας ἐπ' ἄλλοτρίαν*) ⁷⁾, отчего элементы огня вытѣсняются изъ ихъ мѣста водяные и наоборотъ. Вообще процессъ развитія болѣзни Платонъ отождествляетъ въ извѣстной степени съ природой живыхъ существъ, почему не слѣдуетъ, за исключеніемъ извѣстныхъ періодовъ „ни прерывать правильнаго теченія болѣзней лекарствами, ни раздражать, болѣзни и безъ того злокачественной, ибо тогда маленькія болѣзни становятся большими, а немногія многочислен-

¹⁾ Тамъ же, 521.

²⁾ Тамъ же, 794, 795.

³⁾ De legibus II, 140, ed. St.

⁴⁾ Gorgias ed. Stephan., 45.

⁵⁾ Lysis, ed. St., 218.

⁶⁾ Sophista, ed. St., 228.

⁷⁾ Tim., 413, ed. St. 82.

ными¹⁾—взглядъ совершенно аналогическій съ взглядомъ Гиппократъ, который, какъ мы видѣли, рассматриваетъ болѣзни какъ своеобразное живое цѣлое, имѣющее свое типическое развитие, теченіе и кризисъ.

Отдаленными причинами болѣзней Платонъ считалъ нарушение нормальной связи между тѣломъ и душою²⁾, а такъ какъ полной гармоніи между ними не бываетъ въ дѣйствительности, то отсюда вытекаетъ легкая заболѣваемость человѣка, проявляющаяся больше всего тогда, когда напр. великая сильная душа заключена въ щедушномъ и хиломъ тѣлѣ, или наоборотъ тогда, когда тѣлесная жизнь беретъ перевѣсъ надъ душевною³⁾. Въ особенности же недостатокъ самообладанія и воздержности въ пищѣ и напиткахъ, издѣлія слишкомъ сложной кухни и излишества половья считаются Платономъ частой причиной болѣзней⁴⁾, далѣе чрезмѣрная теплота и чрезмѣрный холодъ⁵⁾, а такъ же всякая переѣмна въ образѣ жизни (*μεταβολή*)⁶⁾. Но одни внѣшнія вліянія сами по себѣ не въ состояніи причинить болѣзнь безъ внутренняго расположенія организма. Если же въ послѣднемъ есть уже задатки болѣзненности или значительная склонность къ заболѣванію, то нѣтъ почти надобности во внѣшнемъ поводѣ для развитія болѣзни: „для болѣзненнаго тѣла достаточно малѣйшаго повода, чтобы подвергнуться заболѣванію; иногда же и безъ всякаго внѣшняго повода является въ немъ внутренній разладъ“⁷⁾. Что касается механизма происхожденія болѣзни, то согласно Платону, какъ уже указано выше, проявленіе извѣстнаго эгоизма въ животной экономіи организма можетъ вызвать то избытокъ, то недостатокъ отдѣльныхъ элементовъ и перемѣщенія частицъ изъ одного мѣста въ другое. Ненормальная же убыль или прибыль отдѣльныхъ частицъ обуславливаетъ различныя измѣненія, болѣзни и безчисленные случаи смерти. Слѣдовательно страданіе часто имѣетъ свою причину и основаніе внутри самаго организма и нѣтъ даже надобности ни въ избыткѣ, ни въ недостаткѣ вещества или силы, чтобы вызвать болѣзнь, а для этого достаточно одного только нарушенія взаимныхъ отношеній между отдѣльными составными частями организма.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что патологія Платона основывается главнымъ образомъ на нарушеніи равновѣсія и гармоніи въ ко-

¹⁾ Tim. 430, St. 89: „ἐκ μικρῶν μεγάλα καὶ πολλὰ ἐξ ὀλίγων νοσήματα γίνεσθαι.“

²⁾ Tim., 426, St. 87.

³⁾ Тамъ же и 427, St. 88.

⁴⁾ Protagoras, ed. St., 358, Gorgias, ed. St. 499, 518.

⁵⁾ Tim., 291, St. 22.

⁶⁾ De legibus, VII, 797.

⁷⁾ De statu, VIII, St. 557.

личествѣ и качествахъ элементовъ и прониканіи соковъ въ чуждыя, несвойственныя имъ мѣста. Вотъ что говорить объ этомъ самъ Платонъ:

„Такъ какъ тѣло состоитъ изъ четырехъ элементовъ, земли, огня, воды и воздуха, то противоположное прибавленіе и уменьшеніе ихъ, а равно перемѣна мѣста и воспринятіе огнемъ и другими элементами того, что имъ не свойственно,—все это влечетъ за собою расстройство и болѣзнь, ибо когда каждый элементъ и перемѣна мѣста происходятъ противоположно, то прежде охлажденное согревается, а сухое становится влажнымъ. То же бываетъ съ тѣмъ, что легко и съ тѣмъ, что тяжело. Все это подвержено различнымъ измѣненіямъ, ибо сохраненіе и здоровье бываетъ только тогда, когда однородное соединяется и разъединяется съ однороднымъ, но въ одной и той же части одинаковымъ образомъ и пропорціонально. Всякое же отступленіе отъ этихъ правилъ причиняетъ многообразнѣйшія различія и безконечное число болѣзней и расстройствъ. Далѣе, такъ какъ сообразно съ природою существуютъ соединенія второй степени, то желающему размышлять представляется второе наблюденіе надъ болѣзнями, ибо, такъ какъ мозгъ, кости, мускулы и сухожилья составлены изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, а равно кровь, которая, хотя инымъ образомъ, возникла изъ тѣхъ же элементовъ, то остальныя болѣзни происходятъ, правда, отъ той же причины, какъ и прежнія, главнымъ же образомъ отъ расстройства вслѣдствіе извращеннаго происхожденія названныхъ частей. Именно, сообразно съ природою, мускулы и сухожилья образуются изъ крови, и притомъ сухожилья изъ родственной имъ волокнины, мускулы изъ вещества крови, створаживающагося послѣ выдѣленія волокнины, что же касается тягучаго и жирнаго вещества, остающагося послѣ образованія мускуловъ и сухожилья, то оно, подобно клею, связываетъ мускулы съ костями и въ то же время служитъ пищей для роста костей вокругъ мозга, частью же процеживается сквозь толщу костей и, какъ чистѣйшій и самый гладкій и жирный видъ треугольниковъ, наливается капля по каплѣ изъ костей, орошаетъ мозгъ. Если все происходитъ сказаннымъ образомъ, то возникаютъ болѣзни. Ибо, если растворенные мускулы изливаютъ разжиженную массу обратно въ сосуды, то въ сосудахъ течетъ, въ сочетаніи съ воздухомъ, много различной крови, разнообразнаго цвѣта и горячаго, кислаго и соленаго свойства одновременно съ различнаго рода желчью, лимфой и слизью, ибо когда все это возникло извращеннымъ путемъ и испорчено, то оно прежде всего разрушаетъ кровь и, не служа пищей для тѣла, обращается повсюду въ сосудахъ, не придерживаясь больше порядка естественныхъ теченій, во враждѣ съ самимъ собою, не находя въ себѣ наслажденія и въ разладѣ съ остающимися на мѣстѣ въ тѣлѣ частями, которыя оно разрушаетъ и растворяетъ“¹⁾.

Итакъ различіе болѣзней по Платону происходитъ отъ порчи соковъ вслѣдствіе нарушеннаго нормальнаго отношенія между ихъ элементами. Очевидно у Платона встрѣчаемся съ тѣми же гуморально-патологическими взглядами, какія господствовали и у гиппократиковъ. Такъ какъ кровь происходитъ изъ элементовъ организма, то при неравномѣрномъ ея распредѣленіи, она получаетъ дурныя качества, вслѣдствіе чего бываетъ также порча развивающихся изъ нея тканей, въ свою очередь насыщаю-

¹⁾ Tim. 413—415, St. 82, 83.

щихъ кровь все болѣе и болѣе вредными веществами, такъ что тѣло перестаетъ получать изъ крови питательныя для него составныя части и естественный порядокъ нарушается. Кровь получаетъ преобладающій черный (венозный) цвѣтъ и превращается въ такъ называемую „черную желчь“, къ каковому названію, по мнѣнію Lichtenstädt'a (I. с. 136), вѣроятно подала поводъ черное окрашиваніе свернувшейся крови, извергаемой при геморроѣ и „черной болѣзни.“ Приводимъ здѣсь въ сокращеніи дальнѣйшія мысли Платона объ этомъ предметѣ:

При раствореніи и омертвѣніи старыхъ, плотныхъ мышечныхъ частей образуется черная желчь, при развѣденіи ихъ—горькая и вредная для здоровыхъ тканей, при раздраженіи же горечи—кислая, отъ примѣся крови—красная, а отъ смѣся послѣдней съ черною—зеленая. При раствореніи нѣжныхъ молодыхъ мышечныхъ волоконъ подъ вліяніемъ огня происходитъ желтая желчь. Лимфа, содержащаяся въ крови, есть нѣжная кровяная жидкость; лимфа, содержащаяся въ черной, кислой желчи—остра вслѣдствіе присоединенія соленого свойства отъ теплоты и тогда она называется кислую слизью. Отъ растворенія молодого нѣжнаго мяса въ смѣся съ воздухомъ происходитъ бѣлая слизь. Изъ слизи же образуется водянистый потъ, слезы и все изливающееся ежедневно изъ тѣла. Если отдѣльныя мышечныя волокна расщеплены вслѣдствіе болѣзни, но остовъ ихъ сохранился, то разстройство еще не полное, ибо еще возможно восстановление ¹⁾. Гораздо хуже дѣло, когда разрушеніе переходитъ на ткани, соединяющія мускулы съ костями, причемъ образуются острия и соленныя влаги, отслаивающія мускулы и сухожилія отъ костей и развѣдающія самыя кости, которыя, раздробляясь и разрушаясь, обусловливаютъ злокачественность переходящихъ въ кровь соковъ и происходящихъ отсюда болѣзней. Самыя же опасныя и злокачественныя болѣзни происходятъ отъ порчи мозга ²⁾.

Третій рядъ болѣзней происходитъ отъ воздуха, слизи или желчи.

Воздухъ подаетъ поводъ къ происхожденію разныхъ болѣзней въ легкихъ (отъ загражденія воздуху у выхода изъ легкихъ вслѣдствіе закупоренія послѣднихъ слизью), а также причиняетъ боли отъ задержанія его въ остальныхъ частяхъ тѣла. Если воздухъ проникаетъ въ мускулы, связки и сухожилія, то производитъ судороги и столбнякъ (*νοστήματα τέτανσι καὶ δλιωδόνουσι*) ³⁾.

Бѣлая слизь (лимфа, серозная жидкость), приливая къ кожѣ, производитъ сыпи, пятна и другія нажныя болѣзни, а поднимаясь въ соединеніи съ желчью въ голову, затемняетъ чувства и разумъ и причиняетъ паучью болѣзнь. Острая (кислая) и соленая слизь есть источникъ всѣхъ болѣзней, сопряженныхъ съ жидкими истеченіями изъ тѣла (*καταρροϊκά*) ⁴⁾.

Желчь, распаяясь, причиняетъ большую часть острыхъ воспалительныхъ болѣзней, причемъ образуются выдающіяся наружу припухлости или внутреннія разрушительныя

¹⁾ Tim., 415—417, St. 83.

²⁾ Тамъ же, 417—418, St. 84.

³⁾ Тамъ же, 419, St. 84.

⁴⁾ Тамъ же, 420, St. 85.

болѣзни, особенно при сгущеніи крови. Если же разгоряченная желчь устремляется исключительно по направленію внутрь, то развивается высокой жаръ, особенно при переходѣ пораженія на мозгъ, гдѣ разрывается связь души съ тѣломъ. При меньшей же напряженности болѣзни и большомъ сопротивленіи тѣла желчь выходитъ либо черезъ кожу [критическій потъ], либо черезъ кишечный каналъ [простой и кровавый поносъ] ¹⁾.

Отъ избытка огня происходятъ постоянныя (*ξυνεχῆ*) лихорадки, отъ избытка воздуха—ежедневныя (*ἀμθημεροί*), отъ избытка воды—трехдневныя (*τριημεροί*), отъ избытка земли—четырёхдневныя (*τεταρτοί*), самыя трудно-излечимыя лихорадки ²⁾.

Къ *душевнымъ* болѣзнямъ Платонъ, кромѣ сумасшествія въ тѣсномъ смыслѣ, относитъ еще невѣжество (неразуміе). Слишкомъ сильныя наслажденія, чрезмѣрная боль рассматриваются Платономъ какъ самыя величайшія душевныя болѣзни, ибо у одержимыхъ ими душа становится неразумной и больною отъ тѣлесныхъ причинъ, неспособна ни видѣть, ни слышать, какъ слѣдуетъ, приходитъ въ возбужденное состояніе и неспособна въ это время разсуждать. Каждое измѣненіе во внутреннемъ строеніи организма и составляющихъ его элементахъ причиняетъ помраченіе души. Сюда относится въ особенности обращеніе въ тѣлѣ замкнутыхъ и не находящихъ себѣ выхода горькихъ и желчныхъ соковъ, а также кислой и соленой слизи. Злой воли собственно не существуетъ самой по себѣ, а люди становятся дурными въ слѣдствіе болѣзненныхъ свойствъ тѣла и небрежнаго воспитанія, порождающихъ дурную волю, недомоганіе, уныніе, а также смѣлость или трусость, забывчивость и невѣжество, которыя усиливаются отъ дурныхъ учреждений. Самое величайшее вліяніе на здоровье и болѣзнь, на добродѣтель и порокъ производитъ равновѣсіе между душею и тѣломъ. Если душа сильнѣе тѣла, то является стремленіе къ изслѣдованію, которое ведетъ, правда, къ исхуданію тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ обученію и знанію. Если же тѣло преобладаетъ надъ душею и сочетается съ мелкимъ и слабымъ умомъ, то на первый планъ выступаютъ сильныя движенія тѣлесной жизни, которыя дѣлаютъ душу тупой, невѣжественной, забывчивой и порождаютъ величайшую душевную болѣзнь—неразуміе. Единственное средство въ подобныхъ случаяхъ—поддерживать равновѣсіе между душевными и тѣлесными движеніями, а потому занимающійся математическими науками или другимъ, требующимъ напряженія, умственнымъ трудомъ долженъ заботиться о движеніи тѣла и заниматься гимнастикой, и наоборотъ, пекущійся о развитіи тѣла долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставить широкое поле для душевныхъ движеній, возбуждая въ особенности любовь къ музыкѣ, философіи и наукамъ ³⁾.

¹⁾ Tim., 420—422, St. 85.

²⁾ Tim., 422, St. 86.

³⁾ Tim., 423—428, St. 86—88.

Въ области частной патологии находимъ у Платона указанія на глазныя и болѣзни (*ὀφθαλμία*), въ томъ числѣ заразительныя ¹⁾, съ присовокупленіемъ совѣта обращаться только къ специалистамъ ²⁾,—далѣе на отравленія (по поводу яда, убившаго Сократа) ³⁾, подагру, лихорадочныя состоянія ⁴⁾, кожные болѣзни (*ψωρῶν* въ *Gorgias*), дизентерію ⁵⁾, катарры, зависящія отъ истеченія слизи изъ мозга ⁶⁾, нкту (излечиваемую по совѣту врача *Egyximachos*'а задержкой дыханія, глоткомъ воды или чихательными) ⁷⁾, истощеніе послѣ изнурительныхъ болѣзней ⁸⁾. Наконецъ согласно XI кн. „Законовъ“ продажа раба считается недѣйствительной, если онъ

„одержимъ чахоткой, каменной болѣзнію, странгурией, такъ называемой священной (надучей) болѣзнію или другимъ какимъ либо, для большей части людей незамѣтнымъ, большимъ и неизлѣчимымъ недугомъ, тѣлеснымъ или душевнымъ“ ⁹⁾.

Терапія Платона. Подъ словомъ *θεραπεία*, *θεραπεύειν* Платонъ подразумѣваетъ какъ всякаго рода уходъ вообще, такъ и медицинскій въ особенности. Лечение есть возстановленіе первоначальныхъ естественныхъ отношеній:

„Произвести здоровье значить не что иное, какъ возстановить въ тѣлѣ то отношеніе, при которомъ воздѣйствіе и страданіе (господство и повинненіе, *κρατεῖν καὶ κρατεῖσθαι*) совершались бы согласно природѣ“ ¹⁰⁾.

Въ другомъ мѣстѣ лечение разсматривается какъ содѣйствіе скрытому уже въ больномъ организмѣ стремленію къ выздоровленію, вслѣдствіе чего врачебное искусство должно стараться устранять изъ организма вредныя наклонности и будить полезныя ¹¹⁾. Врачебное искусство то разсматривается Платономъ только какъ искусство сохранять здоровье („медицина производитъ здоровье, такъ какъ она есть знаніе того, что здорово), то какъ познание больного и здороваго состоянія, причемъ Платонъ замѣ-

¹⁾ *Gorgias*, 496. *Phaedros*, 256, ed. Steph. Повторяемъ, что сочиненія Платона цитируемъ вездѣ по *Lichtenstädt*'у, I. с., за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ рѣчь идетъ о „*Тимей*“.

²⁾ *Lysis*, 209.

³⁾ *Phaedon*, 117.

⁴⁾ *Alkibiades*, II, 139, ed. Steph.

⁵⁾ *Theaetetus* вначалѣ.

⁶⁾ *Kratylos*, 440.

⁷⁾ *Convivium*, 185.

⁸⁾ *Kritias*, 111.

⁹⁾ „Κάμωνων φθόγη ἢ λιθιῶν ἢ στραγγουριῶν ἢ τῆ καλουμένη ἱερῆ νόσῳ ἢ καὶ ἑτέρῳ τινὶ ἀδήλω τοῦ πολλοῖς νοσήματι μακρῷ καὶ δυσίατῳ κατὰ τὸ σῶμα ἢ κατὰ τὴν διάνοιαν.“ *De legibus*, XI. 916, ed. St.

¹⁰⁾ *De statu* IV, ed. Steph. 444.

¹¹⁾ *Convivium*, ed. St. 186.

часть, что врачъ не въ состояніи судить о цѣнности жизни для извѣстнаго лица, о томъ, не лучше ли для него умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ ¹⁾. Медицинское искусство по Платону бываетъ истинное, которое дѣйствительно даетъ здоровье, и ложное, дающее только призракъ здоровья ²⁾. Къ послѣднему относятся слишкомъ сложное поваренное искусство, равно какъ и другія искусства, придуманныя роскошью и способствующія только одутловатости или раздраженію тѣла, не придавая ему настоящей силы, и вѣроятно къ практикующимъ подобное медицинское искусство относится выраженіе Платона: „идіоты въ медицинѣ, οἱ ἰατρικῆς ἰδιῶται“ ³⁾. Каждое леченіе требуетъ точнаго знакомства съ заболѣвшей частью и ея отправленіемъ, безъ чего оно не можетъ быть успѣшнымъ ⁴⁾. О познаніяхъ врача нельзя судить ни на основаніи результатовъ леченія, ни на основаніи мнѣній, высказываемыхъ людьми, свѣдущими во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ медицины: „о томъ, понимаетъ ли кто нибудь медицину или только говорить, что понимаетъ, можетъ судить лишь врачъ“ ⁵⁾.

Въ области общей терапіи Платонъ выставляетъ слѣдующій основной законъ: нельзя лечить часть безъ цѣлаго, тѣла безъ души. Такъ въ діалогѣ Charmides по поводу извѣстнаго Сократу средства отъ головной боли, послѣдній говоритъ:

„Средствомъ этимъ служить листъ, употребленіе коего однако слѣдуетъ соединять съ заклинаніемъ или священной пѣснью (ἐπωδῆ); если употребленіе листа сопровождается этимъ напѣвомъ, то средство это совершенно излечиваетъ; безъ этой пѣсни листъ остается недействительнымъ“ ⁶⁾.

Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о великой цѣлительной силѣ, которую даетъ вѣра и которая несомнѣнно дѣйствуетъ на общее состояніе, и хотя во времена Платона этотъ способъ потерялъ прежнее довѣріе, тѣмъ не менѣе имъ пользовались для леченія даже въ образованныхъ классахъ. Здѣсь же Платонъ влагаетъ въ уста Сократу слѣдующія слова:

„Врачи (хорошіе) говорятъ, что невозможно лечить одни глаза, а необходимо въ то же время пользоваться и головою, если желаютъ, чтобы поправились глаза, равнымъ образомъ не имѣетъ смысла лечить голову, не пользуя въ то же время всего тѣла. По этой причинѣ они стараются дѣйствовать на все тѣло, установленіемъ опредѣленнаго образа жизни, и пытаются слѣдовательно пользоваться и излечивать часть въ связи съ цѣлымъ“ ⁷⁾.

¹⁾ Charmides, 164—165, Laches 195.

²⁾ Gorgias, 464.

³⁾ Protagoras, 345.

⁴⁾ Laches, 190.

⁵⁾ Charmides, 170.

⁶⁾ Charmides, 155 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же.

Отсюда видно, что хорошимъ Платонъ считалъ лишь того врача, который при каждомъ мѣстномъ страданіи обращалъ вниманіе на общее состояніе. Въ этомъ отношеніи Платонъ идетъ еще дальше Гиппократы, такъ какъ старается придавать медицинскому искусству высшій характеръ, чѣмъ у послѣдователей Гиппократы. Согласно свосму основному воззрѣнію, ставившему духовную жизнь выше тѣлесной, онъ требуетъ не пытаться даже лечить тѣла, не обращая въ тоже время вниманія на душу. Причина почему эллинскіе врачи не могутъ вылѣчить многихъ болѣзней, заключается по мнѣнію Платона въ томъ, что они не знали цѣлаго. При дурномъ состояніи цѣлаго невозможно сохраненіе части, ибо все свойственное тѣлу, какъ дурное, такъ и хорошее, вытекаетъ изъ души, подобно тому, какъ тѣлесное нистекаетъ изъ головы въ глаза. Необходимо поэтому прежде и больше всего лечить цѣлое, если желаютъ благополучія головы и остальнаго тѣла. Поэтому лучшимъ средствомъ для сохраненія здоровья служить усовершенствованіе душевной жизни. При леченіи болѣзни воздѣйствіе на духовную сторону человѣческой природы составляетъ самое главное, всѣ же другіе способы—только второстепенныя средства. Поэтому истиннымъ можетъ считаться лишь тотъ врачъ, у котораго самое глубокое знаніе природы сочetyвается съ высшимъ философскимъ образованіемъ. Этотъ идеаль врачевнаго искусства проводится во многихъ сочиненіяхъ Платона; вездѣ, рядомъ съ гимнастикой и пользованіемъ тѣла по правиламъ искусства помощію лекарствъ и опредѣленной діеты, онъ требуетъ обращенія не меньшаго вниманія на усовершенствованіе души ¹⁾. Вездѣ какъ истиннаго врача онъ изображаетъ того, кто во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ разумно, а разумнымъ считаетъ того, кто всегда стремится согласовать гармонію тѣла съ гармоніей души ²⁾.

Но именно потому, что онъ такъ высоко держитъ знамя медицины, онъ безпощадно бичуетъ врачей-ремесленниковъ, низведшихъ искусство до того, что стараются льстить разнузданнымъ страстямъ и дурнымъ инстинктамъ, умалая по возможности значеніе проистекающихъ отъ нихъ пагубныхъ послѣдствій. Вотъ почему всѣ многочисленныя мѣста, въ коихъ онъ дурно отзывается о врачахъ и которыя могутъ подать поводъ думать, что Платонъ презиралъ медицину и врачей ³⁾, очевидно слѣдуетъ отнести именно къ только что указанному направленію въ медицинѣ.—Что касается собственно терапіи, то у Платона, понятно, о ней можно найти лишь общія указанія, сводъ которыхъ и представимъ здѣсь вкратцѣ.

¹⁾ Phaedrus, 270.

²⁾ De legibus, IX, 591.

³⁾ См. Исторію медицины вып. I, стр. 151.

Пока продолжается дѣйствіе отдаленныхъ причинъ какой нибудь болѣзни, не помогутъ ни лекарства, ни прижиганія, ни разрѣзы, ни священныя заклинанія, ни вѣшанье на тѣло разныхъ вещей ¹⁾. Вообще одного знанія лекарственныхъ веществъ недостаточно, а необходимо еще основательное знакомство съ ихъ примѣненіемъ, почему Платону представляются смѣшными и глупыми тѣ, которые выдаютъ себя за врачей потому только, что умѣютъ назначать теплоту и холодъ, рвотныя и слабительныя, но не знаютъ у кого и когда ихъ примѣнять, каковыя свѣдѣнія составляютъ лишь то, что должно предшествовать умѣнію лечить, но не самое это умѣніе, подобно тому какъ въ музыкѣ вызываніе различныхъ тоновъ составляетъ то, что должно предшествовать ученію о гармоніяхъ, но не самое это ученіе ²⁾.

Полезъа и вредъ извѣстныхъ веществъ только относительны; такъ извѣстное вещество можетъ быть пагубно для растений и животныхъ, но полезно для человѣка. Иное вещество, полезное для наружныхъ частей тѣла, можетъ быть вредно, будучи употреблено внутрь, а годное для здороваго можетъ оказаться вреднымъ для больного. Главную роль при леченіи болѣзней у Платона играютъ очищенія въ обширномъ смыслѣ слова, какъ необходимыя для тѣла, такъ и для души. Цѣль очищеній—удалять все дурное, прочее же (лучшее) оставлять ³⁾. Вообще Платонъ подобно Гиппократу совѣтуетъ какъ можно рѣже прибѣгать къ лекарствамъ, а обращать больше вниманія на образъ жизни. Согласно этому, Платонъ иногда считаетъ желательнымъ довольствоваться *φαυλότερος*, т. е. „менѣе искуснымъ и потому менѣе смѣлымъ врачомъ“ ⁴⁾. По отношенію къ пищѣ Платонъ считаетъ воздержаніе отъ нея въ болѣзняхъ весьма существеннымъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ очищеніе, т. е. кризисъ, особенно въ острыхъ болѣзняхъ, въ коихъ полезны вещи лишь мало питательныя, напр. плодовые соки ⁵⁾. При леченіи иногда представляется необходимымъ противодѣйствовать больному, даже рискуя причинять ему непріятное ощущеніе, примѣняя напр. прижиганіе, разрѣзы, лекарства и голоданіе ⁶⁾, а потому, ради ожидаемой пользы больной долженъ подвергаться даже непріятному ⁷⁾, а медицину и причиняемая ею непріятныя ощущенія слѣдуетъ любить ради здоровья. Съ этой точки зрѣнія позволительно дѣйствовать на больного убѣжденіемъ.

Исправленіе вкуса лекарствъ прибавленіемъ сладкихъ примѣсей было уже извѣстно во времена Платона ⁸⁾; вреднымъ лекарствамъ поэтому слѣдуетъ по его мнѣнію придавать возможно отвратительный вкусъ, дабы ихъ избѣгали.—Устные совѣты, за исключеніемъ случаевъ отлучки врачей, слѣдуетъ предпочитать письменнымъ, такъ какъ происходящія у больного перемены могутъ потребовать новыхъ мѣръ.—При изслѣдованіи больныхъ необходимо обращать вниманіе на состояніе лица, рукъ, груди и сины.

Леченіе должно быть по возможности непродолжительно; что же касается хроническихъ болѣзней, то хотя искусство многое можетъ сдѣлать для сохраненія жизни подвер-

1) De legibus, IV, 426.

2) Phaedrus, 268.

3) De legibus, VIII, 567.

4) Тамъ же, V, 459.

5) Kritias, 115.

6) Phaedrus, 238.

7) Gorgias, 477, 478.

8) De legibus, II, 269.

женныхъ имъ больныхъ, но такое „питаніе болѣзни“ (*усотрофа*) и медленное умирание врядъ ли согласны съ интересами государства, почему Платонъ съ государственно-политической точки зрѣнія считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить подобнымъ больнымъ спокойно умирать. Къ тому же бѣдный и безъ того не можетъ долго лечиться и, предоставленный самому себѣ, либо выздоравливаетъ, либо погибаетъ, а съ него, по мнѣнію Платона, должны бы брать примѣръ также богачи и философы, такъ какъ вслѣдствіе постоянныхъ заботъ о недугахъ тѣла и невозможности посвятить себя высшимъ цѣлямъ, жизнь должна терять для нихъ всякое значеніе ¹⁾.

Быть можетъ, намъ не слѣдовало бы такъ долго останавливаться на медицинѣ философа-утописта, жившаго въ заоблачномъ мірѣ фантазій и, въ заколдованномъ кругу своихъ „идей“ и конечныхъ причинъ, увлекшагося до того, что изъ подъ его ногъ ускользнула всякая реальная почва. И въ самомъ дѣлѣ, земля, согласно его міросозерцанію, оказывается мѣстомъ ссылки, тѣло темницей, а обитающей въ этой темницѣ разумной душѣ постоянно отравляетъ жизнь другая, неразумная, инстинктивная, животная душа. Но ученіе Платона, въ особенности его телеологическое направленіе, играетъ въ историческихъ судьбахъ медицины особенно важную роль. Этимъ ученіемъ завершается древняя возвышенная, идеальновиталистическая доктрина, согласно коей жизнь состоитъ въ постоянномъ взаимодействіи тѣла и духа, который управляетъ и пользуется матеріей для своихъ вѣчныхъ цѣлей. Согласно этой доктринѣ, болѣзни, постигающія низменную матерію, стѣсняютъ свободу духа, который поэтому употребляетъ всяческія усилія для того, чтобы изгнать болѣзнь, каковая борьба и выражается въ симптомахъ болѣзни. Этотъ-то телеологическій взглядъ на организмъ и явленія болѣзни, установленный Платономъ, и есть отличительная черта догматической физіатріи въ ея идеальномъ видѣ. Авторитарія организма обнаруживаетъ на каждомъ шагѣ свою дѣятельность, какъ цѣлесообразную реакцію противъ вредныхъ, чуждыхъ ему вліяній, при содѣйствіи особенной силы, которой для этой цѣли одаренъ организмъ. И этотъ догматизмъ опирается на солидные, повидимому, наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ совокупности условій здороваго организма бросается въ глаза особенная цѣлесообразность, дружное содѣйствіе всѣхъ отправленій и точно рассчитанныхъ средствъ, а потому и во всѣхъ патологическихъ процессахъ нетрудно было отыскать и, пожалуй, доказать такую же цѣлесообразную дѣятельность организма. Примѣромъ

¹⁾ De legibus, II, 405.

могут служить лихорадки, въ коихъ весьма явственно проявляется, во всей своей энергій, жизненная сила. Едва подѣйствовало на организмъ вредное вліяніе, какъ вдругъ весь процессъ жизни обнаруживаетъ повышенную дѣятельность, появляются усиленное біеніе сердца и пульса, ускоренное дыханіе, повышеніе врожденной теплоты, краснота и тургесценція кожи. Какъ близко все это напоминаетъ картину борьбы противъ вторгшагося непріятеля. Наконецъ состояніе больного улучшается одновременно съ появленіемъ сыпи на кожѣ, осадка въ мочѣ или обильнаго пота, борьба миновала, божественное жизненное начало побѣдило, непріятель изгнанъ! Такъ всегда можетъ дѣйствовать только высшая духовная сила ¹⁾.

Этотъ взглядъ мы находимъ отчасти и у Гиппократѣ въ его *vis medicatrix naturae*, но въ идеальную, телеологическую систему, въ догматъ объ автономіи болѣзни, объ автократіи организма, о торжествѣ духа надъ матеріей, онъ былъ возведенъ только Платономъ, котораго поэтому и слѣдуетъ считать истиннымъ родоначальникомъ медицинскаго догматизма.

Первые врачи догматической школы.

Первыми изъ врачей-догматиковъ или *λογικοί, medici rationales*, какъ ихъ называетъ Цельзіій ²⁾, былъ безспорно

Бессаль (около 380 до Р. Х.), сынъ Гиппократѣ, придворный врачъ царя Архелая. Его считаютъ авторомъ нѣкоторыхъ книгъ Гиппократоваго *Сборника*, какъ *Epidem.* II, IV—VII и *Prorrheticon* II.

Драконъ, второй сынъ Гиппократѣ, былъ повидимому болѣе практической врачъ. Ему также приписываютъ *Prorrheticon* II.

Поливій, зять Гиппократѣ, считается авторомъ многихъ неподлинныхъ книгъ *Сборника*, какъ *De natura pueri, De salubri victu, De natura hominis, De affectionibus* и *De morbis* IV. Онъ несомнѣнно выступалъ въ качествѣ преподавателя.

Было бы ошибочно считать этихъ первыхъ основателей догматической медицинскаго школы односторонними догматиками, ибо они располагали значительнымъ запасомъ хорошихъ наблюденій, старались ус-

¹⁾ Cp. Petersen, Hauptmomente in der geschichtlichen Entwicklung der medicinischen Therapie, Kopenhagen, 1877, 67, 68.

²⁾ Celsus, De medicina, ed. Haller. 1772, p. 17. Собственно же „догматиками“ ихъ прозвалъ Галенъ, который этимъ именемъ обозначалъ всѣхъ врачей, жившихъ въ почти 100-лѣтній періодъ отъ смерти Гиппократѣ до начала Александрійской школы. Galen, De alim. facult. in началѣ, ed. Kühn, VI, 454.

вершенствовать семіотику и оставили хорошо составленныя исторіи болѣзней. Только, слѣпо вѣря въ непогрѣшимость умозаключеній и преимущество ихъ передъ опытомъ, они часто вдавались въ теоретическія объясненія, чуждыя духу Гипократа, и въ своихъ поискахъ за конечными причинами создали, подобно Платону, умозрительную этиологию, опираясь не на факты и наблюденія, а на предвзятыя свои идеи о „влагахъ“, „элементахъ“ и вообще о скрытныхъ, гипотетическихъ причинахъ въ производствѣ болѣзней, приче́мъ главную роль въ измѣненіи органовъ и влагъ играли желтая и черная желчь, воздухъ и Рпе́ша, наконецъ слизь и огонь.

Объ *анатоміи* первыхъ догматиковъ рѣчь была уже выше, при изложеніи медицины гипократиковъ ¹⁾, приче́мъ указано было на совершенную ея несостоятельность. Такимъ же характеромъ отличается у нихъ и *физиологія* ²⁾. Здѣсь однако обратимъ еще разъ вниманіе на то, что Поливій первый наблюдалъ высиженныя куриныя яйца, чтобы по нимъ изучать процессы развитія зародыша. Образование послѣдняго, по его мнѣнію, происходитъ отъ теплоты, наподобіе печенія хлѣба, такъ какъ прежде всего отвердѣваетъ наружный слой. Уже Поливій полагалъ, что сѣмя обоихъ половъ смѣшивается въ маткѣ и что полъ зародыша зависитъ отъ преобладающей силы мужскаго или женскаго сѣмени.

Патологія первыхъ догматиковъ—исключительно гуморальная. Эссалъ главными причинами болѣзней считалъ аномаліи желчи и слизи, изъ коихъ послѣдняя, нистекая изъ мозга, подаетъ поводъ къ происхожденію катарровъ; отъ разгоряченія же той или другой происходятъ лихорадки. Къ этимъ причинамъ Поливій прибавилъ еще аномаліи крови и воды. Первоначальнымъ источникомъ этихъ четырехъ влагъ служить желудокъ, ибо въ пищѣ преобладаетъ одна или нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ желудка каждая изъ этихъ влагъ притягивается какимъ нибудь особеннымъ органомъ, а именно кровь притягивается сердцемъ, вода—селезенкой, слизь—мозгомъ, а желчь—печенью. Болѣзнь происходитъ отъ избытка одной или нѣсколькихъ изъ нихъ. Весьма важное значеніе догматики приписывали числу семь, какъ въ отношеніи къ критическимъ днямъ, такъ и въ развитіи 7-мѣсячнаго зародыша и періодическихъ измѣненіяхъ жизни, а также вліянію луны и звѣздъ, равно и основныхъ качествъ на измѣненія элементовъ сообразно съ временами года.

Терапія первыхъ догматиковъ состоитъ по этому въ возстановленіи

¹⁾ См. Выпускъ II, стр. 255.

²⁾ Тамъ же, 259—269.

нарушеннаго равновѣсія между влагами, при помощи средствъ, противо-дѣйствующихъ избытку одной или нѣсколькихъ изъ нихъ. Такъ они старались средствами, поглощающими влагу, изсушать избытокъ послѣдней, освѣжающими—охлаждать жаръ въ болѣзняхъ, возбуждающими—согрѣвать холодъ слизи, наконецъ выводить изъ организма продукты сухости соотвѣтственными же средствами. Особенное же вниманіе они обращали на состояніе желудка и притягивающихъ органовъ, слѣдовательно преимущественно на діететическій способъ леченія ¹⁾).

Вообще говоря, на медицину первыхъ догматиковъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на смѣсь истиннаго гиппократизма и самой бесодержательной діалектики.

Дальнѣйшее развитіе догматической школы.

Другіе врачи догматической школы впали въ еще болѣе бесплодную діалектику. Со смертью Гиппократата и послѣ переворота, произведеннаго имъ въ области медицины, послѣдняя сдѣлалась свѣтскимъ искусствомъ и свѣтской наукой и проникла какъ въ народныя массы, такъ и въ придворныя сферы, гдѣ врачи пріобрѣли вѣсь и большой почетъ. Одновременно съ этимъ у врачей развился вкусъ къ роскоши, богатству, славѣ и удобствамъ жизни. Для достиженія этой цѣли и для удержанія этого блестящаго общественнаго положенія явилась во врачебномъ сословіи потребность утонченнаго и всесторонняго образованія. Понятно, что при такихъ измѣненіяхъ условій простой путь наблюденія природы, указанный Гиппократомъ, болѣе не соотвѣтствовалъ требованіямъ времени. Чтобы выдвинуться изъ массы, оказалась необходимость въ энциклопедическомъ образованіи, въ объемъ котораго должны были войти философія, діалектика, риторика, ловкость и утонченность въ языкѣ и обращеніи. Такимъ образомъ послѣ смерти Гиппократата стремленіе къ простому наблюденію мало-по-малу исчезло, слѣдствіемъ чего было замѣтное отторженіе отъ него врачей. Правда, нѣкоторое время его „Афоризмы“ и „Правила“ служили еще предметомъ удивленія и образцомъ для его ближайшихъ родственниковъ, но это происходило больше отъ чувства родственнаго благочестія, такъ какъ вскорѣ и у нихъ получило преобладаніе теоретическое направленіе. У ближайшихъ преемниковъ Гиппократата первые шаги въ этомъ направленіи были еще робки, но чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ умозрительное направленіе въ медицинѣ,

¹⁾ Вып. II, 284, 315, 390. Ср. также Bouchut, Hist. de la médecine 1873, I, 415; Hесker, Gesch. d. Heilkunde, 1822, I, 180—183.

очевидно подѣ влияніемъ философіи дня, каковою была философія Платона, который въ своемъ *Тимей*, какъ мы видѣли, обработалъ физиологическіе и медицинскіе вопросы въ болѣе поэтической, чѣмъ философской или научной формѣ. Послѣдователи догматической школы, увлеченные идеализмомъ Платона, слѣпо увѣровали во всѣ его произвольныя мнѣнія, а остроуміе, съ какимъ онъ ихъ развивалъ, признали за непогрѣшимый критерій истины. Такимъ образомъ вымыслы фантазіи, ничѣмъ не доказанныя, стали предметомъ нескончаемыхъ ученыхъ диспутовъ и діалектическихъ хитросплетеній, надолго задерживавшихъ прогрессъ науки и совершенно отгѣснившихъ на задній планъ опытъ и наблюденіе.

Особенно долго продержались у послѣдователей догматической школы: ученіе Платона о прониканіи части питья въ легкія съ цѣлью охлажденія сердечнаго жара, о роли „гармоніи“ въ отравленіяхъ организма (такъ одинъ догматикъ принималъ даже, что произражденіе происходитъ отъ „гармоніи, состоящей изъ трехъ симфоній“¹⁾), далѣе теорія о происхожденіи 7 родовъ катарровъ отъ столькихъ же истеченій слизи изъ мозга (ῥόου), о роли Рнеума въ дыханіи, наконецъ ученіе объ элементахъ и влагахъ, причемъ одни считали главными составными частями тѣла только желчь, или только кровь, или только слизь²⁾, другіе же огонь и воду, причемъ дошли даже до понятія о „влажныхъ частяхъ огня“ и „сухихъ частяхъ воды“³⁾.

Наибольшая запутанность и самыя грубыя заблужденія господствовали въ области *анатоміи*, въ особенности въ ученіи о „перекрестѣ“ сосудовъ. Къ относящимся сюда врачамъ догматической школы принадлежать:

Syennesis изъ Кипра (360 до Р. Х.). Онъ училъ, что всѣ сосуды начинаются въ области бровей и начиная отсюда перекрещиваются и идутъ къ спинѣ и легкимъ и притомъ такъ, что лѣвые направляются къ печени, правой почкѣ и правому яичку, а правые къ селезенкѣ, лѣвой почкѣ, лѣвому яичку и наружнымъ половымъ частямъ⁴⁾.

Діогенъ изъ Аполлоніи придерживался теоріи о двухъ большихъ сосудахъ по бокамъ позвоночнаго столба, идущихъ черезъ животъ въ оба бедра и мимо ключицъ къ головѣ. И здѣсь принимается перекрестъ развѣтвленій.

¹⁾ De Victu 1.

²⁾ См. Выпускъ II, 284.

³⁾ De Victu, 29. Ср. Hecker, l. c. 204.

⁴⁾ Aristotel, Historia animal. l. III, c. 2.

Эти большіе стволы находятся въ связи съ сердцемъ. Другая пара идетъ черезъ грудь и подмышки въ верхнія конечности, печень и селезенку. Отъ первой пары также идутъ вѣтви къ печени, селезенкѣ и почкамъ ¹⁾. Діогенъ принималъ, что зародышъ происходитъ только отъ одного мужскаго сѣмени и что мальчики уже вполнѣ развиваются въ 5 мѣсяцевъ.

Diochirrus изъ Коса (370 до Р. Х.), ученикъ Гиппократъ, раздѣлялъ мнѣніе Платона о прониканіи питья въ легкія. Онъ оставилъ сочиненія о медицинѣ и прогностикѣ и запрещалъ пить въ лихорадкахъ.

Philistion изъ Lokri, современникъ Платона, считалъ теплоту главнымъ моментомъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ и слѣдовалъ взглядамъ Платона на охлаждающую роль дыханія. Вторая книга *De victu* приписывается ему ²⁾. Онъ занимался также анатоміей и хирургіей.

Изъ книдскихъ врачей сюда относятся:

Eudoxus (около 366 до Р. Х.), законодатель, астроломъ и врачъ, внесъ ученіе Пиагогора о числахъ въ медицину и изучалъ медицину жрецовъ въ Египтѣ, куда въ 366—364 г. его сопровождалъ ученикъ его

Chrysippus (340 до Р. Х.) ³⁾, также послѣдователь Пиагорейской школы, согласно съ воззрѣніями которой держался принципа невмѣшательства и употребленія преимущественно растительныхъ лекарствъ ⁴⁾. Онъ въ особенности вооружался прогивъ терапіи Гиппократъ, при кровотеченіяхъ и воспаленіяхъ примѣнялъ перевязываніе членовъ ⁵⁾, кровопусканіи же и слабительныя рѣшительно отвергалъ. Замѣчательно также его пользованіе водянки въ ящикѣ для пота (πίθος περίαξ). Изъ учениковъ его замѣчательны:

Метродоръ, зять Аристотеля, учитель Эразистрата, писавшій между прочимъ о капустѣ, далѣе Аристонъ, Ферекидъ и извѣстный своими неудачными леченіями Akesias, наконецъ Hermiprus, Andreas изъ Каристы и Histomachus, которые написали къ сожалѣнію не дошедшія до насъ сочиненія по исторіи медицины ⁶⁾. Самымъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ догматиковъ считается:

Діонлесъ изъ Каристы (350 до Р. Х.). Онъ жилъ въ Афинахъ и Галенъ ставитъ его рядомъ съ Гиппократомъ ⁷⁾. Онъ первый дѣлалъ научныя вскрытія на животныхъ и тѣмъ проложилъ путь истинной анато-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Galen, De natur. facult. l. II, c. 8; De usu respir. I. De aliment. facult. l. I.

³⁾ Diogenes Laërt., l. VIII, Sect. 86, 89. О другихъ врачахъ того же имени см. Sprengel, I, 473 и Hecker I, 209.

⁴⁾ Plinius, Histor. natural., l. XXVI c. 2.

⁵⁾ Galen, De Venaesect. adv. Erasistr. c. 7.

⁶⁾ См. Вып. II, стр. 195.

⁷⁾ Galen, De diebus critic. C. 1. 2. 3.

мін, между прочимъ возстаеъ противъ господствовавшаго до него ученія о развѣтвленіи сосудовъ. Въ области физиологіи онъ доказываетъ, что сѣмя не есть пѣна, такъ какъ оно тяжелѣе воды, вообще онъ здѣсь обнаруживаетъ вліяніе Пивагора, въ особенности въ ученіи о развитіи, при чемъ придавалъ важное значеніе числамъ семь и девять:

„На 9 день показывается нѣсколько кровяныхъ точекъ, на 18 начинается движеніе сердца, на 27 въ слизистой оболочкѣ показываются слабыя слѣды спиннаго и головнаго мозга“¹⁾.

Въ патологіи онъ хотя и придерживался Гипократа, но динамическія силы играютъ у него болѣе значительную роль. Онъ первый выразилъ мнѣніе, что каждая лихорадка есть только симптоматическое явленіе (ἐπιγένημα); потъ же есть по его словамъ противоестественное, болѣзненное явленіе²⁾. Онъ отдѣлялъ Pneumoniā отъ Pleuritis и первый отличилъ подкожную водянку (Hyposaraka) отъ Ascites вслѣдствіе заболѣванія печени (ήπατις) и селезенки (σπληνίτης)³⁾, при чемъ, вопреки своему взгляду на потъ, примѣнялъ потогонный способъ леченія. Діоклесъ считается самымъ древнимъ комментаторомъ Гипократа, но его собственныя многочисленныя сочиненія о болѣзняхъ, de materia medica, хирургической повязкѣ и проч. погибли.

Изъ нихъ сохранились только отрывки, которые Kühn (Lips. 1820) и M. F r ä n k e l (Berolini 1840) собрали изъ прошеведеній Soranus'a, Целія Авреліана и Орибазія, у коихъ они разсѣяны. Между ними названы сочиненія Діоклеса о гимнастикѣ, семяотикѣ (у Сорана), о прогностикѣ, лихорадкѣ, выдѣленіяхъ (liber prognosticus, de febribus, de egestionibus у Целія Авреліана). Самыя же замѣчательныя изъ его сочиненій слѣдующія: 1) περί παρασκευῆς ἀνατομικῆς — объ анатомическомъ препарованіи, первое, известное по этой части Галену⁴⁾, 2) περί ὑγιεινῶν — о діететикѣ, 3) περί γυναικείων — о гинекологіи, въ 12 книгахъ, часто упоминается Сораномъ, 4) περί τῶν κατ'ἰητρείων — о врачебномъ кабинетѣ, наконецъ 5) весьма знаменитое сочиненіе о болѣзняхъ, причинахъ и леченіи (πάθος, αἰτία, θεραπεία). Что касается его комментаріевъ къ Гипократу, то Haeser полагаетъ, что они быть могутъ быти его собственныя сочиненія подъ тѣми же заглавіями (Haeser, l. c. I, 227). Есть и вѣмекій переводъ отрывковъ Діоклеса въ Gruner'a Bibliothek d. aelteren Aerzte II.

Весьма знаменитъ былъ также современникъ Діоклеса,

Ррахагогазъ изъ Коса (335 до Р. X.), сынъ Никарха, послѣдній изъ рода асклепіадовъ. Хотя онъ еще не вскрывалъ человѣческихъ труповъ, но тѣмъ не менѣе оказалъ наукѣ громадныя услуги, какъ своими анатомическими открытіями, такъ и обширной ученостью, практической дѣя-

¹⁾ Oribasius, ed. Daremberg, III, 78.

²⁾ Galen. Hist. Philos. c. 39. De symptom. diff. c. 6.

³⁾ Caelius Aurelianus. Chronic. l. III, c. 8.

⁴⁾ Galen, De administr. anatom. l. II, c. 1.

тельностью и талантомъ образоватъ учениковъ. Главное его открытіе заключается въ рѣзкомъ отличіи венъ отъ артерій, которыя, по его мнѣнію, активно производятъ пульсъ и въ которыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ обращается жизненный воздухъ и только при раненіяхъ появляется и кровь вслѣдствіе присасыванія изъ всѣхъ частей. Благодаря этому открытію въ семіотикѣ получило право гражданства ученіе о пульсѣ; при этомъ онъ обращалъ вниманіе на различіе пульса въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. На головной мозгъ онъ, по какой то счастливой догадкѣ, уже смотрѣлъ какъ на придатокъ спиннаго мозга ¹⁾ и, хотя онъ повидимому уже зналъ нервы, но начало ихъ принималъ отъ „бѣлыхъ“ оболочекъ около сердца, быть можетъ вслѣдствіе современныхъ ему взглядовъ на сердце, какъ на мѣстопребываніе ощущеній. Вообще Праксагоръ, какъ и гиппократики, былъ приверженцемъ гуморальной патологіи, только вмѣсто 4 кардинальныхъ влагъ онъ уже совершенно „догматически“ принималъ ихъ 11, а именно: сладкую, γλυκὺς, однородную, ἰσχυράτος, стекловидную, ἀλῶδης, кислую, ἄξις, селитрянную, πικρῶδης, соленую, ἀλῶδης, горькую, πικρῶδης, зеленую, πρασιῶδης, желтую, λευκῶδης, раздражающую, ζυσηκῶδης, и застаивающуюся, στάσιμος ²⁾. Мѣстопребываніе лихорадки, по его мнѣнію, находится въ части полой вены между печенью и почкою. Теплоту тѣла онъ считалъ не врожденной (ἐμφυτον), а приобретенной (ἐπικτητον). Онъ считалъ лихорадку злокачественной между 12 и 17-лѣтнимъ возрастомъ и вѣрно описалъ перемежающуюся лихорадку, осложненную безпамятствомъ и сонливостью ³⁾.

Что же касается терапіи, то въ ней онъ совершенно удался отъ Гиппократа. При воспаленіяхъ кишекъ употреблялъ соленныя слабительныя и рвотныя, а также вдунаніе воздуха въ задній проходъ, чтобы вызвать спасительную по его мнѣнію рвоту каломъ. При „кишечной подагрѣ“ (запираниіи кишекъ) онъ употреблялъ разминаніе живота и рекомендовалъ повидимому вскрытіе кишекъ и зашиваніе ихъ по опороженіи ⁴⁾. Примѣненіе кровопусканій онъ ограничилъ и при воспаленіи легкихъ послѣ пятого дня совершенно отвергаетъ, но придаетъ большое значеніе рвотнымъ и воздержанію отъ пищи. Сочиненія его о всѣхъ почти отрасляхъ медицины существовали еще за 200 лѣтъ до Р. X.

¹⁾ Galen, De usu part, l. VIII, c. 12.

²⁾ Ruff. Ephesus, De partib. hom. l. 1, 44, Ed. Clinch. London 1726.

³⁾ Cael. Aurel., Acut. l. II, c. 10.

⁴⁾ „Temerariam volvuli chirurgiam proponit“ Cael. Aurelianus, de acutis l. III, c. 17.

Сюда относятся сочиненія объ анатоміи, діагностикѣ, о распознаваніи острыхъ болѣзней (*διαφορατικῶν βῆσεων*), объ осложненіяхъ (*ἐπιγενόμενα*), о терапіи, въ томъ числѣ о воздержаніи отъ пищи, о *materia medica*, а также *φυσικὰ συνεδρεύοντα*, de peregrinis passionibus, de morbis, de plantis. Ср. Haeser l. c.

Со временъ догматической школы беретъ начало запрещеніе питья въ лихорадочныхъ болѣзняхъ, каковой методъ, снова принятый нѣкоторыми за нѣсколько десятилѣтій, стоилъ жизни не одному тифозному больному. Между учениками Праксагора болѣе другихъ выдаются: Герофилъ изъ Халкедоніи, величайшій изъ анатомовъ древности, вскрывавшихъ людей, о которомъ подробнѣе рѣчь впереди; Philotimus, извѣстный какъ анатомъ и хирургъ, Plistonikus, смотрѣвшій на пищевареніе, какъ на процессъ гніенія. Галенъ упоминаетъ еще о догматическомъ врачѣ Mnesitheus, жившемъ въ Аѳинахъ и написавшемъ медицинскую энциклопедію, въ которой представилъ полную носо-логическую систему ¹⁾. Наконецъ Цельзіій упоминаетъ еще о современникѣ Праксагора, нѣкоемъ Петронѣ, какъ чудака-догматикѣ, который заставлялъ лихорадочныхъ больныхъ потѣть подъ множествомъ одѣялъ, а въ ремиссіи пить холодную воду, по окончаніи же лихорадки назначалъ жаркое изъ свинины, вино и слабительное ²⁾.

Перипатетическая школа.

Аристотель.

Аристотель представляетъ собою небывалый въ исторіи человѣческой мысли примѣръ всемірнаго деспотическаго господства надъ умами людей, продолжавшагося восемнадцать вѣковъ сряду и достигшаго своего апогея особенно въ средніе вѣка. Его поэтому многіе считаютъ „самымъ знаменитымъ представителемъ рода человѣческаго.“ Отмѣнный наблюдатель, вооруженный всѣмъ запасомъ накопившагося до него знанія, онъ внесъ порядокъ и много свѣта въ цѣль познаній, имѣвшихъ до того лишь неопредѣленный и сбивчивый характеръ, и такимъ образомъ создалъ обширнѣйшую и не превзойденную никакой другой въ исторіи литературы энциклопедію, обнимавшую собою физику, метафизику, логику, этику, психологію, астрономію, зоологію, есте-

¹⁾ Galen. De med. method. ad Glaucon. l. I. c. 1.

²⁾ Celsus, De medicina, l. III, c. 9, 147.

ственную исторію, сравнительную анатомію, физиологію, политику, пѣтику, риторіку, словомъ всѣ области тогдашняго человѣческаго знанія, за исключеніемъ математики. Философія досихъ поръ еще живетъ Аристотелемъ. Его маленькій трактатъ „О политикѣ“ содержитъ очеркъ 255 конституцій, вполне примѣнимый и въ наше время. Его отрывки изъ *Поэтики*—быть можетъ наилучшія изъ древнихъ сочиненій по части критики. Онъ первый создалъ теорію механизма мысли и страстей, не потерявшую своего значенія и по настоящее время, а на основаніи сравнительнаго изученія растений и животныхъ первый возымѣлъ мысль о постепенномъ развитіи органической жизни, о послѣдовательномъ рядѣ или лѣстницѣ живыхъ существъ. Онъ первый предвидѣлъ функціи сердца, установивъ фактъ, что этотъ органъ составляетъ исходный пунктъ всей кровеносной системы и тѣмъ сдѣлалъ первый шагъ къ открытію кровообращенія, которому суждено было осуществиться почти только два тысячелѣтія спустя. Наибольшее удивленіе этотъ могущественный и единственный въ исторіи мысли по обширности умъ возбуждаетъ именно столь сильно сказавшимся въ немъ стремленіемъ къ научному объясненію явленій въ такое время, когда науки еще не существовало, равно какъ и этой преобладающей индуктивной наклонностью по каждому вопросу собирать факты, прежде чѣмъ приступать къ его обсужденію ¹⁾. Платонъ со страхомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на этого ученика, котораго назвалъ „разумомъ своей школы.“ Между этими двумя величайшими гениями древности существуетъ глубокое различіе: Аристотель былъ рожденъ для науки, тогда какъ сочиненія Платона носятъ явный антинаучный характеръ. Несравненный метафизикъ, способный къ самой высшей умозрительной діалектикѣ, Аристотель тѣмъ не менѣе выказывалъ почти постоянно влеченіе къ эмпиризму и никогда не терялъ изъ виду міра реальнаго, позитивнаго. Всѣмъ извѣстно, что онъ есть родоначальникъ сенсуализма и что въ немъ натуралистъ способствовалъ образованію философа. Въ этомъ заключается главное его отличіе отъ Платона, вся научная подготовка котораго сводится къ геометріи и который своимъ примѣромъ доказалъ недостаточность геометрическаго метода для изученія природы и жизни.

„Со времени Аристотеля, говоритъ Нескер, еще не было человѣка, который бы блистательнѣе его доказалъ, сколько всеобъемлющій гений въ

¹⁾ Cp. Lewes, Aristotle, a chapter from the history of Science, including analyses of Aristotle's scientific writings, London, 1864, p. 18. Самое капитальное изъ сочиненій объ Аристотелѣ, которое служитъ важнѣйшимъ пособіемъ при изученіи естественно-историческихъ трудовъ послѣдняго.

состояніи сдѣлать при благопріятныхъ условіяхъ, при горячей любви къ наукѣ и неутомимомъ трудѣ. Мало отраслей [тогдашняго] знанія осталось имъ не разработаннымъ, большую часть изъ нихъ онъ совершенно преобразовалъ, намѣтивъ при этомъ пути и законы для ихъ будущаго развитія. Послѣ прежнихъ, сдѣланныхъ до него неудачныхъ попытокъ, онъ, можно сказать, первый вызвалъ къ жизни и прочно установилъ естественныя науки, положивъ въ ихъ основаніе богатый матеріалъ и обширный опытъ. Его многосторонность всегда и во всѣ времена будетъ возбуждать удивленіе. Многіе философы были ему равны и по проникаемости и по глубомыслию, многіе естествоиспытатели при одинаковыхъ благопріятныхъ условіяхъ достигли такихъ же обширныхъ размѣровъ знанія, но въ той и другой области всегда былъ и будетъ одинъ только Аристотель. Съ одной стороны—точно начертанный философскій методъ и строгая діалектика, не смѣющая выходить за указанные предѣлы, съ другой—простое, ясное наблюденіе и созерцаніе природы безъ малѣйшей примѣси философскихъ предразсудковъ. Общеніе съ животрепещущей природой повидимому сдѣлало его могущественнымъ философомъ, а правильное примѣненіе философіи—счастливымъ наблюдателемъ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аристотель, подобно Гиппократу, и въ силу тѣхъ же современныхъ условій, во многомъ ошибался, какъ напр. въ области анатоміи, фізіологіи и даже естественной исторіи, что онъ не предвосхитилъ, какъ иные думаютъ, многихъ открытій, составляющихъ гордость новѣйшихъ временъ; но несомнѣнно также и то, что онъ для естественныхъ наукъ вообще былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Гиппократъ для медицины, онъ первый начерталъ вѣрный путь для ихъ развитія, положивъ въ ихъ основаніе наблюденіе и рационально-эмпирической, индуктивный методъ.

Аристотель²⁾ родился въ 384 г. до Р. Х. или въ 99 олімпіадѣ въ городѣ Стагирѣ (нынѣ Ставре, отсюда его названіе „стагиритъ“), на полуостровѣ Халкидикѣ въ сѣверной Греціи во Фракіи, на западномъ берегу Стримонскаго залива (нынѣ заливъ Соптецца). По матери онъ происходилъ отъ одной халкидской фамиліи; отецъ его Никомакъ, принадлежавшій къ роду кидскихъ асклепіадовъ и производившій себя отъ Ма-

¹⁾ Hecker, Geschichte de Heilkunde. Berlin. 1822, I 229.

²⁾ Біографическія данныя заимствованы нами большею частью изъ сочиненій Lewes'a, I. с. 6—23, и Гогоцкаго, Философскій Словарь, Кіевъ, 1857, ст. Аристотель — Lewes же приводит сочиненія Buhle, Ritter'a, Blakesley, Life of Arist. 1839, Stahr, Dictionary of Greek and Roman Biography 1844. Brandis, Aristoteles u. seine akademischen Zeitgenossen u. nächste Nachfolger, 1853; Zeller, die Philosophie der Griechen, 1860. II. Sp. Lewes, I. с. p. 6.

ха она, былъ придворнымъ врачомъ и другомъ Македонскаго царя Аминты II (398—369). Отецъ и дѣдъ Никомаха также были врачи. Никомахъ написалъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій и назначалъ и сына въ это званіе, котораго самъ нѣсколько времени обучалъ медицинѣ, чему вѣроятно Аристотель немало обязанъ какъ своими успѣхами въ естественной исторіи, такъ и опытнымъ направленіемъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своей философіи. Рано лишившись родителей ¹⁾, Аристотель до 17-лѣтняго возраста вмѣстѣ съ братомъ и сестрою находился на попеченіи у родственника своего Проксена, сына коего, Никанора, онъ впоследствии усыновилъ и женилъ на своей дочери, Писии. Этотъ-то Проксенъ довершилъ его первоначальное образованіе, сообщивъ ему всѣ естественно-историческія знанія того времени. Послѣ его смерти (367 до Р. X.) 17-лѣтній Аристотель отправился въ Аѳины, чтобы поступить въ школу Платона. Этимъ опровергается рассказъ Эпикюра, будто Аристотель велъ въ молодости беспорядочную жизнь и, расточивъ свое состояніе для добыванія средствъ къ жизни, сдѣлался торговцемъ ветошью ²⁾. По прибытіи въ Аѳины, Аристотель не засталъ тамъ Платона, такъ какъ послѣдній въ томъ же году отправился въ Сицилію.

Во время трехлѣтняго странствованія Платона, Аристотель, въ бесѣдахъ съ его послѣдователями, работалъ надъ собою, готовясь слушать его уроки, и по возвращеніи его сдѣлался достойнымъ его ученикомъ. Аристотель оставался въ Аѳинахъ 20 лѣтъ и въ нихъ слушалъ Платона въ теченіи 17 лѣтъ, т. е., почти до самой его смерти ³⁾. Всѣ рассказы о личныхъ неудовольствіяхъ между ними и даже о неблагодарности Аристотеля къ своему учителю вымышлены и основаны только на полемикѣ его противъ Платоновой теоріи идей, которую сочли за личную неприязнь. Подобная клевета опровергается умѣренностью тона этой полемики и тѣмъ, что онъ постоянно отзывался о своемъ учителѣ съ величайшимъ уваженіемъ и даже нѣжностью. До смерти Платона Аристотель не открывалъ своей школы и былъ только извѣстенъ своими лекціями о краснорѣчій, обратившими на него вниманіе Филиппа, царя Македонскаго, съ которымъ еще въ отроческомъ возрастѣ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ 348 г., не задолго до смерти Платона, Аристотель въ сопровожденіи Ксенократа отправился въ Малую Азію къ своему другу Гермію, атарнейскому тирану, который нѣкогда былъ усерднымъ слушателемъ его чтеній о риторикѣ. Когда въ 345 г. послѣдній вслѣдствіе измѣны попалъ въ руки Артаксерса и по его повелѣнію былъ умерщвленъ, то Аристотель бѣжалъ оттуда съ нареченной дочерью (по другимъ конкубиной) Герміа, Писіею, на которой незадолго передъ тѣмъ женился, и отправился въ городъ Митилену на островъ Лесбосъ. Смерть Гермія оплакана имъ въ духѣ стихотворенійхъ. Съ женою онъ повидимому прожилъ счастливо, что видно изъ завѣщанія похоронить его вмѣстѣ съ нею. Въ 343 г. Филиппу Македонскому пришла счастливая мысль пригласить Аристотеля въ наставники къ своему 14-лѣтнему сыну Александру. Воспитаніе это продолжалось четыре года (до 339), послѣ чего Аристотель оставался въ Македоніи еще 4 года. Программа обученія обнимала поэзію, риторику, философію и даже медицину и, подобно тому какъ Аристотель, 17 лѣтъ отроду, по прибытіи въ Аѳины, какъ думаетъ Bernays ⁴⁾, между прочимъ на короткое время выступилъ въ качествѣ врача, точно также и ученикъ его, Александръ Македонскій, впоследствии находилъ удовольствіе

¹⁾ По Lewes'у (I. c. 7). Аристотелю было тогда 17 лѣтъ, но другіе авторы этого не подтверждаютъ.

²⁾ По Lewes'у (I. c. 8) аптекарскими товарами.

³⁾ Тамъ же, 11.

⁴⁾ Bernays, Abhandl. der historisch-philos. Gesellschaft zu Breslau 1858 p. 143. Ср. Haeser, I. c. I, 214.

пользовать своих друзей въ случаяхъ болѣзни ¹⁾ Во время похода Александра въ Индію его сопровождалъ ученикъ и племянникъ Аристотеля Каллисѣенъ, но не самъ Аристотель, какъ полагали нѣкоторые. Ко времени пребыванія въ Македоніи слѣдуетъ отнести, если не всю разработку, то по крайней мѣрѣ завершеніе его великихъ естественно-историческихъ трудовъ, въ которыхъ Филиппъ и Александръ щедро поддерживали Стагирита, особенно при составленіи коллекціи рѣдкостей по части естественной исторіи, послужившихъ матеріалами для „*Исторіи животныхъ*.“ Плиній рассказываетъ, что нѣсколько тысячъ человекъ (охотниковъ, рыбаковъ, птицелововъ и проч.) были отданы въ полное распоряженіе Аристотеля для присканія образцовъ животныхъ, послужившихъ матеріалами при написаніи этого знаменитаго трактата, но это преувеличено ²⁾. Кромѣ того Филиппъ подарилъ ему имѣніе Нурфаеумъ при Миеза, то самое, гдѣ вдали отъ шума двора онъ занимался воспитаніемъ Александра. Съ своей стороны Аристотель не забылъ и своего родного города и тотчасъ по прибытіи ко двору испросилъ у Филиппа позволеніе возстановить разрушенныя стѣны города, завелъ въ немъ гимназію, у лицея и составилъ законы для жителей, которые въ благодарность за эти услуги назвали его именованъ одинъ мѣсяць въ году и ежегодно торжествовали праздникъ, названный въ честь его—Аристотеліей ³⁾. Что касается разсказа, будто Александръ выдалъ ему на естественно-историческія работы 800 талантовъ (1,800,000 талеровъ или около 2,000,000 рублей), то по повѣйшимъ изслѣдованіямъ и это извѣстіе слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. Есть даже основаніе думать, что Аристотель скоро впалъ въ немилость, что видно изъ предпочтенія, оказаннаго Александромъ другимъ философамъ, особенно Ксенократу. Огорченный этимъ, а также жестокимъ обращеніемъ Александра съ Каллисѣеномъ, котораго, въ наказаніе за слишкомъ откровенное порицаніе его жестокостей и разнузданности, Александръ возилъ въ походы, заключеннаго въ кѣтку, —Аристотель, черезъ годъ, по возшествіи уже на престолъ Александра (въ 336 г. до Р. Х.), вернулся въ Аѳины, гдѣ и открылъ въ лицей свою знаменитую „перипатетическую“ школу, затмившую всѣ другія своимъ значеніемъ и численностью учениковъ. Названіе это приписываютъ тому обстоятельству, что Аристотель вслѣдствіе живости своего характера не могъ преподавать, стоя на мѣстѣ, но постоянно ходилъ взадъ и впередъ по аллеямъ лицея въ сопровожденіи толпы учениковъ, оттого и ученики его назывались прогуливающимися философами, перипатетиками ⁴⁾. Въ теченіе 13 лѣтъ оставался Аристотель въ Аѳинахъ, окруженный и обожаемый своими учениками. Къ этому времени относится созданіе его безсмертныхъ философскихъ твореній. Но въ 323 г. Аристотель за дружбу съ Александромъ и какъ иностранецъ навлекъ на себя подозрѣніе патріотической антимакедонской партіи (Демосеена). Предлогомъ къ осужденію его послужило обвиненіе въ богохуленіи, съ какой цѣлью придрались къ гимну, еще равнѣ сочиненному имъ въ честь Гермія. Вслѣдствіе чего,

¹⁾ Plutarch, Alexander, VIII, Ср. Haeser l. c.

²⁾ Plinius, Histor. Natur. l. VIII, с. 16. Гумбольдтъ не нашелъ въ „*Исторіи животныхъ*“ никакихъ намековъ на сходство съ животными, ставшими впервые извѣстными послѣ экспедиціи Александра. Ср. Lewes, l. с. 15.

³⁾ Гогоцкій, l. с.

⁴⁾ Lewes (l. c., p. 16) говоритъ, что названіе это слѣдуетъ приписать не упомянутой привычкѣ Аристотеля ходить во время лекцій, а самой мѣстности, такъ какъ, согласно свидѣтельству Теофраста и Ликона, мѣсто, гдѣ читались эти лекціи, называлось *ὁ περιπατος* (аллея). Лицей же помѣщался въ зданіи устроенной Пизистратомъ гимназіи, вблизи храма Аполлона Ликейя, съ садами для гуляющихъ, парниками и священной рощей.

дабы „не доставить Афинянам другой случай совершить преступление противъ философіи,“ онъ бѣжалъ съ большею частью учениковъ къ своимъ родственникамъ по матери въ Халкиду, на островъ Евбею, гдѣ спустя годъ, а именно въ 322 (который былъ также годомъ смерти Александра), Аристотель умеръ 68 лѣтъ отъ роду, какъ полагають, отъ хроническаго катарра желудка. Оставшимся послѣ него духовнымъ завѣщаніемъ были вполне обезпечены его сынъ Никомахъ, дочь Пнеія и мужъ ея Никаноръ, а также его конкубина Негруллис, рабы же получили „вольныя“ и награды ¹⁾.

Лекціи Аристотеля въ лицѣ раздѣлялись на строго-научныя или спеціальныя (акроатическія), назначавшіяся для болѣе развитыхъ слушателей, которыя читались по утрамъ, и популярныя (эксотерическія) или послѣобѣденныя бесѣды для болѣе многочисленныхъ посѣтителей, о риторикѣ, политикѣ и софістикѣ. Онъ оставилъ невѣроятно большое количество сочиненій, при жизни не обнародованныхъ, которыя перешли къ его ученику и преемнику въ завѣдываніи перипатетической школы, Теофрасту. Изъ нихъ до насъ дошло не болѣе четверти. Вліяніе ихъ на европейскую и даже азіатскую культуру было громадное, дошедшее современемъ до деспотическаго гнета. Въ V вѣкѣ они были переведены на сирійскій, а 400 лѣтъ спустя съ сирійскаго на арабскій языкъ. Сочиненіе его „О логикѣ“ въ латинскомъ переводѣ Боэція положило основаніе схоластикѣ. Деспотизмъ этотъ оставилъ глубокой слѣдъ въ языкѣ и въ области мысли не только почти всѣхъ европейскихъ, но отчасти также азіатскихъ и африканскихъ народовъ ²⁾.

Естественно-историческія сочиненія Аристотеля. Изъ многочисленныхъ сочиненій Аристотеля мы можемъ привести здѣсь только тѣ, которыя имѣютъ для насъ спеціальнй интересъ, а именно, лишь относящіяся къ естественной исторіи, изъ коихъ сохранились:

1. Φυσικῆ ἀκρόασις. Auscultatio physica, трактатъ о природѣ (общее ученіе о природѣ) въ 8 книгахъ. Изъ древнѣйшихъ изданій греческое: Aldi, 1526, Venet., латинское: Саноу. 1473, Pataviae. Изъ новѣйшихъ изданій греческое: Leipzig, 1831, Tauchnitz. Въ немецкомъ переводѣ: Weisse, Leipzig, 1829; Prantl, Leipzig 1854. Во французскомъ: Barthélémy St. Hilaire, La physique d'Aristote, Paris, 1862, 2 vol.

2. Περὶ ζῶων ἱστορίας. De historia animalium. По всей вѣроятности это грандіозное сочиненіе о естественной исторіи, анатоміи и физиологіи животныхъ было закончено при поддержкѣ царя Филиппа еще до порученія Аристотелю воспитанія Александра. Во времена Плинія было еще на лицо 40 книгъ этого сочиненія, изъ коихъ до насъ дошло только 10, въ числѣ которыхъ подлинными считаютъ только одну третъ. Изъ прежнихъ изданій: Florent., 1527, ap. Junt.; въ латинскомъ переводѣ—Gaza, Venet. 1476; греческо-французское: Samus, Paris. 1783, котормъ и ны отчасти пользовались. Изъ новѣйшихъ: Leipzig, 1831, Tauchnitz; но самымъ лучшимъ считается греческо-немецкое изданіе Aubert u. Wimmer'a, Leipzig 1866.—Aristophanes изъ Византіи (240 до Р. X.) сдѣлалъ изъ этого сочиненія извлеченіе подъ заглавіемъ „Ἱστορικὰ ματὰ,“ изъ коего впоследствии для императора Константина IX Мономаха (въ 11 в. до Р. X.) въ свою очередь сдѣлано другое извлеченіе съ прибавленіями изъ Aelian'a, Timotheus'a (жившаго при Анастасіяхъ I и II). Ср. Haever, I, 215.

3. Περὶ ζῶων μερίων. De partibus animalium, въ 4 книгахъ, со-

¹⁾ Diogenes Laërtius у Lewes'a, I. с. 17.

²⁾ Льюисъ, Исторія философіи I. с., 248.

державныхъ богатій матеріалъ анатомико-физиологическихъ данныхъ. Изд. Titze, Prag, 1819 съ нѣмец. переводомъ; Im. Becker, Berol. 1829; Frantzius, съ нѣм. пер., Leipzig, 1853.

4. Περὶ ζῶων γενέσεως. De generatione animalium, 5 книгъ; греч. изд.: Venet., 1526; Im. Bekker, Leipzig, 1829; въ нѣмецкомъ переводѣ Aubert u. Wimmer'a, Leipzig, 1860.

5. Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς. De generatione et corruptione, въ двухъ книгахъ (Moguntini, 1615).

6. Περὶ μακροβιότητος καὶ βραχυβιότητος. De longitudine et brevitate vitae.

7. Περὶ αἰσθήσεως καὶ περὶ αἰσθητῶν. De Sensatione et Sensationis, объ ощущеніи и ощущаемомъ, помѣщено, какъ и предыдущее, въ Сборникѣ Аристотелевскихъ сочиненій подъ назв. „*Parva naturalia*“ (Paris, 1561, латинскос—Venet. 1482 и множество другихъ). Въ составъ „*Parva naturalia*“ входятъ: de sensat. et sensatione, de somno et vigil., de insomniis, de divinatione per somn., de communi animal. motione, de long. et brev. vitae, de juventute et senectute, de vita et morte, de respiratione, de generatione et corruptione и др. Ср. Choulant, Bücherkunde, Leipzig, 1841 p. 48.

8. Περὶ ψυχῆς. De anima, въ 3 книгахъ. Множество древнихъ изданій. Новѣйшія: Trendelenburg, Jena, 1833, съ критической обработкой текста. Tostrik, Berolini, 1862. Во французскомъ переводѣ, съ подробнымъ общимъ планомъ, J. Barthélémy St. Hilaire, Paris, 1846.

9. Μετεωρολογικὰ. Meteorologia, 4 книги. Изданія: Bekker'a, Berolini, 1826; Ideler, Lipsiae, 1834—36; во французскомъ переводѣ: Barthélémy St. Hilaire, Paris, 1862.

10. Προβλήματα φυσικὰ. Quaestiones physicae Изд. Basil. 1531, латинскій переводъ: Rom. 1475, нѣмецкій въ Аугсбургѣ и Ульмѣ, нѣсколько разъ, англійскій—London, 1607.

Что касается другихъ, приписываемыхъ Аристотелю трактатовъ, какъ De mundo, De coelo, De flatu, Physiognomonica и т. д., то они признаны поддѣльными.

Изъ общихъ гречески-латинскихъ изданій, конхъ существуетъ множество, новѣйшее —I. Bekker, Berol, 1831—1834; Heitz—Paris, 1848.

Изъ пояснительныхъ сочиненій самыя важныя:

Jourdain, Recherches critiques sur l'age et l'origine de traductions latines d'Aristote etc., Paris 1819.

Stahr, Aristotelica. 2 Th. 1831.

Gruner, Aristoteles medicinische Fragmente въ Gruner's Bibliothek d. alten Aerzte, Th. 2, 535—578.

Lud. Phillipson, Aristoteles als Naturforscher und hat er Einfluss auf die Medicin gehabt? (Въ Phillipson'a „*Podalirius*“ 1832, 1 Н.).

Его же Ἐπι ἀνθρώπινῃ. P. I. De internarum humani corporis partium cognitione Aristotelis cum Platonis sententiis comparata. Berol. 1831. (Вторая часть посвящена ученію объ ощущеніяхъ до Теофраста и отрывкамъ изъ послѣдняго) ¹⁾.

Наконецъ сюда относится упомянутое уже

G. Lewes, Aristotle, a chapter from the history of Science etc., London. 1864.

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, Leipzig, 1841, 45—57.

Къ этимъ библиографическимъ замѣткамъ считаемъ нелишнимъ прибавить еще нѣсколько словъ

О словѣ Аристотеля. Въ противоположность идеальному мистицизму Платона, облеченному въ поэтически-образную форму, которая именно своею чарующею прелестью была столь неблагопріятна культурѣ и развитію наукъ,—Аристотель создалъ методъ, заключавшій въ себѣ всѣ задатки къ развитію, а потому въ его трактатахъ вмѣсто художественно-драматической формы діалоговъ Платона встрѣчаемъ лишь точную, серьезную, исполненную философскаго достоинства рѣчь, но ему совершенно недостаетъ не только способности къ художественной концепціи, но и къ всестороннему освѣщенію разбираемаго предмета, которое, при отсутствіи первой, столь необходимо для ясности изложенія ¹⁾.

Методъ Аристотеля. Подобно Платону, Аристотель въ основу своего ученія о природѣ, человѣкѣ и государствѣ положилъ изслѣдованіе первыхъ причинъ и сущности вещей, но расходится съ нимъ въ методѣ философскаго познанія. Онъ рѣшительно отвергаетъ Платонову теорію „идей,“ какъ самобытныхъ существъ, которыя одни только имѣютъ дѣйствительное бытіе, внѣ явленій, въ царствѣ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ сущностей. Сынъ врача кинидской школы, съ своимъ яснымъ, проницательнымъ умомъ и всестороннимъ философскимъ и естественно-историческимъ образованіемъ, не могъ раздѣлять подобнаго идеалистическаго взгляда на міръ и замѣнилъ его позитивно-реалистическимъ и критическимъ, полагая сущность вещей въ самихъ явленіяхъ. По мнѣнію Аристотеля только отдѣльные, индивидуальныя предметы и существуютъ и познавать ихъ возможно лишь посредствомъ органовъ чувствъ. Что же касается отвлеченныхъ идей, общихъ истинъ или универсаловъ (τὰ καθόλου), на которыхъ, и по Аристотелю, всегда должна основываться наука, то онъ производитъ ихъ также отъ воспоминаній, но не воспоминаній души объ истинѣ, о прежнемъ пребываніи ея когда-то въ мірѣ идей, какъ полагалъ Платонъ, а отъ воспоминаній о прежнихъ опыта хъ и ощущеніяхъ, посредствомъ которыхъ познаются предметы. Эти ощущенія, накопляясь въ памяти и составляя основу для различныхъ сходствъ и различій предметовъ, слагаются въ общія понятія путемъ наведенія. Согласно Аристотелю, именно, естественный методъ изслѣдованія состоитъ въ собираніи фактовъ или случайностей и въ

¹⁾ Ср. Lewes, l. c. 19, 20.

выводѣ изъ нихъ общихъ причинъ всѣхъ вещей и ихъ дѣйствій ¹⁾ посредствомъ наведенія (индукціи) или „дороги отъ частнаго въ общему“ ²⁾. Этимъ искусствомъ обладаетъ только человекъ и въ этомъ его главное отличіе отъ животныхъ, одаренныхъ памятью, но не знакомыхъ съ опытомъ, т. е. съ искусствомъ обращать память въ опытъ.

„Искусство, говоритъ Аристотель начинается тогда, когда изъ большаго числа опытовъ образуется одно общее понятіе, вмѣщающее въ себѣ всѣ подобные случаи“ ³⁾.—„Если вы знаете, что извѣстное лекарство излечило Калліа отъ извѣстной болѣзни и что тоже лекарство произвело одинаковое дѣйствіе на Сократа и на многихъ другихъ, то это есть опытъ; но знаніе того, что извѣстное лекарство излечитъ всѣ лица, страдающія тою же болѣзнію, есть искусство. Опытъ есть знаніе отдѣльныхъ предметовъ (τῶν καθέκαστα), искусство—знаніе универсаловъ (τῶν καθόλου).“ ⁴⁾.

Въ этомъ отрывкѣ, заключающемъ въ себѣ начало положительной науки и указаніе на отличительные приемы научнаго метода—собираніе частныхъ случаевъ и обобщеніе ихъ, быть можетъ скрывается вмѣстѣ съ тѣмъ намекъ на неизбѣжность этого же метода и для медицины,—т. е. метода индуктивнаго.

Итакъ согласно Аристотелю только всесторонній опытъ можетъ дать полное знаніе, всякая отдѣльная идея пробуждается въ насъ посредствомъ отдѣльнаго ощущенія, различіе между явленіями обнаруживается только изъ сравненія сходнаго съ несходнымъ въ различныхъ явленіяхъ. Аристотель, слѣдовательно, стремился направить людей на наблюденіе и изслѣдованіе природы. Но онъ не пошелъ и въ тотъ вѣкъ не могъ идти дальше по этому пути. Онъ не ограничился наблюденіемъ и обобщеніемъ фактовъ, чтобы дойти до правильныхъ понятій, оставилъ безъ вниманія начало, столь необходимое въ наукѣ,—строгую провѣрку каждаго шага въ индукціи. Въ его время еще слишкомъ мало было накоплено опытовъ, которые можно было бы обобщать съ успѣхомъ, и потому онъ нерѣдко рѣшалъ разные вопросы науки à priori, еще вѣрилъ въ возможность наблюдать первичные факты бытія и конечныя причины и пытался изъ частныхъ фактовъ открывать, вмѣсто законовъ, общія идеи ⁵⁾.

Хотя Аристотелю несомнѣнно принадлежитъ заслуга окончательнаго введенія въ науку индуктивнаго метода (начало, какъ мы видѣли,

¹⁾ *Analyt. Post.* I, 31.

²⁾ *Topic.* I, 10: „ἡ ἄνω τῶν καθέκαστα ἐπὶ τὰ καθόλου ἔφοδος.“ Цитировано по Льюису, *Исторія философіи*, 251.

³⁾ *Metaphys.* I, 1.

⁴⁾ *Analyt. prior.* I, 30 у Льюиса I. с., 252.

⁵⁾ Тамъ же, 253, 254.

сдѣлано еще Гиппократомъ), но самъ онъ въ своихъ твореніяхъ нерѣдко уклонялся отъ этого метода. Вполнѣ признавая важность наблюденія и индукціи, онъ съ какой-то странной непослѣдовательностью признавалъ однако общія понятія (универсалы) лучше извѣстными, нежели частности, больше полагался на силлогизмы, нежели на наблюденія, и примѣнялъ первые, не провѣривъ, основательны ли ихъ послылки ¹⁾. Причину такой непослѣдовательности слѣдуетъ искать повидимому въ системѣ его „*Логикѣ*.“

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности по этому предмету, а достаточно будетъ только отмѣтить его ученіе 1) о *praedicamenta*, о формахъ нашего мышленія или категоріяхъ (отъ *κατηγορέω*—обличаю), коихъ онъ насчитываетъ 10 (бытіе или сущность—*οὐσία*, количество—*πῶσον*, качество—*ποιόν*, отношеніе—*πρός τι*, дѣйствіе—*ποιεῖν*, страданіе—*πάσχειν*, гдѣ—*ποῦ*, когда—*πότε*, положеніе въ пространствѣ—*κεῖθεν*, владѣніе—*ἔχειν*), 2) о *praedicabilia*, т. е. родахъ сказуемыхъ или общихъ названій, которыя раздѣляются на 6 классовъ (родъ—*γένος*, видъ—*εἶδος*, отличіе—*διαφορά*, особенность—*ἴδιον* и случайность—*συμβεβηχός*), наконецъ 3) о доказательствахъ, которыя служатъ связующимъ звеномъ между идеями и чувственнымъ бытіемъ, общими понятіями и индивидуальной жизнью, и которыя основываются на началѣ противорѣчія, вытекающаго въ свою очередь изъ сужденій (*λόγος*), но самому своему характеру положительныхъ или отрицательныхъ („одна и таже вещь не можетъ быть и не быть“). Предметами доказательствъ служатъ признаки или общія свойства отдѣльныхъ вещей. Доказательства по А. составляютъ одну изъ основъ знанія, ибо знаніе бываетъ непосредственное—знаніе высшихъ началъ изъ чувственнаго созерцанія явленій, которое достигается наведеніемъ или восхожденіемъ отъ извѣстнаго намъ къ извѣстному въ себѣ самомъ,—и посредственное, которое состоитъ въ доказываніи посредствомъ умозаключеній или силлогизмовъ, нѣбующихъ задачей отъ какого нибудь общаго начала заключать о частностяхъ. Научное знаніе образуется посредствомъ того и другаго, посредствомъ наведенія и доказыванія (силлогизма), этихъ двухъ главныхъ орудіи логики. Но въ то время (разсуждаетъ А.) какъ частности, отъ которыхъ отправляется наведеніе, лучше извѣстны намъ, ибо доступны нашимъ чувствамъ, которыя однако часто обманчивы,—въ силлогизмѣ наоборотъ общее начало, служащее ему исходною точкою, лучше извѣстно въ себѣ самомъ и не подвержено обману чувствъ. Вотъ почему, по мнѣнію А., силлогизмъ или доказательство заслуживаетъ предпочтенія передъ наведеніемъ, ибо идеи болѣе достоверны, чѣмъ чувства ²⁾. Такимъ-то образомъ онъ опять вернулся къ точкѣ зрѣнія Платона и дошелъ до того, что на практикѣ пренебрегъ своимъ же собственнымъ методомъ индукціи и въ своихъ сочиненіяхъ мало слѣдуетъ по осторожному пути провѣрокъ, а чаще и преимущественно по легкому пути дедукціи или умозаключенія, отправляющагося отъ гадательныхъ предположеній, безъ сличенія ихъ съ дѣйствительностью ³⁾. Это заблужденіе, находящееся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реалистическою точкою зрѣнія Аристотеля, не только сдѣлало безплод-

¹⁾ Тамъ же, 254.

²⁾ Тамъ же, 257—261.

ними всё его усилія, но повело также и естественныя науки по пути, несостоятельность котораго была признана только два тысячелѣтія спустя.

Итакъ Аристотель долженъ былъ заплатить дань своему времени. Древняя наука занималась изслѣдованіемъ не законовъ, а причинъ явленій, которыя представлялись древнимъ въ видѣ удобопознаваемыхъ сущностей. Аристотель, какъ и всё древніе, также допускалъ такія сущности и въ видимомъ мірѣ принималъ четыре подобныхъ начала, какъ:

1) Форма (εἶδος) или внутренняя суть (ἡ οὐσία καὶ τὸ τι εἶναι), такъ сказать raison d'être, сущность или эссенція каждой вещи.

2) Вещество (ἡ ὕλη καὶ τὸ ὑποκείμενον)—матеріальная, субъективная подкладка каждой вещи, служащая субстратомъ для совершаемыхъ въ вещи измѣненій и отличная отъ формы.

3) Движеніе или дѣйствующая причина (causa efficiens, ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως; противоположное ему состояніе—покой или лишеніе движенія, στέρησις).—Движеніе есть начало или причина постоянныхъ измѣненій, происходящихъ въ каждой вещи. Въ животномъ организмѣ, какъ постоянно двигающемся, это начало, вмѣстѣ съ источникомъ чувства и желаній (αισθητικὴ ἀρχὴ) обуславливающее всё животныя отправленія, Аристотель поэтому полагалъ не въ мозгу, а въ сердцѣ. Но такъ какъ ничто въ природѣ не можетъ само по себѣ прійти въ движеніе, то неизбѣжно должно существовать начало всѣхъ отдѣльныхъ движеній, источникъ гармоніи, правильности и красоты міра или

4) Конечная причина всякаго движенія (τὸ οὐ ἔνεκα καὶ τῆ γὰρ ὄν)—causa finalis, цѣль и конецъ, Верховный Двигатель, ничѣмъ постороннимъ не движимый, а движущійся самъ изъ себя, по собственному побужденію, αὐτὸ ἑαυτὸ κινεῖν, живое въ самомъ себѣ и само собою вселенское Цѣлое, отдѣльныя творенія котораго, какъ небесныя тѣла, растенія и животныя, суть также живые организмы (ζῶα) ¹⁾.

И такъ каждая вещь имѣетъ матерію, форму, движеніе и цѣль ²⁾. Матерія есть только пассивная, неразвитая еще возможность (δύναμις, potentia) или основаніе (ὑποκείμενον) того, чѣмъ можетъ быть вещь; опредѣленное, дѣйствительное, реальное бытіе она получаетъ только въ соеди-

¹⁾ Metaphys. I. I с. 3, I. VIII, с. 1, 4; I. XIV, с. 6. Physic. I. II, с. 3, 8, 9, I. VIII, с. 4, 5.

²⁾ Притомъ „вещи, устроенныя случайно какъ бы для опредѣленной цѣли, сохраняются и продолжаютъ существовать, ибо этому благоприятствуютъ условія, тѣ же, у коихъ этого не бываетъ, погибаютъ или погибаютъ (ἀπόλετο καὶ ἀπόλλυται).“ Physica, I. II, с. 8.—Взглядъ совершенно Дарвиновскій!

нені съ формою (εἶδος) ¹⁾. Здѣсь является начало дѣйствія (actus, ἐνέργεια). Изъ одной лишь матеріи, безъ дѣйствительнаго начала (энергіи) ничего не можетъ произойти ²⁾. Это начало есть вмѣстѣ съ тѣмъ и разумъ (νοῦς), и цѣль (το οὐ ἔνεχα), которая осуществляется въ дѣйствіи. Переходъ отъ возможности (δύναμις) къ дѣйствительности (ἐνέργεια) и есть принципъ движенія (causa efficiens), представляющій собой душу, или знаменитую энтелехію (ἐντελέχεια) Аристотеля, которая, слѣдовательно есть не что иное, какъ связь между матеріей и формой, возможностью и дѣйствительностью ³⁾. Что касается конечной причины всякаго движенія, то это самъ Верховный Движитель, Божественный вселенскій разумъ, безусловное, вѣчно-сущее начало, совмѣщающее въ себѣ и матерію, и дѣйствительную форму, и связывающее ихъ начало движенія. И подобно тому какъ Вселенское Начало заключаетъ въ себѣ и Верховнаго Движителя, и все приводимое въ движеніе, точно также идея и явленіе или душа и тѣло суть живыя части одного цѣлаго, составляютъ одно нераздѣльное, единое существо, въ которомъ тѣло есть лишь естественное орудіе души, подобно тому какъ глазъ есть лишь естественное орудіе зрительной способности ⁴⁾.

Такимъ образомъ сущность общаго ученія Аристотеля о природѣ сводится къ внутренней конечной причинѣ измѣненій видимаго міра. Вся природа есть органическое цѣлое, во всякомъ предметѣ есть внутреннее движеніе, зависящее отъ силы формы, какъ цѣли, присущей движенію, а потому всякое бытіе имѣетъ цѣль. Разныя же отступленія и уродливости зависятъ оттого, что въ мірѣ форма не всегда преодолеваетъ матерію. Исходную точку всякаго изслѣдованія должны поэтому составлять, по его мнѣнію, силы, служащія цѣлямъ души (энтелехиі). Стало быть, въ концѣ концовъ міросозерцаніе Аристотеля есть такое же телеологическое, какъ и Платона, только въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Въ частности Аристотель принималъ тѣже основные элементы, что и Платонъ, а именно огонь, воздухъ, воду и землю, возникшіе, по его мнѣнію, изъ первобытнаго элемента, надземнаго эфира, которому одному только присуще вѣчное круговращательное движеніе, тогда какъ видимымъ предметамъ свойственно лишь несовершенное движеніе ⁵⁾. Всѣ тѣла видимаго міра происходятъ отъ смѣшенія основныхъ элемен-

¹⁾ Metaphys. I. XI, c. II; I. VIII, c. 1.

²⁾ De generatione et corrupt. I. II. c. 1; I. I. c. 7.

³⁾ Metaphys. I. IV. c. 12; De anima I. II. c. 2.

⁴⁾ Тамъ же, I. II, c. 1.

⁵⁾ De caelo, I. I, c. 3.

товъ, изъ коихъ огонь и воздухъ суть активныя (κίνητοι), а вода и земля—пассивныя (καθημένοι) элементы ¹⁾.

Разсмотримъ теперь по порядку *физику, анатомию, физиологию, исторію развитія, общую биологию и естественную исторію* Аристотеля.

Физика Аристотеля цѣлкомъ вытекаетъ изъ его теоріи движенія, разсматриваемаго имъ, какъ и всѣми древними, какъ сила (энергія), противоположная покою,—состоянію, къ которому стремится всякое движущееся тѣло. (Нынѣ какъ извѣстно покой считается состояніемъ равновѣсія между двумя равными, но противоположными силами). Аристотель опредѣляетъ движеніе какъ переходъ отъ возможнаго къ дѣйствительному бытію:

„Движеніе есть энергія того, что существуетъ въ возможности, дѣятельное (активное) состояніе движимаго, въ которое оно приводится движущей силой“ ²⁾.

Брошенное тѣло въ воздухѣ продолжаетъ двигаться либо въ силу реакціи (δὲ ἀντιπερίστασις), либо отъ движенія воздуха, въ пустомъ же пространствѣ самопроизвольное движеніе невозможно, а потому *in vacuo* тѣло необходимо остается въ покоѣ, но разъ оно приведено въ движеніе (внѣшней силой), то движеніе это продолжается до безконечности ³⁾. Очевидно, хотя А. не зналъ о силѣ сопротивленія воздуха, но законъ инерціи повидному угадывалъ. Вообще движеніе А. раздѣляетъ на абсолютное, частное и случайное, далѣе онъ устанавливаетъ различія по количеству (увеличеніе и уменьшеніе объема тѣла), по качеству (согрѣваніе и охлажденіе), по мѣсту (произвольное перемѣщеніе или отъ внѣшней силы—влеченія, толчка, переноса или вращенія). Кромѣ механическаго, А. различаетъ еще внутреннее движеніе, зависящее отъ формы, какъ цѣли движенія. Наконецъ движеніе раздѣляется на 2 большихъ разряда: естественное и насильственное, изъ коихъ каждое можетъ быть круговое, линейное и смѣшанное. Самое совершенное и символъ перваго движителя—круговое, которое одно только можетъ быть вѣчнымъ и безконечнымъ ⁴⁾.

Въ книгѣ *De Coelo*, хотя и не подлинной, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно содержащей Аристотелевскіе взгляды, излагаются понятія о трехъ измѣреніяхъ, о легкихъ (огонь) и тяжелыхъ тѣлахъ (земля), смотря по способности ихъ подниматься вверхъ или опускаться внизъ, вслѣдствіе стремленія каждаго тѣла занять свое мѣсто въ пространствѣ. Абсолютная тяжесть свойственна центробѣжнымъ, а абсолютная легкость центростремительнымъ тѣламъ. За исключеніемъ огня, всѣмъ тѣламъ, даже воздуху, свойственна тяжесть, но они тѣмъ легче, чѣмъ больше содержатъ воздуха. Далѣе слѣдуютъ апіористическія разсужденія о правой и лѣвой сторонѣ, о сферической формѣ неба и вращающихся въ немъ по кругамъ же небесныхъ тѣлъ, о неподвижности земного шара. Между прочимъ здѣсь встрѣчаемся съ динамической теоріей теплоты, напоминающей одну изъ новѣйшихъ гипотезъ (о постоянномъ возобновленіи солнечной теплоты отъ паденія на него планетъ). А. именно полагаетъ, что свѣтъ и теплота небесныхъ тѣлъ развиваются отъ тренія ихъ о воздухъ, которое производитъ теплоту, ихъ согрѣвающую, собственной же теплоты небесныхъ тѣла не имѣютъ. Наконецъ рѣчь идетъ опять о 4 элементахъ, изъ коихъ состоятъ тѣла на-

¹⁾ De generatione et corrupt. I. II, c. 3.

²⁾ Physica, I. III. Ср. Lewes, I. c. 131.

³⁾ Physica, I. IV. Ср. Lewes, I. c. 132.

⁴⁾ Phys. I. IV—VIII, Ср. Lewes, 133—136.

шей атмосферы, и объ эфирѣ, наполняющемъ внѣ-міровое пространство, одаренномъ вѣчнымъ круговращательнымъ движеніемъ и образующемъ составныя части небесныхъ тѣлъ ¹⁾).

„*Meteorologia*“ Аристотеля есть вполнѣ научный трактатъ, въ которомъ, болѣе чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, нашелъ себя обширное примѣненіе индуктивный методъ. Главнымъ агентомъ метеорологическихъ измѣненій, по его мнѣнію, служитъ теплога, но за отсутствіемъ физическихъ инструментовъ для измѣренія теплоты, влажности и проч., а также за незнакомствомъ съ явленіями электричества, всѣ его наблюденія носятъ по преимуществу качественный характеръ. Къ тому же многія изъ сообщаемыхъ имъ данныхъ напоминаютъ скорѣе алхимическія возрѣнія и потому имѣютъ лишь историческое значеніе. Съ одной стороны подавляющая масса фактовъ, съ другой—отсутствіе точныхъ количественныхъ измѣреній, такъ что трактатъ этотъ болѣе замѣчательнъ по своему научному методу, чѣмъ по результатамъ. Тѣмъ не менѣе А. несомнѣнно слѣдуетъ считать пионеромъ, положившимъ начало этой наукѣ и примѣнившимъ вполнѣ научный методъ.

Сначала рѣчь опять идетъ объ элементахъ. Затѣмъ слѣдуютъ теоретическія объясненія падающихъ звѣздъ, кометъ, млечнаго пути (который онъ считаетъ нависшими въ воздухѣ испареніями земли, хотя уже Демокритъ угадалъ въ немъ звѣздныя группы). Далѣе онъ разсматриваетъ подробно облака, туманы, росу, иней, дождь, снѣгъ, градъ, вѣтры, образованіе рѣкъ, взаимныя вліянія моря и суши, соленое качество морей, природу вѣтровъ, вліяніе на нихъ солнца и звѣздъ, землетрясенія (отъ сгущенныхъ вѣтровъ), громъ, молнію, раду и наконецъ метеоры ²⁾. Хотя объясненія его во многихъ мѣстахъ слишкомъ фантастичны, но столь же часто они обличаютъ значительную проницательность и носятъ печать серьезнаго, наблюдательнаго ума. Жаръ и холодъ по мнѣнію А. суть начала активныя, ибо способствуютъ створиванію тѣлъ, влажность и сухость—пассивныя, ибо у первой не имѣется естественныхъ границъ, а у второй хотя и имѣются, но все же она измѣняется подъ вліяніемъ варужныхъ дѣтелей. Жаръ связываетъ однородныя и раздѣляетъ разнородныя частицы (плавленіе металловъ), холодъ соединяетъ разнородныя частицы (примѣръ—ледъ, который по мнѣнію А. есть соединеніе разнородныхъ частицъ воды) ³⁾. Это уже какъ бы зачатокъ химіи.

Въ сочиненіи „*Problema*“ Аристотель или его школа пытались разрѣшить только трудныя вопросы (*ἀπορίαι*) механики, музыки и проч., на которые, за неизмѣнимъ ни инструментовъ, ни даже науки о механикѣ, не могло послѣдовать и строго научныхъ отвѣтовъ ⁴⁾. Но и здѣсь порой поражаетъ глубокая проницательность Аристотеля. Такъ ему были извѣстны законы о „скоростяхъ“ и о „параллелограммѣ силъ“, хотя онъ не сдѣлалъ изъ нихъ никакого примѣненія. Между прочимъ А. задавался вопросомъ, почему большія тяжести приводятся въ движеніе меньшими, „почему рычагъ съ неравными вѣтвями можетъ удерживать въ равновѣсіи неравныя тяжести или силы?“ Явленіе это онъ объясняетъ не свойствами рычага, а „чуднымъ свойствомъ“ круга, состоящаго изъ противоположностей: неподвижной точки и подвижной линіи, отчего и въ результатѣ получаются проти-

¹⁾ Тамъ же, 136—143.

²⁾ *Meteorologica*, l. 1—III, гдѣ для объясненія кольца около планетъ и радуги А. прибѣгалъ даже къ рисункамъ,—первымъ въ исторіи науки (ed. St. Hilaire, l. III, c. 3, 5, pp. 233, 253, 255).

³⁾ Тамъ же, l. IV, c. 1, 7. Ср. Lewes, l. c. 146.

⁴⁾ Извѣстно, что статика основана только Архимедомъ, а динамика Галилеемъ. Ср. Lewes, l. c. 147.

воположности,“ другими словами, меньшая сила, дѣйствующая на большемъ разстояніи отъ точки опоры, потому легко можетъ двигать большую тяжесть, что она описываетъ большій кругъ. Также апіористически разрѣшаются и другіе вопросы.

Изъ этого обзора физики Аристотеля видно, что не онъ былъ и не могъ быть творцомъ этой науки, за невозможностью примѣненія объективнаго метода въ его время. Онъ, по выраженію Льюиса, только вспахалъ поле, которое засеять суждено было другимъ ¹⁾.

Анатомія Аристотеля изложена преимущественно въ *Historia animalium*, *De partibus animalium*, *De generatione* и другихъ сочиненіяхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель, также какъ и Гипократъ и по тѣмъ же причинамъ, человѣческихъ труповъ не вскрывалъ, а производилъ лишь вскрытія животныхъ, и то не часто, ибо многія изъ его анатомическихъ данныхъ основаны не на личномъ наблюденіи, а на разсказахъ постороннихъ.

Анатомія Аристотеля не только не можетъ идти въ сравненіе съ анатоміей напр. Swammerdam'a и Lyonet, изъ коихъ послѣдній описываетъ 4041 мускулъ у гусеницы ²⁾, но даже съ анатоміей Галена, которая, не смотря на все ея несовершенство, все таки опирается на тщательныя вскрытія.

Аристотель не зналъ ни мускуловъ, ни различія между венами и артеріями, подъ которыми вездѣ обозначаетъ развѣтвленія дыхательнаго горла. Онъ не прослѣдилъ до конца направленія ни одного кровеноснаго сосуда, ни начала или прикрѣпленія какого вибудь мускула, не говоря уже о томъ, что не разслѣдовалъ и не уяснилъ себѣ ни составныхъ частей органовъ, ни соединенія органовъ въ системы. Многіе считали Аристотеля изобрѣтателемъ теоріи о гомологіи скелета, на основаніи сдѣланнаго имъ сравненія между передними и задними конечностями животныхъ. Но здѣсь очевидно смѣшивали понятіе объ аналогіи съ понятіемъ о гомологіи, которая означаетъ одинаковое устройство обѣихъ конечностей и могла быть выведена лишь изъ сравненія кости съ костью, мускула съ мускуломъ, нерва съ нервомъ и сосуда съ сосудомъ, между тѣмъ какъ у Аристотеля пельзя найти ничего подобнаго ³⁾.

Единственныя его заслуги по анатоміи состоятъ въ томъ, что онъ впервые указалъ на два-три мозговыхъ нерва и окончателно установилъ фактъ происхожденія всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ изъ сердца, на который впрочемъ указывалъ еще Платонъ.

¹⁾ Тамъ же, 148—153.

²⁾ Lyonet, Traité anatomique de la chenille, qui ronge le bois de saule. La Haye, 1760. Ср. Lewes, l. c. 158.

³⁾ Тамъ же, 157.

Мозг описывается Аристотелемъ какъ безкровное, нечувствительное, холодное и влажное (слизистое) тѣло, выполняющее черепъ ¹⁾. У человѣка онъ больше и влажнѣе, чѣмъ у животныхъ, состоитъ изъ двухъ половинъ и окруженъ двумя мозговыми оболочками, которыя описываются довольно вѣрно. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ головной мозгъ за мозговое вещество ²⁾. Мозгъ чекъ лежитъ кзади, имѣетъ другое очертаніе и на ощупь также отличается отъ большаго мозга. Кромѣ того въ головѣ сзади есть еще пустое мѣсто. Спинной мозгъ хотя и связанъ съ головнымъ, но имѣетъ жирный, блестящій видъ и теплое свойство ³⁾.

Органы чувствъ также мало изслѣдованы и описаны Аристотелемъ крайне сбивчиво. „Внутренность глаза, состоящая изъ жидкости, которой мы видимъ, есть звѣзда (*κρότη*, pupilla), кругомъ нея—черное, далѣе кнаружи бѣлки глаза“ ⁴⁾.—„Внутренность уха извита улиткообразно и оканчивается въ сходной съ наружнымъ ухомъ кости, въ которую проникаетъ звукъ какъ въ послѣдній сосудъ. Ухо соединяется не съ мозгомъ, а съ небомъ рта, посредствомъ хода, но изъ мозга къ каждому уху проходитъ сосудъ (*φλέψ*)“ ⁵⁾.

Но какъ ни сбивчивы и неясны у Аристотеля описанія органовъ чувствъ, изъ этихъ описаній однако явствуется несомнѣнно, что онъ первый изъ древнихъ дѣйствительно видѣлъ и обратилъ вниманіе на существованіе нервовъ, выходящихъ изъ основанія мозга, хотя не понималъ ихъ назначенія. Онъ называлъ ихъ не „*Neura*“, подобно другимъ древнимъ авторамъ ⁶⁾, а „каналами или трубками, ведущими изъ мозга (*κρότος τοῦ εγκεφάλου*)“,—конечно не въ смыслѣ нашихъ нынѣшнихъ понятій о трубчатомъ строеніи нервныхъ волоконъ съ осевыми цилиндрами, которое впервые описалъ Левенгукъ и съ которымъ затѣмъ познакомилъ Европу Ehrenberg, а лишь въ смыслѣ ходовъ (*ducti*), ведущихъ отъ мозга, на каковую мысль быть можетъ его навела легкость, съ кото-

¹⁾ *Histor. Animal.* l. 1. c. 16. Ошибка Аристотеля тѣмъ удивительнѣе, что мозгъ получаетъ даже больше крови, чѣмъ другіе органы, по Мальпиги $\frac{1}{3}$ (*De cerebro*, 1686), а по Галлеру $\frac{1}{6}$ всей массы крови (*Elem. physiol.* IV, Lausanne, 1762). Ср. Lewes, l. c., 166.

²⁾ *De partib. animalium*, l. II, c. 7.

³⁾ *Histor. et De partib. animal.* l. c.

⁴⁾ *Histor. animal.* l. I, c. 9.

⁵⁾ Тамъ же, l. I, c. 11. Очевидно Аристотель первый видѣлъ Евстахіеву трубу.

⁶⁾ Галенъ ошибочно приписываетъ это открытіе Евдему и Герофилу (*Galien, De libr. propriis*, c. 3) и говорить, что „по Аристотелю нервы берутъ начало въ сердца“, ибо былъ введенъ въ заблужденіе словомъ *νεῦρα*, которое по его мнѣнію употреблялось Аристотелемъ для обозначенія нервовъ, между тѣмъ какъ изъ описаній А. видно, что подъ названіемъ *Neura* онъ вездѣ подразумѣвалъ связки.

рой полужидкое содержимое выдавливается изъ плотной неврилемы (Lewes) ¹⁾. Къ тому же онъ нигдѣ не причисляетъ этихъ нервовъ къ одной категоріи съ другими нервами, слѣдовательно не имѣлъ понятія собственно о нервной системѣ. Онъ зналъ только три нерва, а именно: зрительный ²⁾, обонятельный ³⁾ и слуховой ⁴⁾, которые и обозначалъ названіемъ πόροι. Онъ описываетъ также, хотя и не совсѣмъ точно, ходъ и направленіе этихъ нервовъ изъ мозга, но онъ не зналъ, какъ сказано, ихъ отправленія. Такъ онъ полагалъ, что зрительный нервъ служить для питанія глаза ⁵⁾; точно также онъ не зналъ функцій обонятельнаго и слуховаго нервовъ, ибо отрицаетъ связь мозга съ органами чувствъ ⁶⁾, а вездѣ приводитъ послѣдніе въ связь съ сердцемъ ⁷⁾.

Другая заслуга Аристотеля въ области анатоміи заключается въ томъ, что онъ первый изъ древнихъ, хотя и не безъ вліянія Платона, установилъ фактъ происхожденія всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ изъ сердца ⁸⁾, причемъ высказываетъ мысль, что сердце именно и устроено съ тою цѣлю, чтобы отъ него брали начало всѣ сосуды тѣла, а не изъ головы, какъ думали до Аристотеля. Его также считаютъ первымъ изъ древнихъ, различавшимъ полую вену отъ аорты, которой далъ это названіе. Вотъ относящееся сюда мѣсто, которое одно уже доказываетъ, что человѣческіе трупы имъ вскрываемы не были:

„Большой кровеносный сосудъ (φλέψ μεγάλη—[полая вена]) и меньшій ἐλάττον), который въкаторые называютъ аортой ⁹⁾, происходятъ оба изъ сердца, какое само имѣетъ природу кровеноснаго сосуда. Особенно большой кровеносный сосудъ тѣсно связанъ съ сердцемъ. Одинъ идетъ сверху, а другой снизу и такимъ образомъ обнимаютъ

¹⁾ Leeuwenhoek, Select Works, II, 303; Ehrenberg, Beobachtung einer bisher unbekanntes Structur des Seelenorgans, вь Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1834, 605, цитированы Lewes'омъ, I, с. 168.

²⁾ Histor. animal. I, IV, с. 8.

³⁾ Тамъ же, I, I, с. 16: „въ каждого глаза идутъ три канала (πόροι) къ мозгу: большой и средній въ мозжечекъ, меньшій, ближайшій къ носу, въ мозгъ. Большіе идутъ параллельно, средніе у рыбъ сходятся, меньшіе расходятся.“

⁴⁾ Тамъ же, I, I, с. 11.

⁵⁾ De generat. animal., I, II, с. 6.

⁶⁾ De partib. animal., I, II, с. 7.

⁷⁾ De generat. animal. I, II, с. 6; I, V, с. 2.

⁸⁾ De generat. animal. I, III, с. 4, 5. Histor. animal. I, III, с. 2. De respiratione, с. 20.

⁹⁾ Отъ ἀόρω—вишу; прежде обѣ вѣтви дыхательнаго горла назывались ἀορταί, ибо легкія словно висятъ на нихъ. Ср. Necker, I, 242.

сердце. Каждое сердце, особенно у большихъ животныхъ, имѣеть три полости ¹⁾, у меньшихъ только двѣ, а у очень маленькихъ животныхъ—одну только полость. Наибольшая полость лежитъ на правой сторонѣ и вверху, наименьшая—на лѣвой сторонѣ, средней же величины полость—посрединѣ между ними. Всѣ три полости открыты въ сторону легкихъ, но, за исключеніемъ одной, отверстія остальныхъ слишкомъ малы и незамѣтны. Изъ наибольшей полости вверху происходитъ большой кровеносный сосудъ, который въ средней полости также принимаетъ видъ сосуда, ибо средняя полость сама можетъ быть разсматриваема какъ часть кровеноснаго сосуда. Изъ средней полости происходитъ аорта, которая имѣеть сухожилное свойство и представляется сильно сокращенной, а въ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ снова переходитъ въ сухожилія“ ²⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ самое фантастическое описаніе хода и направленія сосудовъ: такъ изъ печени по Аристотелю одинъ сосудъ идетъ въ правую руку, вслѣдствіе чего болѣзни ея могутъ быть излечиваемы кровопусканіемъ изъ правой руки ³⁾. Тоже относится къ селезеночному сосуду, идущему въ лѣвую руку. Сосуды остальныхъ внутренностей сходятся въ одинъ стволъ (*vena porta*). Аорта въ печень и селезенку не посылаетъ сосудовъ ⁴⁾. Бедренная артерія, по словамъ Аристотеля, идетъ по каналу бедренной кости.—Въ связи съ этимъ ученіемъ о происхожденіи сосудовъ изъ сердца находится ученіе Аристотеля о вхожденіи воздуха изъ дыхательнаго горла въ сердце, которыя по его мнѣнію соединены между собою полыми въ срединѣ, а потому пропускающими воздухъ, жирноклѣтчатými, фиброзными и хрящеватыми связками ⁵⁾,—ученіе, имѣвшее огромное вліяніе на физиологію и патологію позднѣйшихъ вѣковъ. Еще одна изъ ошибокъ Аристотеля заключается въ опредѣленіи положенія сердца, которое по его мнѣнію лежитъ выше легкихъ, надъ ними (*ἀνωτέρω τοῦ πνεύματος*), на мѣстѣ развѣтвленія (*bifurcatio*) дыхательнаго горла ⁶⁾, хотя съ другой стороны ему было извѣстно, что оно лежитъ болѣе влѣво, вѣроятно изъ наблюденій надъ мѣстомъ сердечнаго толчка.

Анатомія остальныхъ областей человѣческаго тѣла изложена у Аристотеля еще скуднѣе.

Лежія согласно Аристотелю имѣють губчатое строеніе, описаніе же ихъ выходитъ у него крайне сбивчиво, ибо то онъ утверждаетъ, что

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ сердце весьма опредѣленно описывается какъ состоящее изъ 2 только желудочковъ: *τὴ καρδία ταῖς κοιλίαις*. *De partib. animal.* I, III, с. 7.

²⁾ *Histor. animal.* I, III, с. 3; I, I, с. 17.

³⁾ Тамъ же, I, III, с. 4

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ *Histor. animal.* I, I, с. 16.

⁶⁾ Тамъ же I, I, с. 17. *De part. animal.*, I, III, с. 6.

у человѣка только одно легкое (*μολορυτή*), подобно сердцу ¹⁾, то онъ говорить, что оно двойное ²⁾.

Диафрагма служитъ для защиты сердца, мѣстопребыванія чувствующей души, отъ испареній изъ желудка и вообще для отдѣленія блатородныхъ органовъ грудной отъ брюшной полости. *Phrenes* она называлась потому, что ей ошибочно приписывали участіе въ сознаніи ³⁾.

Кишечный каналъ въ различныхъ его отдѣлахъ описанъ довольно вѣрно и въ немъ Аристотель усматриваетъ общій характеръ животности ⁴⁾.

Поджелудочная железа также была ему извѣстна, хотя названіе *Pankreas* она получила еще раньше ⁵⁾.

Печень у человѣка круглая, какъ у вола, и имѣетъ свой противовѣсъ въ селезенкѣ. Желчный пузырь бываетъ не у всѣхъ животныхъ.

Селезенка человѣка, по словамъ Аристотеля, узка и длинна и похожа на селезенку свиньи; очевидно онъ первой никогда не видѣлъ ⁶⁾.

Почки по его мнѣнію имѣютъ дольчатое строеніе, какъ у теленка и зародыша. Впрочемъ онъ первый точно описалъ мочеточники ⁷⁾. Мочевой пузырь у человѣка наибольшій сравнительно съ другими животными ⁸⁾.

Изъ *половыхъ* органовъ стволъ состоитъ изъ головки и хрящеватой части ⁹⁾. Къ яичкамъ ведутъ сосуды, содержащіе кровь и идущіе отъ почекъ (вены), и несодержащіе крови—отъ аорты (*aa. spermaticae internae*) ¹⁰⁾. Аристотелю было извѣстно устройство сѣменныхъ ка-

¹⁾ De partib. animal., l. III, c. 7.

²⁾ Histor. animal. l. I, c. 13.

³⁾ De partib. anim. l. III, c. 10.

⁴⁾ Histor. animal. l. I, c. 2.

⁵⁾ Тамъ же, l. III, c. 4.

⁶⁾ Тамъ же, l. I, c. 17.

⁷⁾ De part. anim. l. III, c. 9.

⁸⁾ Hist. anim. l. I, c. 17.

⁹⁾ Тамъ же, l. I, c. 13.

¹⁰⁾ Histor. animal. l. III, c. 4. По поводу этихъ сосудов Sprengel говорить, что при описаніи ихъ начала Аристотель ссылается на приложенный рисунокъ, обозначенный буквами, и что и въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, l. V, c. 15) произражденіе каракатицы (*Seria*) онъ старался иллюстрировать рисункомъ, что слѣдовательно „А. первый набрасывалъ и прилагалъ къ своимъ сочиненіямъ анатомическіе рисунки“ (Sprengel I, 507) Мы съ своей стороны въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ нашли только сравненіе бифуркаціи аорты и *v. saeve* у почекъ съ *ламбдой* (*ὡσπερ εἰς λάμβδα ἐκἀτεραι*), въ послѣднемъ же—лишь сравненіе съ медовымъ

на пальцевъ въ яичкѣ.—Матка описывается двурогой какъ у животныхъ, быть можетъ вслѣдствіе допущенія аналогіи между яичками и маткой, которой онъ нигдѣ не различаетъ отъ яичниковъ ¹⁾).

Наконецъ въ области *остеологіи* Аристотель принимаетъ, что черепные швы у мужчины разнятся отъ женскихъ ²⁾, что у первыхъ больше зубовъ, чѣмъ у женщинъ ³⁾. При описаніи верхней челюсти находится вѣрное замѣчаніе, что у рѣчныхъ крокодиловъ, въ противоположность остальнымъ животнымъ, двигается только верхняя челюсть ⁴⁾. Реберъ на каждой сторонѣ онъ принималъ только по восьми и „только у лигуровъ (*Λιγύρων*) ихъ лишь по семи.“—При разсмотрѣніи конечностей кости ручной кисти описаны поверхностно, а о стопѣ говорится только, что она состоитъ изъ многихъ костей ⁵⁾. Косолапые отличаются печальнымъ настроеніемъ духа, и т. д. въ этомъ родѣ.

Очевидно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ, приведенныхъ выше, дѣйствительно вѣрныхъ данныхъ, познанія Аристотеля въ анатоміи были слишкомъ недостаточны для того, чтобы послужить основаніемъ къ построенію сколько нибудь удовлетворительной науки о сложныхъ явленіяхъ жизни, какъ это скоро увидимъ.

Физиологія Аристотеля, не имѣя прочной анатомической основы, не могла многимъ уйти дальше физиологіи его учителя и вся построена на предвзятыхъ, апіористическихъ началахъ, за исключеніемъ физиологіи души, какъ увидимъ ниже.

Здѣсь на первый планъ выступаетъ его ученіе объ элементахъ, которые, какъ сказано, онъ раздѣляетъ на активныя—огонь и воздухъ, и пассивныя—воду и землю. Изъ нихъ огню свойственны теплота и

сотомъ или кистью винограда, но за то прямое указаніе на анатомическіе рисунки мы нашли по поводу фигуры мягкихъ раковинъ въ *Histor. animal.*, I. IV, с. 4 въ концѣ (ed. Camus, 196): τῆν δὲ ἰδέαν οἷοι εἶσιν, ἐκ τῶν ἀνατομῶν θεωρεῖσθωσαν, а въ I. III, с. 1, по поводу распредѣленія и хода стѣнныхъ сосудовъ, объясненіе фигуры (*ἰσχυροφῆ*) буквами AA, KK, ΩΩ, BB, Δ, E, ΨΨ', (ed. Camus, 110 и Aubert u. Wimmer, I, 306, возстановившихъ по нимъ даже самый рисунокъ). Изъ описанія яичка видно, что A. различалъ яичко (*ἄρχις*), придатки (*κεφαλαί*), *vasa deferentia* и ихъ отверстія въ мочевоомъ каналѣ, наконецъ aa. et vv. spermaticae.

¹⁾ De generat. animal., I. I, с. 3.

²⁾ Hist. anim. I. I, с. 7, I. III, с. 7.

³⁾ Тамъ же, I. II, с. 3.

⁴⁾ Тамъ же, I. I, с. 11.

⁵⁾ Тамъ же, I. I, с. 15.

сухость, воздуху—теплота и влажность, водѣ—холодъ и влажность, а землѣ—холодъ и сухость ¹⁾. Въ животномъ организмѣ элементы соединяются въ простыя однородныя части (*ὁμομερῆ*), изъ сочетаній же этихъ простыхъ образований происходятъ разнородныя части (*ἕτερομερῆ*) или органы. Къ однороднымъ частямъ относятся: кровь, serum, фибринъ, жиръ, костный мозгъ, сѣмя, молоко, мясо, продукты выдѣлений и отдѣлений, сухожилия, перепонки, сосуды, волосы, ногти, рога, кости и хрящи ²⁾.

Пищевареніе или кровотвореніе изъ пищи согласно Аристотелю совершается, подъ непосредственнымъ вліяніемъ души, при помощи животной теплоты и содѣйствіи жирнаго сальника, покрывающаго кишки ³⁾. Поэтому преобладаніе холоднаго причиняетъ несвареніе ⁴⁾.—Пищевыя вещества состоятъ изъ собственно питательныхъ веществъ (*τροφικόν*) и прибавленія къ нимъ (*περίττωμα*), т. е. не нужныхъ для замѣщенія тѣла веществъ. Собственно актъ пищеваренія есть не что иное какъ побѣда животной теплоты надъ влажностью и сухостью пищи и поэтому уподобляется настоящему варенію въ печи (*πέφικ*) ⁵⁾. При этомъ все годное для питанія отдѣляется отъ бесполезнаго и даетъ матеріаль для образованія хила (*ἰχῶρ*, такъ А. обозначаетъ всякую безцвѣтную животную жидкость, въ томъ числѣ и serum), который подобно пару пропотѣваетъ сквозь узкіе брыжжеечныя сосуды, образуя тамъ несовершенную кровь ⁶⁾, негодныя же остатки пищи удаляются изъ организма черезъ нижній отдѣлъ кишечнаго канала и почки. Несовершенная кровь (хилъ) изъ брыжжеечныхъ сосудовъ черезъ полую вену и аорту поступаетъ въ сердце—мѣстопробываніе врожденной теплоты и души, гдѣ превращается въ настоящую кровь и получаетъ всѣ необходимыя для ея отправления качества, изъ коихъ самое главное—жидкое ея состояніе, въ которомъ она поддерживается сообщенной ей отъ сердца теплотой, ибо внѣ тѣла она створаживается, „если предварительно не удаленъ фибринъ (*ἐὰν μὴ ἐξαιρεθῶσιν αἱ ἴνες*)“ ⁷⁾. Аристотелю было извѣстно различное окрашиваніе обихъ родовъ крови, но онъ и не догадывался о вліяніи дыханія на кровь.

¹⁾ De generat. et corrupt. l. II, c. 3, Meteorologica, l. IV, c. 1.

²⁾ Histor. animal. l. I, c. 1; De partib. animal. l. II, c. 2.

³⁾ De respiratione, c. 8.

⁴⁾ Meteorologica, l. IV, c. 2.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ De Somniis et Vigil. c. 3.

⁷⁾ Histor. animal., l. III, c. 6, 19. Исключеніе составляетъ по А. оленья кровь, наблюдаемая имъ вѣроятно у убитаго оленя, ибо въ крови убитыхъ животныхъ фибринъ исче-

Дыханіе у высихъ животныхъ совершается посредствомъ легкихъ, дѣйствіе коихъ, вмѣстѣ съ движеніемъ сердца, уподобляется дѣйствію раздувательнаго мѣха ¹⁾. Актъ вдыханія Аристотель объясняетъ волненіемъ накопленной въ сердцѣ теплоты, которая, сообщаясь легкому, вызываетъ въ послѣднемъ разширеніе, позволяющее вхожденіе воздуха въ грудную полость. Главнымъ образомъ дыханіе служитъ съ одной стороны для охлажденія сердца и животной теплоты, для предупрежденія задушенія отъ чрезмѣрнаго накопленія теплоты въ сердцѣ, съ другой—для предотвращенія истощенія ея отъ чрезмѣрнаго холода.

Теперь перейдемъ къ *физиологій сердца*, которое, можно сказать, есть жизненный узелъ и центръ тяжести всей физиологій Аристотеля.

Сердце, согласно Аристотелю, есть центральный органъ и источникъ жизни (*души*), *чувства, движенія и теплоты* организма, нѣчто въ родѣ большой и главной его лабораторіи ²⁾. Оно приводится въ движеніе съ одной стороны посредствомъ воздуха, которое при дыханіи проникаетъ въ легкія и дыхательное горло, а оттуда черезъ легочныя вены въ сердце, съ другой—постоянно притекающей въ него кровью и волненіемъ, вызываемымъ въ послѣдней врожденной теплотой. Нѣкоторое участіе въ производствѣ движенія сердца, согласно Аристотелю, повидимому принимаютъ и сухожилыныя нити внутри сердца. На долю волнуемой крови приходится производство діастолы сердца, ибо, будучи сварена и испаряясь, она тѣмъ самымъ причиняетъ разширеніе сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей грудной клѣтки, въ образовавшееся такимъ образомъ пространство входитъ черезъ разширенныя легкія холодный воздухъ, отъ котораго грудь вмѣстѣ съ сердцемъ снова сжимается, слѣдовательно систолу сердца, согласно Аристотелю, производитъ воздухъ. Это попеременное разширеніе и сокращеніе сердца и производитъ пульсацію. Что касается собственно толчка сердца, то онъ, по мнѣнію Аристотеля, происходитъ исключительно отъ притока и волненія крови и сообщается одновременно всѣмъ кровеноснымъ сосудамъ, черезъ что происходитъ пульсъ. Въ моло-

заетъ. Далѣе по А. скорѣе всего створаживается кровь вола. Жирныя животныя имѣютъ болѣе чистую кровь, но въ меньшемъ количествѣ. У человѣка она самая чистая и жидкая, у вола и осла—самая густая и черная, женская темнѣе и гуще мужской. Въ здоровомъ состояніи кровь алая и сладка на вкусъ, черная есть признакъ болѣзни. Ср. *Histor. animal.* I. III, с. 19.

¹⁾ De respiratione, с. 7, 21.

²⁾ Ср. *Lewes*, I. с. 174.

дости пульсъ бьется быстрѣе и сильнѣе, ибо переходъ пищи въ кровь (*ἀναθυμίασις*) тогда совершается быстрѣе ¹⁾,

Теперь легко уяснить себѣ представленіе Аристотеля о *кровообращеніи*. Согласно ему, токъ крови беретъ начало въ брыжжеечныхъ сосудахъ, куда поступаетъ изъ обращающихся въ кишечникѣ пищевыхъ соковъ; оттуда кровь идетъ въ сердце, гдѣ оживляется его теплотой и одушевляется проникающимъ въ него Рпеиша, изъ сердца же она разливается черезъ остальные сосуды (*φλέβες*), пульсирующіе одновременно съ сердцемъ, во всѣ части тѣла, которыя орошаетъ наподобіе сада, омываемаго дробящимся на мелкія вѣтви ручьемъ. Но такъ какъ сосуды, постепенно суживаясь, по А. становятся непроходимы, превращаясь въ сухожилія, на возвратъ же крови въ сердце нигдѣ у него нѣтъ и намека, то, спрашивается, куда дѣвается вся кровь? Отвѣтъ очень простъ: часть крови выпотѣваетъ изъ окончанія сосудовъ въ видѣ выдѣляемыхъ жидкостей (*τῆς ὑγρᾶς ἐκμάζου*) или въ видѣ пота (*ἰδρώτα*), остальная же вся идетъ на образованіе мяса, жира, костей, словомъ почти всѣхъ тканей тѣла, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, образованіе коихъ Аристотель ставитъ въ зависимость отъ обмѣна веществъ подѣ влияніемъ „питающей“ или растительной души (*ψυχή θρεπτική*) ²⁾. Вообще онъ принималъ, что болѣе благородныя составныя части крови идутъ на образованіе высшихъ тканей—мяса и органовъ чувствъ, низшія же ткани, какъ кости, волосы и проч., получаютъ изъ крови только горькія составныя части ³⁾.

Изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что всѣ эти процессы: сокращеніе и разширеніе сердца, кровообращеніе и образованіе тканей сводятся въ сущности къ сердечной теплотѣ, къ свойству сердца—служить источникомъ животной теплоты, изъ котораго вытекаетъ и

Второе отправленіе сердца—служитъ центромъ всѣхъ движеній внутри тѣла и передвиженія самого тѣла, такъ какъ теплота есть двигатель. При этомъ, по мнѣнію Аристотеля, импульсъ для движеній конечностей исходитъ изъ сухожильныхъ нитей сердца, которыя онъ повидимому приводитъ въ связь съ сухожиліями конечностей. Аристотель написалъ особый трактатъ—*De animal. motione*, но не будучи основаны на знакомствѣ съ нервной и мышечной системой, всѣ его разсужденія о движеніяхъ животныхъ опять таки носятъ метафизическій характеръ. Онъ говоритъ, что всякое движеніе у животныхъ имѣетъ свою опредѣленную

¹⁾ De respiratione, с. 20.

²⁾ De generat. animal. I. II, с. 6, I. IV, с. 24.

³⁾ Ср. Lewes, I. с. 173.

цѣль, мотивы коей скрываются въ разумѣ и инстинктѣ, цѣль эта—извѣстное благо, къ которому оно стремится, напр. утоленіе голода, жажды. Механизмъ движеній (по словамъ А.)—чисто автоматическій, только вмѣсто пружинъ и деревянныхъ подпорокъ органами движеній у животныхъ служатъ сухожилія (Neura) и кости, способныя къ внутреннимъ измѣненіямъ, къ расширенію и сокращенію подъ вліяніемъ теплоты, холода или какой нибудь внутренней причины, напр. воображенія (содроганіе при одной мысли объ извѣстныхъ предметахъ). Конечная причина всѣхъ движеній тѣла лежитъ въ душѣ, гнѣздящейся также въ сердцѣ ¹⁾, причемъ посредникомъ между душой и тѣломъ для передачи двигательныхъ импульсовъ служитъ заключенное въ сердцѣ Рпеиша, которое само по себѣ отъ природы надѣлено способностью приводить въ движеніе и которое изъ сердца разносится по всему тѣлу, въ томъ числѣ и въ мышцы, въ коихъ, охлаждаясь, и вызываетъ движенія ²⁾.

Третья функція сердца—служить центромъ ощущеній, къ чему оно предназначено и по своему центральному положенію въ срединѣ тѣла и какъ источникъ вообще всѣхъ органическихъ процессовъ, въ томъ числѣ и органовъ чувствъ,—выводъ, совершенно апіористическій, къ которому Аристотель пришелъ на томъ основаніи, что „мозгъ самъ по себѣ нечувствителенъ“ ³⁾, и который составляетъ шагъ назадъ даже отъ физиологін Платона. О связи между органами чувствъ и сердцемъ Аристотель совершенно голословно выражается такъ: „всѣ ощущенія проводятся къ сердцу сквозъ каналы (πύροι, ducti)“ ⁴⁾, подъ коими, какъ мы видѣли, онъ подразумѣвалъ нервы.

Собственно ощущеніе онъ опредѣляетъ какъ движеніе души, обнаруживающееся черезъ посредство тѣла ⁵⁾. Вообще ученіе объ органахъ чувствъ связано у него съ ученіемъ объ элементахъ. Каждый изъ этихъ органовъ по его мнѣнію проявляетъ свое дѣйствіе въ силу свойственнаго ему элемента и въ соответствующей средѣ: такъ элементъ и среда зрѣнія есть вода, слуха—воздухъ, обонянія—„огонь“, осязанія—земля, вкусъ же есть видъ осязанія ⁶⁾.

Вообще чувствительность есть необходимое условіе для

¹⁾ De animal. motione, с. 9.

²⁾ De somniis et vigil., с. 2.

³⁾ De partib. animal., l. II, с. 7.

⁴⁾ De generatione animal., l. V, с. 2.

⁵⁾ De somniis et vigil., с. 1.

⁶⁾ De sensis et sensatis. Ср. L e w e s, l. с. 248. Но въ *De anima* Аристотель видовз-

существованія всякаго животнаго, способнаго къ передвиженію, безъ ощущенія оно бы погибло, ибо было бы неспособно къ выбору пищи. Осязаніе и вкусъ—самыя первичныя и самыя необходимыя для всего животнаго царства чувства, остальные же органы чувствъ свойственны животнымъ съ высшей организаціей, ибо для охраненія себя они должны быть одарены чувствительностью къ вѣшнимъ предметамъ не только чрезъ прикосновеніе, но и на разстояніи ¹⁾.—Осязаніе—самое распространенное чувство во всемъ животномъ царствѣ, имъ одарены самыя низшія животныя, даже состоящія изъ одного только первобытнаго студенистаго комка, ибо оно необходимо для питанія. Другіе же органы чувствъ служатъ не только для сохраненія, но и для удовольствій: зрѣніе—для различенія предметовъ въ прозрачной средѣ (воздухъ или водѣ), въ которой обитаютъ животныя; вкусъ—для различенія пріятнаго и полезнаго въ пищѣ и для избѣганія вредныхъ веществъ, слухъ—для усвоенія и воспринятія чего либо отъ другихъ, а языкъ—для сообщенія чего-либо другимъ ²⁾.

Въ частности ученіе Аристотеля объ органахъ чувствъ сводится къ слѣдующему: Зрѣніе, которое по Платону происходитъ отъ „огня“ глаза ³⁾, Аристотель вмѣстѣ съ Демокритомъ производитъ наоборотъ отъ водянистыхъ частей глаза, но оно, по его мнѣнію, есть не отраженіе образа (εμφασις), какъ полагалъ Демокритъ, а зрительная способность, аффектъ, происходящій отъ преломленія, ἀνάκλασις γὰρ τὸ κάθαρς ⁴⁾, въ прозрачной средѣ. Подъ „прозрачнымъ“ (διαφάνη) Аристотель подразумѣвалъ не исключительно воздухъ или воду, а нѣчто общее, существующее не отдѣльно и присущее болѣе или менѣе тѣмъ или другимъ предметамъ. И такъ согласно Аристотелю главная зрительная составная часть глаза (въ особенности „звѣзды“, χόρη, pupilla) есть вода, которая долѣе всего можетъ оставаться прозрачною, почему глазъ и помѣщенъ вблизи холоднаго и влажнаго мозга ⁵⁾. Зрѣніе происходитъ въ прозрачной глазной жидкости при помощи свѣта, который по Аристотелю отнюдь не есть особое вещество, а только „движеніе про-

мѣнилъ эту схему и относительно осязанія говорить, что его среда—„мясо“, эссенціальный же органъ осязанія (πρότον αἰσθητήριον) долженъ быть нѣчто другое и внутреннее (исходящее отъ сердца?) De anima, I, II, с. 10. Точно также относительно обонянія А. говорить, что оно зависитъ отъ воздуха или воды; что касается огня, то онъ не образуетъ спеціальной составной части ни одного органа, или, скорѣе, есть элементъ, общій всѣмъ органамъ чувствъ, по скольку нѣтъ чувства безъ теплоты (De anima, I, III, с. 1).

¹⁾ De anima, I, III, с. 12.

²⁾ De anima, I, III, с. 13.

³⁾ Это мнѣніе Аристотель опровергаетъ тѣмъ, что тогда зрѣніе должно было быть возможно и въ темнотѣ.

⁴⁾ De sensib. et sensatis. Ср. Lewes, I, с. 247.

⁵⁾ De partibus animalium. I, II, с. 10.

зрачнаго¹⁾ въ каждомъ предметѣ, отчего и происходитъ видимость и цвѣтъ предметовъ¹⁾,—опредѣленіе, сильно напоминающее высшую теорію свѣтовыхъ волнъ, если подѣ „прозрачнымъ“ подразумѣвать эфиръ, а подѣ „движеніями прозрачнаго“ эфирыя волны. —Что касается Аристотелевой теоріи цвѣтовъ, то онъ опредѣляетъ цвѣтъ какъ „границу прозрачнаго“ (ибо всѣ тѣла имѣютъ границы). Подобно тому какъ въ воздухѣ можетъ быть свѣтъ или темнота, такъ и въ ограниченнхъ тѣлахъ можетъ быть бѣлый или чернй цвѣтъ. Далѣе, разсуждаетъ Аристотель, если помѣстятъ рядомъ двѣ весьма малыя частицы, бѣлую и черную, то каждая отдѣльно можетъ оставаться невидимой по своей миниатюрности, но соединеніе ихъ, происходящее какъ результатъ сочетанія обѣихъ частицъ, можетъ быть видно для глаза. Однако же, этотъ результатъ не можетъ быть ни бѣлый, ни чернй, а другой, сложный, состоящій изъ обонхъ этихъ цвѣтовъ. Такимъ же образомъ происходятъ всѣ цвѣта. Но въ количественныхъ соотношеніяхъ при сочетаніяхъ цвѣтовыхъ частицъ можетъ быть большое разнообразіе, напр. трехъ съ двумя или четырьмя и т. д. Гармоническими называются тѣ цвѣта, въ конхъ сочетаніе отдѣльныхъ единицъ происходитъ въ правильныхъ пропорціяхъ, сюда относится напр. пурпуровый и скарлатинно-краснй²⁾.

Слухъ имѣетъ элементомъ и средой воздухъ. Ухо передаетъ звукъ, подобно рогу, вслѣдствіе своеобразныхъ колебаній въ немъ врожденнаго воздуха³⁾. Звукъ происходитъ отъ сотрясательныхъ колебаній воздуха вслѣдствіе перкуссіи двухъ гладкихъ тѣлъ одно о другое и о внѣшнй воздухъ, который приводитъ въ движеніе внутреннй воздухъ въ ухѣ. Высокій тонъ (острый, $\xi\xi\xi$) происходитъ отъ многихъ колебаній воздуха въ короткій промежутокъ времени, низкій или грубый ($\beta\beta\beta$)— отъ немногихъ колебаній въ продолжительное время⁴⁾. Самъ по себѣ воздухъ, вслѣдствіе его расплывчатости, беззвученъ, но движеніе его въ замкнутыхъ границахъ производитъ звукъ, въ ухѣ же онъ такъ безвыходно запертъ ($\xi\chi\alpha\tau\omega\chi\omicron\delta\mu\eta\tau\alpha\iota$), что не можетъ никуда ускользнуть, а потому всѣ его движенія воспринимаются и ощущаются слуховымъ органомъ⁵⁾. Въ водѣ звукъ не столь явственно слышенъ, какъ въ воздухѣ, за невозможностью ни доступа ея къ врожденному воздуху уха, ни прониканія ея въ извилистые каналы внутренняго уха, но это мнѣніе Аристотеля ошибочно, ибо нынѣ доказано, что вода есть лучшій проводникъ звука, нежели воздухъ; такъ вычислено, что скорость прохожденія звука черезъ воду въ четыре раза превышаетъ таковую же въ воздухѣ⁶⁾.—Голосъ есть звукъ живого существа, производимый глоткой⁷⁾; рыбы нѣмны оттого, что не имѣютъ глотки.

Вкусъ есть особый видъ осязанія и происходитъ отъ непосредственнаго соприкосновенія, а потому не имѣетъ среды⁸⁾. Сущность вкуса по Аристотелю заключается въ особой „модификаціи влажности,“ которая происходитъ отъ процѣживанія ея сквозь сухое и

¹⁾ De anima, l. II, c. 7.

²⁾ De sens. et sensatis у Lewes' a, l. c. 249.

³⁾ De sens. et sensatis. Ср. Lewes, l. c. 252.

⁴⁾ De anima, l. II, c. 8.

⁵⁾ De sens. et sensat. l. c.

⁶⁾ Тамъ же у Lewes' a, 251.

⁷⁾ Histor. animal., l. IV, c. 8. De partib. animal. l. II, c. 1.

⁸⁾ De anima, l. II, c. 8.

землианное при помощи приводищей ее въ движеніе теплоты, наподобіе того, какъ вода измѣняется отъ почвы, сквозь которую проходятъ. Подобно сложнымъ цвѣтамъ, различныя вкусы происходятъ отъ различныхъ комбинацій сладкаго и горькаго и притомъ пріятныя отъ правильныхъ численныхъ соотношеній. Видовъ вкуса столько же, сколько и цвѣтовъ, т. е. семь ¹⁾.

Обоняніе имѣетъ средой смѣсь воды и воздуха ²⁾, ибо запахи ощущаются въ двухъ средахъ, въ воздухѣ и въ водѣ, и передаются при помощи „прозрачнаго,“ общаго обонья средамъ. Впрочемъ для запаха достаточно и одной воды, какъ доказываютъ рыбы, также одаренныя обоняніемъ. Обоняніе имѣетъ много общаго съ вкусомъ и есть, такъ сказать, сухой вкусъ, носящійся во влагѣ воздуха и воды. Всѣ тѣла, имѣющія вкусъ, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и запахъ ³⁾.

Осязаніе имѣетъ средой „мясо“ ⁴⁾, у человѣка оно тоньше, оттого-то онъ и самое разумное изъ всѣхъ животныхъ.

Что касается другихъ чувствъ, то примѣромъ объясненія ихъ Аристотелемъ можетъ служить опредѣленіе голода, какъ желанія теплаго и сухого, а жажды, какъ желанія холоднаго и влажнаго ⁵⁾.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь взглядъ Аристотеля на вопросъ о безконечной дѣлности впечатлѣній, о томъ, разложимо ли ощущеніе на составныя части или нѣтъ. Онъ говоритъ, что ощущеніе состоитъ изъ ощущаемыхъ качествъ, каковы величина, цвѣтъ, вѣсъ и проч., а не изъ математическихъ величинъ. Сужденіе о качествахъ ощущаемыхъ предметовъ мы составляемъ себѣ при помощи ума, понятія же (идеи) возможны лишь тогда, когда они основаны на чувствахъ. Отдѣльные виды чувствъ (цвѣтъ, вкусъ) имѣютъ свои границы въ видѣ противоположныхъ крайностей (бѣлое и черное, сладкое и горькое), и промежуточныя между ними точки, а потому они дѣльны. Только при этомъ необходимо различать дѣйствительное (актуальное) и возможное (потенціальное). Когда различаемъ миллионъ, какъ цѣлое, мы не различаемъ миллионной части; когда слышимъ мелодію, мы не слышимъ кварты тона, интервалъ остается незамѣченнымъ и теряется въ другихъ тонахъ. Тоже бываетъ съ безконечно-малыми величинами въ другихъ ощущеніяхъ: онѣ потенциально различны, но не различны актуально каждая отдѣльно, въ изолированномъ видѣ („δυναμις γὰρ ὄρατα, ἐνεργεία δ' οὐδ', ὅταν χωρισθῆ“). Безконечно-малыя качественныя величинны, „подобно каплѣ духовъ, вылитой въ море,“ теряются въ окружающихъ предметахъ и недоступны для чувства. Это безконечное малое, недоступное для чувства, какъ цѣлаго, не ощущается ни само въ себѣ, ни само по себѣ, а ощущается лишь потенциально какъ заключенное въ болѣе крупной величинѣ ⁶⁾.

Въ связи съ ученіемъ объ органахъ чувствъ находится и новая теорія сна, который Аристотель объясняетъ особеннымъ измѣненіемъ общаго чувствилища и угнетеніемъ дѣятельности органовъ чувствъ, причемъ од-

¹⁾ Ср. Lewes, I. с. 250.

²⁾ De anima, I. II, с. 10.

³⁾ De sens. et sensatis, Ср. Lewes, I. с. 250, 251.

⁴⁾ De anima, I. II, с. 9.

⁵⁾ Тамъ же, с. 3.

⁶⁾ De sens. et sensatis, с. 6. Ср. Lewes, 254

нако подавляется лишь энергія, но не возможность чувствованій ¹⁾. Вызывается же это измѣненіе испареніями (*ἀναθυμιάσις*) пищевыхъ соковъ, которыя послѣ каждаго принятія пищи проникаютъ въ сосуды и, благодаря своей легкости, подъ вліяніемъ теплоты поднимаются въ голову, откуда, охлажденные мозгомъ, „подобно дождю изъ сгущенныхъ облаковъ“ падаютъ на сердце, въ которомъ и подавляютъ энергію ощущеній ²⁾. Такимъ же образомъ объясняется сонливость и послѣ усталости (дѣйствующей какъ „растворитель“, *συντηκόν*), и при лихорадкѣ, летаргіи, падучей болѣзни, а также въ дѣтскомъ возрастѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ по Аристотелю имѣетъ мѣсто образованіе большого количества влаги, которыя отъ теплоты испаряются и поднимаются въ голову, гдѣ онѣ охлаждаются мозгомъ и гдѣ насыщенная ими кровь распадается на болѣе жидкую, остающуюся въ головѣ, и густую, которая спускается внизъ и, переполняя сосуды, падаетъ на сердце и прекращаетъ въ немъ всякую чувствительность ³⁾. Сонъ, согласно Аристотелю, болѣе или менѣе свойственъ всѣмъ безъ исключенія животнымъ, какъ сухопутнымъ, такъ и водянымъ, меньше спать, напр. имѣющіе плотные глаза (насъкомыя). Ему былъ извѣстенъ многими признанный нынѣ фактъ болѣе дѣятельнаго, усиленнаго питанія мускуловъ и нервовъ во время сна, фактъ противъ котораго однако существуютъ и возраженія. Такъ привыкшіе долго спать не всегда бываютъ самые крѣпкіе и наоборотъ бессонница у сумасшедшихъ вовсе не влечетъ за собою быстрого разрушенія ихъ организма (Льюисъ) ⁴⁾.

Четвертое назначеніе сердца по Аристотелю—служитъ мѣстопребываніемъ жизненнаго начала или души (*ψυχή*) ⁵⁾. Такимъ образомъ, благодаря уклоненію отъ имъ же созданнаго плототворнаго метода индукціи, онъ дошелъ до того, что проглядѣлъ дѣйствительныя управленія мозга, который у него совершенно отступаетъ на задній планъ, и онъ даже съ насмѣшкой отзывается о тѣхъ философахъ, которые „потому только считаютъ мозгъ центромъ ощущеній, что въ головѣ расположены главнѣйшіе органы чувствъ.“ ⁶⁾ По его мнѣнію назначеніе

¹⁾ De somno et vigil. c. 1.

²⁾ Тамъ же и De partibus animal. I. II, c. 7.

³⁾ Ср. Lewes I. c. 261.

⁴⁾ Ср. Lewes, I. c. 260.

⁵⁾ De animal. motion., c. 9.

⁶⁾ Ср. Lewes, I. c. 179.

мозга, какъ „самаго холоднаго органа въ тѣлѣ“—служить умѣряющимъ регуляторомъ для охлажденія слишкомъ большаго жара сердца ¹⁾. По этой причинѣ, согласно Аристотелю, мозгъ вовсе не получаетъ крови, а лишь мозговья оболочки получаютъ ея въ небольшомъ количествѣ съ цѣлью уменьшить чрезмѣрный холодъ мозга. По этой же причинѣ безкровныя животныя не имѣютъ мозга, ибо ихъ умѣренная теплота не требуетъ охлажденія. Вотъ до чего предвзятые взгляды могутъ довести даже такой положительный умъ, какимъ несомнѣнно былъ Аристотель! Изъ ошибочнаго предположенія о безкрови мозга онъ а priori выводитъ заключеніе, что мозгъ холоденъ, и отказываетъ ему въ главнѣйшихъ отправленіяхъ. Такое заблужденіе Аристотеля тѣмъ поразительнѣе, что его трактатъ „*О душѣ*“ (*De anima*) есть замѣчательнѣйшій въ своемъ родѣ трудъ, который по достоинству, положительности избранной имъ точки зрѣнія и глубинѣ взглядовъ превосходитъ не только всѣ остальные, исключая развѣ естественно-историческія его сочиненія, но и всѣ другія подобныя попытки древнихъ къ научному обобщенію явленій жизни и духа. Это вполне научный трактатъ о *физиологiи души*, чуть ли не единственный, гдѣ имъ примѣненъ наконецъ во всей полнотѣ имъ же упроченный индуктивный методъ. Считаемо поэтому нелишнимъ привести здѣсь вкратцѣ его содержаніе ²⁾.

Названіе душа, ψυχή, означаетъ сочетаніе обѣихъ функций души, физиологической и психологической, или жизни и духа (anima et animus), изъ коихъ духъ, animus, въ мысли Аристотеля есть собственно высшая степень развитія жизни, anima, ³⁾ ибо слово жизнь онъ вслѣдъ употребляетъ какъ выраженіе общей формы органической дѣятельности, а духъ какъ выраженіе одной изъ специфическихъ ея формъ, на послѣдней ступени развитія.

Въ трактатѣ *de anima* Аристотель сначала задается вопросомъ о природѣ души, есть ли она только возможность (τὸν ἐν δυναμει ζῆων) или же энтелехія, т. е. реальность, дѣйствительное осуществленіе чего либо,—есть ли она дѣлимое или недѣлимое (ибо есть же растения и насѣкомыя, которыя можно разрѣзывать на части, въ каждой изъ коихъ однако жизнь продолжается),—далѣе есть ли она одного или многихъ ро-

¹⁾ De part. animal. I. II, с. 7.

²⁾ При дальнѣйшемъ изложеніи мы руководствовались, кромѣ упомянутаго трактата „*De anima*“, еще трудомъ Barthélémy St Hilaire'a: „*Psychologie d'Aristote, Traité de l'ame*“, Paris, 1846, и статьей Lewes'a: „*Life and Mind*“ въ цитированномъ выше сочиненіи его объ Аристотелѣ. Lewes, I. с. 221—245.

³⁾ Собственно слово „anima“ первоначально означало „дыханіе жизни“, отъ ἀνεμοσ, дуновеніе. Этимологию слова ψυχή одни производятъ отъ ψυχάζω—охлаждаю, другіе (Stahl и Платонъ) отъ искаженнаго ψυστή—посителя природы, но буквально ψυχή означаетъ также дыханіе. Lewes, I. с. 222, 223, примѣч. 3.

довъ и различная для каждаго рода животныхъ, напр. у лошади, собаки, человека, а въ послѣднемъ случаѣ—въ чемъ заключаются общія и специфическія различія ¹⁾. Разбирая всѣ эти вопросы, онъ приходитъ наконецъ къ заключенію о единствѣ жизненнаго начала или души. Туже мысль онъ высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ:

„Количествомъ (*ἀριθμῶν*) душа одна, но въ способахъ своего проявленія она бываетъ множественна и различна“ ²⁾.

Эссенція души (*οὐσία*), говоритъ А. въ *De anima*, познается изъ всѣхъ или большей части ея атрибутовъ (*συμβεβηκότα*), ³⁾ но она не имѣетъ отдѣльнаго отъ тѣла существованія, независимо отъ организованной матеріи. Хотя неизвѣстно, всѣ ли аффекты души (*τὰ κἄθη τῆς ψυχῆς*)—въ то же время и аффекты тѣла, но несомнѣнно, что ощущение никогда не доходить до души безъ посредства тѣла и даже мысль, которая повидимому составляетъ исключительную принадлежность души, все же немислима безъ посредства тѣла. Мысль только въ нашемъ отвлеченіи можетъ представляться отдѣльно отъ тѣла, въ дѣйствительности же она неразлучна съ нимъ. Такое отдѣленіе возможно только субъективно, но не объективно, подобно отдѣленію бѣлизны отъ бѣлыхъ предметовъ. Такимъ образомъ душа, не имѣя ничего такого, чѣмъ бы не владѣла обще съ тѣломъ, повидимому неразрывно съ нимъ связана и не можетъ быть отъ него отдѣлена, точно также какъ кривизна шара немислима отдѣльно отъ матеріальнаго тѣла, коему она служитъ формой. Тѣло неизбѣжно участвуетъ во всѣхъ аффектахъ души, каковы мужество, боль, страхъ, состраданіе, радость, любовь, ненависть, и притомъ такъ, что душа, смотря по настроенію, можетъ либо не чувствовать самыхъ сильныхъ, либо выходить изъ себя отъ самыхъ слабыхъ аффектовъ. Для всѣхъ аффектовъ души всегда возможно находить чисто матеріальныя причины ⁴⁾. Душа поэтому должна составлять предметъ изученія не только для діалектика, но и для натуралиста и врача (*φυσικός*), и если діалектикъ въ гнѣвѣ усматриваетъ желаніе заплатить зломъ за зло, то врачъ найдетъ, что гнѣвъ есть волненіе крови, сообщающееся съ особенной силой сердцу, ибо первый, также какъ и математикъ, изучаетъ измѣненія матеріи сами по себѣ, отвлеченно отъ послѣдней, а второй никогда не изучаетъ явленій отдѣльно отъ матеріи. Между тѣмъ измѣненія души неразлучны съ физической матеріей въ организованныхъ существахъ и не могутъ быть изслорованы наподобіе математическихъ отвлеченій ⁵⁾.

Разсмотрѣвъ затѣмъ взгляды своихъ предшественниковъ на этотъ предметъ, Аристотель останавливается на критикѣ „Тимея“ Платона, который смотрѣлъ на душу, какъ на гармонію, какъ на движущую самое себя по кругу субстанцію, состоящую изъ элементовъ, черпающую свою гармонію въ гармоническихъ числахъ и по нимъ регулирующую свои движенія съ движеніемъ вселенной и т. д. Опровергая „Тимея“, Аристотель замѣчаетъ, что всѣ ошибки Тимея произошли оттого, что онъ недостаточно занимался тѣломъ, что онъ не усмотрѣлъ отношеній между душой и тѣломъ, въ коихъ душа хотя и есть дѣйствующее и движущее, а тѣло—страдательное и движимое начало, но не нужно забывать, что при этомъ сама душа часто приводится въ движеніе ощущеніями. Гнѣвъ, радость и другіе аффекты поэтому лишь кажутся движеніями души, въ сущности же правильнѣе сказать,

¹⁾ De anima, l. I, c. 1.

²⁾ De juventute, c. 1.

³⁾ De anima, l. I, c. 1.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же.

что въ гнѣвъ и радость приходитъ не душа, а только человекъ, чрезъ посредство души, которая свои движенія нерѣдко получаетъ извнѣ (ощущеніе, память). Старѣется не разумъ, измѣняется не душа, увядаетъ не мысль, а тѣло, которому они присущи. Мыслить, любить, ненавидить не душа, а тѣло, въ которомъ она живетъ, сама же душа и разумъ, какъ нѣчто болѣе божественное, безстрастно. Самое большое заблужденіе Тимея, говоритъ Аристотель, заключается въ утвержденіи, что душа есть число, которое движется само собою. Всѣ эти и имъ подобныя ошибки, по мнѣнію Аристотеля, происходятъ оттого, что на душу смотрятъ какъ на тѣло, состоящее изъ тончайшихъ частицъ. Если душа есть тѣло, то тогда въ одномъ и томъ же мѣстѣ должны очутиться два тѣла, или, если душа есть число, то въ одной точкѣ должно помѣститься нѣсколько точекъ ¹⁾.

Переходя во второй книгѣ *De anima* къ ближайшему опредѣленію души, Аристотель прежде всего задается вопросомъ: что такое жизнь?

„Каждая субстанція, говоритъ Аристотель, состоитъ изъ трехъ элементовъ: изъ матеріи, простой возможности, формы, опредѣляющей собственное имя каждой вещи, и ихъ соединенія, какъ результата сочетанія обѣихъ. Изъ естественныхъ тѣлъ одни одарены жизнію, другія нѣтъ. Подъ жизнію же мы подразумѣваемъ способность питаться, расти и умереть. Такимъ образомъ каждое естественное тѣло, надѣленное жизнію, можетъ быть разсматриваемо какъ субстанція (*συστήν*) и притомъ какъ субстанція сложная (*ὡς συνθετή*). И если живое тѣло есть подобное соединеніе, надѣленное жизнію, то оно не есть сама душа или жизненное начало. Отсюда слѣдуетъ, что если душа есть эссенціальная субстанція, то она есть таковая именно какъ форма естественнаго тѣла, обладающаго жизнію только въ возможности. Но такъ какъ каждая эссенціальная субстанція есть законченная реальность (энтелехія), то душа есть первичная энтелехія или высшая реальность естественнаго тѣла, одареннаго жизнію въ возможности; она есть его завершеніе, усовершенствованіе, полное его осуществленіе. Но это подразумѣвается только о тѣлѣ, которое организовано. Такъ части растений представляютъ собою органы, которые могутъ быть самыя простыя, какъ листь, покрывающій околоплодникъ, самый околоплодникъ, покрывающій плодь, или наконецъ корни, исполняющіе у растений функцію рта. Если поэтому есть какая нибудь общая формула для всякаго жизненнаго начала или души, то это будетъ слѣдующая: душа есть первичная реальность или энтелехія естественнаго тѣла, одареннаго органами (*ἐντελέχεια ἢ πρώτη σύνθετος φυσικὸς ὄργανισμὸς*)“ ²⁾.

Изъ приведенной выдержки видно, что согласно Аристотелю жизнь есть функція организма, а душа—собственная эссенція одушевленнаго тѣла, безъ этой эссенціи животное тѣло не есть болѣе животное тѣло, ибо животное есть тѣло и душа вмѣстѣ, подобно тому какъ глазъ есть зрачекъ и зрѣніе вмѣстѣ. Спрашивать—одно ли душа и тѣло, все равно, что спрашивать—одно ли и тоже воскъ и отпечатокъ на немъ или образовательная матерія какого либо предмета и самый образованный изъ нея предметъ ³⁾.

Одушевленное тѣло отличается отъ неодушевленныхъ предметовъ тѣмъ, что оно жи-

¹⁾ *De anima*, I, I, с. 3, 4.

²⁾ *De anima*, I, II, с. 1.

³⁾ Тамъ же.

ветъ ¹⁾. Жизнь на лицо тогда, когда есть питаніе, чувствительность, движеніе, мысль, изъ каковыхъ способностей каждая послѣдующая предполагаетъ существованіе предыдущей.

Питаніе свойственно всѣмъ живымъ существамъ, въ томъ числѣ и растеніямъ, и служитъ только для сохраненія тѣла.

Чувствительность свойственна только животнымъ; изъ органовъ чувствъ осязаніе—самый распространенный, у низшихъ животныхъ оно служитъ органомъ питанія и можетъ существовать отдѣльно, ибо есть животныя, обладающія только осязаніемъ, но ни однимъ изъ другихъ органовъ чувствъ. Вкусъ есть видъ осязанія, по скольку онъ способствуетъ питанію.

Движеніе предполагаетъ всегда чувствительность, но послѣдняя можетъ обходиться безъ него, ибо есть животныя, лишеныя движенія, но одаренныя чувствительностью.

Разумъ свойственъ только высшимъ животнымъ и предполагаетъ существованіе всѣхъ предыдущихъ способностей. Къ этимъ четыремъ способностямъ можно прибавить еще желанія и апетиты, неразлучныя съ чувствительностью ²⁾. Всѣ исчисленныя способности коренятся въ душѣ, которая есть ихъ источникъ и начало.

Изъ приведеннаго обзора видно, что согласно Аристотелю душа есть жизненное начало, чрезъ посредство котораго мы можемъ познавать, чувствовать, желать и при содѣйствіи коего у животныхъ имѣютъ мѣсто передвиженіе, питаніе, ростъ, достиженіе зрѣлости, обратное развитіе и смерть ³⁾. Она есть причина и форма, но не есть ни матерія, ни субъектъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать тѣло осуществленной реальностью, энтелехией души, а наоборотъ душа есть высшее совершенство и энтелехія тѣла. Поэтому, согласно Аристотелю, справедливо утверждаютъ, что душа не можетъ быть безъ тѣла, и однакоже она не есть тѣло, а нѣчто присущее живому тѣлу, она—въ тѣлѣ, но тѣлѣ, устроенномъ особеннымъ образомъ, а не во всякомъ тѣлѣ ⁴⁾.

Душа не дѣлима. Нельзя допускать, что одна часть души думаетъ, другая желаетъ и т. д., ибо разрѣзанныя части растеній и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ продолжаютъ жить и въ каждой изъ этихъ частей душа проявляется со всѣми своими свойствами ⁵⁾. Поэтому всѣ функціи души вытекаютъ изъ природы всей души какъ цѣлаго, а не зависятъ каждая отъ какой нибудь отдѣльной ея части: жизненное начало или душа—одно нераздѣльное цѣлое и тѣсно связано съ тѣломъ.

Душа, по представленію Аристотеля, не есть, какъ у Платона, вла-

¹⁾ De anima, I, II, с. 2.

²⁾ De anima, I, II, с. 3.

³⁾ De anima, I, I, с. 5.

⁴⁾ Тамъ же, I, II, с. 2.

⁵⁾ Тамъ же I, I, с. 5 и I, II, с. 2.

дычица и въ то же время плѣнница тѣла, вдали отъ мѣста своего рожденія. Точно также она не связана исключительно ни съ однимъ какимъ нибудь элементомъ, напр. съ огнемъ, какъ у Гераклита. Она есть только высшее выраженіе и источникъ жизни, а жизнь—это энергія души. Она одарена способностью заставлятъ жить. Жить и быть одушевленнымъ—одно и то же. Она, какъ сказано, не есть тѣло, но и сама не можетъ существовать безъ тѣла, она есть его внутренняя сущность, имѣющая въ своей власти жизнь, какъ формальная, двигательная и конечная причина организма, словомъ она есть его эссенція, эссенція же живыхъ существъ, это—сама жизнь, которой и надѣляетъ ихъ душа. Одна и та же душа заводитъ всѣми проявленіями жизни, питаніемъ, ростомъ, чувствительностью, движеніемъ, инстинктивными импульсами, мышленіемъ, желаніями, аппетитами. Но всѣ эти отличія составляютъ лишь ея атрибуты и не уничтожаютъ ея единства и ея цѣлостности. Правда, для болѣе удобнаго уразумѣнія ея функцій Аристотель различаетъ, смотря по ея атрибутамъ: питающую (*μέρος θρηπτικόν*), чувствующую (*αἰσθητικόν*), желающую (*ὀρεκτικόν*), двигающую (*κίνητικόν*) и разумную душу (*διανοητικόν*) ¹⁾. Но подъ ними отнюдь не слѣдуетъ понимать отдѣльныхъ видовъ души, а лишь отдѣльныя душевныя силы или свойства одного и того же жизненнаго начала—души (*ψυχή*) ²⁾. Всѣ эти функціи души, питаніе, чувство, мысль и проч. должны быть разсматриваемы какъ различныя степени одного и того же жизненнаго начала. Растеніямъ свойственны только питаніе и связанные съ нимъ процессы роста и увяданія. Отличительныя свойства животныхъ—чувство и движеніе. Что же касается мысли, то она есть принадлежность только человѣческаго рода. Питаніе есть основное жизненное начало всѣхъ организованныхъ, живыхъ существъ, такъ сказать, первичная, элементарная или растительная душа, животному свойственна чувствующая, а человѣку—мыслящая душа. Вообще между душами отдѣльныхъ существъ есть различія и соотвѣтственно этому должно видоизмѣняться и опредѣленіе души въ каждомъ данномъ случаѣ ³⁾. Каждое живое существо по Аристотелю должно быть разсматриваемо какъ слияніе души и тѣла, отдѣльныя части тѣла не имѣютъ никакого значенія безъ души, единство организму сообщаетъ только душа, она—конечная причина и конечная цѣль, которую преслѣдуетъ природа. Она составляетъ болѣе существенную часть животнаго, болѣе значить, нежели тѣло,

¹⁾ De anima, I. II, с. 3. вначалѣ; I. III, с. 10.

²⁾ Тамъ же, с. 4.

³⁾ De anima, I. II, с. 3.

ибо тѣло создано для души и есть только ея орудіе ¹⁾, безъ нея оно подвергается порчѣ и гніенію ²⁾. Душа также, какъ и живое тѣло, не можетъ обойтись безъ теплоты и безъ дыханія и вопросъ лишь въ томъ, есть ли дыханіе способность души или сама душа ³⁾. Не лишено интереса, что Аристотель не допускаетъ даже, чтобы женщина имѣла такую же душу, какъ и мужчина ⁴⁾. Дѣтская душа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не отличается отъ души животныхъ ⁵⁾.

Трактатъ *De anima* заключаетъ въ себѣ вообще много не безынтересныхъ и для врачей психологическихъ данныхъ, но чтобы не зайти слишкомъ далеко за предѣлы нашей задачи, прибавимъ здѣсь лишь еще нѣсколько подробностей о высшихъ способностяхъ жизненнаго начала или души, каковы воображеніе, мнѣніе, знаніе, разумъ.

Воображеніе, согласно Аристотелю, свойственно значительной части животныхъ; оно носитъ это названіе отъ образовъ, получаемыхъ посредствомъ зрительныхъ впечатлѣній, и есть способность вновь вызывать въ памяти эти образы, послѣ того какъ ощущенія, съ коими оно неразрывно связано, перестали дѣйствовать. Безъ ощущенія нѣтъ воображенія, слѣдовательно воображеніе есть движеніе, причиняемое ощущеніемъ въ дѣятельномъ состояніи, но не само ощущеніе, ибо ощущеніе всегда правдиво, никогда не ошибается (точка зрѣнія, совершенно противоположная принятой А. въ его метафизикѣ),—воображеніе же можетъ быть и правдиво и ложно.

Мнѣніе происходитъ также отъ ощущенія и влечетъ за собою вѣрованіе или убѣжденіе. Оно также бываетъ истинное или ложное, напр. мнѣніе объ истинной и мнѣніе о видимой величинѣ солнечной фигуры, равной футу ⁶⁾. Итакъ, согласно трактату *De anima*, чувства свободны отъ ошибокъ и послѣднія происходятъ только отъ ошибочныхъ сужденій ⁷⁾.

Знаніе и мысль коренятся въ той части души, которая называется разумомъ (*νοῦς*), подъ которымъ А. подразумѣваетъ „ту часть или способность души, которая разсуждаетъ и сравниваетъ.“

Разумъ, согласно А., съ одной стороны имѣетъ сходство съ ощущеніемъ и можетъ быть разсматриваемъ „какъ впечатлѣніе, получаемое отъ объекта мысли.“ Это—страдательный, пассивный разумъ, который отличается способностью воспринимать формы объектовъ и въ дѣйствительности не существуетъ раньше акта разумннн ⁸⁾ и

¹⁾ Тамъ же, I, II, с. IV.

²⁾ *De anima*, I, I, с. V.

³⁾ Тамъ же, I, I, с. 2.

⁴⁾ См. ниже Исторію развитія.

⁵⁾ *Hist. animal.*, I, VIII, с. 1.

⁶⁾ *De anima*, I, III, с. 3.

⁷⁾ Тамъ же, I, III, с. 3, 6.

⁸⁾ Т. е. „не имѣетъ субстанціального существованія, а существуетъ только въ дѣйствіи, какъ функція,“ какъ объясняетъ Lewes, I, с. 240.

не смѣшивается съ тѣломъ, ибо тогда онъ долженъ бы сдѣлаться теплымъ или холоднымъ, или имѣть какой либо органъ, подобно ощущенію. „Справедливо поэтому говорить (прибавляетъ А.), что душа есть какъ бы складочное мѣсто для формъ (τύπος εἰδῶν), но это относится не ко всей душѣ, а только къ мыслящей ея части, и не къ формамъ въ дѣйствительности, а къ формамъ въ возможности“¹⁾.

Съ другой стороны существуетъ различіе между разумомъ и ощущеніемъ, ибо вмѣстѣ съ страдательнаго разума, есть другой, безстрастный, дѣятельный, творческій разумъ. И хотя ощущеніе, строго говоря, само по себѣ тоже безстрастно, какъ возможность, „но, говоритъ А., разсматривая органы и чувства, ясно видно, что безстрастіе чувствующей и безстрастіе мыслящей части души не походятъ одно на другое: когда ощущение слишкомъ сильно, оно перестаетъ наконецъ быть замѣтнымъ для соответственнаго органа чувствъ, такъ слухъ не можетъ уловить отдѣльные звуки среди сильнаго шума, точно также слишкомъ яркія краски и слишкомъ рѣзкіе запахи не воспринимаются болѣе соответственными органами. Съ разумомъ же дѣло бываетъ наоборотъ: чѣмъ сильнѣе его объектъ, тѣмъ энергичнѣе онъ работаетъ; чѣмъ первый понятнѣе, тѣмъ лучше онъ его понимаетъ. Различіе это происходитъ оттого, что ощущение безъ тѣла не можетъ дѣйствовать, разумъ же можетъ дѣйствовать отдѣльно отъ него. Разъ познавши вещь, разумъ можетъ дѣйствовать уже самостоятельно и дойти до того, чтобы познать самъ себя, ибо въ вещахъ нематеріальныхъ предметъ мыслѣній и предметъ мыслимый смѣшиваются и становятся тождественными“²⁾. Этотъ высшій разумъ, который согласно А. есть вмѣстѣ и возможность (подобно матеріи) и причина, можетъ все сдѣлать и всѣмъ сдѣлаться. Онъ есть сила, подобная свѣту, который цвѣта, существующіе лишь въ возможности, превращаетъ въ дѣйствительные цвѣта. Отдѣленный отъ всего, безстрастный ко всему, безъ всякой погоронней примѣси, онъ есть по существу своему дѣйствию (actus), отсюда слѣдуетъ, что онъ есть творческое начало и что знаніе въ дѣйствіи тождественно съ объектомъ знанія и сливается съ нимъ, въ возможности же предсуществуетъ въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Но, строго говоря, предсуществовать не можетъ то, что иногда есть, иногда не есть, а только то, что можетъ существовать отдѣльно отъ предметовъ. Поэтому, согласно А., разумъ обнаруживаетъ свою истинную и полную сущность „не тогда, когда онъ то мыслитъ, то не мыслитъ, а тогда, когда онъ существуетъ отдѣльно отъ всего, и только этотъ разумъ безсмертенъ и вѣченъ, мы же объ немъ не имѣемъ воспоминаній потому, что онъ безстрастенъ (ἀκαθής).“³⁾ Что же касается пассивнаго разума, то онъ конеченъ и преходящъ и ничего не можетъ мыслить безъ высшаго, дѣятельнаго разума⁴⁾.

Согласно сказанному, потенциальное знаніе только раньше во времени у одного и того же индивидуума, абсолютно же оно не предсуществуетъ хронологически, ибо „все, что есть, происходитъ отъ существа, которое существуетъ какъ реальность, энтелехія“⁴⁾.

1) De anima, I. III, с. 4.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, I. III, с. 5. Очевидно всей приведенной здѣсь аргументація сильно противорѣчитъ вышеупомянутое положеніе А. о неотдѣлимости души и мысли отъ тѣла.

4) De anima. I. III, с. 7.

Ль ю н с ь въ этой сентенціи видѣть предвосхищеніе новѣйшей гипотезы, по которой знаніе или лучше способность къ приобрѣтенію знанія развивается въ расѣ и переходитъ отъ родителей къ потомству, такъ что потомокъ европейскихъ родителей, при одинаковыхъ условіяхъ воспитанія, можетъ достигнуть высшаго умственнаго развитія, нежели напр. потомокъ австраійскихъ родителей ¹⁾.

Наконецъ приведемъ еще нѣсколько относящихся сюда афоризмовъ Аристотеля и тѣмъ закончимъ его психо-физиологію.

Чувствовать вещи, мыслить ихъ—почти тоже, что сказать ихъ ²⁾. Для разумной души образы—настоящіе ощущенія, только не матеріальныя. Душа никогда не думаетъ безъ образовъ. Разумъ мыслить формы вещей въ получаемыхъ отъ нихъ образахъ, которые и побуждаютъ его избѣгать одного или стремиться къ другому, безъ вѣдѣтельности ощущеній въ эти рѣшенія. Такъ, чувствуя горѣвіе пламени и видя посредствомъ общаго чувства ³⁾, что оно двигается, душа понимаетъ, что угрожаетъ опасность стогрѣть ⁴⁾. Разумъ можетъ мыслить вещи отвлеченно, напр. кривизну криволинейнаго или математическія величины, въ дѣйствительности не существующія отдѣльно отъ вещей. Словомъ когда разумъ въ дѣйствіи мыслитъ вещи, то онъ есть не что иное, какъ эти мыслимыя вещи ⁵⁾, но, понятно, не во всей ихъ конкретной реальности, а только въ видѣ ихъ образовъ или формъ. Подобно тому какъ рука есть орудіе орудій, такъ разумъ есть форма формъ, а ощущенія—формы ощущаемыхъ вещей. Но какъ внѣ ощущаемыхъ и матеріальныхъ предметовъ нѣтъ ничего, такъ въ ощущаемыхъ формахъ должны заключаться и самыя понятія о вещахъ, и отвлеченія, и качества, и различныя измѣненія ощущаемыхъ предметовъ. Вотъ почему безъ чувствительности ничего нельзя ни знать, ни понимать, а безъ образовъ—разумно постигать что либо. Игакъ образы—это своего рода нематеріальныя ощущенія; правда, первоначальныя идеи, первобытныя начала—не образы, но безъ образовъ ихъ бы не было ⁶⁾.

Что касается движенія, какъ характерной особенности животной души, то, согласно А., оно всегда преслѣдуетъ опредѣленную цѣль и сопровождается вообращеніемъ и желаніемъ. Оно не обуславливается ни чувствительностью, ибо есть чувствительныя животныя, остающіяся въ покоѣ, ни разумомъ, ибо онъ не въ состояніи заставить бояться или любить кого либо, а внушается движеніе исключительно сердцемъ, при посредствѣ страстей и воображенія. Разумъ же, и то лишь практическій, а не спекулятивный, можетъ служить двигателемъ только въ томъ случаѣ, когда онъ къ тому побуждается предметомъ вождѣлвнй, безъ коего даже воображеніе не можетъ (быть двигателемъ. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, первой причиною движенія служитъ предметъ желанія. Даже воля, безъ коей разумъ не можетъ двигать тѣло, есть не больше какъ „апетитъ.“ Зато послѣдній въ состояніи двигать даже вопреки разуму: разумъ повелѣ-

¹⁾ Ср. Lewes, I. с. 241.

²⁾ De anima, I. III, с. 7.

³⁾ Подъ общимъ или конечнымъ чувствомъ (ἐν τῇ κοινῷ ἢ ἐν ἄλλῳ αἰσθητικῷ) А. подразумѣваетъ понятнаемое имъ въ сердцѣ, этомъ жизненномъ узлѣ всѣхъ отвлеченій каждаго животнаго, такъ называемое шестое чувство, посредствомъ котораго мы въ состояніи судить о специфичности качества каждаго изъ пяти органовъ чувствъ. De anima, I. III, с. 2 и De juventute, I

⁴⁾ De anima, I. III, с. 7.

⁵⁾ Тамъ же, с. 7 въ концѣ.

⁶⁾ De anima, I. III, с. 8.

ваетъ противостоять, ибо предвидить результатъ, по желанію требуетъ непосредственнаго удовлетворенія Разумъ всегда справедливъ, воображеніе же и страсть—не всегда. Самый предметъ вождельный, вызывающій движеніе, можетъ быть или дѣйствительное или воображаемое благо. По этому поводу А. и говоритъ, что можно различать множество видовъ или способностей души, какъ питающую, чувствительную, разумную, хотящую и желающую. Въ самыхъ желаніяхъ могутъ быть противорѣчія, протистекающія изъ борьбы ра. ума съ желаніями. „Словомъ, заключаетъ А, существо двигается, потому что оно воспріимчиво къ желаніямъ, желаній нѣтъ безъ воображенія, воображеніе же можетъ быть разумное или основанное на чувствахъ. Животнымъ свойственны такія же желанія, какъ и человѣку ¹⁾).

Остальныя пункты физиологіи А. см. ниже при изложеніи *De partibus animalium*.

Произражденіе и исторія развитія изложены отчасти въ трактатахъ *Historia animalium* и *De partibus animalium*, преимущественно же въ трактатѣ *De generatione animalium*, который, какъ Аристотель объясняетъ въ самомъ началѣ, есть не что иное, какъ продолженіе или дополненіе къ *De partibus animalium*. Это также одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Аристотеля, въ которомъ собранъ богатый матеріалъ собственныхъ наблюденій надъ яйцами всѣхъ классовъ животныхъ, въ особенности надъ куриными, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ многихъ, неизбѣжныхъ при современномъ ему состояніи науки ошибокъ.

Анатомія половыхъ органовъ, какъ мы видѣли, изложена у Аристотеля далеко недостаточно, не говоря уже о подчасъ совершенно телеологическомъ объясненіи ихъ устройства. Такъ по его мнѣнію многочисленныя извилины сѣменныхъ канальцевъ въ яичкѣ служатъ для умѣренія полового возбужденія, подобно тому какъ извилины кишечнаго канала имѣютъ цѣлю—предупредить слишкомъ частую потребность въ пищѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ незначительное развитіе яичекъ и извилинъ кишечнаго канала у животныхъ, отличающихся похотливостью и обжорливостью ²⁾. Матка постоянно смѣшивается имъ съ яичникомъ и описывается какъ двурогая, хотя онъ не раздѣляетъ болѣе господствовавшаго до него убѣжденія, что полъ плода зависитъ отъ развитія его въ томъ или другомъ отдѣленіи матки. Есть впрочемъ одно мѣсто у Аристотеля, доказывающее, что онъ не только догадывался о существованіи яичника, но что онъ видѣлъ даже Граафовъ пузырьки:

¹⁾ De anima, (I. III, с 9—11). Въ этомъ трактатѣ есть еще много подробностей относительно зрѣнія (I. II, с. 7), слуха (с. 8), обонанія (с. 9), вкуса (с. 10) и осязанія (с. 11), въ которыя однако здѣсь не входимъ, такъ какъ главные отвосаціи сюда положенія А. приведены выше (стр. 52—54).

²⁾ De generatione animal. I. I, с. 4. А. говоритъ здѣсь даже, что нѣкоторыя животныя вовсе не имѣютъ яичекъ, а только vasa deferentia.

„У женскихъ недѣлимыхъ есть органъ, который можетъ быть разсматриваемъ, какъ ovariūm, ибо онъ заключаетъ въ себѣ то, что вначалѣ есть еще недифференцированное яйцо и что черезъ дифференціацію превращается въ нѣсколько яицъ“ 1).

Мужское сѣмя (σπέρμα) отдѣляется, согласно Аристотелю, въ сѣменныхъ каналцахъ, состоитъ изъ воды и воздуха (Pneuma), почему сравнивается имъ съ пѣной, и содержитъ зародышъ будущаго существа и образовательную душу (ψυχή φυσική). Изверженіе сѣмени происходитъ отъ напора горячаго Pneuma 2), но не тотчасъ проникаетъ въ матку, по причинѣ узости ея отверстія, и лишь мало по малу притягивается туда теплотой. Женское произраждающее начало заключается въ мѣсячной крови и женщина при произраженіи доставляетъ только пластическій матеріалъ для образованія зародыша, ибо женщинѣ Аристотель приписывалъ только растительную и чувствующую душу, а потому она участвуетъ лишь въ образованіи тѣла плода, въ растительномъ его воспроизведеніи 3), высшую же, духовную природу плодъ получаетъ отъ отца, чрезъ посредство Pneuma его сѣмени, или вѣрнѣе сказать извнѣ, ибо душа, часть божественной души, привходитъ извнѣ 4).

Въ маткѣ сѣмя окружается оболочкой (ἄλλος ἕμην, Amnion), вокругъ коей впослѣдствіи образуется другая, связанная съ маткой (Chorion). Накопляющуюся между ними жидкость (ложныя воды) женщины называютъ πρόφορος 5).

Въ области эмбриологіи Аристотель первый наблюдалъ и описалъ появляющееся на третій день *Punctum saliens* (σίγμα χινωμένης):

„Въ зародышѣ сердце обнаруживаетъ движеніе раньше всѣхъ другихъ частей, словно живое существо и начало всѣхъ кровныхъ животныхъ 6).

Хотя сердце, также какъ и кровь, не можетъ считаться исходной точкой развитія зародыша, ибо появляется даже позднѣе нѣкоторыхъ кровеносныхъ сосудовъ, но такъ какъ оно начинаетъ биться гораздо раньше образованія крови въ зародышѣ, то взглядъ на *Punctum saliens* какъ на сердце вполне наученъ для вѣка Аристотеля, хотя и не подтверждается новѣйшими наблюденіями 7).

1) De generat. animal., l. I, c. 15, гдѣ рѣчь идетъ о головоногихъ. Слѣдовательно будетъ правильнѣе сказать, что А. видѣлъ подобіе Граафова пузырька у мягкотѣлыхъ.

2) De generat. animal., l. II, c. 2, 3. Hist. animal. l. VП, c. 7. вначалѣ.

3) De generat. animal. l. II, c. 4, 5.

4) De generat. animal., l. II, c. 3

5) Historia animal., l. VП, c. 7.

6) De partib. animal., l. III, c. 4. Histor. animal. l. VI, c. 3.

7) Cp. Lewes, l. c. 312.

Итакъ у зародышей всѣхъ животныхъ, согласно Аристотелю, прежде всего образуется сердце, что вполне согласуется съ его теоріей объ отпращиваніяхъ сердца и сосудовъ и съ его ученіемъ о питаніи. Послѣ сердца, чрезъ распредѣленіе питательнаго матеріала посредствомъ сосудовъ, образуются однородныя части (мышцы и проч.), причемъ сначала обозначаются только ихъ контуры, подобно тому какъ живописецъ сначала набрасываетъ эскизъ и тогда уже доканчиваетъ рисунокъ красками ¹⁾. Затѣмъ какъ противовѣсъ теплomu сердцу развивается холодный мозгъ, имѣющій вначалѣ, равно какъ и глаза, большой объемъ, впоследствии уменьшающійся. Далѣе образуются кости и проч. У человѣка мужской зародышъ развивается скорѣе женскаго и уже на 40-й день обозначаются конечности, половые органы (?) и большіе глаза; въ это время плодъ имѣетъ величину большого муравья (!) Женскій зародышъ достигаетъ этой степени развитія только послѣ 4 мѣсяцевъ ²⁾. Головка въ маткѣ наклонена къ бедрамъ и лишь къ концу беременности опускается внизъ ³⁾.

Образованіе однородныхъ частей Аристотель объясняетъ створиваніемъ и уплотнѣніемъ отъ холода извѣстныхъ частицъ питательной жидкости, профильтруемой сквозь стѣнки сосудовъ и каналовъ каждой части тѣла, наподобіе воды въ не полированныхъ земляныхъ сосудахъ (*ὀμοίως κεραμίδος*), послѣ чего отчасти опять растворяются отъ огня. Землистыя составныя части профильтрованной жидкости, во время охлажденія и испаренія влаги, твердѣютъ и превращаются въ ногти, волосы, копыта, и притомъ такъ, что онѣ только размягчаются, но не плавятся отъ огня. Сухожилія и кости образуются подъ вліяніемъ внутренней теплоты, отъ которой влага высыхаетъ, почему онѣ не растворяются огнемъ, ибо они „словно испечены, какъ въ печи, врожденной теплотой,“ которая заключена въ сѣмени и обладаетъ зиждущей силой, необходимой для каждой части. Уродливости, по Аристотелю, происходятъ отъ недостатка или избытка врожденной теплоты.

Кожа образуется отъ высыханія поверхностнаго слоя мяса, какъ это бываетъ при вареніи мяса, причемъ клейкое вещество (*τὸ γλίσχυρον*) не можетъ испариться и остается на мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это клейкое вещество все таки высыхаетъ, образуя твердыя и мягкія скорлупы безкровныхъ животныхъ; у кровныхъ же оно имѣетъ болѣе жирное свойство, оттого подкожный жиръ образуется преимущественно у

¹⁾ De generat. animal., l. II, c. 6.

²⁾ Histor. animal., l. VII, c. 3.

³⁾ Тамъ же, l. VII, c. 8.

особей, имѣющихъ не слишкомъ много „землистыхъ“ составныхъ частей ¹⁾).

Согласно сказанному, порядокъ дифференцированія органовъ изложенъ довольно вѣрно, хотя и здѣсь встрѣчаемся съ многими неточностями и съ обыкновенными теолоогическими объясненіями. Такъ фактъ болѣе ранняго и болѣе явственнаго развитія верхней половины тѣла въ сравненіи съ нижней совершенно вѣренъ, но ошибочно объясненіе, какое даетъ Аристотель по этому поводу, а именно, что нижняя половина тѣла ниже по достоинству и служить только для цѣлей верхней, въ которой помѣщается источникъ развитія—сердце.

Питаніе плода происходитъ изъ крови матери черезъ пуповину (*ὁ ἔμφυλλος*), подобно тому какъ растенія питаются посредствомъ корней, ибо пуповина состоитъ изъ двухъ сосудовъ, заключенныхъ въ общую оболочку и идущихъ отъ сердца зародыша къ маткѣ, гдѣ и развѣтвляются подобно корнямъ ²⁾. Особенно вѣрно описаніе пупочныхъ сосудовъ у животныхъ, напр. у теленка:

„Изъ пуповины идутъ въ зародышъ два сосуда черезъ ворота (*πίλας*) печени къ полой венѣ, другіе два—къ мѣсту развѣтвленія аорты. У маленькихъ животныхъ пуповина состоитъ только изъ двухъ сосудовъ, у птицъ—изъ одного, но у всѣхъ они окружены перепонками“ ³⁾.

Послѣдъ также описанъ довольно вѣрно ⁴⁾. Первоначальная же пища получается зародышемъ изъ избытка матеріала самого плода, подобно тому какъ въ зернѣ для его первоначальнаго питанія служитъ молочная жидкость ⁵⁾.

У мнимоумершихъ при рожденіи греческія акушерки выжимали кровь изъ пуповины по направленію къ туловищу младенца съ цѣлью оживить его; при этомъ случаѣ находимъ указаніе на смерть младенца отъ судорогъ (*τράσμος*) въ первые дни послѣ родовъ, почему имя давалось только на 7 день ⁶⁾.

О мѣсячныхъ очищеніяхъ и ихъ цѣли, а также объ ихъ уклоненіяхъ, сопровождающихъ ихъ бѣляхъ и послѣдствіяхъ, вообще находимъ у Аристотеля довольно вѣрныя данныя, основанныя на собственныхъ наблюденіяхъ. Одержимытъ совершеннымъ ихъ отсутствіемъ Аристотель считалъ бесплодными, хотя ему были извѣстны и исключенія,

¹⁾ De generat. animal., l. II, c. 6.

²⁾ Тамъ же, l. II, c. 4.

³⁾ Hist. animal. l. VII, c. 8.

⁴⁾ De generat. animal., l. II, c. 7 вначалѣ.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 4.

⁶⁾ Histor. animal., l. VII, c. 10, 12.

равно какъ и случаи продолженія мѣсячныхъ во время беременности ¹⁾. Онъ смотрѣлъ на нихъ не только какъ на необходимое условіе для зачатія, но считалъ ихъ настоящимъ очищеніемъ женскаго тѣла.

Весьма тщательно описаны признаки развитія обоого пола, а также фیزیологическія и патологическія измѣненія у беременныхъ.

Выкидышъ Аристотель объяснялъ послѣдовательнымъ зачатіемъ (Superfoetatio), возможность котораго онъ допускалъ, въ доказательство чего приводитъ извѣстный въ его время случай, гдѣ у невѣрной жены родились двойни, изъ коихъ одинъ плодъ имѣлъ черты мужа, а другой—чужаго. Если однако вторичное зачатіе имѣло мѣсто долгое время спустя послѣ перваго, то, не будучи способенъ къ развитію, второй плодъ и починаетъ выкидышъ, какъ это повторялось 12 разъ сряду у одной женщины, находившейся подъ его наблюденіемъ ²⁾. Интересенъ приведенный Аристотелемъ случай необыкновенной плодовитости одной женщины, у коей родилось 20 дѣтей въ четыре приема, по 5 при каждахъ родахъ, изъ коихъ большинство сохранилось въ живыхъ и выросло ³⁾. Развитие мальчиковъ въ правой и дѣвочекъ въ лѣвой сторонѣ матки хотя и допускалось Аристотелемъ на основаніи движеній плода въ соотвѣтственной сторонѣ, но онъ наблюдалъ и обратное ⁴⁾. Точно также Аристотель вѣрилъ еще, что въ маткѣ существуютъ Cotyledones ⁵⁾, хотя и не всегда, и что онѣ во всякомъ случаѣ передъ родами исчезаютъ ⁶⁾.

Таковы, въ общихъ чертахъ, эмбриологія и ученіе Аристотеля о *прозраженіи*. Но трактатъ *De generatione animalium* имѣетъ столько точекъ соприкосновенія съ современнымъ ученіемъ о томъ же предметѣ, что считаемъ излишнимъ войти здѣсь нѣсколько подробнѣе въ его содержаніе.

Аристотелю болѣе или менѣе были извѣстны всѣ способы про-

¹⁾ Тамъ же, с. 2.

²⁾ *Histor animal.*, l. VII, с. 4.

³⁾ Тамъ же. Этотъ рассказъ все таки гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ напр. приведенный у Баугина и доказывающій легковѣріе нашихъ праотцовъ случай появленія на свѣтъ 36 живыхъ мальчиковъ отъ однихъ родовъ у нѣкоей Маргариты, жившей близъ Кракова въ 1270 г. до Р. X. „Triginta sex filios vivos uno partu reperit Margarita, comitis Virboslai uxor, Cracoviensi agro. An. 1270. 20 Jan., Cromero et Guagnimio testibus.“ Вауһин, *De hermaphroditorum Monstrorumque partuum natura*, libr. duo, Oppenheimii, 1614, p. 74. Цитировано у Lewes'a, l. с. 374.

⁴⁾ *Histor animal.*, l. VII, с. 3. У мальчиковъ по А. движенія обнаруживаются на сороковой, у дѣвочекъ на 90 дней! Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, l. III, с. 1.

⁶⁾ Тамъ же, l. VII, с. 8

израженія, за исключеніемъ произвольнаго дѣленія ¹⁾. На первый планъ здѣсь, разумѣется, выступаетъ вопросъ о различіи половъ.

„Произраженіе (говоритъ Аристотель въ другомъ мѣстѣ) есть конечная цѣль питанія. Самый естественный актъ живыхъ существъ — производить себѣ подобныхъ, чего не дѣлаютъ только калѣки, больше и недоразвитыя недѣлимыя. Въ этомъ актѣ они въ некоторомъ образѣ причастны вѣчному и божественному, это цѣль, которую они преслѣдуютъ и для которой ихъ создала природа. Вѣ они, какъ отдѣльныя существа, конечны и преходящи, но въ известной степени они причастны вѣчному: всегда остается и сохраняется если не самое отдѣльное существо (индивидъ), то почти оно, именно его видъ, сохраненію и прочному единству коего оно содѣйствуетъ“ ²⁾.

Этотъ послѣдній взглядъ Аристотель проводитъ и въ *De generatione animalium*. Каждый отдѣльный индивидъ, говоритъ онъ здѣсь, потому именно, что онъ индивидъ—смертенъ, видъ же вѣченъ, такъ какъ онъ воспроизводитъ отдѣльныя особи, для чего и существуютъ мужское и женское начала, изъ коихъ первое есть движущее, высшее и болѣе богоподобное, тогда какъ женское представляетъ собою только матеріальное начало ³⁾. Но это различіе половъ не бываетъ всеобщее, есть исключенія, какъ у иныхъ кровныхъ животныхъ (подъ которыми Аристотель подразумѣваетъ нѣкоторыхъ рыбъ), такъ и у безкровныхъ, изъ коихъ одни имѣютъ явственно различныя полы, производящія себѣ подобныхъ, другія производятъ, но не себѣ подобныхъ, именно тѣ, которыя произошли не отъ родителей, а отъ гніенія и изверженій (нѣкоторыя насѣкомыя и животныя, прикрѣпленныя къ одному мѣсту—устрицы) ⁴⁾.

Разсматривая различныя формы воспроизведенія, Аристотель говоритъ, что одинъ разрядъ животныхъ (кровныя) рождаетъ дѣтенышей жи-

¹⁾ Всѣ явленія произраженія, согласно Lewes'у (l. c. 327), сводятся къ двумъ главнымъ разрядамъ:

I. *Monogenesis*—происхожденіе отъ одной материнской кѣтки, распадающееся на три вида: а) произвольное дѣленіе (*Vorticella*), б) паружное почкованіе (полипы, *Hydra*) и в) внутреннее почкованіе или дѣвственное за рожденіе, *Parthenogenesis* (пчелы).

II. *Digenesis*—происхожденіе отъ двухъ родителей или двухъ кѣтокъ, подразделяющееся на 2 вида: а) сочетаніе, при коемъ двѣ похожія одна на другую кѣтки, быть можетъ произшедшія путемъ дѣленія, соединяютъ свое содержимое и рождаютъ новую кѣтку (явленіе извѣстное и ботаникамъ); б) оплодотвореніе или соединеніе двухъ различныхъ кѣтокъ—сѣменной нити и женскаго яйца (*ovum v. Ваег'а*).

²⁾ *De anima*, l. II, c. 4.

³⁾ *De generatione animalium*, l. II, c. 1.

⁴⁾ *De generat. animalium*, l. I, c. 1.

выми и вполне похожими на родителей, а другой (безкровныя)—дѣтенышей безъ членовъ и несхожихъ съ родителями, причемъ первыя кладутъ яйца, а послѣднія—червей (σκώληξ). Яйца и черви отличаются тѣмъ, что въ яйцѣ зародышъ вырастаетъ изъ одной его части, между тѣмъ какъ весь остатокъ идетъ на питаніе; въ червѣ же зародышъ развивается изъ всего его тѣла ¹⁾.

Изъ живородящихъ (ζωοτοκῶντα) одни выносятъ дѣтей непосредственно до рожденія (человѣкъ, лошадь, дельфины), другія же суть яйцевивородящія, причемъ сначала производятъ яйца, развивающіяся въ зародыши внутри родителей (хрящевыя рыбы). Изъ яйцевивородящихъ (φωτοκῶντα) одни кладутъ вполне готовые, совершенныя яйца, которыя послѣ уже не растутъ (птицы, пресмыкающіяся), другія—несовершенныя яйца, растущія послѣ кладки (рыбы, Crustacea, Cephalopoda). Насѣкомыя всѣ выводятъ червей (Scolices), ибо всѣ онѣ безкровны ²⁾. Очевидно, Аристотель ничего не зналъ о яйцахъ насѣкомыхъ. Нѣкоторыя насѣкомыя, согласно Аристотелю, имѣютъ половое сообщеніе и производятъ себѣ подобныхъ, какъ кузнечикъ, сверчокъ, паукъ, оса, муравей; другія также сообщаются, но производятъ червей и ихъ начало слѣдуетъ искать въ гнилыхъ жидкостяхъ и веществахъ (мухи, блохи); еще другія не имѣютъ ни родителей ни полового сообщенія (эфемерныя, tipula). У насѣкомыхъ, имѣющихъ половое сообщеніе, самки крупнѣе и шире самцовъ, ибо болѣе широкое тѣло лучше выносить тяжесть оплодотворенныхъ яицъ ³⁾.

„Такимъ образомъ, говоритъ Аристотель, природа устроила для произражденія недѣлимыхъ слѣдующій рядъ: болѣе совершенныя и болѣе теплыя животныя выносятъ и рожаютъ дѣтей совершенно сформированными, хотя и не по величинѣ, ибо послѣ рожденія они растутъ. Менѣе совершенныя сначала кладутъ яйца, но изъ нихъ дѣтеныши выдуливаются живыми. Другія опять не производятъ совершенныхъ дѣтенышей, а только совершенныя яйца, еще другія, именно болѣе холодныя отъ природы—несовершенныя яйца, наконецъ самыя холодныя не производятъ яицъ, а лишь червей (Scolices), которыя современемъ становятся похожими на яйца, ибо такъ называемая куколка (Chrysalis) насѣкомаго имѣетъ силу (βιολάμν) яйца, изъ котораго уже въ третьемъ превращеніи развивается животное“ ⁴⁾.

Изъ всѣхъ существующихъ нынѣ теорій произражденія: сперматической (самой древней), овулярной, сингенетической ⁵⁾, эво-

¹⁾ Тамъ же, I. II, с. 1.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, I. I, с. 16.

⁴⁾ De generatione animal., I. II, с. 1.

⁵⁾ Отъ мужскаго сѣмени, отъ женскаго яйца или отъ обонхъ.

людионной (по которой зародышъ со всѣми его органами предсуществуетъ въ яйцѣ) ¹⁾ и эпигенетической Аристотель предугадалъ послѣдую, т. е. Epigenesis, по которой зародышъ, пройдя сквозь цѣлый послѣдовательный рядъ разныхъ дифференцированій, развивается наконецъ изъ простой однородной массы въ сложный разнородный организмъ. Это учение, изобрѣтеніе коей приписывается обыкновенно Гарвею и Каспару Фр. Вольфу, въ дѣйствительности обязапо своимъ происхожденіемъ Аристотелю, который первый возвѣстилъ его ученому міру слишкомъ 2000 лѣтъ тому назадъ. Эта теорія всѣми признается единственно заслуживающей довѣрія и нынѣ окончательно восторжествовала надъ всѣми другими теоріями генезиса, послѣ того какъ Вольфъ доказалъ, что первичное аморфное яйцо становится организмомъ, лишь претерпѣвъ различныя послѣдовательныя видоизмѣненія, изъ коихъ каждое есть слѣдствіе предыдущаго и причина послѣдующаго ²⁾. Вотъ что читаемъ объ этомъ предметѣ у Аристотеля:

„Одна часть [въ зародышѣ] происходитъ послѣ другой и вотъ почему: въ каждомъ предметѣ, который творитъ природа или искусство, реальное происходитъ изъ возможнаго, а потому видъ (εἶδος) и форма должны существовать въ прежде возникшемъ. Но если все происходитъ изъ сѣмени, то невозможно, чтобы съ самаго начала какая либо часть растенія или животнаго существовала вполне готовой и сформированной въ сѣмени. Сѣмя же есть первое, что дано отъ природы, оно есть начало произражденія, невозможно поэтому, чтобы какая либо часть предсуществовала въ немъ. Напротивъ того, пластическая сила (τὸ ποιῶν) не имѣетъ никакого органа, ни внутри, ни внѣ, но тотъ или другой необходимо. Попытаемся поэтому примирить это противорѣчіе“ ³⁾.

Съ этой цѣлью онъ сравниваетъ механизмъ произражденія съ движеніями въ машинѣ, въ которой одинъ валъ, приведенный въ дѣйствіе, опредѣляетъ движенія другихъ частей машины. Сѣмя есть первый двигатель при развитіи зародыша и одарено способностью сообщать движеніе, продолжающееся надолго послѣ прекращенія дѣйствія перваго импульса. Ни одинъ органъ не можетъ поэтому самъ по себѣ быть причиной развитія, „одинъ органъ на оборотъ происходитъ послѣ другаго, а не всѣ заразъ“ ⁴⁾.

Аристотель первый провозгласилъ не только учение объ Epigenesis, но также другое столь блистательно проведенное въ новѣйшее время академикомъ Бэромъ учение, согласно коему общіе и спеціальныя признаки зародыша приобрѣтаются лишь послѣдовательно, такъ что зародышъ млекопитающаго есть прежде всего животное, потомъ позвоночное, затѣмъ уже млекопитающее и наконецъ особый видъ млекопитающаго:

„Не разомъ и вдругъ животное становится человѣкомъ или лошадыю, это достигается только къ концу развитія. Конечъ и цѣль всякаго развитія—специфическая форма“ ⁵⁾.

¹⁾ По этой же теоріи зародышъ становится видимымъ отъ развертыванія и разростанія органовъ. Ср. Lewis, I. с. 351.

²⁾ Тамъ же и 354.

³⁾ De generat. animal., I. II, с. 1.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ De generatione animal., I. II, с. 3.

Далѣе, согласно Аристотелю, между ростомъ и воспроизведе-
ніемъ существуетъ тѣсная связь, что видно изъ его ученія о сѣ-
мени.

Онъ различаетъ *γούνη*—сѣменную жидкость, содержащую у двуполыхъ животныхъ на-
чало произражденія, и *σπέρμα*, полъ которымъ онъ подразумѣваетъ то оплодотворяющій
агентъ (мужское сѣмя), то смѣшеніе началъ обоихъ родителей (оплодотворенное яйцо). Во-
обще сѣмя онъ опредѣляетъ какъ „начало, изъ коего происходятъ всѣ предметы, образу-
ющіеся естественнымъ путемъ“¹⁾.

Мужское сѣмя происходитъ изъ всего тѣла²⁾, оно есть выдѣленіе (эскретъ),
избытокъ питательнаго матеріала, то, что остается отъ пищи и выдѣляется, подобно крас-
камъ, не упогребленнымъ живописцемъ на рисунокъ. Оттого-то болѣе крупныя животныя
имѣютъ меньше дѣтенышей, нежели мелкіе, ибо у нихъ потребление питательнаго матеріала
больше и остатокъ отъ него (выдѣленіе) меньше. Сѣмя отсутствуетъ въ тяжкихъ болѣзняхъ
отъ слабости, въ старости—отъ того, что тогда пища недостаточно переваривается, нако-
нецъ въ дѣтствѣ—отъ употребленія всего годнаго для питанія матеріала на быстрый ростъ,
ибо въ 5 лѣтъ тѣло достигаетъ уже половины будущей величины. У тучныхъ людей от-
дѣленіе сѣмени ничтожно, ибо то, что должно сдѣлаться сѣменемъ, идетъ на питаніе всего
тѣла, оттого они менѣе сладострастны³⁾. Тоже бываетъ и у животныхъ, т. е. и у нихъ об-
разованіе жира происходитъ насчетъ образованія сѣмени. По этой же причинѣ безпозво-
ночныя особенно плодотивы, ибо у нихъ замѣчается отсутствіе жира⁴⁾.—По отношенію къ
физическимъ качествамъ Аристотель описываетъ сѣмя какъ родъ пѣны (*ἀφρός*) или смѣси
воды и воздуха (*Ρνευμα*), отсюда названіе богини Афродиты. Мнѣніе объ аига,
исходящей изъ сѣмени, какъ о настоящемъ агентѣ оплодотворенія, господствовало въ раз-
ныхъ теоріяхъ происхожденія вплоть до открытія сперматозооовъ Левенгукомъ⁵⁾.

Во всякомъ сѣмени есть теплота, которая собственно и производитъ произраж-
деніе, но эта теплота—не огонь, а лишь дыханіе (*πνεῦμα*), содержащее въ пѣнистой
природѣ сѣмени, и въ этомъ *Ρνευμα* есть нѣчто аналогичное съ элементами звѣздъ. Та-
кимъ образомъ огонь не даетъ начала никакимъ живымъ твореніямъ, солнечная же теплота
наоборотъ обладаетъ такой силой⁶⁾.

У женщинъ нѣчто похожее на сѣмя, но не однородное съ нимъ, заключается въ
мѣсячныхъ кровяхъ, на что указываютъ особенности послѣднихъ у женщинъ и течки
у животныхъ, а также ихъ тѣсная связь съ воспроизведеніемъ⁷⁾, съ кормленіемъ и обра-
зованіемъ зародышевыхъ оболочекъ изъ ихъ плотныхъ элементовъ⁸⁾. Въ одномъ мѣстѣ Ари-
стотель говоритъ даже о сѣменномъ веществѣ самокъ“ (*ἐν τῷ θήλει τῆν ὕλην τῆν σπερ-*

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 18.

²⁾ Тамъ же, I, I, с. 17.

³⁾ De generatione animalium, I, I, с. 18.

⁴⁾ Тамъ же, с. 19. Аристотель повидимому не зналъ, что жиръ есть и у безпозво-
ночныхъ.

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 2. Ср. Lewes, I, 356.

⁶⁾ De generat. animal., I, II, с. 3.

⁷⁾ De generat. animal., I, I, с. 19.

⁸⁾ Тамъ же, I, II, с. 4.

ματιχῆν) ¹⁾. Ему конечно не могло быть известно ни существование человеческого яйца (за неимением микроскопа), ни значение месячных очищений, как явления, лишь с помощью процесса произвольного отделения яиц из Граафова пузырька, он наконец разгадал только одно, что в месячных содержится нечто аналогическое сменной жидкости, γυνή. Это что-то есть однако не более как пластический материал, из коего образуется зародыш при содействии семени, ибо „месячные крови имѣютъ всѣ свойства первичнаго матеріала“ ²⁾.

Итакъ Аристотель полагалъ, что самцы даютъ зародышу форму и движущее начало, самки же—лишь пластическій материалъ. Подобно тому какъ при створожении молока послѣднее есть только материалъ, а сычугъ содержитъ въ себѣ причину створожения, точно также доставляемое самкой дѣлится, дифференцируется (μερίζμενον) тѣмъ, что идетъ отъ самца“ ³⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, у Аристотеля нѣтъ недостатка и въ „метафизическихъ соображеніяхъ“ (какъ онъ самъ выражается) въ пользу его предположенія. Сюда относятся фактъ зачатія въ безчувственномъ состояніи и наоборотъ присутствіе самосознанія безъ зачатія ⁴⁾, а также существенныя различія, которыя неизбѣжно должны существовать въ природѣ производящаго и воспринимающаго начала, въ природѣ того, что движеть и образуетъ, и того, что движимо и образуемо, отсюда—априористическій выводъ, что самка ничего не можетъ прибавить къ семени, кромѣ пластическаго матеріала ⁵⁾.

Согласно этому, женщина есть недоразвитый мужчина ⁶⁾, она женщина вслѣдствіе своей слабости, ибо холодность ея природы не дозволяетъ претворенія ея пищи въ сѣмя. Она производитъ нечто похожее на сѣмя, только безъ одушевляющаго начала. Доказательствомъ служатъ пустыя яйца (ὄπτηνῆμα) у куръ, лишенныя образовательнаго (формативнаго) начала семени, которыя никогда не превращаются въ цыплятъ, ибо имѣютъ только растительную, но не чувствующую душу, и представляютъ собою лишь совершенное растительное, но не совершенное животное сѣмя. Тоже относятся ко всѣмъ женскимъ недѣлимымъ всѣмъ животнымъ съ различными полами. Для образованія совершеннаго животнаго безусловно необходимо вліяніе мужскаго начала ⁷⁾.

Что касается животныхъ, не представляющихъ различія половъ, то у нихъ сѣмя есть родъ зачатка (ἀρχήμα) или оплодотвореннаго зерна.

„Я называю первое соединеніе мужскаго и женскаго начала зачаткомъ, говоритъ Аристотель. Изъ одного семени рождается одно тѣло, изъ одного пшеничнаго зерна—одинъ колосъ, а изъ одного яйца—одно животное, двойни же рождаются изъ двухъ яицъ. Но у животныхъ съ различными полами изъ одного семени можетъ родиться нѣсколько плодовъ“ ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, III, с. 1. (ed. Ditot, III, 373).

²⁾ Тамъ же, I, I, с. 20.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, I, I, с. 19 въ концѣ.

⁵⁾ Тамъ же, I, I, с. 20.

⁶⁾ Тамъ же и I, II, с. 3.

⁷⁾ Тамъ же, I, III, с. 7; I, II, с. 3.

⁸⁾ Тамъ же, I, I, с. 20.

Очевидно, это недоразумѣніе происходитъ оттого, что Аристотель не зналъ о безчлѣнномъ множествѣ сѣменныхъ нитей, содержащихся въ семени, которое онъ рассматривалъ какъ одно цѣлое.

Далѣе Аристотель задается вопросомъ: когда, какъ и откуда появляется разумъ у животныхъ, имъ надѣленныхъ?

Вначалѣ сѣмя, неотдѣленный зачатокъ или оплодотворенное яйцо (το χύμα) имѣеть, по крайней мѣрѣ въ возможности, растительную душу (τὴν θρεπτικὴν ψυχὴν), которую отдѣленный зачатокъ (плодь) получаетъ въ дѣйствительности, когда начнетъ питаться и такимъ образомъ выполнять назначеніе подобной души. Такимъ образомъ вначалѣ зародышъ живетъ только растительною жизнію и лишь въ послѣдующіе періоды развитія можетъ быть рѣчь о появленіи чувствующей и разумной души. Эти послѣднія однакоже также предсуществуютъ въ возможности. Всѣ эти виды души являютъ, слѣдовательно, не разомъ и въ дѣйствительности не присущи уже съ самаго начала мужскому или женскому началу, ибо всѣ тѣлесныя функціи отъ природы бѣвають на лицо лишь при развитіи соотвѣстныхъ органовъ, напр. хожденіе возможно лишь при наличности нижнихъ конечностей. Точно также первые два вида души не могутъ ни приводить извнѣ въ организмъ одни, такъ какъ они съ нимъ неразлучны, ни черезъ посредство какого нибудь тѣла, ибо сѣмя есть выдѣленіе претворенной пищи. А потому растительныя и чувствительныя процессы, какъ неизбѣжно обуславливаемыя матеріальными причинами, согласно Аристотелю, развиваются въ тѣлѣ вмѣстѣ съ соотвѣстственными органами. Извнѣ же можетъ приводить только разумъ, ибо онъ одинъ богоподобенъ и не имѣеть ничего общаго съ тѣлесной реальностью¹⁾.

Дифференцированіе органовъ происходитъ не отъ притяженія подобнаго подобнымъ (средства), а оттого, что плодь, будучи выдѣленіемъ всего материнскаго организма, потенциально во всемъ похожъ на него и заключаетъ въ себѣ возможность, если не реальность, всѣхъ его органовъ, ибо мать доставляетъ не только матеріаль для питанія, но вмѣстѣ съ нимъ и питающее жизненное начало или растительную душу²⁾. Отсюда видно, съ одной стороны, что Аристотелю не были, да и не могли быть извѣстны выводы новѣйшей эмбриологіи, по которымъ и матеріаль и форма одинаково доставляются обоими родителями при зарожденіи новаго существа, что самцу онъ приписывалъ только качествен-

¹⁾ De generat. animal. I. II, с. 3.

Lewes (I. с. 358) говоритъ, что это единственное убѣдительное мѣсто у Аристотеля относительно безсмертія души. Какъ мы видѣли, такое же рѣшающее мѣсто есть и въ трактатѣ De anima (см. выше, стр. 62). У Галена объ этомъ предметѣ читаемъ слѣдующее: „есть три вида души—одна въ печени, другая въ сердцѣ, третья въ мозгу. Если поэтому разумная часть души есть видъ души, то этотъ видъ долженъ быть смертнымъ, ибо онъ самъ есть только извѣстный темпераментъ мозга.“ Oeuvres de Galien, ed. Daremberg, 1854, I, 52—5.

²⁾ De generat. animal., I. II, с. 4.

ное, но не количественное влияние ¹⁾. Съ другой стороны за женскимъ организмомъ онъ признавалъ только способность къ растительному, но не животному воспроизведенію, а потому лишь въ тѣхъ-классахъ животныхъ, въ коихъ нѣтъ самцовъ, онъ допускалъ въ самкахъ способность къ произведенію себѣ подобныхъ (сюда онъ относитъ т. н. *Erythrina*), тамъ же, гдѣ существуютъ самцы, женскія недѣлимыя неспособны къ самостоятельному произражденію безъ содѣйствія мужскаго недѣлимаго, влияние коего необходимо именно для образованія совершеннаго животнаго, для сообщенія ему чувствующей души ²⁾.

Что касается влияния мужскаго начала на дальнѣйшее развитіе зародыша, то коль скоро органы потенціально заключаются въ женскомъ выдѣленіи, роль мужскаго сѣмени заключается только въ сообщеніи перваго импульса къ развитію, послѣ чего всѣ органы начинаютъ формироваться въ надлежащемъ порядкѣ, причемъ первымъ является сердце—начало и центръ всего дальнѣйшаго развитія, что, по словамъ Аристотеля, доказывается не только непосредственнымъ наблюденіемъ, но и фактомъ переживанія сердца послѣ смерти ³⁾.

Новѣйшія изслѣдованія однако не подтвердили взгляда на *punctum saliens*, какъ на сердце: оно не только не появляется первымъ ⁴⁾, но и не всегда умираетъ послѣднимъ, ибо нерѣдко и волосы продолжаютъ расти, и желѣзы—отдѣлять, и желудокъ—варить пищу послѣ того, какъ сердце перестало биться (послѣднее у нѣкоторыхъ рыбъ даже въ теченіе 24 часовъ ⁵⁾).

Вопросъ о произвольномъ зарожденіи изъ гніющихъ веществъ рѣшается Аристотелемъ въ утвердительномъ смыслѣ, только для этого онъ считаетъ необходимой и примѣсь воды. Въ его время господствовало общее вѣрованіе, что насѣкомыя, моллюски, угри и т. п. раз-

¹⁾ De generatione anim., l. I, c. 21. Это заключеніе онъ выводитъ изъ наблюденій надъ куриными яйцами, оплодотворенными двумя, однимъ послѣ другого, пѣтухами, причемъ всѣ выводки похожи на послѣдняго и не бываютъ двойные, ибо сѣмя, по мнѣнію А., сообщаетъ яйцу только специфическую силу, которая увеличивается отъ втораго сѣмени.

²⁾ De generat. anim., l. II, c. 5.

³⁾ Тамъ же. Подобнаго мнѣнія держался и Haller („solum semen masculum dormientem embryonis vitam excitat.“ *Elementa Physiologiae*, VIII, 154), съ той только разницей, что то, что А. считалъ существующимъ потенціально, Haller принималъ за существующее въ дѣйствительности. Ср. Lewes, l. c. 361.

⁴⁾ Первой въ зародышѣ обозначается нервная ось (Мальпиги, С. F. Wolff, Kölliker). Ср. Lewes, l. c. 310.

⁵⁾ Ch. Robin, *Comptes rendus de la Société de Biologie*, 1853, V, 194. Ср. Lewes, l. c. 361.

множаются произвольнымъ зарожденіемъ, и Аристотель раздѣлялъ это вѣ-
рованіе. При этомъ находимъ у него быть можетъ намекъ на клѣтчку:

„Тѣла скоро образуются, будучи заключены въ узкомъ пространствѣ, что бываетъ тогда, когда при помощи теплоты жидкое вещество превратилось въ родъ пузырька изъ пѣны“ (*ἀρρώδης πομφόλυξ*) ¹⁾.

Самый процессъ произвольнаго зарожденія Аристотель объясняетъ, какъ и обыкновенное зарожденіе, происхожденіемъ его изъ варенія пици.

„Что готовится изъ пищи животной теплотой, то готовится, смѣшивается и варится лѣтнимъ зноемъ изъ морской воды и земли. И та часть жизненнаго начала, которая заключена въ воздухѣ (Рнеума) или отдѣлена отъ него, образуетъ плодъ и сообщаетъ ему движеніе“ ²⁾.

Происхожденіе различнаго пола у животныхъ Аристотель объясняетъ закономъ противоположностей:

„Если есть изліяніе или порча (*ή φθορά*) въ одной изъ противоположностей, тогда то, что не можетъ сформироваться само по себѣ, естественно превращается въ другую противоположность. Если поэтому формирующее начало почему-либо не одерживаетъ верхъ и отъ недостатка теплоты не въ состояніи сварить матеріалъ и образовать его по своему подобію, тогда этотъ матеріалъ по необходимости превращается въ противоположное, т. е. въ женскій организмъ. А такъ какъ различія мужскаго и женскаго организмовъ зависятъ отъ ихъ отправленій, а отправленія отъ органовъ, то первое измѣненіе происходитъ въ ихъ органахъ. Если же измѣненъ одинъ важный и преобладающій органъ (*ἐνός μορίου ἐπιχαιρού*), тогда происходитъ измѣненіе въ очертаніи всего организма“ ³⁾.

Доказательствомъ служатъ оскопленные животныя, теряющія свой половой характеръ, ибо извѣстные органы представляютъ какъ бы исходныя точки развитія и если одинъ изъ нихъ измѣненъ, то все, что съ нимъ связано, также измѣняется. Все здѣсь сводится къ способности или неспособности переварки окончательнаго видоизмѣненія пищевого вещества [крови, хила], а потому прежде всего долженъ сформироваться источникъ крови и теплоты—сердце, а потомъ мужскіе или женскіе органы ⁴⁾.

Аристотелю очевидно не было извѣстно, что зародышъ вначалѣ бываетъ бесполомъ и что изъ этого неопредѣленнаго состоянія онъ переходитъ въ опредѣленное, съ извѣстными органами, лишь пройдя цѣлый рядъ морфологическихъ измѣненій. Въ подкрѣпленіе своей гипотезы онъ приводитъ статистику рожденій, согласно которой въ молодости и старости родителей чаще рождаются дѣвочки, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, ибо въ молодости животная теплота еще не созрѣла до надлежащей степени, а въ старости начинаетъ убывать. Онъ находилъ также, что плодовитыя животныя производятъ больше женскихъ, нежели мужскихъ недѣлимыхъ, далѣе, что сѣверныя вѣтры способствуютъ болѣе зарожденію мужскихъ потомковъ, ибо при ихъ господствѣ количество выдѣлений меньше и они легче перевариваются, что по той же причинѣ мѣсячныя являются въ послѣднюю

¹⁾ De generat. animal. l. III, c. 11.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ De generatione animal., l. IV, c. 1.

⁴⁾ Тамъ же.

четверть мѣсяца, болѣе холодную и влажную. Тоже подтверждается разсказами пастуховъ, согласно коимъ барашки рождаются отъ зачатія при сѣверныхъ вѣтрахъ и наоборотъ. Свойства почвы и воды, влияющія вмѣстѣ съ воздухомъ на составъ пищи, также играютъ роль въ рожденіи плодовъ. Такъ богатая плотными часями, холодная вода причиняетъ отчасти бесплодіе, отчасти рожденіе женскихъ плодовъ, что высказывалъ еще Гиппократъ ¹⁾.

Наконецъ вопросъ о наследственной передачѣ качествъ родителей потомкамъ рѣшается Аристотелемъ если не въ смыслѣ современнаго взгляда на этотъ предметъ, согласно коему оба родители одинаково участвуютъ въ передачѣ своихъ качествъ каждому органу и каждой ткани своихъ потомковъ, то все таки лучше многихъ новѣйшихъ послѣдователей эпигенезиса, изъ коихъ нѣкоторые (напр. Lallemand) принимаютъ, что отъ отца зародышъ наследуетъ органы животной жизни (мышечную и нервную систему), а отъ матери—органы растительной жизни (пищеварительные органы и желѣзы) ²⁾. Что дѣти наследуютъ качества родителей, подтверждается, согласно Аристотелю, простымъ наблюденіемъ, которое показываетъ, что дѣти похожи на родителей по отношенію ко всѣмъ ихъ особенностямъ, не только врожденнымъ, но даже приобрѣтеннымъ. Такъ они наследуютъ даже рубцы, бородавки и родимыя пятна (*φύματα καὶ οὐλαί*) родителей ³⁾. Сходство это простирается на нѣсколько поколѣній, въ подкрѣпленіе чего онъ приводитъ случай женщины изъ Элиды (*Elis*), имѣвшей дочь отъ эфіопа, которая, будучи сама бѣлая, родила однако чернаго сына ⁴⁾. Что касается того, чьи особенности преобладаютъ въ дѣтяхъ, отца или матери, то объ этомъ вопросѣ находимъ у Аристотеля слѣдующее замѣчательное мѣсто, которое приводимъ въ сокращеніи:

„Въ произражденіи индивидуальное преобладаетъ, ибо оно—эссенція. Если поэтому вліяніе отца, какъ чловѣка, почему либо слабѣе, то дитя должно быть дѣвочкой, похожей однако на него; если же его вліяніе еще слабѣе, то дитя будетъ дѣвочкой, похожей на мать; когда наконецъ его вліяніе и какъ индивида ослабѣваетъ, то дитя становится похожимъ на дѣда. Причиной всѣхъ этихъ различій есть сопротивленіе, встрѣчаемое двигательнымъ импульсомъ со стороны движимаго матеріала, ибо всякое дѣйствіе вызываетъ реакцію. Въ крайнихъ же случаяхъ формирующее начало претерпѣваетъ такую потерю, что плодъ перестаетъ походить на чловѣческое существо, а походить на животное [уродливостъ]. Здѣсь матеріалъ не выработанъ въ специальную форму, а остается только общее (*μένει τὸ καθόλου*), т. е. животное“ ⁵⁾.

¹⁾ De generatione animal., l. IV c. 2. Ср. Hippocrates, De aëre, aquis et locis, l. XX, c. 19.

²⁾ Lallemand, Annales des sciences naturelles, 1841, 281 у Lewes'a l. c. 371.

³⁾ Histor. animal., l. VII, c. 6; De generat. animal. l. I, c. 17, въ концѣ.

⁴⁾ Тамъ же, l. I, c. 18.

⁵⁾ Тамъ же, l. IV, c. 3.

Но достовѣрность разсказовъ о дѣтяхъ, рождающихся будто съ овечьей или телячей головой и наоборотъ о телятахъ съ дѣтской или овцахъ съ бычачьей головой Аристотель рѣшительно отвергаетъ, ибо по его мнѣнію одно животное не можетъ имѣть частей другого въ силу уже однѣхъ физиологическихъ причинъ, каковы различія въ періодахъ беременности, напр. у человѣка (9 мѣсяцевъ) и у собакъ (9 недѣль), овецъ, коровъ и т. д. По поводу уродливостей (шестипалость, уродъ о двухъ головахъ и т. п.) находимъ у Аристотеля совершенно вѣрное замѣчаніе, что хотя онѣ противорѣчатъ обыкновеннымъ явленіямъ природы, однако въ нихъ нѣтъ ничего противоестественнаго ¹⁾. Всѣ изслѣдователи и нынѣ согласны въ томъ, что образованіе уродливостей слѣдуетъ тѣмъ же законамъ развитія, какъ и нормальные зародыши.

Въ заключеніе прибавимъ вкратцѣ, что въ трактатѣ *De generatione animalium* Аристотель затрогиваетъ еще множество интересныхъ вопросовъ, какъ напр. о *superfoetatio* ²⁾, объ условіяхъ, въ коихъ рождаются различныя животныя (слѣпыя, способныя къ самостоятельной жизни, или нѣтъ) ³⁾, о внѣматочной беременности и *placenta* ⁴⁾, о молокѣ и различныхъ періодахъ беременности ⁵⁾, наконецъ о причинахъ различнаго цвѣта глазъ, волосъ, объ изобиліи послѣднихъ, о слѣ, зрѣніи, слухѣ, голосѣ и зубахъ зародыша ⁶⁾.

На основаніи всего сказаннаго, нельзя не признать вмѣстѣ съ Льюисомъ, что трактатъ *De generatione animalium* есть мастерское произведеніе, въ которомъ Аристотель является въ своемъ истинномъ величіи, въ особенности въ сравненіи съ писателями о томъ же предметѣ XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Общая біологія Аристотеля безспорно свидѣтельствуетъ о его глубокой проникательности, хотя Льюисъ и тутъ сомнѣвается въ томъ, чтобы многіе встрѣчаемые въ его сочиненіяхъ взгляды, обнаруживающіе подчасъ такое поразительное сходство съ новѣйшими воззрѣніями, дѣйствительно имѣли у него то значеніе, какое имъ придаетъ современная наука.

¹⁾ De generat. animal., l. III, c. 3.

²⁾ Тамъ же, c. 5.

³⁾ Тамъ же, c. 6.

⁴⁾ Тамъ же, c. 7.

⁵⁾ Тамъ же, с.с. 8—10.

⁶⁾ Тамъ же, l. V (вся книга).

Примѣрами могутъ служить приведенное выше ученіе его о гомологіяхъ ¹⁾, а также законъ экономіи въ природѣ, по которому природа вездѣ отдаетъ одной части то, что отнимаетъ у другой ²⁾. Такъ Аристотель говоритъ, что природа не могла надѣлать медвѣдя хвостомъ, ибо она весь „землистый“ матеріалъ употребила на покрытіе его тѣла шерстью, и хотя есть волосатыя животныя и съ хвостами, но законъ экономіи всегда преобладаетъ, ибо эти волосатыя животныя не имѣютъ мяса на голени. Точно также онъ говоритъ, что „хрящеватыя рыбы не имѣютъ костей потому, что толщина ихъ чешуи исчерпала весь годный землистый матеріалъ,“ причеиъ однако упустилъ изъ виду огромную массу костнаго вещества, покрывающаго хрящевыя пластинки ³⁾.

Къ несомнѣннымъ заслугамъ Аристотеля принадлежитъ признаніе имъ единства растеній и животныхъ, а также признаніе губокъ животными, но причины, положенныя имъ въ основу послѣдняго изъ этихъ воззрѣній, не имѣютъ ничего общаго съ новѣйшими взглядами, какъ увидимъ ниже. Точно также ему приписываютъ честь изобрѣтенія позвоночной теоріи происхожденія костей. „Всѣ кости животныхъ, говоритъ онъ, выходятъ изъ одной и соединены между собою подобно сосудамъ. Нѣтъ ни одной кости, которая существовала бы отдѣльно. Началомъ всѣхъ костей служитъ позвоночный столбъ“ ⁴⁾. Эта теорія, какъ извѣстно, многими признается и нынѣ.

Но самое важное значеніе для біологіи имѣетъ взглядъ Аристотеля на прогрессивное усложненіе жизни. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше многихъ ученыхъ (Buffon, Herder, Meckel), отдающихъ предпочтеніе идеѣ о неразрывной цѣпи или рядѣ нечувствительныхъ и незамѣтныхъ градацій отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, которая новѣйшими изслѣдователями (Ламаркъ, Ж. Ст.-Илеръ) отвергается.

Аристотель признавалъ въ жизненныхъ явленіяхъ восходящее усложненіе отъ растеній къ человѣку. Въмѣсто трехъ царствъ природы, дѣленіе на которыя, согласно Ж. Ст.-Илеру, новѣйшіе позаимствовали у алхимиковъ ⁵⁾, Аристотель раздѣляетъ всѣ естественныя тѣла на неорганическія или неодушевленныя (τὰ

¹⁾ См. выше. Стр. 42.

²⁾ De partib. animal. l. I, c. 9

³⁾ Cp. Lewes, l. c. 188.

⁴⁾ Histor. animal., l. III, c. 7.

⁵⁾ Geoffroi St. Hilaire, Histoire des règnes organiques, 1856 II, 6, у Lewes'a l. c. 190.

ἄψυχα) и органическія или одушевленныя (τὰ ἔμψυχα) ¹⁾. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что природа, какъ по восходящей лѣстницѣ, переходитъ отъ одного къ другому, что отъ безжизненныхъ минераловъ къ животнымъ она проходитъ сквозь рядъ созданій, коихъ нельзя назвать животными, но которыя имѣютъ съ ними такъ много сходствъ, что одни отъ другихъ отдѣляются только весьма незначительными промежутками ²⁾.

Первую ступень образуютъ растенія (φυτά), которыя въ сравненіи съ минералами могутъ быть названы живыми существами, а въ сравненіи съ животными повидимому безжизненны ³⁾. Но растенія живутъ, „ибо то, что питается, растетъ и погибаетъ, мы называемъ живущимъ“ ⁴⁾. Одушевленное тѣло необходимо должно имѣть душу, коль скоро душа есть его эссенція и реальность ⁵⁾. Слѣдовательно,

Первая стадія душевной дѣятельности, общая всѣмъ живущимъ созданіямъ, это—питаніе (растительная жизнь—Vichat, или Vegetatio средневѣковыхъ писателей—Albertus Magnus, Hermodaus Barbarus) ⁶⁾. Растенія имѣютъ органы, а такъ какъ они ограничиваются только функціей питанія, то эти послѣдніе обозначаются только названіями верхнихъ и нижнихъ ⁷⁾, но у растений нѣтъ ни правой, ни лѣвой сторонъ, имѣющихъ отношеніе къ передвиженію съ мѣста на мѣсто, ни передней и задней поверхностей, имѣющихъ отношеніе къ чувствованію. Растенія получаютъ пищу изъ корня, замѣняющаго имъ ротъ. Корни распускаютъ свои побѣги отъ зерна ⁸⁾ и могутъ быть сравниваемы съ пупочными венами, ибо растеніе питается черезъ нихъ изъ земли, подобно тому, какъ зародышъ получаетъ пищу изъ матки ⁹⁾. Стволъ растетъ перпендикулярно и проводитъ пищевые соки къ плоду и сѣмени (ядру) ¹⁰⁾. Листья защищаютъ плодъ ¹¹⁾ и пронизаны сосудами, сохраняющимися и по высыханіи листьевъ ¹²⁾. Плодъ и сѣмя—одно и то же ¹³⁾. Околоплодникъ (περικάρπιον) окружаетъ сѣмя, которое есть нѣчто въ родѣ выдѣленія изъ пищи, другихъ же выдѣленій, а слѣдовательно и выдѣлительныхъ органовъ растеніе не имѣетъ, такъ какъ получаетъ уже вполне готовую, переваренную пищу изъ земли, а потому об-

¹⁾ Historia animal. l. VIII, c. 1. Это дѣленіе приписывали себѣ Ламаркъ и Visq-d'A зуг, но Аристотель предупредилъ ихъ на цѣлхъ 23 столѣтія. Ср. Lewes, l. c.

²⁾ De partibus anim. l. IV, c. 5. ³⁾ Histor. animal., l. VIII, c. 1. ⁴⁾ De anima, l. II, c. 1. ⁵⁾ Тамъ же, I, c. 1. ⁶⁾ Ср. Lewes l. c. 190. ⁷⁾ De coelo, l. II, c. 2. ⁸⁾ De generat. anim., l. II, c. 6. ⁹⁾ Тамъ же, l. II, c. 4 и 7. De partib. anim. l. IV, c. 4.

¹⁰⁾ Тамъ же, l. IV, c. 10. ¹¹⁾ Phys., l. II, c. 8; De anim. l. II, c. 1. ¹²⁾ De partib. anim. l. III, c. 5. ¹³⁾ De generat. anim. l. I, c. 17.

разуеъ только одно выдѣленіе—плодь и сѣмя ¹⁾). Прикрѣпленныя къ почвѣ растенія не имѣютъ надобности въ употребленіи разнообразныхъ и разнородныхъ частей: для ихъ несложныхъ отправленій достаточно лишь небольшого числа простыхъ (*ἀπλᾶ*) органовъ ²⁾, имѣющихъ морфологическую тенденцію развиваться къ периферіи, въ отличіе отъ животныхъ, у коихъ органы развиваются къ центру. Точно также они не управляются, подобно животнымъ, центральнымъ жизненнымъ началомъ, ибо, разрѣзанныя на кусочки, продолжаютъ жить и воспроизводятся посредствомъ прививокъ ³⁾. Оттого они не способны получать чувствительныхъ впечатлѣній, а слѣдовательно и двигаться. Итакъ на этой первой стадіи жизни, въ растеніяхъ, душа можетъ развивать только свою питательную и въ связи съ нею и воспроизводительную дѣятельность ⁴⁾ самое же растение есть существо несовершенное (*πρᾶγμα ἀτελής*) ⁵⁾. Замѣчательно ясное представленіе, какое Аристотель имѣлъ о важномъ морфологическомъ законѣ, по которому въ растеніяхъ слишкомъ роскошное разрастаніе происходитъ въ ущербъ количеству производимыхъ сѣменъ, и наоборотъ, чѣмъ растение мельче ростомъ, тѣмъ больше оно производитъ сѣменъ ⁶⁾. Въ силу этого закона между ростомъ и воспроизведеніемъ въ растеніяхъ существуетъ тѣсная связь. Однолѣтнія растенія, согласно Аристотелю, употребляютъ весь питательный матеріалъ на образованіе сѣменъ (стручковыхъ, хлѣбныхъ). Онъ замѣчаетъ также, что формы растеній опредѣляются почвой, что они растутъ лучше отъ дождя, нежели отъ орошенія ихъ водой ⁷⁾.

Вторая ступень развитія природы обнаруживается въ существахъ, среднихъ между растеніями и животными (*Zoophytes*), лишенныхъ способности къ передвиженію, а иногда и органовъ чувствъ.

„Переходъ неодушевленныхъ предметовъ къ животнымъ совершается въ природѣ мало по малу: продолженіе градаций ступеннваетъ предѣлы, ихъ разграничивающіе, и скрываетъ отъ глазъ отблвющую ихъ точку. Послѣ неодушевленныхъ предметовъ слѣдуютъ растенія, которыя различаются между собою тѣмъ, что одни повидимому болѣе причастны жизни, нежели другіи. Весь классъ растеній кажется почти животными въ сравненіи съ другими тѣлами и неодушевленнымъ въ сравненіи съ животными. Переходъ отъ растеній къ животнымъ, какъ я замѣтилъ,—совершается не разомъ и вдругъ. Есть иныя морскія организмы, которые приводятъ наблюдателя въ недоумѣніе, растенія ли они или животныя ⁸⁾, ибо они прирастаютъ къ другимъ тѣламъ и многія не могутъ быть оттуда оторваны, не погибая при этомъ. Сюда относятся морскія перья (*πύλλα*), которыя прирастаютъ, и черенцы

¹⁾ De partib. animal., l. II, c. 10. ²⁾ Тамъ же, l. 1, c. 1. ³⁾ De anim. l. II, c. 2; De long. et brev. vit. c. 6. ⁴⁾ De anim. l. II, c. 2, 4, l. III, c. 9. ⁵⁾ De generat. anim., l. III, c. 7 въ концѣ. ⁶⁾ Тамъ же, l. III, c. 1; l. IV, c. 4. ⁷⁾ Historia animal., l. 5, c. 11, l. VII, c. 19. Ср. также Вiese, Philosophie d. Aristot. II, 128—134 (Berl. 1842), „которому слѣдовалъ и Льюисъ.“

⁸⁾ πότερον ζῶον ἢ φυτόν ἐστίν. Отсюда позднѣе образовали названіе Zoophyton.

(σωλήνες), которыя не могутъ болѣе жить, если ихъ сорвать съ мѣста. Весь родъ Testacea (δυστραходέρμων) повидимому—растенія въ сравненіи съ животными, способными къ передвиженію. Даже изъ этихъ Testacea одни вовсе лишены органовъ чувствъ, а другія представляютъ весьма темные слѣды чувствительности. Иныя, какъ асцидиіи (τρίθυα) и Asclerphae, имѣютъ мясистое тѣло [намекъ на саркоду?]. Губки же (σπόγγος) совершенно похожи на растенія ¹⁾. Тѣмъ не менѣе онѣ животныя, одаренныя даже чувствительностью, доказательствомъ чего служитъ ихъ сокращеніе при первой замѣчаемой ими попыткѣ къ удаленію ихъ со скалы. Онѣ сокращаются также отъ сильнаго напора волнъ. Нѣкоторыя племена, напр. изъ Тороны (Τερώνη), это оспариваютъ ²⁾.

Изчисленные примѣры однако не всѣ удачны, ибо пинны, будучи отдѣлены отъ скалы, не умираютъ однако, черенецъ же вовсе не приростае къ скаламъ, а зарывается въ морской песокъ, подобно кротамъ. Что касается губокъ, то, согласно Льюису, Аристотель смѣшивалъ ихъ съ полипами, ибо въ губкахъ вовсе не замѣчено сократительности ³⁾. Наконецъ по поводу полиповъ, Льюисъ говоритъ, что Аристотель считаетъ ихъ растеніями ⁴⁾.

Третью ступень развитія въ природѣ составляютъ животныя, возникшія повидимому отъ усиленной дѣятельности жизненнаго начала, результатомъ коей явились: прежде всего—чувствительность, а вмѣстѣ съ нею—желанія, вмѣстѣ же съ желаніями—способность къ передвиженію. Этотъ новый видъ души есть только болѣе энергическая и болѣе сложная форма первоначальнаго жизненнаго начала. И подобно тому какъ дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость не есть собственно три различныя дифференцированныя формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ тремъ различнымъ жизненнымъ началамъ, а представляютъ собою лишь послѣдовательныя стадіи развитія одного и того же организма, равнымъ образомъ, какъ нынѣ мало найдется психологовъ, которые бы приписывали чувствительность одному, а мысль другому жиз-

¹⁾ Histor. animal. l. VIII, c. 1.

²⁾ Тамъ же, l. V, c. 16.

³⁾ Ср. Lewis, l. c. 192, 193.

⁴⁾ Тамъ же, 192: „The Polyps he held to be plants.“ Но это невѣрно, ибо Аристотель категорически помѣстилъ ихъ въ классъ моллюсковъ, причеиъ указываетъ на то, что изъ этого класса они одни только употребляютъ свои ножки для хожденія (Hist. animal. l. I, c. 5. De part. animal. l. IV, c. 9) и что одна изъ этихъ ножекъ помѣщается на спинѣ, остроконечнѣе другихъ, бѣловата и расщеплена на концѣ (Hist. animal. l. IV, c. 1), но рѣшительно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ ее органомъ оплодотворенія. Ср. De generat. animal. l. I, c. 15. Какъ бы то ни было, Аристотель очевидно былъ весьма далекъ отъ того, чтобы признавать полиповъ растеніями, какъ увѣряетъ Льюисъ.

ненному началу,—точно также, согласно Аристотелю, растительная и животная жизнь составляют лишь различные степени дифференциаций одной и той же органической дѣятельности (энергии), изъ коихъ одна есть высшая степень развитія другой, зависящая отъ большей сложности организаціи. Вотъ почему въ болѣе древнихъ формахъ каждаго изъ этихъ большихъ разрядовъ органической жизни встрѣчается столько точекъ соприкосновенія между растеніями и животными, ибо есть растенія, въ коихъ иногда сказываются явленія, которыя мы привыкли считать исключительнымъ достояніемъ животныхъ (передвиженіе и темные слѣды чувствительности), и наоборотъ есть животныя, которыя лишь прозябаютъ и влачатъ существованіе, свойственное только растеніямъ, будучи лишены способности къ передвиженію и обладая лишь самыми слабыми слѣдами чувствительности. Словомъ, согласно Аристотелю, нельзя провести рѣзкой границы между растеніями и животными ¹⁾.

Человѣкъ по Аристотелю—глава всѣхъ животныхъ, въ которомъ ярче всего отразилась божественная природа: онъ царитъ надъ всѣми своею мыслию и своею волею. Но хотя всѣ другія животныя въ умственномъ и физическомъ отношеніи—пигмеи въ сравненіи съ человѣкомъ ²⁾, тѣмъ не менѣе онъ есть лишь не болѣе какъ вершина, до которой природа дошла въ своемъ постепенномъ восхожденіи. Онъ—умнѣйшее и наиболѣе мыслящее изъ всѣхъ животныхъ, но и другія животныя также надѣлены мыслительной способностью, съ тою только разницей, что животныя сознаютъ однѣ лишь частныя истины, никогда не возвышаясь, подобно человѣку, до обобщеній и отвлеченій. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Льюиса, Аристотель предупредилъ Линнея и большинство новѣйшихъ естествоиспытателей и ушелъ дальше тѣхъ изъ нихъ, у коихъ не было недостатка въ попыткахъ выдѣлить человѣка изъ остальныхъ ступеней органической жизни и создать ему особое царство (Isidore St. Hilaire, *Quatre-fages*). Между тѣмъ даже пресловутое умственное превосходство человѣка надъ другими животными, сообразно съ коимъ первый считается разумнымъ, а послѣднія—неразумными, нынѣ многими подвержено сильному сомнѣнію, въ виду существованія факта, что и животныя разсуждаютъ и притомъ разсуждаютъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и человѣкъ, хо-

¹⁾ Ср. Lewes, l. c. 193—195. Тутъ же (р. 195) приведено интересное мѣсто изъ Hermonlaus Barbagus, *Compendium scientiae naturae* (1547, l. V, 43), въ которомъ вратцѣ резюмированъ приведенный взглядъ Аристотеля: „In plantis quidem sola est vegetatio, in iis vero, quae sensu moventur, et vegetatio, et sensio cernitur: at homini et vegetatio, et sensus, et intellectio est attributa.“

²⁾ Ср. De partib. anim. l. IV, c. 10.

ты между ними и существуютъ въ этомъ отношеніи количественныя и качественныя различія ¹⁾. Вотъ что читаемъ по этому поводу у Аристотеля:

„У большинства животныхъ замѣчены признаки тѣхъ же душевныхъ движеній, которыя у человѣка только сильнѣе выражены. Такъ у нихъ наблюдаютъ тихій или дикій характеръ: кротость, свирѣлость, великодушіе, низость, робость, довѣрчивость, гнѣвъ, злоба—всѣ эти атрибуты свойственны животнымъ. У многихъ изъ нихъ замѣчается даже нѣчто похожее на разсуждающій умъ. Нѣкоторыя животныя, въ сравненіи съ человѣкомъ, отличаются отъ него лишь избыткомъ или недостаткомъ, и наоборотъ, человѣкъ отличается точно также и отъ животныхъ. То человѣкъ, по отношенію къ нѣкоторымъ качествамъ, имѣетъ больше, чѣмъ животныя, то животныя больше, чѣмъ человѣкъ, наконецъ въ извѣстныхъ пунктахъ между ними можетъ существовать только аналогія. Подобно тому какъ человѣкъ одаренъ способностью къ индустріи, мудростью и благородіемъ, точно также и животными управляетъ извѣстная естественная способность (*φυσική δύναμις*), правда другого рода, но допускающая сравненіе съ послѣдними. Это станетъ нагляднѣе, если наблюдать человека въ дѣтскомъ возрастѣ. Здѣсь замѣчаются указанія и зачатки его будущихъ привычекъ, но въ этомъ возрастѣ его душа, такъ-сказать, ничѣмъ не отличается отъ души животныхъ. Не будетъ поэтому противно здравому смыслу утверждать, что у человѣка и животныхъ есть общія, соотвѣтствующія (близкія) и аналогичныя способности“ ²⁾.

Естественная исторія. Изученіе природы, даже въ самыхъ непривлекательныхъ для обыкновеннаго глаза предметахъ, должно составлять, по мнѣнію Аристотеля, неизсякаемый источникъ наслажденія для философскаго ума, способнаго изучать ея причины. Ибо было бы странно и несообразно, находя удовольствіе въ предметахъ искусства, только изображающихъ природу, не находить еще большей прелести въ самой природѣ. Еще менѣе снисхожденія заслуживаетъ, по его мнѣнію, дѣтское отвращеніе къ предметамъ природы, ибо во всѣхъ естественныхъ предметахъ заключается многое, достойное удивленія, и тотъ, „кто съ пренебреженіемъ относится къ низшимъ животнымъ, презираетъ самъ себя“ ³⁾.

¹⁾ Ср. Lewes, l. c. 196, также Biese, Philosophie des Aristoteles, II, 206 и слѣд.

²⁾ Histor. animal. l. VIII, c. 1 вначалѣ.

³⁾ De partibus animal., l. I, c. 5.

Противники Аристотеля еще нѣсколько столѣтій тому назадъ отрицали заслуги послѣдняго по естественной исторіи ¹⁾, а изъ новѣйшихъ Льюисъ ставитъ ему даже въ упрекъ, что его описанія напр. головоногихъ „не дышутъ моремъ, не дають чувствовать ни прибоя морскихъ волнъ, ни шороха вытаскиваемыхъ на бортъ корабля сѣтей,“ изъ чего онъ выводитъ заключеніе, что Аристотель почти ничего не наблюдалъ лично и всѣ свои свѣдѣнія „почерпалъ въ пыли библиотекъ и музеевъ, подобно настоящему отечественному профессору“ ²⁾. Излишне говорить, что болѣе спокойная и справедливая историческая оцѣнка его естественно-историческихъ трудовъ легко убѣдитъ всякаго, что послѣдніе всѣ проникнуты именно тѣмъ живымъ чувствомъ природы, благодаря коему Аристотель и сдѣлался для естественныхъ наукъ тѣмъ, чѣмъ былъ Гиппократъ для медицины и Геродотъ для исторіи. Мы поэтому присоединяемся къ мнѣнію Aubert и Wimmer'a, которые полагаютъ, что если съ одной стороны Аристотель и воспользовался не дошедшими до насъ специальными работами предшественниковъ, безъ чего и невозможно было бы столь блестящее выполненіе принятой имъ на себя задачи при громадности его философскихъ твореній, и если съ другой стороны онъ сдѣлалъ широкое примѣненіе изъ разсказовъ разныхъ специалистовъ, какъ охотниковъ, поваровъ, содержателей звѣринцевъ (*κυνέγεται*),—то онъ сдѣлалъ это съ такимъ умѣніемъ и знаніемъ дѣла, которое приобретается только многочисленными наблюденіями, основанными на живомъ, личномъ опытѣ ³⁾.

О *физикѣ* Аристотеля рѣчь была уже выше. *Фитологія* Аристотеля въ общихъ чертахъ также была рассмотрѣна при изложеніи общихъ началъ его *биологіи*, входитъ же здѣсь въ частности по этому поводу уже потому не представляетъ особеннаго интереса, что онѣ основаны на подложной книгѣ *De plantis* ⁴⁾.

Зато самаго обстоятельнаго рассмотрѣнія заслуживаетъ его

¹⁾ Сюда относятся: Ramus: „Scholarum physicarum libri octo, 1565; Nizolius: „De veris principiis et vera ratione philosophandi contra Pseudo-Philosophos,“ Parma 1553, гдѣ А. сравнивается съ каракатицей, убѣгающей въ облакъ чернилъ; Telesio: „De naturarum juxta propria principia libri novem,“ Naples, 1586; Patritii: „Discussionum Peripateticorum tomus quatuor,“ Bâle, 1581; Vasso: „Philosophiae naturalis adversus Aristotelem libri XII, Elzevir, 1649. Gassendi: Exercitationum paradoxicarum adversus Aristoteleos libri VII, 1624. Съ большимъ уваженіемъ относились къ нему другіе противники, какъ Дж. Бруно, Галилей, Декартъ, Таугеллус. Ср. Lewes, I. c. 2.

²⁾ Тамъ же, 286. ³⁾ Aubert и Wimmer, I. c. I, 43. ⁴⁾ Подробности относительно фитологіи А. находятся у Wimmer'a: „Phytologiae Aristotelis fragmenta,“ 1838, и Biese: Die Philosophie des Aristoteles. 1843, II, 129—140.

Естественная исторія животныхъ. Она изложена главнымъ образомъ въ его градюзномъ твореніи „*De historia animalium*“, которое занимается явленіями животнаго міра, отчасти въ „*De partibus animalium*“, въ которомъ Аристотель старается уяснить причины этихъ явленій и которое можно назвать трактатомъ о физиологіи, наконецъ въ *De generatione animalium*, занимающемся произражденіемъ животныхъ. Такимъ образомъ въ названныхъ трехъ сочиненіяхъ имъ блистательно выполнена программа, начертанная имъ самимъ въ началѣ втораго изъ нихъ:

„Я не намѣренъ, подобно прежнимъ философамъ, изобразить, какъ что произошло, а какъ что есть. Лучше всего—сначала разсмотрѣть явленія каждой вещи, затѣмъ объяснить причины этихъ явленій, наконецъ изслѣдовать произражденіе“¹⁾.

Содержаніе послѣдняго трактата изложено уже выше. Намъ поэтому слѣдуетъ заняться здѣсь остальными двумя сочиненіями и притомъ прежде всего первымъ изъ нихъ.

I. „*De historia animalium*“ Аристотеля одними превозносится до безконечности, такъ напр. Кювье считаетъ этотъ трактатъ

„не столько зоологіей, сколько философіей анатоміи, въ которой А. разсматриваетъ общія начала организаціи различныхъ животныхъ, на основаніи сравнительнаго изученія ихъ органовъ, и въ которой имъ заложены основы широкой безупречной классификаціи,“ —словомъ однимъ изъ величайшихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ человѣческимъ гениемъ въ исторіи естественныхъ наукъ²⁾.

Другіе же, напр. Льюисъ, стараются низвести этотъ трактатъ до степени простаго набора фактовъ, безъ всякой внутренней связи. По словамъ Льюиса,

„здѣсь нѣтъ ни одного общаго, освѣщающаго принципа, который бы объединялъ его въ научную систему и заключалъ въ себѣ зачатки къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Это, по его мнѣнію, „плохо переваренная, плохо сработанная масса мало значущихъ подробностей, безъ всякаго намека на науку. Здѣсь нѣтъ ни сколько нибудь похожей на науку системы, ни одного хорошаго описанія. Это не есть ни анатомическій трактатъ, ни описательная зоологія, ни философія зоологіи, а лишь собранная въ одну нестройную кучу замѣтки о животныхъ, ихъ строеніи, сходствахъ, различіяхъ и привычкахъ, собраніе мелочей, безъ всякаго слѣда органической связи, самыя же подробности—рѣдко годны, чаще же всего неточны.“ „Здѣсь обиліе фактовъ, изъ коихъ одни обидены, а другіе ложны“³⁾.

Истина бесспорно должна находиться въ срединѣ между этими крайними воззрѣніями, какъ легко убѣдиться при одномъ взглядѣ на приведенный ниже перечень предметовъ, которые вошли въ составъ разбираемаго трактата.

¹⁾ De part. anim. l. I, c. 1.

²⁾ Cuvier, Histoire des sciences naturelles, 1841, I, 146, 166.

³⁾ Lewes, l. c. 274, 291.

Подробный перечень содержания „Исторія животных“ Аристотеля.

Книга I. Общія замѣчанія о различныхъ частяхъ тѣла животныхъ и различіяхъ между ними, смотря по ихъ мѣсту нахождения, образу жизни, характеру и отдѣльнымъ отправленіямъ и органамъ (с. 1—6).

Кровныя животныя. Обзоръ органовъ человѣка и другихъ кровныхъ животныхъ (с. 7). *Анатомія человѣка* (с. 6—17) ¹⁾.

Книга II. *Анатомія кровныхъ животныхъ.* 1) *Наружнія части:* сравненіе таковыхъ у животныхъ и у человѣка, описаніе ихъ у млекопитающихъ и слона. Органы движенія у млекопитающихъ (сравненіе съ таковыми у другихъ животныхъ), амфибій, человѣка, птицъ, тюленя. Хожденіе животныхъ, относительное положеніе ихъ тѣла. Волосы у человѣка и млекопитающихъ какъ на туловищѣ, такъ и на головѣ (грива) у оленя, свиньи, слона, верблюда, а также на ногахъ животныхъ. Рога и таранная кость (бабка), рога у оленя. Половые органы: вмя, мужскіе половые органы. Относительная величина переднихъ и заднихъ конечностей (с. 1). Зубы и пережѣна зубовъ (с. 1—6). Гиппопотамъ (с. 7). Обезьяны (морскія кошки и павіаны)—промежуточная форма между человѣкомъ и млекопитающими (с. 8, 9). Амфибіи: крокодилъ (с. 10), хамелсонъ (с. 11).—Птицы—главныя части: ноги, шея (вертешейка), клювы, вѣки, перья, языкъ и рѣчь, когти хохла, гребни (с. 12). Рыбы: главныя части; яйца; живородящія—дельфинъ; жабры, чешуя и кожа, зубы, пасть, органы чувствъ (с. 13). Прибавленіе—сухопутныя и водяныя змѣи (с. 14).

2) *Внутреннія части:* пищеводъ, дыхательное горло, легкія, сердце и діафрагма, печень и желчный пузырь, почки и мочевой пузырь, положеніе сердца, печени и селезенки. Пищеварительный каналъ у млекопитающихъ, амфибій (съ прибавленіемъ о змѣяхъ), рыбъ и птицъ (с. 15—17).

Книга III—первая половина. Половые органы—мужскіе: положеніе яичекъ, сѣменные протоки рыбъ и амфибій, бабуханіе яичекъ, выводные протоки и ихъ изображеніе; женскіе: матка, яичники рыбъ, птицъ, амфибій, пресмыкающихся (selachia); положеніе матки, cotyledones, послѣдъ (с. 1).

Вторая половина. Общая анатомія. Однородныя части или ткани—плотныя: кровеносныя сосуды, способы ихъ изслѣдованія; описанія Syennesis'a, Диогена, Поливія. Собственное описаніе А.; сухожилія, волокна, кости, хрящи, роговое вещество, кожа и волосы, перепонки, мясо, жиръ (с. 2—18). Жидкія: кровь, костный мозгъ, молоко, сѣмя (с. 19—22).

Книга IV. Первая часть *Безиловныя животныя.* Ихъ дѣленіе, характеристика насѣкомыхъ. Моллюски (с. 1). Crustacea (с. 2, 3). Testacea: Дѣленіе, общія замѣтки, улитки, раковины, ракъ-отшельникъ и Nereites, морскіе ежи, асцидіи (Tethya), актиніи (акалефы, морскіе анемоны, с. 4—6). *Насѣкомыя* (с. 7).

Вторая часть. *Физиологія.* Органы чувствъ: общія замѣтки, зрѣніе, вкусъ, слухъ, обонаніе (у рыбъ, дельфиновъ); органы чувствъ у моллюсковъ, Crustacea, насѣкомыхъ и Testacea (с. 8, 9): Голосъ и рѣчь: шумы, голосъ, языкъ; жужжаніе насѣкомыхъ и пискъ рыбъ, отсутствіе голоса у морскихъ животныхъ. Голосъ амфибій, птицъ, млекопитающихъ и человѣка (с. 9). Сонъ (с. 10). Половыя различія: у четвероногихъ, Testacea, угрей; яловицы и рыбы съ дѣвственнымъ зарожденіемъ. Сравненіе величинъ тѣла самцовъ и самокъ (с. 11)

¹⁾ См. выше стр. 42 „Анатомію“ Аристотеля.

Книга V, первая часть. **Прозраждение.** Общія замѣчанія (с. 1), рожденіе и оплодотвореніе у млекопитающихъ (с. 2), амфибій (с. 3, 4), рыбъ (с. 5), моллюсковъ (с. 6), Crustacea (с. 7), насѣкомыхъ и пауковъ (с. 8). Время прозраженія: общія замѣтки; у птицъ (с. 8), зимородковъ, чаетъ (с. 9), рыбъ (с. 9—11), мягкотѣлыхъ (время несенія яицъ), Testacea (с. 12), время несенія яицъ у птицъ (с. 13). Возрастъ для оплодотворенія, признаки зрѣлости. Голось. Различія (с. 14) Продолжительность способности къ прозраженію и беременности у овцы, козы, свиньи, собаки, лошади, осла, рогатого скота. Прекращеніе способностей къ прозраженію (с. 14).

Вторая часть. **Исторія развитія.** а) Произвольное зарожденіе у Testacea: яйцевые соты и отношеніе къ развитію. (Отступленіе—пуриурныя улитки, добываніе пурпура). Раковины и улитки, морскія звѣзды, морскія легкія, Eremita, актиніи, губки (с. 15, 16). Crustacea (с. 17). б) Моллюски (с. 18). в) Насѣкомыя: черви и яйца. Первобытное зарожденіе. Глисты. Метаморфозы бабочекъ, пчелъ и пр. (личинки, куколки), красный снѣгъ, огневья насѣкомыя, саламандра, Ephemeron (с. 19). Могильныя осы. Периодичность развитія и смерть насѣкомыхъ (с. 20). Хозяйство пчелъ. Бѣлыя пчелы, бѣлый медъ и т. д. (с. 21, 22). Anthrenae и осы (с. 23), шмели (с. 24), муравьи (с. 25), скорпионы (с. 26), пауки (с. 27), саранча (с. 28), Attelaboi (с. 29), цикады (с. 30). Паразиты: вши, блохи, клопы, вши у людей и животныхъ, урмьбъ, моль, сырныя клещи (асаргі), дровоносы (*ἔνυλσφέρων*), рсепес—родъ мухъ на дикихъ фиговыхъ деревьяхъ (с. 31, 32). д) Амфибіи: время оплодотворенія и кладки яицъ. Черепахи, ящерицы, крокодилы (с. 33). Змѣи (с. 34).

Книга VI. Первая часть (продолженіе исторій развитія). е) Птицы. Замѣтки о несеніи яицъ и строеніи гнѣздъ (с. 1). Качества и образованіе яицъ. Оплодотвореніе яицъ (с. 2) Развитіе цыпленка въ яйцѣ: первый слѣдъ зародыша и т. д., сердце и кровь, внутренности, яйцевыя оболочки, пупочные сосуды, желтокъ. Пробужденіе, пискъ зародыша. Пустыя и двойныя яйца (с. 3). Голуби—ихъ яйца и высиживаніе послѣднихъ (с. 4). Коршунъ, ласточка (с. 5), орелъ, вороны, сороки (с. 6). Кукушки, ястребъ (с. 7). Высиживаніе яицъ у различныхъ птицъ, павлина и пр. Набуханіе яичекъ (с. 8, 9). ф) Рыбы яйцевыя и живородящія. Сравненіе яичниковъ и яицъ у рыбъ и у птицъ. Развитіе дѣтеныша изъ рыбьяго яйца. Развитіе зародыша у пресмыкающихся (Selachia). Восприимчивыя дѣтенышей вновь (с. 10). (ѣменные ходы, время и мѣсто прозраженія (с. 11), ²) Живородящія—дельфинъ, тюлень—промежуточная форма (с. 12). Яйцекродящія—яичники, оплодотвореніе. [Головоногія]. Лопаніе морскихъ иголъ—Syngnathus. Развитіе (с. 13). Метаніе икры, оплодотвореніе, ростъ (с. 14). Произвольное зарожденіе у рыбъ (с. 15, 16). Продолжительность беременности, время метанія икры Syngnathus, скумбры. Время метанія икры, морскіе угри, яйца (с. 17). г) Млекопитающія: возбужденіе во время течки. Симптомы течки у лошадей, коровъ, кобылицъ, воловъ, вепрей, собакъ; припуханіе и истеченіе изъ половыхъ частей Течка у свиней, различныхъ замѣтки о свиньяхъ (с. 18). Овцы и козы (с. 19). Собаки (с. 20), рогатый скотъ (с. 21), лошади (с. 22) оселъ и мулы

¹) И здѣсь находимъ въ изд. Aubert u Wimmer'a I, 502 изображеніе полипа, воспроизведенное по буквамъ Аристотелевскаго текста: А, В, Г, Д.

²) И тутъ находимъ ссылку на рисунки въ „Анатоміи.“ Ср. изд. Aub. u. Wimmer, I. VI, с. 11 (II p. 38).

(последніе живутъ до 80 лѣтъ, с. 23, 24). Признаки возраста (с. 25). Верблюды (с. 26), слоны (с. 27), дикая свинья (с. 28), олени (с. 29), медвѣдь, дякобразъ (*hystrix* с. 30), левъ (с. 31), гиена (с. 32), зайцы (с. 33), лисицы (с. 34), волкъ, кошка, фараонова крыса (ихневмонъ, с. 35). *Dziggetai* (родъ муловъ, *Equus hemionus*, с. 36), крысы и мыши (с. 37).

Книга VII (подложная). Пронзражденіе и исторія развитія у человека. Признаки мужской зрѣлости (с. 1). Мѣсячныя. Количество мужскаго сѣмени (с. 2). Зачатіе (с. 3). Беременность: зародышъ, сопровождающія явленія, продолжительность. Время родовъ, двойни. *Superfoetatio* (с. 4). Отдѣленіе молока. Продолжительность произрастающей способности. Поль дѣтей, наследственность, сходство съ родителями (с. 5, 6). Образование и развитіе зародыша (с. 7, 8). Роды: потуги, перевязка пуповины, положеніе младенца и т. д. Новорожденный младенецъ (с. 9, 10). Отдѣленіе молока (с. 11). Болѣзни и смертность дѣтей (с. 12).

Книга VIII. Психическія способности, привычки и различныя состоянія тѣла животныхъ. а) Введеніе и общія замѣтки. Психическая дѣятельность животныхъ въ сравненіи съ таковою же у человека. Постепенный переходъ отъ неодушевленнаго къ животному. Переходъ отъ растеній къ животнымъ по отношенію къ жизненнымъ отправленіямъ и цѣлямъ (с. 1). Забота о пищѣ и послѣдствія. Общее о питаніи и мѣстѣ нахожденія (с. 1). б) Частности о питаніи животныхъ. *Testacea*. *Crustacea*. Мягкотѣлныя. Рыбы (с. 2). Птицы: хищныя, червеядныя, травоядныя, сороки, водяныя птицы, питье воды (с. 3). Амфибии. (с. 4). Млекопитающія: хищныя; бобръ и т. д. (с. 5). Актъ питья у различныхъ животныхъ. Свинья (с. 6). Рогатый скотъ, рога, болѣзни и т. д. (с. 7). Лошади, мулы, ослы—актъ питья (с. 8). Слоны (с. 9). Овцы, козы (с. 10). Насѣкомыя (с. 11). в) Переселенія животныхъ. Общія замѣтки, причины. Переселенія птицъ—описаніе совы, попугая (с. 12). Походы рыбъ. д) Зимняя спячка (зарываніе): причины. *Testacea* (с. 13). Насѣкомыя (с. 14). Амфибии, рыбы (с. 15). Птицы (с. 16). Млекопитающія: дякобразъ, медвѣдь (с. 17). е) Перемѣна (сбрасываніе) кожи у змѣй, насѣкомыхъ, *Crustacea* (с. 17). ф) Вліянія погоды и времени года. Болѣзни: общія замѣтки—питье у хищныхъ птицъ и проч. (с. 18). Вышнія вліянія на процвѣтаніе рыбъ (с. 19). Болѣзни рѣчныхъ рыбъ, уловъ. Вліянія погоды на *Testacea* (с. 20). Болѣзни млекопитающихъ: свиньи (с. 21), собаки (с. 22), рогатаго скота (с. 23), лошади (с. 24), ослы (с. 25), слоны (с. 26). Болѣзни пчелъ (с. 27). г) Распространеніе животныхъ и особенные случаи. Данныя о мѣстѣ нахоженія отдѣльныхъ видовъ (с. 28). Вліяніе мѣстности на характеръ животныхъ—свиньи *Athos'a*; укушенія змѣй и скорпионовъ (с. 29). Вліяніе времени беременности, времени года на животныхъ (с. 30).

Книга IX. Различныя данныя о животныхъ. 1) Замѣчанія о вычлѣтѣ; характеръ самцовъ и самокъ. 2) Вражда между животными: причины, примѣры вражды и дружбы; войны между животными; охота, вычка слоновъ (с. 1). Общежитія рыбъ и т. п. (с. 2). 3) Различныя замѣчанія о характерѣ, различныхъ качествахъ и дѣятельности. а) Млекопитающія: овцы (с. 3), рогатый скотъ и лошади (с. 4), олени (с. 5), медвѣды (с. 6 вначалѣ). б) Средства, употребляемыя животными противъ болѣзней (с. 6). в) Птицы: ласточки, строеніе гнѣздъ, голуби (с. 7), красноногія куропатки (с. 8), дятель (с. 9), различныя птицы (с. 10—28), кукушка (с. 29), еще о ласточкахъ, козодой (с. 30), ворона (с. 31), орлы и хищныя птицы (с. 32—36) Прибавленіе: уловъ рыбъ съ помощью волковъ (с. 36) въ концѣ. д) Морскія животныя: рыбы—лагуа (морской чортъ, *lorhius*), электрической скать и проч.; мягкотѣлныя (с. 37). е) Насѣкомыя. Пауки (с. 38, 39). Соты строящія насѣкомыя—виды ихъ: пчелы, осы, *Anthrenae*, шмели (с. 40—43). 4) Мужество, кротость и проч. у различ-

ныхъ мяскопитающихъ. Левъ, Thos (с. 44), бизонъ (с. 45), слонъ (с. 46), верблюдъ и лошадь (с. 47), вроткіе дельфины (с. 48). 5) Вліянія на характеръ животныхъ (с. 49). 6) Кастрація животныхъ, способъ операціи (с. 50). 7) Особенности свойства — жвачка, перемѣна цвѣта, голоса, пѣніе у птицъ и проч. (с. 50, 49).

Книга X (подложная, составленная неизвестнымъ врачомъ). Условія безплодія и средства противъ нихъ ¹⁾.

Одного взгляда на приведенный перечень, повторяемъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что это не просто наборъ фактовъ, какъ утверждаетъ Льюисъ, но что въ „*Исторіи животныхъ*“ есть и опредѣленный планъ, и извѣстная система, и первые начатки научной классификаціи и научнаго обоснованія зоологіи. Въ этомъ трактатѣ Аристотель очевидно задался мыслию нарисовать картину животнаго міра, со включеніемъ человѣка, поскольку онъ животное. Трактатъ этотъ, согласно Aubert и Wimmer'у, состоитъ изъ четырехъ главныхъ отдѣловъ:

Первый (отъ начала до I. IV, с. 8) занимается *анатоміей* животныхъ. Резюме въ с. 7 этой книги не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что А. поставилъ себѣ задачей описать наружныя и внутреннія части животныхъ вообще и каждаго порознь. Здѣсь проведенъ принципъ общей, описательной и сравнительной анатоміи. Въ области общей анатоміи „однородныя“ или простыя (*ἀσύνθετα*) части А. соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ тканямъ, „неоднородныя“—органамъ,—дѣленіе, сохранившееся до новѣйшаго времени и послужившее основаніемъ для постепеннаго обособленія и разграниченія общей и описательной анатоміи, начиная отъ Фаллопія (1775) и Bichat (1801—„*tissus et organes*“) и оканчивая Мауер'омъ (1819—„*гистологія*“) и Шванномъ (1839—„клеточки“ съ ихъ производными и „сложныя“ части) ²⁾.

„Части животныхъ тѣль (такъ начинается *Historia animalium*) бываютъ или простыя (*ἀσύνθετα*), т. е. допускаютъ дѣленіе на однородныя части, напр. мускулы на мускулы (*ὅσων σάρκας εἰς σάρκας*), или сложныя (*σύνθετα*), составленныя изъ разнородныхъ частей: такъ рука не можетъ быть раздѣлена на нѣсколько рукъ или лице на нѣсколько лицъ. Всѣ сложныя части состоятъ изъ соединенія простыхъ частей, напр. рука—изъ мяса, сухожилій и костей“ ³⁾.

Сравнительная анатомія А. отправляется отъ анатоміи человѣка, какъ наиболѣе извѣстнаго изъ животныхъ, и затѣмъ разсматриваетъ

¹⁾ При изложеніи „Перечня“ мы придерживались Aubert u. Wimmer'a, Aristoteles Thierkunde, I, 43—52, причѣмъ мы выставили не §§ ихъ изданія, а главы, для облегченія справокъ со всякимъ изданіемъ.

²⁾ Тамъ же, 36.

³⁾ Hist. animal. l. I, с. 1 вначалѣ.

аналогичные съ человѣческими органы (*ἀνάλογα*) всего остальнаго животнаго царства. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Аристотелю предстояло создать этотъ сравнительный методъ, нынѣ никому не бросающийся въ глаза лишь вслѣдствіе его обыденности. Онъ первый усмотрѣлъ и установилъ тѣсную связь между хрящами (*σπίλον*) каракатицы, рыбьими костями и скелетомъ человѣка. Принципы аналогіи примѣненъ имъ въ обширѣйшихъ размѣрахъ по отношенію не только къ наружнымъ, но и къ внутреннимъ органамъ (жабры и легкія). Далѣе онъ вѣрно оцѣнилъ и сравнилъ пищеварительные органы всѣхъ отдѣловъ животнаго царства и съ большой проникаемостью провелъ параллель между сѣменными канадами рыбъ и яичкомъ, между обыкновенными и оленьимъ рогами, между различными частями скелета, въ особенности же между яйцами и ихъ развитіемъ у птицъ, рыбъ и головоногихъ, а также между куколкой и яйцемъ, хотя и ошибался въ нѣкоторыхъ частностяхъ, напр. не разгадалъ печени головоногихъ, улитокъ и раковинъ и подъ вліяніемъ древнихъ теорій о произвольномъ зарожденіи проглядѣлъ яйца морскихъ ежей, улитокъ и раковинъ. Въ общемъ однако его воззрѣнія по большей части вѣрны.

Второй главный отдѣлъ (отъ с. 8 до конца книги IV) разсматриваетъ *физиологію* органовъ чувствъ, голосъ, рѣчь, сонъ и различія тѣла обоюго пола помимо половыхъ органовъ. Онъ, правда, еще не совсѣмъ отчетливо разграничивалъ строеніе органа отъ его функціи, но тамъ, гдѣ онъ разгадалъ функцію, онъ проводитъ ея видоизмѣненія во всемъ животномъ царствѣ.

Третій главный отдѣлъ (кн. V—VII) обнимаетъ органы произражденія и развитія (слѣд. сохраненія видовъ) животныхъ, соблюдая постепенный переходъ отъ несовершеннаго къ совершенному, въ противоположность порядку, принятому имъ въ анатомическомъ отдѣлѣ. И здѣсь замѣчаются строго и послѣдовательно проведенная аналогія и (несмотря на нѣкоторые ошибочные взгляды въ частностяхъ) весьма явственное стремленіе къ установленію общей точки зрѣнія для всѣхъ относящихся сюда явленій. Идея единства и гомологіи въ развитіи, съ открытіемъ зародышеваго пузырька, какъ извѣстно, составляетъ принадлежность и новѣйшаго времени.

Наконецъ четвертый главный отдѣлъ (кн. VIII и IX) разсматриваетъ побужденія, инстинкты и психическія отправленія животныхъ.

Очевидно въ „*Исторіи животныхъ*“, говоря словами Aucter u. Wimmer'a, заключается почти все, что можно объ нихъ сказать, исключая лишь растительную физиологію, которой здѣсь не находимъ по той

причинѣ, что А. не былъ знакомъ ни съ химіей, ни съ кровообращеніемъ. Это, слѣдовательно, „біологія всего животнаго царства, основанная на громадномъ числѣ спеціальныхъ наблюдений и проникнутая идеей о единствѣ животной жизни, составляющей одно изъ безчисленныхъ видоизмѣненій всемірной жизни“¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ частностямъ „*Исторіи животныхъ*“ мы прежде всего наталкиваемся на вопросъ

О классификаціи. Мы напрасно стали бы искать здѣсь искусственной классификаціи, составляющей только плодъ новѣйшей науки и до которой А. не могъ дойти хотя бы и потому, что онъ слишкомъ былъ проникнутъ чувствомъ природы. Вообще А. возстаетъ противъ принятія отрицательныхъ признаковъ, какъ основанія классификаціи, ибо по его выраженію, „не можетъ существовать видовъ того, чего нѣтъ“²⁾. Онъ держится поэтому болѣе естественнаго метода классификаціи: всѣ животныя, которыя отличаются между собою только въ степени, соединены въ одинъ родъ, сходныя же между собою лишь по аналогіи раздѣлены. Такъ птицы отличаются между собою преобладаніемъ одного какого либо признака, напр. короткими или длинными крыльями, но рыбы, будучи сходны съ птицами лишь по аналогіи, составляютъ особый естественный классъ, ибо у рыбъ чешуя имѣетъ тоже значеніе, что у птицъ — перья³⁾. Итакъ у А. не найдемъ ни дѣленія на классы, порядки, семейства, роды и виды въ нынѣшнемъ смыслѣ, не искусственной классификаціи, основанной на отличительныхъ признакахъ въ устройствѣ известныхъ частей, опредѣляющихъ спеціальное мѣсто, занимаемое каждымъ видомъ. На виды онъ смотрѣлъ еще какъ на реальныя сущности или типы:

„Должно быть нѣчто, что мы называемъ природой (ὁ δὲ καὶ καλοῦμεν φύσιν). Ибо изъ каждаго сѣмени происходитъ не какой бы то ни было предметъ, а особое тѣло, и наоборотъ, каждое сѣмя происходитъ изъ собственно ему свойственнаго особаго тѣла. Сѣмя слѣдовательно есть начало и пластическій матеріалъ того, что изъ него образовано. Но прежде сѣмени должно быть дано существо, котораго оно составляетъ сѣмя, ибо сѣмя есть генезисъ, а конечная цѣль—опредѣленная сущность (γένεσις μὲν γὰρ τὸ σπέρμα, οὐσία δὲ τὸ τέλος)⁴⁾.

Аристотель, правда, для обозначенія большихъ или меньшихъ группъ животныхъ также употребляетъ слова γένος и εἶδη, по они не имѣютъ у

1) Ср. Aubert u. Wimmer, Aristoteles Thierkunde, I, 37—38.

2) De partibus animal. I, I, c. 3.

3) Тамъ же, I, I, c. 4.

4) Тамъ же, I, I, c. 1. (ed. Didot, III, 222).

него того значенія, какое нынѣшняя систематика придаетъ роду и виду, а составляютъ крайне эластичныя и неопредѣленныя выраженія, съ коими рука объ руку идутъ колебанія въ разграниченіи отдѣльныхъ группъ и недостатокъ единства, какъ принципа дѣленія. Ибо для составленія группъ онъ пользуется не однимъ какимъ либо признакомъ, напр. различіемъ въ какомъ либо органѣ (зубы, ноги, плавательныя перья, — хотя въ одной группѣ между ними можетъ существовать сходство, какъ острые зубы, раздвоеніе копытъ), а большимъ или меньшимъ числомъ признаковъ или качествъ. Очевидно γενῆ Аристотеля—крайне растяжимыя понятія и большія группы животныхъ имъ такъ и называются: γενῆ μέγιστα—большіе классы. Но хотя въ указанныхъ имъ обширныхъ группахъ, рассматриваемыхъ имъ какъ естественныя классы, и не видно такого методическаго распредѣленія, которое выставило бы природныя сходства между животными, тѣмъ не менѣе въ набросанномъ А. очеркѣ различій и сходствъ между отдѣльными группами нельзя не видѣть по крайней мѣрѣ естественной систематики.

Такъ онъ различаетъ живородящихъ (ζωοτόκα), какъ человекъ, лошадь, тюлень и всѣ волосатыя животныя, а изъ водяныхъ—киты, дельфины и хрящевыя рыбы, и яйцеродящихъ (ᾠοτόκα), какъ птицы, рыбы, и черверодящихъ (σχωλήκτοκα), какъ насѣкомыя и черви ¹⁾. Онъ не могъ конечно знать, что есть живородиція земноводныя и улитки, живородяція насѣкомыя и даже живородяціе черви и инфузоріи ²⁾.

Главнымъ же образомъ Аристотель дѣлитъ животныхъ на два большихъ разряда, каковы: 1) Имѣющія кровь (ἔναυμα) и 2) Безкровныя (ἄναυμα) ³⁾. Эти большіе разряды (γενῆ μέγιστα) Аристотель дѣлитъ на особыя меньшіе отдѣлы, причемъ видно явственное стремленіе къ образованію еще меньшихъ группъ, которыя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Кровныя: а) Млекопитающія живородящія (ζωοτοκοῦντα ἐν ζωῷ),

б) Птицы (ἄρνιθες),

¹⁾ *Histor. animal.* I, I, с. 5.

²⁾ *Ср. Lewes*, I, с. 215 и 275.

³⁾ *Histor. animal.* I, I, с. 4. Другими словами: имѣющія красную и бѣлую кровь (Кювье). Низшихъ животныхъ (пресмыкающихся и безпозвоночныхъ) А. считалъ безкровными и имѣющими влагу, лишь аналогичныя съ кровью. Очевидно А. не было извѣстно, да и Кювье упустилъ изъ виду, что нѣкоторые земляные черви и улитки имѣютъ красную кровь (*Swathmeadam, Bibel der Natur*, 1752, 54) и что различныя кольчатая имѣютъ зеленую, блѣдножелтую и красную кровь, а нѣкоторые морскіе виды, какъ *Tunicata* и *Sipuncula*—красную, оранжевую, желтую, фіолетовую и голубую кровь. *Ср. Lewes*, I, с. 275.

с) Земноводныя и пресмыкающіяся или четвероногія и безногія яйцеродащія (τετράποδα ἢ ἄποδα ὠτοκοῦντα ἐν αὐτοῖς);

d) Рыбы (ἰχθύες).

Безкровныя: а) Головоногія или мягкотѣлыя (Cephalopoda, μαλάκια);

б) Мягкоскорлупныя (Crustacea, Stomapoda, μαλακόστραχα): крабы, раки рѣчные и морскіе (astaci);

с) Черепнокожія или твердоскорлупныя (Testacea, ὀστρακοδέριματα): устрицы, улитки, голотуріи, асцидіи, активіи, губки;

d) Насѣкомыя (ἔντομα, отъ ἔντομαι, насѣчки) ¹⁾.

Далѣе А. различаетъ имѣющихъ легкія и потому теплыхъ и безлегочныхъ, холодныхъ, а по мѣсту нахождения—сухопутныхъ, земноводныхъ и водяныхъ. Еще одно дѣленіе:

Крылатыя, куда относятся: а) пернатыя (птицы), б) кожескорлупныя (δερμόπτερα—летучія мыши)—имѣющія кровь и по двѣ ноги, и с) перепончатокрылыя (насѣкомыя)—безкровныя, имѣющія болѣе двухъ ногъ, а изъ болѣе круныхъ—и по четыре крыла и жало сзади (менѣе круныя, у коихъ жало спереди, имѣютъ только двѣ ноги, напр. мухи) ²⁾.

Безкрылыя или целетающія (четвероногія), у коихъ общій признакъ тотъ, что всѣ имѣютъ кровь, и къ коимъ относятся всѣ живородящія и яйцеродащія:

„Живородящія не всѣ имѣютъ волосы, яйцеродащія всѣ имѣютъ чешуи, доволно похожія, по мѣсту ихъ нахождения, на чешуи рыбъ. Змѣя, хотя она и безногая, принадлежитъ къ классу имѣющихъ кровь и движущихся на поверхности земли, но кожа ея чешуйчатая. Между змѣями одна только Viperга (ἔχιδνα)—живородящая, остальные—яйцеродащія,—примѣръ, который вмѣстѣ съ примѣромъ нѣкоторыхъ живородящихъ рыбъ подтверждаетъ наблюдение, что не всѣ живородящія имѣютъ волосы, но всѣ имѣющія волосы—живородящія, ибо необходимо почитать за родъ волосъ эти твердыя шишковатыя бороды, которыя носятъ обыкновенныя ежи (ἐχῖνοι) и дикобразы (ὑστρίχες) и которыя имъ дѣйствительно замѣняютъ волосы и не служатъ вмѣсто ногъ, какъ у морскихъ ежей. Классъ живородящихъ четвероногихъ также заключаетъ въ себѣ множество видовъ (εἶδη), но многіе изъ нихъ не имѣютъ общихъ названій (ἀνώνομα) и ихъ обозначаютъ каждый отдѣльно по имени отдѣльныхъ особей, какъ человекъ, левъ, олень, лошадь, собака. Однако, животныя, имѣющія гривы, образуютъ особый классъ, куда относятся: лошадь, оселъ, лошакъ (ὄρεός), гіппус (γῖννος), іппус (ἵππος), оба—родъ муловъ, а равно такъ-называемыя сирійскіе полуослы или мулы (ἡμίονοι), которые носятъ это имя лишь по сходству съ настоящими мулами и однако не принадлежатъ къ этому виду, ибо они совокупляются между со-

¹⁾ Ср. Aubert u. Wimmer l. c. I, 60.

²⁾ Histor. animal., l. I, c. 5.

бо и это совокупленіе сопровождается оплодотвореніемъ. Недостатокъ родовыхъ названій, подъ которыми можно было бы соединять животныхъ, о которыхъ мы только что говорили, вынуждаетъ насъ, для изученія особенностей ихъ природы, братья за каждый видъ по-рознь" ¹⁾.

Повторяемъ, было бы несправедливо, какъ это дѣлаетъ Льюисъ, предъявлять къ древнему естествоиспытателю требованія нынѣшней классификаціи, которая только благодаря многостороннимъ изысканіямъ въ области сравнительной анатоміи сдѣлала возможнымъ прослѣдить, изъ класса въ классъ и изъ рода въ родъ, степень усложненія и соответствіе между наружной формой и внутреннимъ строеніемъ организмовъ. Правда, по мѣткому выраженію Льюиса, всѣ люди испоконъ вѣка дѣлили животныхъ на четвероногихъ, крылатыхъ, земныхъ, водяныхъ, яйцеродящихъ и т. д. Но не слѣдуетъ забывать, что Аристотель первый представилъ матеріалъ и положилъ основаніе той самой сравнительной анатоміи, которая одна только и сдѣлала возможной современную классификацію, и что если его анатомія высшихъ животныхъ и страдаетъ многими несовершенствами, то зато онъ много поработалъ для анатоміи низшихъ (безпозвоночныхъ) животныхъ. Интересно, что самъ А. ясно даетъ понять, что его дѣленіе есть только кратко набросанный очеркъ, имѣющій характеръ лишь предварительнаго плана:

„Все это представлено лишь вкратцѣ съ цѣлью дать предчувствовать нашъ планъ и тѣ предметы, которые мы изслѣдуемъ, и то что мы въ нихъ рассмотримъ. Сначала мы займемся тѣмъ, что отличаетъ однихъ животныхъ отъ другихъ и что имъ обще всѣмъ, затѣмъ попытаемся отыскать причины всего этого. Предпосылать исторію того, что относится къ каждому животному, значить слѣдовать по естественному пути (*κατὰ φύσιν*), ибо черезъ это становится яснымъ и то, что слѣдуетъ развивать, и откуда выводить объясненія" ²⁾.

Съ вопросомъ о классификаціи тѣсно связанъ вопросъ о *различіяхъ* между животными:

„У однихъ всѣ соответственныя части одинаковы и сходны между собою по формѣ, у другихъ несходны. У принадлежащихъ къ одному и тому же классу (напр. у рыбъ или птицъ), части различаются между собою только либо въ степени (избыткомъ или недостаткомъ чего либо), либо въ качествахъ (цвѣтъ, очертаніе), коихъ у одного вида больше, у другого меньше, либо въ количествѣ и объемѣ. У однихъ наружныя покровы тоньше, у другихъ—толще; далѣе напр. у птицъ клювъ бываетъ длиннѣе и тоньше, перья больше или меньше. Иногда же между соответственными частями у различныхъ животныхъ существуетъ только аналогія, напр. между перьями и чешуей (ибо перья для птицъ тоже, что чешуя для рыбъ), между обыкновенными и рыбьими костями, между

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 6.

²⁾ *Histor animal.*, I, I, с. 6.

ногтями и рогами, между клещами у крабовъ и рукой. Наконецъ бываютъ различія въ мѣсторасположеніи частей, напр. сосцы могутъ быть на груди и животѣ (близь бедеръ ¹⁾).

За установленіемъ въ общихъ чертахъ классификаціи на основаніи различій между животными, смотря по ихъ образу жизни, поступкамъ, характеру, мѣсту нахождения и проч. слѣдуетъ

Описаніе различныхъ частей животнаго тѣла, которое Аристотель начинаетъ съ человѣка (*книга I*), какъ ближе извѣстнаго, въ особенности по отношенію къ наружнымъ частямъ, при описаніи же внутреннихъ частей прибѣгаетъ къ сравненію съ таковыми же у животныхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку, напр. у обезьяны. Выше мы уже видѣли, какъ скудно и неточно вышло это описаніе. Собственно животнымъ посвящена

Книга II, въ которой нагромождено въ изобиліи столько подробностей и фактовъ, что они попадаютъ чуть ли не въ каждой строкѣ и гораздо рѣже—общіе выводы изъ нихъ. Несмотря на неточность подчасъ первыхъ и поспѣшность въ послѣднихъ, этотъ впервые собранный Аристотелемъ фактической матеріалъ составляетъ безсмертную заслугу въ исторіи науки, ибо послужилъ фундаментомъ, на которомъ впослѣдствіи было выведено зданіе науки, не говоря уже о томъ, что одно стремленіе къ собранію такой массы фактовъ въ одно цѣлое, не лишенное извѣстной системы, должно быть разсматриваемо какъ заря естественно-исторической науки о животныхъ. Въ упомянутой книгѣ II, какъ видно изъ перечня, разсматривается анатомія наружныхъ и внутреннихъ частей животныхъ, какъ-то четвероногихъ живои яйцеродающихъ, рыбъ, змѣй, птицъ, словомъ всѣхъ животныхъ, имѣющихъ кровь. Изъ наружныхъ частей описываются члены, отношенія между ними, вѣшніе покровы; изъ внутреннихъ: трахея, легкія, сердце, печень, желчный пузырь, селезенка, желудокъ, кишечный каналъ и проч. Особенно здѣсь обращаютъ на себя вниманіе сравнительное описаніе обезьянъ, слона и хамелеона и отличительныя ихъ черты отъ другихъ животныхъ.

Книга III въ первой части содержитъ продолженіе описанія внутреннихъ (воспроизводительныхъ) органовъ, вторая же часть посвящена общей анатоміи и описываетъ однородныя части, какъ: кровеносные сосуды, сухожилія, волокна, кости, хрящи, рога, волосы, кожу, перепонки, мясо („среда ощущеній“), жиръ, кровь, костный мозгъ, молоко, сѣменную жидкость, причемъ разсматриваются ихъ свойства, распредѣленіе и видо-

¹⁾ Hist. animal. l. I, c. 1.

измѣненія, смотря по возрасту, временамъ года и образу жизни. Въ концѣ этой книги находимъ замѣчанія о молокѣ, условіяхъ его створаживанія и, между прочимъ, о случайномъ появленіи молока у самцовъ. Такъ Аристотель упоминаетъ о козлѣ на о. Лемносѣ, доставлявшемъ достаточное количество молока для выдѣлки сыровъ,—особенность, которую наследовали и его потомки ¹⁾.

Книга IV, въ первыхъ 7 главахъ, занимается анатоміей безкровныхъ или правильнѣе безпозвоночныхъ. Этотъ отдѣлъ не только отличается богатствомъ самыхъ точныхъ и интересныхъ подробностей, но болѣе удовлетворяетъ требованіямъ систематическаго трактата, чѣмъ остальная часть сочиненія. Здѣсь сначала описываются головоногія и притомъ съ такими подробностями, которыя доказываютъ личное знакомство съ предметомъ, и хотя многое безъ сомнѣнія позаимствовано Аристотелемъ изъ разсказовъ рыбаковъ, причемъ онъ смѣется надъ легковѣріемъ, отъ котораго подчасъ и самъ не свободенъ, но въ другомъ мѣстѣ онъ весьма опредѣленно отзывается объ ихъ невѣжествѣ: „этотъ народъ никогда не дѣлалъ наблюденій для цѣлей знанія (τῶν γυνῶναι χάριν)“ ²⁾. Далѣе здѣсь описываются твердоскорлупныя или черепнокожія (Testacea) и мягкоскорлупныя (Crustacea), изображеніе коихъ обличаетъ у Аристотеля гораздо основательнѣйшее знакомство съ ихъ анатоміей, чѣмъ съ анатоміей позвоночныхъ. Наконецъ здѣсь слѣдуетъ описаніе насѣкомыхъ, червей, полиповъ и медузъ, однако безъ систематической группировки, „ибо нѣтъ ни одной формы, которая бы обнимала другія формы.“ Съ восьмой главы, какъ явствуетъ изъ перечня, начинается новый отдѣлъ—физиологія органовъ чувствъ, въ особенности безпозвоночныхъ. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, о коихъ рѣчь была уже въ другомъ мѣстѣ, здѣсь прибавимъ лишь, что находящееся здѣсь замѣчаніе А. о томъ, что *Solen* съезживается при всякомъ шумѣ и чувствуетъ приближеніе желѣзнаго прута, или что *Pecten*, словно зрячее, раскрывается и вновь закрывается при приближеніи пальца ³⁾,

¹⁾ *Histor. animal*, I. III, с. 20. Это во всякомъ случаѣ первое наблюденіе въ этомъ родѣ. О нѣсколькихъ вполне доказанныхъ случаяхъ образованія молока у самцовъ упоминаетъ *Burdach*, *Traité de Physiologie*, Paris, 1839, IV, 382, Ср. *Lewes* I. с. 285. Въ новѣйшее время общеизвѣстенъ случай *Гумбольдта*, видѣвшаго въ Америкѣ отца, который кормилъ грудью своего ребенка 5 мѣсяцевъ сряду во время болѣзни его жены, и *St. Hilaire*'а, пмѣвшаго въ своемъ распоряженіи въ ботаническомъ саду козла съ развитыми грудными желѣзами, изъ коихъ сочилось молоко. (Тамъ же).

²⁾ *De generat. animal*. I. III, с. 5.

³⁾ *Hist. anim.*, I. IV, с. 8, § 99.

Льюисъ дополняетъ и исправляетъ въ томъ смыслѣ, что А. не зналъ факта существованія у *Pecten* глазъ, украшающихъ его покровы напоподобіе драгоценныхъ камней, но что раскрываніе и закрываніе его при приближеніи пальца не подтверждается наблюденіемъ ¹⁾.—Девятая глава посвящена голосу животныхъ. При этомъ А. прежде всего отличаетъ собственно голосъ отъ звука и рѣчи: голосъ исходитъ изъ глотки (!), отсюда—отсутствіе его у животныхъ, не имѣющихъ легкихъ (?). Рыбы нѣмы оттого, что не имѣютъ ни легкихъ, ни дыхательнаго горла, ни глотки. Нѣкоторыя изъ нихъ испускаютъ особенный пискъ, зависящій отъ тренія жаберъ; нѣкоторыя производятъ звукъ изнутри вблизи желудка, но всѣ имѣютъ органъ дыханія (дыхательный пузырь), производящій звукъ при его сжиманіи и движеніи. Нѣкоторыя хрящевыя рыбы также какъ бы пищать, но это не голосъ, а только издаваніе звука.“ Въ главѣ о снѣ (с. 10) Аристотель утверждаетъ, что яйцеродящія животныя не спятъ, тогда какъ извѣстно, что они спятъ.

Книга V (с. 1—13) трактуетъ объ органахъ произражденія, способахъ совокупленія и періодахъ течки и зрѣлости. Примѣромъ легковѣрія А. можетъ служить утвержденіе его о зачатіи куропатокъ при одномъ дуновеніи вѣтра отъ самца, равно какъ и о томъ, что въ извѣстные періоды для нихъ достаточно услышать его голосъ, когда онъ летаетъ надъ ними, причемъ онѣ оплодотворяются его дыханіемъ.“ Глава о губкахъ (с. 14) безъ сомнѣнія есть случайная вставка.

Книга VI продолжаетъ изложеніе произражденія, въ первыхъ 9 главахъ—у птицъ, въ слѣдующихъ восьми—у рыбъ, въ остальныхъ—у яйцеродящихъ, имѣющихъ ноги.—Здѣсь, какъ и въ *De generatione animalium*, Аристотель настаиваетъ на томъ, что угри—единственныя кровь имѣющія животныя, не происходящія ни отъ совокупленія, ни отъ яицъ, ибо вскрытіе ихъ не обнаруживаетъ ни сѣмени, ни воспроизводительныхъ органовъ.

(*Книга VII*—подложная и потому объ ней нѣтъ надобности говорить).

Книга VIII трактуетъ сначала о восходящемъ усложненіи на лѣстницѣ органической жизни, о психическихъ способностяхъ, мѣстѣ находженія, способахъ добыванія пищи, переселеніяхъ, зимней спячкѣ и различныхъ отношеніяхъ животныхъ къ погодѣ и температурѣ. Затѣмъ здѣсь рѣчь идетъ о болѣзняхъ животныхъ. Между прочимъ у свиньи Аристотель называетъ 3 болѣзни: 1) βράχως—родъ гангрены въ зѣвѣ и гортани и карбункуловъ на шеѣ или членахъ, 2) κραιβά—холодъ ушей,

¹⁾ Lewes, I., 287.

потеря аппетита, поносъ и 3) *χαλαζαι* (*Cysticercus cellulosa*) ¹⁾. У собакъ Аристотель также называетъ 3 болѣзни—бѣшенство (*λύττα*), супанче и подагру ²⁾, у рогатаго скота—подагру и *κραυρός*—родъ тифа ³⁾. Далѣе онъ наблюдалъ сапъ (*μηλς*) у осла ⁴⁾, а также нѣкоторыя болѣзни у рыбъ ⁵⁾ и пчель ⁶⁾. У лошади онъ наблюдалъ *Tetanus*, *Nymphian* (столбнякъ) и *Krithian* (родъ злокачественной жабы). Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь встрѣчаемъ и слѣдующіе курьезы:

„Лошадѣ, пасущіеся въ дикомъ состояніи на лугахъ, не страдаютъ никакими болѣзнями, за исключеніемъ подагры, производящей разстройство въ ихъ копытахъ, одиъ изъ признаковъ—появленіе морщинистой борозды посреднѣи подъ коздрями. Прирученныя же лошади подвержены разнымъ болѣзнямъ ⁷⁾. Животныя, укушенныя бѣшеной собакой, заболѣвають, за исключеніемъ челоуѣка ⁸⁾. Слоны подвержены только флатуленціи и поносамъ ⁹⁾. Мыши умирають, если пьють лѣтомъ“ ¹⁰⁾.

Книга IX говоритъ о привычкахъ и инстинктахъ животныхъ и содержитъ множество интересныхъ и въ общемъ довольно точныхъ подробностей, хотя и не приведенныхъ въ систему. Вообще Аристотель въ образѣ жизни животныхъ, въ особенности болѣе мелкихъ, усматриваетъ множество чертъ, составляющихъ подражаніе челоуѣческой жизни. Примѣромъ могутъ служить построеніе сотовъ у пчель или гнѣздъ у птицъ, забота объ опрятномъ ихъ содержаніи, о кормленіи дѣтенышей, причемъ птицы иногда даже бросаютъ послѣднимъ въ клювъ разжеванную пищу ¹¹⁾; исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя птицы, какъ кукушки ¹²⁾ и орлы, изъ коихъ послѣдніе вовсе не заботятся о своихъ дѣтенышахъ, выбрасываемыхъ ими изъ гнѣздъ и подхватываемыхъ для воспитанія коршунами ¹³⁾. Съ другой стороны находимъ у него замѣчаніе о распространенномъ повѣрьи, согласно коему старымъ аистамъ и челоуд-

¹⁾ Hist. animal., l. VIII, с. 21.

²⁾ Тамъ же, с. 22.

³⁾ Тамъ же, с. 23.

⁴⁾ Тамъ же, с. 25.

⁵⁾ Тамъ же, с. 20.

⁶⁾ Особенно отъ мушкетной росы на цвѣтахъ и портищахъ соты паразитовъ, какъ *Kleros* или *Pugaustes* (родъ паучковъ), *Heriolos* (родъ мотыльковъ) и гусеницы. Тамъ же, с. 27.

⁷⁾ Тамъ же, с. 24.

⁸⁾ Hist. animal. l. VIII с. 22.

⁹⁾ Тамъ же, с. 26.

¹⁰⁾ Тамъ же, с. 28.

¹¹⁾ Hist. animal. l. IX с. 7.

¹²⁾ Тамъ же, с. 29.

¹³⁾ Тамъ же, с. 34.

нымъ (*Merops apiaster*) кормъ доставляется молодыми ¹⁾. Изъ морскихъ животныхъ онъ обращаетъ вниманіе на дельфиновъ, которые, по его наблюденіямъ, изъ всѣхъ животныхъ совершаютъ самыя быстрыя движенія, такъ какъ они перескакиваютъ даже мачты кораблей на полномъ ходу. Далѣе у Аристотеля находимъ интересныя замѣтки о пережвѣннѣ характера у животныхъ, напр. у куръ, когда онѣ побѣждаютъ пѣтуховъ, причеиъ усваиваютъ себѣ всѣ пѣтушиныя ухватки, начинаютъ пѣть, гребень у нихъ вздувается и появляются даже слѣды шпоръ (*Calcar*) на пяткахъ. Съ другой стороны есть пѣтухи, до того похожіе на самокъ, что позволяютъ даже себя топтать ²⁾. У нѣкоторыхъ пѣтуховъ, если прижигать у нихъ раскаленнымъ желѣзомъ гузку, обнаруживаются такія же явленія, какъ у оскопленныхъ людей, гребень блѣднѣетъ, они перестаютъ пѣть и т. п. ³⁾ Аристотель обращаетъ еще вниманіе на измѣненія голоса, напр. у людей и птицъ, изъ коихъ нѣкоторыя, напр. горлицы, производятъ особый звукъ, сильно двигая при этомъ кончикомъ ⁴⁾. Любопытно наблюденіе надъ птицей *Trochilus* (*Hyas* или *Pluvianus aegypt.*), которая залетаетъ въ пасть крокодила, чиститъ ему зубы, причеиъ и для себя находитъ пищу, и крокодилу доставляетъ пользу, такъ что послѣдній старается не повреждать ее зубами и лишь когда она ему надоѣстъ, начинаетъ двигать шеей съ цѣлью дать понять, чтобы она убиралась изъ пасти ⁵⁾. Подобныхъ интересныхъ подробностей въ книгѣ IX множество, но и приведенныя, взятая нами наудачу изъ первыхъ попавшихся подъ руку, достаточно доказываютъ наблюдательность Аристотеля. О затронутыхъ здѣсь предметахъ ср. приведенный выше перечень.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе „*Исторіи животныхъ*“ Аристотеля. Но для большей полноты нашего очерка считаемъ не лишнимъ указать на попадающіяся здѣсь неточности, и затѣмъ изложить подробнѣе дѣйствительно цѣнный и вѣрный фактическій матеріалъ.

Нельзя конечно отрицать, что въ *Исторіи животныхъ*, какъ и въ другихъ естественно-историческихъ трудахъ А., нрѣдко встрѣчаются и е вѣ р н ы е факты, но съ другой стороны необходимо признать, что они теряются въ массѣ болѣе или менѣе вѣрныхъ наблюденій. Какъ на обращеніи первыхъ Льюисъ ⁶⁾ указываетъ на слѣдующія неточности:

¹⁾ Тамъ же, с. 13.

²⁾ Тамъ же, с. 49.

³⁾ Тамъ же, с. 50.

⁴⁾ Тамъ же, с. 49 b въ концѣ.

⁵⁾ Тамъ же, с. 6.

⁶⁾ *Lewis*, I. с. 272, 282. Мы съ своей стороны дополнили слѣдующія данныя указаніями на источники, конхъ у Льюиса нѣтъ.

1) Мужскія особи у человека, овецъ, козъ и свиней имѣютъ больше зубовъ, нежели женскія. „О другихъ животныхъ еще не имѣется въ этомъ отношеніи наблюденій“¹⁾.

2) Рыбы лишены наружныхъ органовъ слуха и обонянія и даже ходовъ, ведущихъ отъ нихъ къ мозгу, хотя имѣютъ слухъ и обоняніе²⁾.

3) Сердце вола своеобразно, ибо у извѣстнаго рода воловъ, но не у всѣхъ, въ сердцѣ есть косточка; тоже бываетъ и въ сердцѣ лошади³⁾.

4) У нѣкоторыхъ животныхъ при печени имѣется желчный пузырь, у иныхъ нѣтъ. Ахайскій олень повидимому имѣетъ таковой на хвостѣ: то, что называется желчнымъ пузыремъ у этого животнаго похоже на него цвѣтомъ, но не жидко и по строенію похоже на селезенку⁴⁾.

5) Рыбы имѣютъ только одинъ простой желудокъ, но онъ различается по формѣ; у нѣкоторыхъ онъ похожъ на кишечникъ, какъ у *Scarus* (морскаго попугая), и это единственная рыба, которая повидимому жуеетъ жвачку⁵⁾.

6) Левъ [а равно и волкъ] не имѣетъ шейныхъ позвонковъ, но вся шея состоитъ у него изъ одной сплошной кости⁶⁾.

7) Долго живущіе люди имѣютъ одну или двѣ линіи, проходящія черезъ всю руку [ладонь?], кратко-живущіе имѣютъ двѣ линіи, которыя проходятъ не черезъ всю руку⁷⁾.

8) Человѣкъ имѣетъ, сравнительно съ величиной его тѣла, самый большой и великій мозгъ. Въ *De partibus animalium* мозгъ прямо описывается какъ одна изъ жидкостей (ὕγρων), хотя впрочемъ какъ „самая сухая и самая плотная (αὐχμηρότατον) изъ всѣхъ жидкостей“⁸⁾.

9) Большой лобъ бываетъ у тупоумныхъ (βραδύτεροι), малый—у людей съ живымъ умомъ (εὐκίνητοι), широкій—у людей, расположенныхъ къ экстазу (ἐκστατικοί), наконецъ круглый—у людей съ глубокимъ умомъ (εὐήχοοι)⁹⁾.

Всѣ эти и имъ подобныя неточности, какъ сказано, теряются въ огромной массѣ болѣе или менѣе вѣрныхъ наблюденій надъ всѣми и въ особенности низшими классами животнаго царства, какъ видно изъ слѣдующаго ряда фактовъ, собранныхъ преимущественно изъ „*Historia animalium*“, отчасти же и изъ другихъ сочиненій Аристотеля.

¹⁾ Hist. anim. I. II, с. 3.

²⁾ Тамъ же I. II, с. 13; I. IV, с. 8.

³⁾ Тамъ же, I. II, с. 15. Но это совершенно справедливо не только для лошади и вола, но и для овцы, оленя, верблюда. Ср. Aubert и Wimmer, I. с. I, 283.

⁴⁾ Hist. anim. I. II, с. 15. Зато тутъ же рядомъ находимъ справедливое замѣчаніе о присутствіи живыхъ червей въ головѣ (глоткѣ) оленя.

⁵⁾ Hist. anim. I. II, с. 17; I. VIII, с. 2; De partibus anim. I. III, с. 14, 271, ed. Didot. Но у *Scarus Cretensis* челюстной составъ такъ устроенъ, что дѣйствительно дѣлаетъ возможнымъ жеваніе жвачки, хотя послѣднее и не наблюдалось (Aub. и Wimmer, I, 139).

⁶⁾ Hist. animal. I. II, с. 1 вначалѣ. De part. anim. I. IV, с. 10, 289, ed. Didot.

⁷⁾ Ср. Lewes, I. с. 272.

⁸⁾ Hist. animal. I. I, с. 16. De partib. anim. I. II, с. 7, 288, ed. Didot.

⁹⁾ Hist. anim. I. I, с. 8.

У млекопитающих Аристотель первый при помощи естественно-исторического метода опредѣлилъ разницу между человѣкомъ и обезьяной, указавъ между прочимъ на различія въ образованіи черепа и личныхъ костей, хотя упустилъ изъ виду существованіе у обезьяны особой косточки въ стволѣ, которую однако онъ подмѣтилъ у нѣкоторыхъ четвероногихъ (лисицы, волка, куницы) ¹⁾. Далѣе онъ первый подмѣтилъ фактъ, что ни одно млекопитающее не имѣетъ такихъ рѣсницъ на нижнемъ вѣкѣ, а равно такихъ волосъ подъ мышками и на лобковыхъ частяхъ, какъ человѣкъ ²⁾, и что изъ всѣхъ животныхъ только человѣкъ можетъ спать на спинѣ ³⁾. Описаніе слухового аппарата у тюлена совершенно вѣрно ⁴⁾. Аристотель первый тщательно описалъ такъ называемые четыре желудка рогатаго скота и первый объяснилъ жвачку, равнымъ образомъ описалъ форму кишечника у слона, также похожаго на четыре желудка ⁵⁾. Вообще анатомія слона у Аристотеля совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Онъ первый установилъ различія между четвероногими на основаніи зубовъ, какъ отсутствіе верхнихъ рѣзцовъ у всѣхъ рогатыхъ, а изъ безрогихъ у верблюда, существованіе разрывающихъ зубовъ (*καρχαρόδοντα*) у льва, пантеры, собаки, тюлена и рыбъ, рубящихъ зубовъ (*χαυλιόδοντα*) у кабановъ и т. п., ⁶⁾ далѣе на основаніи строенія стопы, какъ многопалая, много раздѣльная — *πολυδάκτυλα*, *πολυσχιδῆ*, двукопытная — *δισχιδῆ* (у многихъ съ *Astragalus*) и однокопытная, *ἄσχιδῆ*, *μόνουχα*, никогда не встрѣчающіяся съ двумя рогами ⁷⁾. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что переднія ноги многопальными употребляются какъ руки, и высказываетъ взглядъ на тюлена какъ на недоразвитое четвероногое (переднія ноги подъ лопатками и заднія въ видѣ рыбьяго хвоста состоятъ изъ 5 пальцевъ, по 3 сустава и съ ногтемъ на каждомъ) ⁸⁾. Столь же справедливо его замѣчаніе о составѣ пуповинныя теленка изъ 4 сосудовъ ⁹⁾. У нѣкоторыхъ животныхъ онъ нашелъ такое дѣленіе печени на доли, что послѣднія кажутся совершенно отдѣльными внутренностями ¹⁰⁾. У него же встрѣчаемъ описаніе прыгуна или тушканчика (*Jerboa*, *Dipus Jaculus*, *D. Sagitta*) ¹¹⁾ и шакала (*θῶες*, *canis aureus*) ¹²⁾. Довольно вѣрно описаны разновидности и уклоненія млеко-

¹⁾ „δοτοῦν ἔχει τὸ αἰδοῖον.“ *Hist. anim.* I, II, с. 1. Въ с. 8 онъ говоритъ, что стволъ обезьяны похожъ на собачій (*αἰδοῖον κυνῶδες*). Косточка въ стволѣ (от *penis*) встрѣчается вмѣстѣ съ губчатымъ веществомъ у *Ferae*, *grivunovъ*, обезьянъ, летучихъ мышей и китовъ. *Stannius*, *Vergleich. Anatomie*, 1846, 471 у *Aubert* и *Wim.* I, с. I, 260.

²⁾ *Hist. anim.*, I, II, с. 1. ³⁾ *Problemata*, I, X, § 18. ⁴⁾ *Hist. anim.* I, I, с. 11.

⁵⁾ *Hist. anim.* I, II, с. 17: 1) „большой—*Rumen*, ἢ *κοιλία* ἢ *μεγάλη*, 2) рубецъ—*κεχρούφαλος*, 3) псалтырь—*ἐχῆνος* и 4) сычугъ—*ἤυστρον*.“ Въ тощей кишкѣ (*νήστις*) переваривается нища, поступающая изъ желудка (*De part. an.* I, III, с. 14 въ концѣ).

⁶⁾ *Hist. anim.* I, II, с. 1. Вообще А. различаетъ передніе зубы (*πρόσθιοι*), коренные (*γυμφιοι*) и клыки (*κυνόδοντες*). *De generat. anim.* I, V, с. 8.

⁷⁾ *Hist. anim.* I, II, с. 1. *De partib. anim.* I, IV, с. 10.

⁸⁾ *Hist. anim.* I, II, с. 1.

⁹⁾ *Hist. anim.* I, VII, с. 8.

¹⁰⁾ *De part. anim.* I, III, с. 7.

¹¹⁾ *Hist. anim.* I, VI, с. 37.

¹²⁾ Тамъ же, I, IX, с. 6. *Aubert* и *Wimmer* принимаютъ (I, с. I, 69), какъ и *Samus* (II, 804), что *Thos* не означаетъ „шакаль“, какъ принято думать, а полагаютъ, что это—*Viverra Zibetha*.

питающихся, между прочимъ однокопытными свинья (ὕεσ μόνουχες) ¹⁾. Не лишено интереса также опроверженіе Аристотелемъ многихъ предразсудковъ и басней, напр. о совокупленіи малой веверицы (*Mustella Vulg.*), вороновъ и ибиса черезъ ротъ ²⁾, о родахъ, будто продолжающихся у волковъ 12 дней сразу ³⁾, о диогогамизмѣ у гienъ ⁴⁾ и т. д.

У птицъ Аристотель и ервы й отличилъ отдѣльныя группы ⁵⁾ изучалъ эмбриологію на ихъ яйцахъ, между прочимъ образованіе цыпленка изъ яйца ⁶⁾, и указалъ на подтвердившееся наблюденіе, что хищныя птицы, питающіяся кровью и мясомъ своихъ жертвъ, почти никогда не пьютъ воды ⁷⁾. Нѣкоторыя птицы по А. издаютъ особый звукъ изъ задней части тѣла, обусловливаемъ й соединеніемъ дыхательныхъ путей съ лишенными костнаго мозга костями этой части тѣла. По новѣйшимъ наблюденіямъ сюда относятся дергачъ (*Rallus sorex s. gracens*) и грубачъ (*Psophia crepitans*) ⁸⁾. Вертишейка (*Lynx torquilla*) имѣетъ каркающій голосъ. Всѣ тяжеловѣсныя птицы закрываютъ глазъ только нижнимъ вѣкомъ и выходящей изъ угла глаза мигательной перепонкой, совы же—и верхнимъ вѣкомъ ⁹⁾. Кукушка не высиживаетъ своихъ яицъ, что находится въ связи съ холодною ея натурою ¹⁰⁾.

Вообще Аристотель первый указалъ на особенности устройства птицъ по отношенію 1) къ крыльямъ, которыя у нихъ бываютъ расщепленныя, въ отличіе отъ насѣкомыхъ ¹¹⁾, 2) къ клюву (*ρύγχος*), который у плотоядныхъ бываетъ изогнутъ, у травоядныхъ широкій, а у водяныхъ длинный, 3) къ вполне развитымъ глазамъ съ вѣками безъ рѣсницъ и мигательной перепонкой; далѣе на отсутствіе у нихъ надгортаннаго хряща, какъ у всѣхъ яйцеродящихъ ¹²⁾, и строеніе ихъ ногъ, концы бываютъ двѣ, какъ у человѣка, причемъ изъ 4 пальцевъ только 2 или 3 обращены напередъ, у плавающихъ же они соединены плавательными перепонками (*στεγαπόδα*); наконецъ на форму когтей, которые у хищныхъ и перелетныхъ бываютъ кривые при короткихъ ногахъ и маломъ тѣлѣ, ибо большая часть пищи идетъ у нихъ на образованіе сильныхъ крыльевъ (но той же при-

¹⁾ Hist. anim. I. II, с. 1.

²⁾ De gener. anim. I. III, с. 6.

³⁾ Hist. anim. I, VI, с. 35.

⁴⁾ Hist. anim. I. VI, с. 32.

⁵⁾ Какъ-то: хищники (*σαρκοφάγα*) дневные и ночные, червеядныя (*σκωληκοφάγα*), ѣдящія чертополохъ и ничего живаго (*ἀχανθοφάγα*), дятлообразныя (*σκιποφάγα*), голу бообразныя (*περιστεροειδή*), болотныя (*σχιζόποδα*), плавающія (*στεγαπόποδα*), курообразныя (*βαρέα*). Остальныя не подходятъ подъ эти группы. Особенную группу образуетъ еще четвероногая птица *στρουθός λιβυκός*, наконецъ упоминается еще о баснословной птицѣ *κιννάμωμον ἔρνεον*. Ср. Aubert и Wimmer, I, 81, 82.

⁶⁾ Hist. anim. I. VI, с. 3.

⁷⁾ Тамъ же, I. VIII, с. 3. въ концѣ.

⁸⁾ Ср. Sprengel, I с. I, 512.

⁹⁾ Hist. anim. I. II, с. 12.

¹⁰⁾ De generat. anim. I. III, с. 1. (Т. III, 372, ed. Didot).

¹¹⁾ De partib. anim. I. IV, с. 12.

¹²⁾ Hist. anim. I. II, с. 12.

чинѣ онѣ мало рождаютъ и дѣтенышей) ¹⁾. У малолетающихъ (тяжелыхъ) птицъ, питающихся злаками и живущихъ возлѣ водъ и болотъ, имѣются шпоры, вмѣсто когтей, и длинная шея ²⁾, для облегченія добыванія пищи, ноги же у плавающихъ короткія, у боложныхъ длинныя для лучшаго ступанія по мягкой скользкой почвѣ (ибо „природа образуетъ орудія сообразно съ отправленіями, а не отправленія сообразно съ орудіями“ ³⁾), но хлостъ у послѣднихъ короткій, ибо избытокъ матеріала идетъ на образованіе длинныхъ ногъ, которыя на лету онѣ вытягиваютъ назадъ вмѣсто хвоста, въ отличіе отъ большехвостыхъ, на лету притягивающихъ ноги къ животу ⁴⁾. Яички у самцовъ находятся внутри живота возлѣ бедеръ ⁵⁾, а во время полового совокупленія набухаютъ ⁶⁾. Матка у самокъ состоитъ изъ нижней мясистой части и верхней перепончатой, до того тонкой, что становится замѣтной только отъ надуванія и лица кажутся лежащими внѣ матки ⁷⁾. Къ сказанному выше о развитіи зародыша у птицъ здѣсь прибавимъ, что по А. зачатокъ развивается отъ бѣлка, который мало по малу исчезаетъ, пищу же онъ получаетъ черезъ пупочные сосуды изъ желтка, а также, что на 20 день зародышъ издаетъ уже пискъ и обнаруживаетъ движеніе при вскрытіи скорлупы ⁸⁾. Языкъ у птицъ, умѣющихъ произносить нѣкоторыя буквы, свободный (*ἀπολελυμένην*), тонкій и широкій какъ у человѣка, тогда какъ у четвероногихъ онъ толстый, твердый и не свободный, почему артикуляція голоса у нихъ слабѣе. Нѣкоторыя птицы повидимому обучаютъ другъ друга ⁹⁾.

Ихтиологія еще тщательнѣе разработана Аристотелемъ. На основаніи существенныхъ различій между рыбами, онъ прежде всего установилъ два класса: 1) живородящія, покрытыя кожей и вмѣсто костей снабженныя хрящами (*χρονδράκοντα, σελαχώδεις*) и 2) яйцеродящія, покрытыя чешуей и имѣющія остистый хребетъ изъ рыбьихъ косточекъ (*λεπίθωσι, ἀκανθώδεις*) ¹⁰⁾. Онъ угадалъ роль свойственныхъ рыбамъ, вмѣсто легкихъ, жаберъ (*βράγχια*), которыми онѣ не могутъ двигать по произволу ¹¹⁾ и черезъ которыя онѣ выпускаютъ взбранную въ ротъ воду, причѣмъ у хрящевыхъ (*σελαχῶν γένος*) онѣ открыты, а у костистыхъ открыты. Далѣе онъ вѣрно подмѣтилъ каналы, ведущіе отъ жаберъ къ вмѣстилищу крови (сердцу) ¹²⁾, и столь же вѣрно угадалъ роль плавниковъ (*πτεράγια*), коихъ большею частью бываетъ четыре ¹³⁾, два наверху и два внизу, у гладкихъ—два наверху

¹⁾ De partib. anim. l. IV, c. 12.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ De partib. anim. l. I, c. 1 (299, ed. Didot): „τὰ ὄργανα πρὸς τὸ ἔργον ἢ φύσις ποιεῖ, ἀλλ' οὐ τὸ ἔργον πρὸς τὰ ὄργανα.“

⁴⁾ Тамъ же и Hist. anim. l. II, c. 12.

⁵⁾ De generat. anim. l. IV, c. 5, 407, внизу ed. Didot.

⁶⁾ Hist. anim. l. VI, c. 9.

⁷⁾ Тамъ же, l. III, c. 1.

⁸⁾ Hist. anim. l. VI, c. 3.

⁹⁾ Hist. anim. l. IV, c. 9.

¹⁰⁾ Hist. anim. l. II, c. 13, l. III, c. 7.

¹¹⁾ De respirat., c. 11, 12, De partib. anim. l. III, c. 6.

¹²⁾ Тамъ же, c. 16; Hist. anim. l. II, c. 17.

¹³⁾ Hist. animal. l. I, c. 5, l. II, c. 13.

близъ жаберъ, у дивинныхъ же (морскихъ угрей) вовсе не бываетъ ¹⁾, такъ какъ онѣ двигаются извилами всего тѣла (*χατλαῖς*) напоподобіе змѣй ²⁾. Нѣкоторыя изъ хрящевыхъ рыбъ, не имѣющія плавниковъ, плаваютъ благодаря ширинѣ своего тѣла и хвоста ³⁾, притомъ у нихъ жаберы внизу, тогда какъ у дивинныхъ онѣ бываютъ сбоку. Всѣ рыбы, кромѣ *Scarus*, имѣютъ острые зубы ⁴⁾, расположенные отчасти въ нѣсколькихъ рядахъ, отчасти даже на языкѣ, который представляется твердымъ, остистымъ и приросшимъ. Опровергая смѣло господствовавшій въ его время предразсудокъ, что всѣ рыбы—женскаго пола, онѣ въ тоже время признаетъ, что весьма часто нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить у нихъ полъ ⁵⁾. У рыбъ, по мнѣнію Аристотеля, нѣтъ ни мочевыхъ органовъ ⁶⁾, ни яичекъ, но есть два сѣмя выводящихъ протока, идущихъ отъ діафрагмы по бокамъ позвоночнаго столба и соединяющихся затѣмъ въ одинъ общій ходъ, открывающійся у задняго прохода ⁷⁾. Различіе между рыбами и птицами онѣ главнымъ образомъ полагаетъ въ дифференцированіи желтка отъ бѣлка въ птичьихъ яйцахъ и существованіи лишь одного пупочнаго сосуда въ рыбьемъ яйцѣ, въ остальномъ онѣ находятъ совершенное сходство въ развитіи зародышей птицъ и рыбъ, и опровергаетъ мнѣніе, согласно которому рыбы оплодотворяются плавая на спинѣ и глотая яйца ⁸⁾. Способъ оплодотворенія онѣ видѣлъ только у каракатицы (*σφῆρα*) и отсюда вывелъ заключеніе объ оплодотвореніи рыбъ вообще. Интересны его наблюденія надъ произраженіемъ иглы-рыбы (*βελόνη*, *Syngnathus acus*). ⁹⁾ Отъ его вниманія не ускользнуло и то, что многія рыбы, напр. скумбра (*Scomber* и *Thynnus*), зарываются на зиму ¹⁰⁾. Точно также ему было извѣстно, что оселедецъ или бритва-рыба, медуница (*Clupea Alosa*, *θρίττα*) любитъ звонъ и что эту рыбу можно ловить колокольчиками, привязанными къ сѣтямъ ¹¹⁾.

¹⁾ Hist. anim. l. I, с. 5.

²⁾ De part. anim. l. IV, с. 13.

³⁾ De incessu anim., с. 9.

⁴⁾ Hist. anim. l. II, с. 13 въ концѣ.

⁵⁾ Hist. anim. l. IV, с. 11. А именно допускаетъ, в о-п е р в ы хъ, что между рыбами, какъ и между насѣкомыми, есть такія, которыя не представляютъ никакихъ половыхъ различій (угорь), в о-в т о р ы хъ, такія, у коихъ есть только рождающій полъ, наполненный яйцами, но нѣтъ оплодотворяющаго пола (*Psettae*, *Erythrinoidi*, *Channa*). Что касается двуполныхъ рыбъ, то у нихъ самки долговѣчнѣе и больше самцовъ, какъ у всѣхъ яйце-и черверодящихъ, напр. у змѣй, насѣкомыхъ (наукъ), *Ascalabotes* и лягушекъ. l. c.

⁶⁾ Тамъ же, l. II, с. 16.

⁷⁾ Тамъ же, l. III, с. 1 вначалѣ.

⁸⁾ Hist. anim. l. VI, с. 10; l. V, с. 5.

⁹⁾ Hist. anim. l. VI, с. 13. „Игла-рыба (*βελόνη*) имѣетъ подъ животомъ, въ срамной области, родъ щели, подобно спящимъ змѣямъ, которая послѣ выходения яйца сростается вновь.“ Вѣроятно здѣсь подразумѣвается сумка у самцовъ иглы-рыбы, въ которую воспринимаются яйца самокъ впредь до ихъ выснаживанія и вышупленія дѣтенышей. Ср. изд. *Aubert* и *Wimmer'a*, II, 47.

¹⁰⁾ Тамъ же, l. VIII, с. 13.

¹¹⁾ Собственно въ „*Исторіи животныхъ*“ этого нѣтъ, а только Атеней приводятъ подобный отзывъ, приписываемый имъ Аристотелю. Ср. *Samus*, l. c. II, 74.

Наконецъ у Аристотеля находимъ также указаніе на электрическій органъ (во рту) у ската, служащій ему для онемолженія рыбъ, коихъ онъ намѣревается пожрать ¹⁾.

Аристотель былъ знакомъ съ фактомъ гермафродитизма или вѣрнѣе дихогамизма у окуня (*Seppanus, χάνναι*) ²⁾, хотя Льюисъ не допускаетъ, чтобы ему могло быть извѣстно это единственное исключеніе между позвоночными, о которомъ, по его мнѣнію, онъ слышалъ вѣроятно отъ рыбаковъ и которое подтвердилось только въ новѣйшее время изслѣдованіями Dufossé, открывшаго у окуня сѣменные нити и яйца въ одномъ и томъ же недѣльномъ и наблюдавшаго у послѣдняго кладку яицъ одновременно съ металиемъ икры ³⁾.

Интересно также, что Аристотелю былъ извѣстенъ фактъ существованія послѣда (*χοτυληδόννης*) у хрящевой рыбы *Mustelus laevis (γαλέος δ λεῖος)* ⁴⁾, а также фактъ, что въ зародышѣ каракатицы бѣлокъ, какъ у птицъ, исчезаетъ и голова соединена посредствомъ сосудовъ съ питающимъ его желткомъ, висящимъ изъ его рта, подобно тому какъ у зародыша птицъ замѣчается такое же соединеніе желтка съ животомъ зародыша ⁵⁾,—наконецъ, что одна рыба, носящая у него названіе *Phycis (φύκις)*, строятъ гнѣзда подобно птицамъ ⁶⁾,—фактъ, подтвержденный итальянскимъ естествоиспытателемъ *Olivi (Cuvier)* ⁷⁾.

Точно также А. болѣе или менѣе подробно описалъ остальные классы животныхъ.

Изъ земноводныхъ, коимъ свойственны многопалость и вообще всѣ части тѣла четвероногихъ, за исключеніемъ верхнихъ вѣкъ (какъ у птицъ), коренныхъ зубовъ и грудныхъ желѣзъ, находимъ у него описанія обыкновенныхъ ящерицъ (*σαύροι*) ⁸⁾, отличающихся расщепленнымъ языкомъ и легко сгибающимися ногами ⁹⁾, ящерицеобразныхъ, паукоядныхъ *Ascalobotes (ἀσκαλαβώτης)* ¹⁰⁾, медленно подвигающихся черепахъ (*χελώνη, ἐμός*) ¹¹⁾, покрытаго панциреобразнымъ покровомъ крокодила, отличающагося подвѣсностью одной только верхней челюсти, присосшимъ какъ у рыбъ языкомъ и до-

¹⁾ Hist. anim. l. IX, с. 37. Изд. Aubert и Wimmer'a, II, 266.

²⁾ По Aub. Wimmer'y—*ἐρυνθροῖσι* Histor. anim. l. IV, с. 11 (I, 443).

³⁾ Dufossé, Annales des sciences naturelles, 1856, p. 295, цитировано у Lewes, l. с. 210, причемъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на фактъ, что дихогамизмъ (развитіе органовъ обоого пола у одного и того же недѣльнаго, въ отличіе отъ гермафродитизма—ненормальной остановки или избытка развитія частей одного пола) у лучистыхъ и мягкотѣлыхъ встрѣчается часто, но никогда не былъ наблюдаемъ у насѣкомыхъ, паукообразныхъ и, за исключеніемъ окуня, у позвоночныхъ. Тамъ же 209.

⁴⁾ Histor. animal. l. VI, с. 10 (§ 57). Этотъ фактъ подтвержденъ Iohannes Müller'омъ (Glatzer Hai въ Abhandlungen d. Berlin. Akademie. 1840, p. 188). Ср. Aub. и Wim., II, 36.

⁵⁾ Hist. anim. l. V, с. 18 (§ 89). Aub. и Wim. I, 502.

⁶⁾ Тамъ же, l. VIII, с. 30, § 174.

⁷⁾ Cuvier, Hist. des sciences naturelles, 1841. Къ рыбамъ, строящимъ гнѣзда, Льюисъ относитъ „колючку, Goramy и Nassar.“ Ср. Lewes, l. с. 218.

⁸⁾ Hist. anim. l. I, с. 1 и 5; l. VIII, с. 4.

⁹⁾ Тамъ же, l. II, с. 1, § 6, l. II, с. 17, § 82.

¹⁰⁾ Тамъ же, l. IV, с. 11, § 124, l. IX, с. 1, § 14.

¹¹⁾ Тамъ же, l. II, с., 16, 17, l. V; с. 33, l. VIII, с. 2, 17.

стигающаго 17 локтей въ длину ¹⁾), наконецъ хамелеона съ его игрой цвѣтовъ и самаго тонкаго изъ всѣхъ ящерицеобразныхъ ²⁾),—каковыя вѣроятно носятъ у него названіе чешуйчатыхъ (φολιδώτα) четвероногихъ ящерицъ, въ отличіе отъ таковыхъ же нечешуйчатыхъ, какъ обыкновенный крокъ (φρόνη) ³⁾), слѣпой крокъ (ἀσπίλαξ), „имѣющей глаза, конми не видятъ“ ⁴⁾ и разные виды лягушекъ (βάτραχοι), у коихъ онъ вѣрно подмѣтилъ приросшія спереди и свободныя сзади ланки, а также механизмъ кваканья, производимаго самцами „для приманки самокъ“ ⁵⁾), и повидному зналъ о сходствѣ въ исторіи ихъ развитія съ насекомыми, такъ какъ при изложеніи развитія зародыша рыбъ встрѣчаемъ у него намекъ на сходство этого послѣдняго въ извѣстной стадіи развитія съ головастиками (γυρινώδεις) ⁶⁾).

Пресмыкающіеся (змѣи, ὄφεις), носящія у него названіе безногихъ (ἀπόδα) чешуйчатыхъ ящерицъ, занимаютъ средину между рыбами и ящерицами, но по своей организаціи болѣе подходятъ къ послѣднимъ ⁷⁾). Они имѣютъ членики, истонченный на концѣ на подобіе волоса и расщепленный языкъ и столько реберъ, сколько дней въ мѣсяцѣ (т. е. 30), объемистый желудокъ, длинный, прямой и узкій кишечный каналъ, однокамерное сердце (возлѣ глотки), простое легкое, длинную печень и маленькую, круглую селезенку. ⁸⁾ Въ частности онъ говоритъ о ливійскомъ аспидѣ (Naja haje, ἀσπίς), который выпрямляется высоко на своемъ хвостѣ и коего укушеніе неизлечимо ⁹⁾), далѣе о Vipera (ἔχιδνα, ἔχις)—единственной живородящей змѣѣ ¹⁰⁾), Coluber (ὄδρος) ¹¹⁾ и змѣѣ-драконѣ (δράκων) ¹²⁾. Въ другихъ мѣстахъ онъ описываетъ скидываніе ими кожи, ихъ ядовитость или безвредность. У Аристотеля, понятво, не могло быть недостатка и въ баснословныхъ расказа-

¹⁾ Тамъ же, I. V, с. 38, § 149.

²⁾ Тамъ же, I. II, с. 11.

³⁾ Тамъ же, I. II, с. 15, § 64. Здѣсь же находимъ замѣчаніе, что всѣмъ четвероногимъ ящерицамъ, въ томъ числѣ крокодилу и лягушкѣ, свойственна маленькая круглая селезенка.

⁴⁾ Тамъ же, I. IV, с. 8 вначалѣ.

⁵⁾ Тамъ же, I. IV, с. 9.

⁶⁾ Тамъ же, I. VI, с. 13 въ концѣ.

⁷⁾ Hist. anim. I. II, с. 17, § 81.

⁸⁾ De part. anim. I. IV, с. 1. Hist. anim. I. II, с. 17, §§ 82, 83.

⁹⁾ Hist. anim. I. VIII, с. 29 (§ 170). Тутъ же рѣчь идетъ о маленькой „священной“ змѣѣ (ἱερὸν), волосатой и длинной въ одинъ локоть, укушеніе коей производитъ быстрое гниеніе и до того ядовито, что ее избѣгаютъ даже крупныя змѣи. Тамъ же § 171. (Изд. Aub. и Wim., II, 199).

¹⁰⁾ Тамъ же, I. I, с. 6, I. III, с. 1, § 16.

¹¹⁾ Тамъ же, I. II, с. 17, § 83. „Эта порода змѣи единственная, имѣющая желчный пузырь, плотно прилегающій къ печени, у остальныхъ же онъ находится на кишкахъ.“

¹²⁾ Тамъ же, I. VIII, с. 20, § 131. Впрочемъ по Aub. и Wim. Аристотель не зналъ о змѣѣ-драконѣ и означенное мѣсто она считаютъ позднѣйшей вставкой (I. с. II, 178).

захъ, напр о крылатыхъ змѣяхъ въ Ἐφίοπιαι ¹⁾, о рогатыхъ змѣяхъ въ Θίβαхъ ²⁾ и т. д. Но эти свѣдѣнія повидимому заимствованы у Геродота (Ср. Samus I. с. II, 770). Между прочимъ онъ упоминаетъ также о громадныхъ ливійскихъ змѣяхъ, проглатывающихъ цѣлыхъ быковъ ³⁾. Змѣи, носящія у него названіе *σί τρυλίαι ὄφεις* ⁴⁾, имѣютъ щель на животѣ подобно *Syngnathus* (*Belone asus*) и суть вѣроятно не что иное, какъ *Turphora flavescens* (Aubert и Wimmer, I. с. I, 118). Изъ органовъ произражденія точнѣе описывается „матка“ змѣи, занимающая подѣ кишечнымъ каналомъ всю длину тѣла, сначала простая и затѣмъ раздѣленная на два хода, идущіе вдоль позвоночнаго столба къ діафрагмѣ и содержащіе ряды яицъ, которыя и кладутся сомкнутыми рядами въ видѣ ожерелья. Самцы же не имѣютъ ни яичекъ, ни ствола, а только сѣменные протоки, идущіе отъ діафрагмы къ заднему проходу ⁵⁾.

Мягкотѣлые (м о л л ю с и, Cephalopoda, *μαλάκια*), причисляемыя Аристотелемъ къ безкровнымъ, отличаются отъ другихъ животныхъ тѣмъ, что мягкія (мясистыя) части находятся у нихъ снаружн, а плотныя внутри ⁶⁾. По внѣшнему виду они похожи на мякучю, безобразную, мясистую массу, легко сжимаемую при прикосновеніи, по способную и къ растяженію, состоящую не изъ продольныхъ, а изъ круглыхъ волоконъ ⁷⁾. Сюда относятся: каракатицы (*σφήκια*), полипы (*πολυπόδες*) и кальмары (*τεύθει*, *τεύθειδες*). Вотъ какъ изображаетъ ихъ Аристотель:

„Наружныя части мягкотѣлыхъ слѣдующія: во первыхъ, такъ называемыя ноги, во вторыхъ, находящаяся между ними голова, въ третьихъ, мантия или епанча (*χῆτος*), окружающая внутренности, которую нѣкоторые неправильно называютъ головою; наконецъ плавники (*πτερόγυια*) кругомъ епанчи. У всѣхъ мягкотѣлыхъ голова находится между ногами и животомъ, у всѣхъ по 8 ногъ, снабженныхъ, исключая полиповъ, двумя рядами присасывательныхъ чашечекъ (*διστόωλοι*), у каракатицъ (*σφήκια*) и малыхъ (*τεύθειδες*) и большихъ кальмаровъ (*τεύθει*) есть еще два длинныхъ хоботка (*προβεσχιῖδες*), которые на концахъ имѣютъ шероховатое мѣсто и два ряда присасывательныхъ чашечекъ: ими онѣ захватываютъ пищу, подносятъ ко рту, а во время бури бросаютъ ихъ на скалу наподобіе якоря и, присосавшись къ послѣдней, болтаются здѣсь во всѣ стороны напирющими волнами. Ихъ такъ называемыя плавники, окружающіе мантию, служатъ имъ для плаванія. Наконецъ что касается полипа, то онъ (продолжаетъ А.) употребляетъ свои хоботки, какъ ноги и руки. Пищу онъ захватываетъ обоими хоботками, расположенными выше рта. Послѣдній хоботокъ острый, единственно бѣлѣй и расщепленный на концѣ на двое—онъ находится на тыльной поверхности, т. е. на гладкой сторонѣ, противоположной той, которая снабжена

¹⁾ Тамъ же, I. I, с. 5, § 28.

²⁾ Тамъ же, I. II, с. 1, § 19.

³⁾ Тамъ же, I. VIII, с. 28, § 124.

⁴⁾ Тамъ же, I. VI, с. 13, § 77 I. VIII, с. 24, § 147.

⁵⁾ Тамъ же, I. III, с. 1, § 16 и §§ 2, 3.

⁶⁾ Hist. anim. I. IV, с. 1 вначалѣ.

⁷⁾ Тамъ же и De partibus anim. I. II, с. 8.

присасывательными чашечками—этот хоботокъ они употребляютъ для сонтія (?)¹⁾. Впереди туловища, выше хоботковъ, они имѣютъ полую трубку, черезъ которую выбрасываютъ воду, набранную туловищемъ, когда хотятъ хватать или отрывать что-либо ртомъ. Она находится то на правой, то на лѣвой сторонѣ и она же служитъ для выпусканія чернилъ. Плаваютъ эти животныя въ косомъ положеніи по направленію такъ называемой головы, направляя ноги....“ „Между полиподами и упомянутыми мягкотѣлыми существуетъ та разница, что полиподы имѣютъ маленькое туловище и длинныя ноги, послѣднія же—большое туловище и короткія ноги, не приспособленныя для хожденія. Большіе кальмары (Teuthoi) имѣютъ иныя до 6, каракатицы до двухъ локтей въ длину. Кзади отъ ногъ (и хоботковъ) и посрединѣ между ними помѣщается голова, въ срединѣ ея—ротъ, имѣющій два зуба, наверху ея расположены два большихъ глаза, между коими лежитъ маленькій хрящъ, содержащій въ себѣ маленький мозгъ. Во рту находится мясистый комокъ, служащій этимъ животнымъ вмѣсто языка. Далѣе кзади слѣдуетъ мантия или епанча (туловище), коей мышцы имѣютъ не продолжныя, а круглыя волокна, и которая у всѣхъ мягкотѣлыхъ покрыта кожей. За ртомъ слѣдуетъ длинный и узкій пищеводъ, переходящій въ большое, круглое расширеніе, сходное съ зобомъ у птицъ. Къ нему примыкаютъ желудокъ, сходный съ сычугомъ, коего форма походить на извилины улитки *χέρυξ*. Отъ него кверху по направленію ко рту идетъ тонкая кишка, которая толще пищевода. Внутренностей у мягкотѣлыхъ нѣтъ, кромѣ такъ называемой „Mysis“ (*μύτις* —печень или сердце?) и лежащаго надъ нею чернильнаго мѣшка, который у каракатицы бываетъ наибольшій. Эти чернила всѣ мягкотѣлыя, особенно каракатицы, выпускаютъ изъ себя, когда на нихъ нападаетъ страхъ. Mysis лежитъ ниже рта и пищеводъ проходитъ сквозь нее. Чернильный же мѣшокъ лежитъ тамъ, гдѣ кишка заворачивается снизу вверхъ, и вмѣстѣ съ кишкой покрытъ общей оболочкой. Чернила и экскременты извергаются изъ одного и того же мѣста. Есть также въ туловищѣ и нѣчто въ родѣ волосъ. На тыльной поверхности тѣла внутри у каракатицы и большихъ кальмаровъ (Teuthoi) находится ось *seriæ* (*σφήπιον*)—нѣчто среднее между рыбными позвонками и хрящомъ, а у малаго кальмара (Teuthis)—узкій хрящеобразный мечъ.“

Затѣмъ описываются органы произражденія: у самцевъ—ходъ, идущій подъ пищеводомъ отъ мозга внизъ къ соскообразному тѣлу, у самокъ два такихъ же тѣла, расположенныя выше, подъ ними нѣсколько красныхъ тѣлецъ. У полипа описывается большой яичникъ съ большимъ количествомъ бѣловатой жидкости, у каракатицы—два мѣшка, наполненные многочисленными градоподобными бѣлыми яичками. При этомъ Аристотель и здѣсь ссылается на рисунокъ, находящійся въ „Анатоміи“²⁾.

¹⁾ Hist. anim. l. IV, c. 1, § 5. Въ другомъ мѣстѣ (Hist. animal., l. V, c. 6 и 12) А. еще яснѣе говоритъ, что на этомъ хоботкѣ самецъ полипа имѣетъ нѣчто въ родѣ ствола, вводимого имъ при совокупленіи въ соответственную трубку самки. Siebold, въ Zeitschrift f. wiss. Zoologie, IV, p. 123, первый указалъ на то, что приведенныя данныя относятся къ ручкѣ *Nectocotylus* нѣкоторыхъ осьминогихъ (*Octopoda*), которая стала извѣстной только въ 1850 г., благодаря изысканіямъ *Vergani* и *I. Müller*'а. Но, какъ уже упомянуто выше (стр. 82), въ послѣднемъ изъ названныхъ мѣстъ (l. V, c. 12) онъ только приводитъ рассказы рыбаковъ, а въ *De generatione animalium* (l. I, c. 15) онъ прямо отвергаетъ участіе этого хоботка въ совокупленіи. (См. выше стр. 82) и *Aubert* и *Wimmer*, l. c. I, 370 и слѣд.

²⁾ *Historia anim.* l. IV, c. 1 (изд. *Aub.* и *Wimmer*'а, I, 370—378).

Наковецъ Аристотель упоминаетъ здѣсь еще о двухъ ползвахъ: Nautilus и маленькомъ улиточномъ полипѣ-паразитѣ, высовывающемъ только свои хоботки изъ улитки ¹⁾.

Съ такою же подробностью описаны многокоропные (Crustacea, μαλακοστράκια), какъ а) лангусты (καράβει), б) морскіе раки (Astaci), отличающіеся клешнями (χηλαί), в) креветы (καρίδοι), распадающіеся на саранчевидныхъ раковъ (χύφαι), чудовищно-саранчевидныхъ раковъ (Gespenstheuschreckenkreise, κραγγόνες) и еще третій родъ маленькихъ рачковъ (μικρὸν γένος) и д) крабы (καρχίνιοι), распадающіеся на Малеае, Рагугоі, гераклитовыхъ крабовъ и рѣчныхъ (ποτάμιοι). Кроме того А. упоминаетъ еще о такъ-называемомъ ракъ-лошади (ἵππου), бѣгущемъ какъ лошадь и встрѣчающемся въ Финикіи. Всѣ они покрыты, вмѣсто кожи, скорлупообразнымъ веществомъ, внутри же находятся мясистыя части, а на нижней поверхности тѣла нѣсколько пластинокъ, на которыхъ самки кладутъ свои яйца. Отличительные признаки отдѣльныхъ видовъ подробно изложены по отношенію къ расположенію ногъ, клешней, твердыхъ глазъ (oculi сапсогоитъ, σκληρόφθαλμα), зубовъ, хвоста, плавниковъ, усиковъ ²⁾.

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе черепномогихъ (Testacea, ὀστρακίδημα), каконыя всѣ признаются Аристотелемъ безъ полжи, причемъ, подобно растеніямъ, одни изъ нихъ бывають плодовиты, другія нѣтъ ³⁾. Сюда относятся κοχλῖαι и χίχλοι и всѣ вообще такъ называемыя устрицы (ὄστρεα) и улитки, какъ багрець (πορφύραι), тритонія или рогатка (Trocheteuschnecke, baccini, κήρυκες), а также морскіе ежи (ἐχίνοι). Всѣ эти животныя, за исключеніемъ послѣднихъ, вовсе не имѣющихъ мяса, имѣютъ снаружи твердую оболочку (ὄστρακον), внутри же лишь мясистыя части и никакого твердаго вещества. При этомъ А., отдѣливъ улитокъ отъ остальныхъ относящихся сюда животныхъ, дѣлитъ послѣднихъ на имѣющихъ одностворчатую раковину (univalvia, μονέθυρα), какъ Patella (λεπάς), и двустворчатую (bivalvia, διθύρα), какъ гребенчатая раковина (Pecten, κτένες) и ракушки (μύες). У всѣхъ Testacea А. различаетъ голову, глаза, два щупальца, ротъ (у Cochliae съ тоненькими зубами), хоботокъ, замѣняющій имъ языкъ какъ у мухъ, далѣе желудокъ и кишечный каналъ съ меконіемъ, наковецъ слѣпой т. н. яичникъ (ᾠόν) и два бѣлыхъ, плотныхъ, соскообразныхъ тѣла ⁴⁾. Отъ его вниманія не ушло также, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ ракъ-отшельникъ (cancellum, καρχίνιον), имѣющій щупальца и глаза на длинныхъ стебляхъ, разныя мелкіе крабы и т. н. стражи морскихъ перьевъ (Pinnoterae) живутъ паразитами въ чужихъ раковинахъ, а именно первый въ раковинахъ нерентовъ и стромбовъ, которыя носитъ съ собою, вторые—въ ракушкахъ (μύες, mytilidae), а послѣдніе въ раковинахъ Pinnae, Ktesi и Limnostroea ⁵⁾. Весьма подробно описаны морскіе ежи, изъ коихъ одни употребляются въ пищу, а другіе противъ странгуріи ⁶⁾, а также желтыя и

¹⁾ Тамъ же въ концѣ.

²⁾ Тамъ же, I. IV, с. 2, 3.

³⁾ Тамъ же, I. IV, с. 11, § 121.

⁴⁾ Тамъ же, I. IV, с. 4, §§ 37—39, 45—51, гдѣ опять встрѣчаемъ ссылку на „Анатомію.“ Здѣсь же находимъ замѣчанія А. о горячихъ морскихъ звѣздахъ (ἀστὴρ) и морскихъ легкихъ (πνεύμονες). Тамъ же § 73.

⁵⁾ Тамъ же, § 52 и I. V, с. 15, §§ 74, 70.

⁶⁾ Тамъ же, I. IV, с. 5.

красныя плащеноски (Ascidiae, τήθουα) и морскіе анемоны (ἀκκλέφα), не имѣющіе раковины, а состоящіе только изъ мясистаго тѣла. Изъ нихъ типомъ зоофитовъ могутъ служить асцидіи (τήθουα), по своей природѣ мало отличающіяся отъ растений, но все таки заключающія въ себѣ повидимому болѣе жизненности, чѣмъ губки, ибо имѣютъ въ себѣ нѣчто мясистое (саркоду), а слѣдовательно и чувствительность. У этого животнаго есть два канала и вырѣзка, черезъ которые воспринимается необходимая для нихъ питанія влага и выдѣляется ся остатокъ, особенныхъ же выдѣлений (περίττωμα), какія бывають у другихъ Testacea, у нихъ нѣтъ. Отсюда сходство ихъ съ растеніями, также не имѣющими выдѣлений. По срединѣ тѣла асцидіи тянется нѣжная перепонка, въ связи съ которой по всей вѣроятности находится жизненное начало ¹⁾.

Насѣкомыя (ἔντομα), согласно Аристотелю, носятъ это названіе отъ насѣчекъ (ἐντομί), имѣющихся у нихъ на спинной или брюшной сторонѣ, а равно и отъ того, что тѣло этихъ животныхъ имѣетъ нѣсколько жизненныхъ началъ и столько же центровъ (сердецъ) для нихъ, что подтверждается фактомъ продолженія жизни въ отдѣльныхъ разрѣзанныхъ кускахъ ²⁾. Между тѣмъ какъ у моллюсковъ мягкія части находятся снаружи, а плотныя внутри, а у Testacea и Crustacea наоборотъ (плотныя снаружи, а мягкія внутри), у насѣкомыхъ, по замѣчанію Аристотеля, существо тѣла не есть ни костеобразное, ни мясистое, а представляетъ нѣчто среднее между ними, ибо ихъ тѣло какъ внутри, такъ и снаружи имѣетъ равномерную плотность. Тѣло ихъ поддерживается свойственной ихъ природѣ плотностью, не нуждаясь въ другой опорѣ, онѣ снабжены также кожей, но весьма нѣжной ³⁾. Отличительное ихъ свойство—большое количество ногъ, такъ какъ, вслѣдствіе незначительной природной теплоты и живучести, число ихъ ногъ должно быть увеличено для облегченія движенія. Чѣмъ длиннѣе и холоднѣе ихъ тѣло, тѣмъ больше количество ногъ, какъ у тысяченожекъ; чѣмъ ногъ меньше, тѣмъ больше онѣ взаимнѣе ихъ имѣютъ крыльевъ ⁴⁾.

У не очень длинныхъ насѣкомыхъ, какъ Scolopendra, голова или животъ сохраняютъ жизнь, пока находятся въ связи съ грудной частью, гдѣ помѣщается жизненное начало, которое у нихъ бываетъ одно. Напротивъ того у очень длинныхъ насѣкомыхъ разъединенныя части тѣла продолжаютъ жить, потому что у нихъ нѣсколько жизненныхъ началъ ⁵⁾. Большинство насѣкомыхъ на зиму зарывается и засыпаетъ, за исключеніемъ живущихъ съ людьми, или менѣе года ⁶⁾.

Въ наружномъ строеніи насѣкомыхъ Аристотель отличаетъ голову, заднюю часть тѣла, заключающую въ себѣ кишечный каналъ, иногда в желудокъ, и лежащую между ними спинно-грудную часть. Длинныя же насѣкомыя имѣютъ столько среднихъ частей, сколько у нихъ бываетъ колець. Изъ органовъ чувствъ у нихъ бывають только глаза и родъ языка (собственно хоботовъ), который многими двукрылыми замѣняетъ

¹⁾ Тамъ же, I. IV, с. 6.

²⁾ De partibus animal. I. IV, с. 6.

³⁾ Hist. anim. I. IV, с. 1, 7 (§ 75).

⁴⁾ De part. animalium I. IV, с. 6.

⁵⁾ Hist. anim. I. IV, с. 7, § 69. De partibus animal. I. IV, с. 5, (ed. Didot. III, 282).

⁶⁾ Hist. anim. I. VIII, с. 14 вначалѣ.

жало (мухи, комары, овода) и иногда бывает очень развитъ (у слѣпней). Жало (*χέντρον*) бываетъ или внутри, какъ у пчелы и ось, или вѣдѣ тѣла, какъ у скорпиона, зародышъ коего также похожъ на червя и единственнаго изъ насѣкомыхъ, имѣющаго длинный хвостъ и клешни (книжный скорпионъ)¹⁾. Насѣкомыя бываютъ крылатыя и безкрылыя, причемъ перья бываютъ четырехкрылыя, болѣе крупныя и съ жаломъ назадъ—*επιστόμεντρα* (пчелы), и двукрылыя, болѣе мелкія съ переднимъ жаломъ или хоботкомъ²⁾, замѣняющимъ имъ жало и служащимъ, какъ у комаровъ и мухъ, для кусанія и присасыванія крови. Далѣе есть насѣкомыя, встрѣчающіяся съ крыльями и безъ крыльевъ, какъ муравьи и свѣтящіеся жуки, наконецъ совершенно безкрылыя, какъ тысячножки³⁾. У насѣкомыхъ самки больше самцовъ⁴⁾. Крылья у насѣкомыхъ иногда покрыты надкрыліемъ (*ἐλύτρον*), какъ у жуковъ и маекъ, иногда вѣтъ (пчелы)⁵⁾, они не расщеплены и не состоятъ изъ перьевъ, какъ у птицъ, а изъ перепонки, аналогичной съ кожей. Зубы бываютъ только у насѣкомыхъ, не имѣющихъ жала во рту; жесткокрылыя, напр. жуки, вовсе не имѣютъ жала. Нѣкоторыя, имѣющія твердые, роговые глаза, не видятъ хорошо и потому снабжены длинными передними ногами, служащими, какъ у мухъ, въ качествѣ щупальцевъ. Нѣкоторыя же имѣютъ впереди глазъ усики, какъ бабочки и *χάραβοι*. Прягающія имѣютъ развитыя и стигающіяся, какъ у четвероногихъ, заднія бедра, напр. саранча и блоха⁶⁾.

Что касается внутреннихъ органовъ, то, согласно Аристотелю, на немѣннѣе крови, ихъ вовсе не бываетъ у насѣкомыхъ, за исключеніемъ органа, аналогичнаго съ сердцемъ, и кишечнаго канала, а у нѣкоторыхъ и желудка⁷⁾. Извилины кишки бываютъ у саранчи. Изъ всѣхъ насѣкомыхъ и животныхъ одна цикада (кобылка) не имѣетъ рта, а вмѣсто него родъ языка, какъ у насѣкомыхъ съ переднимъ жаломъ, этотъ языкъ длинный, не расщепленный и при помощи его онѣ питаются росой⁸⁾. Выше было указано, что Аристотель не зналъ о существованіи различнаго цвѣта крови насѣкомыхъ. Точно также онъ не зналъ о существованіи у нихъ сердца, печени, легкихъ, а всегда говоритъ только о подобіи сердца. Такъ, согласно Самуилю, длинное сердце гусеницы, идущее отъ головы до задняго конца тѣла, онъ принималъ за кишку⁹⁾. Но Аристотелю былъ извѣстенъ фактъ умиранія насѣкомыхъ отъ натиранія масломъ¹⁰⁾; слѣдовательно онъ догадывался о существованіи у нихъ органовъ дыханія, которыми, какъ показали новѣйшія открытія, служатъ, кромѣ легкихъ, боковыя овальныя вдавленія (*stigmata Malpighi*) на нѣкоторыхъ кольцахъ, напр. у гусеницы майскихъ жуковъ¹¹⁾.

Размноженіе насѣкомыхъ происходитъ, согласно Аристотелю, путемъ рожденія

¹⁾ Hist. anim. l. IV, c. 7, §§ 71, 72.

²⁾ Hist. anim. l. I, c. 5, § 29. De part. anim. l. IV, c. 6 (ed. Didot, III, 284).

³⁾ Hist. anim. l. IV, c. 1, § 2.

⁴⁾ Тамъ же, l. IV, c. 11, § 124.

⁵⁾ Hist. anim. l. I, c. 5, § 29, l. IV, c. 1, 7, § 73. De partibus anim. l. IV, c. 6, l. c. 283.

⁶⁾ De part. anim. l. IV, c. 6, l. c. 284; Hist. anim. l. IV, c. 7, § 74.

⁷⁾ Hist. anim. l. IV, c. 7, § 76. De part. anim. l. III, c. 4 вначалѣ: „τῶν δ' ἀναίμων ἐυδέν ἔχει σπλάγγνον.“

⁸⁾ Hist. anim. l. IV, c. 7, §§ 76, 77.

⁹⁾ Тамъ же и De partibus anim. l. IV, c. 5, 282. Но здѣсь у А. рѣчь идетъ вообще о насѣкомыхъ.

¹⁰⁾ Historia anim. l. VIII, c. 27 въ концѣ.

¹¹⁾ Ср. Самуиля, l. c. II, 454.

червей ¹⁾, которые только въ третьемъ превращеніи достигаютъ конца и цѣли своего развитія (ἐν τῇ τρίτῃ μεταβολῇ λαβὼν τὸ τῆς γενέσεως τέλος) ²⁾.

Вотъ какъ А. описываетъ развитіе бабочекъ (ψυχαι), пчелъ и шелкового червя:

„Такъ-называемыя бабочки происходятъ отъ гусеницъ (κάμπα); эти послѣднія рождаются на зеленыхъ листьяхъ, особенно капустъ (ραφάνος), которую нѣкоторые называютъ Стамбе (κράμβην), сначала онѣ меньше просынаго зерна, затѣмъ вырастаютъ въ маленькыхъ червячковъ, а на третій день—въ маленькыхъ гусеницъ, послѣ чего продолжаютъ расти и наконецъ становятся неподвижными, перемѣняютъ свой видъ и называются тогда куколками (χρυσάλλιδες); послѣднія заключены въ твердую скорлупу (κέλυφος), но при дотрогиваніи обнаруживаютъ движеніе. Онѣ поддерживаются паутиноподобными нитями и въ нихъ нельзя различить ни рта, ни другого явственнаго члена. По истеченіи короткаго промежутка времени оболочка лопается и изъ нея вылетаютъ тѣ крылатыя животныя, которыя называютъ бабочками (ψυχαι). Сначала, пока онѣ еще гусеницы, онѣ питаются и отдѣляютъ изверженія, въ состояніи же куколокъ онѣ ничѣмъ не питаются и ничего не извергаютъ. Тоже бываетъ и съ другими животными, происходящими отъ червей, все равно возникаютъ ли черви отъ совокупленія или безъ совокупленія животныхъ. Ибо червячки [гусеницы] пчелъ, антрея (Anthrenae) и ось принимаютъ пищу и отдѣляютъ явственныя изверженія, пока они молоды. Но когда они теряютъ видъ червячковъ и претерпѣваютъ дальнѣйшія превращенія, причѣмъ называются пчелинымъ выводкомъ (Bienenbrut, νόμφαι), они болѣе ничего не ѣдятъ и не извергаютъ, а окружаются оболочкой и остаются неподвижными, пока не выростутъ: тогда они выходятъ, пробивъ то, чѣмъ была заклеена ячейка (ὁ κύτταρος)“.... „Изъ одного большаго червя, носящаго нѣчто въ родѣ роговъ и отличающагося отъ другихъ, сначала путемъ превращенія развивается гусеница, затѣмъ коконъ (βομβύλιος), а изъ него—шелковичный червь (νεκύδαλος). Всѣ эти превращенія формы онъ претерпѣваетъ въ шесть мѣсяцевъ. Происходящія изъ этихъ животныхъ коконы (βομβύλκια) разматываются и затѣмъ ткуются женщинами: первая, приготовившая изъ нихъ ткань, была Памфила, дочь Платея съ о. Коса“ Также развиваются усачи (κράμβιοι, сегамбух), овода (ὄστροι), свѣтлячкіе жуки (βόστρυχοι), комары (ἐμπιδες), овечьи клещи (κρότωνες), навозные жуки (μηλολόνηται), мухи (μύται), носатые жуки (ὄρσοδάκναι), кантариды, наконецъ κώνοπες (изъ червячковъ, образующихся въ ук-сусномъ отстоѣ) ³⁾.

Изъ приведеннаго мѣста, которое не нуждается въ комментаріяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что куколки отождествляются Аристотелемъ съ яйцами. Таковъ вообще типъ происхожденія всѣхъ насѣкомыхъ: сначала рождаются червячки (личинки) и изъ нихъ уже развиваются куколки, а изъ послѣднихъ—воплнѣ готовые насѣкомыя. „Исключеніе составляетъ только одинъ видъ бабочекъ, производящій твердое тѣло, похожее на сѣмя чертополоха, но заключающее въ себѣ сокъ“ ⁴⁾.

¹⁾ De gener. anim. I. II, с. 1. Сущность природы „червя“ согласно А., заключается собственно въ его способности къ превращенію; словомъ „червь“ говоритъ А., обозначаютъ такой зародышъ, который пѣлникомъ превращается въ цѣлое животное путемъ дифференцированія членовъ и роста зародыша (σκόληξ δ' ἐστὶν ἐξ οὗ ὄλου ἔλου γίνεταί τὸ ζῶον, διαφθρουμένον καὶ ἀξάνομένου τοῦ κυήματος). Ср. Hist. anim. I. I, с. 5. § 24.

²⁾ De gener. anim. I. II, с. 1. (ed. Didot., III, 347). ³⁾ Hist. anim. I. V, с. 19, §§ 95—105. ⁴⁾ Тамъ же вначалѣ (§ 92).

Нѣкоторые, какъ Aubert и Wimmer ¹⁾, находятъ, что Аристотелю было извѣстно дѣйственное зарожденіе [пчелъ (Parthenogenesis),—способъ зарожденія, впервые изученный и констатированный Бонне (Bonnet) у травяной вши (Aphis) ²⁾ и свойственный, кромѣ травяной вши, еще полипамъ, ракообразнымъ (Entomostoga), пчеламъ и моли, ибо всякое ихъ личко заключаетъ въ себѣ самогь, безъ всякой посторонней помощи, способность къ развитію. У пчелъ этотъ фактъ установленъ фонъ-Зибольдомъ ³⁾. Королева, какъ извѣстно, есть вполне сформированная самка, а трутни—совершенные самцы. У королевы есть ресертасулюмъ семініс, наполняющееся сперматозооми во время сообщенія на лету и сохраняющее ихъ въ теченіе большей части жизни королевы и лишь такіа оплодотворенныя сперматозооми яйца развиваются въ королевъ и рабочихъ пчелъ, не оплодотворенныя же яйца—въ трутней. Если у королевы отрѣзать крылья, то яйца ея также превращаются въ пчелъ, равно какъ и яйца рабочихъ пчелъ, а именно въ трутней, но никогда не превращаются въ рабочихъ пчелъ или королевъ. Что касается Аристотеля, то, согласно Льюису, онъ совершенно не зналъ этихъ половыхъ различій. Онъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы королева была самкой, а трутень самцомъ, на томъ, совершенно апіористическомъ, основаніи, что королева имѣетъ жало, а природа никогда не снабжаетъ оборонительнымъ орудіемъ самокъ. Точно также онъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы рабочія пчелы были самками, а трутни самцами, ибо „рабочія пчелы заботятся о молодыхъ, чего никогда не дѣлаетъ самецъ.“ Но это невѣрно, ибо нѣкоторые самцы заботятся о молодыхъ, а самцы *Syngnathus* даже высиживаютъ яйца. Убѣдительнѣйшее же доказательство незнанія Аристотелемъ *Parthenogenesis* состоитъ въ его наставаніи на фактъ, что оплодотвореніе у пчелъ никогда не имѣетъ мѣста, „ибо, говоритъ онъ, этотъ фактъ не былъ удостовѣренъ“ (!). Онъ полагалъ, что всякое провѣражденіе у пчелъ происходитъ отъ совмѣщенія мужскаго и женскаго началъ, какъ у гермафродитовъ, а не отъ сообщенія“ ⁴⁾.

Къ насѣкомымъ, происходящимъ отъ самопроизвольнаго зарожденія изъ росы, гніющихъ веществъ, навоза, растеній, дерева, волосъ или мяса животныхъ, А. относитъ собственно червей, между коими первое мѣсто занимаютъ глисты: плоская или ленточная, *Platēia*, круглая, *отрогудли* и аскариды, *ἀσκαρίδες*, которые всѣ дальнѣйшимъ превращеніямъ не подвергаются ⁵⁾. Но есть у А. уже совсѣмъ баснословные рассказы, напр. о красныхъ волосатыхъ червяхъ, водящихся на старомъ красноватомъ сѣбгу и о

¹⁾ Въ Siebold'a и Kölliker'a „Zeitschrift für wiss. Zoologie.“ за 1858.

²⁾ Bonnet, *Traité d'Insectologie*, 1745, I. Изъ яицъ *Aphis*, положенныхъ лѣтомъ, развиваются слѣдующей весной безкрылыя и безполныя насѣкомыя. Эти послѣднія, совершенно изолированныя, рождаютъ другихъ безполыхъ насѣкомыхъ и при томъ живыми, а не просто въ видѣ яицъ. Одно изъ этихъ насѣкомыхъ, которое Bonnet также изолировалъ, на 11 день родило живую вошь. Эта послѣдняя такимъ же образомъ родила опять такую же и черезъ каждыя 24 часа весь выводокъ увеличивался на 3—10 новыхъ пришельцевъ, такъ что къ концу 21 дня дѣйственное насѣкомое дало жизнь 95 насѣкомымъ. Каждый изъ этихъ дѣйственныхъ плодовъ производилъ опять дѣйственное потомство въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній. Ср. Lewes, I. с. 202, 203.

³⁾ Von Siebold „Ueber wahre Parthenogenesis bei Bienen und Motten.“ у Lewes'a I. с.

⁴⁾ Lewes, I. с. 206. Но въ *Hist. anim.* I. V, с. 21, §§ 111—113 А., ничего не отрицая и ничего не утверждая, приводитъ лишь различныя мнѣнія, изъ коихъ по однимъ пчелы вовсе не совокупляются, а по другимъ имѣютъ въ 1½ раза длиннѣе матокъ, называемыхъ такъ потому, что онѣ рожаютъ, наконецъ еще по другимъ у пчелъ оплодотвореніе имѣетъ мѣсто, причѣмъ трутни представляютъ самцевъ, а пчелы—самокъ. Ср. изд. Aub. и Wim., I, 519.

⁵⁾ *Hist. anim.* I. IV, с. 19. *De generat. anim.* I. II, с. 1.

бѣлыхъ червяхъ, находящихся на снѣгу въ Мидіи, о животныхъ, возникающихъ будто бы изъ огня и живущихъ въ кипрскихъ плавильныхъ печахъ, величиной немногимъ крупѣе большихъ мухъ, съ короткими крыльями, прыгающихъ и бѣгущихъ сквозь огонь. Какъ снѣжные, такъ и огненные черви умираютъ по удаленіи ихъ изъ свойственной имъ среды. Доказательствомъ негорючести нѣкоторыхъ животныхъ служитъ саламандра, способная тушить огонь, черезъ который проходитъ. Наконецъ Аристотель говоритъ здѣсь о „прышывающихъ въ полдень изъ рѣки Нурапіс въ Киммерійскомъ Босфорѣ пузыряхъ, величиной съ виноградину, послѣ лопанія коихъ изъ cadaго выходитъ по крылатому четвероногую животному, летающему только до сумерокъ и умирающему по захожденіи солнца (ἐρπίμερον) ¹⁾).

Если въ „*Исторіи животныхъ*“ оставить въ сторонѣ всѣ баснословные рассказы и вообще все несущественное, то все таки на лицо окажется такая, поражающая громадностью, масса вѣрныхъ фактовъ и наблюденій надъ всѣми классами животныхъ, что нужно удивляться, какъ могъ справиться съ ними даже такой могучій умъ, какъ Аристотель, хотя и допустимъ, что онъ для этой цѣли воспользовался не дошедшими до насъ трудами другихъ древнихъ естествоиспытателей. Вотъ почему намъ казалось необходимымъ удѣлить здѣсь столько мѣста разсмотрѣнію этого трактата, о которомъ иначе нельзя было бы дать возможно полное понятіе.

Переходимъ теперь къ другому, тѣсно съ нимъ связанному трактату, а именно къ *De partibus animalium*, соотвѣтствующему первымъ 4 книгамъ „*Исторіи животныхъ*“, подобно тому какъ *De generatione animalium* соотвѣтствуетъ 5—7 книгамъ этой послѣдней.

II. *De partibus animalium* ²⁾. Въ этомъ трактатѣ, какъ сказано выше, Аристотель излагаетъ причины, почему каждая часть тѣла устроена такъ, а не иначе, другими словами ученіе объ отправленіяхъ (*физиологію*).

Книга I занимается вообще вопросомъ объ изученіи природы, преимущественно же о классификаціи животныхъ, о чемъ рѣчь была уже выше при разсмотрѣніи трактата *De historia animalium* ³⁾, гдѣ этотъ послѣдній вопросъ болѣе на своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые авторы, какъ *Titze* и *Francius*, полагаютъ даже, что первая книга *De part. anim.* перенесена сюда изъ *De historia animalium*, къ которой она дѣйствительно служитъ хорошимъ введеніемъ, хотя тогда, какъ остроумно замѣчаетъ Льюисъ,

¹⁾ Тамъ же, I. V, с. 19.

²⁾ При разсмотрѣніи этого трактата мы руководствовались текстомъ изд. Didot, Paris, 1854 и соотвѣтственной статьёй Льюиса, I. с. 292—324.

³⁾ См. выше стр. 638.

одинъ трактатъ выигрываетъ введеніе, которое теряетъ другой ¹⁾).

Книга II прежде всего устанавливаетъ положеніе, что элементы существуютъ для однородныхъ частей, однородныя же части для разнородныхъ. Притомъ, однѣ части животнаго тѣла служатъ для выполненія органическихъ функций, другія же для воспринятія ощущеній. Первые состоятъ изъ разнородныхъ, вторыя изъ однородныхъ частей, ибо каждое ощущеніе однородно. Мѣстопробываніе каждаго ощущенія (теплоты, холода, сухости и влаги)—въ мясѣ, „самомъ тѣлесномъ изъ чувствительныхъ тканей (*σώματος δέσταιόν ἐστι τῶν αἰσθητηρίων*) ²⁾.

Относительное достоинство однородныхъ частей, напр. крови, бываетъ различное даже въ различныхъ частяхъ одного и того же животнаго. Такъ кровь въ верхнихъ частяхъ тѣла, какъ болѣе благородныхъ, отличается отъ крови нижнихъ частей. Густая и теплая кровь пригоднѣе для пластическихъ цѣлей, жидкая и холодная—для чувства и мысли. Поэтому пчелы и другія подобныя животныя разумнѣе (*φρονιμώτερα*), чѣмъ нѣкоторыя животныя съ красной кровью, а изъ послѣднихъ разумнѣе всего тѣ, которыя имѣютъ болѣе жидкую и холодную кровь. Самыя лучшія тѣ, которыя имѣютъ теплую, чистую и жидкую кровь, они отличаются отъ другихъ силою (*ἀνδρεία*) и умомъ. Отсюда различія между мужескими и женскими особями ³⁾.

Здѣсь же находимъ также замѣчанія о теплотѣ, основанныя конечно на субъективномъ ощущеніи, причемъ Аристотель указываетъ на разногласія древнихъ насчетъ животной теплоты, изъ коихъ нѣкоторые утверждали, что водныя животныя имѣютъ наибольшую врожденную теплоту, такъ какъ они должны своею собственною теплотою компенсировать (*ἐπανισοῦν*) холодъ среды, въ которой живутъ. Эти разногласія, по его мнѣнію, происходятъ отъ недостаточной опредѣленности, въ какомъ значеніи тѣло можетъ быть названо теплымъ, въ смыслѣ способности согрѣвать другое тѣло, причинять ему боль, расплавлять или сжигать тѣло, съ коимъ происходитъ въ соприкосновеніе. Кипящая вода горячѣе, чѣмъ пламя, зато пламя сжимаетъ и плавить. Вода теплѣе, чѣмъ масло, камень и желѣзо пагрѣваются медленнѣе, чѣмъ вода, но зато долѣе сохраняютъ теплоту. Въ силу факта, что мгновенное прикосновеніе къ горячей водѣ причиняетъ пальцу сильнѣйшую боль, чѣмъ пламя, выпятокъ долженъ былъ древнимъ

¹⁾ Titze, 'Αριστοτέλους λόγος ὁ περὶ φύσεως τῆς ζωικῆς μάλιστα μεθοδικός, Prag, 1819, Franzius въ его изд. *De partibus*. Ср. Lewes I. с. 279.

²⁾ *De partibus animalium*, I. II, с. 1.

³⁾ *De partibus animalium*, I. II, с. 2.

казаться горячѣе, чѣмъ пламя, такъ какъ они не имѣли термометровъ для провѣрки и не знали, что испаряющаяся влага служитъ для защиты кожи пальца въ пламени, но не въ горячей водѣ ¹⁾. Далѣе Аристотель повторяетъ сказанное выше о роли теплоты въ пищевареніи и превращеніи пищи въ легкоусвояваемую жидкость, т. е. въ кровь, на которую А. смотритъ какъ на усовершенствованную пищу ²⁾, а также сказанное въ *Hist. anim.* относительно створаживанія фибрина и зависимости разума отъ чистоты и жидкаго состоянія крови. При этомъ онъ прибавляетъ, что животныя съ водянистою кровью самыя робкія, ибо „страхъ леденить кровь, вызываетъ холодъ, неподвижность, изверженіе выдѣленій ³⁾, а также измѣненіе цвѣта и выдѣленіе чернилъ у головоногихъ (каракатицъ ⁴⁾). Животнымъ съ водянистою кровью онъ противопоставляетъ имѣющихъ болѣе богатую фибриномъ и „землистую“ кровь и потому самому болѣе страстныхъ и вспыльчивыхъ, ибо, объясняетъ Аристотель, гнѣвъ вызываетъ теплоту, а плотное, согрѣваясь, становится горячѣе, чѣмъ жидкое, и такъ какъ фибринъ плотенъ и землистъ, то гнѣвъ причиняетъ броженіе въ крови. Оттого быки и кабаны легко приходятъ въ гнѣвъ и бѣшенство, ибо ихъ кровь необыкновенно богата фибриномъ ⁵⁾.

Изъ крови образуются другія однородныя части, какъ жиръ и сало, коихъ по его мнѣнію недостаетъ безкровнымъ животнымъ. Жиръ въ избытѣ вреденъ: еслибы все тѣло состояло изъ жира или сала, то оно погибло бы, ибо животное должно быть чувствительно, а жиръ не одаренъ чувствительностью. Жирныя женщины бесплодны, ибо необходимая для образованія плода кровь идетъ у нихъ на образованіе жира ⁶⁾. Сюда же относится и костный мозгъ, а также спинной мозгъ, который по Аристотелю есть не болѣе, какъ костный мозгъ позвоноковъ, только менѣе жирный. Нѣкоторые животныя (левъ) не имѣютъ костнаго мозга ⁷⁾. Мнѣніе Аристотеля о головномъ мозгѣ, о его роли, какъ охладителя слишкомъ большаго жара сердца, о сравнительно большей его величинѣ у человѣка вообще и у мужчинъ въ частности, приведено уже выше ⁸⁾. Здѣсь прибавимъ еще его мнѣніе о большемъ числѣ швовъ у

¹⁾ Тамъ же I. II, с. 2. Ср. Lewes, I. с. 300.

²⁾ Тамъ же I. II, с. 3.

³⁾ Тамъ же I. II, с. 4.

⁴⁾ Тамъ же I. IV с. 5.

⁵⁾ Тамъ же I. II, с. 4.

⁶⁾ Тамъ же I. II, с. 5.

⁷⁾ Тамъ же I. II, с. 6.

⁸⁾ См. выше стр. 48, 56.

мужчинъ и о назначеніи швовъ — пропускать испаренія изъ мозга ¹⁾).

Самая важная изъ однородныхъ частей — мясо, мѣстопребываніе чувствительности, какъ самаго существеннаго признака животности. Всѣ остальные однородныя части, какъ кости, сухожилія, кожа, сосуды, волосы и ногти, созданы лишь къ услугамъ чувствъ и подчинены мясу, какъ самой главной чувствительной ткани животнаго организма ²⁾. Кости Аристотель отличаетъ отъ рыбныхъ косточекъ и хрящей, которые онъ считаетъ смѣсью изъ землястаго костнаго вещества и мягкаго костнаго мозга, тогда какъ въ костяхъ и то и другое раздѣлены. Очевидно онъ не зналъ, что хрящи содержатъ и жиръ. Точно также онъ ошибочно считалъ переломленныя кости одинаково неспособными къ возрожденію и сращенію, какъ и хрящи ³⁾, которые, какъ извѣстно, вмѣсто хрящевой срастаются фиброзной тканью.

Далѣе (гл. 10—17) рѣчь идетъ о различныхъ частяхъ головы, въ особенности о цѣлесообразномъ расположеніи и устройствѣ органовъ чувствъ у различныхъ животныхъ ⁴⁾, причемъ А. отдѣляетъ отличительныя черты человѣка отъ другихъ животныхъ, какъ прямое его положеніе, которое онъ нѣсколько выше приводитъ въ связь съ большей его теплотой, способствующей его росту вверхъ, ⁵⁾ а также слабое развитіе мускулатуры на головѣ человѣка ⁶⁾ и большее количество волосъ, служащихъ для защиты ея отъ холода и жара и росту коихъ способствуетъ особенно влага мозга ⁷⁾.

Въ книгѣ III А. продолжаетъ изчисленіе частей головы и шеи и ихъ функций, въ томъ числѣ зубовъ, рта, роговъ, пищевода и трахеи, которую онъ называетъ *ἀρτηρία* и описываетъ, какъ идущую къ легкимъ и сердцу ⁸⁾. Затѣмъ рѣчь идетъ о внутренностяхъ (*σπλάγχνα*), причемъ А. описываетъ также аналогическія сердцу и печени части у головоногихъ. Внутренности образуются изъ крови и свойственны лишь кровнымъ животнымъ, имѣющимъ сердце, которое есть начало всѣхъ сосудовъ, слу-

¹⁾ Тамъ же I. П, с. 7.

²⁾ Тамъ же I. П, с. 8.

³⁾ Тамъ же I. П, с. 9.

⁴⁾ Тамъ же I. П, с. 10.

⁵⁾ Тамъ же I. П, с. 7.

⁶⁾ Тамъ же I. П, с. 10.

⁷⁾ Тамъ же I. П, с. 14.

⁸⁾ Тамъ же I. П, с. 1—3.

жащих вмѣстилищемъ для крови. Въ сердцѣ, какъ центральномъ пунктѣ, происходятъ эмоціи удовольствія, боли и другихъ ощущеній, ибо изъ всѣхъ мѣстъ центральное—самое естественное (*εὐφροέστατος*), къ тому же сердце въ зародышѣ приходитъ въ движеніе раньше другихъ органовъ, „словно живое существо и начало всѣхъ кровныхъ животныхъ.“ У животныхъ вообще сердце лежитъ какъ разъ въ центрѣ, ибо оно (какъ сказано выше) мѣстопробываніе жизненнаго начала, теплоты, движенія и чувства, „словно—очагъ, питающій огонь жизни (*ζωότροσον*), хранимый здѣсь какъ въ крѣпости“ (*βοηθὴ ἀκρόπολις οὐρα τοῦ σώματος*) ¹⁾. У человѣка же сердце лежитъ болѣе впереди и влѣво, для компенсаціи большаго холода этой стороны, ибо, по мнѣнію Аристотеля, изъ всѣхъ животныхъ у человѣка—самая холодная лѣвая сторона ²⁾. За то онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ правомъ желудочкѣ кровь теплѣе, чѣмъ въ лѣвомъ ³⁾. Онъ знаетъ также фактъ окостенѣнія перегородки сердца у лошадей и извѣстной породы воловъ, которое встрѣчается, какъ извѣстно, въ нормальномъ состояніи у горлицъ и, какъ исключеніе, у слоновъ, лошадей и воловъ, и назначеніе коего по его мнѣнію—служить опорой (*οἶον ἐρείσματος χάρις*) для сердца по причинѣ его большаго объема. Различіе въ величинѣ и плотности сердца опредѣляетъ разницу характера: нечувствительныя имѣютъ твердое сердце, симпатичныя—мягкое сердце, животныя съ широкимъ сердцемъ боязливы, съ узкимъ—храбры. Изъ всѣхъ частей тѣла сердце наименѣе подвержено заболѣванію, ибо „у животныхъ, принесенныхъ въ жертву, больное сердце не было наблюдаемо, другія же внутренности, какъ почки, печень, селезенка, легкія находимы были больными“ ⁴⁾.

Далѣе всѣмъ кровнымъ животнымъ свойственны печень и, какъ противовѣсъ, селезенка ⁵⁾, а также легкія, служащія для дыханія и охлажденія ихъ тѣла; безкровныя животныя охлаждаются собственнымъ дыханіемъ (*τῷ σμφύτῳ πνεύματι*). Опровергая мнѣніе, что легкія причиняютъ біеніе сердца, онъ говоритъ, что пульсація сердца наблюдается только у человѣка ⁶⁾. Очевидно, замѣчаетъ Льюисъ по этому поводу, А. никогда не держалъ въ рукахъ птицы ⁷⁾. Интересно, что изъ органовъ, свой-

¹⁾ Тамъ же I. III, с. 7 (ed. Didot., III, 265).

²⁾ Тамъ же I. III, с. 4 (ed. Didot. III, 259).

³⁾ Тамъ же 260.

⁴⁾ Тамъ же I. III, с. 4, 259, 260.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же I. III, с. 6.

⁷⁾ Lewes, I. с. 314.

ственныхъ кровнымъ животнымъ, Аристотель лишь вскользь упоминаетъ о печени, которая по своему нецентральному положенію не можетъ служить началомъ развитія ни для тѣла, ни для крови, а также о селезенкѣ, служащей ей противовѣсомъ и свойственной всѣмъ совершеннымъ животнымъ ¹⁾. Зато А. въ слѣдующей книгѣ IV подробно распространяется о желчи и желчномъ пузырьѣ.

Почки служатъ для выведенія изъ организма жидкихъ изверженій, чему способствуетъ ихъ жирная сумка, поддерживающая необходимую для нормальныхъ отправленій почекъ теплоту. Слишкомъ большое ожирѣніе почекъ, однако, смертельно, ибо тогда засоряются пути для выведенія обращающихся въ нихъ жидкостей и воздуха и болѣзнь черезъ соуды сообщается сердцу ²⁾.

Діафрагма служитъ преградой для защиты чувствительной души отъ испареній изъ пищи желудка и вообще для отдѣленія верхней отъ нижней половины тѣла. Хотя Аристотель, какъ мы видѣли, отрицаетъ ея прямое участіе въ сознаниі, тѣмъ не менѣе онъ приписываетъ ей косвенное вліяніе на этотъ процессъ, такъ какъ она вбираетъ въ себя теплыя выдѣленія изъ нижележащихъ органовъ и тѣмъ причиняетъ измѣненія въ выше лежащихъ сосѣднихъ органахъ мысли и чувства, которые при этомъ мутятся. Другимъ примѣромъ чувствительности діафрагмы къ теплотѣ служить смѣхъ. Человѣкъ—единственное животное, чувствительное къ щекоткѣ вслѣдствіе тонкой кожи, а равно и потому, что онъ единственное животное, способное смѣяться, ибо щекотка тотчасъ производитъ смѣхъ вслѣдствіе быстрой передачи возбужденія отъ подмышки къ діафрагмѣ ³⁾.

Аристотель первый возбудилъ въ наукѣ вопросъ о парныхъ органахъ, существующихъ для каждой половины тѣла. Каждый членъ или органъ по А. предполагаетъ другой ему подобный (*ἐκάτερον γὰρ ζῆται τὸ ἑμῶν*) ⁴⁾. При этомъ А. указываетъ на то, что даже строеніе мозга обнаруживаетъ стремленіе (*βούληται*) къ расщепленію, а сердце имѣетъ своихъ два желудочка; противорѣчіе же, представляемое печенью и селезенкою онъ устраняетъ тѣмъ, что рассматриваетъ ихъ какъ органы, уравновѣшивающіе другъ друга, причемъ называетъ селезенку „ложною печенью“ (*ψόβον ἥπαρ*) ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ А. говоритъ, что зайцы (*δα-*

¹⁾ Тамъ же I. III, с. 4, 259.

²⁾ Тамъ же I. III, с. 9.

³⁾ Тамъ же I. III, с. 10. О различныхъ формахъ внутренностей и кишечнаго канала см. De part. anim., конецъ книги III, с. 11—15.

⁴⁾ Тамъ же I. III, с. 7, 264.

⁵⁾ Тамъ же.

ὀγκώδες) въ нѣкоторыхъ краяхъ имѣютъ двѣ печени, 1) равно какъ и хрящевыя рыбы. Между тѣмъ легкія онъ страннымъ образомъ причисляетъ то къ единичнымъ, то къ парнымъ органамъ 2).

Bichat, по слѣдамъ Аристотеля, старался установить взглядъ, что органы животной жизни парны и симметричны, а органы растительной жизни—единичны и ассиметричны, что однако не подтверждается на самомъ дѣлѣ. Такъ окологлазныя, подчелюстныя и грудныя желѣзы, а также легкія, почки, яичники и яички суть растительныя и выстѣ съ тѣмъ парныя органы. Печень у птицъ двойная и симметричная. Впрочемъ легкія у нѣкоторыхъ змѣй и яичники у всѣхъ птицъ простыя и хотя въ зародышѣ послѣдніе парны, но впоследствии правый яичникъ исчезаетъ 3).

Книга IV посвящена преимущественно замѣчаніямъ о внутренностяхъ пресмыкающихся (ἀπύδα) и земноводныхъ; между прочимъ находимъ здѣсь замѣчаніе о томъ, что, за исключеніемъ черепахи, ни у кого изъ послѣднихъ нѣтъ мочевого пузыря—совершенно вѣрное анатомическое наблюдение, сопровождаемое однако невѣрнымъ объясненіемъ, что у этихъ животныхъ, пьющихъ мало, вслѣдствіе ихъ безкровія, влага превращается въ чешуи, подобно тому какъ у птицъ она превращается въ перья 4). Ехидны (Vipera) отличаются имъ отъ другихъ змѣй на томъ основаніи, что первыя—живородящія или вѣрнѣе живолойцеродящія (ὠστροχάραια) 5). Еслибы А. зналъ, замѣчаетъ по этому поводу Льюисъ, что всѣ живородящія змѣи ядовиты, а яйцеродящія безвредны, то онъ не преминулъ бы и тутъ пуститься въ метафизическія объясненія 6).

Затѣмъ рѣчь идетъ здѣсь, въ видѣ отступленія, о желчи и желчномъ пузырьѣ, которые А. обозначаетъ однимъ названіемъ χολή. При этомъ онъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя животныя не имѣютъ желчнаго пузыря, какъ лошадь, лошакъ, осель, олень, серна (πρόξ), тюлень, дельфинъ и верблюдъ, изъ коихъ послѣдній однако имѣетъ маленькіе сосуды, наполненные желчью. Здѣсь же находимъ у него слѣдующее болѣе чѣмъ странное замѣчаніе:

„Одни виды не имѣютъ желчнаго пузыря, какъ напр. мыши. Къ этому классу относится также человекъ: одни имѣютъ явственный желчный пузырь, плотно соединенный съ почкою, другіе нѣтъ“ 7).

1) Hist. anim. l. II, c. 17.

2) См. выше стр. 43; De part. anim. l. III, c. 7. Hist. anim. l. I, c. 13.

3) Bichat, Recherches sur la vie et la mort. Cp. Lewes, l. c. 315.

4) Cp. Lewes, l. c. 315.

5) De part. anim., l. IV, c. 1.

6) Cp. Lewes, l. c. 317.

7) De part. anim. l. IV, c. 2 (ed. Didot, III, 274).

У рыбъ желчный пузырь помѣщается далеко отъ печени. Мнѣніе Анаксагора о происхожденіи острыхъ болѣзней отъ желчи Аристотель оспариваетъ на томъ основаніи, что подобныя болѣзни встрѣчаются и у не имѣющихъ желчнаго пузыря. Желчь, по мнѣнію А., есть выдѣленіе, ненужный остатокъ отъ пищи (*περίττωμα*), не имѣющей никакого назначенія, причемъ однако прибавляетъ:

„Природа, бесспорно, иногда употребляетъ выдѣленія для полезной цѣли, однако мы поэтому не должны искать конечной цѣли во всѣхъ вещахъ, но коль скоро извѣстные предметы обладаютъ извѣстными свойствами, послѣднія неизбежно должны имѣть извѣстные послѣдствія“¹⁾.

Аристотель описываетъ также сальникъ, своею теплотою помогающей пищеваренію, и брыжжейку съ ея сосудами, служащими наподобіе корней для воспріятія пищевыхъ соковъ²⁾.

Переходя затѣмъ къ мягкотѣлымъ и насѣкомымъ, Аристотель утверждаетъ, что они не имѣютъ внутренностей, за неимѣніемъ крови, изъ которой послѣднія могли бы образоваться. Такъ у нихъ нѣтъ ни кровеносныхъ сосудовъ, ни мочевого пузыря, ни дыхательныхъ органовъ, но есть подобіе сердца, какъ необходимаго мѣстопребыванія для чувствующей души или жизненнаго начала. Здѣсь же онъ повторяетъ свой взглядъ на морскіе анемоны и асцидіи, какъ на промежуточную ступень между растеніями и животными³⁾. По поводу наружныхъ органовъ насѣкомыхъ и *Testacea*⁴⁾ онъ замѣчаетъ, что послѣдніе не имѣютъ много членовъ вслѣдствіе ихъ бездѣятельности, ибо „чѣмъ больше животное имѣетъ членовъ, тѣмъ оно должно быть дѣятельнѣе вслѣдствіе отправленій послѣднихъ, такъ какъ большее количество органовъ пріобрѣтается тѣми, которыя имѣютъ больше функцій“⁵⁾.

Наконецъ послѣ описанія органовъ и ихъ отправленій у *Crustacea*⁶⁾ и мягкотѣлыхъ⁷⁾ Аристотель возвращается опять къ вопросу о различіяхъ между члвчкомъ и другими животными. По мнѣнію Аристотеля, животныя—четвероноги, потому что ихъ душа не достаточно сильна, чтобы удерживать тяжесть ихъ тѣла въ прямомъ положеніи. От-

1) Тамъ же I. IV, с. 2.

2) Тамъ же I. IV с. 3 и 4.

3) *De part. anim.* I. IV, с. 5.

4) Тамъ же I. IV, с. 6, 7.

5) Тамъ же с. 7. 285, ed. Didot.

6) Тамъ же I. IV, с. 8.

7) Тамъ же I. IV, с. 9.

того всё животных—пигмен (νάνοι) въ сравненіи съ человѣкомъ, ибо карликами должны считаться всё, у кого верхнія части тѣла (туловище или грудная клѣтка) шире, а органы движенія малы въ сравненіи съ туловищемъ:

„У человѣка существуетъ особое соотношеніе между туловищемъ и членами, но у новорожденныхъ туловище объемисто, а члены малы. Оттого дѣти ползаютъ, но не могутъ ходить, а въ первое время они не только что ползать, но и двигаться не въ состояніи, такъ какъ всё дѣти—карлики. Напротивъ того у четвероногихъ нижняя (задняя) часть тѣла сначала шире и лишь по мѣрѣ развитія верхняя часть тѣла увеличивается въ объемъ. Оттого жеребенокъ немногимъ короче взрослой лошади и въ раннемъ возрастѣ можетъ касаться головы задними ногами, чего онъ не въ состояніи сдѣлать по достиженіи зрѣлости. Птицы и рыбы въ этомъ отношеніи также карлики. Оттого всё животныхъ менѣе разумны (ἀφρονέστερα), чѣмъ человѣкъ, а между людьми дѣти и карлики менѣе разумны, чѣмъ возмужалые и высокіе ростомъ. Причина этого заключается въ томъ, что физическое начало неудобоподвижно и тѣлесно (πελλῶ δὲ δυσκίνητός ἐστι καὶ σωματώδης).“

„Изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ только человѣкъ имѣетъ прямое положеніе вопрекиъ его богоподобной природы и богоподобной сущности. Функция богоподобной природы—познавать и мыслить; но это было бы трудно при большомъ объемѣ верхней части тѣла, ибо отъ тяжести мысль и общее чувство становятся вялыми“¹⁾.

Въ тѣсной связи съ прямымъ положеніемъ человѣка находится, согласно Аристотелю, присутствіе у него на нижнихъ конечностяхъ большаго количества мяса въ сравненіи съ животными, ибо для того чтобы ему легче было нести тяжесть верхней части тѣла, природа отняла отъ нея много вещества и помѣстила въ нижней части, сдѣлавъ такимъ образомъ ягодицы, бедра и икры болѣе мясистыми. Въ тоже время она создала ягодицы для отдыха и сидѣнья (καθέδρας), ибо четвероногія могутъ стоять, не уставая, человѣкъ же нуждается въ сидѣніи (отдыхѣ)²⁾. Съ другой стороны Аристотель опровергаетъ мнѣніе Анаксагора о зависимости умственного превосходства человѣка отъ того, что у него есть руки. По мнѣнію Аристотеля, гораздо послѣдовательнѣе сказать: человѣкъ имѣетъ руки потому, что онъ наиболѣе разумное изъ всѣхъ животныхъ:

„Рука есть орудіе, а природа, словно сознательный человѣкъ (καθ' ἑαυτὸν ἄνθρωπος φρόνιτος), всегда даетъ орудія тѣмъ, кто умѣетъ ими владѣть. Гораздо лучше давать флейту въ руки флейтисту (αὐλητῆϊ), чѣмъ сдѣлать флейтиста изъ имѣющаго таковую. Природа все устриваетъ къ лучшему: очевидно, человѣкъ потому имѣетъ руки, что онъ разумнѣе всѣхъ, а не потому разумнѣе всѣхъ, что имѣетъ руки, которыя составляютъ какъ бы орудіе для орудій (ὄργανον πρὸ ὀργάνων)³⁾.

¹⁾ Тамъ же I. IV с. 10.

²⁾ De part. anim. I. IV, с. 10, ed. Didot, 293.

³⁾ Тамъ же, 290.

Далѣе человѣкъ отличается отъ животныхъ отсутствіемъ хвоста, такъ какъ весь годный для того матеріалъ природа употребила для образованія у него ягодицъ. Безхвостыя обезьяны, по мнѣнію А., не слѣдуетъ тому опроверженіемъ, такъ какъ, составляя средину между человѣкомъ и другими животными, онѣ не имѣютъ хвоста въ качествѣ двуногихъ и ягодицъ въ качествѣ четвероногихъ ¹⁾.

Наконецъ въ то время какъ изъ самцовъ другихъ животныхъ одни, и то лишь похожіе на матерей, имѣютъ соски, другіе нѣтъ,—у мужчинъ всегда бываютъ соски. Что касается грудныхъ железъ у женщинъ, то онѣ всегда расположены въ верхней части тѣла (на груди), у самокъ же другихъ животныхъ вымя бываетъ на животѣ или между задними ногами, за исключеніемъ слонихъ, у коихъ бываетъ только два вымени, ибо онѣ рожаютъ лишь по одному дѣтенышу, и притомъ ближе къ переднимъ ногамъ, такъ какъ здѣсь больше молока и ктому же онѣ—двукопытныя, а у послѣднихъ вымя никогда не бываетъ между бедрами. Также произвольно увѣреніе Аристотеля, что львица имѣетъ только два вымени, такъ какъ у нея мало молока, ибо пища больше идетъ на образованіе ея собственнаго тѣла и къ тому же, какъ плотоядное, она относительно немного потребляетъ ²⁾.

Въ заключительныхъ главахъ рѣчь идетъ о кровныхъ яйцеродящихъ, какъ четвероногихъ, такъ въ особен. безногихъ (змѣяхъ ³⁾), далѣе о птицахъ ⁴⁾ и рыбахъ ⁵⁾, при чемъ Аристотель вездѣ даетъ обстоятельныя объясненія цѣлесообразнаго устройства разныхъ органовъ этихъ животныхъ. Здѣсь между прочимъ, по поводу отсутствія жаберъ у дельфина и кита и мнѣнія у нихъ легкихъ для дыханія и особаго канала для выпусканія набранной воды, встрѣчаемся съ замѣчаніемъ, что большія животныя, нуждаясь для передвиженія ⁶⁾ въ большомъ количествѣ животной теплоты, получаютъ ее изъ легкихъ, переполненныхъ теплою

¹⁾ Тамъ же, 294.

²⁾ Тамъ же, 291, 292.

³⁾ De part. anim, l. IV, с. 11.

⁴⁾ Тамъ же, l. IV, с. 12.

⁵⁾ Тамъ же, с. 13.

⁶⁾ О способахъ передвиженія животныхъ А. распространяется въ особомъ трактатѣ, гдѣ между прочимъ такъ описываетъ ходженіе у четвероногихъ: „заднія и переднія конечности движутся на крестъ, по діагонали (κατὰ διαμέτρον)—сначала поднимается передняя правая нога, затѣмъ задняя лѣвая, далѣе передняя лѣвая и наконецъ задняя правая.“ De incessu animalium, с. 14.

кровью (или по выраженію А. „кровою теплою“—θερμότητος ὡν κλήρης αἰματικῆς) ¹⁾, а также съ описаніемъ ливійскаго страуса, составляющаго по мнѣнію А. промежуточную форму между птицами и четвероногими, такъ какъ онъ въ отличіе отъ другихъ птицъ имѣетъ волосоподобные перья, рѣсницы на верхнихъ вѣкахъ и расщепленные когти на подобіе двукопытныхъ ²⁾.

Мы далеко не могли, за недостаткомъ мѣста, исчерпать весь матеріалъ, заключающійся въ *De part. anim.*, но и приведенный достаточно свидѣтельствуеть, что какъ ни странны и какъ ни далеки „объясненія“ этого трактата отъ точекъ зрѣнія новѣйшей науки, онъ тѣмъ не менѣе есть древнѣйшая попытка къ обоснованію біологіи на началахъ сравнительной анатоміи. Аристотель, какъ соглашается даже Льюисъ, первый понялъ истинное значеніе зоотоміи и вѣрно оцѣнилъ ея роль при установленіи физиологическихъ законовъ для всѣхъ органическихъ существъ, ибо ей одной мы обязаны всѣми новѣйшими открытіями въ анатоміи и физиологіи, каково напр. открытіе кровообращенія, лимфатическихъ и волосныхъ сосудовъ, протоковъ слюнныхъ желѣзъ, Граафова пузырька, нервной системы, химизма дыханія и пищеваренія и т. д. ³⁾.

Заключеніе. Изъ всего предыдущаго изложенія явственно вытекаетъ, въ чемъ заключаются заслуги Аристотеля въ области естественныхъ наукъ, въ томъ числѣ и медицины.

Во-первыхъ, онъ установилъ, на прочныхъ началахъ, плодотворный и индуктивный методъ, хотя и не проведенный имъ со строгой послѣдовательностью во всѣхъ его сочиненіяхъ, но несомнѣнно примѣненный имъ во многихъ изъ нихъ, какъ въ *Метеорологіи*, *Исторіи животныхъ*, трактатѣ *О души* и въ особенности въ *De gener. anim.* Этому методу, какъ извѣстно, въ новѣйшее время обязаны своими успѣхами не только естественныя и соціологическія, но и медицинскія науки.

Во-вторыхъ, Аристотель первый провозгласилъ идею единства и прогресса во всей органической природѣ. Онъ показалъ, какъ въ поступательномъ, непрерывномъ ходѣ своего развитія природа стремится

¹⁾ Тамъ же, I. IV, с. 13, ed. Didot., 303.

²⁾ Тамъ с. 14.

³⁾ Ср. Lewes, I. с., 323, 324.

къ созиданію все высшихъ и болѣе усовершенствованныхъ органическихъ формъ, изъ коихъ самыя низшія, несовершенныя, а именно растенія, черезъ дѣленіе, еще допускають множественность жизненнаго начала, переходныя формы (асцидии и подобныя) уже проявляютъ темныя слѣды чувствительности, высшія же формы (животныя) обнаруживаютъ весьма явственное центральное единство организаціи, благодаря которому всѣ части тѣла становятся членами одного организма. При этомъ А. указалъ на то, что совершенство организаціи животныхъ зависитъ не столько отъ присутствія органовъ движенія, сколько отъ присутствія болѣе или менѣе центрально расположеннаго сердца (или аналогическаго ему органа) и органовъ дыханія, какъ источниковъ животной теплоты, ибо чѣмъ теплѣе животное, тѣмъ оно совершеннѣе ¹⁾,—а также отъ присутствія большаго количества болѣе или менѣе развитыхъ органовъ чувствъ, вообще же—отъ соразмѣрнаго развитія членовъ во всѣхъ направленіяхъ: вверхъ, внизъ, впереди, кзади, вправо и влѣво. Вѣнецъ зданія органической природы, индивидуальное воплощеніе всѣхъ остальныхъ образованій природы составляетъ, согласно А., человекъ, съ его усовершенствованными органами чувствъ, съ его душой, хотя и нераздѣльной съ тѣломъ, но и несмѣшивающейся съ нимъ, наконецъ съ самодѣтельнымъ разумомъ, этимъ бессмертнымъ началомъ, привходящимъ къ нему извнѣ ²⁾.

Къ этому результату его привели неутомимыя изысканія, изложенныя имъ въ цѣломъ рядѣ трактатовъ, главнымъ же образомъ въ трехъ, составляющихъ одно цѣлое и изъ коихъ въ одномъ (*Hist. anim.*) онъ оставилъ первое по времени собраніе огромнаго и цѣннаго матеріала для естественной исторіи животныхъ, разработаннаго имъ въ систематическомъ порядкѣ, причѣмъ имъ окончательно установлена подробная для всѣхъ частей тѣла анатомическая номенклатура, сохранившаяся въ медицинѣ и по настоящее время ³⁾. Въ другомъ изъ этой серіи трактатовъ (*De part. anim.*) онъ представилъ первую попытку къ обоснованію біологіи на началахъ сравнительной зоотоміи, послужившую исходнымъ пунктомъ для будущихъ открытій и изслѣдованій въ области анатоміи и фізіологіи. Наконецъ третій изъ этого ряда трактатовъ (*De gener. anim.*) заключаетъ въ себѣ начало научной эмбриологіи, обличающей близкое знакомство съ предметомъ и содержащей задатки и проблески теорій, получившихъ широкое примѣненіе въ наукѣ и общепризнанныхъ въ но-

¹⁾ De generat. animal. l. II, c. 1.

²⁾ Тамъ же, l. I, c. 1.

³⁾ Начало этому, какъ мы видѣли, было положено еще Гомеромъ и Гиппократомъ.

вышее время первыми корифеями въ этой отрасли изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ приведенной „трилогіи“ трактатовъ, онъ заложилъ фундаментъ для научныхъ работъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Изъ нихъ мы видимъ, что онъ не только изучилъ болѣе или менѣе подробно внутренніе органы и ихъ взаимныя отношенія, что могло быть сдѣлано только путемъ многочисленныхъ вскрытій, но впервые открылъ тождественность однородныхъ частей (ткани). А такъ какъ изслѣдованія производились имъ на особяхъ различныхъ видовъ, то онъ сразу положилъ основаніе общей и сравнительной анатоміи, создавъ такимъ образомъ методъ, раньше или позже долженствовавшій повести къ зарожденію науки о жизни или общей физиологіи. Начало этому сдѣлано имъ самимъ въ *De anima*, которая въ сущности есть не метафизическій, какъ предполагали прежде, а физиологическій трактатъ о жизненномъ началѣ (душѣ) или теорія жизни и вмѣстѣ первый научный опытъ психо-физиологіи, обособившейся въ отдѣльную отрасль физиологіи и разработанной успѣшно только въ послѣднее время.

Таковы положительныя заслуги Аристотеля въ области естественной исторіи и медицины. Весьма вѣроятно, что къ изслѣдованіямъ въ этой области онъ приступилъ во всеоружіи всего доступнаго для того времени медицинскаго знанія. Хотя, за исключеніемъ нѣсколькихъ гинекологическихъ наблюденій, мы не встрѣчаемъ въ его сочиненіяхъ никакихъ данныхъ, относящихся къ практической медицинѣ, тѣмъ не менѣе его взглядъ на медицину, какъ на искусство, которому одному должна быть предоставлена забота о здоровьи, его опредѣленіе здоровья, какъ правильнаго равновѣсія между теплымъ и холоднымъ, какъ темперамента тѣла, какъ „присущаго ему свойства, доставляющаго удовольствіе,“ и вообще всѣ замѣчанія и разсужденія, разсѣяанныя въ его естественно-историческихъ трудахъ,—все это обличаетъ въ немъ не только натуралиста, привыкшаго наблюдать и сравнивать, но и потомка знаменитаго семейства врачей ¹⁾.

Какъ ни многочисленны ошибки и заблужденія Аристотеля, но они достаточно искупаются многими, оставленными имъ намъ въ наслѣдство, фундаментальными истинами и необходимостью, въ какую онъ былъ поставленъ на каждомъ шагѣ расчищать себѣ дорогу при исканіи истины. Повторяемъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что до Аристотеля наука не существовала и что только отъ него она ведетъ свое начало.

¹⁾ Ср. Guardia, Histoire de la médecine, Paris, 1884, 256—261.

Вотъ почему необходимо признатьъ, что если, съ одной стороны, расточавшіяся Аристотелю похвалы во многомъ преувеличены, то зато съ другой онъ далъ первый толчекъ развитію естественныхъ наукъ. Онъ, правда, не былъ экспериментаторомъ и законодателемъ въ наукѣ въ современномъ, научномъ значеніи этого слова, но онъ обогатилъ ее нѣсколькими открытіями и не только положилъ основаніе описательной, общей и сравнительной анатоміи и фізіологіи, а также метеорологіи, но вообще вызвалъ къ жизни естественныя науки, благодаря прочно установленному имъ естественно-историческому методу. Ему принадлежитъ безсмертная заслуга упорядоченія совокупности накопленныхъ до него свѣдѣній и расчищенія черезъ то пути для будущихъ естествоиспытателей. Онъ внесъ въ знаніе болѣе строгую дисциплину при помощи того научнаго импульса, который онъ сумѣлъ сообщить философіи и зарождавшемуся естествознанію. Вліяніе этого мощнаго интеллекта на весь умственный строй будущихъ вѣковъ неизмѣримо: его гигантскій умъ обнималъ всѣ отрасли человѣческаго знанія и для его оцѣнки непримѣнимъ ни одинъ изъ прилагаемыхъ къ обыкновеннымъ изслѣдователямъ масштабовъ. Его вліяніе должно быть измѣрено не столько его собственнымъ твореніемъ, сколько непосредственными и отдаленными результатами, полученными отъ его метода. „Созданіе метода, говоритъ даже его строгій критикъ Льюисъ, есть несравненно болѣе великая заслуга, чѣмъ самое блистательное его проведеніе, и имя Аристотеля покрыто славой не потому, что онъ самъ дѣлалъ великія открытія, а потому, что онъ возымѣлъ могущественное и широко захватывающее вліяніе на умы изобрѣтателей“¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, только благодаря этому могущественному воздѣйствію Аристотеля на умы современниковъ и потомства заслужило такое высокое уваженіе эмпирическое знаніе и началась дѣятельная переборка и сортировка всего пріобрѣтеннаго до тѣхъ поръ, такъ что даже натуральная философія должна была изъ области умозрѣній и фантастическихъ измышленій спуститься, по надежному пути индукціи, въ міръ дѣйствительности и трезваго эмпиризма. Ему обязаны своимъ происхожденіемъ не только основанная имъ перипатетическая, но и смѣнившая ее впоследствии знаменитая александрійская школа, возникшая, какъ извѣстно, послѣ македонскихъ завоеваній и изслѣдованіями коей, простиравшимися на всѣ отрасли знанія, жилъ длинный рядъ грядущихъ поколѣній въ послѣдующій тысячелѣтній періодъ и отчасти даже вплоть до новѣйшаго времени²⁾.

¹⁾ Lewes, l. c. 380.

²⁾ Ср. Humboldt, Kosmos, II, 205, Hellwald, Kulturgeschichte, Augsburg, 1883, I, 401.

Прибавленіе къ пояснительнымъ сочиненіямъ объ Аристотелѣ.

- Gretschel (Gretser), De plantis ex Aristotele potissim. collecta Ingolst. 1591.
 Henschel, De Aristotele botanico-philosopho, Vratisl. 1824
 Wimmer, Phytologiae Aristotelicae fragmenta. Vratisl. 1838.
 Biese, Die Philosophie d. Arist. Berlin, 1842 B. II, 128 и слѣд.
 Hoffmann, De usu cerebri secundum Aristotelem. Lips. 1619.
 Westphal, Progr. de peritia Aristotelis anatomica, imprimis num cadavera se-
 cuerit humana. Gryphiswald, 1745.
 Gallisch, Diss. de Aristotele historiae naturalis scriptore. Lips. 1776.
 Herrmann, Ueber den fliegenden Alopex des Aristoteles. Strasburg, 1782.
 Kreysig, Aristotelis de soni et vocis humanae natura atque ortu cum recentiorum
 decretis comparata. Lips. 1793.
 Billerbeck, De strigibus ab Aristotele, Plinio ceteroque scriptorum veterum
 grege commemoratis. Hildesh. 1806.
 Ejusdem, Progr. de avibus ab Aristotele Plinioque commemoratis. Hildesh., 1806.
 Ejusdem Progr. de locis nonnullis Aristoteleae historiae animalium difficiliori-
 bus, Hildesh. 1807.
 Ejusdem, Progr. de psittaco picisque Aristotelis caeterorumque veterum scrip-
 torum. Hildesh. 1811.
 Ed. Eichwald, De selachis Aristotelis, zoologiae geographicae specimen inaug.
 Vilnae, 1819.
 H. Köhler, Commentatio de molluscis cephalopodibus, περί τῶν μαλακίων, Aristo-
 telis. Riga, 1821.
 Wiegmann, Observationes zoologicae criticae in Aristotelis historiam animalium.
 Lips. et Berol. 1826.
 Gloger, Disquisitionum de avibus ab Aristotele commemoratis specim. I. Vratislav.
 1830.
 Bojesen, De problematibus Aristotelis. Hafn. 1836

Къ изданіямъ Аристотеля.

- Aristotelis Histor. de animalibus, graece et latine, Iul. Caesare Scaligero inter-
 prete, Tholozae, 1619.
 Aristotelis Opera omnia, graece et latine, Parisiis, ed. Didot. Vol. III, 1854.
 Ἀριστοτέλους, περί ζῶων ἱστορίας βιβλία Θ. Ἐπιμελεια καὶ Διορθώσει N. E.
 Πικκολοῦ ἱατροῦ, Paris, Didot, 1863.

Врачи перипатетической школы.

Изъ врачей, вышедшихъ изъ школы Аристотеля, наиболѣе заслужи-
 ной извѣстностью пользуется

Геофрастъ или Turtamus изъ Egesos на о. Лесбосѣ (371—288 до Р. X.), собственно за краснорѣчіе и прозванный Аристотелемъ „The-
 phrastes.“ Онъ былъ преемникомъ послѣдняго въ лицѣ, который подѣ

его руководствомъ отличался особеннымъ блескомъ. Между 2000 ¹⁾ его учениковъ называютъ Деметрія Фалерея и Эразистрата. Онъ долгое время жилъ при дворѣ Кассандра ²⁾.

Изъ огромнаго числа его сочиненій, обнимавшихъ собой всѣ области тогдашняго человѣческаго знанія, до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ естественно-историческаго и физиологическаго содержанія. Сюда относятся:

- 1) *περὶ τῆς τῶν φυτῶν ἱστορίας*, de historia plantarum, 9 книгъ.
- 2) *περὶ τῶν φυτικῶν αἰτιῶν*, de causis plantarum, 6 книгъ.
- 3) *περὶ λίθων*, de gemmis et lapidibus, о камняхъ.

Затѣмъ нѣсколько мелкихъ физиологическихъ статей, между которыми для насъ имѣютъ интересъ: 4) *περὶ ὀσμῶν*—De odoribus, 5) *περὶ ἰδρώτων*—De sudoribus, 6) *περὶ ἰλίγγων*—De vertiginibus, 7) *περὶ χάπων*—De lassitudinibus, 8) *περὶ τῆς τῶν ἰχθύων ἐν ξηρῷ διαμονῆς*, De piscibus in sicco degentibus, 9) *περὶ αἰσθήσεως καὶ περὶ αἰσθητῶν*—De sensu et sensilibus. Медицинскіе отрывки Теофраста собраны Грунеромъ (Gruener, Bibliothek der alten Aerzte, II, 582—598); полное же собраніе его сочиненій съ латинскимъ переводомъ издано Wimmer'омъ (Opera omnia, ed. Wimmer, Paris, 1854—1866, 3 voll.) ³⁾.

Изъ приведеннаго перечня его сочиненій легко усмотрѣть, что онъ былъ однимъ изъ величайшихъ ученыхъ древности и ему-то перипатетическая школа болѣе всего обязана своимъ почетомъ. На основаніи книги *De gemmis et lapidibus*, въ которой между прочимъ онъ говоритъ и о ртути, его считаютъ первымъ минералогомъ. Точно также онъ считается первымъ фармакологомъ, хотя описалъ только 500 растений, отчасти по собственнымъ наблюденіямъ во время путешествій, отчасти по отчетамъ купцовъ, особенно иностранныхъ, при чемъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду ихъ медицинскія и физическія свойства. Въ особенноти замѣчательна его

Анатомія и физиологія растений, въ основу коихъ онъ положилъ сравнительный методъ изученія животныхъ и растений ⁴⁾. Такъ онъ принимаетъ свойственныя растеніямъ теплоту и основную влагу, а также жизненную силу, которая при содѣйствіи послѣднихъ, т. е. теплоты и влаги ⁵⁾, способствуетъ ихъ росту, далѣе соковыя сосуды,

¹⁾ Ср. Necker, l. c., I, 260. Другіе авторы говорятъ только о 200 ученикахъ.

²⁾ Diogenes Laërtius, l. V, Sect. 36.

³⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 57, 58, и Haeser, I, 224.

⁴⁾ Подобно Эмпедоклу онъ и для растений употребляетъ выраженія „зачатіе и рожденіе.“ De causis plantar., l. I, с. 14, а также „старость деревьевъ“ и т. п. Тамъ же, l. II, с. 16.

⁵⁾ Тамъ же, l. I, с. 1, с. 3, с. 23, с. 27.

которые онъ назвалъ φλῆβες ¹⁾, съ ихъ развѣтвленіями, и даже волосныя сосуды ²⁾, въ видѣ фиброзныхъ пучковъ (ῥῶν), служащихъ для всасыванія и проведенія питательныхъ соковъ въ листья, которые состоятъ изъ сосудовъ и пучковъ, образующихъ особую ткань на каждой ихъ поверхности, но не переходящихъ съ одной на другую ³⁾. Фиброзные пучки, согласно Теофрасту, проходятъ въ различныхъ направленіяхъ (въ березѣ и липѣ параллельно ⁴⁾, въ дубовой корѣ—въ видѣ переплетающейся сѣти) ⁵⁾ и проникаютъ даже въ цвѣты и плоды ⁶⁾. Далѣе онъ принимаетъ паренхиму (σάρξ), расположенную между фибрами и сосудами на всемъ протяженіи растеній, въ особенности плода ⁷⁾. Кромѣ того онъ подробно описываетъ необходимую для продолженія жизни кору, которую онъ раздѣляетъ на верхнюю (ἐπικόλλης) и нижнюю (κέρως) ⁸⁾, наконецъ мозгъ, находящійся въ стволѣ, вѣтвяхъ и корнѣ ⁹⁾, состоящій изъ паренхимы и влаги ¹⁰⁾ и составляющій по его мнѣнію настоящій жизненный органъ растеній, такъ какъ заключаетъ въ себѣ основную влагу, связанную съ врожденной теплотой и жизненнымъ началомъ, которыя, какъ сказано выше, и способствуютъ росту ¹¹⁾. Отъ мозга происходитъ плодъ и ядро его ¹²⁾. У Теофраста находимъ уже наблюденіе надъ двуплодостью растеній (Juniperum) ¹³⁾ и ихъ оплодотвореніемъ (напр. фигового дерева) ¹⁴⁾. Ему также было извѣстно, что махровыя цвѣты бесплодны ¹⁵⁾, что галусовыя орѣшки происходятъ отъ насѣкомыхъ ¹⁶⁾, равнымъ образомъ онъ зналъ нѣкоторыя лишайныя растенія (Lichen roscella) ¹⁷⁾. Уже онъ

¹⁾ Hist. plantar. l. I, с. 4.

²⁾ Ср. Sprengel, l. с. I, 539 и слѣд. по которому и приводимъ всѣ слѣдующія цитаты.

³⁾ Hist. plant. l. I, с. 16.

⁴⁾ Тамъ же, l. I, с. 8, l. V, с. 2.

⁵⁾ Тамъ же, l. V, с. 4.

⁶⁾ Тамъ же, l. I, с. 17.

⁷⁾ Тамъ же, l. I, с. 4, с. 17.

⁸⁾ Тамъ же, l. IV, с. 18.

⁹⁾ Тамъ же, l. I, с. 9.

¹⁰⁾ Тамъ же, l. I, с. 4.

¹¹⁾ De caus. plant., l. V, с. 24.

¹²⁾ Тамъ же l. III, с. 19.

¹³⁾ Hist. plant. l. III, с. 6.

¹⁴⁾ Тамъ же l. II, с. 9.

¹⁵⁾ Тамъ же l. I, с. 22.

¹⁶⁾ Тамъ же l. III, с. 8.

¹⁷⁾ Тамъ же l. IV с. 7.

высказывалъ мнѣніе, что одинъ родъ или видъ растеній можетъ превращаться въ другой ¹⁾. Точно также ему были известны и болѣзни растеній, изъ коихъ онъ описалъ ржавчину (*rubigo*, ἐρουσίβη), медовую росу (*ρoάς*), рожки (*μολής*), лишай (*ψώρα*), гангрену (*σφακελισμός*), ракъ (*κράθος*) ²⁾.

Что касается физиологiи человѣка, то онъ первый высказалъ положеніе, что свойства выдѣленій зависятъ отъ состава и смѣшенія элементовъ тѣла, и первый же изъ древнихъ обратилъ вниманіе на кожную перспирацію (*Pneuma*), которая происходитъ непрерывно, въ отличіе отъ пота, происходящаго отъ насильственныхъ причинъ и, подобно мочѣ, составляющаго настоящее изверженіе, выдѣляемое изъ мяса и сосудовъ, какъ продуктъ претворенія пищевыхъ веществъ въ видѣ негодныхъ соленыхъ частицъ, которыя и переходятъ въ потъ. Изъ мозга также происходитъ подобное выдѣленіе вредныхъ веществъ въ видѣ слизи и слюны, заключающихъ въ болѣзненномъ состояніи болѣе солей. Болѣзненные измѣненія пота по Т. происходятъ отъ расстройства физиологическихъ отравленій желудка, худосочія и испорченнаго смѣшенія. Нѣкоторые роды пищи и лекарствъ (напр. рута) придаютъ поту особенный запахъ. Накожные сыпи также происходятъ отъ отложенія негодныхъ веществъ въ кожѣ. На мѣстахъ, гдѣ нѣтъ кожной перспираціи, потъ получаетъ дурной запахъ, чего поэтому никогда не бываетъ на головѣ. О кровавомъ потѣ Теофрастъ слышалъ отъ врача Монаса, но лично его не наблюдалъ ³⁾.

Въ *De odoribus* Теофрастъ защищаетъ теорію матеріальной примѣси пахучихъ тѣлъ. Причиной запаха онъ считаетъ смѣсь сухости и влажности въ различныхъ пропорціяхъ. Сильнѣйшій запахъ уничтожаетъ способность обонянія для другихъ запаховъ. Теофрастъ училъ, что все тѣло можетъ проникаться пахучими веществами, которыя поэтому могутъ служить хорошо дѣйствующими лекарствами. Такъ отъ благовонныхъ припарокъ въ области желудка является отрыжка тѣмъ же запахомъ. Многія средства измѣняютъ запахъ мочи, напр. можжевелникъ. Тоже относится къ пахучимъ мазямъ, напр. розовой (*ρόδινης*), отъ втиранія которой въ голову проходитъ тяжесть головы. Пряности дѣйствуютъ не запахомъ, а стягивающимъ и горячительнымъ свойствомъ ⁴⁾.

¹⁾ *De causis plantarum*, l. V, c. 8. Такъ гулявникъ (*σιτόμβριον*) превращается въ мяту (*μίνθα*), а васильки (*Basilica*, ὄχιμον) въ тимьянъ (*Thymus*). Ср. Sprengel, I, 547.

²⁾ Ср. Sprengel. l. I, 537—547.

³⁾ *De sudoribus*, ed. Hanov. p. 231, 233 и слѣд. Ср. Hecker l. c. I, 263, 264.

⁴⁾ *De odoribus*, 181, ed. Hanov.

Обморокъ происходитъ отъ всякой причины, препятствующей дыханію, напр. вслѣдствіе отвлеченія или охлажденія теплоты въ частяхъ, назначенныхъ для дыханія ¹⁾. Головокруженіе происходитъ отъ порчи жизненнаго воздуха (Pneuma) или отъ нечистыхъ влагъ, испаряющихся, по ученію Аристотеля, отъ питья и пищи, что приводитъ въ волненіе и круженіе влаги мозга ²⁾. Параличъ есть слѣдствіе застоя жизненнаго воздуха (источника животной теплоты) и охлажденія черезъ то двигающихся частей. Такимъ образомъ параличъ онъ считалъ пневматическою болѣзнью ³⁾. Усталость происходитъ отъ порчи соковъ (σύντηξις) въ соствахъ и сухожиліяхъ, отъ утомленія и бодрствованія, а также отъ переполненія и приливовъ къ этимъ частямъ ⁴⁾.

Изъ другихъ послѣдователей перипатетической школы заслуживаютъ вниманія:

Стратонъ изъ Лампсака (280 до Р. Х.), начальникъ лицея въ теченіе 18 лѣтъ и учитель Птолемея Филопатора въ Александріи, за свои естественно-историческія познанія прозванный физикомъ. Онъ также писалъ о болѣзняхъ, объ отдѣльныхъ органахъ чувствъ, головокруженіи, Pneuma, о снѣ и сновидѣніяхъ, о природѣ чловѣка, произражденіи животныхъ, половомъ сообщеніи, голодѣ и ростѣ. Его преемникомъ въ лицѣ былъ

Ликонъ изъ Троас, за свою многосторонность также прозванный физикомъ, но своею непристойною жизнію при дворѣ Птолемеевъ способствовавшій упадку школы. Далѣе къ перипатетикамъ относятся:

Eudemus изъ Родоса (260 до Р. Х.), Менон, авторъ συναγωγή ἱατρική, Clearchos, авторъ περὶ σκελετῶν, Primigenes изъ Митилены и въ особенности Каллисѣенъ, извѣстный своею трагической смертью († 326 до Р. Х.). Онъ изслѣдовалъ строеніе глаза и написалъ также сочиненія объ анатоміи и о ботаникѣ ⁵⁾.

Александрійская школа.

Походы Александра Македонскаго послужили могущественнымъ рычагомъ для древней культуры и при содѣйствіи Аристотеля вызвали къ

¹⁾ De anim. defectis, 292.

²⁾ De vertigin. 257.

³⁾ De nervorum resolutione, 291.

⁴⁾ De lassitud., 276. Ср. Hecker l. c. 265—267.

⁵⁾ Ср. выше стр. 32, а также Hecker, l. c., I, 268, 269 и Haeser, l. c. I, 224.

жизни то, что называется греческой наукой, для расцвѣта которой художественная Греція повидимому представляла несомнѣмъ удобную почву ¹⁾. Послѣ смерти Александра Великаго (323 до Р. Х.) и распаденія македонскаго государства на отдѣльныя мелкія, нѣкоторыя изъ послѣднихъ, какъ государства Атталидовъ въ Пергамѣ, Селевкидовъ въ Сиріи и Птолемеевъ въ Египтѣ, сдѣлались очагами высшей культуры. Въ особенности дѣятельное умственное движеніе обнаружилось въ Александріи, которая своимъ 800000-нымъ смѣшаннымъ населеніемъ, среди котораго нашли убѣжище богохульники изъ малой Азіи, аѳинскіе атеисты, вѣрующіе съ береговъ Ганга и монотеисты-евреи (коихъ во время Августа считалось во всемъ Египтѣ до милліона) ²⁾,—а также своимъ положеніемъ между Азіей, Африкой, аравійскимъ заливомъ и средиземнымъ моремъ, имѣла всѣ качества для того, чтобы сдѣлаться столицей всемірной торговли и новой нравственной и умственной жизни. Изъ трехъ первыхъ

¹⁾ Hellwald (Kulturgeschichte, 3 Aufl. 1883, I, 349) старается доказывать, что такъ наз. греческая наука въ сущности есть египетская, ибо александрійскіе греки должны были почерпать свои познанія изъ источниковъ мудрости египетскихъ жрецовъ. Но нынѣ всѣ согласны въ томъ, что покрайней мѣрѣ медицина ничѣмъ не обязана египетской мудрости и что Египетъ, подъ могущественнымъ скипетромъ преемниковъ Александра, представлялъ только болѣе удобную почву для развитія наукъ, чѣмъ разъединенная и ослабленная Греція. Ср. D a g e m b e r g, Histoire des sciences médicales I, 150.

²⁾ М о м з е н ъ, Римская исторія, перев. Невѣдомскаго, Москва, 1885, V, 479.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что основателемъ Александрійской школы въ философіи считается іудейскій мыслитель Ф и л о н ъ (Philo alexandrinus, род. около 30 до Р. Х.), въ лицѣ котораго выразилось сочетаніе греческой философіи и образованія съ восточнымъ міросозерцаніемъ, въ особенности платонизма съ іудействомъ. Ученіе Филона было направлено къ оправданію библейскаго ученія и къ показанію его гармоніи съ идеями лучшихъ умственныхъ произведеній языческой древности,—внутренней связи между Моисеевымъ ученіемъ съ идеями Платона и др. Оттого онъ часто прибѣгаетъ къ аллегорическому толкованію текста ветхозавѣтныхъ книгъ и былъ отдаленнымъ предшественникомъ неоплатонизма. Органомъ высшаго познанія по его мнѣнію служитъ экстазъ, созерцаніе или вѣра (πιστις), а совершенство нравственной жизни заключается для него въ подавленіи тѣлесныхъ силъ и пренебреженіи къ внѣшнимъ потребностямъ жизни,—понятія, сходныя съ христіанскимъ ученіемъ. Онъ оставилъ сочиненія на греческомъ языкѣ, переведенныя потомъ на латинскій и появившіяся во многихъ изданіяхъ. Сюда относятся: De mundi opificio, De profugis, De incorruptibilitate mundi, De virtute ejusque partibus, De Cophini festo, De colendis parentibus, De virtutibus sive de legatione ad Cajum (ed. Mangey, Lond. 1742, voll. 2), изъ коихъ послѣднее написано имъ въ качествѣ посла къ Калигулѣ о подтвержденіи правъ іудеевъ. Ср. Г о г о ц к і й, Философскій Словарь, IV, вып. 2, 70 и слѣд. Что касается м е д и ц и н с к о й александрійской школы, то она, какъ указано выше, своимъ процвѣтаніемъ обязана исключительно вліянію Аристотеля.

египетских царей этой эпохи, вышедших из Македоніи, Птоломей Лагусъ или Сотеръ (321 до Р. X.), бывший для Александріи тѣмъ же, чѣмъ былъ Периклъ для Афинъ, основалъ музей (университетъ), помѣщавшійся въ восточной части города (Bruchium), и коллегію, известную подъ именемъ Serapeion, при храмѣ Сераписа, въ западной части города (Rhakotis), и при нихъ обширныя ботаническія сады, звѣринцы (зоологическія сады), обсерваторіи съ астролябіями, глобусами и телескопами, а также анатомическую школу, снабженную всѣми пособіями для вскрытій человѣческихъ труповъ, наконецъ самое колоссальное въ древности собраніе книгъ ¹⁾. Все это привлекало тысячи ученыхъ и изслѣдователей всякаго рода, находившихъ здѣсь средства для культивированія наукъ. Изъ этихъ дѣятелей вышли математики, въ родѣ Евклида, творца математики и современника Герофила, а также Архимеда и Аполлонія изъ Пергама, астрономы, какъ Птоломей Лагусъ, Гиппархъ и Аристархъ, и физики, какъ Геронъ (100 до Р. X.) и Филонъ ²⁾.

Отрывки изъ „*πνευματικά*“ Филона въ переводѣ съ латинскаго на арабскій и *Катоптрики* Герона находятся у V. Rose, *Anecdota graeca et graeco-latina*. Berol. 1870, Heft II, 281 и слѣд. Ср. Haeser I. c. I. 232.

Въ музеѣ бібліотека еще при Пт. Филадельфѣ состояла изъ 40000 свитковъ, а когда, при нападении Цезаря на Александрію, она сгорѣла (47 до Р. X.), то на мѣсто ея по распоряженію Антонина въ Александрію была перевезена Пергамская бібліотека, состоявшая изъ 200000 свитковъ, но и эта отчасти была истреблена пожаромъ (390 по Р. X.), отчасти эмиромъ Амру (632 по Р. X.), при взятіи послѣднимъ Александрію.

Другая бібліотека, находившаяся въ Серапеумѣ и состоявшая изъ 300000 свитковъ, была уничтожена христіанами (398 по Р. X.). Въ числѣ погибшихъ сочиненій для насъ имѣетъ значеніе утрата историческаго труда грамматика Гермиппа изъ Смирны, ученика Каллимаха, при Пт. Филадельфѣ. Онъ писалъ о знаменитыхъ людяхъ, напр. Пизагорѣ, Аристотелѣ, Теофрастѣ и въ особенномъ сочиненіи *περὶ εὐδότητων ἰατρῶν* о знаменитыхъ врачахъ ³⁾.

Сынъ Птолемея I, Пт. Филадельфъ (288—246) и внукъ его Эвергетъ (246—221) оказывали наукамъ такое же покровительство. Нельзя отрицать, что въ этомъ центрѣ, куда стекались всѣ народы, греческая цивилизація много потеряла въ своей силѣ и оригинальности. Рядомъ съ несомнѣнными великими открытіями въ этой греческой колоніи наука мало-по-малу, съ одной стороны, заразилась меркантильнымъ духомъ,

¹⁾ Hellwald, I. c. 399 и Haeser, I, 231.

²⁾ Тамъ же 232 и Hellwald, I, 400.

³⁾ Ср. Haeser, I, 231.

любовью къ стяжанію и шарлатанизмомъ, съ другой—впала въ педантизмъ и свойственныя востоку діалектическія тонкости. За этимъ внутреннимъ упадкомъ недолго заставилъ себя ожидать и упадокъ внѣшній. При Птоломеевѣ Фисконѣ (171—161) многіе ученые были изгнаны, слѣдствиемъ чего было перенесеніе греческаго образованія въ Римъ и другія мѣста; къ тому же множество изъ памятниковъ греческой цивилизаціи погибло еще въ древности, въ особенности отъ пожаровъ. Но въ своемъ цвѣтущемъ періодѣ энциклопедическая александрійская школа, пока оставалась вѣрна научному преданію учителей, производила множество отличныхъ писателей, поэтовъ, критиковъ и ученыхъ, сдѣлавшихъ великія открытія въ различныхъ областяхъ знанія, какъ въ математикѣ, физикѣ, механикѣ, астрономіи, космографіи, грамматикѣ, философіи и т. д. Эпоха эта замѣчательна не столько гениальнымъ полетомъ человѣческаго духа, свойственнымъ юношескому возрасту человѣчества, сколько тщательнымъ собираніемъ и сортировкой добытыхъ до сихъ поръ данныхъ и упорядоченіемъ, сравненіемъ и осмысленіемъ накопленнаго до сихъ поръ матеріала. Александрійская школа сохранила свое значеніе и ея вліяніе на позднѣйшее развитіе культуры продолжалось и послѣ завоеванія страны римлянами ¹⁾.

Не послѣднее мѣсто въ числѣ разработанныхъ въ Александріи наукъ занимала медицина, всѣ отрасли которой въ александрійскомъ періодѣ были значительно расширены и подвинуты впередъ. Во все продолженіе александрійскаго періода имя Гиппократъ служило знаменемъ не столько личной, сколько общей доктрины, а именно догматизма,—знаменемъ, вокругъ котораго происходила самая ожесточенная полемика разныхъ медицинскихъ сектъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ періодѣ замѣтно сказывается вліяніе аристотелевскаго реализма, а также скептицизмъ внидской школы.

Самыми крупными представителями александрійской школы были: Герофилъ и Эразистратъ, основатели человѣческой анатоміи, чему въ большой степени способствовали древній египетскій обычай бальзамированія труповъ, а также дозволеніе Птоломееми врачамъ производить живосѣченія на преступникахъ, причемъ, согласно Цельзу, прежде всего вскрывалась брюшная полость, затѣмъ грудобрюшная преграда (послѣ чего тотчасъ наступала смерть), наконецъ уже грудная полость ²⁾.

¹⁾ Ср. Hellwald, Kulturgeschichte, 3 Aufl. I, 349—402.

²⁾ Ср. Celsus, De medicina, Proemium (ed. Haller.).

Herophilus изъ Халкедоніи въ Виоиніи (300 до Р. Хр.), ученикъ Праксагора косскаго и Хризиппа, считается первымъ грекомъ, вскрывавшимъ человѣческіе трупы, и основателемъ анатоміи, сохранившей и поныгѣ нѣкоторыя замысловатыя названія, данныя имъ извѣстнымъ частямъ мозга.

Сочиненія Герофила: 1) *Ἀνατομικά*, въ нѣсколькихъ книгахъ. 2) *περὶ ὀφθαλμῶν* (у Aëtius'a, II. 3. 46). 3) *περὶ σφυγμῶν πραγματείας*. 4) *περὶ αἰτιῶν*, гдѣ неизлечимость вывиховъ бедра Герофиль объясняетъ разрывомъ круглой связки. 5) *πρὸς τὰς κοινὰς δόξας*. Противъ обыкновенныхъ предразсудковъ. 6) *Τὸ μαιωτικόν*—книга для повивальныхъ бабокъ. (У Сорануса въ De morbis mulierum). 7) De curationibus у Ц. Аврелиана (Chronic I. II, с. 13) и наконецъ 8) сочиненіе о *δίαιτικῶν* у Секста Эмпирика (advers ethicos, 50). Кромѣ того онъ оставилъ комментаріи къ *Прогностикѣ* и *Афоризмамъ* Гиппократа. О Герофиль и его ученіяхъ писали обширные трактаты Zeuxis, Apollonius Mus, Гераклидъ изъ Эритреи и Аристоксенъ ¹⁾.

Жизнь, по мнѣнію Герофила, управляется четырьмя силами: питающей, согрѣвающей, мыслящей и чувствующей, орудіями коихъ служатъ печень, сердце, мозгъ и нервы. Онъ въ особенности изслѣдовалъ нервныя центры и ихъ развѣтвленія, зналъ нервы, хотя вмѣстѣ съ Аристотелемъ и называлъ ихъ еще „*πόροι*.“ Онъ признавалъ за ними способность ощущенія и дѣлилъ ихъ на а) подчиненныя волѣ и б) „идущіе отъ кости до кости и отъ мускула до мускула,“ волѣ не подвластныя (смѣшеніе со связками и сухожиліями) ²⁾, причемъ признавалъ происхожденіе тѣхъ и другихъ отъ мозга. Въ послѣднемъ онъ описалъ мозговья оболочки, Plexus chorioidei, Sinus venosi и открылъ носящій его имя Torcular Herophilii (ληνός, σωλήν), а также желудочки, въ особенности четвертый, который считалъ мѣстопребываніемъ души и въ которомъ описалъ calamus scriptorius ³⁾. Въ глазу онъ описалъ стекловидное тѣло, Uvea и сѣтчатку (ἀμφιβλεστροειδής) ⁴⁾, въ кишечномъ каналѣ—двѣнадцати-перстную кишку (δωδεκαδάκτυλον), которой онъ впервые далъ это названіе ⁵⁾. Изъ сосудовъ онъ зналъ легочную

¹⁾ Ср. Haeser, I. с. 235.

²⁾ Rufus, de appellat. part. I. II. Ср. Hecker, I, 297.

³⁾ Galen, De usu part., I. VIII, с. 11. de administr. anatom. I. IX, с. 5.

⁴⁾ Rufus, I. с. I. I, Ср. Hecker, I, 298. Celsus, de medicina, I. VII, с. 7.

⁵⁾ Galen, de administr. anat., I. VI, de loc. affect. lib. VI. Ср. Sprengel I. I, 565, 566.

карствъ. Тѣмъ не менѣе онъ нерѣдко слѣдовалъ Гипократу, придавалъ большое значеніе діетѣ, но рѣже прибѣгалъ къ кровопусканію, при кровотеченияхъ же самымъ главнымъ средствомъ служили у него перевязываніе конечностей ¹⁾ и поваренная соль внутрь.

Съ такимъ же рвеніемъ онъ занимался хирургіей, въ особенности леченіемъ язвъ. Въ области акушерства онъ зналъ измѣненія port. vag. матки и принималъ, что тяжелые роды происходятъ отъ поперечныхъ положеній, неполнаго вскрытія маточнаго устья, цѣлости слишкомъ толстыхъ оболочекъ яйца, вялости матки, смерти младенца, кровотеченій, опухолей, присутствія язвы во внутренностяхъ, накопленіи жира въ Eri-gastrium и поясницѣ, наконецъ отъ неправильнаго (рахитическаго) таза ²⁾.

Школа Герофила (300 до Р. Х.—50 по Р. Х.) получила значеніе только послѣ его смерти. Изъ этой школы, какъ анатомъ, отличался

Eudemus (290 до Р. Х.), разрабатывавшій вмѣстѣ съ Герофиломъ ученіе о мозгѣ, нервахъ ³⁾, а также о желѣзахъ, въ особенности поджелудочной ⁴⁾, о женскихъ половыхъ органахъ, между прочимъ имъ впервые описаны Фаллопиевы трубы и Fimbriae ⁵⁾. Особенной извѣстностью пользовалось его описаніе костей ⁶⁾. Къ непосредственнымъ ученикамъ Герофила относятся также Kallimachus, его родственникъ, комментаторъ Гипократа, и Kallianax (270 до Р. Х.), который извѣстенъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ больными и какъ первый, получившій названіе „Герофилейца“ ⁷⁾.

Послѣ Евдема анатомическое направленіе совершенно исчезло изъ этой школы и на его мѣсто выступило особое пристрастіе къ доктринерству и фармакологіи, которая достигла здѣсь значительнаго развитія, причѣмъ въ употребленіе вошли многочисленные и сложные составы. Кромѣ того въ этой школѣ часто объясняли и критиковали Гипократа. Въ началѣ нашего лѣточисленія, послѣ изгнанія ученыхъ изъ Александріи Птоломеемъ Фискономъ, школа эта была перенесена во Фригію близъ Лаодикеи въ Сиріи и въ царствованіе Нерона закрылась. Изъ послѣдователей этой школы однако выдаются:

¹⁾ Caelius Aurelianus, *Chron.*, I, II, c. 13.

²⁾ Ср. Pinoff, „Herophilus, ein Beitrag zur Geschichte der Geburtshilfe,“ въ „Janus“ Henschel'я B. II, 749 и слѣд., Breslau 1847.

³⁾ Galen, De locis affect. lib. III c. 14; de uteri dissect. c. 3.

⁴⁾ Galen, De semine, I, II, c. 6.

⁵⁾ Πλεχτάνα (ножки Sepiae), Galen, De uteri dissect., c. 3. Ср. Hecker, I, 304.

⁶⁾ Galen, De genitura, I, II, c. 6.

⁷⁾ Galen, Comment. IV in Epid. VI, Ср. Hecker, I, 309. Daremberg, I, 161, 165.

Деметрій изъ **Апамеи** (276 до Р. X.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ акушеровъ этого періода. Его „*σημειώων*“, упоминаемое Сораномъ, содержало превосходное дѣленіе кровоточенія на 4 класса: кровоточеніе отъ пропотѣванія крови сквозь неповрежденные стѣнки сосудовъ, кровоточеніе черезъ „анастомозы“, разрывъ и гніеніе сосудовъ ¹⁾. Онъ впервые описалъ *Satyriasis* и *Priapismus* ²⁾ и далъ сахарному мочеизнуренію употребительное и понынѣ названіе *Diabetes* ³⁾.

Vacchius изъ Танагры (264 д. Р. X.), одинъ изъ древнѣйшихъ истолкователей и исправителей весьма испорченнаго текста Гипократическихъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—ревностный ученикъ Герофила и по Геккеру, первый, возмѣвшій мысль о пропотѣваніи крови (*sudatio*) при кровоточеніяхъ ⁴⁾.

Mantias (250 до Р. X.) написалъ сочиненія о повязкахъ и о лекарствахъ (*φάρμακωπώλης*), изъ коихъ послѣднее ставилось наряду съ таковымъ же сочиненіемъ Діоскорида ⁵⁾.

Chrysermus (230 до Р. X.) приписывалъ пульсъ дѣятельности однихъ артерій, безъ всякаго участія со стороны сердца ⁶⁾.

Андрей изъ **Каристы** (210 до Р. X.) писалъ о *Materia medica* и домашней аптекѣ (*Νάρθηξ*) ⁷⁾, причеиъ указывалъ на фальсификацію опиума, входившаго въ его *Malagma* изъ 23 средствъ ⁸⁾. Онъ лечилъ *Neuralg. frontalis* прижатіемъ нерва, изобрѣлъ машину для вправленія вывиховъ бедра ⁹⁾, оставилъ также сочиненія объ ошибкахъ врачей (*περὶ τῶν ψευδῶς πεπιτευμένων*) и объ укушеніи ядовитыхъ животныхъ (*περὶ Δακτύων*) ¹⁰⁾ и первый далъ водобоязни названіе собачьяго бѣшенства (*κυνολύσσοσ*), равнымъ образомъ описалъ особую нервную болѣзнь *Pantophobia* ¹¹⁾.

Гераклидъ изъ Эритрей (230 до Р. X.), ученикъ Хризерма, писалъ о пульсѣ, а также о „знакахъ“ въ *Epidem.* Гипократа ¹²⁾.

¹⁾ Cael. Aurel. *Chron.* I. II, с. 10—13.

²⁾ Тамъ же, I. V, с. 9. *Acut.*, I. III, с. 18.

³⁾ Cael. Aurel. *Chron.* I. III, с. 8, р. 470.

⁴⁾ Ср. Hecker, I, 309.

⁵⁾ Galen, de compos. med. per gen. I. II, с. 5. Ср. Hecker, I. с. I, 306.

⁶⁾ Plinius, *Hist. natur.* I. XXII, с. 22.

⁷⁾ Schol. in Nicandr. *Theriac.* Hecker, I, 310. Sprengel, I. с. I, 593.

⁸⁾ Celsus, *De medicina*, I. V, praef.

⁹⁾ Тамъ же, I. VIII, с. 21, 10.

¹⁰⁾ Athenaeus, VII, Ср. Hecker, I. с. 311.

¹¹⁾ Cael. Aurel., *Acut.* I. III, с. 9, 12.

¹²⁾ Galen, com. I in *Epidem.* III. Ср. Littré, I, 91. См. вып. II, Приб. р. 26.

Зенонъ изъ Лаодокей (210 до Р. X.), комментаторъ Гиппократъ, также писалъ о „знакахъ“ въ Epidem. Гиппократъ и считалъ сердце при-даткомъ артерій, а пульсъ объяснялъ сокращеніемъ и растяженіемъ артерій ¹⁾.

Къ другой школѣ Герофила, основанной въ Лаодикеѣ во времена Августа и Страбона однимъ изъ его послѣдователей и комментаторомъ Гиппократъ Zeuxis'омъ (около 50 л. до Р. X.), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ эмпирикомъ того же имени, относятся:

Agatharchides (170 до Р. X.), впервые описалъ нитчатку (*Filaria medinensis*) ²⁾.

Dioskorides Phakas („пятнистый“, 40 до Р. X.), лейбъ-медикъ Клеопатры, написалъ 24 книги о медицинѣ ³⁾, а также сочиненіе о чумѣ (Rufus).

Alexander (20 по Р. X.) и Demosthenes Philalethes (30 по Р. X.) котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ таковымъ же позднѣйшимъ врачомъ изъ Марсели, писали о пульсѣ. Послѣдній изъ нихъ былъ вмѣстѣ знаменитѣйшимъ офтальмологомъ древности ⁴⁾, сочиненіе котораго о болѣзняхъ глазъ существовало еще въ XIII столѣтіи. Ему же приписываютъ знаменитое сочиненіе о дѣтскихъ болѣзняхъ. Далѣе сюда принадлежатъ Aristotlexenes (30 или 79 по Р. X.), писавшій о пульсѣ и лекарствахъ ⁵⁾, Gajus, окулистъ изъ Неаполя (Галень), считавшій водобоязнь болѣзнію мозга ⁶⁾, Apollonius Mys, авторъ сочиненія περί ἀρέσεως въ 3 частяхъ, гдѣ между прочимъ писалъ о плевритѣ ⁷⁾, наконецъ Apollonius Ther, комментаторъ Гиппократъ и изобрѣтатель повязки съ отверстіемъ для шеи ⁸⁾.

Эразистратъ († 280 Р. X.) родился на о. Keos, въ городѣ Iulis, счастливой родиной лирическихъ поэтовъ Симонида и Бакхалида и перипатетическаго философа Аристонъ. Онъ былъ ученикомъ Метродора и слѣдовательно вышелъ изъ книдской школы Хризиппа, а Теофрастомъ посвященъ въ ученіе Аристотеля, которому приходился родственникомъ (Плиніи). Онъ жилъ долгое время при дворѣ сирийскаго царя Селевка

¹⁾ Galen, De differ. puls. I. IV, с. 8.

²⁾ Ср. Vaas, I. с. 93.

³⁾ Suidas, voce Dioskorides и Fabricius, Bibl. graeca, IV.

⁴⁾ Galen, I. с., с. 5 Oribas., Synops., I. VIII, с. 40, Aëtius, Tetrabil. II, serm. III, с. 12. Ср. Sprengel, I, 596.

⁵⁾ Galen, I. с., с. 7.

⁶⁾ Cael. Aurel., Acut., I. III, с. 14.

⁷⁾ Тамъ же, I. II, с. 13.

⁸⁾ Galen, de fasc. Ср. Sprengel, I. с. 598.

Никатора (312—218) въ Антиохіи. Чудесное излеченіе Антиоха, сына послѣдняго, причину болѣзни коего—безнадежную любовь къ матихѣ Стратоникѣ—онъ искусно угадалъ и сумѣлъ устранить, побудивъ Селевка уступить ее сыну,—это „чудесное излеченіе“ скоро разрослось въ цѣлую легенду, сильно напоминающую таковую же въ жизни Гиппократѣ и доставившую ему такую же славу опытнаго врача ¹⁾. Уже на склонѣ своихъ лѣтъ онъ отказался отъ практики и предался теоріи и анатомическимъ изысканіямъ ²⁾, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе патологической анатоміи. Подобно Герофилу и онъ дѣлалъ многочисленныя тѣловскрѣтїя, нерѣдко въ присутствіи царя и двора, а также живосѣченїя на преступникахъ. Онъ наблюдалъ млечныя сосуды, въ особенности брыжжейки у козъ, приносимыхъ въ жертву немного спустя послѣ корма, причемъ принималъ, что сосуды эти только въ извѣстное время содержатъ млечный сокъ, обыкновенно же заключаютъ воздухъ, почему называлъ ихъ также „артеріями“ ³⁾.

Онъ былъ хорошо знакомъ съ топографіей нервныхъ центровъ и строеніемъ мозга, его желудочковъ и извилинъ (преимущественно по изслѣдованіямъ на животныхъ), причемъ сознавалъ значеніе послѣднихъ для умственныхъ способностей. Мѣстопробываніе души онъ полагалъ въ мозговой оболочкѣ или въ мозжечкѣ. Кромѣ того онъ обнаруживалъ близкое знакомство съ началами и развѣтвленіями нервовъ и различалъ уже двигательныя нервы, происходящїе, по его мнѣнію, отъ мозговыхъ оболочекъ, и чувствительныя (въ томъ числѣ и нервы органовъ чувствъ)—изъ вещества самаго мозга; впрочемъ нерѣдко смѣшивалъ еще нервы съ сухожиліями ⁴⁾.

Подробно изучивъ сердце, онъ такъ хорошо описалъ сухожильныя нити (*ὀρέων ἐπὶ φάσεις*), что Галену ничего не осталось прибавить къ его описанію ⁵⁾. Точно также онъ первый открылъ заслонки въ его отверстїяхъ, отгадалъ ихъ отправленїя и описалъ ихъ терминами, употребительными и понынѣ (такъ заслонку полой вены онъ называлъ *valvula triglochuna*) ⁶⁾. Ему быть можетъ удалось бы открыть механизмъ движенїя сердца и большаго кровообращенїя ⁷⁾, еслибъ онъ не раздѣлялъ общаго

¹⁾ Plutarch, Vita Demetrii, Plin. Hist. natur., l. XXIX, c. 1. Ср. Necker, I, 271—273.

²⁾ Galen, De venaesect. adv. Erasistr. вначалѣ, De dogmat. Hipp. et Plat. l. VII c. 3.

³⁾ Galen, De administr. anat., l. VII, c. 16.

⁴⁾ De dogm. Hipp. et Plat. l. VII c. 3, l. VI, c. 6.

⁵⁾ Galen, De usu part., c. 5.

⁶⁾ Galen, De dogmatis Hipp. et Plat., l. VI, c. 6.

⁷⁾ По словамъ д-ра Gordon'a, изучавшаго китайскую литературу, кровообращеніе было извѣстно китайцамъ 2000 л. тому назадъ („The Med. Press.“ 8 іюля „Врачъ“ 25 іюля 1885 г., № 30).

его времени заблужденія, что кровь заключается только въ венахъ, въ артеріяхъ же обращается одинъ воздухъ (Pneuma), вдыхаемый черезъ легкія и проникающій въ сердце изъ лѣваго желудочка, изъ котораго онъ распространяется черезъ артеріи по всему тѣлу ¹⁾. Появленіе кровотеченій при раненіяхъ артерій онъ объяснялъ тѣмъ, что при этомъ сначала со свистомъ выходитъ Pneuma и, дабы не образовалось пустое пространство, оно тотчасъ же замѣщается кровью изъ сосѣднихъ венъ, сообщающихся съ артеріями посредствомъ особыхъ анастомозовъ ²⁾. Отсюда принадлежащее собственно ему ученіе о „synanastomoses“ или соединительныхъ вѣтвяхъ между артеріями и венами, которыя въ нормальномъ состояніи закрыты и открываются только при состояніяхъ патологическихъ, куда онъ относитъ лихорадки и поврежденія артерій. Это ученіе играетъ у него важную роль при объясненіяхъ многихъ болѣзней ³⁾.

Дыханіе есть вхожденіе воздуха (Pneuma) въ легкія и легочныя вены, а оттуда въ сердце и артеріи. Это Pneuma въ сердцѣ есть жизненный воздухъ (*πνεῦμα ζωτικόν*), а въ мозгу—воздухообразная субстанція души (*πνεῦμα ψυχικόν*) ⁴⁾. Пульсъ происходитъ отъ удара Pneuma въ стѣнки артерій и есть пассивный актъ ⁵⁾. Эрастратъ далъ названіе „трахеѣ“ ⁶⁾ и первый отвергнулъ ученіе о прониканіи питья въ легкія, доказавъ, что этому мѣшаетъ Epiglottis ⁷⁾. Голодь происходитъ отъ пустоты желудка, почему скиѳы прогоняли его бинтованіемъ живота ⁸⁾.

Пищевареніе онъ объяснялъ механическимъ треніемъ желудочныхъ стѣнокъ и воздѣйствіемъ на пищу одновременно съ ней проникающаго Pneuma. Питаніе по его мнѣнію происходитъ отъ налаживанія новыхъ частицъ изъ тончайшихъ составныхъ частей крови, изливающихся въ промежутки между артеріями и венами, которымъ онъ далъ названіе паренхимы (*παρέγχυμα*, особенно въ печени) и въ коихъ кровь створаживается и идетъ на образованіе тканей ⁹⁾. Отдѣленія по его мнѣнію не происходятъ отъ притягательной силы; желчный пузырь, селезенка и другія внутренности—безполезные органы ¹⁰⁾.

Galēn, De usu resp. c. 1. An sanguis etc. c. 2 и De dogm. Hipp. et Plat. l. c.

²⁾ Тамъ же, l. I, c. 6. Caelius Aurelianus, *Chronic.* l. II, c. 10.

³⁾ Galēn, De venaesect. adv. Erasistr. c. 8. Ср. ниже Этиологію Эрастрата.

⁴⁾ Galēn, De dogmatis Hipp. et Platon., lib. II, c. 8.

Galēn, De differentiis puls. l. IV, c. 2.

⁵⁾ Plutarch, Sympos. l. VII, c. 1.

⁷⁾ Gellius, Noct. Attic., l. XVII, c. 11.

⁸⁾ Тамъ же, l. XVI, c. 3.

Galēn, De medicina, Praelexio, Galēn, De natural. facult. l. II, c. 9. Comment. I in libr. Hipp. De natur. human. в началѣ,

¹⁰⁾ Galēn, De natural. facult. l. III c. 11. Ср. Hipp. *Craspedion* I, 576, 579.

Немало вниманія Эразистратъ обращалъ на *патологическую анатомию*, съ каковою цѣлью производилъ повидимому патолого-анатомическія вскрытія. Такъ у одержимыхъ водянкой онъ находилъ печень „твердой какъ камень (*in aperitionibus enim saxeam semper inveniri confirmat*)“ ¹⁾ и въ числѣ исходовъ плевритическаго эксудата упоминаетъ также объ изліяніи въ сердце (сердечную сумку?) ²⁾. При отравленіи отъ укушенія змѣей онъ находилъ „порчу“ печени и толстыхъ кишекъ ³⁾.

Въ области *этиологии* Эразистратъ, въ противоположность Герофилу, имѣлъ не особенно высокое мнѣніе о Гиппократѣ, но сходилъ съ нимъ въ объясненіи ближайшихъ причинъ болѣзней. Отвергая гуморальную патологию догматиковъ, онъ однако принималъ, что болѣзни происходятъ отъ нарушенія равновѣсія между кровью и Рнеума или отъ блужданія и захожденія ихъ въ несвойственныя имъ мѣста (*παρέμπτosis, ergo loci*) ⁴⁾. Самыми главными причинами болѣзней онъ считалъ излишество въ пищѣ, несвареніе и „порчу“ ея (*πλήθος, ἀπεψία, φθορά*) ⁵⁾. Выраженіе *Plethora* (*πλήθος*) впервые употреблено Эразистратомъ и обозначало у него одновременно излишество въ пищѣ и переполненіе венъ ⁶⁾. Отъ этого послѣдняго, главнымъ образомъ, и происходятъ по его мнѣнію лихорадка и воспаленія: лихорадка—отъ вхожденія крови изъ венъ черезъ синанастомозы въ большія артеріи—есть только симптомъ (*επιγύνημα*) воспаленія; воспаленія же, составляющія самую частую форму болѣзней, происходятъ отъ сильнаго воспламененія *Pneumatis* при захожденіи крови въ окончанія или мелкія артеріи ⁷⁾. Воспаленіе легкихъ поэтому имѣетъ мѣсто въ легочныхъ артеріяхъ, а воспаленія плевры происходятъ отъ захожденія крови въ артеріи плевры ⁸⁾. Параличъ происходитъ влѣдствіе уклоненія отъ своего мѣста влаги, питающей двигательные нервы, а именно отъ захожденія ея въ полые каналы нервовъ ⁹⁾.

¹⁾ Celsus, De medicina. l. III, c. 21; Caelius Aurelianus, *Chronic.*, l. III, c. 8.

²⁾ Тамъ же, l. V, c. 10.

³⁾ Dioscorides, *περί ἰσθμῶν*, c. 15.

⁴⁾ Galen, De venaesect. adv. Eras. c. 2. Plutarch. Phys. philos. decret. l. V, c. 29.

⁵⁾ Plutarch, De placit. philos., l. V, c. 30.

⁶⁾ Celsus, De medicina, Proemium.

⁷⁾ Galen, De venaesect. adv. Erasistr. c. 1. вначалѣ и с. 3; Plutarch, Phys. philosoph. decret. l. V, c. 29.

⁸⁾ Caelius Aurelianus, *Acut.* l. II, c. 16.

⁹⁾ Galen, De atra bile, Cp. Sprengel, I, 581.

Сущность учения Эразистрата сводится, согласно Daremberg'у, къ слѣдующему: въ элементарномъ составѣ тѣла онъ вездѣ видитъ только сплетенія плотныхъ тканей—нервовъ, венъ, артерій. Кровь есть только пища, Рнеиша—вспомогательный агентъ при физиологическихъ процессахъ. Мускулы, мозговое вещество, печень, селезенка суть лишь паренхимы, т. е. створоженія экстравазатовъ пищи, подобно жиру. Что касается желчи и слизи, то онѣ, подобно мочѣ, не больше какъ выдѣленія. Влаги, въ особенности кровь, причиняютъ болѣзни не въ силу ихъ измѣненій, а засореніемъ просвѣта каналовъ, въ которые онѣ по ошибкѣ попадаютъ ¹⁾. Въ извѣстномъ смыслѣ, слѣдовательно, ученіе Эразистрата подготовило почву для методизма Аскленіада.

Леченіе у Эразистрата направлено главнымъ образомъ противъ Ретора и основано на строгой діетѣ и тщательномъ приготовленіи пищи, упражненіяхъ, обмываніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ прибѣгалъ къ растительнымъ лекарствамъ и вѣрилъ въ дѣйствительность минимальныхъ дозъ (напр. въ пользу отъ прибавленія 3 капель вина къ питью при желчномъ и натужномъ поносѣ), слѣдовательно былъ въ этомъ отношеніи предшественникомъ Ганнемана ²⁾. Что же касается кровопусканій и слабительныхъ, то онъ ихъ отвергалъ и вмѣсто нихъ употреблялъ голоданіе, ванны, клистиры, рвотныя, втиранія, кровососныя банки, умѣренный образъ жизни, а при кровотеченіяхъ—перевязываніе конечностей, чтобы посредствомъ прижатія сдвливать „раскрытые синанастомозы.“ Но чтобы быть послѣдовательнымъ, такъ какъ его главное показаніе состояло въ противодѣйствіи плеторѣ, онъ называетъ послѣднюю также „переполненіемъ пищевыми веществами“ (τροφεῖς πληθρος) ³⁾. Тѣмъ не менѣе онъ прибѣгалъ и къ смѣлымъ способамъ леченія, напр. къ вскрытію брюшной полости при болѣзняхъ печени, чтобы привести медикаменты въ непосредственное соприкосновеніе съ пораженнымъ органомъ ⁴⁾. Кромѣ того въ области хирургіи ему приписываютъ изобрѣтеніе катетера ⁵⁾.

Изъ сочиненій Эразистрата до насъ дошли только отрывки, сохранившіеся у Галена, Целія Авреліана и Гелліуса. Къ нимъ относятся:

1) ἀνατομῶν βιβλία. Книги анатоміи.

2) περὶ τῶν διαρρέσεων. О различіяхъ между болѣзнями, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ находились исторіи болѣзней.

¹⁾ Daremberg, l. c. I, 153, 154.

²⁾ Celsus, l. V, Praefat., l. IV, c. 11.

³⁾ Тамъ же с. 4 и Galen, De venaesect. advers. Eras. cc. 1, 2, 8, 9.

⁴⁾ Caelius Aurelianus, Chronic., l. III, c. 4: „cutes atque membranam tum ventrem deducit, audaciter partem patientem nudans.“

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 1, p. 347.

3) ἐφαρτίτων. О поваренномъ искусствѣ.

4) περὶ τῶν παρέσεων. О параличѣ, гдѣ находимъ вышеупомянутое опредѣленіе паралича.

5) περὶ τῶν κατὰ κολίην πάθων. О болѣзняхъ живота.

Далѣе онъ оставилъ сочиненія о лихорадкахъ, крови, кровохарканіи, подагрѣ, причинахъ болѣзней и о смертельныхъ болѣзняхъ. (Ср. Haeser, I, 238).

Школа Эразистрата (280 до Р. Х.—150 по Р. Х.) существовала до середины II вѣка по Р. Х. и хотя его многочисленные ученики слѣпо слѣдовали его взглядамъ, но, не отличаясь тѣмъ же рвеніемъ къ анатоміи, они не сдѣлали никакихъ открытій и вообще никакихъ самостоятельныхъ работъ, а слѣдовательно весьма мало способствовали прогрессу медицины. Изслѣдованіе физиологическихъ процессовъ они считали дѣломъ „физиковъ“, а не врачей, и вообще, за исключеніемъ ученія о плеторѣ, котораго они крѣпко придерживались, мало отличались отъ эмпириковъ, Кровопусканіи они избѣгали какъ „яда“, въ особенности опасаясь раненія артерій ¹⁾. Къ этой школѣ относятся:

Стратонъ изъ Lampsakos или Berytos (280 до Р. Х.) и Ароемантес ²⁾, изъ коихъ первый быть можетъ тождественъ съ перипатетикомъ того же имени, комментировалъ Гипократа, но отвергалъ кровопусканія.

Нсенофонъ изъ Kos'a, защитникъ метода Хризиппа—бинтованія членовъ при кровопусканіи ³⁾.

Аполлоніусъ изъ Memphis'a (250 до Р. Х.), ученикъ Стратона, писалъ о ботаникѣ, пульсѣ, лекарствахъ и считалъ отхожденіе мертвыхъ глисть опаснымъ симптомомъ въ болѣзняхъ ⁴⁾.

Аполлоphanes (200 до Р. Х.), врачъ Антиоха Великаго, писалъ объ острыхъ болѣзняхъ и полемическія книги (Libri contradictorii) противъ своего учителя ⁵⁾, вслѣдствіе чего нѣкоторые (напр. Haeser) считаютъ его приверженцемъ Герофила. Далѣе Артемидоръ изъ Сиды (50 до Р. Х.) и Charidemus изъ Tricca, писавшіе о Morbus cardiacus и считавшіе водобоязнъ болѣзнію желудка ⁶⁾. Наконецъ Птоломей ⁷⁾, Гермогенъ ⁸⁾

¹⁾ Galen, De venaes. adv. Erasistr. c. 2.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Cael. Aurel. Chron. I, II, c. 13.

⁴⁾ Тамъ же, I, IV, c. 8.

⁵⁾ Cael. Aurel. Acut. I, II, c. 33.

⁶⁾ Тамъ же c. 31 и I, III, c. 14, 15.

⁷⁾ Cael. Aurel., Chron., I, III, c. 8.

⁸⁾ Galen, De simpl. med. facult. I, I, c. 29.

и многіе другіе. Собственно же школа эразистратейцевъ образовалась въ 50 г. до Р. Х., ей положили основаніе

Hikesius изъ Смирны (30 до Р. Х.), а также **Menodorus** въ Римѣ. Они разрабатывали ученіе о лекарственныхъ и пищевыхъ средствахъ. Весьма высоко цѣнилось сочиненіе Гикезія объ этомъ предметѣ (περὶ ὑγιῆς), коего отрывки сохранились у Атеней 1).

Во II вѣкѣ по Р. Х. въ Римѣ еще жили многочисленные послѣдователи этой школы, между ними особенно выдавались **Филоксенъ**, котораго Цельзъ называетъ знаменитѣйшимъ хирургомъ своего времени 2), и **Martialis** (150 по Р. Х.), современникъ Галена и единственный послѣдователь этой школы, разработавшій анатомію 3).

Практическіе результаты дѣятельности александрійской школы.

Изъ предшествующаго очерка видно, что медицина, отчасти подъ вліяніемъ толчка, даннаго Аристотелемъ, отчасти благодаря научной любознательности египетскихъ царей и вообще естественному перевороту, происшедшему въ умственномъ развитіи человѣчества, получила совершенно другую фізіономію.

Анатомія становится самостоятельною наукою, дѣлаются многочисленныя тѣловскрытія и предпринимается сравнительное изученіе анатомическаго строенія человѣка и животныхъ, вслѣдствіе чего совершенствуется мѣстная діагностика и хирургія дѣлаетъ быстрые успѣхи. Не отстаютъ отъ этого движенія и фізіологія, въ области которой тамъ и сямъ начинаются опытные изслѣдованія; не смотря однако на анатомическія открытія, она мало подвигается впередъ, не будучи въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ древнихъ біологическихъ гипотезъ о распредѣленіи воздуха въ тѣлѣ, и хотя анатомія разъ па всегда покончила съ подобными гипотезами Эмпедокла, Диогена и Демокрита о распредѣленіи и роли предполагаемыхъ воздушныхъ каналовъ въ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе фізіологія, за недостаткомъ химіи, не оставалось ничего другаго, какъ приводить воображаемые воздухоносные каналы или артеріи въ связь съ бронхами, не отнимая впрочемъ и у кожи извѣстной доли участія въ дыханіи 4). Плодотворнѣе оказались результаты въ другихъ областяхъ изслѣдованія, такъ у сердца отняты чувствительныя отправление-

1) Athenaeus, Deipnosophista l. III, c. 33 и l. II, c. 53.

2) Celsus, l. VII, Praef.

3) Galen, de libr. propriis, c. 1.

4) Daremberg, Hist. des. sciences médicales, I, 151.

нія въ пользу мозга, благодаря Герофилу, который описалъ твердую и мягкую мозговья оболочки, glandula chorioidea, rete mirabile, confluentium sinuum durae matris, calamus scriptorius, infundibulum. Не меньшее вниманіе обращено на отношенія между головнымъ и спиннымъ мозгомъ, въ которыхъ начинаютъ усматривать центры движенія и чувства, при чемъ уже Эразистратъ старался доказывать, что степень умственного развитія находится въ зависимости отъ формы и количества мозговыхъ извилинъ. Герофиль и затѣмъ Эразистратъ отличаютъ нервную ткань и открываютъ чувствительные и двигательные нервы (что упущено Аристотелемъ), хотя и тутъ дѣло не дошло до окончательнаго разграниченія между нервами и другими формами фиброзныхъ тканей. Далѣе Герофиль первый различаетъ и называетъ этимъ именемъ двѣнадцатиперстную кишку, а также, равно какъ позднѣе и Эразистратъ—наполненные лимфою млечные сосуды, не имѣя однако еще понятія ни о началѣ, ни объ окончаніи ихъ. Равнымъ образомъ они далеко подвинули анатомію кровеносныхъ сосудовъ. Наконецъ Герофиль описываетъ различныя фазы дыханія. Съ успѣхами анатоміи и первыми попытками экспериментальной физиологіи мало-по-малу начинаетъ обозначаться

Патологическая анатомія мозга и печени, патологія же сердца, за отсутствіемъ физическихъ методовъ распознаванія, надолго остается въ рудиментарномъ состояніи.

Практическая медицина значительно удаляется отъ Гиппократа, появляется полифармація въ ужасающихъ размѣрахъ, такъ что нѣтъ болѣзни и даже симптома, противъ которыхъ не старались бы открывать специфическаго лекарства. Что касается индивидуальныхъ картинъ отдѣльныхъ болѣзней, то онѣ совершенно ступовываются въ фантастическихъ описаніяхъ, не соответствующихъ никакой дѣйствительной болѣзни, что въ особенности относится къ вопросу о послабляющихъ лихорадкахъ (Pseudo-continuae), такъ удачно установленныхъ Гиппократомъ и рассматриваемыхъ александрійскою школою какъ отдѣльныя болѣзни. Такой упадокъ клинической медицины слѣдуетъ, повидимому, приписать преобладанію въ Александріи книдской школы, съ ея болѣе доступнымъ толпѣ методомъ, способнымъ гораздо легче схватывать частности, чѣмъ общее. Такое преобладаніе книдскаго метода въ Александріи легко объясняется связью Эразистрата съ книдской школою черезъ посредство его наставника Хризиппа и тѣмъ, что Эразистратъ, извѣстный болѣе какъ практическій врачъ и притомъ какъ явный противникъ Гиппократа, имѣлъ гораздо больше вліянія на практическую медицину, нежели Герофиль, извѣстный болѣе какъ анатомъ, хотя и не порвавшій съ гиппократическимъ преданіемъ ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, 153.

Излишне прибавить, что рѣзкія различія между обоими ученіями скрывали въ себѣ многочисленныя задатки для ожесточенной полемики, въ особенности при господствовавшей тогда склонности къ тонкой діалектикѣ. Но среди этого хаотическаго броженія медицины въ послѣдней мало по малу обозначается интересное явленіе, вызванное не одной какой либо изъ александрійскихъ школъ исключительно, а скорѣе разширеніемъ предѣловъ науки и увеличеніемъ числа ея адептовъ; мы говоримъ о пресловутомъ раздѣленіи, въ описываемую эпоху, врачебнаго искусства, до сихъ поръ нераздѣльнаго, на три главныя области: діететику, фармацевтику и хирургию, къ которымъ мы можемъ еще прибавить и акушерство.

Самое главное мѣсто о распаденіи медицины въ упомянутую эпоху на три отрасли находимъ у Цельза: „lisdemque temporibus in tres partes medicina diducta est, ut una esset, quae victu, altera, quae medicamentis, tertia, quae manu mederetur. Primam διατητικήν, secundam φαρμακευτικήν, tertiam—χειρουργικήν Graeci nominarunt“¹⁾.

Daniel Leclerc²⁾, Sprengel³⁾ и Choulant⁴⁾ усматриваютъ здѣсь дѣйствительное распаденіе медицины на 3 отрасли, которыми занимались три категоріи специалистовъ. Hecker⁵⁾ полагаетъ, что каждая изъ этихъ отраслей не сдѣлалась спеціальностью отдѣльныхъ классовъ врачей, а только каждый врачъ, согласно съ своими наклонностями, предавался занятіямъ одной изъ этихъ отраслей предпочтительно предъ другими, содѣйствуя такимъ образомъ ея усовершенствованію. Съ этимъ мнѣніемъ несогласенъ Daremberg⁶⁾, который на основаніи текста самаго Цельза доказываетъ, что это дѣленіе было для Цельза чисто-научнымъ, основаннымъ на способахъ леченія, и придумано имъ съ цѣлью облегчить себѣ распредѣленіе матеріала и установить болѣе или менѣе правильную классификацію болѣзней. Опровергая вышеозначенное мнѣніе о распаденіи медицины, самъ Цельзь прибавляетъ: „Прежде всего необходимо знать, что всѣ части медицинъ такъ связаны между собою, что онѣ отнюдь не могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, но каждая изъ нихъ получаетъ названіе отъ того предмета, которымъ она больше занимается. Подобно тому какъ часть, занимающаяся леченіемъ посредствомъ діетъ, иногда обращается также къ медикаментамъ, точно также часть, старающаяся бороться противъ болѣзней преимущественно медикаментами, вынуждена бываетъ присоединить къ нимъ соблюденіе діетъ, польза коей замѣтно обнаруживается во всѣхъ страданіяхъ тѣла.“

Вотъ самый текстъ Цельза:

„Illud ante omnia scire convenit, quod omnes medicina partes ita connexae sunt, ut ex toto separari non possint, sed ab eo nomen trahant, a quo plurimum petunt. Ergo ut illa, quae victu curat, aliquando medicamentum adhibet, sic illa, quae praecipue medica-

1) Celsus, De medicina, Proemium.

2) Leclerc, Hist. de la médecine, 334.

3) Sprengel l. c. I, 587.

4) Choulant, Tafeln zur Geschichte der Medicin. p. 2.

5) Hecker, l. c. I, 315.

6) Daremberg, I, 195 и слѣд.

mentis pugnat, adhibere etiam rationem victus debet, quae multum admodum in omnibus malis corporis proficit“¹⁾).

Почти въ такихъ же выраженіяхъ высказывается объ этомъ предметѣ Scribonius Largus, согласно коему всякое насильственное раздѣленіе медицины было бы равносильно посягательству на все искусство:

„Implicitas medicinae partes inter se et ita connexas esse constat, ut nullo modo duci sine totius professionis detrimento possint. Ex eo intelligitur, quod neque chirurgia sine diabetica, neque haec chirurgia, id est sine ea parte, quae medicamentorum utilium usum habet (!), perfici possunt. Sed aliae ab aliis adjuvantur et quasi consumantur“²⁾).

Галенъ, правда, говоритъ о еще большемъ дробленіи медицины на специальности. Такъ, по его словамъ, были врачи-окулисты, особые операторы для катарактъ; точно также имѣлись хирурги отдѣльно для грыжъ, парацентеза, камнеотчищенія, катеризаціи, ушныхъ болѣзней, для болѣзней задняго прохода; далѣе врачи-ботаники, врачи, лечившіе исключительно виномъ, Helleboro; наконецъ даже занимавшіеся исключительно ставленіемъ клистировъ или кровопусканіями. Столь многочисленныя специальности могли развиваться только въ большихъ центрахъ. Но достояніемъ специальности, Галенъ однако возстаеъ противъ самыхъ специалистовъ, этихъ „полугии четверть-врачей“, по скольку они смотрѣли на свои специальности, какъ на отдѣльныя отрасли медицины, „которая (прибавляетъ Галенъ) всегда одна и нераздѣльна, каковы бы ни были ея дѣленія“³⁾.

Итакъ упомянутое дѣленіе Цельза не означаетъ распаденія медицины и ея представителей на три класса, а имѣетъ лишь въ виду три главныхъ разряда врачебныхъ вспомогательныхъ средствъ, о коихъ рѣчь идетъ уже въ *De habitu decenti* Гипократа и которые представляютъ лишь научную классификацію, основанную на способахъ леченія⁴⁾. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ и намъ смотрѣть на означенное дѣленіе, которое и удерживаемъ здѣсь для большого удобства при обзорѣ практическихъ результатовъ дѣятельности александрійской школы.

Діететика считала въ числѣ своихъ приверженцевъ философовъ и ученыхъ врачей, изслѣдователей причинъ, послѣдователей научнаго наблюденія и провереннаго разумомъ опыта.

Къ фармацевтикѣ присоединились врачи-эмпирики, разные лѣчители, враги всякой теоріи, главой коихъ былъ Серапионъ. За нимъ слѣдовали Глаукіас, Гераклидъ изъ Тарента и всѣ тѣ, которые подъ ихъ вліяніемъ сдѣлали врачебное искусство чисто-практическимъ. Здѣсь нужно искать начало болѣе специальной обработки фармацевтики, т. е., по тог-

¹⁾ Celsus, *De medicina* l. V, praefatio, 253, 254, ed. Haller.

²⁾ Scribonius Largus, *Composit. med.*, с. 68, comp. 200, ed. Rhodius, p. 409.

³⁾ Galen, *De partib. medicinae*, с. 2; an *H/g. medic. aut gymnast. pars.* с. 24.

Ср. Daremberg, l. с., I, 199, 200.

⁴⁾ Тамъ же, 204, 205.

дашнимъ понятіямъ, ученія объ исцѣленіи болѣзней одними лекарственными средствами. Здѣсь въ первый разъ явилось множество новыхъ сложныхъ медикаментовъ и усовершенствована техника фармацевтическихъ операцій, хотя фармаціи въ тѣсномъ смыслѣ тогда еще не существовало, за отсутствіемъ научной химіи. Къ этому времени относится развитіе токсикологіи и изобрѣтеніе противоядій, благодаря искусству странствовавшихъ ризотомовъ или фармакополовъ. Но наибольшій прогрессъ въ эту эпоху обнаружила

Хирургія, которая расширилась и обособилась въ усовершенствованное искусство, не уклоняясь впрочемъ отъ гиппократическаго преданія. Главами хирургической школы въ Александріи были:

Филонсенъ, написавшій полное, не дошедшее до насъ руководство къ хирургіи, затѣмъ **Sostratus**, написавшій также сочиненія о повязкахъ и животныхъ, въ томъ числѣ о ядовитыхъ (*περὶ ζώων, περὶ βλητῶν ἢ δακτύων*), герофилеецъ **Demetrius**—о головныхъ поврежденіяхъ, далѣе **Pasikrates, Nileus, Euelpistes, Triphon** старшій (оба послѣдніе изъ Сидона), **Nymphodorus, Perigenes**, изобрѣтатель машинъ и повязокъ, **Heron** (авторъ ученія о грыжахъ), **Gorgias**, доказавшій, что пупочная грыжа можетъ содержать и воздухъ), **Amyntas**, изъ Родоса, изобрѣтатель повязки-валика для переломовъ костей носа, наконецъ оба **Аполлонія** (изъ Киттіума и Тарента), **Ammonius** и другіе искусные практики, обогатившіе искусство введеніемъ новыхъ способовъ и съ успѣхомъ обрабатывавшіе отдѣльныя отрасли хирургіи ¹⁾. Анатомическія познанія, недостававшія косской и кидской школамъ, придавали александрійскимъ хирургамъ больше увѣренности и смѣлости. И хотя леченіе вывиховъ, переломовъ, раненій и поврежденій мало подвинулось впередъ, такъ какъ нельзя же считать шагомъ впередъ изобрѣтеніе различныхъ сложныхъ и изящныхъ повязокъ или машинъ для вправленія переломовъ и вывиховъ, въ родѣ Архимедовой машины для вытаскиванія кораблей (*Trispatum*), примѣненной въ уменьшенномъ видѣ Пазикратомъ ²⁾, или извѣстнаго, снабженнаго бутылками ящика (*Plinthium Nilei*), употреблявшагося Нилеемъ при вивихѣ плеча ³⁾, а также *Glossocomium* Нимфодора (4-угольнаго ящика съ безконечнымъ винтомъ) для переломовъ конечностей ⁴⁾, наконецъ усовершенствованной скамьи Гип-

¹⁾ Galen, De fasciis, o Sostratus—с. 87, 100, 102; o Perigenes—с. 80; o Glaukias—с. 18, 21, 77, объ Amyntas—с. 58, 61, 89; объ остальныхъ Ср. Celsus, De medicina l. VII, Praefatio и с. 14 и 26, 3 въ концѣ и Oribas, De machinament., ed Basil., 1557.

²⁾ „Methodus palaestrica.“ Oribas. l. c., с. 1.

³⁾ Тамъ же, с. 8.

⁴⁾ Тамъ же, с. 24.

пократа (ξύλον, βάδρον Гпл.) для вытягиванія и противовытягиванія ¹⁾. Но зато хирурги теперь смѣлѣе проникали въ полости и внутренности съ желѣзомъ и огнемъ и вводили лекарства въ самыя сокровенныя закоулки организма. Вообще совокупность многочисленныхъ извѣстныхъ операцій была усовершенствована и показанія для нихъ установлены болѣе научныя. При запираніяхъ кишечнаго канала (какъ и нынѣ) вскрывали животъ, обнажали кишки, распутывали или освобождали отъ запиравшихъ ихъ веществъ и, возвращая на мѣсто, соединяли раны швами. Точно также лечили глубокія нарывы, поврежденія печени и селезенки и не боялись доходить до почекъ черезъ разрѣзъ въ поясничной области ²⁾,—все это серьезныя операціи, предполагающія не малое знакомство съ анатоміей этихъ областей и взаимными отношеніями частей и органовъ. Съ такою же вѣрностью руки они вскрывали грудную полость, чтобы опорожнить накопленія жидкостей изъ полости плевры вслѣдствіе проникающихъ ранъ или хроническихъ страданій. Не менѣе часто они примѣняли трепанъ, чтобы предупреждать или ослаблять давленіе на мозгъ отъ изліаній, вызванныхъ ударами или паденіемъ на голову. Низдавливаніе катаракты, примѣнявшееся уже гораздо раньше, также было извѣстно александрійскимъ хирургамъ. Съ рѣдкимъ искусствомъ владѣли они зондомъ и вскрывали мочевой пузырь для извлеченія камней. Эта операція литотоміи (cum apparatusu ragvo) въ первый разъ попала въ руки научно-образованныхъ врачей, получившихъ также названіе литотомовъ, до тѣхъ поръ присвоенное только специалистамъ, какъ извѣстно изъ „Присяги“ Гипократа, воспрещавшей обыкновеннымъ врачамъ эту операцію. Изъ нихъ особенной славой пользовался **Ammonius-Lithotomus**, такъ прозванный за искусное производство и усовершенствованіе этой операціи. Онъ изобрѣлъ раздробленіе большихъ камней внутри вскрытаго пузыря посредствомъ имъ же изобрѣтенныхъ долотообразныхъ инструментовъ ³⁾. Въ новѣйшее время Civiale признавался, что способъ Аммонія подалъ ему первую мысль къ операціи раздробленія камней (Lithotritie), операціи, посредствомъ которой камень растирается въ мелкій песокъ и извлекается изъ пузыря естественнымъ путемъ ⁴⁾. Нравственный характеръ литотомовъ однако еще по прежнему оставался сомнительнымъ, что подтверждается многими фактами, какъ напр.

¹⁾ Тамъ же, с. 29. Ср. также выпускъ II, стр. 499.

²⁾ Caelius Aurel., Acut. I. III, с. 17, р. 244.

³⁾ Celsus, De medic., l. VII, с. 26, 2: 3.

⁴⁾ Civiale, Maladies des organes génito-urinaires, Paris, 1842.

смертью Антиоха VI Эвтея, умерщвленнаго литотомами, которые, будучи подкуплены узурпаторомъ Трифономъ, убѣдили его въ необходимости избавиться отъ камня, коего онъ не имѣлъ ¹⁾). Къ александрійской школѣ принадлежать по всей вѣроятности хирурги, практиковавшіе незадолго передъ Цельсомъ въ Римѣ, между которыми онъ въ особенности хвалитъ Трифона, Эвельписта и Мегеса изъ Сидона, самаго даровитаго и ученѣйшаго изъ всѣхъ ²⁾).

Въ области гинекологіи и акушерства въ эту эпоху прежде всего слѣдуетъ назвать Герофила, отрывки коего сохранились у Soranus'a. Между прочимъ послѣдній приводитъ взгляды Герофила на анатомію маточнаго устья, сравниваемого имъ съ головой полипа или съ гортанью, на пользу менструаціи для однихъ и вредъ ея для другихъ женщинъ, на причины трудныхъ родовъ, на выпаденіе матки и вообще на женскія болѣзни. Кромѣ того Soranus говоритъ, что для раздробленія живаго плода Герофилъ употреблялъ рѣзущій инструментъ подъ названіемъ *ἐμβροσφακτήρ* ³⁾).

Герофилъ считается первымъ преподавателемъ повивальнаго искусства и существуетъ преданіе объ его ученицѣ, Агнодикѣ, первой акушеркѣ, прославившейся въ своемъ искусствѣ въ Аеннахъ до того, что исходатайствовала уничтоженіе закона, запрещавшаго женщинамъ заниматься повивальнымъ искусствомъ. Но это преданіе опровергнуто Розенбаумомъ, доказавшимъ, что Агнодика была ученицей Герофила, а не знаменитаго врача Герофила, не говоря уже о томъ, что уже мать Сократа была *μαία* и что и гиппократики ссылаются на сообщенія *μαία* *ἡγήροισσαι*, слѣдовательно все это имѣло мѣсто задолго до Герофила ⁴⁾).

Другой знаменитый акушеръ этой эпохи, Андрей изъ Каристы, къ причинамъ тяжелыхъ родовъ, принимаемымъ Герофиломъ, прибавилъ еще слабость и худобу плода, который при такихъ условіяхъ мало способствуетъ расширенію маточнаго устья. Наконецъ Demetrius изъ Апаменіи еще болѣе развилъ и усовершенствовалъ акушерство. Нормальными онъ признавалъ положенія младенца съ предлежаніемъ головки и ручками, вытянутыми вдоль бедеръ, ненормальными—отклоненія головки вправо или влѣво, выпаденіе ручекъ, расхожденіе бедеръ. Предлежаніе ножекъ онъ считалъ не столь опаснымъ. Вообще же препятствія при родахъ онъ раздѣлялъ на 3 класса, а именно:

¹⁾ Livius, Epitom, l. LV, у Sprengel'я l. c. I, 606.

²⁾ Celsus, l. c. l. V, Praefat.

³⁾ Ср. Pinoff, *Herophilus*, Ein Beitrag zur Geschichte d. Geburtshilfe въ „Janus“ Henschel'я В. II, 739—742, и Haeser, I, 253.

⁴⁾ Rosenbaum въ его новомъ изд. Pragmat. Gesch. d. Arzneikunde Sprengel'я, Leipzig, 1846, p. 568. Ср. Pinoff, l. c. 743.

1) Ненормальное состояніе матери, а) въ психической сферѣ—аффекты, потеря сознаниіа, сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи беременности; б) въ сферѣ животной жизни (ζωτικῆ δόξαμις)—разстройства пищеваренія, исхуданіе, одышка, истерика; с) въ тѣлесной организаціи—худосочіа, мужской habitus, узкія бедра, болѣзни матки (воспаленія, „разгоряченіе,“ параличъ, атонія).

2) Ненормальности зародыша—общая и частная гипертрофія, необыкновенная величина головки, грудной кѣтки, живота, одновременное вступленіе въ родовые пути двойней, смерть зародыша, одутловатость умершаго плода, противоестественныя положенія младенца.

3) Неправильности родовыхъ путей ¹⁾.

Изъ предыдущаго видно, что александрійская школа выражаетъ собой несомнѣнный шагъ впередъ въ исторіи развитія медицины, какъ теоретической, такъ и практической, ибо здѣсь заложены прочныя основы для нормальной, а отчасти и патологической анатоміи, а также для хирургіи, акушерства и фармакологіи, изъ коихъ послѣдняя сдѣлалась предметомъ разработки особенно для эмпирической школы, къ которой и переходимъ.

Изъ литературѣ объ александрійской школѣ.

Ch. F. H. Beck, De schola medicorum Alexandrina commentatio. Lips. 1810.

Matter, Essai historique sur l'école d'Alexandrie etc. Paris, 1820. 2 voll.

C. Müller, Fragm. hist. graec. III, p. 52.

Parthey, Das Alexandrinische Museum. Berl. 1838.

Klippel, Ueber das Alexandrinische Museum. Gött. 1838.

Fr. Ritschel, Die Alexandrinischen Bibliotheken. Breslau. 1838.

V. Humboldt, Kosmos. 1847. II, 202 и слѣд.

K. F. H. Marx, Herophilus. Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin. Karlsr. und Baden, 1838.

F. H. Schwarz, Herophilus und Erasistratus. Eine historische Parallele. Würzb. 1826.

I. F. H. Hieronymi, Diss. exh. Erasistrati Erasistratorumque historiam. Jen. 1790, содержитъ только біографическія данныя.

Rosenbaum, статья Erasistratus въ Ersch und Gruber's Allg. Encyclopädie.

Bockelmann, De Megetis fragmentis, Diss. Gryphiae, 1844.

A. Mai, Class. script. V. Также отрывки изъ Megeta, преимущественно о связкахъ задняго прохода.

¹⁾ Ср. Haeser, l. c. I, 253.

Эмпирическая школа.

(280—150 Р. X.).

Эмпиризмъ, можно сказать, также старъ, какъ и человѣческое знаніе; древній эмпиризмъ есть родоначальникъ всѣхъ эмпирическихъ системъ, появившихся когда либо впоследствии. Вообще эмпирическимъ называютъ всякаго врача, отвергающаго всѣ разсужденія о причинахъ болѣзней и довольствующагося тѣмъ, что дѣйствуетъ противъ нихъ средствами, оказавшимися полезными на опытѣ ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ всѣ древніе врачи были эмпириками. Согласно Плинію, основателемъ эмпирической школы былъ Акронъ изъ Агригента ²⁾. Но послѣдній отличался отъ другихъ іатрофилософовъ своего времени лишь отрицаніемъ всякой теоріи. Собственно же эмпирическая школа основана около 250—280 до Р. X. Причины возникновенія ея именно въ этотъ періодъ заключаются отчасти въ тогдашнемъ состояніи догматической и другихъ школъ, отчасти въ перемѣнѣ направленія господствовавшей философіи. Вслѣдствіе обновленія политическаго міра и усиленнаго черезъ то живаго общенія между людьми, съ его просвѣтительными послѣдствіями, догматическая философія, равно какъ и основанныя на ней медицинскія системы впадали въ постоянныя противорѣчія съ дѣйствительностью и потому философія сдѣлалась скептической, а медицина—эмпирической.

Въ области первой нѣсколько времени спустя послѣ Аристотеля извѣстенъ Пирронъ (р. въ 101, ум. въ 123 олимпіадѣ или въ 384 до Р. X.) Убѣдившись, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ доходить примѣненіе умозрѣнія къ вопросамъ науки, онъ рѣшился вывести человѣческой умъ опять на правильный путь наблюденія. Онъ утверждалъ, что полагаться можно только на свидѣтельство чувствъ, на одни только явленія и факты, все же остальное—чистѣйшія гипотезы. Онъ не отрицалъ и не утверждалъ существованія матеріи, считалъ излишнимъ докапываться до сущности вещей и утверждалъ, что необходимо только наблюденіе, не доискиваясь ихъ причинъ. Очевидно, здѣсь имѣемъ дѣло съ началомъ чистѣйшей экспериментальной философіи, сомнѣвающейся во всемъ, что не можетъ быть доказано чувствами („подобно листьямъ на деревьяхъ, говоритъ Пирронъ, рождаются и падаютъ мнѣнія смертныхъ, но не ихъ наблюденія“) ³⁾. Этотъ-то скептицизмъ Пиррона повелъ въ области медици-

¹⁾ Ср. Sprengel l. c. I, 610.

²⁾ Plinius, Hist. natur. l. XXVIII, c. 1 Ср. Вып. I, стр. 178.

³⁾ Ср. Bouchut, Hist. de la médecine, I, p. 426.

ны къ образованію эмпирической школы. Такъ какъ врачи слишкомъ рано оставили путь наблюденія, указанный имъ Гиппократомъ, и вмѣсто того, чтобы слѣдовать по этому пути на основаніи сдѣланныхъ послѣ него анатомическихъ открытій, впади въ безконечныя теоретическія препирательства и тонкости, дошедшія до ожесточенной борьбы партій, то все это весьма естественно должно было вызвать реакцію, которая выразилась въ появленіи особенной медицинской школы, извѣстной подъ названіемъ эмпирической. Настоящимъ основателемъ ея считается

Philinus изъ Коса (310—280 до Р. X.), современникъ Пиррона ¹⁾ и ученикъ Герофила, который, какъ мы видѣли, отвергалъ всякое теоретическое объясненіе въ дѣйствіи лекарствъ. Этотъ принципъ Филинъ примѣнялъ ко всѣмъ отраслямъ медицины: отвергая всякую теорію, онъ объявилъ, что единственнымъ путеводителемъ при изученіи медицины долженъ служить опытъ и по примѣру скептиковъ утверждалъ, что слѣдуетъ сомнѣваться въ могуществовъ разума и вѣрить только въ свидѣтельство чувствъ. Разсужденіе, по его мнѣнію, въ медицинѣ не служитъ ни къ чему, а необходимо держаться одного только опыта. Всѣ гиппократическія теоріи объ элементахъ и элементарныхъ качествахъ, о кардинальныхъ влагахъ, о кризисахъ и критическихъ дняхъ, о скрытыхъ или ближайшихъ причинахъ, наконецъ о сущности болѣзней, не заключаютъ въ себѣ ничего реальнаго и должны быть разсматриваемы какъ однѣ гипотезы. Всякое сужденіе, по его мнѣнію, должно быть изгнано изъ науки, равно какъ и изслѣдованіе причинъ болѣзней, даже анатомія, по его мнѣнію, излишня ²⁾. Вниманія заслуживаютъ только испытанныя лекарства, не входя въ разсужденія ни о способѣ ихъ дѣйствія, ни объ ихъ свойствахъ, ни о ближайшей причинѣ болѣзни. Такимъ образомъ возникла доктрина, которая скоро распространилась и имѣла громаднй успѣхъ ³⁾. Изъ сочиненій Филина ничего не осталось, кромѣ нѣсколькихъ рецептовъ, объ немъ извѣстно только, что онъ написалъ 6 книгъ противъ *Vaschius'a*, а потому главнымъ основателемъ школы считается его преемникъ

Serapion (270 до Р. X.), который однако повидимому преподавалъ только начала Филина. Онъ съ особенной горячностью писалъ противъ Гиппократа и занимался преимущественно изслѣдованіемъ дѣйствія

¹⁾ *Philinus* прославился въ 123 олимпиаду, а *Purgho* ум. на третьемъ году этой же олимпиады (288 до Р. X.). Ср. *Sprengel*, I. c. I, 612.

²⁾ *Celsus*, *De medicina*, Proemium, *Galen*, de sect. ad eos qui introducendos, c. 5.

³⁾ Ср. *Bouchut*. I. c. 425, 426.

лекарствъ, напр. заячьего сердца, верблюжьего рога и т. п. Ему приписываютъ заслугу открытія цѣлебнаго дѣйствія сѣры въ накожныхъ болѣзняхъ, особенно въ чесоткѣ. Онъ оставилъ весьма неясное сочиненіе „*Libri curationum*,” а Целій Авреліанъ приводитъ еще его сочиненіе „*Ad sectas*“¹⁾.

Въ виду весьма важнаго вліянія древней эмпирической школы на происхожденіе позднѣйшаго рациональнаго эмпиризма считаемъ нелишнимъ разсмотрѣть здѣсь ученіе этой школы нѣсколько подробнѣе.

Главнѣйшими источниками для исторіи эмпирической школы служатъ: 1) *Celsus*, являющійся здѣсь въ роли судьи и по своему довольно основательно останавливавшійся передъ вопросомъ, почему Гиппократъ заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ Герофилъ, а Герофилъ больше, чѣмъ Асклепиадъ? (*De medicina. Proetium*). У Целза сохранились многія изреченія эмпириковъ, какъ напр.: „болѣзни излечиваются не краснорѣчіемъ, а лекарствами.“ „Не то истересно, что причиняетъ болѣзнь, а то, что устраняетъ ее“ и т. п. 2) *Galen*, выступающій въ роли обличителя (*De optima secta* и *De sectis ad eos qui introducendos*). Интересно, что его считаютъ авторомъ трактата *De subfiguratione empirica*, того самаго, который онъ опровергаетъ шагъ за шагомъ. (Ср. *Daremberg*, I. с. I. 172). Наконецъ 3) *Sextus Empiricus* (*Adv. logicos* и *adv. mathematicos*).

Утверждая, что даже при живосѣченіяхъ невозможно чистое наблюденіе нормальнаго состоянія, древніе эмпирики учили, что истина достигается только путемъ личнаго, чувственнаго опыта (*αὐτοψία*) или наблюденія (*τήρησις*) и чрезъ посредство преданія (*ιστορία*), отсюда названіе ихъ *τήρητικοί* и *μνημονευτικοί*. Наблюденіе слѣдуетъ производить,

1) либо пользуясь случаемъ (*περίπτωσις*),

2) либо при помощи заранѣе обдуманнаго эксперимента (*εἶδος αὐτοσχεδίου*),

3) либо примѣненіемъ сходныхъ случаевъ или аналогіи (*εἶδος μιμήσεως*), но не аналогіи причинъ, какъ учили догматики, а аналогіи чувственныхъ явленій или свойствъ употребляемыхъ средствъ. Но для этого необходимо собраніе многихъ наблюденій, ибо лишь тогда они превращаются въ неизмѣнныя правила или теоремы (*θεώρημα*), а изъ такихъ теоремъ и составляется все искусство. При новыхъ болѣзняхъ сюда присоединяются еще

4) Изобрѣтательность, которая, какъ прагматическій навыкъ, какъ опытъ, основанный на упражненіи или прежнемъ опытѣ (*πειρα τριβική*), составляетъ четвертую категорію и наивысшую степень развитія искусства, служившую эмпирикамъ для того, чтобы основывать умозаклю-

¹⁾ *Caes. Aurel. Acut.* I. II, с. 6.

ченія на однихъ только фактахъ ¹⁾. Далѣе отвергая всякое априористическое сужденіе о скрытыхъ причинахъ и сущности болѣзней, они прибѣгали

4) Къ „гипотипозамъ“ (*ὑποτιπώσεις*), т. е. къ номинальнымъ опредѣленіямъ (*ἁπλοῦς*) ²⁾ болѣзней на основаніи краткаго наброска общей картины отдѣльныхъ чувственныхъ явленій. Наконецъ они прибѣгали

6) Къ воспоминаніямъ (анамнезу) о прежнихъ случаяхъ и наблюденіяхъ другихъ врачей, какъ къ необходимому источнику опыта, это и есть „исторія“, составляющая, вмѣстѣ съ личнымъ опытомъ, вообще все искусство ³⁾.

Въ связи со всѣмъ сказаннымъ находится развитіе у нихъ семіотики и діагностики, получившей большую вѣрность отъ комбинаціи отдѣльныхъ чувственныхъ явленій и соединенія существенныхъ симптомовъ (*Syndrome*) въ цѣльную картину болѣзни. Галенъ однако упрекаетъ ихъ въ выборѣ однихъ только характеристическихъ симптомовъ и пренебреженіи къ оцѣнкѣ совокупности всѣхъ явленій, т. е. къ отдѣленію существенныхъ отъ несущественныхъ симптомовъ путемъ разсужденія, что заставляло ихъ держаться только грубыхъ вѣщностей (по Цельзу: *causae evidentes*) и дѣлало неспособными къ различительному распознаванію, ибо изъ страха передъ разсужденіемъ они совершенно отрицали всякую пользу отъ изслѣдованія свойствъ и причинъ болѣзней ⁴⁾. Что же касается употребительныхъ и старыхъ методовъ, то они сохранились у эмпириковъ въ прежнемъ видѣ ⁵⁾. Такимъ образомъ они отличались отъ послѣдователей другихъ школъ только своимъ способомъ достигать практическихъ результатовъ въ дѣлѣ распознаванія и леченія болѣзней. Впослѣдствіи у эмпириковъ играетъ важную роль изобрѣтенный Менодотомъ изъ Никоменіи (100 до Р. Х.) такъ называемый

7) Эпилогизмъ, т. е. согласное съ опытомъ достовѣрнее заключеніе отъ настоящаго къ прошедшему, другими словами, распознаваніе причинъ болѣзни уже послѣ сдѣланнаго наблюденія. Такъ изъ усмотрѣннаго у умалишенныхъ рубца на головѣ заключаютъ о скрытой, случайной причинѣ заболѣванія, о поврежденіи головы. Отъ анало-

¹⁾ До сихъ поръ—Galen, De sect. ad eos, qui introd., c. 1, 2.

²⁾ Въ отличіе отъ реальныхъ опредѣленій догматиковъ. Ср. Sext. Empiricus: „Pyrrhoniac. Hypotyposeon“ l. III, ed. Colon. 1621 и Galen, De different. puls., l. IV, c. 8.

³⁾ Galen, De sectis ad eos qui introducendos, c. 1, 2.

⁴⁾ Galen, De optima secta, c. 11; de subfig. empirica, c. 6.

⁵⁾ Galen, De sect. ad eos, qui introducendos, c. 4 и Celsus, Proem.

гизма эпиглозизмъ отличается тѣмъ, что онъ постоянно оставался въ предѣлахъ дѣйствительныхъ, вполне доказанныхъ истинъ, тогда какъ первый, хотя и опирался на конкретныя явленія, но легко переходилъ къ недоступнымъ изслѣдованію гипотезамъ ¹⁾,

Ученіе о показаніяхъ эмпирики вовсе отвергали: главною ихъ цѣлью было—лечить, слѣдовательно, цѣль чисто практическая. Болѣзни, по ихъ мнѣнію, есть совпаденіе случайностей, которыя всегда обнаруживаются въ тѣлѣ одинаковымъ образомъ, для леченія же весьма важно присоединеніе новыхъ случайностей, напр. обморока къ воспаленію, а также важное значеніе имѣютъ время и порядокъ ихъ появленія, напр. лихорадки послѣ судорогъ или судорогъ послѣ лихорадки: все это требуетъ измѣненія способа леченія ²⁾. Какъ бы то ни было, нельзя отрицать громадныхъ заслугъ эмпириковъ въ практической медицинѣ и имъ безспорно древность обязана большею частью фактическихъ данныхъ въ области этиологій, семіотики, фармакологій и въ особенности хирургіи.

Послѣдователями этой школы были:

I. Въ области хирургіи и фармакологій:

Glaukias изъ Тарента (260 до Р. Х.), современникъ Серапіона, много содѣйствовавшій развитію и распространенію основныхъ положеній послѣдняго и старавшійся подтвердить новое ученіе комментаріями къ сочиненіямъ Гипократа. По его мнѣнію распознаваніе болѣзней должно основываться на личныхъ наблюденіяхъ (*τήρησις*), анамнезѣ или наблюденіяхъ другихъ (*ιστορία*) и еще прибавленной Серапіономъ аналогіи или переходѣ отъ подобнаго (*ἢ ἀπὸ τοῦ ὁμοίου μεταβάσις*) ³⁾. Это пресловутый „треножникъ“ эмпириковъ. Немало услугъ **Glaukias** оказалъ также хирургіи и *Materiae medicae*.

Glaukias оставилъ большое сочиненіе съ примѣчаніями ко всему Гипократу въ алфавитномъ порядкѣ и съ точнымъ обозначеніемъ цитатъ (*Эроціанъ*), а также къ *Энд. VI* и къ *De humoribus* Гипократа (*Galen, com. I in l. de humoribus*), равно какъ и

¹⁾ *Galen, De sect ad eos qui introd. c. 5.*

²⁾ *Galen, De optima secta. Cp. Sprengel, I, 619.*

³⁾ *Galen, De subfigur empir. c. 11; De sectis ad eos qui introducendos, c. 1, 2.* Этотъ переходъ состоялъ въ леченіи либо одной болѣзни по примѣру другой (Нерва по примѣру рожи), либо пораженія одной части тѣла подобно такому же пораженію другой (руки и поясницы), либо наконецъ въ употребленіи сходныхъ средствъ въ одной и той же болѣзни (айва и кизиль при поносахъ). *Cp. Sprengel, I, 260.*

сочиненіе по фармакологіи (Plinius, Hist. natur. l. XXII, с. 23). Хирургію онъ обога- тилъ нѣкоторыми изобрѣтеніями, въ особенности по части повязокъ.

Далѣе изъ хирурговъ этой школы замѣчательнѣйшими были:

Zeuxis (250 до Р. Х.) и въ особенности—украшеніе и гордость этой школы,

Heracides изъ Тарента (240 до Р. Х.), которыхъ не слѣдуетъ смѣ- шивать съ носившими такія же имена послѣдователями Герофила и ко- торые были самыми знаменитыми эмпириками. Послѣдній изобрѣлъ маши- ну для вправленія бедра и употребительный еще нынѣ способъ операціи *Ankyloblepharon* ¹⁾. Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Мантіасомъ, послѣдо- вателемъ Герофила, онъ производилъ опыты на лекарственныхъ веще- ствахъ, способствовавшіе въ значительной степени усовершенствованію фар- макологіи (*Materia medica*), причемъ онъ мало обращалъ вниманія на но- выя средства, а старался болѣе выяснять дѣйствіе испытанныхъ средствъ ²⁾. Такъ онъ между прочимъ оцѣнилъ по достоинству опій, до тѣхъ поръ мало употреблявшійся внутрь, и рекомендовалъ его противъ бессон- ницы, судорогъ, кашля, болей ³⁾. Вообще онъ первый установилъ показанія для употребленія опія и оставилъ множество цѣлесообразныхъ формулъ къ его назначенію, сохранившихся у Цельза и Целія Авреліана. У послѣдняго сохранились также отрывки Гераклида о леченіи *Synap- sche*, *Pleuris* и *Phrenitis*, которую онъ раздѣлялъ на воспалительную, гастрическую и зависящую отъ измѣненій мозга и которую лечилъ въ темной комнатѣ и ежедневными кровопусканіями и холодными примоч- ками на голову ⁴⁾.

Сочиненія Гераклида: 1) Комментарій ко всему Гиппократу. 2) О темныхъ выраженіяхъ Гиппократа, въ 4 книгахъ (Целій Авреліанъ). 3) *Curationes de internis ras- sionibus* (тамъ же), 4) *Διατητικὸν* или *Liber regularis* (тамъ же). 5) *Συμπόσιον* („пиръ“)— о пищевыхъ веществахъ, отрывки коего находятся въ *Athenaeus Deipnosophista* l. II, с. 6, l. III с. 5, 17. 6) *Περὶ τῶν ἐκτὸς θεραπευτικῶν* (хирургическое?) въ 4 книгахъ (*Littre*, IV, 34). 7) Косметическое сочиненіе о болѣзняхъ кожи. 8) Сочиненія о лекарственныхъ веществахъ и ядахъ, изъ коихъ особенно выдается *Περὶ σκευασίας καὶ δοξμασίας φαρμά- κων*—о способахъ приготовленія и изслѣдованія лекарствъ (Галенъ) ⁵⁾. 9) *Περὶ θηρίων* о ядовитыхъ животныхъ. 10) О растеніяхъ. 11) *Στρατιώτης*—вѣчто въ родѣ военной фарма-

¹⁾ *Celsus*, l. c. l. VIII, с. 20; l. VII, с. 7. в. 6.

²⁾ *Galen*, *De compos. med. sec. gen.* l. II, с. 5, l. IV, с. 7.

³⁾ *Celsus* l. c. l. V, с. 25. в. 10.

⁴⁾ *Cael. Aurel. Acut.* l. I, с. 17.

⁵⁾ *Galen*, *De simpl. medic. facult.* l. VI. *Proemium*.

копен или рецептурной книги для солдатъ, изъ коей у Галена сохранилось нѣсколько формулъ противъ застарѣлыхъ язвъ. Ср. Нескер, I, 340—343 и Наевег, I, 247, 248.

Apollonius Empiricus (230 до Р. X.) и (вѣроятно сынъ его) **Apollonius Biblas**, „книгоѣдъ“ (210 до Р. X.), авторъ комментаріевъ къ Гиппократу и сочиненій о лекарствахъ, оба изъ Антиохіи ¹⁾.

Zorugus (80 до Р. X.), жившій при дворѣ Птолемеевъ, писавшій о лекарствахъ и токсикологій и извѣстный своимъ общимъ противоядіемъ для царя Митридата ²⁾ и другимъ для одного изъ Птолемеевъ подъ названіемъ „Ambrosia“ ³⁾. Онъ раздѣлялъ лекарства, по ихъ дѣйствию, на способствующія отдѣленію носовой слизи, мочегонныя, потогонныя, вяжущія, способствующія нагноенію, отдѣленію молока, отхаркиванію мокротъ и проч., причемъ его гуморально-патологическія воззрѣнія не обнаруживаютъ замѣтнаго шага впередъ, если напр. соду, мѣдныя опилки и жиръ онъ относитъ къ потогоннымъ ⁴⁾.

II. Въ области фармакологій и токсикологій, изъ коихъ послѣдняя получила въ это время широкое развитіе, въ особенности при дворахъ азіатскихъ царей, которые сами занимались этимъ предметомъ, выдаются слѣдующіе послѣдователи эмпирической школы:

Митридатъ Евпаторъ Великій изъ Понта (124—64 до Р. X.), который производилъ опыты съ ядами на преступникахъ и даже на себѣ. Объ немъ рассказываютъ, что для предохраненія себя отъ отравленія онъ причинилъ себя ежедневно принимать какой нибудь ядъ, а по нѣкоторымъ, вмѣстѣ съ **Zorugus**'омъ, изобрѣлъ универсальное противоядіе, состоявшее изъ 54 ⁵⁾ составныхъ частей и носившее названіе „Mithridatium“, которое пользовалось извѣстностью въ теченіе многихъ вѣковъ и составило впоследствии основаніе для теріака. Митридатъ оставилъ также сочиненіе подъ названіемъ „θριακὰ“, гдѣ онъ различаетъ 10 видовъ ядовитыхъ пауковъ (phalangium), и „Тайныя Мемуары“ (по Плутарху—*ἱστορικὰ*)—о ядахъ и противоядіяхъ, доставшіеся его побѣди-

¹⁾ Galen, De sect. ad eos qui introd. c. 4.

²⁾ Galen, De antidot. l. II, c. 8.

³⁾ Celsus, De medicina, l. V, c. 23, s. 2.

⁴⁾ Oribasius, Collect. medic. l. XIV, c. 45, 50, 56, 61, 58, 64, 52.

⁵⁾ Plinius, Hist. natur. l. XXIX, c. 1; по Scribonius'у (De compos. med. c. 170. Basil. 1529) оно состояло только изъ 44, по Цельзу изъ 37 средствъ. Ср. Celsus (l. V, c. 24, s. 3), у котораго сохранилась формула его, и Galen, De antidot., l. I c. 1, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаемъ рассказъ объ опытахъ Митридата надъ преступниками, коихъ онъ не задумывался приносить въ жертву своей любознательности.

телю Помпею и переведенные по приказанію послѣдняго на латинскій языкъ грамматикомъ Lepaeus'омъ,—первое естественно-историческое сочиненіе въ Римѣ ¹⁾). Противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ Митридатъ рекомендовалъ прикладываніе къ ранѣ сосновыхъ зеренъ, смоченныхъ с л ю н о ю, которая вообще считалась дѣйствительнымъ средствомъ противъ животныхъ ядовъ и противъ укушенія ядовитыхъ змѣй ²⁾). Современникъ Митридата

Krateuas (70 до Р. Х.), ботаникъ и фармакологъ (вѣрнѣе „ризотомъ“), оставилъ посвященное Митридату и сохранившееся до сихъ поръ сочиненіе о лекарствахъ съ окрашенными рисунками ³⁾, одинъ экземпляръ коего въ XVI вѣкѣ найденъ въ библіотекѣ Кантакузена въ Константинополѣ ⁴⁾. Другой царственный составитель ядовъ,

Атталь III Филометоръ (138—133 до Р. Х.), послѣдній царь Пергама, тоже занимался токсикологіею ⁵⁾, равно какъ и царица

Клеопатра, написавшая нынѣ утраченное сочиненіе *О сохраненіи красоты и кожныхъ болѣзней* (κασμητικόν) ⁶⁾ и другое—*„О женскихъ болѣзняхъ“* (γυνεϊα),“ существующее и по настоящее время ⁷⁾. Но знаменитѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи былъ современникъ Аттала, жрецъ Аполлона въ Кларосѣ,

Никандръ изъ Колофона въ Іоніи (136 до Р. Х.), написавшій 3 дидактическія поэмы въ гекзаметрахъ: одно, нынѣ утраченное, „*Georgica*“—*О земледѣліи*, и два, сохранившихся и нынѣ—объ отравленіяхъ и ихъ леченіи подъ названіемъ: „*Θηρικῆ*“—*о ядовитыхъ животныхъ* и „*Ἀλεξιφάρμακα*“—*о предохранительныхъ средствахъ* противъ отравленія внутренними ядами (послѣднее изданіе: O. Schneider, Leipzig, 1856).

Въ „*Theriaca*“ говорится объ укушеніяхъ змѣй, коихъ Никандръ насчитываетъ до 13, причемъ въ числѣ припадковъ отъ укушенія ехидны (vipera) приводитъ общіе признаки—холодный потъ, жажду, желчную рвоту, желтуху, головокруженіе, singultus, и мѣстные—ихорозно-кровянистое истеченіе, припухлость, пузыри и синева въ окрестности раны, ялость послѣдней и проч. Укушеніе аспіда влечетъ за собою смерть въ состояніи безпамятства, безъ боли и опухоли; при этомъ довольно вѣрно описываются ядовитые зубы этихъ змѣй и враждебность къ нимъ ихневмона, который тошатъ ихъ въ Нидѣ, покрывъ себя для

¹⁾ Plinius, l. c. l. XXV, c. 2.

²⁾ Тамъ же, l. XXIII, c. 8, l. VII, c. 2.

³⁾ Тамъ же, l. XXV, c. 2.

⁴⁾ I. Fr. Angillara, Semplici, Venet. 1561, p. 27.

⁵⁾ Galen, De antidot. l. I, c. 1, Celsus l. c. l. V, c. 19.

⁶⁾ Galen, De Compos. med. sec. loc. l. I, c. 1.

⁷⁾ Вь Sprach, *Harmonia Gynaecior.*, Arg. 1597.

защиты слоевъ яла. Столь же вѣрно изображены припадки отъ укушенія различныхъ видовъ Coluber (отъ укушенія σφηδών—выпаденіе волосъ, отъ ὄδρος—зловоніе изо рта, помраченіе чувствъ, сумасшествіе и прыганіе сухожилій). Укушеніе διφάς производитъ неутолимую жажду, рогатой змѣи (χεράστης)—злокачественную сыпь. Далѣе онъ исчисляетъ 8 видовъ ядовитыхъ ящерицъ, между прочимъ Lacerto Gecko (ἀσκάλαβος), 9 видовъ скорпіона, 7 видовъ ядовитыхъ пауковъ (φαλάγγιον), различные виды ядовитыхъ насѣкомыхъ, между прочимъ сколопендра. Укушеніе одного вида тарантулы (ῥώξ) быстро убиваетъ. Лечение состоитъ въ приставленіи пѣлокъ кругомъ раны (первое упоминновеніе этого способа), а также въ прижиганіяхъ отравленныхъ ранъ раскаленнымъ желѣзомъ, приставленія къ нимъ сухихъ кровососныхъ бабокъ и окропленія острыми растительными жидкостями, напр. луковичнымъ сокомъ. Вообще какъ противоядія противъ всякаго рода отравленій рекомендуются корень Chiron, Aristolochia longa et rotunda, Psoralea bituminosa, Trisphyllon (Hypericum olympicum) ¹⁾.

Второе сочиненіе, „Alexipharmaca,“ есть какъ бы продолженіе Theriaca и приводитъ какъ общее правило—возбужденіе рвоты для выведенія яда, равно какъ и примѣненіе въ видѣ питья разжиженныхъ и обволакивающихъ яды веществъ (молока, масла, вина). Затѣмъ рѣчь идетъ о дѣйствіи и явленіяхъ, производимыхъ многочисленными внутренними ядами, каковы опій, припадки отравленія коимъ изображены совершенно вѣрно,—далѣе аконитъ, Colchicum, Hyoscyamus, Conium maculatum, ядовитые грибы, кантариды и Вургесть, свинопные глеть и бѣдла,—а также объ отравленіяхъ посредствомъ „Toxicum“ или стрѣльнаго яда древнихъ, посредствомъ бычачьей крови, рубца желудка (πυτία), Lerus marginus, проглоченныхъ пѣлокъ (противъ чего рекомендуется соль), ядовитой саламандры, кротовъ и проч., наконецъ о противоядіяхъ ²⁾.

Изъ другихъ врачей-эмпириковъ, занимавшихся преимущественно фармакологіей, извѣстны:

Kleophantes (138 до Р. X.), который нѣкоторыми несправедливо считается учителемъ Асклепіада.

Врачей этого имени было нѣсколько: 1) наиболее древній изъ нихъ (учитель Мнемона изъ Сиды), о которомъ говорятъ Галенъ (Comment. II и III in Epid III) и Цельзъ („ex antiquioribus medicis,“ Celsus I. c. I. III c. 14), расходится во многомъ съ современниками въ разработанной имъ діететикѣ, причемъ между прочимъ ввелъ въ послѣднюю обширное примѣненіе вина,—методъ, усвоенный Асклепіадомъ, котораго однако безъ анахронической натяжки нельзя считать его ученикомъ. 2) Нѣсколько незначительныхъ врачей этого имени, между прочимъ „medicus ignobilis“ Цидерона (Oratio pro Cluent. c. 16, 19). 3) Знаменитый Kleophantes, жившій въ Римѣ во II вѣкѣ до Р. X. незадолго до Галена и даже одновременно съ нимъ (Galen, de praenot. ad Posthum. c. 3 и de antidot. I. II c.). Ср. Hecker I. c. I, 347.

Apollonius изъ Kittium'a (70 до Р. X.), ученикъ Зопира, оставилъ

¹⁾ Theriaca, ed. Schneider, I. V.

²⁾ Ср. Hecker, I, 348—353 и Sprengel, I, 640.

комментарій къ *De articul.* Гиппократъ, сочиненіе объ эпилепсіи и другія—противъ Герофила въ 29 книгахъ ¹⁾).

Posseidonios (70 до Р. Х.) вѣроятно тождественный съ авторомъ о чумѣ, о которомъ упоминаетъ *Rufus* ²⁾).

Neras изъ Каппадокіи (30 до Р. Х.), жилъ въ Римѣ или въ окрестностяхъ его во времена Ю. Цезаря, оставилъ книгу о лекарствахъ подъ названіемъ *Narthex* (*Νάρθηξ*), гдѣ подробно описаны ихъ приготовленіе и дѣйствіе ³⁾).

Aelius Promotus (40 по Р. Х.), также изъ Рима, оставилъ сочиненія о фармакологіи, изъ коихъ нѣкоторыя еще сохранились въ рукописи, напр. *διναμερὸν* въ Венеціи и *ιατρικὰ, φυσικὰ καὶ ἀντιπληθικὰ* въ Лейденѣ ⁴⁾).

Menodotus изъ Никомедіи (100 по Р. Х.), изобрѣтатель эпилепсима, жилъ въ Римѣ въ царствованіе Траяна, изучалъ скептическую философію подъ руководствомъ Антиоха изъ Лаодікеи ⁵⁾, извѣстенъ своимъ корыстолюбіемъ, обнаруженнымъ Галеномъ ⁶⁾, и ограниченіемъ кровопусканія лишь случаями мѣстныхъ приливовъ ⁷⁾).

Theudas изъ Лаодокен (117 по Р. Х.), жилъ въ Римѣ въ царствованіе Адриана и былъ послѣднимъ изъ знаменитыхъ учителей эмпирической школы, защищавшій „переходъ отъ подобнаго,“ какъ вѣрнѣйшій путь для опыта, и доказывавшій, что и эмпирикамъ не чуждо примѣненіе разсужденія при выдѣленіи особеннаго изъ „общаго“ и соотвѣтственнаго изъ „различнаго.“ Онъ преподавалъ отличныя правила о способахъ наблюденій и дѣлилъ медицину на *indicatoria*—діагностику и прогностику, *curatoria*—врачующую и *salubris*—діететическую, не придавая впрочемъ самъ особаго значенія этому дѣленію ⁸⁾. Послѣднимъ отпрыскомъ эмпирической школы былъ

Aeschrius изъ Пергама (150 по Р. Х.), наставникъ Галена въ фармакологіи, рекомендовавшій раковую золу какъ предохранительное противъ водобоязни ⁹⁾. Что касается другихъ эмпириковъ, упоминаемыхъ Ді-

¹⁾ *Apollonii Cittiensis etc. Scholia in Hippocr. et Galenum*, ed. Dietz, Regiom. 1835.

²⁾ Ср. *Haeser*, l. c. I, 248.

³⁾ *Galen*, de compos. medic. sec. loc. l. 1, c. 18.

⁴⁾ *Haeser*, l. c.

⁵⁾ *Diogen. Laërtius* l. IX, s. 116.

⁶⁾ *Galen*, de dogm. Hipp. et Platonis l. IX c. 5, ad *Thrasylbul* c. 2, 9 и въ другихъ мѣстахъ.

⁷⁾ *Galen*, Comment. IV in „*De victu.*“ Ср. *Sprengel*, I, 643.

⁸⁾ *Galen*, de subfigur. empir. c. 2—4.

⁹⁾ *Galen*, de simpl. med. facultat. l. XI, c. 1, s. 24.

огенемъ Лаэртскимъ, какъ напр. Геродотъ изъ Tarsus'a ¹⁾, и Галеномъ, какъ напр. Satyrus изъ Пергама, Pelops изъ Смирны, Phekiarus, Kalikles, Numesianus, Diodorus, Лукус изъ Македоніи, авторъ 20 сочиненій объ анатоміи ²⁾, и Филиппъ ³⁾, то они жили быть можетъ еще позднѣе, почти всѣ были учителями Галена и большею частью извѣстны только по имени. Наконецъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть о скептикахъ

Agrippa и Sextus empiricus (193 по Р. Х.), изъ коихъ особенно послѣдній систематически обработалъ скептическую философію и служить весьма важнымъ пособіемъ при изученіи эмпирической школы.

Къ литературѣ объ эмпирической школѣ.

Angillara, Semplici, Venez. 1561 (о фармакологіи Krataeus'a съ рисунками).

Wedel, De fundamentis empiricorum, Jen. 1686.

Heister (Kayser), De medicinae sectae empiricae veteris et hodiernae diversitate, Helmstad. 1741.

G. Gl. Richter, Progr. de veterum empiricorum ingenuitate, Gotting. 1741.

Ackermann, Beiträge zur Geschichte der Empirik nach Galen въ Wittwer, Archiv f. Gesch. d. Arzneikunde I, 1. s. 3.

Wilcke, Diss. medicinae empiricae recentis primordia, Hal. 1797.

C. J. Schulze, Diss. de veteris empiric. schol. dignitate, Hal. 1800.

Kühn, De Heraclide Tarentino, program. III, Lips. 1823.

Dietz, Schol. in Hippocratum et Galenum, Regiom. 1835 (Apollonii Cittiensis fragmenta).

Sextus Empiricus, ex recens. Imm. Bekkeri, Berol. 1842.

R. Volkmann, De Nicandri Colophonii vita et scriptis, Hal. 1852.

Lingenberg, Quaestiones Nicandreae, Hal., 1865.

¹⁾ Diog. Laërt., l. IX s. 116.

²⁾ Galen, Meth. medendi l. II, c. 7.

³⁾ Galen, De libr. propriis, c. 2.

Медицина у римлянъ.

Состояніе медицины у римлянъ до Асклепіада.

У римскаго народа, состоявшаго преимущественно изъ двухъ сословій: воиновъ и земледѣльцевъ, могли развиваться самостоятельно только политическія науки: исторія, краснорѣчіе и законодательство; собственно же науки и искусства являются у него рабскими подражаніями греческой культурѣ, ибо, по самому складу его духа, онъ не былъ въ состояніи выработать ничего оригинальнаго, такъ что даже всѣ техническія выраженія у римлянъ—греческаго происхожденія (Страбонъ). Сказанное вполне можетъ быть примѣнено и къ римской медицинѣ.

По свидѣтельству Плинія, Римъ 600 лѣтъ сряду существовалъ, „если не безъ медицины, то безъ врачей“¹⁾. Мы поэтому встрѣчаемся въ Римѣ опять таки съ греческою миологіею и греческою медициною, только видоизмѣненными сообразно съ національнымъ духомъ. Такъ уже у этрусковъ встрѣчаемъ почитаніе фригійскихъ кабировъ, матери боговъ, Rhea, а также Махаона, какъ видно изъ „*Эсиды*“, почему медицина первоначально состояла въ молитвахъ, діететическихъ средствахъ, предписаніяхъ сивиллиныхъ книгъ, заклинаніяхъ²⁾. Всякое терзавшее ихъ зло они возводили въ божество и ему поклонялись: такъ лихорадку и зловоніе они обоготворили въ видѣ богинь Febris и Merhitis³⁾, при большой слабости они поклонялись богинѣ Fessonia⁴⁾, при зловонныхъ испареніяхъ изъ клоакъ—богинѣ Cloacina, даже въ богинѣ чесотки (Dea Scabies) не было недостатка, равно какъ и въ богинѣ чумы (Angeronia), въ богиняхъ менструаціи и матки,—Fluonia и Uterina, въ богинѣ дѣтскихъ костей и нупса—Ossiraga⁵⁾. Весьма многочисленны были родовспомогательныя богини, каковы Diana Lucina и Saena, охранявшая силы желудка, Dea Natio, Deae Saementae (богини судьбы) и наконецъ помощницы Дианы—Prosa и Postverta, къ коимъ обраща-

¹⁾ Plinius, Lib. XXIX c. 1.

²⁾ Ср. Sprengel, I, 226—230.

³⁾ Plinius, l. II, c. 7; Tacit. Hist. l. III, c. 33.

⁴⁾ Augustin, de civit. Dei l. IV, c. 21.

⁵⁾ Ср. Вааз, с. 1., 98.

лись при неправильныхъ положеніяхъ младенца ¹⁾ Мужескими богами были *Priapus* и *Sylvanus* ²⁾. Вообще въ дѣлѣ леченія римляне первоначально признавали своими учителями этрусковъ, опытныхъ въ искусствѣ излечивать болѣзни волшебными пѣснями (*carmina*). Древнѣйшими врачами римлянъ были произошедшіе отъ этрусковъ *авгурь*—по полетамъ птицъ, и *Нагуспичесъ*—по внутренностямъ животныхъ предсказывавшіе здоровье или болѣзнь. *Нума Помпиль* издавъ законъ о вырѣзываніи младенца у умершихъ беременныхъ и учредилъ особую коллегію *авгуровъ*. Къ этимъ-то послѣднимъ и прибѣгали римляне въ общественныхъ бѣдствіяхъ, каковы повальныя болѣзни. Кромѣ того въ такихъ случаяхъ вопрошали оракуловъ по сивиллинымъ книгамъ, переданнымъ обладательницей ихъ нумейской Сивилой царю *Тарквинію* ³⁾. Въ этихъ книгахъ заключались, въ загадочныхъ выраженіяхъ, откровенія насчетъ будущаго, а также наставленія объ умилостивленіи боговъ, наложенныя въ *libris fatalibus* ⁴⁾.

Что медицина у римлянъ была не совсѣмъ оригинальна, доказываетъ также медицинскій культъ *Аполлона* (*Apollo-medicus*), порученный весталкамъ въ сооруженномъ ему въ 461 г. до Р. X. храмѣ, гдѣ онѣ зывали къ нему: „*Apollo-medice, Apollo Paean!*“ ⁵⁾ Верховнымъ медицинскимъ божествомъ была также римская *Hygiae—Dea Salus*, охранительница общественнаго и частнаго здоровья ⁶⁾, для которой храмъ былъ сооруженъ въ 450 до Р. X. слѣдовательно уже послѣ сооруженія таковаго же *Аполлону*. Кромѣ того она строила храмы еще фригійскимъ, египетскимъ и греческимъ медицинскимъ богамъ, какъ напр. *Изидѣ*, *Серапису*, *Юнонѣ* и *Діанѣ Луцинѣ*, наконецъ *Эскулапу*, вывезенному какъ римское божество изъ *Epidaurgos* (294 до Р. X.).

По этому поводу преданіе говоритъ, что во время повольной болѣзни оракулъ сивиллиныхъ книгъ изрекъ приказаніе о:правиться въ *Epidaurgos* къ *Эскулапу*; при исполненіи этого порученія посломъ *Квинтомъ Огульніемъ*, вмѣсто отвѣта выползла змѣя изъ храма по направленію къ берегу, вскочила на корабль и улеглась въ каютѣ посланника. По дорогѣ въ Римъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ *асклепіадовъ* она посѣтила *Asclepion* въ *Антумѣ* и затѣмъ островъ на *Тибрѣ*, гдѣ и былъ воздвигнутъ храмъ. Эта исторія согласно *Sprengel'ю*, изображена на монетахъ ⁷⁾.

Далѣе римляне торжествовали мистеріи *кабировъ*. И у нихъ были въ ходу *tabulae votivae* и вообще такой же ритуалъ медицинскаго культа, какъ у грековъ. Во время чумы римляне прибѣгали къ такъ называемымъ *Lectisternia* (первое изъ нихъ имѣло мѣсто 400 лѣтъ до Р. X.) или божескимъ пирамъ, при чемъ идоламъ клались на подушки и имъ предлагались всякаго рода яства на публичныхъ мѣстахъ. Изображенія такихъ пировъ также сохранились на монетахъ. Кромѣ того римляне прибѣгали къ торжественнымъ обходамъ (*amburbalia vasca*), къ такъ называемымъ *lustrationes, supplicationes* и *postuliones*, наконецъ къ обряду вбиванія гвоздя господствовавшимъ диктаторомъ на правой сторонѣ храма *Юпитера Капитолійскаго*, съ цѣлью укротить свѣршившуюся повальную болѣзнь ⁸⁾. Наконецъ безплодныя женщины праздновали т. н. *Lupercalia*.

¹⁾ Ср. тамъ же *Sprengel*, I. с. I, 236—239.

²⁾ Тамъ же, 234.

³⁾ *Plin*, I. XIII, с. 13: Ср. *Sprengel*, I, 2 29, 230.

⁴⁾ *Livius*, I. V, с. 13. *Sprengel*, тамъ же.

⁵⁾ Ср. *Sprengel*, I, 231.

⁶⁾ Тамъ же, 235.

⁷⁾ Тамъ же, 232, 233.

⁸⁾ *Livius*, I. VII, с. 2, 8. Ср. *Sprengel*, I, 240.

Противъ все болѣе и болѣе вторгавшагося въ среду римлянъ греческаго образованія, угрожавшаго уничтоженіемъ древней римской доблести и мужественности („virtus“), возсталъ цензоръ

Маркъ Порцій Катонъ (234—149). Ничто не было ему такъ ненавистно, какъ греческая культура и греческое знаніе, въ томъ числѣ изнѣживающее искусство и страсть къ наживѣ греческихъ врачей, отъ коихъ онъ въ особенности предостерегаетъ своего сына. Онъ оставилъ сочиненія объ исторіи Рима (Origines), государственномъ устройствѣ, военномъ искусствѣ и земледѣліи (*De re rustica*). Это послѣднее, еще существующее и нынѣ сочиненіе содержитъ собраніе рецептовъ для человѣка и животныхъ и хотя противъ вывиховъ и ушибовъ онъ рекомендовалъ безсмысленныя волшебныя пѣсни (carmina) ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой книгѣ онъ обнаруживаетъ основательныя свѣдѣнія въ распознаваніи и леченіи вывиховъ, переломовъ, язвъ, заднепроходныхъ фистулъ, задержанія мочи и т. д. На подобіе Пивагора онъ какъ универсальное средство употреблялъ любимую этрусками капусту, но также и вино. Его домашняя книга „Compendarius“ занимается также важнѣйшими болѣзнями и цѣлебными для нихъ средствами ²⁾. Такія же книги сочинили

Valgius Rufus (12 л. до Р. X.) и Varron, (117—26 до Р. X.), изъ коихъ первый, другъ Горація, оставилъ сочиненіе *De herbarum viribus*, а послѣдній, написавшій болѣе 400 сочиненій, въ своемъ сочиненіи *De re rustica* обнаруживаетъ основательное пониманіе медицинскихъ, въ особенности гигиеническихъ вопросовъ, какъ напр. цѣлесообразное устройство деревенскихъ домовъ или прекращеніе эпидемій, при чемъ употреблялъ провѣтриваніе жилищъ, наполненныхъ больными или трупами ³⁾. Наконецъ сюда же относится упомянутый выше грамматикъ Lepaeus, вольноотпущенный Помпея ⁴⁾.

Вообще въ этотъ ранній періодъ римской исторіи врачи были въ большомъ презрѣніи у римлянъ. Греческіе баньщики и рабы, искавшіе счатья и денегъ въ Римѣ, гдѣ они выдавали себя за врачей, и открывавшіе свои лавки, которыя римляне называли „medicinas,“ были край-

¹⁾ Cato, *De re rustica*, с. 160: „Huat hanat ista pista sista damiato damnaustra“ (противъ вывиховъ). „S. F. (Sanitas fracto) motas vaeta daries dardaries astartaries, dissuapariter“ (противъ ушибовъ). Ср. Sprengel, I, 240.

²⁾ Cato, *De re rustica*, 156. Plinius, *Hist. natur.*, l. XX, с. 9, l. XXIX, с. 7—9.

³⁾ Ср. Haeser, I, 261.

⁴⁾ См. выше стр. 162. О медицинѣ римскихъ классиковъ Ср. Dagemberg, *La médecine, histoire et doctrine*, Paris, 1865.

не нелюбимы въ высшихъ сословіяхъ и считались шарлатанами, чѣмъ приготовили такой же пріемъ послѣдующимъ греческимъ выходцамъ, настоящимъ врачамъ. Первый настоящій греческій врачъ, отправившійся въ Римъ, былъ

Archagathus изъ Пелопонеса (218 до Р. Х.), который получилъ даже римское право гражданства (*jus quiritorium*) и лавку (*taberna* или „*medicina*“) на общественный счетъ, а также почетный титулъ „*vulnerarius*,“ но когда онъ сталъ производить операціи, то былъ изгнанъ вмѣстѣ съ другими греческими врачами какъ „живодеръ („*carnifex*“) ¹⁾. Впослѣдствіи однако греческіе врачи сумѣли достигнуть болѣе почетнаго положенія, знаменитѣйшіе изъ нихъ въ послѣднія времена древности сдѣлали свою карьеру въ Римѣ и большихъ провинціальныхъ городахъ, какимъ стали даже Аѳины. Съ этихъ поръ для медицины настала періодъ, гдѣ нельзя провести рѣзкой границы между греческой и римской и можно сказать, что во всемъ древнемъ римскомъ мірѣ даже не было оригинальной римской медицины, а господствовала одна только греческая. Собственно говоря, медицина нашла себѣ доступъ въ Римъ лишь послѣ изгнанія ученыхъ изъ Александріи, покоренія Греціи и сліянія греческой и римской культуръ, изъ коихъ послѣдняя, подъ преобладающимъ вліяніемъ греческаго языка и литературы, совершенно преобразовалась, такъ что греческій языкъ сдѣлался даже разговорнымъ языкомъ у образованныхъ классовъ. При этомъ однако нужно замѣтить, что медицина стала здѣсь на твердую почву лишь послѣ того, какъ римляне усвоили себѣ греческую риторику, поэзію и философію, въ особенности ст о и ч е с к у ю. Здѣсь, съ первымъ научнымъ обоснованіемъ медицины на римской почвѣ, она сама явилась въ обновленномъ видѣ, а именно въ видѣ солидарной патологіи, на основаніи которой возникла

Методическая школа.

Творцомъ новой теоріи и родоначальникомъ этой школы былъ

Asclepiades изъ Prusa (она же Kios) въ Вионніи (128—56 до Р. Х.), современникъ Атика и Цицерона и другъ Красса, Муція и Антонія.

¹⁾ Plinius, l. c. l. XXIX, c. 1, 6.

Онъ учился у Клеофанта въ Александріи ¹⁾, затѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ занимался медициной и риторикой, и былъ знакомъ съ Антиохомъ изъ Аскалона, наставникомъ Цицерона ²⁾, послѣ того практиковалъ въ Паріумѣ (въ Пропонтисѣ) и на Гелеспонтѣ ³⁾, наконецъ около 90 до Р. X. прибылъ въ Римъ, гдѣ сначала былъ риторомъ, впоследствии же занимался медицинской практикой съ блестящимъ успѣхомъ, чему немало содѣйствовали его философское образованіе, ловкое обращеніе и торжественность, съ которой онъ появлялся въ публикѣ. Весьма много способствовали его славѣ оживленіе мнимоумершихъ, особенно одной дѣвушки, которую уже хотѣли сжечь на кострѣ ⁴⁾, а также смѣлое отложеніе отъ древнихъ врачей, въ особенности отъ Гипократа, кою ученіе онъ называлъ „изслѣдованіемъ или размышленіемъ о смерти“ (*Θανάτου μελέτην*) ⁵⁾, наконецъ смѣлое увѣреніе, что вѣнющій хороша познанія въ медицинѣ никогда не заболѣетъ! Это онъ доказалъ собственнымъ примѣромъ, такъ какъ никогда не болѣлъ и умеръ въ глубокой старости вслѣдствіе паденія съ лѣстницы ⁶⁾. Онъ оставилъ множество сочиненій, дошедшихъ до насъ только въ видѣ отрывковъ, собраніе коихъ напечатано подъ заглавіемъ:

„*Asclepiadis Bithynii fragmenta, digessit et curavit Gumpert, praefatus est Godofr. Grunero, Vimariae, 1794.*“ Изъ входящихъ сюда сочиненій приводятся:

У Целіа Авреліана: *Libri definitionum, De finibus, De celeribus sive De acutis passionibus libri tres*. 2 книги комментаріевъ къ Афоризмамъ Гипократа, *Libri parascenatici s. contradictorii* (противъ Эрастрата), *Libri salutarium ad Geminium, De communibus adiutoriis, De periodicis febribus, De lue, De hydropе, De clysteribus, De vini datione in morbis, De morbo cardiaco, De Phrenitide* (3 книги) ⁷⁾.

У Галена: *περὶ στοιχείων βιβλίον* (*de elementis*), *περὶ ἀναπνοῆς, καὶ τῶν σφύμων βιβλίον*—трактатъ о дыханіи и пульсѣ съ изложеніемъ ученія Герофила, *περὶ ἀσπεκτίας* (*περὶ ἀχώρων*), наконецъ о темныхъ выраженіяхъ Гипократа;

У Цельза и Плинія: *De ulceribus, De tuenda sanitate*, кромѣ того былъ можетъ еще *De anima*. Всѣ эти сочиненія на греческомъ языкѣ погибли и отъ нихъ остались одни только отрывки, которые приводятся Цельсомъ, Плиніемъ, Галеномъ (*Method. med. l. IV, c. 1*) весьма подробно, но не безпристрастно, и во многихъ мѣстахъ у Целіа Авреліана.

До 1700 г. объ Асклепиадѣ въ литературѣ вообще рѣдко заходитъ рѣчь и первый, обратившій на него серьезное вниманіе, былъ Daniel Leclerc въ его „Исторіи медицины,“ затѣмъ объ немъ заговорили Ant. Sosschi (*Discorso primo supra Asclepiade Firenze, 1758*), Bianchini (*La medicina di Asclepiade, Venez. 1769*), Gumpert въ своемъ изд. его сочиненій (Веймаръ, 1794), Virgach (*Asclepiades und Brown, eine Parallele, Leipzig 1800*), но самый главный объ немъ трудъ принадлежитъ Raynaud (*De Asclepiade Bythino medico ac philosopho, Paris, 1862*) ⁸⁾.

¹⁾ Celsus, l. III, c. 14, хотя Hecker и Sprengel сомнѣваются въ томъ, чтобы Клеофантъ могъ быть его учителемъ. Ср. выше стр. 163.

²⁾ Sext Empiricus, *adv. logicos*, I, s. 201.

³⁾ Cael. Aurel. *Acut.*, l. II, c. 22, r. 181.

⁴⁾ Apuleius, *Florid.* c. IV. Celsus, l. II, c. 6.

⁵⁾ Galen, *de venaesect. advers. Erasistrat.* вначалѣ.

⁶⁾ Plin. l. VII, c. 37. ⁷⁾ Ср. Cael. Aurelianus, ed. Amman, p. 710.

⁸⁾ Ср. Haeser, l. c. I, 263, 264; Hecker, I, 393.

Хотя историки много обвиняют Асклепіада въ шарлатанизмѣ, но нельзя допустить, чтобы съ послѣднимъ были совмѣстимы такія качества, какъ высокое образованіе, увлекательное краснорѣчіе, необыкновенная любовь къ истинѣ, рѣдкое безкорыстіе, заставившее его отвергнуть блестящія предложенія Митридата, которому онъ послалъ только нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, и посвятить себя практикѣ между бѣднымъ классомъ населенія въ Римѣ, внушая врачамъ пользоваться больныхъ по совѣсти и собственнымъ примѣромъ побуждая ихъ заботиться о послѣднихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ ¹⁾.

Система Асклепіада основывается главнымъ образомъ на атомистическомъ ученіи Эпикура (род. 341 до Р. Х.), пріобрѣтшаго столь дурную славу своимъ правиломъ пользоваться жизнью и искать наслажденія какъ цѣли существованія. Подобно Демокриту и Гераклиду изъ Понта, Эпикуръ принималъ, что міръ возникъ изъ безчисленныхъ мелкихъ атомовъ, вслѣдствіе случайной ихъ встрѣчи, безъ всякаго вмѣшательства разума. Атомы недѣлимы и могутъ быть мыслимы только умомъ и недоступны чувствамъ, которыя, по его мнѣнію, одни только способны познавать истину при помощи опыта. Животное тѣло также состоитъ изъ атомовъ, равно какъ и душа, только ея атомы самые мельчайшіе и круглые. Съ другой стороны стойки, изъ коихъ первымъ былъ Зенонъ (340—261), считали жизнь, сообразную съ природой („*natura convenienter vivere*“), главнымъ средствомъ для достиженія счастья. Асклепіадъ поэтому поступилъ совершенно въ духѣ римлянъ, положивъ въ основаніе своей системы эти взгляды и придерживаясь при этомъ въ теоретическомъ отношеніи эпикуреизма и Гераклида, а въ практическомъ стоиковъ ²⁾. По его ученію, матерія состоитъ изъ крайне малыхъ, но еще дѣлимыхъ и дробимыхъ (θραυστοί), безформенныхъ (ἀναρμοί), измѣнчивыхъ (παθητοί) и сложныхъ атомовъ (concretiones, ὄγκοι, по нынѣшнимъ понятіямъ—молекулы) ³⁾. Первоначально они двигались въ беспорядкѣ въ пустомъ пространствѣ и при случайной встрѣчѣ расщеплялись. Изъ этихъ мельчайшихъ разорванныхъ частицъ (λεπτομερῶν) происходятъ всѣ видимыя тѣла ⁴⁾. Человѣческое

¹⁾ Plinius, Hist. naturalis, l. XXV, c. 3; Cicero. De oratore, l. I, c. 14.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 12 и Haeser, I, 265.

³⁾ Sextus Empiricus, advers. Physicos, l. I, v. 363. Ср. Sprengel, l. c. 13.

⁴⁾ Cael. Aurel., Acut, l. I, c. 14: „Primordia namque corporis primo constituerat atomos, corpuscula intellectu sensa, aeternum se moventia, quae suo incurso offensa, mutuis ictibus in infinita partium fragmenta solvantur, magnitudine atque schemate differentia: quae rursus eundo, sibi adjecta vel conjuncta, omnia faciunt sensibilia.

тѣло состоитъ изъ такихъ же безчисленныхъ сложныхъ атомовъ (*ἄτομοι*), образующихъ одаренные чувствительностью каналцы (*πόροι*), въ которыхъ въ свою очередь движется множество мелкихъ пневматическихъ частицъ. Вводятся эти атомы въ тѣло посредствомъ вдыхаемаго воздуха и пищи, проникая черезъ поры, сердце и кровь, а чрезъ послѣднюю во все тѣло, которое они питаютъ. Всѣ процессы, по понятію А., сводятся къ отношенію между этими атомами и ихъ порами. Дыханіе состоитъ въ механическомъ прониканіи частицъ Пнеума (*ἄτομοι λεπτομερεῖς*) изъ сгущенной атмосферы въ разрѣженный и разширенный воздухъ легкаго, которое притягиваетъ ихъ наподобіе кровососныхъ банокъ ¹⁾. Пищевареніе есть не что иное, какъ расщепленіе пищи на мельчайшіе атомы, поступающіе съ пищевыми соками въ кровь путемъ механическаго всасыванія. Голодъ и жажда происходятъ отъ пустоты желудочныхъ поръ, которые смотря по состоянію желудка бываютъ то пусты, то полны и сокращены, самъ же желудокъ пищеварительной силы не имѣетъ ²⁾. Пульсъ происходитъ отъ притока частицъ изъ воздуха и пищи въ сосуды ³⁾. Точно также этимъ частицамъ (лептомерамъ) онъ приписываетъ теплоту и чувствительность ⁴⁾, а также отдѣленія, изъ коихъ послѣднія происходятъ отъ механическаго процѣживанія частицъ черезъ отдѣлительные органы какъ черезъ фильтры ⁵⁾. Если движеніе атомовъ происходитъ въ порядкѣ и медленно и вообще если расположеніе, величина и количество атомовъ и просвѣтъ поръ нормальны, то это состояніе называется здоровьемъ (*συμμετρία*), если же это движеніе происходитъ неправильно и бурно или вообще если атомы или поры ненормальны, то возникаетъ болѣзнь. Главной же причиной болѣзней бываетъ смѣшеніе жидкихъ и газообразныхъ атомовъ и происходящій черезъ то застой (*ἔνστασις, συνίστασις*) ⁶⁾. Вообще Асклепиадъ, подобно Эразистрату, ближайшей причиной болѣзней признаетъ измѣненія плотныхъ частей, измѣненія же жидкихъ частей онъ считаетъ только случайной или отдаленной причиной болѣзней.

¹⁾ Тамъ же и Plutarch. De plac. philos., l. IV, c. 22.

²⁾ Galen, defin. med. et de natura facult. l. II и III, Ср. Sprengel, II, 15, 16.

³⁾ Galen, De differ. puls: l. III, IV, Sprengel, II, 16.

⁴⁾ Cael. Aurel., l. c., c. 15, p. 46, 48, 57,

⁵⁾ Galen, de natur. facult. l. I, Sprengel, II, 16.

⁶⁾ Cael. Aurel., Acut., l. I, c 14, p. 42: „Fieri etiam vias ex complexione corpusculorum, intellectu sensas, magnitudine atque schemate differentes, per quas succorum ductus solito meatu percurrrens, si nullo fuerit impedimento retentus, sanitas maneat impeditus vero, statione corpusculorum morbos efficit.“

Въ *патологiи* Асклепiадъ первый провелъ рѣзкую границу между острыми и хроническими болѣзнями, напр. между острой, лихорадочной и хронической, безлихорадочной водянкой ¹⁾. Отдѣльныя болѣзни происходятъ отъ большаго или меньшаго нарушенiя отношенiй атомовъ и поръ, такъ *febris quotidiana* происходитъ отъ засоренiя поръ и накопленiя въ нихъ болѣе грубыхъ атомовъ, *tertiana*—отъ атомовъ средней величины, *quartana*—отъ тончайшихъ атомовъ ²⁾. Отъ ихъ величины зависятъ и степень лихорадки. Большия атомы производятъ болѣе сильную, тончайшия—менѣе опасную лихорадку. Лихорадочный жаръ происходитъ тогда, когда атомы находятся въ сильномъ движенiи, а холодъ—при застоѣ засоряющихъ поры атомовъ ³⁾. Кровотеченiе есть слѣдствiе гненiя или разрыва сосудовъ, но не анастомозовъ ⁴⁾. Судороги онъ раздѣлялъ на тоническiя, клоническiя и дрожанiе ⁵⁾. Кризисы и критическiе дни онъ совершенно отвергаетъ ⁶⁾. Замѣчательнѣе всего—его презрѣнiе къ анатомiи и физиологiи. Зато

Въ *терапiи* онъ произвелъ настоящiй переворотъ, основавъ ее на правилѣ стоиковъ: „*naturae convenienter vivere*,“—правилѣ, въ которомъ образованные римляне видѣли важнѣйшее средство для достиженiя прежней, давно утраченной мужественности и доблести (*virtus*). Въ то же время онъ является рѣшительнымъ противникомъ Гиппократата и основнаго начала его общей терапiи: „природа—врачъ болѣзней.“ По мнѣнiю Асклепiада, излечиваетъ только врачъ, природа же доставляетъ лишь необходимыя къ тому случайныя условiя; природа столь же часто дѣйствуетъ вредно, какъ и благотворно на болѣзни: „*non solum prodesse naturam, verum etiam nocere*“ ⁷⁾. Имъ же введено правило: „*tuto, celeriter et jucunde curare*“ ⁸⁾. Такимъ образомъ послѣ Гиппократата его можно считать другимъ творцомъ показанiй на основанiи индивидуальнаго состоянiя больного и общей терапiи. На лихорадку онъ смотрѣлъ какъ на цѣли-

¹⁾ Тамъ же, *Chron*, l. III, c. 8, 469.

²⁾ Тамъ же, *Acut*, l. I, c. 14, p. 42.

³⁾ Тамъ же l. I, c. 1 p. 7, 8 и *Galen*, *De tremore*.

⁴⁾ *Caes. Aurel.*, *Chron*. l. II, c. 10, 390.

⁵⁾ Тамъ же, *Acut*, l. III, c. 7, 208 „*extensio et conductio perseverans, spasmus brevissimi temporis, et celerissimi—tremor*.“

⁶⁾ Тамъ же, l. I, c. 14, 43

⁷⁾ Тамъ же, p. 45 и *Celsus*, *de medicina*, l. III, c. 4.

⁸⁾ Тамъ же: „*Asclepiades officium medici esse dicit, ut tuto, celeriter, ut jucunde curet*.“

тельную силу, какъ на усиліе организма къ избавленію отъ болѣзни, а потому въ началѣ онъ запрещалъ всякую пищу и питье, даже не позволялъ полоскать ротъ, впоследствии же вмѣсто строгой діеты, неподвижнаго содержанія въ темпотѣ и разныхъ сложныхъ лекарствъ онъ назначалъ въ обиліи нанитки, пищу, воздухъ, свѣтъ, холодныя ванны (*ψυχρολύτης*), души (*balineae pensiles*), растиранія, какъ сильныя, такъ и легкія (послѣднія для усыпленія), активныя и пассивныя движенія („*gestatio*“) въ носилкахъ, въ креслахъ или на кораблѣ, а если болѣзнь этого не допускала, то въ кроватяхъ, привѣшанныхъ на перевкахъ наподобіе качалокъ (*lectuli pensiles*)¹⁾, наконецъ умѣренное употребленіе вина²⁾, словомъ всѣ средства, способныя поддерживать и оживлять силы въ экономіи организма. Поэтому онъ отвергалъ всякія истощающія средства, слишкомъ сильныя слабительныя и рвотныя и слишкомъ теплыя ванны, а чаще назначалъ клистиры, установивъ показанія къ нимъ въ воспаленіяхъ и лихорадкахъ³⁾, кровопусканія онъ употреблялъ, особенно при воспаленіяхъ, но ограничилъ ихъ примѣненіе, причѣмъ совѣтовалъ руководствоваться климатическими условіями („въ Римѣ и Афинахъ они вредны“) ⁴⁾. Особенное вниманіе онъ обращалъ на чистоту кожи и совѣтовалъ поддерживать потъ и кожную перспирацію, какъ главное условіе тѣлеснаго здоровья, сообразно съ его солидарной теоріей о составѣ тканей изъ атомовъ и поръ, которые должны быть свободны и пропускать проходящія черезъ нихъ молекулы, дабы не останавливать процессовъ постоянныхъ соединеній и разложеній въ организмѣ. Ему приписываютъ введеніе циклическихъ способовъ леченія, связанныхъ съ извѣстными періодами болѣзни. Такъ на 3 день при 3-дневной лихорадкѣ онъ прописывалъ послѣ приступа клистиръ, на 5—рвотныя, на 6—покой въ постели⁵⁾. При *Phlegnesia* онъ совершенно отвергалъ темную комнату и кровопусканіе, а совѣтовалъ отвары мака и болиголова, вино съ морской водой⁶⁾, при столбнякѣ и кишечной подагрѣ—теплыя ванны и втиранія масла⁷⁾, при падучей болѣзни—*coitus*⁸⁾, при водобоязни—внезапное погруженіе въ воду⁹⁾.

¹⁾ Cael. Aurel. l. c. и l. I, c. 15; Chron. l. II, c. 14, 425. Celsus, l. c. и l. II, c. 14, 15. Изъ активныхъ движеній А. совѣтовалъ: *ambulatio, transcensus lignorum, S. scamtae* (прыганіе черезъ доски или цѣпь) и т. п. Cael. Aurel. Chron., l. II, c. 1, 364.

²⁾ Cael. Aurel. Acut., l. I, c. 15. Celsus, l. III, c. 14.

³⁾ Celsus, l. I, c. 3, l. III, c. 4. Cael. Aurel., Acut., l. II, c. 39, 174.

⁴⁾ Cael. Aurel., Chron. l. II, c. 13. Acut. l. III, c. 8, 216, l. II, c. 22, p. „*se enim vidisse testatur apud Athenas atque urbem Romam phlebotomia vexatos vel... pejus acceptos esse pleuriticos. In Porio vero atque Helleponto resumptos ae relevatos.*“

⁵⁾ Celsus, l. III, c. 14.

⁶⁾ Тамъ же, l. III, c. 18.

⁷⁾ Cael. Aurel., Acut. l. III, c. 4, 8, 215, 216.

⁸⁾ Тамъ же, Chron., l. I, c. 4, 322.

⁹⁾ Celsus l, V, c. 27, v. 2.

Если въ терапіи Асклепіада отдѣлить несущественное и несообразное отъ дѣйствительно полезнаго, то нужно признать, что онъ во многихъ отношеніяхъ своими способами леченія открылъ новые пути въ медицину.

Въ хирургіи онъ извѣстенъ, какъ изобрѣтатель трахеотоміи ¹⁾. Кроме того онъ совѣтовалъ настилки у лодыжекъ при водянкѣ, равно какъ и проколъ живота съ возможно малымъ раненіемъ и наблюдалъ произвольныя вывихи тазобедреннаго состава ²⁾.

Вообще въ немъ сказывается въ высшей степени чутье органической жизни, съ удивительнымъ тактомъ схватывалъ онъ аналогическія черты между самыми различными повидимому болѣзнями и установилъ методическій способъ леченія, направленный больше на общее состояніе, чѣмъ на мѣстное. Асклепіадъ оставилъ многочисленныхъ учениковъ, изъ нихъ наибольшей славой пользовался

Themison изъ Лаодикеи (50 до Р. Х.), который развилъ его ученіе въ полную законченную систему подъ названіемъ „методической.“ Онъ оставилъ многія медицинскія сочиненія и считался однимъ изъ важнѣйшихъ медицинскихъ писателей древности— „auctor summus“ (Плиній), но былъ плохимъ практикомъ, не смотря на изобрѣтеніе ямъ-новыкъ лекарствъ, какъ *Diacodium*, *Diagrydium* и пр. ³⁾. Притомъ на старости лѣтъ, согласно свидѣтельству Цельза, онъ отрেকся отъ многихъ положеній Асклепіада ⁴⁾.

Ему приписываютъ: 1) *Libri periodici*—О периодическихъ болѣзняхъ (лионскій г. удѣ), 2) Сочиненіе объ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ, 3) О проказѣ, 4) О періодахъ леченія, 5) *Liber salutaris*, о діететикѣ, 6) Медицинскія письма (въ 9 книгахъ); и 7) сочиненіе объ *Elephantiasis* ⁵⁾.

Асклепіадъ элементарными формами болѣзней считалъ ненормальныя движенія атомовъ и свойства поръ, въ которыхъ они движутся. Themison значительно ограничилъ это опредѣленіе и всѣ болѣзни сводилъ къ ненормальному состоянію отношеній однихъ только поръ, къ ихъ уклоненіямъ отъ средней мѣры или средняго пути (*μέθοδος*). Эти уклоненія состоятъ либо въ сокращеніи,—*status strictus* (*στενύσις*, τὸ στενύνει), сопровождаемомъ сухостью, либо въ расслабленіи поръ—

¹⁾ Тамъ же, *Acut.*, I. III, с. 4 193, 195.

²⁾ Ср. *Sprengel*, II, 21 и *Oribasius*, ed. *Daremberg*, IV, 247.

³⁾ *Caes. Aurel.*, *Chron.*, I. III, с. 1, 483. Ср. *Sprengel*, II, 81.

⁴⁾ *Celsus*, *Praefatio*.

⁵⁾ *Caes. Aurel.*, *Chron.*, I. II, с. 8, 12, 13, I. IV, с. 1, 8. *Acut.* I. II, с. 9, 12.

status laxus (ῥῶσις, τὸ ῥοῦδες), сопровождаемомъ выдѣленіями. Впослѣдствіи *Mnaseas* присоединилъ сюда еще третье уклоненіе—*status mixtus* (τὸ μετῴμενον). Эти основныя уклоненія составляютъ такъ называемыя „общности“ методиковъ (κοινότητες, *communitates*)¹⁾. Каждая болѣзнь служить выраженіемъ господствующей во всемъ тѣлѣ общности (*communitas*), коей характеръ познается изъ общаго состоянія тѣла, а не отдѣльных частей, въ особенности же изъ выдѣленій (усиленія или уменьшенія ихъ), объ изслѣдованіи же причинъ, какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ, еще докускавшихъ Асклепиадомъ²⁾, у Темисона болѣе нѣтъ и рѣчи.

Примѣры: *status strictus* бываетъ при судорогахъ, столбнакѣ, эпилепсіи, ударѣ, боляхъ, воспаленіи, Пеллѣ, задержаніи мочи и гнилой лихорадкѣ, въ которой жаръ удерживается „копотью“ (*fuligo*); *status laxus* существуетъ при обморокѣ вслѣдствіе потери крови, при слишкомъ частыхъ испраженіяхъ (дизентеріи, дисентеріи), сахарномъ мочеизуреніи, рвотѣ, при внезапной радости; *status mixtus* при лихорадкѣ съ поносомъ, кровотеченіемъ, обморокомъ или обильными потоми, при парадичѣ, летаргіи, катаррѣ³⁾.

Кромѣ упомянутыхъ общностей принималось еще во вниманіе, протекаетъ ли болѣзнь скоротечно или хронически, усиливается ли она, остается ли на одной степени развитія или уменьшается. Такимъ образомъ присоединилась еще четвертая *communitas* или общность времени или теченія (*communitas temporalis*, κοινότης χρόνου) въ острыхъ болѣзняхъ, смотря по періоду ихъ развитія⁴⁾. Для этого методики, хотя и отвергали ученіе о кризисахъ, изобрѣли однако трехдневные періоды (*diatribai*), коихъ втеченіе первыхъ семи дней бываетъ три⁵⁾. Эта система считалась „методомъ“ или среднимъ путемъ между догматизмомъ и эмпиріей древнихъ врачей. Впослѣдствіи стали поговаривать о „среднемъ пути или методѣ науки,“ который въ частностяхъ старается отыскивать и схватывать общности, чтобы на нихъ основывать главную цѣль медицины—леченіе болѣзни⁶⁾. Всѣ же остальныя отрасли медицинскаго искусства, какъ діагностика, мѣстныя анатомическія измѣненія, симптоматологія, этиологія, ученіе о конституціи болѣзней,

¹⁾ Celsus, Praefatio.

²⁾ Cael. Aurel. Acut. I, I, c. 2, p. 12.

³⁾ Cael. Aurel. въ относящихся къ этимъ болѣзнямъ мѣстахъ и Prosper Alpinus, De med. method. Patav. 1611, I, II, c. 10, 11 и слѣд. Ср. Necker, I, 405.

⁴⁾ Cael. Aurel., Chron. I, II, c. 3, 368.

⁵⁾ Cael. Aurel. Chron. I, II, c. 13, 404: trium diatriborum spatium.

⁶⁾ Galen., Meth. med., I, III, c. 7. Celsus, Praefatio.

и проч., потеряли свое значение. Самые лучшие методики были невѣждами въ анатоміи. Вытекающая отсюда

Терапія весьма проста; врачу стоитъ только распознать данную „общность“ и изъ нея вывести соответственные показанія для леченія (*communitates curativae, κοινότητες θεραπευτικαί*), изъ коихъ самыми главными были сокращеніе и расслабленіе, которымъ подчинялись всѣ остальные, напр. *com. temporaria*. Основное правило методической терапіи, согласно патологическимъ взглядамъ методиковъ, не могло быть другимъ, какъ строгое послѣдовательное проведеніе правила „*contra grātia contra grātis*“, чтобы на каждую данную общность дѣйствовать средствомъ, способнымъ вызывать противоположенное состояніе, т. е. смотря по надобности сокращать или ослаблять, а при смѣшанномъ состояніи—устранять преобладающую общность. Впослѣдствіи, когда этихъ трехъ показаній оказалось недостаточно, придумали еще другія общности и основанныя на нихъ показанія, какъ „хирургическое“—для устраненія и народныхъ тѣлъ (*αλλοτρικόν*), смѣщеній, опухолей или возмѣщенія потерь вещества, и „профилактическое“—при раненіяхъ и отравленіяхъ ¹⁾. Что касается причиннаго показанія, то оно совершенно было изгнано изъ терапіи методиковъ: такъ при отравленіяхъ они даже не заботились прежде всего о выведеніи яда изъ организма, а имѣли въ виду лишь общность вызваннаго имъ страданія ²⁾.

Въ частности къ заслугамъ Темисона слѣдуетъ отнести вѣрный взглядъ на проказу и ея этиологію и установленіе рациональнаго способа леченія при этой болѣзни ³⁾, равно какъ и понятія о кахексїи ⁴⁾, далѣе описаніе ревматизма ⁵⁾, *Satyriasis* ⁶⁾ и водобоязни ⁷⁾, а также строгое разграниченіе, подобно Асклепіадѣ, хроническихъ болѣзней отъ острыхъ. Какъ на образчики его леченія укажемъ на то, что при воспаленіи легкихъ онъ примѣнялъ ванны и втираніе маселъ, при плевритѣ—вино съ морской водой ⁸⁾, при ударѣ, кромѣ кровопусканія,

¹⁾ Galen, *Introd.*, с 3 и *De optima secta ad. Thrasymb.* с. 82.

²⁾ Caes. Aurel., *Acut.* I, 1, с. 4, р. 17. Ср. Hecker, I, 402.

³⁾ Caes. Aurel., *Chron.* I, IV, с. 1.

⁴⁾ Тамъ же, I, III, с. 6.

⁵⁾ Тамъ же, I, III, с. 2.

⁶⁾ Тамъ же, *Acut.* I, III, с. 18.

⁷⁾ Самъ Темисонъ страдалъ одно время водобоязнью, которой заразился, по Целію, отъ укушенія бѣшеной собакой, а по Діоскориду при одномъ видѣ врача, пользовавшаго имъ и погибшаго отъ этой болѣзни. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ снова принимался за ея описаніе, но каждый разъ, изъ опасенія рецидива, долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Тамъ же с. 16, р. 232, и *Dioscorides, Meth. med.* I, VII, с. 2.

⁸⁾ Caes. Aurel., *Acut.* I, I, с. 16, р. 62, 63.

еще и трепанацію ¹⁾, при Ischias—верховую бѣду ²⁾, при кахексіи—длинные прогулки пѣшкомъ, а при водянкѣ—проколъ живота ³⁾. Кроме того онъ оставилъ книгу о *Plantago*, которое онъ считалъ универсальнымъ средствомъ. Ему же приписываютъ первое примѣненіе пѣявокъ ⁴⁾.

Изъ многочисленныхъ учениковъ Темисона самый извѣстный былъ

Thessalus изъ Траллеса въ Лидіи (50 до Р. Х.), жившій въ Римѣ въ царствованіе Нерона, которому посвятилъ свои сочиненія и писалъ, что онъ основалъ новую, единственно истинную медицинскую школу.

Сынъ ткача, въ мастерской коего онъ провелъ свои молодые годы, и предназначенный къ тому же ремеслу ⁵⁾, **Thessalus**, подобно всѣмъ полюбозвавшимся новаторамъ, съ несомнѣнно высокими дарованіями соединялъ крайнее высокомеріе и невѣжество въ самыхъ элементарныхъ вещахъ. Отсюда—его презрѣніе къ древнимъ и справедливое презрѣніе къ нему позднѣйшихъ врачей. И въ самомъ дѣлѣ человекъ, „ругавшій древнихъ съ грубостью ткача,“ утверждавшій, что все сдѣланное до него, **Тессала**, въ томъ числѣ и ученіе Гиппократова, лишено всякаго значенія, что Гиппократъ обкармливалъ своихъ больныхъ, что *Афоризмы* послѣдняго лживы и что только онъ одинъ обладаетъ истиной ⁶⁾, называвшій себя, въ своей эпитафій на атической дорогѣ, „побѣдителемъ врачей“ (*Ἰατρονίκης*) ⁷⁾ и бравшійся научить всей медицинѣ въ 6 мѣсяцевъ, при чемъ твердилъ, что для изученія ея вовсе нѣтъ надобности знать что либо ⁸⁾, такой человекъ не могъ заслужить уваженія послѣдующихъ поколѣній. Чтобы снискать довѣріе больныхъ, онъ льстилъ богатымъ, потворствовалъ ихъ грубымъ инстинктамъ, былъ съ ними крайне любезенъ и тѣмъ создалъ себѣ блестящее положеніе въ Римѣ, гдѣ появлялся на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи толпы искателей приключеній, какъ поваровъ, сапожниковъ, портныхъ, красильщиковъ, ткачей, кузнецовъ и т. п. ⁹⁾. Его поэтому считаютъ основателемъ поликлиники.

¹⁾ Тамъ же, *Chiron.*, I. II, с. 1, 365.

²⁾ Тамъ же, I. V, с. 1, 556.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 7, 465, с. 8, 478.

⁴⁾ Тамъ же, I. I, с. 1, 286 и *Sprengel*, II, 31.

⁵⁾ *Galen*, *Method. med.*, I, I, с. 2, 3.

⁶⁾ Тамъ же, с. 2 и *Comment. I in de vict. acut.*

⁷⁾ *Plinius*, *Hist. natur.*, I. XXIX, с. 1.

⁸⁾ *Galen*, *Meth. med.*, I, I, с. 1.

⁹⁾ *Galen*, I. с. и *Plinius*, I. с.

Съ другой стороны необходимо признать, что Тессалъ отличался практическимъ тактомъ и обогатилъ терапію худосочій или дискразій (къ которымъ общности не могли быть примѣнены) измѣняющимъ методомъ леченія (*methodus alterans*, μετασφύρισις), намекъ на который однако встрѣчается и у Гипократа. Этотъ методъ долженъ былъ служить для того, чтобы привести атомы въ другое расположение и совершенно измѣнить отношеніе атомовъ (*σφύρισις*) къ ихъ порамъ ¹⁾. Онъ состоялъ изъ восстанавливающей, рекоorporативной части (*Metasynkrisis*, *Metaporopoësis*, *recorporatio Aurelian'a*), посредствомъ которой должны были восстанавливаться силы организма (вопреки воздержанію!), и возраждающей, регенеративной части, имѣвшей цѣлю—измѣнить всю конституцію тѣла ²⁾. Этотъ методъ Тессалъ примѣнялъ не безъ успѣха и при застарѣлыхъ язвахъ, при коихъ онъ считалъ необходимымъ какъ внутреннее леченіе, такъ и мѣстное, состоявшее въ разрѣзахъ для освѣженія язвы и прикладываніи горчичниковъ на окружающую ее кожу ³⁾. Приведемъ здѣсь нѣсколько обращиковъ методической терапіи.

Противъ *status strictus* или *constrictio*, *compressio* употреблялись: теплыя ванны, теплыя обмыванія, теплый влажный воздухъ, теплыя приварки, потогонныя, мочегонныя, слабительныя, отхаркивающія, кровопусканія (на сторону противоположной мѣстному пораженію), кровососныя банки, насѣчи, плевки, впервые введенныя въ практику Темисономъ; какъ діететическія средства: воздержаніе отъ пищи, чистый теплый воздухъ, сонъ, умѣренные удовольствія и гимнастика при болѣзняхъ головы и *Asthma*, бѣганіе при тучности, охота пѣшкомъ и верхомъ, умѣренный *coitus* (воздержаніе причиняетъ головную боль и меланхолію).

Противъ *status laxus* или *solutio*: гранатовыя яблоки, *Sanguis draconis*, *Absynthium*, *Myrtha*, *Verbasum*, воды, содержащія желѣзо и квасцы, холодныя ванны, діететическія—холодный воздухъ, обильная пища, вино, психическое—причиненіе страха.

Противъ *status mixtus* избирають изъ обоихъ методовъ средства, соотвѣтствующія той общности, которая наиболѣе бросается въ глаза. По отношенію къ трехдневнымъ періодамъ, напр. при воспаленіи легкихъ, въ первые три дня—воздержаніе отъ пищи и питья, содержаніе въ умѣренно-тепломъ воздухѣ, горизонтальное положеніе. Во время асте—растягиванія груды, обертыванія въ напѣтанныя масломъ тряпки, запрещеніе сна. Послѣ асте—разрѣшеніе сна и кровопусканіе (!), похлебка изъ полбы, свѣжія яйца, питье изъ аниса, меда и масла. Снаружи—кровососныя банки, паровыя ванны, соки изъ меда и желтковъ, какъ грудное средство, подъ самый конецъ нарывный мастырь на грудь.

Примѣръ циклическаго леченія. а) Приготовительное или т. наз. *укрѣпляющее* (*Circulus resumptivus*, κύκλος ἀναληπτικός): на 1 день мало пищи и воды,

¹⁾ Galen, De simpl. medic. facult., l. V, c. 25.

²⁾ Cael Aurel., Chron., l. I, c. 1, 275 Orib. Collect. med. l. X, c. 41.

³⁾ Galen, Meth. medendi, l. IV, c. 4. (Отрывокъ изъ хирургическаго сочиненія Тессала).

у крѣпкихъ—абсолютное воздержаніе отъ обѣдъ, на 2 день немного движенія, втираніе масломъ, $\frac{1}{3}$ обыкновенной порціи или особо-предписанной пищи (хлѣбъ, овощи, удобоваримые сорта рыбы, молодня птицы, мозги поросенка или козлятъ) и такъ продолжать 2—3 дня сразу, затѣмъ прибавленіе второй трети и лишь 3—4 дня спустя полная порція. Такимъ же образомъ прибавлялись гимнастика и вино. Этотъ циклъ служилъ переходомъ къ слѣдующему сильно дѣйствующему методу, т. е. къ

b) *Metasyncrisis* въ тѣсномъ смыслѣ (*Circulus metasyncriticus*): первый день—постъ, второй—гимнастика, мази, ванны, $\frac{1}{3}$ порціи жаркаго, соленое мясо съ каперсами, горчицею, морскимъ лукомъ, соленая рыба, неспѣлыя маслины, т. н. (*ἔριμυράγαι*); спустя 2—3 дня $\frac{2}{3}$ порціи, спустя еще 3—4 дня—полная порція. Эту діету постоянно перемѣняли и каждый разъ снова прибѣгали къ этому способу, пока наконецъ не начинали новаго цикла—рвотными изъ рѣдки съ *Acetum Scillae* или исопы, *Origanum* и проч. Вредное дѣйствіе рвоты предупреждали сномъ. При этомъ прибѣгали къ средствамъ, вызывающимъ красноту или раздражающимъ и согрѣвающимъ кожу (*Adassatio*, *παρέκτησις*), какъ горячіе уголья, банки, горчичники, смоляные пластыри до выпаденія волосъ (*Drapacismus*, *ἔρωπλαξ*), а также посыпали все тѣло содой и затѣмъ растирали, наконецъ прибѣгали къ чихательнымъ и полосканіямъ зѣва острыми отварами ¹⁾.

Не смотря на многія односторонности, нельзя отнять у методической школы той заслуги, что она рѣшительно выступила противъ господства авторитетовъ, въ особенности гуморальной патологіи, и что она придавала особенное значеніе общему состоянію больныхъ, зато они вполне заслужили упрекъ въ пренебреженіи причинъ болѣзней и мѣстныхъ измѣненій, въ особенности же—обнаруживающихся въ теченіе болѣзни стремленій природы къ излеченію. Съ другой стороны однако разумная и всесторонняя оцѣнка по достоинству діететики и окружающихъ условий, чистоты воздуха, гимнастики, громкаго чтенія (*ἀναστυλις*, *clara lectio* по Цельзу), наконецъ значительное ограниченіе всѣхъ сильно дѣйствующихъ средствъ составляютъ неотъемлемое достоинство методической школы и надолго еще сохранилось въ медицинской практикѣ.

Къ приверженцамъ этой школы относятся:

Изъ учениковъ Асклепіада, кромѣ Темисона, еще

Philonides изъ Диррахіона (около 42 до Р. Х.), написавшій 45 книгъ, *Nicon* изъ Агригента (49 до Р. Х.) и *Titus Aufidius* изъ Сициліи (44 до Р. Х.), послѣдній писалъ о хроническихъ болѣзняхъ и рекомендовалъ при воспаленіи легкихъ—массажъ, а при меланхолии бичеваніе, голодъ, жажду и *coitus* ²⁾. Далѣе сюда относятся *Marcus Artorius* (31 до Р. Х.), спасшій жизнь Августу въ сраженіи при Филип-

¹⁾ *Caelius Aurel. Chron.*, l. 1, c. 1, 275—280. *Oribas. Collect. med.* l. X, c. 41.

²⁾ *Cael. Aurel., Chron.* l. I, c. 5, 339. *Sp. Sprengel*, l. c. II, 26.

пахъ и оставившій книги о водобоязни и долготѣтїи, Clodius и Nikegatos (42 до Р. X.), писавшій о каталепсїи ¹⁾, Chrysippos—о глїстахъ, въ 3 книгахъ, ²⁾ Miltiades Elaiusios, написавшій 13 книгъ о хроническихъ болѣзняхъ ³⁾. Сюда же принадлежитъ

Antonius Musa (10 по Р. X.), излечившій Августа отъ болѣзни печени, по способу Асклепіада, холодными примочками и ваннами, за что былъ щедро награжденъ, возведенъ въ званіе всадника и почтенъ статуей въ храмѣ Эскулапа. Это же удачное леченіе имѣло послѣдствіемъ вообще возвышеніе положенія всего врачебнаго сословія въ Римѣ, получившаго съ тѣхъ поръ значительныя льготы. Муза оставилъ нѣсколько сочиненій о лекарствахъ и формулы его противъ разныхъ болѣзней считались однѣми изъ лучшихъ ⁴⁾. Такъ имъ введены въ употребленіе смѣсь *Hyoscyami*, *Conii maculati* и опія, а также *Lactuca*, *Cichoria* и проч. ⁵⁾.

Его братъ **Euphorbus**, придворный врачъ Юбы Нумидійскаго, писалъ о естественныхъ наукахъ и его именемъ названы *Euphorbiaceae* ⁶⁾.

Изъ учениковъ **Темисона**: **Eudemos** (15 до Р. X.) и **Vectius Valens** (23 до Р. X.), лейбъ-медикъ Клавдія, оба извѣстные своими отношеніями: первый къ невѣсткѣ Тиверіи, Ливиллѣ, второй къ Мессалинѣ ⁷⁾. Первый писалъ о водобоязни (наблюденной имъ у одного врача даже отъ слезъ), и о видахъ ангины въ сочиненіи „*Curationes*,“ упоминаемомъ Целіемъ Авреліаномъ ⁸⁾.

Meges изъ Сидона (20 до Р. X.), извѣстный какъ хирургъ, наблюдалъ золотушныя опухоли грудныхъ желѣзъ и колѣнный вывихъ напередъ и изобрѣлъ инструменты для камнесѣченія ⁹⁾.

Изъ учениковъ **Бессала**: **Olympicus** (70 по Р. X.) ¹⁰⁾, **Mnaseas**, изобрѣтатель *status complexi* (80 по Р. X.) ¹¹⁾, **Apollonides** изъ Кипра

¹⁾ Тамъ же и 27.

²⁾ *Caes. Aurel.*, *Chron.* l. IV, c. 8, 537.

³⁾ *Soranus*, *De morb. mulier.* c. 47.

⁴⁾ *Galen*, *De composit. med. sec. gen.* l. II, c. 5. Но приписываемыя ему „*De herba Vetonica*“ и „*Instructio de bona valetudine conservanda*“—позднѣйшаго происхожденія. Ср. *Haeser*, I, 298.

⁵⁾ Ср. *Sprengel*, II, 33, 84.

⁶⁾ *Plinius*, l. XXV, c. 7.

⁷⁾ Тамъ же, l. XXIX, c. 1.

⁸⁾ *Caes. Aurel.*, *Acut.*, l. III, c. 11, 221, и l. III, c. 1, 180.

⁹⁾ *Celsus*, l. V, c. 28; l. VIII, c. 21 и l. VII, c. 26.

¹⁰⁾ *Galen*, *Meth. med.*, l. I, c. 7.

¹¹⁾ *Caes. Aurel.*, *Acut.* l. II, c. 5, 81, *Chron.*, l. I, c. 5, 329, l. II, c. 7, 380.

(100 по Р. Х.) ¹⁾ и Iulianus старшій изъ Александріи (146 по Р. Х.), написавшій сочиненія противъ Гипократа и „Введеніе въ медицину“, учился въ Александріи вмѣстѣ съ Галеномъ, возненавидѣвшимъ его впоследствии, и извѣстенъ своимъ ученымъ споромъ съ послѣднимъ ²⁾. Въ особенности же изъ учениковъ Тессала былъ извѣстенъ

Philumenes (80 по Р. Х.). Онъ первый обратилъ вниманіе на сходство кровавыхъ поносовъ съ господствующими лихорадками, писалъ практическіе трактаты о ревматической дизентеріи, странгуріи, каталепсіи, Amaurosis, причину коей онъ полагалъ въ нервной системѣ, составилъ лекарство „Anthoga“ противъ язвъ во рту, наибольшую же извѣстность онъ получилъ оттого, что былъ первымъ врачомъ, занимавшимся акушерствомъ въ Римѣ, гдѣ до того этимъ дѣломъ заведывали только акушерки (praesectrices umbilicorum или obstetrices medicae). Онъ писалъ о поворотѣ, объ узкомъ и искривленномъ тазѣ, о слишкомъ юномъ или слишкомъ старомъ возрастѣ, какъ о препятствіяхъ для родовъ, о полипахъ матки, и установилъ показанія для извлечения младенца по кускамъ, а равно для леченія разстройствъ въ теченіе беременности ³⁾. По мнѣнію Pinoff'a, однако, всѣ эти заслуги ошибочно приписываются Аэціемъ и другими Филомену, и право первенства въ акушерской терапіи древнихъ завоевалъ себѣ, по всей справедливости, самый знаменитый изъ послѣдователей методической школы, въ его лицѣ достигшей своего апогея, а именно:

Soranus старшій изъ Эфеса (100 по Р. Х.). Онъ жилъ въ Римѣ въ царствованіе Траяна и Адриана и пользовался большою извѣстностью какъ акушеръ, писалъ о многихъ предметахъ и слылъ самымъ ученымъ и лучшимъ адептомъ методической школы и вообще однимъ изъ самыхъ выдающихся врачей древности. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Сораномъ Косскимъ, авторомъ біографіи Гипократа. Важнѣйшія изъ его сочиненій, обнимавшихъ всѣ области медицины, и изъ коихъ отрывки сохранились у Целія Авреліана и другихъ, слѣдующія:

1) περί σημείων καταγμάτων—de signis fracturarum, сохраненный Niketas'омъ трактатъ. Въ сборникѣ Cocchi, Florent. 1874 на греческомъ и латинскомъ, Florent. 1754. Новѣйшее изданіе у Ideler'a въ Physici et medici graeci minores. Berol. 1841.

¹⁾ Galen, l. c.

²⁾ Тамъ же, и Galen, advers. ea quae Iuliano etc.

³⁾ Alexander Trallian, l. VIII, c. 8, c. 7 и c. 5, Oribas. l. VI, cc. 38, 41, l. VIII, c. 11, 17 и l. III, p. 102. Aëtius Tetr. III, Sermon. 3, c. 20, IV, Sermon. 4, c. 24 и 23. Cp. Sprengel, II, 43—45.

- 2) *περὶ βῆξέων καθῶν* и *περὶ χρονίων καθῶν*—*de acutis et chronicis affectionibus*.
 3) *De febris* (Caelius Aurelianus).
 4) *Τὸ ὑγιεινὸν, ὑγιεινὸς λόγος* (*Salutaria praescripta* у Целия Аврелиана).
 5) *περὶ γυναικείων καθῶν de mulierum morbis*—сочинение въ оригиналѣ, которое впервые стало известнымъ по греческому изданію, приготовленному по парижской и римской рукописямъ Dietz'емъ и оконченному Lobesk'омъ. подъ заглавіемъ: *Sorani Ephesii de arte obstetrica morbisque mulierum quae sup rsunt. Ex apographo R. Dietz etc.*“, Regimonte 1838, а въ новѣйшее время на греческомъ и латинскомъ языкахъ издано *Ermers'омъ* (Traj. ad. Rhenum, 1869). Последнее издание: V. Rose, въ Soran: *gynaeciorum vetus translutio*, Lipsiae, 1882. Объ этомъ сочиненіи Сорана подробно писали: *Haeser: De Scrano Ephesio ejusque περὶ γυναικείων καθῶν libro nuper reperto programma. Jenae 1890* и *Isid. Pinoff: Artis obstetriciae Sorani Ephesi doctrina, ad ejus librum περὶ γυναικείων καθῶν nuper repertum exposita* (Dissert. Vratisl. 1841). Того же: „*Die Geburtshilfe d. Soranus Ephesius*“ въ „*Ianus*“ I и II, 1847/.
- 6) *Libri responsionum* (Caelius). 7) *περὶ φαρμακείας* (4 книги). 8) *Μονόβιβλον φαρμακευτικόν*. 9) *περὶ κοινότητων* (2 книги). 10) *Libri αιτιολογουμένοι* (Caelius). 11) *περὶ σπέρματος, περὶ ζωογονίας*. 12) *περὶ ψυχῆς*, 4 книги (Tertullianus).
- 13) *Μονόβιβλον περὶ ὀνομασιῶν*, (или *περὶ ἐτυμολογιῶν, περὶ κατασκευῆς*) *τοῦ ἀνθρώπου καὶ ὀνομασίας πάντων τῶν μελῶν καὶ τῶν στοιχείων*.
- 14) *Βίαι ἰατρῶν καὶ αἰρέσεις καὶ συντάγματα*, 10 книгъ (Suidas).
- 15) *ὑπομνήματα περὶ βοήθημάτων*, о терапевтическихъ вспомогательныхъ средствахъ, вѣроятно тождественно съ „*De adjutoris*“ Целия Аврелиана. Здѣсь между прочимъ говорилось о леченіи минеральными водами. Кромѣ того нѣя Сорана послѣ еще 4 сочиненія:
- 1) *De medicamentis*, открытое Daremberg'омъ въ Бамбергѣ.
 2) *Quaestiones medicinales*, вѣроятно тождественныя съ *Interrogationes* Целия Аврелиана.
 3) *De pulsibus*, оба открытыя V. Rose (*Anecdota graecae et graecolatinae Berolin. 1872*), наковедъ 4) *De digestionibus* (тамъ же) 1).

Изъ этого перечня сочиненій Сорана видно, что онъ разрабатывалъ самыя различныя отрасли медицины. Вліяніе его простиралось какъ на византійскій, такъ и далеко на средне-вѣковой періоды медицины, что доказывается единодушными отзывами Галена, рекомендующаго многія его средства, не смотря на его непріязнь къ методической школѣ, отцовъ церкви Тертуліана и Августина, далѣе Орибазія, Аэція, Павла Эгинскаго, въ особенности же Целия Аврелиана, который 300 лѣтъ спустя послѣ смерти Сорана обработалъ на латинскомъ языкѣ главное сочиненіе его „*no πατολoγiи и θεραπiи*“ (№ 2) и по всей

1) Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 92, 93; Haeser, I, 805.

вѣроятности и нѣкоторыя другія. Такимъ вліяніемъ Соранъ несомнѣнно обязанъ этому объемистому сочиненію „περὶ δξέων и χρώνων παθῶν,“ составляющему главный источникъ для ознакомленія съ практической дѣятельностью послѣдователей методической школы. Не менѣе славился онъ какъ хирургъ. Но самое важное значеніе для исторіи медицины имѣетъ его обширное сочиненіе по *гинекологіи и акушерству*, единственное во всей древней литературѣ объ этомъ предметѣ, сохранившееся до настоящаго времени. Такъ какъ о его „*Патологіи и терапіи*“ рѣчь будетъ впереди, при изложеніи работъ его референта Целія Аврелиана, то мы здѣсь разсмотримъ подробнѣе содержаніе его гинекологическаго сочиненія (№ 5), первоначально предназначавшагося для повивальныхъ бабокъ.

Въ предисловіи, въ отличіе отъ другихъ, раздѣляющихъ гинекологию „на теоретическую и практическую“ или на физиологическую, патологическую и терапевтическую, Соранъ съ своей стороны предлагаетъ дѣленіе на 2 главныхъ отдѣла: на отдѣлъ „о повивальныхъ бабкахъ“ и на отдѣлъ „о случайностяхъ, съ которыми приходится встрѣчаться повивальнымъ бабкамъ“ ¹⁾.

Пері γυναικείων παθῶν начинается поэтому исчисленіемъ качествъ, которыми должна обладать хорошая повивальная бабка (ἀρίστη μῆτρα). По мнѣнію Сорана, нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы это была рожавшая женщина: не бывшая никогда матерью даже заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ она будетъ сострадательнѣе; она должна быть трезва и хорошо знакома со всѣми частями акушерской терапіи: діететической, манипуляціонной и фармакологической ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе женскихъ половыхъ органовъ, менструаціи и беременности. Правила для веденія родовъ, для отдѣленія послѣда совершенно цѣлесообразны.

Описаніе женскихъ половыхъ органовъ свидѣтельствуетъ о недостаточности *анатомическихъ* познаній Сорана которыя впрочемъ самъ онъ считалъ „безполезными“ (ἄχρηστον τὴν ἀνατομὴν) ³⁾, въ чемъ такъ и видно методика. Влагалище (κάλυξ) представляетъ перепончатый каналъ въ 6 поперечныхъ пальцевъ длиной, съ морщинами (στολίδες), разглаживающимися при coitus. По Pinoff'у, существованіе hymenis Соранъ отвергаетъ, хотя допускаетъ заращенія влагалища и матки ⁴⁾. Матка μήτρα, ὑστερα, δελφύς) имѣетъ

¹⁾ Sorani Gynaeciorum vetus translatio etc. ed. Rose, Lipsia, 1882, p. 171.

²⁾ Тамъ же, с.с. 1, 2.

³⁾ Тамъ же, с. 2 въ концѣ, p. 175.

⁴⁾ Ср. Pinoff l. с. въ „Janus“ I, 732, но это не вѣрно, такъ какъ въ изд. Rose l. с. с. 3, p. 181, читаемъ: „δμήν δέ ἐστι νευρώδης“ и т. д.

ей банки (σπίλα) и состоитъ изъ 2 оболочекъ: наружной и перепончатой, въ которой развѣтвляются нервы, бага мозга, и внутренней, мышечной, рыхлой и красящихся въ ней сосудовъ, а именно 2 артерій, идущихъ (αίμα), и 2 вень, идущихъ отъ v. cava. Плотность матки тностью легкихъ и языка. Матка соединена съ сосѣд- средствомъ перепонокъ (ὄμηρες). Измѣненія положенія отъ сокращенія послѣднихъ вслѣдствіе воспаления, а атка—животное (ζῷον μὲν σὺν οὐσα ὑστέρα), какъ думали ое устье (τὸ στόμιον) открыто при coitus и менструаціи; етъ шейку (τράχηλος), cervix (αὐχὴν), стволъ (καυλός), ка (πλευρά) и дно (βάσις) матки, все это, вмѣстѣ взятое, званіе κύτος (conceptaculum), γαστήρ (venter) и κόλπος (si- нахъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе, говорить, о спер- емъ отъ каждаго ячника къ мочевому пузырю, почему, по ое сѣмя ничѣмъ не можетъ содѣйствовать зачатію, и еще о нниковъ, ссылаюсь на свое сочиненіе περί σπέρματος λόγος, каго врача и на собственные наблюденія „у женщины, слѣдствіе Enterocoele.“ Вырѣзываніе матки не безусловно доказываетъ случай Темисона и гальскій обычай операцію на свиньяхъ съ цѣлю ихъ откармливанія ²). онъ отвергаетъ, но описываетъ Chorion, Allantois, Amnion оторой проходятъ 2 вены, отрывающіяся въ полую, и 2 у. Объ Utrachus и его соединеніи съ мочевымъ пузыремъ ть только по наслышкѣ ³).

физиологическій отдѣлъ занимается менструаціей, ко- не имѣетъ мѣста для всѣхъ женщинъ въ одно и то же яль Діоклесъ, или во время убыванія луны, какъ по- рать. Вопросъ, способствуетъ ли она здоровью и за- какъ и Герофиль, рѣшаетъ въ положительномъ смы- ть Темисона и большинства методиковъ, принимав- ніе дѣтей ослабляетъ ⁴). Въ такомъ же смыслѣ рѣшаетъ ть о постоянной дѣвственности (διηνεκῆς παρθενία) ⁵). За- м о дѣвическомъ воспитаніи (παρθενотреφετέον) женщины

ed. Rose I, с. 3 p.p. 175—178.

9—181

I, с., с. 17, p.p. 225, 226.

с. 4—6.

7.

(с. 8), рассматриваются способность къ зачатію (с. 9), благоприятное время для плодотворнаго соитія (въ періодѣ убывающей менструаціи, с. 10), да-дѣе рѣчь идетъ о томъ, здорова ли беременность (с. 11), о признакахъ беременности (с. 12), о вѣроятномъ полѣ младенца, причемъ Soranus высказы-вается противъ ученія древнихъ (Гиппократъ) о происхожденіи мальчиковъ на правой сторонѣ (с. 13), объ уходѣ за беременными (с. 14), о Pica (κίσση, с. 15) и ея леченіи (с. 16), объ оболочкахъ плода и пуповнѣ (с. 17), о признакахъ отдѣленія искусственно умерщвленнаго плода, куда относятся отхожденіе водъ, крови, холодъ конечностей, бессонница, столбнякъ, Epilepsia (с. 18) ¹⁾. Abortивныя средства Соранъ, также какъ и Гиппократъ считаетъ вообще вредными и потому по его мнѣнію лучше уже стараться препятствовать зачатію (μᾶλλον συμφέρε τὸ μὴ συλλαβεῖν) ²⁾. Оттого онъ допускаетъ только ἀτόκια (средства противъ зачатія), какъ закрытіе маточнаго устья ватой, мазями, старымъ (прокисшимъ) масломъ; внутрь вода изъ гасильныхъ ведеръ кузнецовъ, особенно послѣ мен-струаціи, употребленіе матки лошачихи (возбуждающее антипатию). Что же касается φθόρια (средствъ, убивающихъ плодъ), то они примѣнны только у здоровыхъ женщинъ и то лишь на 3 мѣсяцѣ. Сюда относятся: постъ, ванны, обильныя кровопусканія, размягчающія впрыскиванія, ѣзда, встряска и пессаріи изъ Galbanum, Coccus indicus и терпентина. Про-коль оболочекъ острымъ инструментомъ отвергается изъ опасенія поране-нія родовыхъ путей ³⁾. Къ abortивнымъ относятся еще Elaterium, Helle-borus niger, Pyrethrum, Opopanax ⁴⁾. Далѣе рѣчь идетъ о признакахъ начи-нающихся нормальныхъ родовъ (с. 20) и приготовленія къ родамъ, при коихъ слѣдуетъ имѣть наготовѣ: масло, теплую воду, припарки, мягкія губки, вату, бинты, подушку, нюхательныя средства, родильное кре-сло и двѣ кровати ⁵⁾. У первороженницъ для приготовленія къ родамъ рекомендуются втиранія жира, частыя введенія пальца въ маточное устье,

¹⁾ Здѣсь же Соранъ замѣчаетъ, что при естественномъ выкидышѣ груди по Гиппократу западаютъ: „καθὼς ἰπποκράτης φησὶ, παράλογος μαστῶν ἰσχυρισμός,“ согласно афоризму Гиппократъ: „Quae abortum facturae sunt, iis mammae marcescunt.“ Aphorism. S. V, 53.

²⁾ Тамъ же, I, I, с. 19, р. 230.

³⁾ Тамъ же, с. 19, р. 229—235. При этомъ Soranus указываетъ на то, что Гиппократъ, отвергая въ „Прислѣ“ ἀτόκια и φθόρια, въ *De natura pueri* однако допускаетъ ἐκβόλιον, какъ прыжокъ на землю („πρὸς τὴν γῆν πηδῆσαι), который онъ посоветовалъ арфисткѣ и котораго очевидно не считалъ abortивнымъ. Это замѣчаніе вѣдѣтъ подтверждаетъ подлинность книги *De natura pueri*, ибо Соранъ совершенно ясно говоритъ: „ἐν τῷ περὶ παιδίου φύσεως.“ Тамъ же, р. 229.

⁴⁾ Тамъ же, I, II, с. 1, р. 310. Ср. Haeser, I, 309.

⁵⁾ Soranus, ed. Rose, I, I, с. 21, 236.

ение послѣдняго сухими губками, папирусомъ, для удален-
 млада 1). Очевидно здѣсь впервые намѣчено *accouchement*
 ные роды совершаются на весьма точно описанномъ Со-
 номъ креслѣ (*ἔθρον μασητικὸν ἢ κατέδραν*), съ полудунною
 парками для спины и рукъ 2); ненормальные роды—на
 ровати, гдѣ роды совершаются вѣрнѣе и безопаснѣе. При
 щины поддерживаютъ роженницу съ боковъ, а третья, сто-
 я, не позволяетъ ей подаваться впередъ. Противъ роженницы
 ить „прилично опоясанная“ повивальная бабка. Промеж-
 вается полотняннoй тряпкой. Во время потугъ помогающія
 гъ за младенца, разминаютъ животъ и проч., чтобы спо-
 амъ. Если потуги остаются безъ дѣйствія, тогда повивальная
 приступить къ нѣжному и осторожному искусственному раз-
 аточного устья пальцами, котораго однако отнюдь не
 время сокращенія матки, ибо тогда легко могутъ насту-
 , кровотеченія и опущеніе матки 3). При задержаніи
 us отвергалъ всѣ грубые методы, а отдѣляя его конусо-
 ной рукой, введенной въ матку, причѣмъ предостерегаетъ отъ
 орота матки. При закрытіи маточнаго устья, прибѣгаютъ для
 къ инъекціямъ, припаркамъ, втираніямъ и опять къ впры-
 упорныхъ же случаяхъ къ чихательнымъ (*Castoreum*, пе-
 иваніямъ изъ *Cassia*, нарда, *Artemisia*, *Iris*, *Sabina* и пр.
 отря на всѣ эти средства, расширение все таки не уда-
 ть ожидать до наступленія гніенія, пуговину же разрѣзы-
 нструментомъ, перевязавъ предварительно оба
 епятствіями для родовъ (дистокіи) служатъ или об-
 іе матери, какъ печаль, радость, эклампсія, слишкомъ
 юкомъ пожилой возрастъ, или ненормальное состояніе ея
 органовъ, какъ заращенія, суженіе и затвердѣлость маточ-
 и влагалища, уклоненія и воспаление матки, большая
 преждевременный разрывъ оболочекъ, опухоли во влага-
 иррѣ, полипъ или мозолистыя разращенія, для изслѣдова-
 употреблялось маточное зеркало (*διπτρα*) 4), камни въ мо-

с. 21, р. 241.

236, 238.

239—241.

с. с. 22, 242—244 и Pinoff l. с. 49. Haeser, I, 311.

ѣ найдено множество такихъ бронзовыхъ инструментовъ, состоящихъ
 абаженаго винтомъ. Ср. Haeser, I, 317.

чевомъ пузырь, наконецъ окостенѣніе ligam. oss. pubis, экзостозы, слишкомъ широкій или слишкомъ узкій тазъ, такъ какъ при этомъ разрывъ оболочекъ наступаетъ только съ наступленіемъ сильныхъ потугъ. Со стороны дитяти причинами трудныхъ родовъ бываютъ: слишкомъ большая величина всего младенца или части (*ὕπερκεφαλον*), присутствіе нѣсколькихъ плодовъ, мертвый плодъ и ненормальное положеніе младенца ¹⁾. Изъ положеній младенца Соранъ описываетъ какъ нормальное—головное положеніе, затѣмъ предлежаніе ножекъ. Самымъ неблагоприятнымъ слѣдуетъ считать двойное положеніе (*διὰ πλάτους*). Оно распадается на вида: 1) предлежаніе головки съ выпаденіемъ одной или обѣихъ ножекъ, 2) предлежаніе поясничныхъ позвонковъ, и 3) предлежаніе живота. Изъ нихъ послѣднее все таки лучше другихъ, такъ какъ разрывъ живота младенца и выпущеніе внутренностей позволяетъ измѣненіе его положенія ²⁾.

Въ акушерской терапіи Soranus приобрѣлъ величайшія заслуги тѣмъ, что совершенно устранилъ всѣ грубые и насильственные приемы, каковы встряска, вхожденіе на лѣстницу и проч.

Врачъ прежде всего долженъ освѣдомляться у повивальной бабки о ходѣ родовъ, о конституціи роженицы, степени ея теплоты или холода, свойствъ (объемъ) таза, окружающихъ плодъ оболочекъ, матки, о настроеніи роженицы и т. п. Только тогда овъ можетъ приступить къ подаванію роженицѣ необходимой помощи. Точ о также не слѣдуетъ повивальной бабкѣ предпринимать неосторожнаго расширенія маточнаго устья. Если трудные роды происходятъ отъ слишкомъ большаго размѣра таза, то роженица должна лечь на колѣна (*ἐπὶ τὰ γόνατα*), дабы матка, упираясь въ Epigastrium, приняла вмѣстѣ съ маточной шейкой прямое направленіе, каковой способъ примѣнимъ также у тучныхъ женщинъ. При закрытіи маточнаго устья слѣдуетъ примѣнять размягчающія средства, какъ втирающія теплымъ масломъ, отваромъ сѣна (*Foenum graecum*), мальвы, льнянаго сѣмени; размягчающія впрыскиванія, припарки на лобную область, Epigastrium, поясницу. Если эти средства не помогаютъ, то роженицу слѣдуетъ слегка подвигать на креслѣ. Conquassationes Соранъ отвергаетъ. Врачъ долженъ уговаривать роженицу терпѣливо переносить боли. Падающихъ въ обморокъ должно приводить въ чувство укрѣпляющими средствами. Если дистокія происходитъ отъ опухоли въ дѣтородныхъ частяхъ, то ее слѣдуетъ удалить пальцами или хирургическимъ путемъ (вырѣзваніемъ). Сюда относятся *θῆμος κόνδυλος, σαρκὸς περίρριξ*. Затерзаннй каль удаляется масляными клистирами, накопившаяся моча—катетеромъ. Мочевые камни слѣдуетъ съ помощью катетера отодвигать въ полость мочевого пузыря. Если причина дистокіи заключается въ дѣлсти Chorioon то ее слѣдуетъ разорвать пальцами, если же родовныя воды вытекли слишкомъ рано, то впрыскивать во влагалище масло ³⁾. Если головка лежитъ сбоку, то врачъ вводитъ въ матку

¹⁾ Soranus, ed. Rose I. II, с. 17, 348—356. Здѣсь же находимъ подробное вложеніе относидхся сюда мифній Герофила, Андрея, Діоклеса изъ Каристы Клеофанта и Деметрія, съ ссылками на ихъ сочиненія. Тамъ же, 348—351.

²⁾ Тамъ же, 352, 353.

³⁾ Тамъ же, I. II, с. 18, 357—359.

лвою руку и поворачиваетъ головку такъ, чтобы она приходи-
 устья. Если же головка плотно обхвачена маточнымъ устьемъ, то
 измѣненіемъ положенія либо дитяти, либо матки. Роженцу тогда
 бокъ, если дитя находится въ лѣвой, и на лѣвый, если дитя помѣ-
 ронъ матеря. Если дитя лежитъ болѣе къ поясницѣ, то и положеніе
 болѣе назадъ и отлого, если дитя лежитъ впередъ и ближе къ Ери-
 жна лечь напередъ и на колѣна. Если одновременно съ
 наступаетъ ущемленіе послѣдней, то, введши руку, подають младенца
 зомъ, удаливъ въ прежняго положенія, приводать въ другое, лучшее.
 а ручка, то отнюдь не слѣдуетъ за нее тянуть, ибо тог а легко про-
 а потому младенца слѣдуетъ подать вверхъ и, согнувъ ручку въ лок-
 ть разогнуть и мимо туловища провести къ бедру. Если предлежать
 также подаетъ младенца вверхъ, положивъ пальцы на плечи послѣд-
 нибайются въ локтевыхъ составахъ, снова разгибаются и проводятся
 тогда головка потягивается впередъ. Если же головка нѣтъ столь
 го можетъ пройти вмѣстѣ съ ручками, то этого положенія измѣнить
 же не слѣдуетъ тянуть за ножку при предлежаніи послѣдней, а, впра-
 комъ съ другой ножкой. При предлежаніи же обѣихъ ножекъ онѣ
 на подобіе ручекъ. Если обѣ ножки оказываются въ маткѣ удален-
 н, то ихъ слѣдуетъ соединить и подвести къ маточному устью. Если
 го слѣдуетъ тянуть за ножки, равно какъ и при предлежаніи копчиковой
 переносимъ положенія слѣдуетъ дѣлать поворотъ на голо-
 точно также постулатъ при „двойномъ положеніи.“ Если зародышей
 ть какъ въ случаяхъ единичныхъ зародышей. „Двойное положеніе“
 о въ простое и затѣмъ дѣлать поворотъ. На все это слѣдуетъ дѣлать
 ой рукой, дабы части не подверглись ушибамъ и дитя явилось цѣлымъ
 вѣтъ ¹⁾. Если же всѣми указанными способами не удастся извлечь мла-
 приступить къ эмбриу льдін и эмбриотоміи, жертвуя жизнью
 а матери („καὶ ἄρ εἰ τὸ κηρὸν διαφείρεται, τὴν κοίτην αὐτῆς“

наго видно, что, согласно Сорану, всѣ ненормальныя по-
 бытъ приведены въ нормальныя, т. е. въ предлежа-
 ножекъ, въ особенности это относится къ предлежа-
 и живота, изъ коихъ последнее еще благопріятнѣе дру-
 позволяетъ введеніе руки для производства поворота на
 ки. При выпаденіи одной ручки, одной или обѣихъ но-
 ности слѣдуетъ ввести обратно предлежащую часть, так-
 лать поворотъ, въ крайнемъ случаѣ предлежащая ручка
 ущена, а вода при Hydrocephalus выпущена. Если же
 выпаденіе мимо нея ручки не всегда требуетъ ручныхъ

1. с. с. 18, р. 359—362.
 II, с. 19 вначалѣ, р. 362.
 I, 318.

„Двойное положеніе,“ когда головка и ножки одинаково удалены отъ выхода изъ таза, требуетъ поворота на ножки, которымъ Soranus достигалъ счастливаго исхода при многочисленныхъ случаяхъ родовъ. При предлежаніи ножекъ туловище легко можетъ оторваться отъ головки, для освобожденія которой можетъ потребоваться примѣненіе крючка: ибо совѣтъ Sostratus'a—продвинуть головку въ малый тазъ давленіемъ черезъ брюшные покровы и задній проходъ—непримѣнимъ въ слѣдствіе высокаго стоянія матки ¹⁾. Въ новѣйшее время, для послѣда, Crédé нашелъ этотъ способъ вполне удобопримѣнимымъ. Къ раздробленію младенца (эмбриульціи) слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ ²⁾. При этомъ врачъ (ὁ χειρουργός) сначала убѣждается посредствомъ зеркала (δὲ τῆς διόπτρας), нѣтъ ли опухолей, или мозолистыхъ разраженій и пр. которыя тогда захватываются крючкомъ и отрѣзываются полипотомомъ. Если устье матки заросло перепонкой, то послѣдняя отрѣзывается ножомъ если оболочки слишкомъ толсты, то, захвативъ крючкомъ, ихъ надрѣзываютъ ножомъ (Skoloromacheiron) ³⁾. Самая эмбриульція производится слѣдующимъ образомъ: бока роженицы прикрѣпляются къ бокамъ кровати устье матки въ случаѣ надобности расширяется помощью сухой губки и смазанная масломъ рука вводится въ матку. Наболѣе удобныя для прободенія мѣста суть: глаза, затылокъ, твердое небо, область ключицы, сочлененіе ея съ грудиной. Неудобнымъ считается прободеніе наружнаго слуховаго прохода и вырѣзываніе плечевой кости, такъ такъ выстояшіе острые костные концы затрудняютъ дальнѣйшій ходъ родовъ. На нижней половинѣ тѣла для выниманія по кускамъ годятся области лоннаго сращенія и межреберныхъ пространствъ ⁴⁾. Если не возможно воспользоваться однимъ изъ указанныхъ мѣстъ, то разрѣзываютъ ножомъ какое-нибудь до ступинное мѣсто и послѣ выниманія внутренностей (экцентераціи) извлекаютъ остатокъ при помощи двухъ крючковъ, наложенныхъ на соотвѣтствующія другъ другу мѣста ⁵⁾.

Операция производится такъ: инструментъ (Ἐμβριουλικός, instrumentum tractorium по Азцію) захватывается правой рукой, а кривизна его (κλίπη, curvatura), закрытая пальцами, вводится осторожно лѣвой рукой и упирается въ одно изъ указанныхъ мѣстъ но въ тоже время необходимо сдѣлать другимъ прободеніе противоположной части тѣла дабы тракціи производились въ прямомъ направленіи и зародышъ не ущемлялся, если часть его подается въ сторону. Затѣмъ, обведя правый палецъ между маточнымъ устьемъ и предлежащей частью младенца, дѣлаютъ пробныя тракціи съ равномернымъ и продолжительнымъ напряженіемъ. Если зародышъ не слѣдуетъ первому притяженію, то какъ первый

¹⁾ Soranus, ed. Rose l. II, c. 19, p. 368.

²⁾ Тамъ же, 362.

³⁾ Soranus, ed. Dietz, p. 119, 120. Ср. Pinoff l. c. 240, 241. Цитируемъ по Dietz'у, такъ какъ въ изданіи Rose мы этого наименованія инструмента не нашли.

⁴⁾ Soranus, ed. Rose l. II, c. 19, 364.

⁵⁾ Ср. Haeser, I, 319 и Pinoff l. c. 234, 235.

менты накладываются выше, до совершеннаго извлеченія младенца. Торчащихъ ножкахъ не выводить, ихъ отрѣзываютъ въ тазобедренныхъ и торчащія ручки, если онѣ не вправимы. Если ущемляется головка большого объема (какъ напр. при Hydrocephalus), то она прокалывается полипотомомъ, для каковой цѣли пригоднѣе всего osса bregmatica. Если же не можетъ быть извлечена, то необходимо сдѣлать прободеніе черепной кости Odontagra (forceps dentarius) и такимъ образомъ уменьшить объемъ головы, но прободеніе головки туловище не выводитъ по причинѣ задержанія тѣла по частямъ, удаливъ содержимое живота. Эмбриотомія и при „двойномъ положеніи, если ово не можетъ быть извлечено, подробно разсматриваются вызываемыя этой операціей патологическія какъ и средства къ ихъ устраненію¹⁾.

инструментовъ, кромѣ маточнаго зеркала, Соранъ для извлеченія плода: 1) ἑμψροῦλος (uncinus, attractorius curvatus), 2) ἀλφρῦν (alprum), 3) δὲόνταγρᾶ (forceps dentarius), 4) ὄσταγρᾶ (f. os), 5) ῥίζαγρᾶ для извлеченія осколковъ, 6) σκολοπομαχαίριον (скальпель), 7) σπάθιον κοτυλιχόν и 8) σπιλίον (скальпель)²⁾.

Соранъ приводитъ здѣсь замѣтки Сорана о выпаденіи матки и о причинахъ ея, по его мнѣнію, бываютъ: разрывъ матки, слишкомъ сильныя тракціи при удаленіи послѣда, поврежденіе матки, разнаго рода раненія, душевные аффекты, общія слабости, атрофія мышцъ и наконецъ параличъ матки и окружающихъ органовъ. При падки: вначалѣ кровотеченіе, затѣмъ боли въ области живота, разнаго рода раненія, душевные аффекты, общія слабости, атрофія мышцъ и наконецъ параличъ матки и окружающихъ органовъ. При падки: вначалѣ кровотеченіе, затѣмъ боли въ области живота, разнаго рода раненія, душевные аффекты, общія слабости, атрофія мышцъ и наконецъ параличъ матки и окружающихъ органовъ.

Соранъ приводитъ здѣсь замѣтки Сорана о выпаденіи матки и о причинахъ ея, по его мнѣнію, бываютъ: разрывъ матки, слишкомъ сильныя тракціи при удаленіи послѣда, поврежденіе матки, разнаго рода раненія, душевные аффекты, общія слабости, атрофія мышцъ и наконецъ параличъ матки и окружающихъ органовъ.

Соранъ приводитъ здѣсь замѣтки Сорана о выпаденіи матки и о причинахъ ея, по его мнѣнію, бываютъ: разрывъ матки, слишкомъ сильныя тракціи при удаленіи послѣда, поврежденіе матки, разнаго рода раненія, душевные аффекты, общія слабости, атрофія мышцъ и наконецъ параличъ матки и окружающихъ органовъ.

ed. Rose, I. II, p. 364—368. Ср. Pinoff, I. c. 285, 286. I. c. 366, Ср. Pinoff I. c. II, 241. При этомъ Р. приводитъ еще одно средство къ эмбриотоміи не относящееся: ἀγκίστρον, крючекъ для захвата (Specillum), употребившійся уже Гиппократомъ.

I. c. I. II, c. 31, p. 372.

ὡς σπαργανώτεον. Soranus, ed. Rose, I. II, c. 29, p. 258

день ли вообще младенецъ для воспитанія. Послѣ рожденія на свѣтъ п Сорану дитя слѣдуетъ посыпать солью (*ἀλάτιος*) и „Nitrum“ (собственно углекислый натръ ¹⁾). Дитя слѣдуетъ удалять отъ сильно пахучихъ веществъ; въ первые 2 дня не давать никакой другой пищи, кромѣ свѣреннаго меда; только на третій день прикладывать къ груди другой женщины, но не матери, такъ какъ ея молоко еще слишкомъ густо и торожисто ²⁾; за неизмѣнимъ таковой давать медъ съ козьимъ молокомъ. Предъ кормленіемъ опорожнять грудь посредствомъ давленія. Съ такою же обстоятельностью говорится о выборѣ кормилицы, которую во всякое время слѣдуетъ имѣть наготовѣ для замѣны матери, такъ какъ Сорану кормленіе считаетъ вреднымъ для здоровья наравнѣ съ *coitus* и беременностью. Качества хорошей кормилицы: возрастъ отъ 20—40 лѣтъ, груди не слишкомъ полныя, выводящія протоки должны быть не слишкомъ узки и не слишкомъ широки. *Coitus* и вино воспрепятствуютъ, иначе у дѣтей будутъ конвульси. Молоко въ смѣси съ водою не должно образовать свертковъ; далѣе у кормилицы необходимо поддерживать стулъ, умѣренный упражненія, напр. вертѣть мельницу, печь хлѣбъ, стлать постель и вообще дѣлать работы, требующія наклоненія тѣла впередъ ³⁾. Что касается гигиеническаго ухода за дѣтьми, то Соранъ входитъ въ мельчайшія подробности по поводу дѣтскаго крика, движеній и въ особенности купанія и растиранія младенца (*περὶ λουτροῦ καὶ τρίψεως τῶν βρεφῶν*) ⁴⁾. Купаніе слѣдуетъ только разъ въ день, въ теплой комнатѣ, затѣмъ обливать младенца теплой водою до появленія на кожѣ красноты и равномерной теплоты и, обсушивъ, удалять нечистоты изъ разныхъ отверстій и складокъ ⁵⁾. Къ холоднымъ же обмываніямъ, для защиты отъ простуды, приступать только по истеченіи нѣсколькихъ дней. Все это, какъ сказано, разсматривается Сораномъ до мельчайшихъ подробностей, въ которыя здѣсь входить не можемъ, и потому приведемъ здѣсь лишь весьма любопытныя данныя относительно растиранія младенца:

„Послѣ купанья няня захватываетъ дитя за пятки, опустивъ головку, чтобы растереть и сдѣлать гибкимъ позвоночный столбъ, затѣмъ, положивъ себѣ на колѣни, обтираетъ до суха и смазываетъ масломъ, причѣмъ растираетъ отдѣльныя части тѣла для исправленія могущихъ встрѣтиться недостатковъ формъ. Съ этой цѣлью няня правой ладонью проводитъ, начиная отъ лѣвой ягодицы, въ косомъ направленіи снизу вверхъ и сверху внизъ отъ лѣвой лопатки къ правому бедру. Затѣмъ, согнувъ нижнія конечности, она приближаетъ конецъ ступни къ концу правой руки. Черезъ это сухожилія и связки сочлененій станов-

¹⁾ Ср. главу: *πῶς ἀποσμηχτέον τὸ βρέφος*. Тамъ же, с. 28, 251.

²⁾ „καὶ κατὰ τὴν ἰατρικὴν“ Тамъ же, с. 31, р. 258. Ср. Haever, 1, 311.

³⁾ Тамъ же, 312 и Soranus, ed. Rose, сс. 32—35, pp. 260—274.

⁴⁾ Тамъ же, с. 36.

⁵⁾ Тамъ же и с. 28, 252.

жиѣ, благодаря различнымъ разгибаниямъ и сгибаниямъ, и если при
 въ составъ маленькаго созданія (собственно „животнаго,“ τῷ ζῳου)
 кое (γλιγοῦδες), то оно при этомъ снова тотчасъ выжимается. Послѣ
 іа (μάλατις) ¹⁾ она приступаетъ къ тренію (τρίβειν): одной ру-
 обѣ ножки, а другой третью сверху внизъ, причемъ въ особенности
 колѣнныя ямки и прижимаетъ одинъ къ другому мышелки голенно-
 Тогда, сжавъ кулакъ, она проводитъ имъ по отросткамъ позвонковъ,
 искривленій. Затѣмъ, обводя ладонями по головкѣ, растираетъ ее и
 мируетъ; слегка сдавливая приложенными одна противъ другой руками
 то боковыя части головки, то наконецъ темя и подбородокъ. Далѣе
 ния движенія головки, для упражненія сухожилій и достиженія боль-
 ковъ. Послѣ чего дитя поворачивается напередъ, для того чтобы сма-
 переднія части тѣла (животъ, грудь и вытянутыя ноги), причемъ рас-
 редвигаются и сжимаются ладонями, пятки приводятся къ ягодицамъ
 ладонью, позвоночный столбъ, начиная отъ лодыжекъ до затылка и
 я и надавливается большимъ пальцемъ, причемъ спинка становится
 что вмѣстѣ съ красотой формы пріобрѣтаются хорошая выправка
 ость позвонковъ. Точно также большимъ пальцемъ слегка растираются
 я и выпрямляется, слишкомъ короткая крайняя плоть удлиняется вы-
 придать члену правильную форму (τὴν φυσικὴν εὐμορφίαν), мононку
 енія, положивъ вату, наконецъ дитя смазываютъ нѣсколько масломъ,
 усилена бѣлизны кожи), и сповиваютъ ²⁾. Въ старшемъ возрастѣ дѣ-
 ть. При этомъ случаѣ узнаемъ, что ихъ въ Римѣ было не мало съ
 ему она пріучались ходить въ коробкахъ съ колесами ³⁾. Пріучать дитя
 уетъ не раньше 6 мѣсяцевъ, причемъ сначала кромѣ груди ихъ
 нцей, хлѣбомъ въ водѣ или молокѣ, лицами въ смѣтку, окончательно
 груди должно имѣть мѣсто не раньше какъ въ 1½—2 года ⁴⁾. При
 вмѣсто твердыхъ предметов и насѣчекъ давать имъ въ ротъ большой
 натирать жиромъ. При трудномъ прорѣзываніи зубовъ рекомендуются
 елюстей и шен въ вату, поливаемую масломъ, иногда припарки, кор-
 остаться для убыли молока, которое вводится въ ротъ выцѣживаніемъ
 не сосало ⁵⁾. Вообще дитя слѣдуетъ пріучать ко всему, къ теплотѣ,
 вину ⁶⁾.

ду главы Сорана, относящихся къ діететикѣ дѣтскаго возраста:
 емъ (ed. Rose, I, I, § 78, p. 248). Какъ узнается необходимое для питанія
). Обѣ отрѣзыванія пуповины (с. 27). Какъ очищать младенца (с. 28).
). Обѣ укладыванія младенца (с. 30). О вскармливаніи (с. 31). О выборѣ
 Обѣ вслѣдованія молока (с. 33). О діететикѣ кормилицы (с. 34). Что
 имъ, густымъ или жидкимъ молокомъ (с. 35). О купаніи и растираніи
 къ и когда прикладывать ребенка къ груди (с. 37). Обѣ отпаденія пу-

I, с. 36, 275, 276. ²⁾ Тамъ же, 277—279. ³⁾ Тамъ же, с. 40, p.
 0. ⁴⁾ Тамъ же, с. 42, 290—292. ⁵⁾ Ср. Haever, I, 312—314.

новини (с. 38). Когда и какъ отдѣлять пуповину (с. 39). Какъ приучать дѣтей сидѣть и ходить (с. 40). Когда и какъ отлучать младенца отъ груди (с. 41). О прорѣзываніи зубовъ (с. 42).

Изъ дѣтскихъ болѣзней Соранъ говоритъ о воспаленіи миндалевидныхъ желѣзъ (с. 43), афтахъ и поверхностныхъ язвахъ въ полости рта, которыя лечатся вдуваніями легкавяжущихъ средствъ и смазываніемъ сиропами, для чего „сиріянки (αἱ Σύραι) употребляли палець, обмотанный своими волосами“ (θριξὶ περιελεῖν τὸν δάκτυλον) ¹⁾. При наклонныхъ сыпяхъ—избѣгать раздражающихъ обмываній, напр. соленой водой, мочей и проч. ²⁾. При „хрипѣніи“ въ груди (ῥοχμῶδες—нарицательное названіе для нѣсколькихъ опасныхъ болѣзней дыхательныхъ органовъ)—рвотныя, преимущественно черезъ введеніе пальцевъ и медовой воды, противъ кашля—соки изъ кедровыхъ ядеръ (στρεβίλα), миндалей, сладкаго дерева ³⁾. Интересно описаніе „Siriasis“ (отъ созвѣздія Сиріуса или отъ σιρῶς—яма, вслѣдствіе характеристическаго западенія родничковъ), причемъ приводится мнѣніе Деметрія, считавшаго эту болѣзнь за особый родъ лихорадки (κλιώδης), и другихъ, считавшихъ ее за воспаленіе мозга и мозговыхъ оболочекъ. Лечение этой болѣзни состояло въ примочкахъ изъ розоваго масла съ яичнымъ желткомъ ⁴⁾. При дѣтскихъ поносахъ (см. главу περὶ ρευματισμοῦ καὶ λῆρας) кормилица должна принимать вяжущія лекарства внутрь ⁵⁾.

Въ отдѣлѣ о женскихъ болѣзняхъ Соранъ прежде всего занимается вопросомъ, дѣйствительно ли существуютъ болѣзни, свойственныя однѣмъ женщинамъ, что послѣдователями Асклепіада отрицалось ⁶⁾. Въ главѣ о мѣсячныхъ отдѣленіяхъ онъ указываетъ на нерѣдкое отсутствіе ихъ у женщинъ, исполняющихъ тяжелыя работы или напрягающихъ голосъ, безъ всякихъ однако дурныхъ послѣдствій (ed. Rose, I. II, с. 1). Затѣмъ слѣдуютъ главы о воспаленіи матки (с. 2), о Satyriasis и нимфоманіи, причемъ С. отсылаетъ къ подробному изложенію этого предмета въ его сочиненіи περὶ ὀξείων ⁷⁾, объ истерикѣ (с. 4; главы о разширеніи матки, с. 5, недостааетъ), о Physo—и Hydrometra (περὶ ἐμπνευματώσεως μήτρας и περὶ οἰδήματος ὑστέρας, с. 6 и 7), о скиррѣ и затвердѣлостяхъ (фибромахъ?) матки (с. 8), о заносѣ (περὶ μύλης, с. 9), для отличія коего отъ тимпанита и грудной водянки служило постукиваніе и встряхиваніе жи-

¹⁾ Soranus, ed. Rose, I. I, с. 44, 293. ²⁾ Тамъ же, с. 45. ³⁾ Тамъ же, с. 46.
⁴⁾ Тамъ же, с. 47. ⁵⁾ Тамъ же, I. I, с. 48. Ср. Haeser, I, 315.

⁶⁾ Soranus, ed. Rose I. II, Praefat. p. 299. ⁷⁾ Тамъ же, I. II, с. 3, 319.

ныхъ кровотеченiяхъ рекомендованныя Темисономъ
 ранъ отвергаетъ, а совѣтуетъ покойное положенiе со-
 нями, впрыскиванiя маточной спринцовкой (*μετρευυίτων*), а
 для банки на бедра и поясницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ до-
 мулеты, магниты и т. п., такъ какъ они поддерживаютъ
 куду на выздоровленiе; остающiеся сгустки необходимо
 1). Въ главѣ объ истерикѣ (*περὶ ἰσθητικῆς κενύσεως*)
 брано отличное распознаванiе между этой
 чей, ударомъ и каталепсией, о которой однако
 на встрѣчается только у лихорадящихъ, сопровождается
 съ, неподвижностью открытыхъ глазъ и наступаетъ пе-
 наибольшаго повышенiя лихорадки. Какъ средства про-
 рекомеваются *metasyncrisis*, путешествiе на водѣ и на
 въ минеральныхъ теплыхъ источникахъ. Совѣтъ будить
 и истерического судорожнаго приступа громкой музыкой,
 ными котлами, ослѣпительнымъ свѣтомъ—отвергается Со-
 гивъ *Fluor albus* и „*Gonorrhoea*“ (сперматоррех) рекомен-
 постель, свинцовыя пластинки на поясницу, избѣжанiе
 разговоровъ, картинъ и проч. 2). Далѣе рѣчь идетъ объ
 а раличѣ (с. 14), различныхъ смѣщенiяхъ матки
 веплодныхъ, с. 16, недостаетъ). Въ главѣ о воспаленiи
 ыставляетъ какъ главные признаки: задержанiе кала и вѣ-
 ть, ощущаемую черезъ заднiй проходъ, подвижность и боль,
 шь при болѣе сильномъ давленiи 4). По отношенiю къ ле-
 нiя матки (*περὶ τροπώσεως μήτρας*) Соранъ отвергаетъ спо-
 а—привязыванiе на лѣстницѣ ногами вверхъ и проч.,
 ь способы Эвенора—введенiе куска мяса во влага-
 еса, который вгонялъ туда воздухъ и вводилъ раз-
 усѣ гранатовыя яблоки; гораздо менѣе, по мнѣнiю Со-
 гь порицанiя введенiе мѣшка, наполненнаго волосами.
 вначаль противъ сопровождающаго кровоточенiя холод-
 ослѣ чего приступалъ къ вправленiю матки, для удерж-
 алъ губку или вату, смоченныя уксусомъ и мѣнявшiяся
 дня, при этомъ ноги оставались связанными и назна-

II, с. 10.

II, с. 4.

II, сс. 11—12.

II, с. 2, 314.

чались легкая пища и клистирь противъ запоровъ; при осложненіи воспаленіемъ—мягчительныя средства, при параличѣ и вялости матки—вяжущія (роша *Cydon.*) или пессаріи изъ „Nitrum,“ при гангреноэсценціи или сращеніяхъ съ близлежащими частями—отдѣленіе посредствомъ ножа ¹⁾. Отсюда же видно, что Soranus считалъ вырѣзываніе матки такою же удобовыполнимой операціей, какъ отрѣзываніе выпавшихъ и омертвѣвшихъ частей печени и легкаго, но что онъ самъ этой операціи не производилъ ²⁾.

Кромѣ того изъ женскихъ болѣзней у Сорана имѣлись главы: περί διατάσεως ὑστερας (I. II, с. 5), π. ἀγονίας καὶ συλλήψεως, I. II, с. 16), дополнительная глава о задержаніи дѣтскаго мѣста (I. II, с. 20), о нарывахъ дѣтородныхъ частей (I. II, с. 21), о язвахъ матки (I. II, с. 22), о ракахъ матки (с. 23), свищахъ матки (с. 24), гипертрофій дѣтородной губы (περί ὑπερμεγέθους νόμφης, с. 25), о полипахъ (π. κερκώσεως, с. 26), о различныхъ опухоляхъ (περί θύμων) въ дѣтородныхъ частяхъ (с. 27), о трещинахъ (с. 28), кондиломахъ (с. 29), геморроѣ матки (с. 30), о суженіи (Phimosia) матки (с. 32), περί ἀτρήτων (с. 33), о Meliceris, атеромахъ и стеатомахъ дѣтородныхъ частей, наконецъ объ изслѣдованіи маточнымъ зеркаломъ (περί διακρίσεως, с. 34) ³⁾, каковыя всѣ не дошли до насъ, хотя и значатся въ Index capitulorum collectionis ex Sorano atque Aetio въ парижскомъ кодексѣ 2153. Ср. Sorani Gynaecior. etc. ed. Rose, p. 413 и слѣд.

Изъ приверженцевъ методической школы въ области гинекологіи къ Сорану непосредственно примыкаетъ африканецъ

Moschion или вѣрнѣе **Muscio**, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Muscio, жившимъ позднѣе VI в. по Р. X. ⁴⁾. Онъ оставилъ латинскій катехизисъ изъ 152 главъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ, для повивальныхъ бабокъ, содержаніе коего въ главныхъ чертахъ заимствовано имъ изъ разсмотрѣннаго гинекологическаго сочиненія Сорана или же изъ сдѣланнаго отсюда Целіемъ Авреліаномъ латинскаго извлеченія, извѣстнаго подъ названіемъ „Genetia,“ а также, быть можетъ, имѣеть нѣкоторую связь и съ латинскими Interrogationes et Responsiones de muliebribus Целія Авреліана (Haeser).

Латинскій оригиналъ Moschion'a затерянъ, но сохранился греческій переводъ, носящій такое же заглавіе, какъ у Сорана:

περί τῶν γυναικείων παθῶν. Изданія: греческое: Basil. 1566, ed. Wolphius; греческо-латинское—Viennae, 1793, ed. Dewez (по рукописи вѣнской импера-

¹⁾ Тамъ же, I. II, с. 31, p. 378 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, I. II, с. 31 въ концѣ p. 378. Ср. Pinoff. I. с. 243, 244.

³⁾ Тамъ же, pp. 326, 369, 370, 378, 379.

⁴⁾ Gynaecia Muscionis, ed. Rose, Lips. 1882. Praefat. p. V.

Новѣйшее—Valentin Rose (по копенгагенской рукописи) подъ
имъ заглавiемъ:

Gynaeciorum vetus translatio latina, nunc primum edita, cum ad-
deliquis a Dietzio repertis atque ad ipsum codicem parisiensem nunc
antino Rose, Lipsiae, 1882.“

1) Gynaecia Muscionis ex Graecis Sorani in latinum translata
главахъ; 2) отрывокъ изъ латинскихъ „Libris gynaeciorum de muliebri-
на и 3) греческій текстъ Сорана: ἐκ τῶν Σωρανοῦ περὶ γυναικείων.
го видно, что первоначальная латинская работа Мусціона была впо-
на греческій языкъ. Этотъ переводъ долго считался оригинальнымъ
ка Мосχίωνα,“ которое неизвѣстнымъ салернскимъ врачомъ было
латинскій языкъ, каковой обратный переводъ существуетъ еще въ ру-
только предисловіе въ Wolph, Gynaeciorum libri, Basil. 1566) 1).

привааетъ Moschion'a „исправителемъ“ (διορθωτής), такъ какъ онъ
на ученія Асклепіада 2). Steinschneider полагалъ, что этотъ ав-
назывался „Moschion“—отъ еврейскаго „Mosche“ (Моисей), такъ какъ
дисловіи къ обратному латинскому переводу говорится, что онъ уже
in quaedam“ 3). Вся эта путаница продолжалась до тѣхъ поръ, пока
упомянутомъ изданiи не разъяснилъ ошибки, окончательно разъяснившій
V. Rose, открывшимъ въ Копенгагенѣ въ 1868 г. и издавшимъ дру-
писи Мусціона, которую повидимому, наравнѣ съ открытой въ Брюсселѣ
кно считать спискомъ съ латинскаго оригинала этого сочиненiя 4).

къ рукописяхъ находится изображеніе матки съ рыльцемъ и шейкой,
ставлены фаллопiевы трубы, соединенныя съ яичниками.

редисловію, Muscio повидимому писалъ только для по-
окъ и сообразно съ этимъ старался выражаться просто и
съ къ уровню понятій простыхъ женщинъ, хотя и при-
семъ Сорана („ad integrum tenorem secutus Soranum trans-
внатомическое описаніе женскихъ половыхъ органовъ онъ
ности раздробилъ на 10 маленькихъ главъ и, судя по изд.

er, Dissertatio de latine scriptis, quae graeci veteres in linguam grae-
Что касается насъ, то мы при изложенiи Moschion'a руководство-
приведенными изданiями, Dewez'a и Rose.

De different. puls. l. IV, c. 16.

hneider, Catalogus librorum Hebraeorum p. 1760. Ср. Haever,

въ своемъ Grundriss d. Gesch. d. Med. (1884) эту заслугу приписываетъ
на сказанную ошибку раньше его указали уже Gessner въ изданiи
мъ Dewez: „Moschion, uti e practatione mei manuscripti patet, hunc
matronarum et obstetricum latinarum ut graeci idiomatis imperitiorum,
sine illud, non graece scripsit. Id vero latine opus temporum injuria
ejus versionem graecam ad nos pervenisse, absimile non est.
io graeca est, ipsum autem opus antiquum, et circa Caellii
locandum.“ Moschion, ed. Dewez, Praef., VI.

Dewez'a, опустилъ тѣ главы, которыя не относятся къ кругу дѣятельности акушеровъ, напр. объ эмбриульціи. Но такъ какъ въ изданіи Rose имѣется и глава объ эмбриульціи ¹⁾, то необходимо допустить, что Muscio, вопреки его увѣренію, писалъ не для однѣхъ только мало свѣдущихъ повивальныхъ бабокъ, но и для ученыхъ акушеровъ, не упуская изъ виду и врачей, что впрочемъ видно и изъ предисловія ²⁾:

Ed. Rose.

„Cum vidissem grande corpus futurum et posse muliebres animos hac ratione cito prae magnitudine lassari, placuit (mihi) catherotianorum brevitate fuisse secutus, ut omnia dicere videar et non grande corpus perfecisse. quibusdam vero capitulis multum breviter dictis, quaedam et tria contados addidi ut ex omnibus collectis commentarius sufficiens esse possit, his autem multo simplicius volui loqui et ut verius dicam muliebribus verbis usus sum, ut etiam inperitae obstetrices licet ab altera sibi lectam rationem facile intellegere possint.

I. In quot vel quas partes dividere oportet muliebrum traditionem? in duas, unam quae de obstetrice tractat, alteram quae de omnibus obstetrici occurrentibus causis. has ipsas iterum dividimus in secundum naturam occurrentes causas et praeter naturam ³⁾.

Ed. Dewez.

.... „Placuit enim nobis, ut cum seriem rerum quae maxime probantur in epitome daremus, omnia quidem dicere-mus, neque tamen operis prolixitate peccarimus. Iis qui multum ordine student brevem rerum indicem dabo. Addidi praeterea alia triginta duo capita, ut omnibus conservatis explicatio sufficiens haberetur. In his vero omnibus simplici uti dictione statui, cum ut ea quae dicerem manifesta essent, et mulierum usui accommodata, tum ut imperitarum obstetricum intellectui exposita captu facilia essent. Tradere praeterea volui in quot et quales partes ea omnia quae ad mulieres spectant, dividerem, binas statuens obstetricum species, quarum una imperita, altera vero omnium, quae obstetrix scire debet, perita est. Hanc speciem denuo dividimus in eas quae tales sunt ob causas secundum naturam accidentes, et praeter naturam obstetricum, gratam fore hanc pertractationem mulieribus spero, quod obstetrix exerceri ex ea in sua arte possit; tum quod ii qui in hac parte versati sunt, suas notiones hoc opere confirmatas inventuri sint“ ⁴⁾.

Очевидно, въ изд. Rose есть весьма существенныя измѣненія и прибавки сравнительно съ изд. Dewez'a, что повторяется весьма часто. По поводу качествъ повивальной бабки Muscio говорить совершенно тоже, что и Соранъ:

[R.] „Principaliter quae litteras novit et habet ingenium praesens et memoriam, studiosa, munda, in universo jam corpore integra, fortis et laboriosa. Femina omnium muliebrum causarum docta, etiam medicinali exercitatione perita. Quae est melior obstetrix? quae exercitata est medicinalibus actionibus cum prudentia ju-

[D.] „Mulier omnia quae ad foeminas spectant edocta, immo et Artis ipsius mendendi perita; ita ut illarum omnium morbos commode curare valeat. Non sit autem turbulenta, non garrula, non lucrica: sed sapiens, sobria, linguae potens, moribus proba, et laboris patiens, quae-

¹⁾ Sorani Gynaeciorum vetus translatio etc., ed. Rose, l. II, c. 29, p. 90.

²⁾ Латинскій текстъ въ изд. Dewez'a мѣстами такъ хорошъ, что мы не могли удержаться отъ сопоставленія его съ изд. Rose.

³⁾ Ed. Rose, p. 3 и 5; ed. Dewez, p. 112.

acunda nec turbulenta, pudica, arguta, miosa, nec avara" ¹⁾.

que propria sollicitudine mulieres gubernet et dirigat" ¹⁾.

подобляется Мусциономъ, какъ и Сораномъ, кровосос-
вопросъ, гдѣ лежитъ отверстіе матки и какія влагалище
войства, находимъ слѣдующій отвѣтъ:

muliebris, ipse mem-
ajoris intestini simile,
iosismus, foris vero
tus virorum et usus
Quem vulgo cunnum
s labra graece pte-
atine pinnacula dicta
parte descendens in
ica" ²⁾.

[D.] „in medio mulieris sinu, quod ipsum membra naseum, nervosum, intestinorum maximo simile; interne quidem capacius, extern vero angustius est, viris que congressum, mulieribus vero veneris usum concedit" ²⁾.

ныхъ кровяхъ онъ въ 10 главахъ (12—21 D.) излагаетъ
причемъ и онъ утверждаетъ, что очищеніе служитъ осо-
я и что постоянное дѣвственное состояніе полезно для

mulieribus purgatio ac-
propter futurum
ter, praeparat enim
haberi et congluti-
autem earum gloria
o eas senescere fa-
o partu, forte peri-
non purgantur sanae

[D.] „Mulierum autem ob futuram conceptionem menstrua comparent, sic etenim locus aptus praeparatur, in quo semen absorberi possit. Cujus rei earundem sanitas argumentum est. Verum tamen senectutem earum accelerat, et forsitan ex novo partu periclitantur. Et illae quidem quae purgantur sanitate gaudent. Est et perseverans virginitas saluberrima. Nam iis quae virum noverrunt, frequens veneris usus male accipitur. Sed et mulieres inde vexantur" ³⁾.

autem est perpetua
i enim masculos fre-
accipit, sic etiam et
).

quam diu puellae virgines esse debent, Muscio отвѣ-
Соранъ:

ac purgatione super-
memorare possit et
epraesentare et com-

[D.] „Donec apparentibus secundum naturam catameniis veneri litando aptae sint; uterusque proprio officio fungi, et suum munus adimplere appareat" ⁴⁾.

но, что о признакахъ беременности очень мало находимъ у
о Pica онъ распространяется въ нѣсколькихъ главахъ ⁶⁾.
одѣ младенца онъ отвергаетъ мнѣніе Гипократа о про-

, l. 1, pp. 5, 6. ed. Dewez, 113.

, § 10, p. 8, ed. Dewez, c. 6.

, § 12 pp. 8, 9, ed. Dewez, p. 116.

, p. 13, ed. Dewez, p. 121.

, §§ 37—46 (pp. 15—17); ed. Dewez, c. 27—35 (pp. 124—127).

исхожденіи мальчиковъ на правой сторонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уклоняется и отъ Сорана, такъ какъ не упоминаетъ ни о признакахъ, доставляемыхъ пульсомъ, ни о мочѣ, а ссылается на древнихъ, старавшихся опредѣлять полъ по конституціи беременной, опуханію правой или лѣвой груди и болѣе или менѣе сильнымъ движеніямъ младенца ¹⁾).

Признаки начинающагося выкидыша описываются Мусціономъ довольно вѣрно и почти также, какъ и Сораномъ:

[R.] „Quae sunt signa occurrentis abortus? 56. eo quod ante legitimum tempus pariendi subito sine ratione mamillae macriores fiunt, frigor etiam et gravado in renibus, humorque varius effunditur et in fine thrombus“ ²⁾).

[D.] „Quando ante legitimum pariendi tempus subito et sine ratione mammae graciliores evadunt; praeterea frigus et pondus in renum regione adest, liquor varius effunditur, et tandem thrombus apparet cum omnimoda horripilatione“ ³⁾).

Окружающія плодъ оболочки, ихъ значеніе и анатомическое строеніе Мусціонъ описываетъ совершенно согласно со взглядами Сорана, равно какъ и пуповину, состоящую изъ 2 венъ и 2 артерій, „quarum ore pars sanguinis nutritiva foetui subministratur“ ⁴⁾).

Оболочки же онъ опредѣляетъ такъ:

R. 48. „Quid est enim corium (chorion)? membrum sine orificio quod infantem et quae cum ipso sunt continet, fundo matricis inhaerens, dicitur etiam et vasculum et secundae et novissimum et quod prius rumpitur. [Constat]

D. „Membrana sine apertura, quae foetum et quae ad ipsum spectant, continet fundoque uteri adhaeret. Dicitur et angion seu vas; et secundinae, et extremae, licet primum rumpatur.

53. ex nervis, venis, arteriis et pulpis, est autem colore purpureo, similitudine folliculi.

Componitur e nervis, venis, arteriis et carnibus, est vero coloris atrorubentis, utri simile.

55. Quid est amnion? membrum universo corporis infantis adhaerens quod frequentius intus aliquando consumitur, ut non per omne corpus inveniatur ⁴⁾).

Tunica totum corpus circumplexa et adhaerens, quae licet frequentius intus integra habeatur, aliquando tamen consumitur, ita ut non per totum corpus appareat ⁴⁾).

Положеній младенца Мусціонъ, какъ и Соранъ, принимаетъ четыре:

4. Quot sunt enim et quae schemata quibus infantes nascuntur? generalia quidem quattuor, hoc est in capite, vel in pedibus, vel in divexum jacens, aut duplicatus, specialia autem schemata plurima inveniuntur.

Quot et quibus sitibus nascuntur foetus? Praecipue quidem quattuor sunt situum species: capite, pedibus, lateraliter situs aut conduplicatus se offert foetus. Peculiares vero situs plures reperiuntur.

Слѣдуютъ подробности о видоизмѣненіяхъ, происходящихъ изъ каждаго изъ этихъ положеній, причемъ въ первый разъ въ древности

¹⁾ Ed. Rose, l. I, § 36, p. 15; ed. Dewez, c. 26, p. 123.

²⁾ Ed. Rose, l. I, § 56, p. 19; ed. Dewez, c. 48, p. 130.

³⁾ Тамъ же, c. 41, p. 129, у Rose (Тамъ же, § 54): per quas nutrimenta sanguinis infanti subministrantur.

⁴⁾ Ed. Rose, l. I, §§ 48, 53, 55, pp. 18, 19. Dewez, cc. 36, 40, 42, pp. 127—129.

ежъ на лицевое положеніе („aut retrorsum caput infigit“),
 имъ натуральнымъ признается головное положеніе ¹⁾.

вліянія къ родамъ изложены совершенно въ духѣ
 ъ говорится и объ искусственномъ расширеніи маточнаго
 ное кресло называется въ изд. Rose „sella tonsoris,“ а въ
 onsulari sedili simile“ ²⁾. Во всякомъ случаѣ первый опи-
 кресло не Muscio, а Soganus.—Причины труд-
 (дистокій) Muscio излагаетъ совершенно согласно съ
 ъ, безъ всякой аргументаціи: и у него онѣ распадаются на
 матери, отъ плода, отъ вѣшнихъ вліяній и смѣшанныя:

em si aut iracunda sit
 a vel verecunda aut
 etiam universo vel
 universo ut sit mul-
 de pinguis, vel mus-
 corpus habens, par-
 te eadem matrix in
 is condylomatibus in-
 um ejus angustum sit
 ex parte conclusum,
 emorrhoides et collec-
 cesica lapis et in lon-
 sentio, his enim omni-
 fanti denegatur;
 grande caput habeat
 corpus, vel tres ma-
 ropicus sit vel gibbe-
 aut inflatus vel mor-
 contra naturam“ ³⁾.

D. „Si nempe iracunda fuerit (parturiens)
 vel verecunda, timida, vel primariola; si
 toto corpore fuerit tensior, vel obesa ad-
 modum, vel torosa, vel si infirmi corpo-
 ris ratione impeditur; si uterus inflam-
 matus fuerit, vel tumores quidam impe-
 dimento sint; vel si approximante partu
 haemorrhagia vel congestio adsit, vel in
 vesica calculus, vel si concervata in colo-
 scybala sint; cum maximum caput (foe-
 tus) fuerit, vel totum corpus uteri capa-
 citatem suo volumine superaverit; vel
 foetus si hydropicus est, aut gibbus, vel
 infirmus, tumidus aut mortuus, vel etiam
 praeternaturaliter locatus“ ⁴⁾.

ри нормальныхъ родахъ „прилично опоясанная“ аку-
 r cincta“) подаетъ такъ:

utem sinistrae manus oleo calido peruncto orificium matri. is circumagendo
 m illic cadere possit. omnes autem parturientem verbis agere debent et
 clamet, sed omnes gemitus et spiritum ad inferiores partes exponat, ma-
 occurrerint, aliae autem mulieri quae retro eam continet jubere ut cum
 e jus contineat, ne conatus ejus foris excludatur. si vero folliculus
 us, unguibus eum rumpere et inmissis paulatim digitis plus adaperire....
 us etiam humeris, eos adprehendere debet obstetrix et in divexum ad-
 illuc, illos temptare quando se matrix aperit, et non conari quando
 ne fervore aut sanguinis fluxus aut ipsius matricis adductio emergat“ ⁵⁾.

ржаніи дѣтскаго мѣста, если оно не приросшее,

II, с. 17, p. 78, Dewez, с. 146, p. 204.

I, § 66, p. 23. Dewez, с. 52, p. 134, 135.

I, § 61, p. 21. Dewez, с. 47, p. 132.

II, с. 17, §§ 54, 55, p. 77. Dewez, сс. 144, 145, pp. 203, 204.

е, I, I, § 66a, p. 23, 24.

М. совѣтуетъ его извлечь, причѣмъ роженица должна сама помочь своими потугами; если оно обхвачено маткой, то— „leniter hinc inde moveat, D.“ но если отверстіе матки сократилось такъ, что невозможно ни введеніе руки, ни самопроизвольное отдѣленіе послѣда, то М. совѣтуетъ прибѣгать къ противовоспалительнымъ („has enim diligentia, relaxata omni strictura, quicquid ibi remanserit sic cadet“) ¹⁾, но совершенно отвергаетъ примѣнявшіяся древними чихательныя, подвѣшиваніе на лѣстницѣ, подеуриванія, пессаріи, равно какъ и привѣшиваніе тяжестей къ Chorion, такъ какъ все это можетъ вести къ воспаленію и кровотечениямъ ²⁾. Наконецъ, подобно Сорану, Muscio учитъ разрѣзывать пуповину ножомъ или ножницами вмѣсто практиковавшагося искони отдавливанія ея кускомъ дерева, стекла, острога камыша или сухой хлѣбной корки ³⁾.

При сравненіи изд. Розе съ изд. Dewez'a находимъ у перваго въ области акушерства недостающія въ послѣднемъ главы: о мѣрахъ, необходимыхъ при трудныхъ родахъ вообще и при каждомъ изъ ненормальныхъ положеній въ частности ⁴⁾, а также подробную главу объ эмбриульціи ⁵⁾ и дополнительную о задержаніи дѣтскаго мѣста ⁶⁾.

Въ области педиатрики у Muscio, также какъ и у Сорана, рѣчь идетъ о признакахъ жизнеспособности младенца, о присыпкахъ, сповиваніи, кормленіи младенца, о качествахъ молока матери или кормилицы, о необходимой для послѣднихъ діетѣ и гимнастикѣ, объ уходѣ за грудью, о средствахъ противъ недостаточнаго отдѣленія, избытка или порчи молока, о купаніяхъ, масляныхъ натираніяхъ младенца и вообще объ уходѣ за дѣтьми, времени отлученія и дальнѣйшемъ питаніи, наконецъ слѣдуютъ наставленія какъ носить дѣтей, какъ приучать ихъ сидѣть и ходить, чтó дѣлать при прорѣзываніи зубовъ и т. д. ⁷⁾. Изъ *дѣтскихъ болѣзней* упоминаются только воспаленіе зѣва, накожные болѣзни, скрежетъ зубовъ и кашель ⁸⁾.

¹⁾ Ed. Rose, l. I, § 67, p. 24, 25. Dewez, c. 53, p. 156.

²⁾ Ed. Rose, l. I, § 68, p. 25. Dewez, c. 54.

³⁾ Ed. Rose, l. I, § 78, p. 28. Dewez, c. 65.

⁴⁾ Ed. Rose, l. II, c. 18, pp. 81—89.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 19, p. 90—94.

⁶⁾ Тамъ же, l. II, c. 20, p. 94.

⁷⁾ Ed. Dewez, cc. 63—119. Ed. Rose, l. I, §§ 69—134, p. 25—45. Очевидно, содержаніе всѣхъ этихъ главъ тоже, чтó у Сорана.

⁸⁾ Ed. Dewez, cc. 120—123. Ed. Rose, §§ 135—141, гдѣ, кромѣ того, есть еще параграфы о хрипѣнн (138), о Siriasis или менингитѣ (§ 140) и о поносѣ (§ 141).

и болѣзней разсматриваются воспаленіе груди (1), за-
 ныхъ, воспаленіе матки, Satyriasis, истерика, приливъ къ
 (e uteri), отекъ, Phlegmone, затвердѣніе и боль матки, да-
 чныя кровотеченія, Fluor albus („Gonorrhoea“), вялость
 и, разныя измѣненія положенія матки и бесплодіе (2). За-
 руальная кровь, по мнѣнію Му сці о на, идетъ во время
 питаніе плода, а послѣ тяжелыхъ болѣзней—на укрѣпле-
 При Fluor albus отъ сильнаго раздраженія матки, при
 же при маточныхъ кровотеченіяхъ, сверхъ мѣстныхъ
 слѣдныхъ, Му сці о нъ, какъ и другіе методики, примѣнялъ
 Кроме того въ изд. Rose находимъ недостающія у Де-
 ривахъ въ женскихъ дѣтородныхъ частяхъ и ранахъ
 ionibus и vulneribus), о ракъ и свищахъ матки, о нимфо-
 erata landica), полипахъ (de cercosi), о clavulis (?), тре-
 матозныхъ разраженіяхъ, геморроѣ, опущеніи и выпа-
 casu matricis), о зараженіи маточнаго отверстія, прироще-
 нійхъ влагалища и задняго прохода (clusurae), объ изслѣ-
 мъ зеркаломъ (діоптризмъ Сорана) (3).

послѣднихъ приверженцевъ методической школы одно изъ
 тѣхъ занимаетъ

Praxagoras изъ Sicca въ Нумидіи (слѣдовательно тоже афри-
 въ концѣ IV и началѣ V вѣка по Р. X. Онъ извѣстенъ
 ненія Сорана по частной патологій и терапій, περί ὀξείων
 на полуварварскомъ („sesqui barbaro,“ Amman) латин-
 одъ названіемъ:

is acutis et chronicis. Это не простой переводъ, какъ думали
 рное изложеніе частной патологій и терапій на основаніи
 ихъ врачей древности и въ особенности Сорана,—изложеніе, въ кото-
 и извѣстная доля самостоятельности Целія, какъ медицинскаго препода-
 о своихъ ученикахъ Bellicus и Lucretius).

еж, с. 60. Ed. Rose, l. I, § 72.

еж, сс. 126—142. Ed. Rose, l. II, сс. 1—16 (pp. 48—76).

ed. Dewez, с. 19, р. 120. При этомъ находимъ здѣсь повтореніе су-
 рвенности мѣня о задержаніи мѣсячныхъ у пѣвицъ: „vires quae eger-
 sanguinem absumunt.“ Ср. ed. Rose, l. I, § 26, р. 12.

еж, сс. 129, 136, 188. Ed. Rose, l. II, сс. 12, 4 и 10.

е, l. II, §§ 21—34, pp. 96—119.

Изданія:

Tardarum passionum libri V, cur. S. Richard, Basil. 1529, вѣроятно по нинѣ болѣе не существующей рукописи монастыря Lorsch близъ Вормса. (Помѣщено также въ *Collectio Aldina*, 1547).

Celerum passionum libri III, cur. Guintero Andernacensi (Winther изъ Andernach'a), Paris, 1533, по парижской рукописи, тоже пропавшей. Другое изданіе: Delattre, Paris, 1826. Изъ полныхъ изданій:

Celerum et tardarum passionum libri octo. Lugd. 1566.

De morbis acutis et chronicis, Amstelaedamae cur. I. Cr. Amman, 1709, 1722 и 1755—самое лучшее изъ всѣхъ изданій, изъ коихъ послѣдующія, напр. Haller'а,—только плохія перепечатки изданія Аммана.

Пояснительныя сочиненія:

Triller, *Exrcitatio de pityriasi vesicae ad corruptum quendam Caelii Aureliani locum illustrandum et emmendandum*. Viteb. 1750.

Pujol, *Essai sur la maladie de face nommée le Tic douloureux avec quelques reflexions sur le Raptus caninus de Caelius Aurelianus*. Paris, 1787.

Möller, *Annotationes quaedam in Caelii Aureliani de hydrophobia tractatum*. Marburg, 1817.

Kuhn, *De Caelio Aureliano inter methodicos medicos laud ignobili*. Lips. 1816.

Ejusdem, *Program. de poxa ex capillorum resectione in sanitatem redundant: ad Cael. Aurel. Acut. I, 15*, Lips., 1821.

Ejusdem, *Program. de medicis nonnullis graecis in Caelii Aureliani de morbis I. 12—17 occurrentibus*, Lips. 1826.

Ejusdem, *Program. in Caelii Aurel. c. de incubone tractatio*, Lips. 1830¹⁾.

Считаемъ нелишнимъ прибавить еще здѣсь, что нѣкто Aurellus изъ объемистаго трактата Целія Авреліана составилъ родъ компендія, который по его краткости Кассиодоръ въ VI в. рекомендовалъ бенедиктинцамъ. Компендіи этого изданія и помѣщенъ Dagemberg'o мъ въ Ianus II, 1847, причемъ послѣдній высказалъ также намѣреніе когда нибудь издать и Целія Авреліана. Состоялось ли это задуманное имъ изданіе, намъ не извѣстно.

Кромѣ этого трактата Целія Авреліанъ составилъ еще слѣдующія сочиненія:

2) *Interrogationes et responsiones* или *Libri responsionum* (Ср. Chron. Praef., p. 1)—родъ компендія всей медицины въ вопросахъ и отвѣтахъ („quibus omnem medicinam breviter dixi“), это собственно ничто иное, какъ краткое измеченіе изъ предыдущаго сочиненія, повидному также заимствованное изъ Сорана, оно состояло изъ 3 частей: а) изъ діететики и устраняемыхъ ею болѣзней, 2) изъ Chirurgetica, упоминаемыхъ во многихъ мѣстахъ главнаго сочиненія (напр. Chron. I. II, c. 1, 352) и 3) изъ *Libri responsionum de muliebribus*. Отрывки напечатаны у V. Rose въ *Sorani Gynaeciorum vetus translatio latina, nunc primum edita*, Lipsiae, 1882.

3) *Libri medicaminum* или *Liber pharmaceuticus responsionum* (Chron. I. II, c. 18, 408)—вѣроятно обработка фармацевтикі Сорана.

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 206—209, Morvitz, l. c. 26 и Haeser, I, 323.

сокращенный перевод главнаго гинекологическаго сочиненія Сорана.
alibus adjuutorii (Chron. I. I, с. 4, р. 303).
 e graeca ad Praetextatum (Chron. I. II, с. 1, 366).
 ий упоминаетъ еще о
 ata (Chron. I. III, с. 3, 447), которыя онъ только намѣревался еще
 и 8) De rationum causis (Acut. I. I, с. 8, 22) и
 bus (Acut. I. II, с. 37, 170).

анными сочиненіями первое мѣсто безспорно принадле-
acutis et chronicis, преимущественно потому, что этотъ
 етъ почти единственный источникъ, изъ кото-
 составить понятіе о патологій и терапій методи-
 же о томъ, что вначалѣ 17 вѣка онъ способствовалъ
 ученія методической школы наравнѣ съ ученіями Гип-
 . Мы поэтому рассмотримъ его здѣсь подробнѣе.

—объ острыхъ болѣзняхъ, состоящемъ изъ 3 книгъ,
 вначала вкратцѣ изложено ученіе Асклепіада и вообще
 олы, цѣликомъ посвящена Phrenitis и различительно-
 сходныхъ съ нею страданій, каковы Lethargus, воспа-
 плевры, а также отравленія Mandragora и Hyoscyamo
 которыми по Целію ова имѣетъ большую аналогію¹⁾. Судя
 по томамъ, приводимымъ Ц. Авреліаномъ, каковы: общее
 тѣла, лихорадка, головная боль, носовыя кровотечения
 и т. п., не можетъ подлежать сомнѣнію, что здѣсь рѣчь
 преимущественно брюшномъ, въ пользу чего гово-
 ренное имъ появленіе болѣзни въ концѣ лѣта и осенью, осо-
 бѣ людей, литераторовъ (in disciplinis litterarum exercita-

дикъ его изложенія приводимъ здѣсь опредѣленіе и, вкрат-
 цѣ симптомы болѣзни:

e alienationem mentis celerem, cum febris acuta, atque manuum vano
 s digitis atrectare videntur, quod Graeci *κροχιδισμὸν* sive *καρφολό-*
 o pulsu ac denso²⁾. Signa futurae passionis (предвѣстники): oculi
 vel capitis gravedo, audacia sine ratione, hilaritas³⁾.... „Intelligimus

Aurelianus, ed. Amman, Acut. I. с. 4, р. 16. Къ этому изданію,
 въ нашемъ распоряженіи изъ вѣнской университетской бібліотеки,
 дующія ссылки.

I, с. 1, р. 8.

с. 1, р. 10.

phrenitum ex concurrenti febre acuta, et alienatione, et pulsu parvo atque crebro, at-
testante carphologia et crocidismo.... alienatio intra vel post diatriaeum, cum risu tacito,
silentio, vel murmure, aut vagitu, aut levi secum sua ipsius mussitatione, vel mentis indigna-
tione, ut in furore exiliens difficile teneatur, vel sese percutiat, aut suam vestem scin-
dat, aut lacrymetur, neque potum postulet, neque cibum, lucem aut tenebras
fugat“.... „parvus et turbulentus somnus, oculi sanguinolenti, cum tensione venarum et
fixo visu, atque sine ulla palpebratione.... vultus conductus, genarum rubor per-
severans aut per intervalla in pallorem mutatus,.. dentium stridor, guttae sanguinis le-
vissimae per nares, capitis frequens alienatio (situs dentatio), indecens jacendi positio,
raptus etiam; ventris fluor, urinae aquata: vel felleae cum nubeculis
portentosis, ultimo quibusdam etiam vultus mortuosus, manuum tremor, pul-
sus creberrimus, atque submersus, et tremulus, et imbecillis, aliquando etiam
deficiens;.... singultus, linguae impedimentum atque locutionis inapprehensibilis arti-
culatio. Dehinc quibusdam diaphoresis, quibusdam spasmus aut pres-
sura (somnus altus et profundus) ¹⁾.

Весьма много мѣста посвящено дифференціальной діагностикѣ между
этой болѣзнью и упомянутыми выше сходными страданіями ²⁾, а также
опредѣленію мѣста болѣзни различными древними врачами, причемъ самъ
Целій высказывается въ слѣдующемъ смыслѣ:

Nos igitur totum corpus pati accipimus, etenim totum febre jactatur,
sed plus pati dicim caput, etenim antecedentia demonstrant signa, ut ejus gravedo,
tensio, dolor, sonitus, aurium tinnitus, siccitas atque sensuum impedimentum etc.“ ³⁾.

Леченіе Phrenitidis состоитъ при „strictura“—въ употребленіи
кровопусканій, кровососныхъ банокъ, приличной діетѣ, устраненіи ча-
стныхъ посѣщеній постороннихъ, содержаніи больного въ темной и удален-
ной отъ шума комнатѣ, съ высокими окнами и безъ картинъ, словомъ въ
удаленіи всѣхъ возбуждающихъ вліяній; при „solutio“—въ употребленіи
противоположныхъ средствъ, особенно вина, всегда однако придержи-
ваясь правила—руководствоваться индивидуальностью каждаго отдѣльнаго
случая ⁴⁾.

Вторая книга трактуетъ въ подобномъ же родѣ о Lethargus ⁵⁾,
катаlepsis, куда отвесена истерика ⁶⁾, о воспаленіи легкихъ ⁷⁾

¹⁾ Caes. Avel. Acut., l. I, c. 3, p. 13—15.

²⁾ Тамъ же, сс. 4—7.

³⁾ Тамъ же, с. 8 (p. 22).

⁴⁾ Тамъ же, сс. 9—17.

⁵⁾ Caes. Avel., Acut., l. II, сс. 1—9.

⁶⁾ Тамъ же, сс. 10—12, гдѣ, наложивъ симптомы по Сорану, Целій прибавляетъ: „Soranus, cujus haec sunt, quae nostra mediocritas latinizanda existimavit.“
(Тамъ же, p. 100).

⁷⁾ Тамъ же, сс. 25—29.

причемъ по поводу страданія послѣдней находимъ даже пиваніе („Gutturis stridor, quem Graeci βόγγον vocant, resonans aut sibilans in ea parte qui patitur“) ²⁾, наконецъ Асклепиадъ ³⁾, отличающемся (согласно приведенному Целлепиада) отъ „Passio stomachica“ тѣмъ, что

pulsus sit parvissimus et imbecillus, cordis vero saltus major gravedine thoracis atque spiratione praefocabili“ ⁴⁾.

Целлепиадъ излагаетъ различныя формы воспаленія зѣва (лечение ⁵⁾); здѣсь-то и находимъ весьма драгоцѣнное въ отношеніи сообщеніе объ изобрѣтеніи Асклепиадомъ оперенія и вставленія трубочки въ зѣвъ (immittere fistulam

in arteriis probatam (Asclepiades) arteriae (asperae) divisuram, ob respiratam laryngotomiam vocant“ ⁶⁾. „Est etiam fabulosa arteriae aera, quam laryngotomiam vocant, et quae a nullo sit dila, sed sine ratione caduca atque temeraria Asclepiadis materia“ ⁷⁾.

Целлепиадъ описываетъ апоплексію ⁸⁾, столбнякъ и его различныя формы (лечение ⁹⁾); водобоязнь ¹⁰⁾, причемъ сообщается интересный случай этой болѣзни у портнихи на третій день послѣ зашиванія наго бѣшеною собакою платья, котораго швы она укрѣпи-

erat quaedam, quum chlamydem scissam rabidis moribus, sarcindam amina componeret et lingua pannorum suturas lambreret assugendo, faceret faciliorem, tertia die in rabiem venisse memoratur;“

с. 13—24.

с. 14, р. 112 и с. 10, р. 102.

сс. 30—48.

с. 36, р. 156.

Ш, с. 1—4.

Ш, с. 4, р. 193.

с. 4, р. 195. Что касается предположенія Навега (I, 826), что Асклепиадъ сопровождалась введеніемъ трубочки въ дыхательное горло (названіе „fistulam in fauces dari“), то мы въ изданіи Амманъ (р. 191) находимъ: „immittere fistulam faucibus“, слѣдовательно въ зѣвъ, а не въ горло. Скорѣе еще можно предполагать здѣсь вышнее tubage, въ смыслѣ Schnerger'a въ Вѣнѣ.

Ш, с. 5.

сс. 6—8.

сс. 9—16.

вообще же періодъ инкубаціи для большинства случаевъ водобоязни опредѣляется Целиемъ покрайней мѣрѣ въ 40 дней ¹⁾.

Конецъ *третьей* книги посвященъ завороту кишекъ (de acuto tormento, Ileus) ²⁾, Satyriasis ³⁾, холерѣ ⁴⁾ и обыкновенному поносу (defluxio) ⁵⁾.

Во II отдѣлѣ—о *хроническихъ болѣзняхъ*, состоящемъ изъ 5 книгъ, Целій прежде всего отмѣчаетъ ихъ различіе отъ острыхъ болѣзней, при коихъ разрѣшеніе часто наступаетъ само собой, при благоприятномъ содѣйствіи природы (sponte solventur, nunc fortuna, nunc natura favente), тогда какъ первыя могутъ быть излечены только съ помощью возстановляющаго метода (recorporatione) и потому требуютъ только искусства опытныхъ врачей, коимъ доставляютъ громкую славу („peritis medicinae clarum aeternamque gloriam parant“), какъ напр. подагра, Phtisis, Elephantiasis ⁶⁾.

Въ *первой* книгѣ рѣчь идетъ сначала о Сerhaloea, терапія коей преимущественно циклическая (с. 1), далѣе о головокруженіи (scotomatica passio, с. 2), о кошмарѣ (de incubone, с. 3), затѣмъ о падучей болѣзни (с. 4), противъ которой рекомендуются сильно дѣйствующія средства, какъ Helleborus, кровососныя банки къ области желудка, расpiratione рта посредствомъ особыхъ сложныхъ ranniculi (ptygmata), вливаніе „Mulsum“ и проч. ⁷⁾, наконецъ о маніи („insania,“ с. 5) и меланхоліи (с. 6), соотвѣтствующихъ понятіямъ о „constrictio“ и „solutio“ и по описанію принадлежащихъ къ лучшимъ мѣстамъ всего сочиненія.

Во *второй* книгѣ сначала рѣчь идетъ весьма подробно о параличѣ (с. 1), который по Ц. бываетъ чувствительный, двигательный или смѣшанный („nunc sensus, nunc motus, nunc utriusque“) и притомъ въ одной или нѣсколькихъ частяхъ, либо во всемъ тѣлѣ (Aproplexia); причеиъ однако подъ параличемъ онъ подразумѣваетъ двоякаго рода потерю функціи: отъ сокращенія или расслабленія („alia conductione effecta, alia extensione“). При этомъ онъ описываетъ отдѣль-

¹⁾ Тамъ же, с. 9, р. 219.

²⁾ Тамъ же, с. 17.

³⁾ Тамъ же, с. 18.

⁴⁾ Безспорно европейской. Тамъ же, сс. 19—21.

⁵⁾ Тамъ же, с. 22.

⁶⁾ Caelius Aurel., Chronic., Praefat., 267.

⁷⁾ Тамъ же, I, I, с. 4, р. 311.

ча, какъ-то: вѣкъ, слезнаго канала (слезотеченіе), рачка (*μυδράσις* и противоположное состояніе, „angustia“ подъ названіемъ *Phtisis*), языка (заиканіе и *vocis amputatio*), обонянія, верхней губы, подбородка, зѣва и глотки, слуха (входа и привратника), тонкихъ, толстой и прямой кишки, параличъ сфинктера бываетъ „*involutaria egestio sterilitatis*“ (сдѣлана *circumcisio* или *перитормі*); далѣ параличъ мочевого пузыря по поводу коего находимъ интересную историческую записку о катетеризаціи мочи катетеромъ, которое практиковалъ уже Гипократъ¹⁾, параличъ сѣменныхъ каналовъ (*seminales viae* или *seminalis ductus*) бываетъ *Spermatorrhoea* (по терминологіи Целія „*Gonorrhoea*“ по Ц. параличъ можетъ распространиться на легкія, печень и селезенку. Леченіе паралича, согласно Гипократу, еще въ употребленіи теплыхъ ваннъ, какъ песочныхъ ваннъ и минеральныхъ („*naturalibus aquis, ut sunt in Italia: Caracalanae, et Senanae, et Caritanae, etenim Albae s. Albulae*“), далѣ гимнастики, путешествій, плаванія съ помощію приемоу (inflatae vesicae), холодныхъ душей („*aquarum stillicidiorum percussiones corporum faciunt mutationem*“); внутрь—самоуспокоительныя. Впрочемъ и здѣсь способъ леченія видоизменяется потому, существуетъ ли „*strictura*“ или „*relaxatio*“, и употреблялись кровопусканія, отвлекающія и проч., или при отсутствіи страданія: такъ при *vocis amputatio*—холодныя губки, параличъ нижнихъ конечностей—особый аппаратъ съ *rotula* и бинтами для пассивнаго стибанія и разгибанія³⁾

содержатъ главы: *de canino raptu* (*σπασμὸς κοινός*, с. 2, судя по названію нѣчто въ родѣ *Chorea minor*), о зубныхъ боляхъ съ употребленіемъ ушей (с. 3), о зубныхъ боляхъ (с. 4), противъ которыхъ Гипократъ употребляетъ паста изъ *Galbanum*, опія и перца или жеваніе корня *Aspidium* отнюдь не вырваніе („*alii statim ad auferendos dentes accurrunt, nescii quoniam detractio amissio paralytica est*“), которое по мнѣнію Целія слѣдуетъ предпринимать у рвущихся зубамъ, для коихъ по его словамъ должно употребить свинцоваго инструмента (*plumbeum odontagogum*, *σδόνταγ-*

Ц, с. 1, р. 347.

Ц, с. 1, р. 361.

59.

ραν), на подобіе хранившася для этой цѣли въ дельфійскомъ храмѣ Аполлона ¹⁾.

Далѣе за краткими главами опять о каталепсiи (с. 5), объ афонiи (vocis amputatio, с. 6), о катаррѣ (influxio, с. 7), о кашлѣ („tussicula“ с. 8), противъ коего между прочимъ рекомендуется вдыханіе теплыхъ паровъ, слѣдуетъ подробное разсмотрѣніе кровотеченій (с. 9—13). Здѣсь Ц. прежде всего излагаетъ мнѣнія древнихъ о причинахъ кровотеченій:

Одни принимали только одну причину кровотеченій, напр. Темисонъ—vulneratio (нарушеніе цѣлости), Гипократъ и Еврифонъ причиной ихъ считали eruptio (отъ гипереміи), къ которой Асклепiадъ прибавилъ еще putredo (гниеніе), Эразмъ—osculatio (отъ открытія oscula venarum или анастомозовъ), а Вассiусъ—expressio или sudatio—(per diapedesin). Demetrius, на основаніи всѣхъ этихъ мнѣній принималъ кровотеченія 1) отъ incisura (eruptio, putredo) и 2) безъ incisura—отъ тонкости сосудовъ (garitas), отъ sudatio или expressio, отъ атоніи и отъ osculatio. „Nos autem juxta Sorani judicium etc. dicimus, tres esse differentias floris sanguinis, hoc est, eruptiones, vulnerationes et putredinis“ ²⁾.

По поводу кровотеченій изъ глотки находимъ замѣчаніе о шороховатостяхъ въ послѣдней („asperitas“), наблюдаемыхъ иногда при прижатіи языка и похожихъ на „condylomata“ или гемморoidalныя шишки, которыя кровоточатъ ³⁾. Вообще изъ артерій течетъ красная, жидкая и пѣнистая, а изъ венъ черная и густая кровь ⁴⁾. По поводу кровотеченій изъ легкихъ встрѣчаемъ здѣсь совершенно вѣрное наблюденіе, что проникающія раны легкихъ не безусловно смертельны:

„Saepe pulmo penetratus non intulerit mortem etc., adhibita curatio in cicatrice in vulnera fecerit convenire, ut omnes approbant chirurgi memorantes in bello quendam sagittatum penetrato pulmone convaluisse, sanguinemque a sagitta vomuisse, neque tamen mortem fuisse consecutam“ ⁵⁾.

Леченіе кровотеченій по Целію не относится къ хирургической communitas и для остановки ихъ достаточно приличнаго діететическаго содержанія и покойнаго, неподвижнаго положенія, больной не долженъ говорить, мѣстно же слѣдуетъ примѣнять холодъ, вязущія (квасцы и растительныя стягивающія), а при очень сильномъ кровотеченіи—перевязываніе конечностей, а также различные пластыри и Epithemata, при крово-

¹⁾ Тамъ же, I. II, с. 4, р. 375.

²⁾ Тамъ же, I. II, с. 10, р. 391.

³⁾ Тамъ же, с. 11, 393.

⁴⁾ Тамъ же, 395: „ex arteriis veniens sanguis tenerior ac rubri coloris et spumosus, ex venis vero crassior et atrii coloris.“

⁵⁾ Тамъ же, с. 12, 396.

вы—обкладывать бритую голову гипсомъ 1). Вообще подробное изложение того, что слѣдуетъ дѣлать вначалѣ 1й день, когда наступаетъ лихорадочный жаръ и припух-Ц. высказываетъ положеніе:

vulnus, quod usque in tertium diem glutinari non potuit, tumescit“ 2).

ей главѣ рѣчь идетъ о Phtisis, симптомы коей изоб-вѣрно: вначалѣ легкое покашливаніе, иногда кровохар-уданіе и въ отхаркиваемой мокротѣ иногда fibrae (де-). Отъ этой формы Ц. строго отличаетъ „атрофію лег-и) и эмпіему (Empyica passio) 3).

га начинается изложениемъ астмы (dyspnoea, orthopnoea), ннымъ образомъ направлено противъ „strictura“ (крово-с. 1), далѣе рѣчь идетъ о больныхъ желудкомъ (stro-прожорливости (vehemens appetentia, βρεξία), которую ть подъ характернымъ названіемъ „Phagedaena“ (с. 3), страданіями печени и селезенки (de jecorosis et ичемъ обращается вниманіе на варикозное разширеніе рикозныя язвы на голеняхъ, а также находимъ замѣча-и селезенки:

decidendum, vel auferendum lienem ordinare ausi sunt, ictum, non officio completum accipimus“ 4).

изложения желтухи (с. 5), кахексіи (с. 6) и атро-ть описаніе водянки (с. 8) и Paracentesis,—опера-зистратъ и его послѣдователь Птоломей совершенно акъ она не въ состояніи устранить основной причины— liquorem detrahens passionem minime detrahere agnos-же и за нимъ Целій считали полезной въ извѣстныхъ atesis etiam per se plurime medetur“ 6), строго отдѣ-ослѣдніе отъ тѣхъ, гдѣ она бесполезна. Самый проколъ добіе кровопусканія ланцетомъ, послѣ чего въ от-женскій катетеръ, причемъ жидкость опорожнялась

aput atque gypso illiniendum.“ Тамъ же, с. 13, 403.

4. П., с. 4, р. 453.

5, р. 479.

81.

не вся зараза, а остатокъ выпускался въ тотъ же или на другой, третій день черезъ новый проколъ ¹⁾).

Четвертая книга, начала коей недостаетъ, начинается отрывочно съ леченія Elephantiasis (с. 1), вѣроятно Е. Graecorum или Lerpa Arabum, судя потому, что болѣзнь эта считалась заразительной, что Целій между прочимъ, совѣтуетъ противъ нея жирныя смазыванія (*смазывать*) до тѣхъ поръ, пока „побѣлвють пятна“ (*donec maculae albescant, quas surra methogavimus*) и что, по замѣчанію Ц., никто изъ древнихъ врачей, кромѣ Темисона и Демокрита, не лечилъ этой болѣзни. Что касается самаго Целія, то онъ рекомендуетъ здѣсь примѣненіе холода (*Psychrolusia*), душей, купанья въ морѣ или минеральныхъ водахъ, содержащихъ квасцы или желѣзо, „*dropacismus, lixivii calidi perfusio*“ снаружи, Hellebopus внутрь и вообще циклическій рекурсивный методъ леченія, наконецъ приличное леченіе язвъ, смотря по ихъ свойствамъ:

„*Ea, quae seipere per corpus viderimus, amputamus, tumescitiam vero mitigativis temperamus, humecta atque fluida densamus, et sordida purgamus, cavam replemus et aequalia in cicatricem ducimus etc.; item navigatio et in aëres meliores transitus. Sic enim passio solvetur, aut non ex ea deformatus aegrotans ad finem vitae perveniet*“ ²⁾).

Обычай чужихъ больныхъ запираеть, а своихъ изгонять или посылать въ болѣе теплыя или холодныя страны во избѣжаніе зараженія, Целій порицаетъ какъ негуманный („*quod a se alienum humanitas approbat medicinae*“) ³⁾).

Далѣе рѣчь идетъ о „*Rhithiriasis*“ (вшивости), какъ всего тѣла, такъ и отдѣльныхъ мѣстъ, напр. вѣкъ, причемъ въ числѣ симптомовъ уже Целій обращаетъ вниманіе на блѣдность наружныхъ покрововъ (*pallog*) и вообще на болѣзнь смотритъ, какъ на кахексію, почему кромѣ мѣстныхъ средствъ совѣтуетъ общее укрѣпляющее леченіе (*rescorporatio*) ⁴⁾. Потомъ слѣдуетъ очень подробная глава объ одержимыхъ катарромъ кишечника канала (*de ventriculosis v. coeliacis*), протекающимъ въ видѣ простого или натужного поноса вслѣдствіе несваренія или воспаленія, причемъ самыми главными средствами служатъ покой, сонъ, воздержаніе въ первое время отъ пищи и питья и въ особенности употребленіе большихъ лекарственныхъ елиситоровъ посредствомъ длинныхъ

¹⁾ Тамъ же, р. 488.

²⁾ Тамъ же, l. IV, с. 1, 498.

³⁾ Тамъ же, с. 1 въ концѣ, 497.

⁴⁾ Тамъ же, с. 2, 497—499.

мыванія выше лежащихъ пораженныхъ отдѣловъ ки-
 („*fistula longior procuranda in iis, quibus superiora
 ulcerata, quo medicaminis liquores eò valeant perve-*
 дствіи больные должны употреблять въ пищу деревен-
 доко (причемъ указываются даже кормовыя травы), а также
 въ уксусѣ или на угольяхъ, вязущія вина (особенно
 въ Praenestinum, Surrentinum, Signinum и Marsicum) ²⁾, или
 кипяченныя съ вязущими травами, наконецъ *Diasoso-*
 , сваренное извѣстнымъ способомъ съ жженными ракови-
xtodes,“ родъ студени (*gelatum*) изъ молока, свареннаго
 начального объема сначала при сильномъ, затѣмъ при сла-
 бая при позывахъ на рвоту охлаждается снѣгомъ ³⁾. Из-
 вѣстно, что и здѣсь методъ метасинкризиса находилъ обширное
 примѣненіе, послѣ краткой замѣтки о *Debilitas ventri* (за-
 медленіи пици особенно въ тощей кишкѣ, с. 4), слѣ-
 двоживота, коихъ Целій различаетъ 4 вида: 1) *tumor* или
 припухлость желудка съ болью и лихорадкой, а также
 зудной кожи и брюшины, при пораженіи коихъ „припод-
 ожи представляется двойной“ (*adducta cutis digitis condu-*
); 2) *duritia*, безъ признаковъ воспаления, но съ одыш-
 разстройствомъ пищеваренія, 3) *ventositas* или взду-
 рчаніемъ (*rugitus*) и тимпаническимъ тономъ по-
palma fuerint partes pulsatae, ut tympani resonum fin-
 й сжимаемостью частей, въ отличіе отъ *oedema*, легче
 вленію (*imperssioni cedens*), наконецъ 4) *ex saltu*—отъ
 чемъ бываетъ ощущеніе болтающагося внутри предмета,
 колотье въ груди. Лечение при всѣхъ этихъ состояніяхъ
strictura stomachi“ ⁴⁾. Далѣе рѣчь идетъ о дизентеріи
 хъ (с. 7, коей начало также недостаетъ), о глистной
 отличительнымъ распознаваніемъ сопровождающихъ ее
 дковъ отъ каталепсиса, а также отъ другихъ болѣзней ки-
 , причемъ противъ круглыхъ (*lumbrici rotundi s. ascari-*

с. 3, 501. Такія глубокія промыванія кишечнаго канала, какъ извѣстно,
 получили широкое примѣненіе при дѣтскомъ поносѣ и холерѣ, напр.
anti, какъ намъ неоднократно случилось лично убѣдиться въ отдѣленіи
 кой *Allgemeine Poliklinik*.

519.

514.

с. 5, 523, 524.

des) уже Целиемъ рекомендуется „decoctio Santonici”¹⁾ и между прочимъ еще впрыскиваніе аврипигмента, противъ ленточной же (l. lati)—соленая вода, Diagridium, въ особенности же рекорпоративное лечение²⁾. Наконецъ послѣдняя глава посвящена педерастіи (De mollibus s. subactis, μαλακχοί), которую Соранъ считаетъ отвратительной психической болѣзнію („maliguae et faedissimae mentis passio”) ³⁾.

Пятая книга разсматриваетъ сначала болѣзни съ затрудненной походкой (De isciadicis et psadicis), куда Целій повидимому относитъ и Tabes dorsalis, при которой больные ходятъ, наступая на „основанія пальцевъ” (ambulant quidam, capitibus digitorum gradientes)⁴⁾, далѣе Arthritis или подагру, трудно излечимую, наслѣдственную и эндемическую въ Каріи и Александріи⁵⁾, и противъ коей между прочимъ рекомендуются Diachylon и минеральныя воды Albulae vel Cotiliae⁶⁾. Затѣмъ слѣдуютъ хроническія болѣзни почекъ (Passio renalis или Nephritis—отъ ушиба или паденія на ягодицы⁷⁾, и мочеваго пузыря, куда Ц. относитъ tumor, collectio (абсцессъ), ulcus, durities, Psoriasis и Trichiasis (capillatio) vesicae, debilitas, параличъ, каменную болѣзнь, кровотечения изъ пузыря и затрудненное мочеиспусканіе. Каменная болѣзнь („asper lapis или sedimina arenosa и saxosa”) распознается твердымъ зондомъ (melotide, μελωτρίς); относительно способа извлеченія камня (auferendi opus) онъ отсылаетъ къ „Хирургіи,” изложенной имъ въ Libris Responsionum. Послѣдовательное же лечение состоитъ въ употребленіи выше упомянутыхъ соленыхъ водъ, при кровотеченіи—бинтованіе членовъ и вяжущія впрыскиванія черезъ металлическій катетеръ, вообще же цѣлическій способъ леченія⁸⁾. Главъ о діабетѣ и Spermatorrhoea („Gonorrhoea”) недостаетъ. Въ слѣдующей главѣ рѣчь идетъ о ночныхъ поллюціяхъ (Somnus venereus, δνεμρβγονος) и отличительномъ распознаваніи ихъ отъ сперматорреи и ея послѣдствій (Epilepsia, сумасшествіе), при леченіи ихъ рекомендуется между прочимъ—не опорожнять пузыря передъ сномъ съ цѣлью механическаго давленія на сосѣдніе сѣменные пути⁹⁾.

¹⁾ Тамъ же, с. 8, 540.

²⁾ Тамъ же, 543.

³⁾ Тамъ же, с. 9.

⁴⁾ Тамъ же, l. V, с. 1, 548.

⁵⁾ Тамъ же, с. 2, 558.

⁶⁾ Тамъ же, 562.

⁷⁾ Тамъ же, с. 3.

⁸⁾ Тамъ же, с. 6.

⁹⁾ Тамъ же, с. 7, 580.

ратныхъ главъ объ истеченіи крови вмѣсто сѣмени при присутствіи язвы въ] мочевомъ каналѣ (с. 8), а также о), слѣдуетъ глава объ эмпіемѣ (De vomicis),—одна изъ во всемъ сочиненіи, которая быть можетъ была бы блѣ объ *острыхъ* болѣзняхъ. Вообще подѣ этимъ именемъ есть всякое накопленіе (collectio) гноя въ какой бы то ни же въ полости брюшины, а также болѣе поверхностныя диафрагмы, желудка, печени, селезенки, кишечнаго каечеваго пузыря и матки, изъ коихъ одни, по его мнѣнію, хирургическаго леченія (usum chirurgiae non exigunt), ибо мены лекарствами, другіе же наоборотъ требуютъ хирургичества. Что касается спеціально эмпіемы грудной полости, означаетъ происходящую ex pleurítico или pleumonico morbo, есть припадки, общіе обѣимъ формамъ (signa communia), лихорадка, жаръ, безпокойство, тяжесть и чувство нади, маленький, скорый пульсъ (celer) и потъ, и припадки, каждому изъ этихъ страданій отдѣльно (specialiter), а именитѣ—колотье и пульсирующая боль (dolor pulsuosus), жность лежать на противоположной страданію сторонѣ, ощихся въ срединѣ перепонокъ, плескъ, наконецъ выи отечная припухлость:

endi potestas supra contrarium patienti latus, cum sensu quendentium membranorum et saepe, com motu corporis, quasi oinclusi atque collisi humoris, quod Graeci ὑδατισμός appellant, et plurteris aut verricosa inflatio impressioni digitorum cedens, ac resur-

номъ же нарывѣ—кашель, зловонное дыханіе, крайныя приподнимаются въ кровати, чтобы лежать повыше¹⁾.

въ дальнѣйшія подробности относительно другихъ гнойзамѣтимъ здѣсь только, что леченіе ихъ Целій раздѣупреждающее, имѣющее мѣсто въ періодѣ припуханія, выхъ vomicae—размягчающими средствами, какъ прижающими, способствующими прорыванію гноя (eruptio), медленія такового совѣтуетъ опорожнять ихъ черезъ разнакопленія въ полости брюшины, раненіе со заживаетъ рубцомъ:

„incisa peritonei membrana in cicatricem facile conducitur et sine ullo periculo aegrotantis sanitas datur (redditur)“¹⁾.

Замѣчательно, что собственно о Thoracosentesis Целій не упоминаеть. Само собой разумѣется, что и при леченіи одержимыхъ эмпіемой (empirici s. vomitarii) восстанавливающему методу отведено не послѣднее мѣсто.

Конецъ сочиненія посвященъ тучности (саго superflua, *πολυσαρκία*), при леченіи коей главную роль играютъ гимнастика, плаваніе и песочныя ванны на берегу моря, хлѣбъ съ отрубями, какъ менѣе питательный („panem damus autopyrum, est enim minus nutriens etc, Venerem adhibendam ante cibum“) и вообще употребленіе пици только разъ въ день, недолгій сонъ, наконецъ слабительныя и часто вызываемая искусственная рвота²⁾.

Самую интересную особенность только что рассмотрѣннаго трактата, повторяемъ, составляетъ подробное изложеніе, по поводу каждой данной болѣзни, мнѣній главнѣйшихъ врачей древности, какъ Гиппократъ, Эразистрата, Герофила, Діоклеса, Асклепіада, Темисона, Гераклида и проч., изъ коихъ многимъ, особенно въ *Acutis*, посвящены особыя главы³⁾, что и дѣлаеть этотъ трактатъ драгоценнымъ историческимъ памятникомъ не только по отношенію къ методической, но и къ другимъ медицинскимъ школамъ древности.

Къ литературѣ о методической школѣ.

Prosper Alpinus, De medicina methodica, Venet. 1611.

Wedel, De fundamentis methodicorum, Jenae. 1686.

Werlhof, De medicina sectae method. veteris, ejusque usu et abusu. Helmestadii, 1723.

Th. Smith, Diss. in aag. de medicina sectae methodicae veteris. Edinburg 1787.

Möller, Dissertatio inaug. de metasyncrisi methodicorum in usum revocanda. Halae, 1795.

Clarus (resp. Peissel), Scholae methodicae et Brunonianae consensus. Lipsiae, 1799.

Ejusdem, Momenta quaedam historica de methodicae scholae principibus. Lipsiae,

1799. (Asklepiades, Themison, Thessalus, Soranus, Moschion, Caelius Aurelianus).

Zehler, Diss. inaug. de medicina sectae methodicorum veterum. Erlang. 1827⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 595.

²⁾ Тамъ же, l. V, с. 11, 598 и слѣд.

³⁾ Ср. напр. главн: ad Dioclem (*Acut.* l. I, с. 12), ad Erasistratum (тамъ же, с. 13), ad Asclepiadem (с. 14, 15—весьма обширна), ad Themisonem (с. 16) и ad Heraclidem (с. 17).

⁴⁾ Ср. Morvitz, l. с. II, 25.

Энциклопедическая медицина.

(I столѣтіе по Р. X.).

Хотя со времени Асклениада у римлянъ появились интересъ и стремленіе къ болѣе самостоятельной дѣятельности въ медицинѣ, но такъ какъ сами римляне отъ природы всегда обнаруживали весьма мало творческихъ задатковъ въ области этой послѣдней, то неудивительно, что первыя попытки на поприщѣ медицинской литературы носятъ у нихъ болѣе компиляторный и энциклопедическій характеръ (Haeser), съ обращеніемъ особеннаго вниманія на практическую медицину и фармакологию и гораздо менѣе на анатомію и физиологію.

а) Практическая медицина.

Образцомъ практической медицины римлянъ въ цвѣтущій періодъ ихъ развитія можетъ служить Медицина Цельза.

Aulus Cornelius Celsus жилъ между 25—30 до Р. X. и 45—50 по Р. X., слѣдовательно въ царствованія Августа, Тиверія и Калигулы ¹⁾. Мѣстомъ его рожденія считается Римъ или Верона. Онъ принадлежалъ къ роду патриціевъ-Корнеліевъ и хотя, подобно другимъ землевладѣльцамъ, вынужденнымъ содержать большія больницы („qui ampla valetudinaria nutriunt“ ²⁾), былъ не болѣе какъ диллетантъ (φιλατρός, по выраженію Галена), но по своей природѣ, можно сказать, былъ рожденъ быть врачомъ и повидимому дѣйствительно занимался медицинской практикой въ своемъ помѣстьѣ; такъ у него имѣются указанія на то, что онъ посѣщалъ больныхъ въ полночь („ad mediam noctem“ ³⁾), что въ выборѣ слабительныхъ онъ лично руководствовался силами больного ⁴⁾, писалъ же онъ о медицинѣ собственно для непосвященныхъ, какъ видно изъ одного мѣста, гдѣ онъ говоритъ о трудности излагать болѣзни половыхъ органовъ безъ нарушенія приличія ⁵⁾. По примѣру многихъ римскихъ писателей, напр.

¹⁾ Meyer, Geschichte der Botanik, II, 4; Ср. Haeser, I, 276. По Kissel'ю (Cornelius Celsus, Giessen, 1844, I, 90). Цельзъ жилъ въ царствованіе Клавдія. Писателей и другихъ римлянъ, носившихъ имя „Celsus“, было много, по Kissel'ю до 18, между прочимъ одинъ, послѣдователь Платона, написавшій полемическій трактатъ противъ христіанства. Ср. Kissel, I, с. 42—57.

²⁾ C. Celsi, *De medicina*, I, I, Prooemium, p. 14, ed. Daremberg, Lipsiae, 1859.

³⁾ Тамъ же, I, III, с. 5, p. 83.

⁴⁾ Тамъ же, с. 24, p. 115: „Si satis virium est, validiora; si parum, imbecilliora auxilia praefero.“

⁵⁾ Тамъ же, I, VI, с. 18, 1. Это однако не помѣшало ему посвятить всю означенную главу этимъ болѣзнямъ („De obscenarum partium vitiiis“), гдѣ онъ ведетъ рѣчь de colicis morbis, de phagedaena in cole nascente, de condylomate и проч. Тамъ же, §§ 2, 4, 8.

Варрона, Цельзъ обработалъ обширную энциклопедію, обнимавшую собою риторику, философію, военное искусство, сельское хозяйство и медицину. Изъ этой энциклопедіи, отъ которой въ другихъ областяхъ сохранились только отрывки, одна лишь медицинская часть дошла до насъ цѣликомъ.

Библиографическіи замѣтки. Первая рукопись, отъ которой берутъ начало всѣ позднѣйшія, была открыта Фомой Перентонч ли де Сардана (впослѣдствіи папа Николай V, 1447—1455). Копія съ этой рукописи находятся въ Парижѣ, Флоренціи и Римѣ.

Изданій Цельза существуетъ весьма большое количество, Еще въ 1841 Choulant насчитывалъ ихъ до 49. Самыя старинныя и вмѣстѣ одни изъ первыхъ медицинскихъ изданій, появившихся въ печати, суть:

Florentia, 1478, f. min. ed. Bm. Fontius, impr. Nicolaus.

Mediolani, 1481. f. min. impr. per Leonardum Pachel et Ulderichum Sincenzeler.

Изъ длиннаго ряда слѣдующихъ изданій 16 и 17 ст. приводимъ для образца:

Lugd. Bat., 1657. ed. J. Antonides van der Linden, ap. J. Elsevirium.
Крайне небрежное изданіе.

Изъ болѣе новыхъ:

Lipsiae, 1766. S. ed. C. Ch. Krause, sumpt. Csr. Fritsch.

Patauii, 1769. 4. ex recensione Leonardi Targae (врача въ Веронѣ, 1730—1815), ap. I. Manfrè. Собственно 2-е исправленное изданіе van der Linden'a.

Aul. Corn. Celsi—de medicina libri octo, ed. A. Haller, Lausannae Sumpt. Grasset, 1772. (Имѣется у насъ подъ рукою: изданіе неисправное, съ отступленіями отъ общепринятаго текста).

Къ болѣе удобнымъ изданіямъ относятся:

Viponti, 1801 и Argentorati, 1806 (оба ex recens. Targae).

Veronae, 1810, 4, ex recens. Ln. Targae ap. haered. Merlo (плодъ 60 лѣтнаго труда).

Ritter и Albers'a, Coloni ad Rhenum, 1835.

Darmesberg, Paris, 1859 и Vedrènes. Paris, 1876.

Къ неудобнымъ изданіямъ, по отзыву Гезера, относятся:

Salv. de Renzi, Neapol, 1851—52, не смотря на обиліе въ ней статей разныхъ авторовъ о Цельзѣ, съ прибавленіемъ Lexicon Celsianum и посредственныхъ рисунковъ хирургическихъ инструментовъ, растений и минеральныхъ источниковъ.

Изъ переводовъ—нѣмецкіе: старѣйшіе—I. Khüffner, Mainz, 1531 и G. Fuchs, Iena u. Leipzig 1799, bei Gabler (послѣдній имѣется у насъ подъ рукою; оба неточны и крайне небрежны). Новѣйшіе: Вn. Ritter, Stuttgart, 1840 и Scheller, 2 ч. Braunschweig, 1846.

Французскіе съ лат. текстомъ: Henri Ninin, Paris 1753 и 1821; Ch. des Etangs, Paris, 1846, 1860.

Англійскіе: James Greive, Lond., 1756; ib. 1814 и 1819. Collier, Lond. 1830, 1833, 1837; Stoggall (1 и 3 кп.), Lond. 1837; съ латинскимъ текстомъ—Unterswood, Lond. 1830, „with a literal and interlinear translation,“ каковой переводъ собственно не подстрочный, а дословный; лучше его: Lee, Lond. 1837.

Итальянскій—G. A. Chiappa, Milano, 1828.

Изъ множества пояснительныхъ сочиненій назовемъ:

Rozzi, Annotationes in ll. 8 C. Celsi, Venet. 1616.

Krause, A. C. Celsi de re medica, Lips. 1762 (критика послѣднихъ 4 книгъ).

Morgagni—8 писемъ о Цельзѣ въ его Opusculis miscellaneis, Venet. 1768.

Clossius, Specimen observationum criticarum in Celsum. Traject. ad Rhenum, 1768.

Matthiae (Kortholt), diss. de Celsi medicina, Gottingae, 1766.

Eschenbach, Epist. de Celso non medico practico, Lips. 1772.

Romanon, Observationes in medicinam Celsi, Upsal. 1803.

Lullier-Winslow, Exposition de la doctrine de Celse, Paris, 1810.

Pool, Chrestomathia Celsiana, Lugd. Batav. et Amst. 1832.

Къ биографіямъ:

Bianconi, Lettere sopra Celso, Roma, 1779. (Нѣм. пер. L*** съ предисловіемъ

Krause, Leipz. 1781).

Chiappa, Intorno alle opere e condizione personale di Celso, Milano, 1819.

Schilling, De Celsi vita, Lips. 1824.

Kissel., A. C. Celsus, eine histor. Monographie, Giessen, 1844. I Abth. (не окончено).

Броса, въ Conférences hist. faites à la Faculté de médecine de Paris. 1865.

Въ библиографическомъ отношеніи весьма важны:

Choulant, Tentamen bibliographicum въ его Prodromus novae edit. C. Celsi etc. Lips. 1824 и

Ejusdem, Bücherkunde, Leipzig, 1841, 166—180 (весьма подробно), откуда большею частью и заимствованы вышеизложенныя данныя, съ дополненіями изъ Haeser'a I, 278 и Morvitz'a (l. c. 27, 28) ¹⁾.

Во всемъ сочиненіи Цельза на каждомъ шагѣ просвѣчиваетъ практической римскій умъ, отлившійся здѣсь въ сильныя, точно вычеканенныя формы и выраженія. „Такіе умы не отличаются способностью обогащать искусство новыми открытіями, оттого мы находимъ здѣсь лишь картину современной Цельзу римской медицины, но безъ новыхъ прибавленій“ (Hesker).

Вообще Цельза слѣдуетъ считать образцомъ точности и краткости въ выраженіяхъ: онъ все сокращаетъ, прямо приступая къ факту; слогъ его ясный, точный, плавный и сильный. Въ его толкованіяхъ сказывается здоровый, независимый критическій умъ. Его сочиненіе еще разъ доказываетъ, сколько выигрываетъ медицина, если разрабатывающіе ее умы озарены свѣтомъ остальныхъ наукъ и общаго образованія: ясность сужденія, почти современная свобода отъ предрассудковъ, осторожный выборъ предметовъ и изящество изложенія, всѣ эти неотъемлемыя достоинства книги Цельза—несомнѣнныя послѣдствія его всесторонняго развитія (Haeser). Обращикомъ тонкости, съ которой онъ взвѣшиваетъ каждое слово, можетъ служить самое начало:

¹⁾ О комментаріяхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Цельза ср. Choulant, Bücherkunde, 177.

„Ut alimenta sanis corporibus agricultura, sic sanitatem aegris medicina promittit“ ¹⁾.

Здѣсь, въ сжатой до крайности формѣ, однимъ мастерскимъ штрихомъ, имъ очерчены границы нашего искусства, которое, согласно его выраженію, можетъ лишь „общать,“ лишь подавать надежду на выздоровленіе больного тѣла, подобно тому какъ хлѣбонашество общаетъ здоровымъ лишь виды въ будущемъ на пищу. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ о медицинскомъ искусствѣ слѣдующее:

„Не искусству должны быть вѣнчаны въ виду ошибки того, кто чѣмъ занимается. Весьма часто и даже всего чаще пользу больнымъ приносятъ преимущественно въ ра въ медицину“ ²⁾.—„Только мелкій умъ старается избѣгать неприятностей, глубокому же уму подобаетъ признаваться и въ своихъ ошибкахъ, особенно тогда, когда результаты его врачебной дѣятельности передаются на пользу потомства.“—„Благодарумень тотъ, кто не приметъ больного, которому вѣтъ спасенья, дабы не показаться убійцей того, кого собственная судьба обрекла на погибель“ ³⁾. „Опытный врачъ узнается потому, что онъ, прійдя къ больному, не хватается тотчасъ за его руку, а весело смотритъ на больного и, расспрашивая его о состояніи здоровья, успокоиваетъ приличными случаю словами, если тотъ обнаруживаетъ страхъ, и лишь послѣ того беретъ его за руку“ ⁴⁾.

Перейдемъ теперь къ изложенію медицины Цельза по порядку. Все сочиненіе состоитъ изъ 8 книгъ, изъ коихъ *первая* содержитъ Введеніе (Prooemium) и діететику, *вторая*—общую патологію, семиотику, прогностику и общую терапію, остальные же книги посвящены частной патологіи и терапіи внутреннихъ и хирургическихъ болѣзней, причѣмъ въ основаніе ихъ дѣленія приняты отчасти общія и мѣстныя свойства послѣднихъ, отчасти же различія, вытекающія изъ способовъ леченія, смотря потому, излечиваются ли онѣ діететическими (кн. III), фармакологическими (кн. IV—VI) или хирургическими средствами (кн. VII и VIII) ⁵⁾.

Введеніе, по единодушному мнѣнію всѣхъ врачей, составляетъ chef-d'oeuvre художественной простоты и обнаруживаетъ точку зрѣнія научнаго врача. Здѣсь, послѣ краткаго обзора исторіи медицины, подробно разбирается вопросъ, на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ обрабатывать медицину, на научныхъ („рациональныхъ“) или эмпирическихъ началахъ, и

¹⁾ Celsi D: medicina, l. I, Prooem. вначалѣ.

²⁾ „Nec protinus crimen artis esse, si quod professoris sit.... Sed est tamen medicinae fides, quae multo saepius, perque multo plures aegros prodest.“ Тамъ же, l. II, с 6, ed. Daremb., 38.

³⁾ „Est enim prudentis hominis, primum eum, qui servari non potest, non attingere, nec subire speciem ejus ut occisi, quem sors ipsius interemit“ Тамъ же, l. V, с. 26, § 1, p. 186.

⁴⁾ „Periti medici est, non protinus, ut venit, apprehender: manu brachium; sed primum residere hilari vultu, percontarique, quemadmodum se habeat, etsi quis ejus metus est, eum probabili sermone lenire; tum deinde ejus corpori manum admovere.“ Тамъ же l. III, с. 6, p. 86. (Въ ed. Haller. 140: „ejus capro manum admovere“).

⁵⁾ О дѣленіи медицины на три отрасли см. Prooemium, ed. Hall. p. 3 и выше стр. 695.

хотя Цельзъ, повидимому, высказывается въ пользу научнаго метода, основаннаго на анатоміи, физиологіи и изслѣдованіи непосредственныхъ причинъ болѣзней („rationalem quidem puto medicinam esse debere“) ¹⁾, но тѣмъ не менѣе во всемъ его сочиненіи преобладаетъ эмпирическое направленіе, такъ что его можно считать точнымъ и подробнымъ истолкователемъ эмпирической школы, руководящее начало которой такъ удачно охарактеризовано имъ приведеннымъ выше афоризмомъ: „quia non intersit, quid morbum faciat, sed quid tollat“ ²⁾.

Итакъ, изложивъ вкратцѣ сущность методизма, эмпиризма и догматизма и указавъ на то, что „не слѣдуетъ ни принимать исключительно, ни абсолютно отвергать одно какое либо воззрѣніе, а сохранять средину между крайними мнѣніями.“ Цельзъ старается въ своемъ введеніи доказать, что такъ какъ нѣтъ возможности съ точностью узнать причины здоровья или болѣзни, равно какъ и дыханія, пищеваренія, глотанія, и такъ какъ за отсутствіемъ положительныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи нельзя открыть непогрѣшимыхъ лекарствъ, то въ медицинскои практикѣ самую полезную помощь въ состояніи оказывать лишь опытъ ³⁾. Онъ не отрицаетъ, что медицина весьма часто принуждена бываетъ прибѣгать къ разсужденіямъ, ибо медицина есть гадательное искусство, которому во многихъ случаяхъ не отвѣчаетъ не только теорія, но и практика. Такъ случается, что ни лихорадка, ни аппетитъ, ни сонъ не совершаются такъ, какъ бы слѣдовало. Рѣже бываютъ новыя болѣзни (слѣдуетъ наблюденный Цельзіемъ случай *Prolapsus uteri*, окончившійся смертью, вслѣдствіе неумѣнія врачей опредѣлить болѣзнь и найти противъ нея средство). Въ подобныхъ случаяхъ, врачъ, по мнѣнію Цельза, долженъ изобрѣтать такіе способы леченія, которые, если не всегда, то чаще всего оказываются дѣйствительными. Для этой цѣли необходимо изслѣдованіе не скрытыхъ, а очевидныхъ причинъ. Необходимо знать, происходитъ ли болѣзнь отъ усталости, жажды, холода, жара, бессонницы, излишества въ напиткахъ, пищѣ и удовольствіяхъ; необходимо, кромѣ того, знать темпераментъ больнаго, характеръ и продолжительность заболѣванія, занятія. Только подобныя изслѣдованія могутъ часто наводить на новые способы леченія ⁴⁾.

Здѣсь, очевидно, Цельзъ не высказывается въ пользу исключительно

¹⁾ Тамъ же, I, I, Prooemium, ed. Halleri, I, p. 19, (ed. Daremberg p. 12).

²⁾ Тамъ же, ed. Hall. I, p. 10 (ed. Daremb., p. 7). См. выше, стр. 157.

³⁾ Тамъ же, ed. Hall. I, p. 13 (ed. Daremb., p. 8).

⁴⁾ Тамъ же, ed. Hall. I, p. 13, 14 (ed. Daremb., p. 9).

одной какой либо доктрины, а предоставляет каждому выбирать основаніе для терапіи откуда угодно.

Діететика изложена въ *первой* книгѣ. Это настоящій трактатъ о гигиѣнѣ, быть можетъ самый оригинальный изъ всего сочиненія, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ позаимствованій отчасти изъ сочиненій александрійской школы, отчасти изъ Асклепіада, большею же частью у Гиппократата.

„Здоровый человекъ, который чувствуетъ себя хорошо и предоставленъ самому себѣ, не нуждается ни въ какихъ предписаніяхъ, ни во врачѣ, ни въ исцѣлителяхъ мазию. Онъ не долженъ вести однообразной жизни, а жить то въ городѣ, то въ деревнѣ, то принимать морскія путешествія, заниматься охотою, иногда отдыхать на диванѣ, вообще же часто дѣлать движеніе, ибо бездѣйствіе притупляетъ и преждевременно старить, работа же укрѣпляетъ тѣло и надолго сохраняетъ молодость. Полезно также купаться то въ теплой, то въ холодной водѣ“ и т. д. ¹⁾

Вообще въ этомъ отдѣлѣ Цельзъ имѣетъ въ виду лишь образъ жизни высшихъ классовъ. Затѣмъ слѣдуютъ правила, какъ должны себя вести люди съ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, куда относятся жители городовъ и ученые ²⁾. Далѣе правила при переходѣ изъ одного мѣста въ другое, правила для употребленія слабительныхъ и рвотныхъ, а также пищи и питья въ разныя времена года ³⁾ и т. д. Наконецъ мѣры предосторожности и образъ жизни при эпидеміяхъ, причемъ, какъ самое вѣрное средство, рекомендуются сухопутныя или морскія путешествія ⁴⁾.

Общая патологія, этиологія, діагностика, прогностика и общая терапія изложены во *второй* книгѣ, которая начинается слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Есть много признаковъ предстоящей болѣзни. Но при изчисленіи ихъ я не задушаюсь опереться на авторитетъ древнихъ, въ особенности Гиппократата; ибо новѣйшіе врачи („recentiores medici“), сколько бы ни выдвигали способы леченія, все же въ отношеніи предсказанія всегда должны уступать первенство древнимъ“ ⁵⁾.

Затѣмъ Цельзъ разсматриваетъ здѣсь вліяніе на болѣзни временъ года, температуры, возраста, конституцій и темпераментовъ ⁶⁾. При изложеніи прогностики, согласно сказанному, онъ преимущественно слѣдуетъ Гиппократату, котораго заслуги въ этой области, по его словамъ, признаются

¹⁾ Celsi De medicina, l. I, c. 1, ed. Hall. I, p. 20 (ed. Daremb. p. 19).

²⁾ Тамъ же, с. 2, ed. Hall. I, p. 21 и слѣд. (ed. Daremb., p. 14).

³⁾ Тамъ же, с. 3, ed. Hall. I, p. 24—35; въ слѣд. главахъ рѣчь идетъ о слабости головы (с. 4), катаррахъ глазъ, носа и миндалинъ (с. 5), о средствахъ противъ поноса, колики, желудочныхъ страданій, болѣе сухожилій (с. 6—9).

⁴⁾ Тамъ же, с. 10, ed. Hall. I, p. 41.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, Praefatio, p. 48.

⁶⁾ Тамъ же, l. II, с. 1. Данныя изъ общей патологіи и этиологіи разсѣяны отчасти во введеніи, отчасти въ разныхъ мѣстахъ кн. II, но вообще весьма скудны, почему мы ихъ и не приводимъ.

вѣми врачами. Семіотика также цѣликомъ взята у Гипократа, изреченія коего воспроизведены имъ почти въ прекрасномъ буквальномъ переводѣ. Вообще въ семіотикѣ Цельза прогностическое значеніе симптомовъ всегда на первомъ планѣ, сюда относится все сказанное имъ о положеніи больного, о признакахъ тяжкаго заболѣванія, о важномъ значеніи болей въ области подвздошной и слѣпой кишки, о болѣзняхъ почекъ, легочной чахоткѣ и пр. Цельзъ дѣлитъ симптомы болѣзней на многія категоріи: 1) предвѣстники, какъ увеличеніе или уменьшеніе объема тѣла, потеря силъ, тяжесть въ членахъ, возвышеніе температуры, спячка или бессонница, общій или мѣстный потъ, отсутствіе аппетита, общая усталость; 2) признаки, которые указываютъ на болѣзнь органовъ въ настоящее время; 3) прогностическіе признаки, предвѣщающіе счастливый или несчастный исходъ ¹⁾.

Въ общей терапіи Цельзъ прежде всего дѣлитъ лекарства на общія средства, „*communia remedia*,” или методы, примѣнимые въ цѣломъ рядѣ различныхъ болѣзней, и спеціальныя средства (*propria*), примѣнимыя въ отдѣльныхъ случаяхъ частныхъ болѣзней. Всякое лекарство, по мнѣнію Цельза, имѣетъ цѣлю—убавлять или прибавлять, привлекать или отталкивать, охлаждать или согрѣвать, сокращать или расслаблять ²⁾.

Къ *убавляющимъ* средствамъ, относятся кровопусканіе, кровососныя банки, слабительныя, какъ *nigrum veratrum*, *silicula*, мѣдныя стружки, капля сока *Lactusae mariae*, ослиное молоко ³⁾, промывательныя, рвотныя (у желчныхъ и при болѣзняхъ желчи), массажъ, гидротерапія, пассивная гимнастика, воздержаніе отъ пищи, потогонныя ⁴⁾. *Прибавляющія* средства играютъ самую важную роль въ общей терапіи Цельза, между ними первое мѣсто занимаетъ питаніе. Сюда относятся діететика больного въ тѣсномъ смыслѣ и употребленіе питательныхъ средствъ, а также второстепенные методы, какъ успокоивающій, согрѣвающий, размягчающій, мочегонный и пр. ⁵⁾.

Изъ изчисленныхъ методовъ приведемъ здѣсь для образца сказанное имъ по поводу кровопусканія.

Въ противоположность Гипократу, ограничивавшему кровопусканіе у стариковъ, дѣтей и беременных женщинъ, и неограниченному его примѣненію другими, Цельзъ считалъ необходимымъ точнѣе установить показанія къ нему, которыя онъ ставитъ въ зависимость болѣе отъ общаго состоянія и природы болѣзни, нежели отъ возраста. Онъ дохо-

¹⁾ Тамъ же, I, II, с.с. 2—8. Объ общей діагностикѣ ср. I, II, с. 7.

²⁾ Тамъ же, с. 9, (ed. Dargemb. p. 51, Haller. I, 84).

³⁾ Тамъ же, с. 12, D., 56, H. I, 92.

⁴⁾ Тамъ же, сс. 10—17. ⁵⁾ Тамъ же, сс. 18—33.

дить даже до того, что совѣтуетъ дѣлать кровопусканіе у больныхъ, которые едва въ состояніи его переносить, не смотря на угрожающую отъ него опасность, а именно въ случаяхъ, когда безъ него нѣтъ никакой надежды на спасеніе:

„Ново не кровопусканіе, а ново то, что нѣтъ почти болѣзни, въ которой бы не слѣдовало пускать кровь.—Если матерія [т. е. крови] недостаетъ или если она не испорчена (*integra*), то кровопусканіе вредно (*alienum est*). Если же масса ея дурного качества или испорчена, то нѣтъ лучшаго средства. А потому сильная лихорадка, при которой тѣло краснѣетъ, а переполненныя вены набухаютъ отъ крови, требуетъ опорожненія послѣдней, равнымъ образомъ того требуютъ болѣзни внутренностей, параличъ (*periculum resolutio*), околѣваніе (*rigor*), судороги (*distentio*) и все, что причиняетъ задушеніе и быструю потерю голоса, равно какъ и всякая невыносимая боль, всякіе внутренніе разрывы или поврежденія отъ какой бы ни было причины, далѣе всякое дурное состояніе тѣла и всѣ острия болѣзни, которыя, какъ я сказалъ выше, вредятъ не вслѣдствіе истощенія, а вслѣдствіе избытка соковъ (*non infirmitate, sed opere poscent*).— Могутъ быть случаи, когда болѣзнь требуетъ кровопусканія, а тѣло повидному едва въ состояніи его перенести; однако, если нѣтъ другого средства и больному угрожаетъ смерть, если не придетъ къ нему на помощь смѣлымъ леченіемъ, то долгъ всякаго честнаго врача указывать съ одной стороны на то, что кромѣ кровопусканія нѣтъ надежды на спасеніе, а съ другой, чего надлежитъ при этомъ опасаться, и только тогда, если того потребуютъ окружающіе, приступить къ кровопусканію. При такихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ колебаться: ибо лучше невѣрное средство, чѣмъ никакое (*melius est aspers remedium, quam nullum*)¹⁾).

Говоря о прибавляющихъ (питательныхъ) средствахъ, Цельзъ разсматриваетъ вліяніе твердой и жидкой пищи и указываетъ на укрѣпляющее, возстановляющее, сжимающее или расслабляющее свойство разныхъ родовъ пищи и напитковъ, на ихъ удобоваримость, на свойство соковъ, которые они доставляютъ крови, дѣйствіе ихъ на сонъ, на мочу и т. д., словомъ это цѣлый трактатъ о гигиенѣ пищеваренія²⁾.

Частная патологія и терапія начинается съ *третьей* книги, причѣмъ у Цельза терапія всегда на первомъ планѣ. Вообще онъ высказывается противъ принятаго у грековъ дѣленія болѣзней на острия и хроническія, замѣнивъ его своимъ собственнымъ дѣленіемъ: на болѣзни, коренящіяся въ общей конституціи, и болѣзни, поражающія только извѣстныя части тѣла. При первыхъ, по ихъ скоротечности, несчастный исходъ не можетъ быть вѣнненъ врачу въ вину, какъ въ послѣднихъ, гдѣ врачъ имѣетъ достаточно времени для обдумыванія и перемѣны лекарствъ, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ случаевъ, гдѣ бо-

¹⁾ Тамъ же, I. II, с. 10, ed. Haller, I, pp. 85—87, гдѣ послѣдняя фраза, какъ и въ изд. Dagesberg'a, p. 53, гласитъ такъ: „*satius est aspers auxilium experiri, quam nullum*;" но мы слѣдовали общепринятому выраженію.

²⁾ Тамъ же, I. II, с.с. 18—33.

лѣзнь успѣла пустить уже глубокіе корни: „чѣмъ острая болѣзнь дальше отъ своего начала и чѣмъ хроническая ближе къ нему (свѣжѣе), тѣмъ легче ихъ лечить“¹⁾).

Въ частности онъ сначала излагаетъ леченіе предвѣстниковъ, про- тивъ коихъ главнымъ образомъ совѣтуетъ покой, воздержаніе отъ пищи, употребленіе воды и вина, энергическія же средства, какъ рвотныя, сла- бительныя, ванны, усиленное движеніе рѣшительно отвергаетъ²⁾. Затѣмъ Цельзъ рассматриваетъ лихорадки, соединивъ въ одну группу пере- межающіяся и постоянныя, съ едва замѣтными послабленіями. Вообще на лихорадку Цельзъ, подобно Гипократу, смотритъ какъ на цѣ- лебное усиліе природы, она и по его мнѣнію—въ одно и то же время и болѣзнь и цѣлѣбное средство³⁾. Разъ начавшаяся болѣзнь не можетъ быть прервана, какъ полагаетъ напр. Асклепиадъ, движеніемъ, ваннами, слабительными, потогонными и виномъ, она должна имѣть свое теченіе и вначалѣ самое лучшее—воздержаніе и покой:

„Asclepiades officium esse medici dicit, ut tuto, ut celeriter, ut ju- cunde curet. Id votum est: sed fere periculosa esse nimia et festina- tio et voluptas volet“⁴⁾.

„Асклепиадъ говоритъ: долгъ врача— лечить вѣрно, скоро и пріятно. Но это лишь благое желаніе: слишкомъ большая торопливость и погоня за пріятнымъ могутъ сдѣлаться опасными“⁴⁾.

Поэтому главными средствами при лихорадкѣ у Цельза служатъ діета и разрѣшающіе напитки. Въ высшей степени интересна осмотрительность, съ которой онъ говоритъ здѣсь о выборѣ, количествѣ и времени назначенія пищи (лучше всего—по полуночи и утромъ)⁵⁾, не- обходимой для сохраненія силъ больнаго, а также о поведеніи врача у по- стели больнаго и осторожномъ способѣ леченія дѣтей, у коихъ по воз- можности слѣдуетъ избѣгать слабительныхъ, кровопусканія, продолжи- тельнаго бодрствованія, голоданія, воздержанія отъ питья и употребленія вина⁶⁾.—Кризисы и критическіе дни онъ вмѣстѣ съ Асклепиадомъ отвергаетъ:

„Асклепиадъ имѣлъ право отвергнуть все это, какъ лишнее основанія, и утвер- ждать, что дни представляютъ не болѣе и не менѣе опасностей, будь они четные или не- четные, ибо иногда четные дни какъ разъ хуже“⁷⁾).

¹⁾ Тамъ же, I. III, с. 1. „Et acutus quidem, quo vetustior, longus autem quo recen- tior, eo facilius curatur“ (ed. Haller., I, 123)

²⁾ Тамъ же, I. III, с. 2, 126: „Solaque abstinentia sine ullo periculo medentur.“

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 3 (ed. Hall. I, 126): „et morbi sunt, et medicina.“ Въ дру- гомъ мѣстѣ (р. 76): „ipsa febris saepe praesidio est“—что совершенно согласно и съ по- слѣдними воззрѣніями (Нотнагель, Roszbach и др.) на вредъ слишкомъ широкаго примененія цѣлаго ряда гидрохиноновъ въ лихорадочныхъ болѣзняхъ.

⁴⁾ Тамъ же, I. III, с. 4, вначалѣ, I, 128.

⁵⁾ Тамъ же, I. III, с. 5, 136.

⁶⁾ Вообще леченію разнаго вида лихорадокъ посвящены 14 главъ (I. III, сс. 4—17).

⁷⁾ Тамъ же, I. III, с. 4, ed. Hall. I, 132.

Но Цельсъ очевидно мало былъ знакомъ съ лихорадками, если онъ соединилъ всѣ формы въ одну группу, причисляя сюда и медлительныя лихорадки безъ всякой ремиссии (*lentae febres sine ulla remissione*) ¹⁾. Тѣмъ не менѣ лихорадки, осложняющія мѣстныя страданія, какъ воспаленія, онъ отдѣлялъ отъ тѣхъ лихорадочныхъ состояній, въ которыхъ нельзя указать на опредѣленный органъ, какъ на мѣстопребываніе болѣзни, напр. бредъ (*Phrenitis*), предсердечная тоска (*morbus cardiacus*), летаргія ²⁾. Изъ другихъ болѣзней онъ разсматриваетъ здѣсь водянку, которую онъ, по древнему обычаю, раздѣлялъ на тимпанитъ, подкожную и брюшную, при коей признавалъ полезнымъ проколъ живота, а также теплыя воздушныя ванны, напр. въ Важае, причеиъ о прибыли или убыли болѣзни судилъ по измѣреніямъ объема тѣла и сравненію принятыхъ и испражненныхъ жидкостей ³⁾.—Далѣе къ общимъ болѣзнямъ онъ относитъ *Ta bes*, т. е. атрофію, кахексію и чахотку (которую онъ разсматривалъ какъ изъязвленіе легкихъ нистекающею изъ мозга разѣдающею слизью и при коей совѣтуетъ хорошее питаніе, молоко, пребываніе въ Александріи, медъ, терпентинъ, раскаленное желѣзо на грудь ⁴⁾), падучую болѣзнь (*comitialis morbus*) ⁵⁾, желтуху: *morbus regius* ⁶⁾, *Elephantiasis* ⁷⁾, апоплексію и параличъ (*resolutio nervorum*), которые лечилъ кровопусканіемъ, назначеніемъ *Hellebori*, промывательныхъ и втираній, наконецъ боль и нервное дрожаніе (*dolor et tremor nervorum*) и внутреннія нагноенія, каковыя болѣзни всѣ требуютъ діететическаго леченія ⁸⁾.

Четвертая книга, самая слабая изъ всѣхъ, посвящена внутреннимъ (мѣстнымъ) болѣзнямъ, излечиваемымъ преимущественно наружными средствами. Анатомическія замѣтки въ началѣ (с. 1) яснѣ всего изобличаютъ диллетантизмъ автора. Затѣмъ вкратцѣ описаны по порядку болѣзни головы (*Cephaloea*, спазмъ лица, параличъ языка, насморкъ (*destillationes et gravedo*, соотвѣтствующія греческимъ *κατασταγμοί* и *χορίζα*), ⁹⁾ болѣзни шеи (*Opisthotonus, Emprosthotonus, Tetanus*) ¹⁰⁾, зѣва ¹¹⁾ желудка, легкихъ, печени, селезенки, почекъ, тонкихъ кишекъ (холера, глисты, поносы) и толстыхъ кишекъ (дизентерія, *lienteria*), болѣзни

¹⁾ Тамъ же, I. III, с. 9, I, 147 (ed. Hall). ²⁾ Тамъ же, I. III, 18—20.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 21, 172 и I. II, с. 17, гдѣ въ изд. Hall. I, 102 поставлено ошибочно *Vata* вмѣсто общепринятаго *Vaja* (городъ въ Кампаніи, въ лукрійскомъ заливѣ), гдѣ было множество теплыхъ источниковъ, о которыхъ упоминаютъ Гораций, Тибулль, Овидій и Кассіодоръ. Ср. *Naeser*, I, 285. ⁴⁾ *Celsi, De medicina*, I. III, с. 22.

⁵⁾ Тамъ же, с. 23. ⁶⁾ Тамъ же, с. 24. ⁷⁾ Тамъ же, с. 25. ⁸⁾ Тамъ же, сс. 26, 27.

⁹⁾ Тамъ же, I. IV, с. 2, §§ 1—4. ¹⁰⁾ Тамъ же, с. 3.

¹¹⁾ Тамъ же, с. 4; при этомъ разсматриваются: ангины, затрудненное дыханіе, язвы въ зѣвѣ, кашель и кровохарканье (ed. Hall. I, 205—214).

матки (de „vulvae“ morbo) и истерика, обильное истечение мочи и сѣмени, болѣзни въ области чреселъ, колѣнъ, кистевыхъ и стопныхъ суставовъ, причѣмъ вездѣ преобладаетъ терапия, а въ концѣ найдутся замѣтки объ образѣ жизни въ періодѣ выздоровленія ¹⁾.

Пятая и шестая книги занимаются болѣзнями, излечиваемыми внутренними лекарствами, причѣмъ сначала представленъ обзоръ медикаментовъ, затѣмъ исчисляются болѣзни, встрѣчающіяся на извѣстныхъ частяхъ тѣла. Согласно этому Цельсъ прежде всего говорить здѣсь о *лекарственныхъ* веществахъ, какъ то: кровоостанавливающихъ (сѣрный купоросъ, Chalcitis, сабуръ, ладонъ, уксусъ, квасцы и пр.), способствующихъ образованію рубцовъ (мирра, ладонъ, Cardamomum, крессъ, яичный бѣлокъ, сваренный медъ), способствующихъ образованію гноя (нардъ, мирра, Galbanum и пр.) и открытію сосудистыхъ отверстій (*отѣла*) или анастомозовъ (Cinnamomum, Bdellium, Terebinthina, сѣра, сѣмена руты);—далѣе объ очистительныхъ (аврипигментъ, мышьякъ, мѣдныя опилки, сосновая смола, голубиная кровь, бычачья желчь, gum. ammoniacum и проч.), стягивающихъ (квасцы, галлусовыя орѣшки, Вогах и множество другихъ), прижигающихъ (всякаго рода купоросы, известь, шпанскія мушки, перецъ, чеснокъ, испражнения голубей и другихъ птицъ и проч.), Eschagotica (красный купоросъ, аврипигментъ и проч.) и способствующихъ отдѣленію струпеевъ (пшеничная мука съ рутой, чечевица съ медомъ и т. п.). Всѣ эти средства принадлежатъ къ *простымъ* лекарствамъ, въ отличіе отъ *сложныхъ*, куда Цельсъ относитъ разрѣшающія, размягчающія, пластыри, мази, лепешки, пессаріи, противоядія, Асора (Lenitiva), Catorotia (пилюли, болюсы) и проч. ²⁾.

Послѣ этого Цельсъ говоритъ о пяти родахъ страданій тѣла (поха): 1) отъ наружныхъ вліяній—раны, 2) отъ внутренняго порока—ракъ, 3) отъ образованія инородныхъ тѣлъ—мочевые камни, 4) отъ ненормальнаго развитія—varices, 5) отъ отсутствія или укороченія ³⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ леченіе раненій различныхъ областей тѣла, въ томъ числѣ и укушенныхъ ранъ (банки, прижиганія), причѣмъ подробно описывается также леченіе рожы, гангрены, ушибенныхъ ранъ ⁴⁾,

¹⁾ Тамъ же, I. IV, сс. 5—25 (ed. Hall. I, 214—252). Къ сожалѣнію, значащейся въ указателяхъ венеціанскаго, ватиканскаго и другихъ кодексовъ главы о болѣзняхъ мочевого пузыря (de vesicae vitiiis) во всѣхъ изданіяхъ недостаетъ. Ср. ed. Daremb., p. 154.

²⁾ Тамъ же, I. V, с.с. 1—25 (I, 253—300).

³⁾ Тамъ же, I. V, с. 26, ed. Hall. I, 300: „cum quid deest, aut cum curta pars aliqua est.“

⁴⁾ Тамъ же, с. 26, 801—824.

равно какъ и леченіе укушенія бѣшеной собаки и водобоязни (кромя мѣстнаго леченія—теплымъ ванны, вино, при наступленіи водобоязни—погруженіе въ прудъ и затѣмъ въ теплое масло для предупрежденія судорогъ, наконецъ какое-то противоядіе и пилюли, составъ коихъ не указанъ), а также укушенія змѣй, скорпіоновъ и пр. ¹⁾

Далѣе рѣчь идетъ объ отравленіяхъ (кантиридами, Cicuta, Hyoscyamo, грибами, проглоченными пьявками) и противоядіями противъ нихъ, наконецъ объ ожогахъ ²⁾.

Въ слѣдующей главѣ разсматриваются карбункулъ, ракъ, *Фтѣриоза*—нѣчто похожее на госпитальную гангрену, фagedеническія язвы, Антоновъ огонь („ignis sacer, по Бернштейну—рожистое воспаленіе), злокачественныя язвы (Chironium), ознобленія, зобъ, фурункулы, мышечныя, конгестивныя и холодныя нарывы и происходящія отъ нихъ свищи, Favus (*κηρός*), бородавки (стебельчатая—Acrochordon, мягкія—Thymion, широкія—Murgescion) и мозоли, чесотка и различные виды лишаевъ, папулъ, пустулъ и различные виды Vitiligo (de Alphi, Melane et Leuce) ³⁾.

Шестая книга, продолженіе пятой, также посвящена болѣзнямъ, излечиваемымъ медикаментами, причемъ прежде всего трактуетъ о *накожныхъ* болѣзняхъ, преимущественно волосистой части головы, какъ Porrigo, Sycosis, Area Celsi s. Herpes tonsurans, Vari, Lenticulae, Ephelides ⁴⁾.

Целью различаетъ два рода плѣшивости: alopecia, самой разнообразной формы, на головѣ и бородѣ, и ползучую, которая начинается на затылкѣ, на протяженіи 2 пальцевъ въ ширину, и ползетъ („serpit“) въ видѣ двухъ отростковъ къ обонятельнымъ ушамъ и двухъ таковыхъ же по направленію ко лбу, пока оба не соединятся впереди. Первая бываетъ во всякомъ возрастѣ и едва ли проходитъ безъ леченія, вторая свойственна дѣтскому возрасту и часто проходитъ сама собой, обѣ же имѣютъ то общее, что на омертвѣвшей кожицѣ волосы истончаются, выпадаютъ, и изъ изъязвленнаго мѣста сочится жидкая, зловонная кровь. Леченіе состоитъ въ примѣненіи насѣчекъ, прижиганій, терпентина, лучше же всего—въ ежедневной стрижкѣ: но въ виду того, что болѣзнь эта и понынѣ носитъ названіе Area Celsi, считаемъ нелишнимъ привести относящійся сюда текстъ цѣликомъ:

„Arearum quoque duo genera sunt. Commune utrique est, quod, emortua summa pellicula, pili primum extenuantur: deinde excidunt: ac, si ictus is locus est, sanguis exit liquidus, et mali odoris: inerescitque utrumque in aliis celeriter, in aliis tarde. Pejus est quod densam cutem, et subpinguem, et ex toto glabram fecit. Sed ea, quae ἀλωπεκία nominatur, sub qualibet figura dilatatur. Fit et in capillo, et in barba. Id vero, quod a

¹⁾ Тамъ же, I, V, с. 27, 325—332.

²⁾ Тамъ же, 332—334.

³⁾ Тамъ же, I, V, с. 28, (ed. Hall. I, 335—360).

⁴⁾ Тамъ же, I, VI, сс. 2, 5.

serpentis similitudine ἰφίσις adpellatur, incipit ab occipitio: duorum digitorum latitudinem non excedit: ad aures duobus capitibus serpit; quibusdam etiam ad frontem, donec se dua capita in priorem partem committant. Illud vitium in qualibet aetate est: hoc fere in infantibus. Illud unquam sine curatione, hoc per se saepe finitur.⁴

„Quidam haec genera arearum scalpello exasperant, quidam illinunt adurentia ex oleo, maximeque chartam combustam; quidam resinam terebinthinam cum thapsia inducunt. Sed nihil melius est, quam novacula quotidie radere: quia, cum paulatim summa pelliculi exesa est, adaperiuntur pilorum radicae. Neque ante oportet desistere, quam frequentem pilum nasci adparuerit. Id autem, quod subinde raditur, in fini atramento sutorio satis est“¹).

Затѣмъ Цельзъ подробно распространяется

О *мазняхъ болѣзняхъ*, не требующихъ оперативнаго вмешательства, такъ какъ леченіе ихъ помощью простыхъ, домашнихъ средствъ („lenibus medicamentis“) доступно всякому. Сюда относятся: *Lipritudo*, которая бываетъ слизистая, pituitosa и сухая, arida (с. §§ 1 и 29), далѣе *Aspripitudo*—острота (26), *Scabrities* (de scabris oculis, 31), карбункулы глаза (10), пустулы (11)²), язвы (13, 18, 23), уменьшеніе объема—*imminutio* (14), вшивость—*Pediculi* (15), рубцы (25), помутнѣнія (de caligine, 32, 34), параличъ (de resolutione, 36), *Mudriasis* (37), ослабленіе зрѣнія, *Imbecillitas* (38). Леченіе состояло въ употребленіи либо воспалительныхъ (кровоизвлеченій и проч.), либо въ особенности разныхъ примочекъ (*Collugia*), изъ коихъ самой лучшей Цельзъ считаетъ *Collugium Nilei* (9). Въ концѣ этой главы Цельзъ говоритъ о поврежденіяхъ глазъ, кровоизліяніяхъ въ него и т. п. (39)³).

Замѣчанія Цельза объ *ушныхъ болѣзняхъ* составляютъ единственные, дошедшія до насъ изъ древности. Глухота, по его мнѣнію, зависитъ либо отъ болѣзненнаго состоянія внутренняго (прирожденнаго) воздуха, либо отъ присутствія струпеевъ вслѣдствіе язвъ или отъ накопленія ушной сѣрки (*sordes*)⁴). Воспаленія уха онъ считаетъ гораздо опаснѣе воспаленій глазъ, такъ какъ они могутъ вести къ сумасшествію (ad dementiam) и даже смерти⁵), поэтому они требуютъ своевременнаго леченія, какъ кровоизвлеченій, втираній въ остриженную голову раздражающихъ мазей (изъ шафрана, мирры и проч.), а у слабыхъ—припарокъ и слабительныхъ; для уменьшенія болей служили припарки или вливанія изъ отвара маковыхъ головокъ, черезъ особенный инструментъ, подъ названіемъ *strigilis*⁶), различныя капли, напр. изъ отвара дождевыхъ

¹) Тамъ же, I, VI, с. 4, ed. Hall. II, pp. 4, 5. Въ ed. Daremb. p. 224 правильно: „illini atramento scriptorio satis est.“

²) Въ изд. Daremb. p. 231: *pusulae*.

³) Тамъ же, I, VI, с. 6, §§ 1—39 (ed. Hall., II, pp. 6—30).

⁴) Тамъ же, I, VI, с. 7, § 7, ed. Hall. II, 37.

⁵) Тамъ же, I, VI, с. 7 § 1, вначалѣ (II, 31). ⁶) Тамъ же, p. 32.

червей съ опиѣмъ (*paraveris lacrimae*), входившимъ въ составъ Темисона. При ушныхъ язвахъ, зловоніи и гноетеченіяхъ изъ уха употреблялись разныя раздражающія растительныя и металлическія вяжущія средства, *Lucium*, сокъ акаціи, *Herbae Sanguinariae*, гранатоваго яблока, далѣ мира, шафранъ, перецъ, пережженная мѣдь, входившія въ составъ Эразистрата, галлусовыя орѣхи—входившія въ составъ Птоломея и пр., а также *Sphragis* Поливія и весьма сложный и сходный съ предыдущими составъ Асклепіада, изъ коихъ послѣдній, по словамъ Цельза, служилъ панацеей вообще противъ всѣхъ ушныхъ болѣзней („*complane auxilium adversus omnes aurium casus*“) ¹⁾. Инородныя тѣла извлекались загнутымъ крючкомъ („*hamulo recurvato*“), чихательными средствами или промываніями теплой водой посредствомъ спринцовки (*oriculario clystere*), насѣкомыя, какъ блоха—кусочкомъ шерсти, въ которую онѣ залѣзаютъ и извлекаются вмѣстѣ съ нею, другія—завернутымъ въ шерсть и смоченнымъ въ терпентинъ зондомъ (*specillus oriculi*), служившимъ также для удаленія червей изъ уха, при коихъ употреблялись еще впрыскиванія изъ отвара *Marrubii* въ винѣ ²⁾. Въ этой же главѣ рѣчь идетъ о шумѣ въ ушахъ (*sonitus aurium*), который либо зависитъ отъ засоренія, либо есть симптомъ различныхъ болѣзней и особенно опасенъ при падучей (*morbus comitialis*). Въ обыкновенныхъ случаяхъ помогали, между прочимъ, капли изъ препарата вератрина, приготовленнаго на уксусѣ ³⁾.

Далѣ рѣчь идетъ о болѣзняхъ носа ⁴⁾, зубовъ ⁵⁾, миндалевидныхъ желѣзъ ⁶⁾, язвахъ рта, языка, десенъ, *Parulides*, болѣзняхъ язычка, *Noma* (*cancer oris*) ⁷⁾, болѣзняхъ околоушныхъ желѣзъ ⁸⁾, выпячивающемся пупкѣ ⁹⁾, а также о болѣзняхъ половыхъ органовъ, какovy страданія ствола (*colis*), ракъ, фagedеническія язвы и карбункулы на немъ, болѣзни яичекъ, кондиломы; затѣмъ о трещинахъ задняго прохода, геморроѣ, выпаденіи и фунгозныхъ язвахъ задняго прохода и влагалища ¹⁰⁾; наконецъ о застарѣлыхъ язвахъ пальцевъ, противъ коихъ между прочимъ рекомендуются выскабливаніе („*purgandum est scalpello*“), прижиганіе каленымъ желѣзомъ, а при болѣзняхъ ногтей—мазь изъ сѣры и мышьяка ¹¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, §§ 1—4, ed. Hall. II, 32—35.

²⁾ Тамъ же, I. VI, с. 7, § § 5 и 9 (ed. Hall., II, 36 и 39).

³⁾ Тамъ же, § 8, р. 38. ⁴⁾ Тамъ же, I. VI, с. 8. ⁵⁾ Тамъ же, с. 9. ⁶⁾ Тамъ же, с. 10. ⁷⁾ Тамъ же, сс. 11—15. ⁸⁾ Тамъ же, с. 16. ⁹⁾ Тамъ же, с. 17.

¹⁰⁾ Тамъ же, с. 18. (*De obscoenarum partium vitiiis*).

¹¹⁾ Тамъ же, с. 19.

Хирургія Цельза. *Хирургическая терапия* и многочисленныя хирургическія замѣтки, напр. о перевязкѣ кровоточащихъ сосудовъ, проникающихъ ранахъ, леченіи ранъ, кровопусканіи, болѣзняхъ составовъ и проч., разсѣяны въ другихъ книгахъ „*Медицины Цельза*“ но *седьмая* и *восьмая* книги цѣликомъ посвящены хирургіи, особенно *оперативной*. Эти книги, хотя по неясности изложенія принадлежатъ къ наименѣе блестящимъ отдѣламъ сочиненія Цельза, тѣмъ не менѣе весьма драгоцѣнны, какъ историческій памятникъ, сохранившій для насъ все, что извѣстно по части хирургіи изъ этой отдаленной эпохи нашего искусства и составляетъ единственный источникъ нашихъ свѣдѣній объ успѣхахъ ея въ александрійскую эпоху. Начинается этотъ отдѣлъ краткимъ, но весьма мѣткимъ замѣчаніемъ о преимуществѣ хирургіи и лучшихъ успѣхахъ, достигаемыхъ ею, сравнительно съ остальными частями медицины, послѣ чего слѣдуетъ перечень прежнихъ и современныхъ ему хирурговъ, начиная съ Гипократа, который, по его замѣчанію, первый и болѣе другихъ древнихъ врачей обрабатывалъ хирургію, усовершенствованную затѣмъ Филоксеномъ, обоими Аполлоніями, Аммоніемъ и другими, и кончая Эвельпистомъ и самымъ ученымъ („*egudissimus*“) изъ современныхъ ему хирурговъ, Мегесомъ. За этимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣглымъ обзоромъ хода развитія хирургіи, онъ перечисляетъ качества, которыми долженъ обладать хирургъ: молодость, ловкость и твердость въ обѣихъ рукахъ, острое зрѣніе, неустрашимость:

„*Esse autem chirurgus debet adolescens, aut certe adolescentiae propior; manu strenua, stabili, non minus sinistra quam dextra promptus, acie oculorum acri claraque, animo intrepidus*“ и т. д.“¹⁾

Затѣмъ онъ приступаетъ къ описанію хирургическихъ болѣзней, встрѣчающихся на всѣхъ и на отдѣльныхъ частяхъ тѣла.

Прежде всего рѣчь идетъ объ ушибахъ (*De vexatis*)²⁾ и нарывахъ, съ изложеніемъ признаковъ доброкачественнаго и злокачественнаго гноя, причемъ въ началѣ Цельзъ примѣнялъ кровососныя банки для предупрежденія нагноенія, по наступленіи же его обыкновенно выжидалъ самопроизвольнаго вскрытія и лишь весьма рѣдко прибѣгалъ къ разрѣзу³⁾. Далѣе разсматриваются фистулы (въ томъ числѣ задняго прохода, живота и реберъ, по поводу коихъ Цельзъ вкратцѣ упоминаетъ о резекціи послѣднихъ)⁴⁾, затѣмъ извлеченіе стрѣлъ и другихъ инородныхъ

¹⁾ Celsus, De medicina, l. VII, Praefat, ed. Hall, II, 69—71. (ed. Darem. 268).

²⁾ Тамъ же, l. VII, с. 1, ed. Hall., II, 71; (въ изд. Daremb., 263: „De luxatis.“

³⁾ Тамъ же, сс. 2, 3. ⁴⁾ Тамъ же, с. 4; „eo loco costa ab utraque parte praecidenda et eximenda est.“ Н. II, 77.

тѣль ¹⁾, наконецъ опухоли, встрѣчающіяся лишь на опредѣленныхъ частяхъ тѣла, какъ ганглии, а также медовыя (Meliceris), атероматозныя, стеатоматозныя и туберкулѣзныя опухоли на головѣ, изъ коихъ первыя три Ц. совѣтуетъ опорожнять разрѣзомъ чрезъ средину опухоли ²⁾. Послѣ того рѣчь идетъ подробно опять

О *глазныхъ болѣзняхъ*, которыя отчасти описаны, какъ мы видѣли, при изложеніи болѣзней, излечиваемыхъ лекарствами (Collurgia и мази), отчасти же здѣсь, въ хирургическомъ отдѣлѣ, а именно тѣ, которыя требуютъ хирургическихъ операцій, куда относятся: ячмень (Crithe), Chalazion, Pterygium, сращеніе вѣкъ и conjunctivae (Encanthis и Ankyloblepharon), которыя Цельсъ считаетъ неизлечимыми, не смотря на методъ вырѣзыванія Гераклида; далѣе слезныя фистулы (Aegylopa грековъ), заворачиваніе рѣсницъ (прижиганіе каленымъ желѣзомъ или вырѣзываніе), Ectropium, Staphyloma, Lagophthalmus, Clavus ³⁾, наконецъ катаракта, при которой Цельсъ примѣнялъ низдавливаніе.

По поводу катаракты („suffusio“) Цельсъ предпосылаетъ весьма неясную *анатомію глаза*, который по его мнѣнію состоитъ изъ „наружной“ оболочки (подъ которой подразумѣваются склеротика вмѣстѣ съ роговой), „внутренней“ (сосудистой вмѣстѣ съ радужной и пустымъ мѣстомъ или зрачкомъ) и „свѣтчатой“ („arachnoidea“), окружающей стекловидное тѣло (ὕαλασις), состоящее изъ створоченной жидкости („concretus humor“); хрусталикъ же (κρυσταλλοειδής) есть, по его мнѣнію, похожая на бѣлокъ капля влаги, окруженная пленой („membrana“) и обуславливающая способность зрѣнія ⁴⁾.

Катаракта происходитъ, по его мнѣнію, отъ заболѣванія или поврежденія („ictu“) глаза на мѣстѣ пустаго пространства („locus vacuus“), соотвѣтствующаго зрачку. Легкія помутнѣнія („неподвижныя катаракты“), цвѣта морской воды или стали, пропускающія цвѣтovyя ощущенія сбоку, излечимы; большія же, подвижныя катаракты, голубаго или золотистаго цвѣта, со смѣщеніемъ зрачка, рѣдко излечиваются ⁵⁾.

Операція катаракты (Skleroticonyx) впервые описана Цельсомъ, согласно коему ее слѣдуетъ предпринять лишь тогда, когда катаракта созрѣетъ и достигнетъ известной плотности; самымъ благоприятнымъ для операціи возрастомъ онъ считаетъ средній. Производство ея онъ описываетъ такъ:

„Больной долженъ сидѣть на стулѣ, врачъ напротивъ него, къ свѣту, нѣсколько выше, его голова удерживается неподвижно сзади помощникомъ („minister“), для достиженія неподвижности самаго больнаго другой глазъ завязывается шерстью (lana). Лѣвый глазъ должно оперировать правой, правый лѣвой рукой. Острую или по крайней мѣрѣ не слнш-

¹⁾ Тамъ же, с. 5.

²⁾ Тамъ же, с. 6: „per medium oportet incidere.“ Ed. Н. П., 85.

³⁾ Тамъ же, I. VII, с. 7, § § 1—12.

⁴⁾ Тамъ же, § 13.

⁵⁾ Тамъ же, I. VII, с. 7, § 14, ed. Halleri, II, p. 98.

комъ тонкую иглу (acus) вкалываютъ какъ разъ по срединѣ, чрезъ обѣ „верхнія“ оболочки, между зрачкомъ (pigrum) и ближайшимъ къ виску угломъ глаза, прямо въ средину катаракты („e regione mediae suffusionis“), избѣгая поврежденія какого-либо кровеноснаго сосуда. Не слѣдуетъ однако робѣть при ея введеніи (neque tamen timide demittenda est), иначе попадаютъ въ пустое пространство. Попавши же куда слѣдуетъ, даже мало опытный врачъ не потерпитъ неудачи, такъ какъ давленію ничто не можетъ противиться (prementī nihil renititur). Проникнувъ туда, иглу наклоняютъ къ самой катарактѣ и осторожно поворачиваютъ послѣднюю, подводя ее къ области зрачка: когда она прошла мимо, ее надавливаютъ съ силой (vehementius imprimi), дабы она осталась внизу. Если она остается на мѣстѣ, то лечение можно считать оконченнымъ, если же она снова поднимется вверхъ, то ее разсѣкаютъ тою же иглой и раздѣляютъ на нѣсколько частей, которыя тогда легко и сдавливаются (facilius conduntur) и занимаютъ меньше мѣста. Затѣмъ иглу выводятъ въ прямомъ направленіи, на глазъ кладутъ мягкую шерсть, смазанную бѣлкомъ, сверху—противовоспалительныя, и такъ завязываютъ“¹⁾.

Приведенное описаніе Цельза, какъ видно, такъ подробно, что можно подумать, что онъ самъ производилъ эту операцію. Въ концѣ главы рѣчь идетъ еще о леченіи сильныхъ воспаленій глазъ (De pituita oculorum), при помощи употребившихся еще у гипократиковъ гипоспатизма и перисцитизма (Hypospathismus et Periscythismus)²⁾.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ хирургіи Цельза составляютъ

Пластическія операціи или возмѣщеніе сосѣдней кожей дефектовъ уха, носа и губъ. *Отопластика* служила для закрытія большихъ отверстій въ ухахъ рабовъ, причемъ края раны освѣжались помощью ножа и соединялись кровавымъ швомъ:

„Quod si magnum id foramen est, sicut solet esse in his, qui majora pondera auri-bus gesserunt, incidere, quod super est, ad extremum oportet: supra deinde oras scalpello exulcerare, et postea suere, ac medicamentum, quo id glutinetur, imponere“³⁾.

Что же касается *рино-и-хилопластики*, то онѣ состояли не столько въ собственно пластическомъ возмѣщеніи безобразящихъ дефектовъ („curta“) взятыми изъ другихъ мѣстъ лоскутами кожи съ питательнымъ мостикомъ, сколько въ закрытіи ихъ притянутою сосѣдней кожей („ex vicino adducitur“), которой сообщалась бѣлая подвижность при помощи боковыхъ разрывовъ⁴⁾. Сюда же относится и описанное въ главѣ 25 возмѣщеніе дефектовъ крайней плоти отъ circumcisio или прирожденнаго недостатка⁵⁾, а также „большею частью излишняя Infibulatio у пѣвцовъ или вообще въ видахъ здоровья.“ (См. ниже).

¹⁾ Тамъ же, l. VII, c. 14, ed. Hall. II, pp. 99, 100.

²⁾ Тамъ же, 100—103. Ср. вып. II, стр. 526.

³⁾ Тамъ же, l. VII, c. 8, 104. Настоящее же возмѣщеніе дефектовъ уха разсматриваются въ слѣдующей главѣ вмѣстѣ съ выполненіемъ дефектовъ губъ и носа.

⁴⁾ Тамъ же, l. VII, c. 9, p. 105—106. Ср. также Шниановскій, „Операціи на поверхности челоуческаго тѣла.“ Киевъ, 1865, 43, 163.

⁵⁾ Тамъ же, 208. Celsus, l. c. l. VII, c. 25, ed. Hall. II, p. 137.

Въ виду важности пластическихъ операцій считаемъ умістнымъ привести относящюся сюда главу цѣликомъ:

„*Curta in auribus, labrisque ac naribus, quomodo sarciri et curari possint.*“

„*Curta igitur in his tribus, ac si qua parte parva sunt, curari possunt: si qua majora sunt, aut non accipiunt curationem, aut ita per hanc ipsam deformantur, ut minus indecora ante fuerint. Atque in aure quidem et naribus deformitas sola timeri potest: in labris vero, si nimium contracta sunt, usus quoque necessario jactura fit; quia minus facile et cibus adsumitur, et sermo explicatur. Neque enim creatur ibi corpus; sed ex vicino adducitur, quod etsi in levi mutilatione, et nihil eripere, et fallere oculum potest; in magna, non potest. Neque senile autem corpus, neque quod mali habitus est, neque in quo difficulter ulcera sanescunt, huic medicinae idoneum est; quia nusquam aut celerius cancer occupat, aut difficilius tollitur.*“

„*Ratio curationis ejusmodi est: id quod curtatum est (обезобразенную часть), in quadratum redigere; ab interioribus ejus angulis lineas transversas incidere, quae ceteriorem partem ab ulteriore ex toto diducant; deinde ea, quae sic resolvimus, in unum adducere. Si non satis junguntur, ultra lineas, quas ante fecimus, alias duas lunatas, et ad plagam conversas immittre, quibus summa tantum cutis diducatur: sic enim fit, ut facilius quod adducitur, sequi possit. Quod non vi cogendum est; sed ita adducendum, ut ex facili (facilius D.) subsequantur, et dimissum, non multum recedat*“¹⁾.

„*Interdum tamen ab altera parte cutis haud omnino adducta deformem, quem reliquit locum, reddit. Hujusmodi loci altera pars incidenda, altera intacta habenda est*“²⁾. Ergo neque ex imis auribus, neque ex medio naso imisque narium partibus, neque ex angulis labrorum quicquam adtrahere tentabimus. Utrinque autem petemus, si quid summis auribus, si quid imis (?) aut mediis naribus, aut mediis labris deerit. Quae tamen interdum etiam duobus locis curtata esse consuerunt: sed eadem ratio curandi est.“

„*Si cartilago in eo, quod incisum est, eminet, excidenda est: neque enim aut glutinatur, aut acu tuto trajicitur. Neque longe tamen excidi debet, ne inter duas oras liberae cutis utrinque coitus puris fieri possit. Tum junctae orae inter se suendae sunt, utrinque cute adprehensa; et quae priores lineae sunt, ea quoque suturae injiciendae sunt. Siccis locis, uti naribus illita spuma argenti satis proficit. In interiores vero, lunatasque plagas, linamentum dandum est; ut caro increscens vulnus impleat.*“

Summaque cura, quod ita sutum est tuendum esse, adparere ex eo potest, quod de cancro supra posui. Ergo etiam tertio quoque die fovendum erit vapore aquae calidae, rursusque idem medicamentum injiciendum quo fere septimo die glutinatum est. Tum suturae eximi, et ulcus ad sanitatem perducendum debet“³⁾.

Къ операціямъ въ системѣ кожи, по примѣру Шимановскаго⁴⁾, можно отнести и Цельзову операцію за днепроходныхъ свищей, состоящую либо въ образованіи, подъ руководствомъ ушковатаго зонда, отверстія у слѣплого конца свищеваго хода („in has de-

¹⁾ Эту хилопластику Цельза на нижней губѣ, изображаемую Цейсомъ въ видѣ

--	--	--

, Darreberg (p. 285) исправляетъ такъ:

--	--	--	--

²⁾

--	--	--

³⁾ Тамъ же, I. VII, с. 9. ⁴⁾ Шимановскій, I. с. р. 306.

misso spicillo ad ultimum ejus caput incidi cutis debet¹⁾) и проведеніи черезъ него вѣтой въ ушко зонда скрученной нитки, концы которой завязываются и перетягиваются два раза въ день и которая по загниваніи на 3 день загнивается новой (медленный, безболѣзненный способъ); либо въ раздѣленіи кожи крѣпче затянутой ниткой, смазываемой притомъ ѣдкими веществами (болѣзненный способъ), либо наконецъ въ 2 линейныхъ разрѣзахъ по бокамъ зонда, совершенномъ вырѣзываніи ножомъ этой кожной полоски (habenula) и выполненіи раны корпией. При боковыхъ ходахъ Ц. совѣтуетъ сразу вскрывать скальпелемъ прямой ходъ, остальные же, сдѣлавшіеся черезъ то доступными, уничтожать льняными нитками („lino excipiendae“), при слишкомъ же глубокихъ свищахъ—вводить „colligium“¹⁾.

Изъ болѣзней носа Цельсъ упоминаетъ о полипахъ, при коихъ въ трудныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ разрѣзыванію хрящей носа и прижиганію краевъ раны раскаленнымъ желѣзомъ; а также объ Озаена, которую Цельсъ приписываетъ каріозности костей носа, причемъ также совѣтуетъ прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ послѣ предварительнаго разрѣза или безъ разсѣченія ноздрей²⁾.

Далѣе рѣчь идетъ о болѣзняхъ зубовъ и ихъ выдергиваніи, за твердѣлости и припухлости миндалевидныхъ желѣзъ (вырѣзываніе), о воспаленіи язычка и языка и нарывахъ подъ послѣднимъ, о губныхъ трещинахъ³⁾, о bronchocele (прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ или вырѣзываніе)⁴⁾, о болѣзняхъ пупка, его грыжахъ и ихъ анатомическихъ различіяхъ (выпаденіе кишекъ, брыжейки, накопленіе жидкости, воздуха), причемъ примѣнялось радикальное леченіе ножомъ или раскаленнымъ желѣзомъ⁵⁾, о брюшной водянкѣ, которую онъ опорожнялъ проколомъ въ области пупка или на четыре пальца влѣво отъ него, причемъ, по словамъ Цельза, иногда оставляютъ трубочку („plumbea et aenea fistula“) въ ранѣ для ежедневнаго опорожненія до излеченія, чаще же всего ее тотчасъ закрываютъ⁶⁾.

Затѣмъ Цельсъ говоритъ о проникающихъ ранахъ живота⁷⁾, о болѣзняхъ яичка⁸⁾, какъ Hydrocele, Sarcocoele, Bubonocoele и Cirsocele, при коей показана и кастрація⁹⁾, о различныхъ грыжахъ (весьма подробно), причемъ употреблялись бандажъ или же радикальная кровавая операція¹⁰⁾. Послѣ того Цельсъ трактуетъ объ операціяхъ Cirsoили Varicocele (Ramex)¹¹⁾, Paraphimosis и Phimosis¹²⁾, а также объ Infibulatio.

¹⁾ Celsus, l. c. I. VII, c. 4, § 4. ²⁾ Тамъ же, l. VII, c. 10, 11.

³⁾ Тамъ же, c. 12. ⁴⁾ Тамъ же, c. 13. ⁵⁾ Тамъ же, c. 14. ⁶⁾ Тамъ же, c. 15.

⁷⁾ Тамъ же, c. 16, 17.

⁸⁾ При этомъ Ц. упоминаетъ о Cremaster и tunica alba (ἐλυτροειδής). Тамъ же, c. 18 Н. II, 122

⁹⁾ Тамъ же, сс. 18 и 22, ed. Hall. II, 135. ¹⁰⁾ Тамъ же, сс. 19—21.

¹¹⁾ Тамъ же, сс. 22—24.

¹²⁾ Тамъ же, c. 25: 1) ad legendam glandem colis, si nuda est; 2) quomodo glans penis contacta aperiri possit.

Инфибуляция состояла въ проведеніи кольца (fibula) черезъ каналъ, сдѣланный въ крайней плоти при помощи иглы съ ниткой, проведенной въ заранѣе обозначенныхъ чернилами точкахъ, которая завязывалась и передвигалась до зарубцеванія отверстій ¹⁾. Самъ Цельзь признаетъ эту операцію ненужною, между тѣмъ позднѣе ея примѣненіе предлагали какъ профилактическое средство противъ онанизма.

Далѣе Цельзь рассматриваетъ причины и леченіе разныхъ видовъ затрудненнаго мочеиспусканія, въ томъ числѣ и отъ мочевого песку (calculi arenosi) и камней, причемъ говоритъ о примѣненіи катетера и подкожной уретротоміи при закрытіи мочеиспускательнаго канала камнемъ:

„Ergo aeneae fistulae fiunt, ut omni corpori, ac ampliori minorique sufficient, ad mares tres, ad feminas duas medico habendae sunt. Ex virilibus maxima decem et quinque est digitorum, media duodecim, minima novem: ex muliebribus major novem, minor sex. Incurvas vero esse eas paululum, sed magis viriles oportet laevesque admodum; ac neque nimis plenas, neque nimis tenues. Homo tum resupinus eo modo, quo in curatione calculi figuratum, super subsellium aut lectum collocandus est. Medicus autem a dextro latere, sinistra quidem manu colem masculi continere, dextra vero fistulam inmittere in iter urinae debet atque ubi ad cervicem vesicae ventum est, simul cum cole fistulam inclinatam in ipsam vesicam compellere eamque, urina reddita, recipere. Nonnunquam etiam prolapsus in ipsam fistulam calculus, qui subinde ea extenuatur, non longe ab exitu inhaerescit. Eum, si fieri potest, oportet evellere, vel oriculario specillo, vel eo ferramento, quo in sectione calculus extrahitur. Si id fieri non potest, cutis extrema quam plurimum adtrahenda, et condita glande lino vincienda est: deinde a latere recta plaga colem incidendus, et calculus eximendus est: tum cutis remittenda, sic enim fit, ut incisum colem integra pars cutis contegat, et urina naturaliter profluat“ ²⁾.

Затѣмъ Цельзь представляетъ извѣстное, но весьма неясное описаніе камнещеченія.

Оно показано только тогда, когда другія средства не помогаютъ. Операцію эту, по его мнѣнію, лучше предпринимать весною и въ дѣтскомъ возрастѣ, отъ 9—14 лѣтъ, послѣ однодневнаго воздержанія отъ пищи, въ теплой комнатѣ, причемъ больной лежитъ на колѣняхъ у двухъ сидящихъ другъ возлѣ друга сильныхъ мужчинъ, соприкасающіяся бедра коихъ на-крѣпко связаны между собою, и которые, упираясь грудью въ пациента, сильно отводятъ каждый по одной согнутой ногѣ послѣдняго, черезъ что достигается необходимое напряженіе и отсутствіе складокъ въ полѣ операціи. Сбоку ихъ стоятъ два другихъ помощника для удержанія первыхъ. Самъ операторъ вводитъ указательный и средній пальцы лѣвой руки въ задній проходъ, а правую кладетъ на нижнюю область (ishum abdomen) такъ, чтобы камень прощупывался между пальцами обѣихъ рукъ въ шейкѣ пузыря. Если его тамъ не окажется, то операторъ проникаетъ пальцами лѣвой руки до dna пузыря и при помощи правой руки, дѣйствующей снаружи, старается низвести и вдавить камень въ

¹⁾ „Infibulandi ratio.“ Тамъ же, I. VII, с. 25, § 3. (ed. Hall. II, 139).

²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 26, 140--142.

шейку пузыря. Тут слѣдуютъ подробности о манипуляціяхъ, необходимыхъ при различныхъ очертаціяхъ камня, которыя и приводимъ здѣсь вмѣстѣ со способомъ самой операціи:

„In quam (cervicem) si oblongus est, sic compellendus est (calculus), ut pronus exeat ¹⁾; si planus, sic, ut transversus, si quadratus, ut duobus angulis se-deat; si altera parte plenior, sic, ut prius ea, quae tenuior sit, evadat. In rotundo nihil interesse, ex ipsa figura patet; nisi, laevior altera parte est, ut ea antecedeat.“

„Cum jam eo venit, ut super vesicae cervicem sit, juxta anum in c i d i cutis plaga l u n a t a usque ad cervicem vesicae debet, cornibus ad coxas spectantibus paululum; d inde ea parte, qua strictior ima plaga est, etiamnum sub cute, altera transversa plaga facienda est, qua cervix aperiatur; donec urinae iter pateat sic, ut plaga paulo major quam calculus sit“ ²⁾.

Внимать камень Цельсъ совѣтуетъ либо пальцами, либо достаточной длины крючкомъ съ широкимъ тупымъ концомъ, гладкимъ снаружи и шороховатымъ внутри, но во всякомъ случаѣ съ величайшей осторожностью, дабы не причинять новыхъ поврежденій пузыря и не вызывать опасныхъ для жизни судорогъ. При этомъ случаѣ онъ описываетъ также особый литотомъ, изобрѣтанный Мегесомъ („ferramentum, in summa parte labrosum, in ima semicirculatum acutumque“), коимъ послѣдній сразу вскрывалъ шейку пузыря ³⁾.

У женщинъ, у коихъ мочеиссудательный каналъ шире и короче, мелкіе камни не требуютъ операціи, а послѣдняя показана и производится по тому же способу только при большихъ камняхъ, причемъ у дѣвственницъ пальцы правой руки вводятся въ задній проходъ, а у замужнихъ—во влагалище, разрѣзъ же у первыхъ ведется больше „подъ лѣвой дѣтородной губой,“ у послѣднихъ—между мочевымъ каналомъ и лобковыми костями“ ⁴⁾. Очевидно здѣсь направление разрѣза описано также неясно, какъ и выше.

Послѣдовательное леченіе состояло въ остановленіи кровотоčenія (хотя съ другой стороны вначалѣ Ц. совѣтуетъ, для предупрежденія воспаления, дать нѣкоторое время крови истекать, и даже позволялъ больному походить съ цѣлью удаленія

¹⁾ По изд. Darenb., p. 809. Въ ed. Hall. II, p. 143, неправильно: ut ne pronus exeat.

²⁾ Тамъ же, l. VII, 26, ed. Hall. II, p. 142—144. По объясненію Schömann'a первый разрѣзъ Цельза идетъ отъ средины *Parte perinaei*, полулуно, сверху влѣво и внизъ, вогнутостью къ заднему проходу и вдоль послѣдняго, такъ что верхній уголокъ раны обращенъ къ правому, а нижній къ лѣвому бедру. Второй разрѣзъ идетъ отъ средины вогнутости первого разрѣза поперечно подъ кожей къ срединной линіи тѣла и вскрываетъ шейку пузыря. Schömann, De lithotomia Celsiana, Iena, 1841. Ср. Haeser, l. c. I, 289.

³⁾ Celsus, De medicina, l. VII, c. 26, II, 145 (ed. Hall.). Рисунки этого инструмента см. въ изд. Darenberg'a, p. 310.

⁴⁾ Тамъ же, ed. Hall., p. 147.

кровяныхъ сгустковъ), въ перевязкѣ раны укусуемымъ компрессомъ, примѣненіи, спустя 2 ч., поясныхъ ваннъ съ укутываніемъ остальныхъ частей тѣла для вызванія пота, затѣмъ въ смазываніи тѣла, вмѣстѣ съ раной, теплымъ масломъ, а по уменьшеніи воспаленія на 5—7 день—въ чистомъ содержаніи раны и употребленіи средствъ, способствующихъ нагноенію („Emplastrum epphergasmicum“ изъ жира, меда и телячьего костяго мозга).—Илишнее говорить, что несмотря на это леченіе, нерѣдко наступали опасные симптомы, какъ рвота, судороги, омертвѣніе краевъ раны и проч., которые добросовѣстно и описываются Цельзомъ ¹⁾, послѣ чего рассматриваются „раковыя“ новообразованія послѣ камнестѣченія ²⁾.

Далѣе рѣчь идетъ объ атрезіяхъ половыхъ органовъ у женщинъ и ихъ леченіи (разрѣзъ въ видѣ X) ³⁾, объ удаленіи мертваго младенца изъ матки ⁴⁾, о болѣзняхъ задняго прохода, трещинахъ, кондилوماхъ, геморроидальныхъ шишкахъ (по Гиппократу) ⁵⁾, о леченіи Varices въ различныхъ мѣстахъ тѣла (прижиганіе или вырѣзываніе) ⁶⁾, а также о леченіи сросшихся и уродливыхъ пальцевъ ⁷⁾, наконецъ о произвольной гангренѣ конечностей, при которой Цельзъ примѣнялъ *ампутацию*, описаніе которой въ высшей степени интересно въ историческомъ отношеніи, такъ какъ изъ прежнихъ авторовъ онъ первый ее описываетъ. Цельзъ допускалъ ее лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, во избѣжаніе смерти отъ кровотечения или обморока. Самое производство ампутаціи онъ описываетъ такъ:

„Igitur inter sanam vitiatamque partem incidenda scalpello caro usque ad os est sic, ut neque contra ipsum articulum id fiat, et potius ex sana parte aliquid excidatur, quam ex aegra relinquatur. Ubi ad os ventum est, reducenda ab eo sana caro et circa os subsecanda est, ut ea quoque parte aliquid ossis nudetur. Dein id serrula praecidendum est, quam proxime sanae carni etiam inhaerenti: ac tum frons ossis, quam serrula exasperavit, laevanda est supraque inducenda cutis, quae sub ejus modi curatione laxa esse debet, ut quam maxime undique os contegat. Quo cutis inducta non fuerit, id linamentis erit contegendum, et super id spongio ex

„Разрѣзъ мягкихъ частей скальпелемъ слѣдуетъ вести на границѣ между больнымъ и здоровымъ, проникая прямо до кости, минуя сочлененія и удаляя лучше нѣсколько больше здоровыхъ частей, чѣмъ оставляя больныхъ. Доведши до кости, здоровое мясо отдѣляютъ кругомъ отъ кости до совершеннаго ея обнаженія и перепиливаютъ послѣдню повыше, какъ можно ближе къ здоровому мясу. Острые концы и шероховатости на переднемъ концѣ [разрѣзѣ] кости отпиливаются, поверхность костяго разрѣза сглаживается и, насколько хватить, покрывается кожей, которая во время леченія должна быть свободна, дабы возможно больше вездѣ покрывала собою кость. Если ея не хватаетъ для закрытія всей кости, то послѣднюю закрываютъ корпией и перевязываютъ губкой, смоченной укусомъ. Въ остальномъ поступаютъ, какъ

¹⁾ Тамъ же, р. I. VII, с. 26, 148—150, с. 27, р. 51.

²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 27.

³⁾ Тамъ же, с. 28.

⁴⁾ Тамъ же, с. 29. (Подробнѣе ниже въ концѣ хирургіи Цельза).

⁵⁾ Тамъ же, с. 30.

⁶⁾ Тамъ же, с. 31.

⁷⁾ Тамъ же, с. 32.

aceto deliganda. Caetera postea sic facienda, ut in vulneribus, in quibus pus non moveri debet, praescriptum est¹⁾.

указано уже при ранахъ, которыя не должны заживать черезъ нагноеніе¹⁾.

Тѣмъ не менѣе при описанномъ способѣ заживленіе, нужно полагать, происходило все таки черезъ нагноеніе. Что же касается сохраненія надкостной плевы и предотвращенія или устраниенія кровотеченія изъ большихъ сосудовъ, то на все это въ описаніи Цельза нѣтъ никакого намека.

Въ послѣдней, *восьмой* книгѣ, Цельзъ занимается сначала остеологіей²⁾, затѣмъ болѣзнями костей, каковы: костоѣда, при которой употреблялись раскаленное желѣзо и частныя резекціи на черепѣ, ребрахъ и груди³⁾, послѣ того разсматриваются простые и сложные *переломи*, какъ переломы черепа („*salvaria fracta*“), при коихъ употреблялась трепаначія⁴⁾, переломы носа, ушей, челюстей⁵⁾, ключицы⁶⁾, реберъ, позвонковъ⁷⁾ и переломы верхнихъ и нижнихъ конечностей, изъ коихъ переломы плеча и бедра большею частью требовали ампутаціи⁸⁾.

Наконецъ Цельзъ говоритъ о *вывихахъ* вообще и въ частности, каковы вывихи нижней челюсти, головы, позвонковъ, плеча, локтеваго и кистеваго составовъ, запястья, пальцевъ, а также тазобедреннаго, колѣннаго и стопнаго сочлененій, плюсневыхъ костей и ножныхъ пальцевъ⁹⁾, наконецъ о вывихахъ, осложненныхъ раненіемъ кожи¹⁰⁾. Интересно, что Цельзъ считаетъ вывихъ позвонковъ напередъ совершенно невозможнымъ, а назадъ—возможнымъ только отчасти, причѣмъ упрекаетъ Гипократа, совѣтующаго дѣлать здѣсь попытки къ вправленію¹¹⁾. Точно также невѣроятнымъ кажется ему вывихъ колѣннаго состава напередъ, „хотя Мегесъ увѣряетъ противное“¹²⁾.

Къ сожалѣнію недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ какъ бы слѣдовало входить во всѣ техническія и патологическія детали, коими изобилуетъ *восьмая* книга, которую тогда пришлось бы выписать цѣликомъ, а потому отсылаемъ интересующихся ими къ подлиннику. Здѣсь же при-

1) Тамъ же, I. VII, с. 38, ed. Hall. 163, 164; въ изд. D a g e m b. „pus moveri debet,“ причѣмъ онъ ссылается на Павла Эгинскаго, р. 338 ed. Briau.

2) Тамъ же, I. VIII, с. 1. (Praefatio) и при томъ довольно подробно.

3) Тамъ же, I. VIII, с. 2, 3, гдѣ рѣчь идетъ также о вѣнчикѣ, трепанѣ (*de modiolio, χοινίχιον, et terebra*) и другихъ относящихся сюда инструментахъ, какъ долото (*excisoriis scalper*), зондъ, защититель кожи (*membranae custos, μνηγγροφύλακα*) и пр.

4) Тамъ же, с. 4, гдѣ по поводу признанія Гипократомъ введенія его въ заблужденіе швами и находимъ вышеприведенное (стр. 220) изреченіе Ц. по поводу ошибокъ врачей:

„*Nam levia ingenia, quia nihil habent, nihil sibi detrahunt. Magno ingenio, multaque nihilominus habituro, conveniat etiam simplex veri erroris confessio; praecipueque in eo ministerio, quod utilitatis causa posteris traditur; ne qui decipiantur eadem ratione, qua quis ante deceptus est.*“ *Celsus*, I. c. ed. Hall. II, p. 181, 182.

5) Тамъ же, с. 5—7. 6) Тамъ же, с. 8. 7) Тамъ же, с. 9. 8) Тамъ же, с. 10.

9) Тамъ же, с. 11—24. 10) Тамъ же, с. 25. 11) Тамъ же, с. 14. 12) Тамъ же, с. 21.

ведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія Цельза, доказывающихъ, какъ богато оно содержаніемъ хирургическаго матеріала. Сюда прежде всего относится *ученіе Цельза о ранахъ*.

Къ неизлечимымъ (*insanabilia*) онъ относитъ поврежденія на основаніи мозга, раны сердца, пищевода и желудка, воротной вены, спинного мозга, средней доли праваго легкаго, тощей и тонкой кишки, почекъ и большихъ шейныхъ кровеносныхъ сосудовъ¹⁾; къ трудно излечимымъ—поврежденія легкихъ вообще, печени, мозговыхъ оболочекъ, селезенки, матки, мочевого пузыря, кишечнаго канала вообще и діафрагмы. Опасными онъ считаетъ также раненія областей, гдѣ проходятъ не только большіе (подкрыльцовыя и подкожные ямки), но даже мелкіе сосуды (задній проходъ, лички), далѣе поврежденія костей и хрящей и вообще всякое сколько нибудь обширное раненіе (§ 3); наименѣе опаснымъ (*tutissimum*) раненіе мускуловъ (§ 4). Ушибенныя, порванныя и кривыя раны хуже порѣзныхъ и линейныхъ (§ 5). Далѣе здѣсь рассматриваются у Цельза вліяніе возраста, временъ года и тѣлесной конституціи, а также симптоматологія раненій различныхъ органовъ и областей въ частности (§§ 6—19), различія доброкачественнаго и злокачественнаго гноя (§ 20), послѣ чего слѣдуетъ тщательно обработанная

Терапія раненій. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ, понятно, остановка кровотеченія, съ какой цѣлью употребляются выполненіе раны корпией (*lipamentis*), холодъ, прижатіе смоченными въ холодную воду или уксусъ и хорошо выжатыми губками, рѣже ѣдкія средства, лучше же всего перевязка сосудовъ („*venae duobus locis deligendae interciscendaeque sunt*“), а гдѣ она невозможна—примѣненіе раскаленнаго желѣза (§ 21). Весьма обстоятельно изложены правила для предотвращенія воспаленій (§ 22), для соединенія краевъ раны (*glutinatio*, § 23), которое достигается наложеніемъ обыкновенныхъ швовъ (*suturae*) или металлическихъ (*fibulae*, ἀρχιτήρα) ²⁾ и перевязкой составами безъ примѣси жира, какъ *Emplastrum Barbarum* или *Alexandrinum* ³⁾. Далѣе слѣдуютъ правила для наложенія повязокъ (§ 24), для діететикн раненаго (§ 25), для діагностики теченія раны (§ 26), для заживленія ранъ (§ 27), для леченія раненій составовъ (§ 28), для очищенія (§ 29) и выполненія ранъ (§ 30), затѣмъ способы леченія осложненій, какъ каллезности краевъ, раковидное перерожденіе (§ 31), превращеніе въ застарѣлую язву (освѣженіе, § 32), рожистое воспаленіе (§ 33), гангрена (§ 34), леченіе ушибенныхъ ранъ (§ 35), наконецъ правила для зарубцеванія и опять для очищенія ранъ (§ 36)⁴⁾. Слѣдующія главы: о леченіи укушенныхъ ранъ (I. V, с. 27) и внутреннихъ язвенныхъ процессовъ (карбункулы, ракъ, зубъ, нарывы, свищи и проч., с. 28) также почти цѣликомъ относятся къ хирургіи.

Равнымъ образомъ Цельзу принадлежитъ первое систематическое *ученіе о грыжахъ*. Пупочную грыжу, какъ мы видѣли, онъ опредѣляетъ какъ выпячиваніе пупка („*umbilicum indecore prominere*,” что соотвѣтствуетъ греч. ἐξίμφαλον), при этомъ находимъ историческую замѣтку по поводу мнѣній древнихъ о ея этиологіи:

¹⁾ Celsus, De medicina, I. V, с. 26, § 2.

²⁾ Тамъ же, I. V, с. 26, § 23, ed. Hall., 311.

³⁾ Тамъ же, I. V, с. 19, § 1 и 17. ⁴⁾ Тамъ же, I. V, с. 26, § § 24—36.

„*Meges tres has [causas] posuit: modo intestinum eo irrupere, modo omentum, modo humorem. Sostratus nihil de omento dixit, duobus iisdem adjecit, carnem ibi interdum incrementum, eamque modo integram esse, modo carcinomati similem. Gorgias ipse quoque omenti mentionem omisit, sed eadem tria causatus, spiritum quoque interdum eo dixit irrupere. Heron omnibus his quatuor positus, et omenti mentionem habuit, et ejus, quod simul et omentum et intestinum habuerit“¹⁾.*

Диагностика остальных грыж представлена Цельзомъ весьма точная:

„*Si descendit omentum, nonnunquam in scroto tumor tollitur, sive inedia fuit, corpus huc illucve conversum, aut alio quovis modo collocatum: itemque, si retentus est spiritus, non magnopere increscit, tactu vero inaequalis est, et mollis, et lubricus.“*

„*At si intestinum quoque descendit, tumor is sine inflammatione modo minuitur, modo increscit; estque fere sine dolore, et, cum conquiescit aliquis aut jacet, interdum ex toto desidit, interdum sic minuitur, ut in scroto exiguae reliquiae mancant; at sub clamore, et satietate, et si sub aliquo pondere is homo nixus est, crescit: frigore omni contrahitur, calore diffunditur: estque tum scrotum et rotundum, et tactu laeve: idque, quod subest, lubricum est; si pressum est, ad inguen revertitur, dimissumque, iterum cum quodam quasi murmure devolvitur, et id quidem in levioribus malis evenit.“*

„*Nonnunquam autem stercore accepto vastius tumet, retroque compelli non potest: adfertque tum dolorem et scroto, et inguinibus, et abdomini. Nonnunquam stomachus quoque adfectus primum rufam bilem per os reddit, deinde viridem, quibusdam etiam nigram“²⁾.*

По словамъ Гезера это единственное мѣсто въ древней литературѣ, относящееся „быть можетъ“ къ ущемленной грыжѣ. Но симптомы ея изложены здѣсь такъ ясно, что нельзя не признать, вмѣстѣ съ проф. Альбертомъ (въ Вѣнѣ)³⁾, что тутъ рѣчь именно идетъ объ ущемленной грыжѣ, причѣмъ послѣдній указываетъ еще на одно относящееся сюда мѣсто у Цельза, въ главѣ объ операціи грыжесѣченія:

„*Ac si cui parvulo puero intestinum descendit, ante scalpellum expedienda vincitura est“....*

„*Rursus, si aetas processit, multumque intestini descendisse ex tumore magno patet, adjiciunturque dolores et vomitus (quae ex stercore, per cruditatem eo delapso, fere accidunt), scalpellum adhiberi sine pernicie non posse, manifestum est: levandum tantummodo malum et per alias curationes extrahendum est“⁴⁾.*

Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что здѣсь также рѣчь идетъ объ ущемленной грыжѣ, во вторыхъ, что Цельзъ считаетъ кровавую операцію до „очевидности“ опасной при ущемленной и показанной лишь при свободной грыжѣ! Такой предразсудокъ, по мѣткому выраженію Альберта,

¹⁾ Тамъ же, l. VII, c. 14, ed. Hall. II, 114.

²⁾ Celsus, De medicina, l. VII, c. 18, ed. Hall. II, 123.

³⁾ E. Albert, Beiträge zur Geschichte der Chirurgie, 2 Heft. Wien, 1878, p. 138.

⁴⁾ Celsus, De medicina, l. VII, c. 20, ed. Hall. II, 130, 131.

относится къ разряду ослѣпленій, встрѣчающихся и въ другихъ областяхъ человѣческой мысли и дѣятельности и мѣшающихъ уразумѣнію близко лежащихъ истинъ. Что касается операциі грыжесѣченія, то Цельзъ предпосылаетъ ей главу объ операціяхъ въ области мошонки вообще (I. VII, с. 19), обнаруживающую довольно близкое знакомство съ топографической анатоміей этой области, но по содержанію относящейся отчасти къ операціи грыжесѣченія, а потому приводимъ здѣсь существенные пункты изъ обѣихъ главъ. Въ теченіе трехъ дней до операціи больной долженъ пить только воду, наканунѣ же дня, назначеннаго для операціи, соблюдать строгую діету, волосы въ лобковой области выбриваются, во время операціи больной лежитъ горизонтально. Изъ инструментовъ упоминаются прямой скальпель („rectus scalpellus“), который нужно легко держать въ рукѣ („levissima manu“), вогнутый ножъ, по сходству съ вороньимъ клювомъ названный „corvus“, и крючки („hamuli“), которыми раздвигаются края раны ¹⁾. Помощникъ оттягиваетъ мошонку и яичко, разрѣзъ черезъ кожу мошонки ведется смѣло, какъ и въ остальныхъ слояхъ, пока не обнаружится отверстіе, въ которое вводится палецъ, раздѣляющій оболочки, и затѣмъ часть послѣднихъ экстирпируется:

„Aperiendum autem auctacter est, donec summa tunica, quae ipsius scroti est, incidatur perveniaturque ad eam, quae media est. Plaga facta est, foramen deorsum versus subest. In id demittendus est sinistrae manus digitus index, ut diductis intervenientibus membranulis, sinum laxet. Minister autem sinistra manu comprehenso scroto, sursum versus eum debet extendere et quam maxime ab inguinibus abducere, primum cum ipso testiculo, dum medicus omnes membranulas quae super mediam tunicam sunt, si digito diducere non potest, scalpello abscindat, deinde sine eo, ut is delapsus ipsi plagae jungatur, digitoque inde promatur, et super ventrem cum duabus suis tunicis collocetur“

....„Sin media tunica vexata erit... excidenda erit sic, ut alte ab ipsum inguen praecidatur. Intra tamen non toto demenda est: nam quod ab basin testiculi vehementer cum ima tunica connexum est, excidi sine summo periculo non potest: itaque ibi-reliquendum est“....

„Purgatus ita testiculus per ipsam plagam cum venis et arteriis et nervo suo leniter demittendus videndumque, ne sanguis in scrotum descendat, neve concretus aliquo loco maneat. Quae ita fiet, si venis vinciendo medicus prospexerit.“

....„Eo facto, testiculus intus reponendus est“ ²⁾.

Согласно этому, tunica media (Dartos) отрѣзывается только въ верхней части, ибо внизу она тѣсно связана съ Elytroides и не можетъ быть вырѣзана здѣсь безнаказанно. Мелкіе сосуды просто перерѣзываются, большіе же—только послѣ предварительной перевязки. Послѣ экстирпаціи кусковъ различныхъ оболочекъ яичко представляется какъ бы отпрепарованнымъ вмѣстѣ съ сѣменнымъ канатикомъ и потому можетъ быть вытянуто и по-

¹⁾ Тамъ же, I. VII, с. 19, Н. II, р. 128, с. 20, 131.

²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 19, Н. II, 126—129.

томъ опять вправлено черезъ отверстіе раны, но этотъ по истинѣ варварскій способъ операціи, повидимому нисколько не смущавшій древнихъ, практиковался лишь при малыхъ грыжахъ и опухоляхъ въ мошонкѣ, при большихъ же грыжахъ яичко согласно Ц. не вынимается, а только оттягивается въ сторону. Относительно главнаго предмета, леченія грыжеваго мѣшка, Цельзъ не высказываетъ вовсе, такъ какъ при всѣхъ почти грыжахъ онъ предполагалъ разрывъ брюшины ¹⁾ и слѣдовательно не могъ имѣть понятія объ образованіи грыжеваго мѣшка самой брюшиной. Относительно же самаго способа грыжесѣченія онъ говоритъ:

„Sin vir robustus est majusque id vitium est, extrahi testiculus non debet, sed in sua sede permanere (еще бы!). Id hoc modo fit. Inguen eadem ratione usque ad mediam tunicam scalpello aperitur; eaque tunica eodem modo duobus hamis excipitur sic, ut a sinistro testiculus eatenus contineatur, ne per vulnus exeat; tum ea tunica deorsum versus scalpello inciditur; sub eaque index digitus sinistrae manus ad imum testiculum demittitur, eumque ad plagam compellit: deinde dextrae manus duo digiti, pollex atque index, venam et arteriam et nervum tunicamque eorum a superiore tunica diducunt: quod si aliquae membranae prohibent, scalpello resolvuntur, donec ante oculos tota jam tunica sit. Excisis, quae excidenda sunt, repositoque testiculo, ab ora quoque ejus vulneris, quod in inguine est, demenda habenula paulo latior est, quo major plaga sit, et plus creare carnis possit“ ²⁾.

По поводу сальниковой грыжи Цельзъ замѣчаетъ, что если она незначительной величины, то она вправляется, болѣе же крупная прижигается до самопроизвольнаго отпаденія; нѣкоторые, по его словамъ, отдавливали ее въ видѣ двухъ отдѣльныхъ порцій двойной ниткой, другіе удаляли ножницами ³⁾. Послѣ каждой операціи необходимо озаботиться, чтобы въ мошонкѣ не накоплялось крови, что лучше всего достигается тщательной перевязкой сосудовъ, кровяные сгустки необходимо удалять, концы лигатуръ должно выводить изъ раны (*extra plagam dependere debent*), послѣ онѣ отпадаютъ черезъ нагноеніе; рана соединяется нѣсколькими швами и покрывается способствующимъ зарубцеванію составомъ. Повязка мѣняется на 5 день, при боляхъ на 3 день; при накопленіи гноя въ мошонкѣ дѣлать противоотверстіе и т. д. ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, с. 18, Н. II, 123: „vel ex morbo primum inflammatur, deinde pondere abruptitur, vel ex ictu aliquo protinus rumpitur tunica.“

²⁾ Тамъ же I VII, с. 20, Н. II, 131, 132. ³⁾ Тамъ же, с. 21, Н. II, 132, 133.

⁴⁾ Тамъ же, с. 19, р. 129, 130. Ср. Albert, I. с. 2 Heft, 140—142. При этомъ случаѣ считаемъ уместнымъ обратить особенное вниманіе на его „Beiträge zur Geschichte der Chirurgie,“ 1 Heft: I. Die Blutstillungsmethoden im Mittelalter. II. Die aeltere Chirurgie der Kopfverletzungen, Wien, 1877. 2 Heft: Die Herniologie der Alten, 1878. Здѣсь онъ обнаруживаетъ замѣчательную эрудицію, свидѣтельствующую, что онъ одинъ изъ немногихъ высокоталантливыхъ хирурговъ, которымъ профессиональныя занятія не мѣшаютъ съ любовью посвящать свои досуги историческимъ изысканіямъ, расширяющимъ кругозоръ ихъ искусства.

Къ *хирургіи* же отнесена Цельзомъ глава изъ области *акушерства*, по части коего онъ повидимому не имѣлъ собственнаго опыта.

Весьма любопытенъ впервые упоминаемый Цельзомъ способъ искусственнаго расширения маточнаго устья, впоследствии усовершенствованный Сораномъ:

.....,ex intervallo vero paulum debiscit. Hac occasione usus medicus, unctae manus indicem digitorum primum debet inserere atque ibi continere, donec iterum os adaperiatur, rursusque alterum digitorum demittere debet et per easdem occasiones alios, donec tota esse intus manus possit.“

При предлежаніи головки производится опорожнение мозга черезъ глаза, уши или лобъ помощію крючка, снабженнаго короткимъ остриемъ, при предлежаніи ножекъ—извлечение, при поперечныхъ положеніяхъ—поворотъ. Если послѣдній не удастся, то предлежащая конечность отрубается, спинка приводится во входъ въ малый тазъ при помощи крючка, введеннаго въ подкрыльцовую впадину, затѣмъ туловище отдѣляется отъ головки посредствомъ крючка, заостреннаго на своей внутренней поверхности, самая же головка съ помощію давленія на животъ подается внизъ до тѣхъ поръ, пока сдѣлается возможнымъ опорожнение мозга. При тазовыхъ положеніяхъ младенецъ подается назадъ, чтобы произвести поворотъ. При переходѣ въ гниеніе, стѣнки живота разрываются ногтями, жидкость опорожняютъ и затѣмъ поступаютъ смотря по обстоятельствамъ ¹⁾. Послѣдъ („*secundae*“) осторожно отдѣляется притягиваніемъ за пуповину или рукою, съ родильницей же поступаютъ какъ съ раненой или одержимой воспаленіемъ:

.....,medicus sinistra manu leniter trahere umbilicum debet ita, ne abrumpat, dextrae eum sequi usque ad eas, quas secundas vocant, quod velamentum infantis intus fuit: bisque ultimis adprehensis, venulas membranulasque omnes eadem ratione manu diducere a vulva, totumque illud extrahere, et si quid intus praeterea concreti sanguinis remanet“..... „Reliqua curatio talis esse debet, qualis in inflammationibus et in vulneribus“ ²⁾.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь кстати классическое Цельзово опредѣленіе воспаленія:

„Notae vero in inflammationis sunt quatuor, rubor et tumor cum calore et dolore“ ³⁾.

Изъ набросаннаго очерка легко усмотрѣть, что хирургія Цельза, какъ результатъ опытности безчисленныхъ медицинскыхъ поколѣній, представляетъ высокій интересъ и есть неоцѣненный вкладъ въ исторію нашего искусства и что если вообще „Медицина Цельза“ и не оригинальна, то имѣетъ, тѣмъ не менѣе, весьма важное значеніе какъ отличный компендіумъ медицины и хирургіи гиппократиковъ и александрийцевъ, какъ весьма удачно скомпонованный сводъ фактовъ и системъ древности. Безъ этого трактата въ исторіи александрийской школы, особенно въ области хирургіи, остался бы весьма чувствительный пробѣлъ. Между тѣмъ до 15 столѣтія онъ былъ почти неизвѣстенъ и даже Кассіодоръ, какъ указано выше, для изученія медицины рекомендовалъ не Цельза, а Целіа Авреліана!

¹⁾ „Qua ratione partus emortuus ex utero excutitur,“ Celsus, l. VII, c. 29, H. II, 155 и слѣд. ²⁾ Тамъ же, 158. Объ *акушерствѣ* Цельза ср. еще Brandenburg—Schaeffer, De arte obstetricia Celsi, Goett. 1837. ³⁾ Celsus, l. III, c. 10, H. I, 149.

b) Фармакологія.

Уже изъ „*Медицины Цельза*“ легко усмотрѣть, какіе глубокіе корни пустило въ римской медицинѣ пристрастіе къ чисто эмпирической фармакологіи. Хотя Цельзъ съ самаго начала объявляетъ себя сторонникомъ рациональной медицины, тѣмъ не менѣе мы находимъ у него весьма скудныя данныя объ анатоміи и физиологіи, этихъ главныхъ основахъ научной медицины, но зато какое обиліе фармацевтическихъ средствъ и разныхъ снадобій. Но у другихъ римскихъ энциклопедистовъ, которымъ совершенно былъ чуждъ духъ гиппократизма, еще рѣзче выступаетъ этотъ упадокъ научной медицины, эта вѣра въ фармацевтическія и особенно новыя средства, такъ что изъ нихъ выдѣлился особый классъ специальныхъ фармакологовъ, наводнившихъ медицинскую литературу цѣлой серіей безсодержательныхъ рецептурныхъ книгъ, иногда даже въ стихахъ.

Мы уже упомянули о нѣкоторыхъ изъ нихъ, выступавшихъ въ началѣ I в. по Р. X. (Lenaeus, Valgius Rufus, Varro). Сюда же относятся:

Menius Rufus ¹⁾, вѣроятно современникъ Цельза, изобрѣтатель „*Niera*“, чего-то въ родѣ нынѣшней *Potio Viennensis*.

Aruleius Celsus изъ Сициліи, жившій въ царствованіе Августа ²⁾.

Antonius Castor, обладатель небольшого ботаническаго сада въ Римѣ ³⁾. Далѣе

Ramphylus „*Migmatopoles*“ (14—38 по Р. X.), составившій себѣ состояніе изобрѣтеніемъ *ἐκδέρσιον*—средства противъ лишаевъ и *Men-tagra*, состоявшаго изъ мышьяка, сандарака, жженной мѣди и кантаридъ, и оставившій сочиненіе „*О растеніяхъ*“, заключавшее съ себѣ множество предрасудковъ и, по собственному его признанію, ни одного самостоятельнаго изслѣдованія ⁴⁾.

Herennius Philo изъ Tarsus (около 20 по Р. X.), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ александрійскимъ іудейскимъ врачомъ Филономъ, оставившимъ описаніе оспы ⁵⁾,—изобрѣтатель извѣстнаго въ свое время опійнаго средства противъ коликобразныхъ болей подъ названіемъ „*Philonium*“, описаніе коего составлено имъ въ 13 двустихіяхъ и существуетъ еще и нынѣ (у Галена) ⁶⁾.

¹⁾ Galen, De compos. med. sec. gen. l. VII, c. 12.

²⁾ Scribon. laryus, De compos. medic. c. 94.

³⁾ Plinius, Hist. natural., l. XX, c. 17, l. XXV, c. 2.

⁴⁾ Galen, De compos. med. sec. loc. l. V и De simpl. med. facult. l. VI, Prooemium.

⁵⁾ Haeser, I, 298.

⁶⁾ Celsus, l. VI, c. 6, § 3; Galen, De compos. med. sec. locos, l. IX, c. 4.

Servilius Damocrates или Democrates, сочинившій около 65 по Р. X. выхваляемая Галеномъ рецептурныя поэмы: Clinicus, Philiatrus и Pythicus (подъ названіемъ „Carmina medicinalia“ ed. Harless, Bonn, 1834), гдѣ въ ямбахъ описано множество составовъ, какъ Malagma, Асора, Antidota, зубныя порошки, пластыри, въ томъ числѣ и Emplastrum Diachylon¹⁾, изобрѣтателемъ коего, однако, былъ не онъ, а

Menekrates (ум. 54 по Р. X.) изъ Zeophleta²⁾, лейбъ-медикъ Тиверіи, написавшій 155 сочиненій, въ томъ числѣ нынѣ не существующее—о болѣе дѣйствительныхъ лекарствахъ подъ названіемъ: „Ἀποκράτωρ δλογραμματος ἀξιολόγων φαρμάκων“³⁾, гдѣ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ онъ вездѣ выставлялъ полныя названія количествъ вѣса и мѣры вмѣсто употребительныхъ знаковъ, подававшихъ поводъ къ многочисленнымъ ошибкамъ при списываніи и назначеніи лекарствъ⁴⁾.

Andromachus-отецъ изъ Крита, врачъ Нерона, одинъ изъ лучшихъ въ ряду этихъ писателей, былъ первый, получившій названіе „Archiater,“ и извѣстенъ стихотворнымъ сочиненіемъ объ изобрѣтенномъ Митридатомъ и имъ улучшенномъ теріакѣ (54—60 по Р. X.)⁵⁾.

Andromachus-сынъ, также лейбъ-медикъ Нерона, изобрѣлъ 24 средства противъ кровотеченій, зубныхъ и ушныхъ болей и пр.⁶⁾

Xenocrates изъ Aphrodisias (70 по Р. X.), авторъ сочиненія по фармакологіи и о пищѣ изъ класса рыбъ:

περί τῆς ἀπὸ ἐνὸδρον τροφῆς, *De alimento ex aquatilibus.*

Изданія: гречески-латинское: Tiguri, 1559; Lipsiae, ed. Franz. 1779, греческое: Согау, Paris, 1814. Плиніи приводитъ еще сочиненіе его „О янтарѣ.“

Излюбленными средствами его противъ болѣзней были: ушная сѣрка, мѣсячная крови, человѣческое мясо, кровь летучихъ мышей⁷⁾.

Apollonius Archistrator изъ Пергама (80 по Р. X.), изобрѣтатель „слуховыхъ“ средствъ и наблюдавшій солнечный ударъ.

Asclepiades Pharmakion (100 по Р. X.), рекомендовавшій между прочимъ пометъ. Наконецъ

Kriton, изобрѣтатель „несравненныхъ“ косметическихъ средствъ, которымъ для рекламы, какъ это дѣлается и нынѣ, онъ при-

¹⁾ Тамъ же, l. VII, c. 2, 10, l. X, c. 2.

²⁾ Sacl. Augel., Chron., l. I, c. 4, p. 323.

³⁾ Galen, De compos. med. sec. gen. l. VII, c. 9 и sec. loc. l. VI, c. 9.

⁴⁾ Ср. Hecker, I, 440.

⁵⁾ Galen, De antidotis, l. I, c. 1 и 6.

⁶⁾ Тамъ же, c. 7 и De comp. med. sec. loc. l. I, c. 2.

⁷⁾ Galen, De simpl. med. facult. l. VI, Prooemium; Plinius, l. XXXVII, cc. 2, 11. Ср. Haeser, I, 300.

своиль громкія названія: ἀνίτητον, μαχαριώνος („непобѣдимое“ „мечу подобное“) и т. д. ¹⁾. Болѣе вниманія заслуживаютъ:

Iulius Bassus изъ Рима, обнародовавшій между 44—48 по Р. Х. фармакологию на греческомъ языкѣ ²⁾. Объ немъ знали уже

Scribonius Largus (50 по Р. Х.), ученикъ Апулея Цельза и Трифона, жившій обыкновенно въ Римѣ и сопровождавшій въ 43 г. по Р. Х. императора Клавдія въ Британію ³⁾, авторъ сочиненія: *De compositione medicamentorum*, гдѣ имъ собраны рецепты изъ народныхъ средствъ, расположенные въ систематическомъ порядкѣ по болѣзнямъ.

Изданія: Ruellius, Paris, 1529, Rhodius, Patav. 1655, Bernhold, Argent. 1786.

Хотя онъ рекомендуетъ множество суевѣрныхъ средствъ, какъ носеніе въ поясѣ засохшей слизи изъ глаза оленя противъ укушенія змѣй ⁴⁾, повязку изъ куска кожи гіены вокругъ лѣвой руки при водобоязни и т. п. ⁵⁾, но нельзя не признать за нимъ и извѣстныхъ заслугъ въ исторіи медицины, какъ относительно записыванія народныхъ средствъ его времени, такъ и той, что онъ первый оставилъ вѣрное описаніе способа добыванія чистаго опія и первый рекомендовалъ примѣненіе электричества въ видѣ прикладыванія угря (*torpedo*) при сильной головной боли и подагрѣ ⁶⁾.

Выше всѣхъ изчисленныхъ фармакологовъ несомнѣнно стоитъ

Sextius Niger, современникъ Скрибонія и новидимому весьма дѣльный писатель, „*diligentissimus medicinae*,” авторъ не существующаго болѣе сочиненія περί ὕλης. Это послѣднее составляетъ главный источникъ, изъ котораго почерпали наиболѣе выдающіеся въ этой области авторы: Dioskorides и Плиній, на что указываютъ многія почти тождественныя мѣста у обоихъ, слѣдовательно Niger несомнѣнно подготовилъ путь для этихъ послѣднихъ ⁷⁾. Изъ нихъ, какъ и вообще изъ всего этого ряда фармакологовъ, важнѣйшимъ по праву долженъ считаться

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 71, 72.

²⁾ Ср. Haeser, I, 298.

³⁾ Scribonius Largus, *De compos. medicam.*, ed. Rhodius, Patav. 1655, с. 163.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, с. 172.

⁶⁾ Тамъ же, с. 11.

⁷⁾ Ср. Haeser, I, 299.

Pedacius Dioskorides (40—90 по Р. Х.) изъ Anazarba въ Киликіи (въ Африкѣ), жившій въ царствованія Нерона и Веспасіана и сопровождавшій, вѣроятно въ качествѣ военнаго врача, римскія войска въ различные края ¹⁾. Онъ составилъ незадолго до 77—78 по Р. Х. (слѣдовательно до смерти Плинія) обширное и образцовое сочиненіе:

περὶ ὕλης ἰατρικῆς, *De medicinali materia*, которымъ по всей вѣроятности пользовался и Плиній ²⁾. Далѣе

περὶ εὐποριστῶν ἁπλῶν τε καὶ συνθέτων φαρμάκων. *De facile parabilibus tam simplicibus quam compositis medicamentis*, въ 2 книгахъ.

περὶ δηλητηρίων φαρμάκων, *De venenis, περὶ ὀβέλων, De venenatis animalibus*.

Что касается *νόθα*, то это лишь подложныя прибавленія.

Изъ множества изданій—греческія: Τὰ τῶν ὕλικῶν βιβλία έ, Venet. 1499, 1518, Basil. 1529. Греко-латинскія: Paris, 1549 и вслѣдъ затѣмъ Congr. Gesner, Euporista, 1565.—Полныя собранія сочиненій Dioskorida:

Ed. I. A. Sagarceus, Francof., 1598. Ed. C. Sprengel. Lips. 1829, 1830.

Изъ переводовъ латинскіе: Hermolauus Barbarus, Venet. 1516, Ruellius, Paris, 1516, Matthiolus, Venet, 1554 и 1565, переводъ и комментарий съ весьма хорошими рисунками на деревѣ, имѣющими немало значенія и для исторіи искусства;

Нѣмецкій: Danz von Ast, Francf., 1546;

Французскіе—Mathée, Lyon, 1559, Du Pinet, Lyon, 1561, J. des Moulins, Lyon, 1572; итальянскіе—Fausto di Longiani, Venez. 1542, Mattioli, Venez. 1544, Montigniano, Firenze, 1547;

Испанскій—And. de Laguna, Antwerpen, 1555, Salamanca, 1560.

Главное сочиненіе Dioskorida („ὕλη“) состоитъ изъ 5 подлинныхъ книгъ, къ которымъ впоследствии прибавили еще 3 книги, не принадлежащія Dioskoridu и вошедшія и въ парижское изданіе. Мы поэтому приведемъ здѣсь содержаніе лишь подлинныхъ книгъ:

Кн. I. Объ ароматическихъ средствахъ, маслахъ, мазяхъ, деревьяхъ и добываемыхъ изъ нихъ сокахъ, смолахъ и плодахъ. Кн. II. О животныхъ средствахъ (медъ, молоко, жиръ), хлѣбородныхъ, овощи, лукъ, горчица. Кн. III. О корняхъ, добываемыхъ изъ растеній сокахъ (экстрактахъ), травахъ и сѣменахъ. Кн. IV. Объ остальныхъ травахъ и сокахъ. Кн. V. О виноградникахъ, винахъ и минеральныхъ веществахъ ³⁾.

De medicinali materia заключаетъ полное описаніе, по собственнымъ и предшествовавшимъ наблюденіямъ (особенно Kratouas'a и Andreas'a), всѣхъ извѣстныхъ въ то время медикаментовъ изъ трехъ царствъ природы, въ систематическомъ порядкѣ, съ объясненіями ихъ дѣйствія

¹⁾ Dioskorides, *De medicinal. materia libri VIII*, Paris, 1549, Praef. fol. 2.

²⁾ Сюда относится напр. описаніе Lapidis haematites (Plinius, *Hist. natur.*, l. XXXVI, c. 20), взятое имъ у Dioskorides, l. V, c. 144, причѣмъ Плиній прибавляетъ: „haec est voluntas eorum, qui peregrine scripsere.“ Ср. Hecker, I, 445.

³⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 76—83 и Morvitz, l. c. 33—35; комментарий къ Dioskoridu см. ниже, стр. 252, въ „Литературѣ.“

на тѣло, т. е. ихъ медицинскихъ качествъ, далѣе ихъ синонимовъ, мѣсто нахождения и признаковъ неподдѣльности, чѣмъ Діоскоридъ оказалъ несомнѣнную услугу фармакологіи, выродившейся въ необъятный наборъ бессмысленныхъ смѣсей. Описанія лекарствъ (перемѣшанныхъ съ кельтскими и фракійскими названіями) ясны, просты и удобопонятны, дѣйствіе ихъ изложено на основаніи отчасти эмпирическихъ, въ особенности же гуморально-патологическихъ началъ (Haeser). Особенно велико число *металлическихъ* средствъ, каковы, между прочимъ ртуть, добывавшаяся изъ киновари чрезъ нагрѣваніе въ закрытомъ желѣзномъ сосудѣ или чрезъ толченіе съ уксусомъ въ металлической ступкѣ¹⁾ и употреблявшаяся для серебрения и въ видѣ мазей и пластырей,—далѣе свинцовыя окись (μολιβδον κελαιμένον) и бѣлила, мѣдныя препараты²⁾ и проч. Интересно, что здѣсь у Діоскорида встрѣчаемъ первые проблески химическаго приготовленія металлическихъ средствъ, особенно для наружнаго примѣненія при кожныхъ болѣзняхъ. Суевѣрнымъ средствамъ мало отведено мѣста, но очевидно онъ не могъ этого избѣгнуть, если даже у Цельза напр. упоминается о крови голубей и ласточекъ для примочекъ на глаза³⁾. Оттого и у Діоскорида изъ *животнаго царства* упоминается о крови и изверженіяхъ разныхъ животныхъ при различныхъ болѣзняхъ⁴⁾, а также о клопахъ внутрь—противъ 4-дневной лихорадки, истерическаго обморока, укушенія змѣй и какъ наружное для введенія живыми въ мочевою каналъ при задержаніи мочи⁵⁾. Наконецъ что касается *растений*, то описанія ихъ до того точны, что подтверждаются новѣйшими наблюденіями, причѣмъ у Діоскорида находимъ замѣчательное знакомство съ аравійскими цѣлебными растеніями. Между прочимъ онъ рекомендуетъ *Ladanum* или *Ledum*, сокъ изъ *Cistus creticus* въ видѣ винной настойки противъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней⁶⁾. Интересно, что относительно домашнихъ средствъ („simplicia“) Галенъ разъ навсегда отсылаетъ къ Діоскориду. Въ средніе вѣка сочиненіе его считалось непогрѣшимымъ оракуломъ, на востокъ же оно и до сихъ поръ пользуется большимъ почетомъ (Haeser).

¹⁾ Dioscorides, l. c. I. V, c. 110.

²⁾ Тамъ же, сс. 96, 103, 87.

³⁾ Celsus, l. VI, c. 6, § 39.

⁴⁾ Dioscorides, l. c. I. II, сс. 97, 98.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 36.

⁶⁾ Тамъ же, l. I, c. 129. Ср. еще Hecker, I, 448.

Кай-Плиній II старшій изъ *Comum* (нынѣшній *Como*) или Вероны (23—79 по Р. Х.) имѣеть гораздо менѣ значенія для исторіи медицины, нежели Целъзъ и даже *Dioscorides*. Онъ былъ намѣстникомъ въ Испаніи, по возвращеніи оттуда занимался въ Римѣ юридической практикой и умеръ въ качествѣ командующаго флотомъ при Мизенѣ, 22 авг. 79 года, въ Стабіи, отъ испареній во время большаго изверженія Везувія, къ которому подошелъ слишкомъ близко, увлеченный любознательностью ¹⁾.

Его громадная, но страдающая отсутствіемъ критики *энциклопедія*, подъ названіемъ *Historia naturalis* (въ 37 книгахъ), составленная имъ въ изумительно-краткій 2-лѣтній періодъ (77—78 г. по Р. Х.) и почерпнутая изъ 2000 слишкомъ сочиненій, которыя онъ большею частью заставлялъ читать себѣ въ свободные часы ²⁾, заключаетъ въ себѣ совокупность современныхъ ему свѣдѣній о замѣчательныхъ предметахъ природы и искусства и составляетъ главный источникъ для исторіи образовательныхъ искусствъ, а въ теченіи многихъ столѣтій—почти единственный для изученія естественно-историческихъ предметовъ.

Первое изданіе: Venet. 1469. Затѣмъ въ Римѣ, Венеціи и Пармѣ было: въ 15 столѣтіи—17, а въ 16—40 изданій. Первое критическое изданіе:

Herzog *Barbarus*, Venet., 1497. Изъ другихъ изданій заслуживаютъ вниманія:

Harduin, *Plinii historiae naturalis libri XXXVII, interpretationibus et notis illustravit I. Harduinus*, 5 voll. Paris, 1685, 1725 и 1741.

Tauchnitz, Leipzig, 1836—38, 5 томовъ. *Sillig*, Gotha, 1851.

Новѣйшее изданіе: *Detlefsen*. Berlin, 1866—68.

Изъ комментариевъ:

A. Féé, *Commentaire sur la botanique et la matière médicale de Pline*, 3 vols. Paris, 1833. *Brunn*. *De auctorum indicibus Plinianis disputatio isagogica*. Bonn. 1856.

Изъ переводовъ самый старинный: итальянскій, Venet., 1476.

Французскій—*Histoire naturelle de Pline, traduite par Ajasson de Grandsagne*, Paris, 1829—33, 20 томовъ, съ древнимъ текстомъ и многочисленными комментаріями французскихъ ученыхъ подъ руководствомъ Кювье. Нѣмецкій—*Strack*, Berlin. 1853—1855. 3 тома.

Содержаніе: Кн. I. Предисловіе, оглавленіе и имена авторовъ, коимъ пользовался Плиній. Кн. II. Космогонія. Кн. III—VI. Географія. Кн. VII. Антропология. Кн. VIII—XI. Зоологія. Кн. XII—XIX. Ботаника; въ кн. XIX находятся примѣчанія объ исторіи медицины, заимствованныя, согласно Брунну, у Варрона. Кн. XX—XXXII. Ме-

¹⁾ *Plinius Iun.* (племянникъ Плинія старшаго) l. VI, epist. 16.

²⁾ *Choulant*, l. c. 182. Однихъ именъ авторовъ насчитываютъ 146 римскихъ и 327 иностранныхъ. Ср. *Teufel*, *Römische Litteraturgeschichte*, Leipz. 1872, p. 679, § 307, примѣч. 3. Невѣроятно поэтому, чтобы Плиній могъ оставить еще сочиненія, до насъ не дошедшія, какъ увѣряетъ *Plin. Iun.*, l. III, epist. 5.

д и ц и н а. Кн. XXXIII—XXXVII. Минералогія и искусства. Фармакологія расте-
ній изложена въ кн. XXII—XXVII, изъ коихъ въ послѣдней рѣчь идетъ о новыхъ сред-
ствахъ, фармакологія же животныхъ средствъ—въ книгахъ XXIX и XXX ¹⁾.

Buffon въ своей *Histoire naturelle* весьма высоко ставитъ эту эн-
циклопедію, обнимающую собою не только всѣ три царства природы, но
также астрономію, физику, медицину, торговлю, морепла-
ваніе, исторію, географію, изящныя и техническія иску-
ства, нравы народовъ, словомъ почти всѣ человѣческія науки и ис-
кусства. Сочиненіе это по его мнѣнію есть, правда, лишь копія, лишь
собраніе всего написаннаго до него, но составленное въ такихъ мастер-
скихъ штрихахъ и съ такой новой группировкой предметовъ, что его
можно предпочесть оригиналамъ ²⁾. Но, несмотря на всю эту обширную
эрудицію, изящество стили и тонкость замѣчаній, для исторіи медицины,
какъ сказано, оно имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Естественно-историческій отдѣлъ занимаетъ почти половину
этого гигантскаго труда и содержитъ пространныя, хотя не всегда ясныя
описанія животныхъ, растений (до 1000) и минераловъ, причеиъ
главнымъ образомъ имѣется въ виду полезное или вредное дѣйствіе ихъ
на человѣческое тѣло. Описанія эти основаны частью на собственныхъ
наблюденіяхъ въ саду упомянутаго выше Антонія Кастора, главнымъ же
образомъ заимствованы изъ болѣе древнихъ писателей, каковы *Leaenus*,
Varron, *Sextius Niger* ³⁾, *Nigidius* ⁴⁾. Плиній выходитъ изъ
основнаго положенія, что вся природа создана только для человѣка, что
простыя лекарства въ естественномъ видѣ болѣе соотвѣтствуютъ природѣ,
сложныя же составы суть только продукты хитрости и безстыдства:

„*Scrupulatim quidem colligere ac miscere vires, non conjecturae humanae opus, sed
impudentiae est.*“ ⁵⁾.

Но такъ какъ Плиній не былъ врачомъ, то рядомъ съ чисто-като-
новскими сужденіями о врачахъ ⁶⁾ у него встрѣчаемъ и бессмысленныя
катоновскія смѣси медикаментовъ. Къ тому же, какъ другъ Веспасіана,
слишкомъ занятый службой, Плиній и не могъ спеціально изучать меди-

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 185—206, Haeser, I, 296, 297.

²⁾ Buffon, Histoire naturelle, Paris, 1769, I, p. 69 и слѣд.

³⁾ Ср. Brun n, l. c. ⁴⁾ Hertz, De Nigidio Figuli studiis atque operibus, Berol.,
1845. Ср. Haeser, I, 296.

⁵⁾ Plinius, Hist. natur., l. XXII, c. 24.

⁶⁾ Тамъ же, l. XXVI, c. 3, гдѣ Плиній приходитъ въ негодованіе по поводу того,
что одинъ человѣкъ (рѣчь идетъ объ Асклепадѣ) можетъ ради наживы предписывать за-
коны здоровья всему человѣческому роду: „*Id solum possumus indignari, unum hominem,
vectigalis sui causa, repente leges salutis humano generi dedisse.*“

цину, а потому, кромѣ литературной обработки, для послѣдней у него не оставалось досуга ¹⁾. Доказательствомъ его ненависти къ врачамъ могутъ служить хоть слѣдующія выдержки:

„Nec dubium est, omnis istos famam novitate aliqua aucupantis anima statim nostra negotiari.“

„Hinc illae circa aegros miserae sententiarum concertationes, nullo idem censente, ne videatur accessio alterius“... „Hinc illa infelix monumenti inscriptio: turba se medicorum perisse.“

„Mutatur ars cotidie totiens interpolis et ingeniorum Graeciae flatu inpellimur“ ²⁾.

„Nulla praeterea lex, quae puniat incitiam eam, capitale nullum exemplum vindictae. Discunt periculis nostris et experimenta per mortis agunt, medicoque tantum hominem occidisse impunitas summa est.“ ³⁾.

„Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они торгуютъ нашей жизнью, дабы прославиться чѣмънибудь новымъ.“

„Отсюда жалкіе споры у постели больныхъ, такъ какъ ни одинъ не раздѣляетъ взглядовъ другаго, дабы не показаться его прихвостнемъ. Отсюда злополучная надпись на могильномъ памятникѣ: „онъ умеръ отъ замышательства врачей.“

„Ежедневно мѣняется это столь часто поддѣльное искусство, вась же такъ и мететь, словно въ какомъ-то вихрѣ, по волѣ греческихъ умовъ“ ²⁾.

„Нѣтъ, къ сожалѣнію, закона противъ неумѣлости, нѣтъ примѣра смертной казни. Они учатся на нашей шкурѣ, съ опасностью для нашей жизни, дѣлаютъ опыты при помощи смерти больныхъ и за убіеніе людей остается безнаказаннымъ только врачъ“ ³⁾.

Къ литературѣ о фармакологіи въ римскій періодъ.

- Hermolaus Barbarus въ Dioscorid. corollariorum libri V, Venet. 1516.
 Camerarius, Commentariolus de Theriacis et Mithridateis, Norimb., 1533.
 Amatus Lusitanus (Roderico de Castello albo), Ennarationes in Dioscor., Venet., 1553; cum iconibus plantarum ligno incisis, Lugd. 1558.
 Lascuna, Annot. in Dioscorid. Lugd. 1554.
 Matthioli, Apologia adversus A. Lusitanum, Venet. 1558. Его приведенный выше (стр. 248) комментарий къ Dioscorиду (venet. 1565) считается наилучшимъ.
 Cordus, Annot. in Dioscorid., ed. Gesner, Arg. 1561.
 Möller, Fasciculus remediorum ex Dioscoride et Matthiolo. Basil. 1579.
 Alphabet. empiricum, Sive Dioscoridis et Stephani Atheniensis de remediis expertis nunc primum a Casp. Wolphio in latinam linguam conversus. Tiguri 1581.
 I. et Paul Contant, Divers exercices sur Dioscorid., Poitiers, 1628.
 Charas, Traité de la thériaque, Paris, 1668.
 Kirchmaier, De tribulis potissimum aquaticis a Theophrasto, Dioscoride et Plinio dictis. Viteb. 1692.
 Wedel, de cirsio Diosc. Ien. 1700.
 Bagaard, Discours sur l'histoire de la thériaque avec le poëme d'Andromaque sur la thériaque, Nancy, 1725, 1755.
 Schulze, Toxicologia veterum plantas venenatas exhibens Theophrasti, Galeni, Dioscoridis, Plinii aliorumque auctoritate ad deleteria venena relatas. Hal. 1788.
 Ср. Morwitz, l. c. 32, 34, 35. Подробную литературу о Плинии см. Choulant, 197—206.

¹⁾ Ср. Hecker, I, 435.

²⁾ Plinius, Histor. natur., ed. Ludov. Ianus, Lipsiae, 1858, l. XXIX, c. 1. p. 208.

³⁾ Тамъ же, p. 209.

Пневматическая школа.

Въ эпоху, когда методическая секта начала обнаруживать свою дѣятельность, въ царствованіе Августа, эпикурейская теорія Асклепіада о движеніи и формѣ атомовъ, о разслабленіи и сжиманіи поръ почти совершенно вытѣснила изъ медицины ученіе Гиппократова о сохраняющемъ жизненномъ началѣ, регулирующемъ отправленія здороваго организма и проявленія болѣзни. Но тѣ изъ врачей, которые съ вниманіемъ читали сочиненія Гиппократова и въ тоже время наблюдали болѣзни, скоро убѣдились въ справедливости взглядовъ Гиппократова. Упомянутое жизненное начало поэтому скоро снова было принято въ наукѣ, только въ измѣненномъ видѣ, а именно носителемъ его стали признавать „Рнеуша,“ выдвинутое снова на сцену стоиками въ концѣ римской республики и въ первыя времена римской имперіи, и такимъ образомъ возникла пневматическая система, которая очевидно является реакціей противъ односторонности методической системы или солидарной патологіи, обращающей преимущественное вниманіе на состояніе плотныхъ тканей, заботившейся лишь о переполненіи терапевтическаго арсенала и совершенно упустившей изъ виду естественные процессы выздоровленія.

Основателемъ пневматической школы, повидимому оказавшейся наиболее способной примирить гуморальную и солидарную системы, былъ

Athenaeus (69 по Р. Х.) изъ Атталіи въ Киликіи, знаменитый, жившій въ Римѣ врачъ, обратившій свое оружіе прежде всего противъ Асклепіада.

Сочиненія Атенея были многочисленны, онъ писалъ о пульсѣ, эмбриологіи, діететикѣ, физическомъ и нравственномъ воспитаніи и проч. Изъ нихъ сохранились только отрывки у Діогена Лаэртія, Орибазія и Аэція. Ср. Haeser, I, 336.

Какъ начало, дѣйствующее въ живыхъ организмахъ, онъ разсматриваетъ огненное Рнеуша (πνεῦμα πυρροειδὲς καὶ τεχνοειδὲς, πῦρ τεχνικόν) или животворящую міровую душу, отъ коей происходятъ не только души людей, животныхъ и растений, но и вообще всякая матерія, которую она вездѣ проникаетъ, ибо воздухъ, вода и земля суть лишь переходныя ступени, отъ превращенія тонкихъ частицъ Рнеуша въ болѣе грубую матерію ¹⁾. Это Рнеуша—настоящее дѣйствующее начало въ основныхъ элементахъ, изъ коихъ образуются живыя существа. Мѣстопребываніе этого начала въ самомъ чистомъ и безпримѣсномъ его видѣ—въ эфирѣ, откуда

¹⁾ Diogenes Laërtius, l. VII, s. 142, 156.

оно неравномѣрно распредѣляется во всей природѣ, проявляясь наиболѣе въ человѣческой душѣ и высшихъ органахъ человѣческаго тѣла, затѣмъ въ другихъ животныхъ и наконецъ въ растеніяхъ ¹⁾.

Согласно сказанному, Рпеума Атенея есть эфирное, но во всякомъ случаѣ матеріальное начало, сходное съ пятымъ элементомъ Аристотеля и стойковъ ²⁾. Кромѣ того, онъ допускаетъ въ свою систему еще и элементарныя качества (ποιότητες) ³⁾, изъ коихъ теплоту и холодъ онъ рассматриваетъ какъ „образовательныя“ (τὰ ποιητικά), а сухость и влажность какъ „образуемыя“ качества (τὰ ὑλικὰ) ⁴⁾. Рпеума, какъ часть животворящей міровой души, входитъ въ сердце посредствомъ дыханія и оттуда разносится въ сосуды по всему тѣлу, во время діастолы пульса, которая слѣдовательно есть пассивный процессъ, между тѣмъ какъ сокращеніе артерій есть активный процессъ ⁵⁾. Сильный пульсъ есть признакъ достаточно дѣйствующей жизненной силы ⁶⁾. Когда Рпеума дѣйствуетъ правильно, въ союзѣ съ теплотой и влажностью, оно причиняетъ здоровье, ибо тогда оно одушевляетъ и питаетъ живую матерію, способствуя ея сохраненію. Въ противномъ случаѣ, т. е. если оно дѣйствуетъ неправильно и притомъ въ связи съ теплотою и сухостью, оно вызываетъ острыя болѣзни; въ соединеніи съ холодомъ и влажностью—болѣзни слизи, наконецъ въ соединеніи съ холодомъ и сухостью—болѣзни желчи, а именно меланхолю, при ожесточеніи своемъ ведущую къ смерти, т. е. къ состоянію, въ которомъ все становится сухимъ и холоднымъ (внезапная смерть есть слѣдствіе бездѣйствія или покоя Рпеума) ⁷⁾. Кромѣ того въ лихорадочныхъ болѣзняхъ пневматики принимаютъ еще порчу соковъ или „гниеніе“ ⁸⁾. Итакъ основное положеніе *пневматизма* заключается въ измѣненіи или извращеніи регулирующей жизненной силы или Рпеума, каковое извращеніе и производитъ болѣзни и въ этомъ заключается главное отличіе пневматиковъ отъ Гипократа, считавшаго это жизненное начало неспособнымъ къ измѣненіямъ (Bouchut).

Въ *Сборникъ* Гипократа, какъ мы видѣли, есть только одно сочиненіе: *De ventis*, появившее туда уже гораздо позднѣе и рассматривающее воздухъ какъ причину всѣхъ болѣзней.

Согласно съ мнѣніемъ Аристотеля о существованіи матеріи и фор-

¹⁾ Тамъ же, с. 138, 139.

²⁾ Galenus, De facult. natur., l. II, Sp. Sprengel, II, 98.

³⁾ Galenus, De elementis, l. I, c. 6.

⁴⁾ Galenus, De sectis ad eos, qui introducendos, c. 9.

⁵⁾ При этомъ происходитъ притяженіе Рпеума, подобно сжиманію грудной кѣтки передъ вдыханіемъ и расширенію ея передъ выдыханіемъ. Galenus, De usu puls. Sp. Sprengel, II, 95.

⁶⁾ Galenus, De differ. puls. l. III, Sprengel, II, 97.

⁷⁾ Galenus, De elementis, l. I, Sp. Sprengel, II, 94.

⁸⁾ Galenus, De differ. febr. l. I, Sp. Sprengel, Тамъ же.

мы въ отдѣльныхъ индивидахъ, Атеней считаетъ мѣсячныя крови началомъ, доставляющимъ матеріаль, а сѣмя—форму дающимъ началомъ при образованіи и развитіи зародыша, а такъ какъ женщины не имѣютъ сѣмени, то яичники, которые онъ называетъ „женскими яичками,“ по его мнѣнію, также излишни, какъ и мужскія грудныя желѣзы, и существуютъ только для симметріи, въ опроверженіе каковой теоріи Галенъ справедливо приводитъ частое сходство зародыша съ матерью ¹⁾.

Повидимому Атеней задавался также вопросами общественнаго здоровья, такъ какъ приводитъ способы фильтраціи питьевой воды и замѣтки о положеніи жилищъ по отношенію къ ихъ вліянію на здоровье и болѣзнь ²⁾.

Самъ Атеней мало способствовалъ распространенію своего ученія, чему причиной были въ особенности бесплодныя діалектическія тонкости его ученія о пульсѣ, въ которомъ немаловажную роль играетъ у него испареніе Рнеума изъ сердца и артерій. Въ противорѣчіе съ своей же пневматической системой онъ впалъ уже принятіемъ въ нее элементарныхъ качествъ, а также болѣзнетворныхъ причинъ въ смыслѣ Гипократа. Наконецъ въ практикѣ самъ Атеней и его послѣдователи часто слѣдовали эмпирическимъ и методическимъ началамъ ³⁾.

Изъ учениковъ его лишь немногіе остались ему вѣрны, какъ напр.

Theodorus, извѣстный изобрѣтеніемъ средства противъ лишаевъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ пневматическая школа, основанная на плохоопредѣленномъ и малопонятномъ гипотетическомъ началѣ (Рнеума), при самомъ своемъ рожденіи осуждена была на скорую гибель, о чемъ въ сущности стѣбитъ пожалѣть, такъ какъ испорченный воздухъ, поступающій въ тѣло черезъ дыханіе и пищу, содержитъ (какъ показали новѣйшія изслѣдователи Pasteur'a и другихъ) матеріальные зародыши большей части болѣзней. Итакъ система эта въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ

¹⁾ Galen. De Semine, l. II, c. 1. Cp. Hecker, I, 452.

²⁾ Oribas. Collect. l. V, c. 5, l. IX, c. 5, 12. Sprengel, II, 98. Здѣсь же находятся вѣрныя замѣчанія о развитіи и ослабленіи Potentiae generandi. Oribas. l. III, c. 62 (ed. Daremberg).

³⁾ Cael. Aurel., Acut. l. II, c. 1, p. 74.—Наевер (I, 336) по этому поводу прибавляетъ, что вслѣдствіе этихъ уступокъ методикамъ послѣдніе должны были считать его „своимъ“ (ex nostris), причѣмъ онъ ссылается на Cael. Aug. Acut. l. I, c. 10,—повидимому ошибка, ибо выраженіе „ex nostris“ встрѣчаемъ только въ Acut. l. II, c. 10, p. 96, гдѣ однако объ Атеней вовсе не идетъ рѣчи, примѣняется же оно Аврелианомъ не къ Атеней, а къ Magnus'у, Агатину и Архигену.

⁴⁾ Diogenes Laërtius, l. II, s. 104; Plinius, l. XX, c. 9.

должна была погибнуть вмѣстѣ со смертью ея основателя, вслѣдъ за которой уже одинъ изъ учениковъ его положилъ основаніе новой, смѣшанной изъ разнородныхъ элементовъ, системѣ, къ которой примкнули всѣ послѣдователи пневматической школы. Это такъ называемая

Эклектическая школа.

Основателемъ ея былъ ученикъ Атеней,

Agathinus изъ Спарты (81 или 90 по Р. Х.). Къ этой школѣ примкнули почти всѣ послѣдователи пневматизма и многіе изъ ея представителей, какъ практики и въ особенности какъ хирурги, принадлежать къ знаменитѣйшимъ врачамъ древности, а одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Галена самый крупный представитель ея, именно Аретей, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ писателемъ пневматической школы (Bouchut).

Эклектизмъ въ философіи (отъ ἐκλέγω, выбираю, ἐκλεκτικοί, выбирающие) ведетъ начало отъ александрійской школы, въ первомъ вѣкѣ христіанской эры. Основателемъ ея считается Потамонъ, жившій въ царствованіи Августа и Тиверія ¹⁾. Въ древней же медицинѣ эклектизмъ игралъ весьма видную роль.

„Медицинскій эклектизмъ, говоритъ Бушю, ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія и имѣетъ мало общаго съ философскимъ эклектизмомъ. Это не ученіе, а опытъ каждаго врача въ отдѣльности, возводимый имъ въ правило своего метода, или вѣрнѣе, это индивидуализмъ или индивидуальная мысль, которая сама себя провозглашаетъ судьей всѣхъ другихъ методовъ, такъ что первый встрѣчный считаетъ себя вправѣ судить талантъ и геній, ибо нѣтъ врача, который не былъ бы вправѣ обсуждать различныя медицинскіе методы, чтобы создать для себя такой, который пришелся бы по мѣркѣ его уму и образованію“ ²⁾.

Начало медицинскому эклектизму, въ смыслѣ особенной школы, положилъ, какъ сказано, Агагинъ, сдѣлавшій попытку соединить въ одно цѣлое взгляды своего учителя съ воззрѣніями методиковъ и прежнихъ эмпириковъ, откуда вполнѣдствіи и возникли *э к л е к т и к и* (Episyntheticі или Нектисі Галена) ³⁾. Подъ знамя этого эклектизма или синкретизма становились независимые умы, которые не могли мириться съ господствующимъ ученіемъ и которые созидали себѣ свои собственные взгляды, выбирая изъ медицинскихъ системъ все, что имъ казалось истиной. Это по большей части—скептики господствующей идеи, отказывающіеся видѣть истину въ ней одной, ибо для нихъ она вездѣ и нигдѣ, въ какой бы то

¹⁾ Daniel Leclerc, Histoire de la médecine, II, p. 203

²⁾ Bouchut. Histoire de la médecine, Paris, 1873, II, p. 576. ³⁾ Galenus, Definit. m. d., l. XIV, p. 235 (Т. II). Ср. Hecker, I, 453 и Leclerc, l. c.

ни было отдѣльной системѣ. Подобный эклектизмъ является обыкновенно въ моменты раздора сектъ, какъ убѣжище для независимыхъ умовъ. Это своего рода протестантизмъ и въ данномъ случаѣ въ Римѣ это былъ протестъ противъ первыхъ догматиковъ, методистовъ и эмпириковъ. На этомъ основаніи Bouchut, кромѣ Агатины, и Цельза считаетъ однимъ изъ первѣйшихъ представителей древняго эклектизма ¹⁾.

Что касается Агатины, то объ немъ извѣстно лишь то, что онъ ученіе о пульсѣ обработалъ на пневматическихъ началахъ, причемъ принималъ, что полный пульсъ (расширеніе сосуда) есть слѣдствіе большаго количества входящаго Рнеума, сокращеніе же сосуда, по его мнѣнію, нами не ощущается ²⁾. Въ *общей терапіи* онъ ратовалъ противъ тогдашняго злоупотребленія теплыми ваннами и высказывался въ пользу холодныхъ, по его мнѣнію, болѣе пригодныхъ для здоровья ³⁾. Кромѣ того онъ оставилъ сочиненія о *Helleborus* ⁴⁾ и *Hemitritaeus* ⁵⁾.

Изъ учениковъ его извѣстны:

Herodotus, жившій въ Римѣ около 100 по Р. Х. и цитируемый Галеномъ какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей пневматизма ⁶⁾; онъ оставилъ отрывокъ, не лишенный значенія для исторіи острыхъ сыпей (кори, скарлатины, петехій) ⁷⁾. Нескер полагаетъ даже, что описанная имъ заразительная „чумообразная“ сыпь (λοϊμωδής) была не что иное какъ оспа, въ пользу чего, по его мнѣнію, говоритъ появленіе ея на всемъ тѣлѣ сначала въ видѣ плотныхъ узловъ какъ бы отъ укушенія клоповъ (μώλωπες ἐμφερεῖς τοῖς ἀπὸ κωνόπων δήγμασιν), въ неблагопріятныхъ случаяхъ превращавшихся потомъ въ язвы (намекъ на пустулы), причемъ болѣе крупная сыпь на лицѣ сопровождалась чувствомъ жжения и протекала хуже, особенно при быстромъ исчезновеніи, нежели мелкая, которая только причиняла зудъ и стояла дольше ⁸⁾.

Немало Геродотъ обогатилъ также общую терапію и діететику.

¹⁾ Bouchut, l. c. II, 579.

²⁾ Galenus, De different. puls. l. II, c. 6 и Sprengel, II, 99.

³⁾ „Qui autem hunc brevem vitae cursum sani cupiunt transigere, frigida [aqua] lavari saepe debent. Vix enim verbis exsequi possum, quantum utilitatis ex frigida lavatione percipiatur.“ Oribasii collect. l. X, c. 7.

⁴⁾ Cael. Aurel. *Acut.*, l. III, c. 16, p. 233.

⁵⁾ Galenus, Comment III in Epid. I, Text. 6.

⁶⁾ Galenus, De simpl. med. facultat., l. I, c. 19.

⁷⁾ Aëtius, Tetrabil. II, serm. 1, c. 129, col. 234, 235.

⁸⁾ Ср. Нескер, I, 462

Такъ онъ совѣтывалъ гимнастическія упражненія, особенно ѣзду въ экипажѣ и верхомъ, даже въ острыхъ болѣзняхъ ¹⁾, ванны изъ масла ²⁾, горячаго песку у подагриковъ, удушливыхъ и водяночныхъ ³⁾, купанья морскія и минеральныя ⁴⁾. Далѣе онъ былъ большой любитель кровососныхъ банокъ и потогоннаго метода, который по его мнѣнію укрѣпляетъ Ренша и очищаетъ его отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей ⁵⁾. Въ одномъ случаѣ задушенія отъ накопленія слизи онъ раскрылъ ротъ посредствомъ клина и вынулъ слизь пальцемъ ⁶⁾. Точно также онъ, подобно Гипократу, установилъ показанія для времени употребленія пищи и кровопусканія въ острыхъ болѣзняхъ ⁷⁾, для примѣненія продолжительныхъ ваннъ (отъ 12—15 часовъ) въ перемежающейся лихорадкѣ, для употребленія холодныхъ напитковъ и охлажденія кожи въ острыхъ болѣзняхъ, для примѣненія вина въ различные возрасты и у сумасшедшихъ ⁸⁾, кромѣ того онъ писалъ еще о глистныхъ симптомахъ въ злокачественныхъ болѣзняхъ ⁹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ ученикамъ Агатина, необходимо отмѣтить одну изъ немаловажныхъ заслугъ древней эклектической школы, заключающуюся въ томъ, что ею были вновь выдвинуты и подвинуты впередъ двѣ науки, которыя у методиковъ и энциклопедистовъ по видимому пришли въ совершенный упадокъ, а именно: анатомія и хирургія.

а) Анатомія.

Новымъ объектомъ для вскрытій служили обезьяны ¹⁰⁾. Изъ эклектиковъ, занимавшихся анатоміей, самымъ знаменитымъ былъ

Rufus изъ **Ephesus** (97 по Р. Х.), жившій въ Римѣ во времена Траяна. Онъ оставилъ „*Перечень названій частей тѣла*“ для начинающихъ, а также сочиненія о болѣзняхъ почекъ и мочевого пузыря и весьма важное сочиненіе о пульсѣ—главный источникъ нашихъ свѣдѣній объ ученіи о пульсѣ древнихъ, почти цѣликомъ опирающійся на ученія Герофила и Эразистрата, почему нѣкоторыми, какъ напр. Haeser'омъ, считается не принадлежащимъ ему ¹¹⁾, наконецъ сочиненіе о подагрѣ, существовавшее сначала только въ варварскомъ латинскомъ переводѣ.

¹⁾ Oribas. Collect. l. VI, c. 25.

²⁾ Тамъ же, l. X, c. 37.

³⁾ Тамъ же, c. 8.

⁴⁾ Тамъ же, c. 39 и c. 5.

⁵⁾ Тамъ же, c. 40.

⁶⁾ Тамъ же, l. VIII, c. 7.

⁷⁾ Тамъ же, l. VII, c. 8.

⁸⁾ Sp. Bouchut, l. c., I, 160.

⁹⁾ Aëtius, Tetrab. III, serm. 1, c. 39.

¹⁰⁾ Rufus Ephesus, De appellat. part. corpor. hum. ed. Clinch, Lond. 1726, l. I, 33.

¹¹⁾ Sp. Haeser, I, 337.

Представляемъ здѣсь подробный списокъ этихъ сочиненій:

Περὶ ὀνομασίας τῶν τοῦ ἀνθρώπου μορίων. De appellationibus partium corporis humani, въ 4 книгахъ, изъ коихъ 1 и 4 оригинальны, а 2 и 3 представляютъ извлечение.

Περὶ τῶν ἐν νεφροῖς καὶ χύσται παθῶν. De genum vesicaeque morbis (неполно).

Περὶ τῶν φαρμάκων καθαρτικῶν. De medicamentis purgantibus.

Издавiя: греческое—Goury, Paris, 1554, латинское—въ Med. art. principes Stephani's'a, 1567, греческо-латинское: Clinch, London. 1726. Кромѣ того послѣднее сочиненiе Kühn издалъ подъ названiемъ: Rurhi Ephesii De medicamentis purgantibus fragmentum. Lips. 1831.

Σύνοψις περὶ σφυγμῶν. Обзоръ ученiя о пульсѣ, по мнѣнiю Haeser'a, вѣроятно сочиненiе не Rufus'a, а методика, жившаго до Галена. Вмѣстѣ съ послѣдними двумя на греч. изд. De Matthaei. Mosquae. 1806. Франц. переводъ—Dagemberg: Traité sur l' pouls, attribué à Rufus d'Ephèse. Paris, 1846.

Περὶ ποδάγρας. De podagra. Сначала существовало только латинское изданiе, на греческомъ впервые издано Литтре въ Revue de la philologie, I, 229.

Полное изданiе: Dagemberg et Ruelle, Oeuvres de Rufus d'Ephèse, Paris, 1879.

Кромѣ того Галенъ приводитъ еще 8 гекзаметровъ περὶ ληθάνου и поэму περὶ βροτανῶν, также въ гексаметрахъ, въ 4 книгахъ (Galenus, Compos. med. sec. loc., I, I, c. 1), куда относятся вѣроятно и тѣ 200 стиховъ Rufus'a о дѣйстви 13 различныхъ растений, которые сохранились въ Anonymi carmen de herbis ¹⁾.

Въ анатомiи Rufus первый открылъ перекрестъ зрительныхъ нервовъ ²⁾ и чечевичную сумку (ὀμλὴν φακοειδῆς) ³⁾, принималъ происхожденiе нервовъ отъ мозга и не только раздѣлялъ ихъ въ физиологическомъ отношенiи на двигательные и чувствительные, но приписывалъ имъ также всѣ отправленiя тѣла (πᾶσα σώματος πράξις) ⁴⁾, впрочемъ и онъ не совсѣмъ строго отличалъ ихъ отъ мускуловъ и сухожилий, такъ Cremaster, подобно Цельзу, онъ также называетъ νεῦρα ⁵⁾.

Сердце, по мнѣнiю Rufus'a, есть мѣстопребыванiе жизни и животной теплоты, лѣвый его желудочекъ не такъ помѣстителенъ и не такъ тонокъ, какъ правый. Оно содѣйствуетъ образованiю пульса, приводимаго R. также въ связь съ Pneuma ⁶⁾. Печень не слѣдуетъ изучать на жертвенныхъ животныхъ ⁷⁾; селезенка составляетъ бесполезный органъ ⁸⁾.

¹⁾ Ср. Morwitz, II, 31, Haeser, I, 337 и Choulant, Bücherkunde, 90—92.

²⁾ Rufus, l. c. p. 54

³⁾ Тамъ же, p. 37.

⁴⁾ Тамъ же, p. 36.

⁵⁾ Тамъ же, p. 41.

⁶⁾ Тамъ же, pp. 37 и 64.

⁷⁾ Тамъ же, p. 39.

⁸⁾ Тамъ же, p. 59.

Что касается половых органовъ, то онъ повидимому изслѣдовалъ ихъ только на животныхъ, такъ какъ говоритъ о *Cotyledones* матки, найденныхъ имъ при вскрытіи овцы ¹⁾. Изъ сѣменныхъ желѣзъ отдѣляется только сѣмени подобная жидкость, изъ сопровождаемаго же кровеносными сосудами сѣменнаго канатика—настоящее сѣмя ²⁾.

Rufus повидимому былъ также психіатромъ (онъ написалъ не дошедшее до насъ сочиненіе о меланхоліи). Такъ больнаго, увѣреннаго въ томъ, что у него нѣтъ головы, онъ убѣдилъ въ существованіи послѣдней, надѣвъ на него свинцовую шапку ³⁾. Интересно, что Rufus въ одной статьѣ объ *Apostemata* (какъ и нынѣ многіе, напр. *Nothnagel*, *Rossvach* и др.), считаетъ лихорадочное состояніе великой цѣлительной силой, которую даже желательно вызвать искусственно, причемъ присовокупляетъ, что нѣкоторые народы въ Африкѣ и по ихъ слѣдамъ *Euenor* употребляли съ этой цѣлью козліную мочу ⁴⁾.

Въ области фармакологіи онъ также изобрѣлъ сложный составъ *Niera* ⁵⁾, расширилъ употребленіе рвотныхъ, первый рекомендовалъ *Anagallis* противъ водобоязни ⁶⁾ и по современному обычаю, какъ сказано, написалъ въ гекзаметрахъ поэму о дѣйстви нѣкоторыхъ растеній.

Въ сочиненіи „*O пульсъ*“ рѣчь идетъ сначала о положеніи сердца и его движеніи, затѣмъ о различныхъ видоизмѣненіяхъ пульса, а именно: а) По возрастамъ: у новорожденныхъ, подобно стихотворной стопѣ, сложеной изъ двухъ короткихъ слоговъ, пульсъ состоитъ изъ короткой систолы и короткой діастолы; у болѣе старшихъ дѣтей онъ похожъ на *trochaeus*; у взрослыхъ, у коихъ онъ имѣетъ одинаково длинныя систолу и діастолу—на *spondaeus*; наконецъ у стариковъ систола вдвое длиннѣе діастолы. б) По болѣзнямъ: въ лихорадѣ сначала пульсъ малъ и сжатъ (*ὀποδεδυμῶς*), въ періодѣ возрастанія получаетъ перевѣсъ діастола, въ асме систола и діастола одинаково сильны, въ періодѣ ослабленія преобладаетъ діастола, при *Phrenitis* пульсъ малъ и силенъ наподобіе натянутой струны лука и представляетъ подъ пальцемъ весьма небольшую поверхность; при *летаргіи*—объемистѣе и пустъ; при *Morbus cardiacus*—хотя меньше, чѣмъ при *Phrenitis*, но сильнѣе и мускулистѣе (*μυοδέστερος*), причемъ уда-

¹⁾ Тамъ же, р. 40.

²⁾ Тамъ же, р. 63.

³⁾ *Renzi*, *Collectio salernitana*, II, 125. Ср. *Haeser*, I, 338.

⁴⁾ Тамъ же и *Oribasius*, l. IV, с. 85 (ed. *L'aremberg*).

⁵⁾ *Oribas.*, *Synopsis* l. III, р. 121. Ср. *Sprengel*, II, 65.

⁶⁾ Тамъ же и *Aëtius*, *Tetrab.* I, *serm.* 3, с. 119; II, в. 2, с. 24.

ряетъ въ палець то здѣсь, то тамъ, смотря потому прекращаетъ или продолжаетъ свое движеніе Pneuma.—Виды пульса происходятъ отъ частоты (частый, рѣдкій), отъ скорости движенія (короткій, celer и длинный), отъ силы или слабости его, отъ качества артерій (твердый, мягкій), далѣе онъ различаетъ дикротическій (ἑρκαδίζων), неудобосчитаемый (formicans, μωρηκίζων, у умирающихъ), неощутимый или червеобразный (vermicularis, σκοληκίζων), мышехвостный (myurus, μουροίζων), прерывистый (intercisis, παρεμπίπτων) ¹⁾.

Изъ другихъ анатомовъ этого времени извѣстны:

Marinus (около 100 по Р. Х.), котораго Галенъ называетъ „возстановителемъ анатоміи“ ²⁾. Онъ посвятилъ всю свою жизнь какъ послѣдней, такъ и „теоріи отравленій тѣла“. Многочисленные его сочиненія объ анатоміи (до 20) погибли ³⁾, но изъ Галена знаемъ, что онъ лучше другихъ анатомовъ древности обработалъ ученіе о мышцахъ ⁴⁾, принималъ семь мозговыхъ нервовъ, изъ коихъ открылъ небный (тогда четвертая пара), а слуховой и личный разсматривалъ какъ одинъ подъ названіемъ пятой пары; также открылъ голосовые нервы (подъ названіемъ шестой пары) ⁵⁾ и изслѣдовалъ железы, въ особенности кишечныя ⁶⁾. Главное сочиненіе Галена по анатоміи, περὶ ἀνατομικῶν ἐνχειρήσεων, заимствовано большею частью изъ подобнаго же сочиненія Marins'a ⁷⁾.

Къ анатомамъ этого же времени относятся ученикъ послѣдняго, эмпирикъ Quintus, а также Numesianos изъ Коринѳа, Lukos изъ Македоніи и Martialis ⁸⁾.

b) Хирургія.

Особенной славой въ этой, какъ и въ другихъ областяхъ медицины пользовался ученикъ Агатина,

Archigenes изъ Апамен (100 по Р. Х.), жившій въ Римѣ въ царствованіе Траяна, гдѣ онъ былъ до того извѣстенъ, что объ немъ часто упоминаетъ въ своихъ сатирахъ Ювеналь и Галенъ написалъ не дошед-

¹⁾ Cp. Traité sur le pouls de Rufus d'Ephèse, ed. Daremberg, Paris, 1846 и Haeser l. c.

²⁾ Galen. Comment. II in De natura hominis, Text 6.

³⁾ Sprengel, II, 66; Galen. De libris propriis, c. 3.

⁴⁾ Galen. De musculor. dissect., Prooemium.

⁵⁾ Galen. De nervorum dissectione, c. 5; De usu partium, l. XVI. Cp. Sprengel, II, 66 и Hecker, I, 437.

⁶⁾ Galen. De semine, l. II, c. 6.

⁷⁾ Galen. De libr. propr. c. 3. ⁸⁾ Тамъ же, c. 1, 2. Cp. выше стр. 147 и 165.

шій до насъ комментарий къ его сочиненію о пульсѣ ¹⁾, а Александръ изъ Траллеса (въ VI в. по Р. Х.) называетъ его δ $\theta\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\epsilon\iota\kappa\epsilon\rho$ $\tau\iota\varsigma$ $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ ²⁾. Онъ умеръ въ 117 г. по Р. Х., 63 лѣтъ отъ роду.

Галенъ приводитъ сочиненія Архигена о лихорадкѣ, о бользняхъ отдѣльныхъ органовъ (*De locis affectis*), о периодахъ бользней, о лекарствахъ, о *Castoreum* и *Helleborus*, наконецъ 11 книгъ однихъ *Писемъ* ³⁾. Klose ⁴⁾ однако на основаніи сохранившихся у Аэція отрывковъ доказалъ, что Архигенъ многое списывалъ у Аретея (?).

Въ *хирургіи* онъ описалъ поврежденія головы, приче́мъ спячку считалъ признакомъ экстравазата ⁵⁾, и установилъ *правила для ампутаціи*.

Показаніями служили гангрена, разъядающія или раковыя язвы, тяжкія раны съ размозженіемъ разорванныхъ частей, безъ надежды на достаточное ихъ питаніе; при этомъ самое важное правило—руководствоваться силами больного. Самая операція производилась имъ такъ: послѣ предварительнаго бытованія вышележащихъ частей (употреблялъ ли онъ пелоть, изъ его неяснаго описанія не видно), кожа натягивалась вверхъ и на мѣстѣ, назначенномъ для разрѣза, укрѣплялась узкимъ бинтомъ, на границѣ коего и велся разрѣзъ, вѣроятно круглый, разомъ черезъ всѣ мягкія части, безъ оставленія мышечныхъ лоскутовъ, затѣмъ, послѣ соскабливанія надкостной плевы, перепиливалась кость и перевязывались изолированные большіе сосуды, а кровотеченіе изъ маленькихъ сосудовъ останавливалось стягивающими и раскаленнымъ желѣзомъ. Наконецъ повязка мѣнялась черезъ 3 дня ⁶⁾.

Далѣе онъ часто примѣнялъ прижигающія средства, въ особенности при *Ischias* ⁷⁾.

Его страсть къ раздѣленіямъ лучше всего явствуетъ изъ дѣленія пульса и боли.

Онъ различалъ восемь родовъ ($\delta\iota\eta\chi\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$) пульса, смотря по величинѣ, силѣ, скорости, частотѣ, полнотѣ, порядку, одинаковости и ритму, каждую же изъ этихъ рубрикъ онъ дѣлилъ на 3 рода, сильный, слабый и средний между ними. Между прочимъ онъ различаетъ длинный, широкій и высокій, полный, легко сдавливаемый и взволнованный (какой бываетъ послѣ обѣда), а также „муравьиный“, маленький и частый, которые считалъ опаснымъ симптомомъ. Твердый пульсъ свойственъ всякаго рода

¹⁾ Galenus, De differ. puls., l. III, c. 1, De libr. propriis c. 5.

²⁾ Alex. Trallian. l. VII, c. 6.

³⁾ Harless, *Analecta historico-medica d. Archigene etc.* Lipsiae, 1816. Ср. Haeser, I, 339.

⁴⁾ Тамъ же, см. Janus, *Neue Folge*, I, 126.

⁵⁾ Coschi, *Graecorum chirurgic. libri* pp. 117, 118

⁶⁾ Тамъ же, 155. Ср. Hecker, I, 459, 460.

⁷⁾ Aëtius, *Tetr.* III, *Serm.* 4, c. 3. Ср. Sprengel, 108.

лихорадкѣ ¹⁾. Наконецъ онъ различаетъ 28 оттѣнковъ пульса, передать которые отказывается даже Sprengel ²⁾. Происхожденіе пульса Архигенъ, во главѣ другихъ пневматиковъ, объяснялъ тѣмъ, что при сокращеніи артерій притягиваютъ Pneuma изъ сердца, а при расширеніи пропускаятъ его впередъ ³⁾.

Боль онъ раздѣлялъ на тянущую (ἄλυσμος), жесткую (αὐστηρός), соленую (ἀλοκός), щекочущую или зудящую (γλοκός), острую или колючую (ισκνώς δξός), заставляющую изгибаться (ἀγκυλος), тупую (γλισχρός), язвенную (ἐλκώδης), неукротимую (ἀτειρής), стягивающую (στύρων), и по этимъ признакамъ хотѣлъ еще заключать о мѣстопребываніи болѣзни ⁴⁾. Далѣе боль въ нервахъ связана съ онѣмѣніемъ члена (ναρκώδης) и обусловливается прижатіемъ, скручиваніемъ, растяженіемъ или затвердѣніемъ нерва ⁵⁾,—объясненіе, какъ видно, чисто механическое. Боль въ мышцахъ захватываетъ большее пространство и не столь жестока, боль въ венахъ давящая и зависитъ повидимому отъ ихъ закупорки, боль въ артеріяхъ пульсирующая, бьющая; боль въ маткѣ—бьющая, грызущая и колючая, въ печени—тупая и рвущая, въ селезенкѣ—давящая какъ отъ тяжести, въ мочевомъ пузырьѣ—стягивающая и колючая, въ почкѣ—жесткая и колючая и т. д. ⁶⁾.

Въ ученіе о лихорадкѣ онъ ввелъ такъ называемый Erialos (ριγσπορέτος, непрерывный знобъ съ жаромъ) и полутрехдневную лихорадку, состоящую изъ послабляющей ежедневной и трехдневной ⁷⁾. Кромѣ того онъ различалъ замаскированныя лихорадки въ формѣ дизентеріи, мочеизнуренія ⁸⁾, каталепсіи, летаргіи ⁹⁾, и отдѣлялъ послѣдовательныя и симпатическія заболѣванія („тѣнь болѣзней“) отъ первичныхъ болѣзней ¹⁰⁾, для всѣхъ же принималъ три періода: 1) отъ начала до аспе, 2) аспе и 3) solutio—періодъ разрѣшенія и выздоровленія ¹¹⁾.

Въ области патологіи онъ особенно удачно описывалъ кровавый поносъ, который онъ опредѣляетъ какъ изъязвленіе пря-

¹⁾ Galenus, De different. febr. l. II, c. 9.

²⁾ Βλιτριζόμενος, σκινδαφιζόμενος, ἀποκρημνισμένος и т. д. Galenus, De differ. puls., l. III, p. 35. Ср. Sprengel, II, 102.

³⁾ Galenus, De usu puls., c. 4.

⁴⁾ Galenus, De loc. affect., l. II, c. 6. ⁵⁾ Тамъ же, с. 2. ⁶⁾ Тамъ же, с. 9.

⁷⁾ Galenus, De differ. febr. l. II, c. 6, 8.

⁸⁾ Aëtius, Tetrab. III, serm. 3, c. 3.

⁹⁾ Cael. Aurel., Acut. l. II, c. 10, p. 98. Aëtius, Tetrab. III, s. 1, c. 37, II, s. 2, c. 3.

¹⁰⁾ Тамъ же и Galenus, De locis affect. l. III, c. 1.

¹¹⁾ Galenus, De morborum tempor., c. 1.

мой кишки, а также болѣзни тонкихъ кишекъ, причѣмъ въ обоихъ случаяхъ совѣтуеть опій и вяжущія ¹⁾. Точно также онъ совершенно вѣрно описываетъ нарывы печени и ихъ исходы ²⁾, а также проказу, при которой рекомендуетъ кастрацію и мясо ехидны ³⁾. Наконецъ своими наблюдениями онъ значительно подвинулъ впередъ ученіе о маточныхъ кровотеченияхъ и язвахъ ⁴⁾.

Въ *т-раніи* онъ первый раздѣлилъ минеральныя воды, по ихъ химическому составу, на селитрянныя, сѣрныя, соленыя и содержащія квасцы и объяснялъ ихъ дѣйствіе согрѣваніемъ и изсушеніемъ ⁵⁾. При плевритѣ онъ училъ дѣлать кровопусканія на противоположной страданію сторонѣ, только никогда не до обморока ⁶⁾. Вообще же онъ поступалъ эмпирически, избѣгалъ сильно дѣйствующихъ слабительныхъ и рвотныхъ и изобрѣлъ множество сложныхъ составовъ, въ томъ числѣ также и свою „*Niera*“ противъ водянки ⁷⁾.

Къ послѣдователямъ Архигена относятся:

Heliodorus (100 по Р. Х.), жившій во времена Траяна, оставилъ отрывки объ ампутаціи безъ перевязки артеріи, о поврежденіяхъ головы, о признакахъ экстравазатовъ и воспаленія мозговыхъ оболочекъ при послѣднихъ, о трепанаціи и ея послѣдовательномъ леченіи, о костоѣдѣ и некрозѣ, объ экзостозахъ на головѣ (одержимыхъ ими онъ называетъ *δυσουγκς*) и трещинахъ черепа, которыя онъ предоставлялъ натурѣ, въ надеждѣ на ихъ сращеніе, наконецъ о выпаденіи волосъ. Костное вещество онъ считалъ нечувствительнымъ ⁸⁾.

Philippus изъ Цезареи (117 по Р. Х.) считался ревностнымъ послѣдователемъ Архигена и, по словамъ Галена, оставилъ отличныя сочиненія о чахоткѣ, о пульсѣ въ изнурительныхъ болѣзняхъ, о приготовленіи лекарственныхъ веществъ ⁹⁾ и о каталепсіи (*Catocha*) ¹⁰⁾.

¹⁾ Aëtius, Tetrab. III, serm. 1, с. 43.

²⁾ Тамъ же, Tetr. IV, serm. 1, с. 120, 134.

³⁾ Тамъ же, 122, 123 и serm. 4, с. 65.

⁴⁾ Тамъ же, с. 85.

⁵⁾ Тамъ же, Tetr. I, serm. 3, с. 167.

⁶⁾ Тамъ же, Tetr. II, serm. 4, с. 68.

⁷⁾ Ср. Sprengel, II, 106—108 и Hecker, I, 453—460.

⁸⁾ Coschi, Graecor. Chirurgic. libri p. 87, 112, 124, 156. Ср. Hecker, 460, 461.

⁹⁾ Galenus, De Caus. puls. l. IV, с. 10, De compos. medic. sec. gen. l. II, с. 5.

Хотя повидимому Филіппъ не былъ хирургомъ, но мы должны были помѣстить его въ этотъ рядъ, какъ ученика Архигена.

¹⁰⁾ Caes. August., Acut., l. II, с. 10, p. 96.

Cassius Iatrosophista (130 по Р. Х.), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эклектиковъ 2 столѣтія, оставилъ сочиненіе:

Iatrickai áporíai kai problḗmata φυσiká, *Medicinales quaestiones et naturales problemata*.

Изданія: греческія: Paris, 1541, Lugd. Batav. 1595. Греческо-латинскія: Tiguri, 1562, ed. Gessner, Lipsiae, 1653. Латинское: Paris, 1541.

Это сочиненіе составлено совершенно въ эклектическомъ духѣ, по различнымъ системамъ, въ 84 рубрикахъ. Здѣсь отчасти находятся дѣльныя замѣтки, напр. о метастатической опухоли околушной желѣзы, о симпатическомъ заболѣваніи другаго глаза, о рожѣ при ранахъ, о послѣдовательномъ припуханіи железу (напр. въ подкрыльцовой ямѣ при язвахъ на рукѣ), объ образованіи костной мозоли, о большей склонности къ заживленію неправильныхъ язвъ (въ сравненіи съ круглыми), въ коихъ близость здоровыхъ частей способствуетъ скорѣйшему образованію рубца, о *decussatio* нервовъ—отчасти же весьма забавныя, напр. относительно чиханія, которое, по Кассію, повторяется два раза одно за другимъ, потому что у человѣка двѣ ноздри! Эклектизмъ Кассія выражается тѣмъ, что онъ то является ревностнымъ пневматикомъ (такъ асфиксію онъ объясняетъ выходеніемъ Рнеума изъ артерій, двойное зрѣніе—раздвоеніемъ Рнеума, пузыри отъ ожогъ, образующихся только на живомъ, а не на трупѣ,—присутствіемъ Рнеума лишь у живыхъ, измѣненія пульса въ лихорадкѣ—разширеніемъ и большой подвижностью Рнеума въ жару, красный цвѣтъ лица во время гнѣва—волненіемъ Рнеума и т. д.), то послѣдователемъ методической школы (сонъ причиняетъ разслабленіе тканей, лихорадка излечиваетъ хроническія болѣзни путемъ метасинкрисиса, у лихорадочныхъ цвѣтъ кожи мѣняется вслѣдствіе измѣненія положенія атомовъ), то наконецъ догматикомъ (принятіемъ врожденной теплоты) ¹⁾.

Совершенно особнякомъ въ эклектической школѣ стоятъ двое, послѣ Гиппократа, величайшихъ врача древности, родственныхъ по уму, однако испытавшихъ совершенно противоположную участь, такъ какъ одинъ изъ нихъ пятнадцать столѣтій сряду оставался неизвѣстнымъ медицинскому міру, между тѣмъ какъ другой почти столько же вѣковъ царилъ въ немъ деспотически. Эти врачи были: Аретей и Галенъ.

¹⁾ Ср. Sprengel, I, 116 и слѣд.

АРТЕЙ

Aretaeus изъ Каппадокіи жилъ въ концѣ I и въ началѣ II вѣка по Р. Х., во времена Архигена и во всякомъ случаѣ послѣ царствованія Домиціана и Нерона, такъ какъ говоритъ объ архіатрахъ, какъ государственныхъ врачахъ ¹⁾ и приводитъ формулы лекарственныхъ смѣсей Андромаха ²⁾. Но положительныхъ и точныхъ свѣдѣній о вѣкѣ, въ которомъ онъ жилъ, не имѣется, ибо, кромѣ Гиппократы, ни онъ окомъ либо изъ древнихъ авторовъ, ни послѣдніе объ немъ, за нѣкоторыми исключеніями, не упоминаютъ. Одно только извѣстно съ достовѣрностью, а именно, что онъ жилъ въ Италіи, такъ какъ упоминаетъ о фалернскихъ и другихъ итальянскихъ винахъ ³⁾.

Въ древности Артей былъ почти неизвѣстенъ, даже Галенъ о немъ не упоминаетъ и только у Dioscorida, Палла Эгнискаго и Аэціа находимъ указанія на него. Поэтому Sprengel, Hecker, Kühn и Locher считаютъ его современникомъ Dioscorida (50 до Р. Х.), Lesclerc—Плинія, Foësius же переноситъ его задолго до имперіи, Petit—въ послѣ-галеновскій періодъ ⁴⁾, наконецъ Эрмеринсъ и за нимъ Dagensberg—въ послѣдніе годы Rufus'a и Сорана ⁵⁾. Своею славою онъ обязанъ ученымъ 16 столѣтія, которые впервые вытщались его изъ пыли библіотекъ, а именно, падуанскій врачъ, нѣкто Iulius Grassus, нашелъ какъ то случайно въ одной библіотекѣ греческую рукопись, угадалъ ея важное значеніе и перевелъ на латинскій языкъ въ 1552 г. Означенная рукопись оказалась сочиненіемъ Артея, въ 2 частяхъ:

1. περί αιτιῶν καὶ σημείων ὀξέων καὶ χρόνιων—De causis et signis acutorum et diuturnorum morborum.

2. περί θεραπείας ὀξέων καὶ χρόνιων παθῶν—De curatione acutorum et diuturnorum morborum.

Изданія: первое латинское—переводъ упомянутого Grassus'a, Venet., 1552; Paris, 1554. Первое греческое: ed. Gouryl, Paris, 1554. Съ тѣхъ поръ изданія умножились какъ на греческомъ и латинскомъ, такъ и на другихъ языкахъ. Изъ нихъ лучшія: Греческо-латинскія: Wiggan, Олон. 1723, съ превосходнымъ переводомъ. ВоерHAVE, Lugd. Batav. 1731; 1735 (текстъ Gouryl'a, переводъ Grassus'a). Кѹhn, Lips. 1828 и Ermerins, Traject. ad Rhenum, 1847.

Переводы—англійскіе: Moffat, Lond. 1785; Reynolds (одна Патологія), Lond. 1837; Adams (съ греческимъ текстомъ), Lond. 1856.

Нѣмецкіе: Dewez, Win, 1790 и 1803; Mann, Halle, 1858.

Французскій: Renaud, Paris, 1834.

Итальянскій: Puccinotti, Firenze, 1838.

Комментаріи: Petit, In tres priores Aretaei Cappadocis libros commentarii, Lond. 1726.

Suringar, Dissertatio de Aretaeo, diagnostico summo, Lugd. Batav. 1837.

Locher, Aretaeus von Cappadocien, Zürich, 1847.

Klose, въ „Janus," Neue Folge I, 105. II, 234.

Кромѣ упомянутыхъ выше Артей написалъ еще λόγοι ἀμφὶ πυρετῶν—о лихорадкѣ, χειρουργίαι—хирургія, περί φιλανθρῶν—о профилактикѣ и сочиненія о лекарственныхъ веществахъ, но ни одно изъ нихъ до насъ не дошло ⁶⁾.

¹⁾ Aretaeus, De curatione acut. morborum, l. II, c. 5.

²⁾ Тамъ же, De curat. diuturnorum morbor. l. I, c. 4.

³⁾ Ср. Sprengel II, 110 и Aretaeus, De cur. acut. l. II, c. 3. Ср. еще Kühn, De dubia Aretaei aetate, 1779. ⁴⁾ Ср. Locher, Aretaeus, Zürich 1847, pp. 16—22.

⁵⁾ Dagensberg, Hist. des sciences médic. I, 259.

⁶⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 84—87. Haeser, I, 242.

Какъ высоко Аретей держалъ знамя медицины, видно уже изъ его взгляда на званіе врача:

„Если врачъ не можетъ помочь, то онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, скорбѣть вмѣстѣ съ [неизлечимымъ] больнымъ, и въ этомъ большое несчастіе врача (ἡ δὲ ἐστὶ τοῦ ἰητροῦ μεγάλη συμφορὴ)“¹⁾.

О жизни Аретей, какъ сказано, ничего неизвѣстно. По общему образованію, нравственному достоинству, простотѣ выраженій, любви къ искусству, уваженію къ добру и красотѣ, въ особенности же по самостоятельнымъ наблюденіямъ и дышущимъ правдой изображеніямъ болѣзней и даже по избранному имъ іоническому діалекту Аретей, изъ всѣхъ врачей древности, болѣе всего приближается къ своему недосыгаемому идеалу, Гипократу, послѣ котораго составляетъ, рядомъ съ Галеномъ, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій въ исторіи медицины.

Въ особенности его описанія болѣзней представляютъ образецъ вѣрно снятыхъ съ природы и классическихъ картинъ. Иногда впрочемъ простая рѣчь становится у него изысканной, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, благодаря успѣхамъ науки и усовершенствованнымъ взглядамъ и способамъ наблюденія, онъ иногда оставляетъ за собой и Гипократа. Вотъ одно изъ такихъ описаній:

„Головъ спилый, шея вѣжная, склоненная на бокъ, пальцы тонкіе, сочлененія же утолщены. Повидному остались только однѣ кости, мясо исчезло и ногти на пальцахъ загнуты,—ибо мясо, въ такомъ изобиліи замѣчающееся на пальцахъ, служитъ опорой для ногтей. Носъ заостренъ, скулы выдаются, щеки впалы, красныя, глаза ушли глубоко въ свои впадины и блестятъ, отъ грудныхъ желѣзъ не осталось и слѣда, а видны только одни соски, ребра такъ явственны, что ихъ не только можно сосчитать, но видны и ихъ сочлененія какъ съ позвоночнымъ столбомъ, такъ и съ грудиной, межреберныя пространства запалы и представляютъ длинныя четырехугольнички. Расположеніе же къ этой болѣзни имѣютъ тѣ, которые отличаются нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, грудью, сложенной какъ бы изъ двухъ досокъ, лопатками, выступающими подобно крыльямъ, и выдающейся гортанью“²⁾.

Описанія другихъ болѣзней отличаются такою же пластичностью, такъ что и нынѣ по нимъ легко поставить діагнозъ, чего у другихъ древнихъ врачей не встрѣчаемъ.

Уваженіе къ *анатоміи* составляетъ одно изъ главныхъ его достоинствъ, въ отличіе отъ методиковъ (изъ ученія коихъ у него есть слабыя слѣды только въ терапіи), а также отъ эмпириковъ и пневматиковъ. Въ своей анатоміи, правда, онъ мало отличается отъ своихъ современниковъ, но у него уже есть намеки на Беллиніевы трубочки (*κοιλιαὶ σπυραὶ σφιδεῖες*)³⁾ и совершенно ясныя указанія на отпадающую оболочку

¹⁾ Aretaeus, De causis et signis acutorum morborum, l. I, c. 6 въ концѣ.

²⁾ Aretaeus, De causis et signis diuturnorum morborum, l. I. c. 8.

³⁾ Aretaeus, De causis diuturn., l. II, c. 3.

Hunter'a ¹⁾ и на перекрестъ (χιασμός) нервовъ въ мозгу ²⁾; впрочемъ и онъ еще смѣшиваетъ нервы съ сухожильными апоневрозами (такъ, мочевому пузырю и маточнымъ связкамъ онъ приписываетъ нервное свойство) ³⁾. Легкія, сравниваемыя имъ съ губкой или „шерстью“ ⁴⁾, онъ считаетъ нечувствительными, за неимѣніемъ въ нихъ нервовъ и совершеннымъ отсутствіемъ мускуловъ, чѣмъ объясняетъ усиленіе у чахоточныхъ надежды на выздоровленіе съ приближеніемъ къ смерти ⁵⁾; боль при воспаленіи грудныхъ органовъ онъ совершенно справедливо производитъ отъ чувствительности легочной плевры.

Началомъ венъ онъ по обычаю древнихъ считаетъ печень, на чаломъ артерій сердце ⁶⁾, но категорически отвергаетъ господствовавшій въ древности предразсудокъ о связи сосудовъ внутренностей съ сосудами верхнихъ конечностей ⁷⁾. Кишечный каналъ и матку онъ считаетъ анатомически сходными, такъ какъ и тотъ и другая состоятъ изъ двухъ перепончатыхъ слоевъ (оболочекъ) съ перекрещивающимися волокнами, изъ каковыхъ оболочекъ внутренняя можетъ отпадать (въ прямой кишкѣ при кровавомъ поносѣ и въ маткѣ при беременности) ⁸⁾.

Въ *физиологii* онъ ушелъ не дальше Гиппократъ, вмѣстѣ съ коимъ признаетъ φύσις, какъ совокупность жизненныхъ силъ, и врожденную теплоту, какъ ея главнаго носителя,—и Аристотеля, вмѣстѣ съ которымъ разсматриваетъ дыханіе, какъ процессъ, при которомъ Рпейша проникаетъ въ легкія, а оттуда въ сердце—мѣстопробываніе души, врожденной теплоты и жизненной силы (ζωτική δύναμις) ⁹⁾. Самое дыханіе совершается вслѣдствіе движенія грудной клѣтки и діафрагмы, сокращеніемъ и расширеніемъ легкаго, при чемъ импульсъ для дыханія сообщается сердцемъ, которое своею теплотою заставляетъ легкое втягивать наружный холодный воздухъ ¹⁰⁾. Вообще сердцу онъ приписываетъ способность притягивать къ себѣ не только полезныя, но и

¹⁾ Aretaeus, De causis diuturn, l. II, c. 11.

²⁾ Тамъ же, l. I, c. 7: „εἷς χιασμὸν σχήματος.“

³⁾ Тамъ же, l. II, c. 4 и 11.

⁴⁾ Aretaeus, De caus. diuturn., l. I, c. 10. De causis et signis acutorum, l. II, c. 1.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 2.

⁶⁾ „τῆς μὲν γὰρ φλέβος ῥίζωσις ἦπαρ, τῆς δ'ἀρτηρίας ἀρχὴ καρδίη.“ Тамъ же, l. II, c. 7.

⁷⁾ Aretaeus, De curatione acutor. l. II, c. 2.

⁸⁾ Aretaeus, De causis diuturnorum, l. II, сс. 9 и 11.

⁹⁾ Тамъ же, l. II, c. 6 и De causis acut. l. II, c 3 и с. 1: „ἀλλ' ἔνθα (ἐν τῇ καρδίῃ) ἀρχὴ ζωῆς ἦν καὶ ἰσχυρός; ἔνθα πάνθων ἡ ἀρχή; καρδίη ζωῆς καὶ ἀνκνοῆς ἀρχή.“

¹⁰⁾ Тамъ же, l. II, c. 1.

вредныя вещества, напр. ядовитыя изъ желудка ¹⁾ и пагубныя для жизни изъ легочныхъ и гортанныхъ язвъ. Кромѣ легкихъ для охлажденія тѣла служить также кожа ²⁾. Кровь, по его мнѣнію, готовится въ печени, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ мѣстопробываніемъ желаній ³⁾, желчь—въ желчномъ пузырьѣ, отсюда—желтуха при закупореніи желчныхъ протоковъ. Пищевареніе въ желудкѣ происходитъ подъ вліаніемъ желудочной теплоты, но послѣдовательное пищевареніе совершается и въ толстой кишкѣ, которая также доставляетъ млечный сокъ въ печень. Селезенка есть складочное мѣсто (*ἐκμαγείον*) для черной свернувшейся крови, которая въ ней очищается ⁴⁾ и т. д. Почка онъ считаетъ железистымъ органомъ съ маленькими каналцами (Беллиніевыми трубочками), стѣнки коихъ устроены наподобіе фильтръ, для процѣживанія мочи ⁵⁾. Интересно ученіе Аретея о тонусѣ (*τόνος*), какъ связующемъ началѣ для всего организма, служащемъ особенно для удержанія въ немъ плотныхъ частей, въ какомъ смыслѣ дѣйствуетъ также и сонъ ⁶⁾.

Патологія Аретея одинаково далека отъ односторонности гипократиковъ и методиковъ и въ ней съ особенной ясностью сказывается эклектизмъ Аретея, ибо онъ принимаетъ, что тѣло состоитъ изъ плотныхъ, жидкихъ частей и Пнеума, правильное смѣшеніе коихъ составляетъ здоровье ⁷⁾, болѣзни же происходятъ, по его мнѣнію, какъ отъ аномалій плотныхъ, такъ и жидкихъ частей и Пнеума. Послѣднее не можетъ однако служить поводомъ причислить его къ пневматикамъ, какъ это дѣлаетъ Daniel Leclerc и по его слѣдамъ Bouchut, неоднократно повторяющій, что онъ—писатель пневматической школы („Aretée est l'écrivain de la secte pneumatique“) ⁸⁾. Особенно удачно разработана Ареетемъ

Частная патологія и терапія, составляющая собственно главный предметъ сохранившагося его сочиненія. Какъ видно изъ заглавія, оно состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одна посвящена этиологіи и

¹⁾ Тамъ же, I, II, с. 3.

²⁾ Ср. Haeser, I, 343.

³⁾ Aretaeus, De caus. acut., I, II, с. 7. De curat. acut., I, II, с. 6.

⁴⁾ Aretaeus, De causis diurnorum, I, I, с. 15.

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 3.

⁶⁾ Aretaeus, De causis et signis acut., I, I, с. 6. Ср. еще Haeser, I, с.

⁷⁾ Aretaeus, De causis et signis acutorum, I, II, с. 3.

⁸⁾ Bouchut, I, с., 162.

симптоматологіи острыхъ и хроническихъ болѣзней, а вторая—ихъ терапіи.

Въ *первой части*, въ отдѣлѣ **острыхъ болѣзней**, первыхъ 4 главъ недостаетъ; слѣдующая начинается продолженіемъ описанія эпилепсіи, гдѣ самый приступъ изображенъ въ яркихъ краскахъ и гдѣ рѣчь идетъ также объ ауга, приостановленіе коей по Аретею предупреждаетъ приступъ, а также о параличѣ руки, одного изъ органовъ чувствъ, и о слабоуміи и безуміи, какъ послѣдствіяхъ этой болѣзни ¹⁾. Далѣе описываются столбнякъ (Trismus, Episthotonus, Emprosthotonus, причѣмъ какъ причины разсматриваются раненія или простуда и встрѣчается также намекъ на Meningitis cerebrospinalis) ²⁾, воспаленія зѣва ³⁾, воспаленія и удлиненія языка ⁴⁾. Превосходно описаны язвы миндалевидныхъ желѣзъ (Eschara), продолжающіяся на гортань (вѣроятно крупъ), при коихъ, по его словамъ, „нѣкоторые дѣлаютъ разсѣченіе дыхательнаго горла,“—операція, которая вслѣдствіе труднаго сращенія и нечистоты краевъ раны повидимому не пользовалась сочувствіемъ самаго Аретея. Нѣтъ сомнѣнія, что эти Eschara не что иное, какъ дифтеритъ. Аретей описываетъ ихъ, какъ болѣзнь эндемическую въ Египтѣ, причиняемую дурной пищею, водою Нила и острымъ ячменнымъ напиткомъ ⁵⁾. Далѣе слѣдуютъ описанія плеврита ⁶⁾, воспаленія легкихъ (I. II, с. 1), кровохарканія (с. 2), Syncope (с. 3), Kausus (с. 4), холеры (с. 5), Ileus (с. 6), острыхъ болѣзней печени (с. 7), полой вены (с. 8), почекъ (с. 9), мочеваго пузыря (с. 10), истерики (с. 11) и Satyriasis (с. 12).

Въ отдѣлѣ **хроническихъ болѣзней** разсматриваются: Cephalaea и мигрень (Heterokrania, въ противоположность острой Cephalalgia,—первое установленіе подобнаго различія), головокруженіе (σκότωμα), опять эпилепсія, меланхолія, манія, параличъ, Phthisis, Emphysema, легочныя нарывы, Asthma и Emphysema, хроническія болѣзни печени, селезенки, желтуха, кахексія ⁷⁾, водянка ⁸⁾, сахарное мочеизнуреніе, хроническія болѣзни почекъ, мочеваго пузыря,

¹⁾ Aretaeus, De causis et signis acut., l. I, с. 5. Первые 4 главы, судя по De curatione, трактовали о Phrenitis, летаргіи, маразмѣ и апоплексіи. ²⁾ Тамъ же, с. 6.

³⁾ Тамъ же, с. 7. ⁴⁾ Тамъ же, с. 8. ⁵⁾ Тамъ же, с. 9. ⁶⁾ Тамъ же, с. 10.

⁷⁾ Aretaeus, De causis et signis diuturnorum morbor. l. I, с. 1—16.

⁸⁾ Тамъ же, l. II, с. 1. Здѣсь встрѣчаемъ у Аретея намекъ на перкуссію: „водянка и тимпанитъ отличаются звукомъ, происходящимъ при постукиваніи живота рукою, при первомъ страданіи ощущается плескъ находящейся здѣсь воды, при послѣднемъ издается пустой звукъ: ἦν γὰρ πατάξῃς (отъ πατάσσειν—постукивать) τῇ χειρὶ, τὸ ἐπιγαστήριον δυνάει.“

Spermatorrhoea („Gonorrhoea“), болѣзни желудка и кишечнаго канала, волика и урчаніе, кровавый поносъ, Lienteria, болѣзни матки, подагра, Ischias, слоновая проказа ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ описаніяхъ, Аретей, по примѣру Гиппократа, беретъ въ соображеніе конституцію, возрастъ, полъ, времена года, положеніе мѣстности. Онъ сдѣлалъ первую попытку къ обоснованію ученія о заразныхъ веществахъ, сравнивъ заразныя болѣзни съ отравленіями ²⁾. Вѣрные снимки съ природы представляютъ его описанія плеврита ³⁾, воспаленія легкихъ ⁴⁾, кровохарканія ⁵⁾ и обморока (Syncope), по поводу котораго онъ мимоходомъ упоминаетъ и о чумныхъ бубонахъ (βουβωνες λοιμώδεις) и причиной котораго онъ считаетъ болѣзнь сердца („Morb. cardiacus древнихъ“), причемъ впервые встрѣчаемъ намекъ на *аускультацию сердца*:

„Тѣ, которые умираютъ отъ такихъ страданій, представляютъ явленія болѣзни сердца: маленькій, слабый пульсъ и шумъ сердца (πάταγον τῆς καρδίας), съ сильными пальпитациями“ ⁶⁾.

Далѣе изъ приведенныхъ выше болѣзней особенно мастерски изображены Kausus ⁷⁾, кровавый поносъ ⁸⁾, болѣзни мочеваго пузыря ⁹⁾ и Elephantiasis (ἐλέφας, Lerpa arabum) ¹⁰⁾, фантастично лишь описаніе загадочныхъ κέδματα (разширенія полой вены), отъ коихъ Аретей производитъ также кровотеченія изъ легкихъ и кишечнаго канала, между тѣмъ какъ въ оспаленіе полой вены онъ разсматриваетъ какъ видъ Kausos ¹¹⁾. Гораздо яснѣе описаніе другой болѣзни сосудовъ, воспаленія аорты (πυχέτη ἀρτηρία) ¹²⁾.

Къ *нервнымъ болѣзнямъ* Аретей относитъ Phrenitis, летаргію и апоплексію или „параличъ душевной дѣятельности, чувствительности и движенія,“ причемъ параличъ чувствитель-

¹⁾ Тамъ же, I, II, сс. 2—18.

²⁾ Aretaeus, de causis et signis acut. I, I, с. 7.

³⁾ Тамъ же, I, с. 10.

⁴⁾ Тамъ же, I, II, с. 1.

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 2.

⁶⁾ Тамъ же, I, II, с. 3.

⁷⁾ Тамъ же, I, II, с. 4.

⁸⁾ Aretaeus, De causis et signis diurnis. I, II, с. 9.

⁹⁾ Тамъ же, I, II, с. 4.

¹⁰⁾ Тамъ же, I, II, с. 13.

¹¹⁾ Aretaeus, De causis et signis acut., I, II, с. 8.

¹²⁾ Ego же, De curat. acut. I, II, с. 7.

ный Аретей обозначаетъ какъ анестезію, двигательный—какъ собственно „параличъ“, а смѣшанный называетъ „паралегіей.“ По поводу паралича Аретей подтверждаетъ намѣченный уже гиппократиками и въ послѣдствіи эмпирикомъ Кассіемъ Феликсомъ фактъ мѣстопробыванія паралича на сторонѣ, противоположной мозговому поражению, въ слѣдствіе перекреста нервныхъ волоконъ въ видѣ X ¹⁾.

Нѣкоторыя болѣзни Аретей, правда, объясняетъ съ помощью Pneuma, подѣ которыми онъ большею частью подразумѣваетъ атмосферный воздухъ. Такъ послѣ классическаго изображенія эпилептическаго приступа онъ прибавляетъ :

„Это столь долго замкнутое въ грудныхъ органахъ Pneuma потрясаетъ всю машину; въ слѣдствіе задержанія его и броженія въ груди происходитъ хрипящее при дыханіи и пѣна отдѣляется изъ носа и рта“ ²⁾.

При Pleus, по мнѣнію Аретей, больные задыхаются отъ задержаннаго и скопившагося въ кишечномъ каналѣ Pneuma ³⁾. Asthma есть слѣдствіе охлажденнаго и измѣненнаго отъ влагъ Pneuma, откуда большая частота его у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, такъ какъ первыя отъ природы рыхлы и холодны ⁴⁾. Припухлость и затвердѣніе селезенки, ведущія къ разнымъ разстройствамъ, опять таки есть дѣло Pneuma ⁵⁾. „Тусклое и сухое,“ оно производитъ ударъ ⁶⁾, влажное—брюшную водянку ⁷⁾; при головокруженіи происходитъ вращеніе Pneuma вокругъ себя, что и вызываетъ паденіе больного ⁸⁾. При воспаленіяхъ зѣва, если въ немъ незамѣтно ничего, это измѣненное Pneuma производитъ дурное вліяніе на небо, сжимая его и мѣшая прохождению жидкости (что соотвѣтствуетъ нынѣшнему понятію о спазмахъ въ горлѣ). Что касается замѣчанія Аретей о внезапной смерти отъ одного вдыханія въ подземныхъ пещерахъ (харонейской или т. н. собачьемъ гротѣ при Posilippo), то оно безъ сомнѣнія относится къ отравленію угольной кислотой ⁹⁾.

Но изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что Аретей былъ пневматикомъ, ибо его физиологическія начала и значеніе, которое онъ придаетъ φύσις, какъ совокупности органическихъ силъ, совершенно согласуются съ гиппократическими началами, оттого Sprengel и въ новѣйшее время Haeser и другіе совершенно справедливо относятъ его къ эклектической школѣ.

¹⁾ Aretaeus, De causis et signis diuturn., l. I, c. 7. ²⁾ Aretaeus, De causis et signis acut., l. I, c. 5. ³⁾ Тамъ же, l. II, c. 6. ⁴⁾ Тамъ же, De causis et signis diuturn., l. I, c. 11. ⁵⁾ Тамъ же, l. I, c. 14. ⁶⁾ Тамъ же, l. I, c. 7. ⁷⁾ Тамъ же, l. II, c. 1.

⁸⁾ Тамъ же, l. I, c. 3. ⁹⁾ Тамъ же, De causis et sign. acut., l. I, c. 7.

Терапія Аретея вполне можетъ быть названа гиппократовскою. Какое онъ придавалъ ей важное значеніе, видно уже изъ того, что онъ посвятилъ ей отдѣльное сочиненіе. Здѣсь первое мѣсто отведено діететикѣ, какъ напр. при леченіи Phrenitidis ¹⁾. Что касается лекарствъ, то, удѣляя болѣзненному состоянію всестороннее вниманіе, онъ тѣмъ не менѣе соблюдаетъ величайшую простоту при ихъ назначеніи. Число лекарствъ ограничено и между ними преобладаютъ успокоивающія. Но, гдѣ нужно, онъ не отказывается и отъ сильныхъ средствъ, какъ *Helleborus* ²⁾, и охотно примѣняетъ промывательныя, сильныя слабительныя, какъ бѣлую и черную чемерицу, квидскія сѣмена, элатерій и „*Niega*,“ изобрѣтенную Руфомъ и содержащую *Aloës*,—а также рвотныя, не только для выведенія вредныхъ веществъ изъ желудка, но даже напр. при ударѣ, съ цѣлью освобожденія застоя въ крови и измѣненія нервной системы ³⁾. Кровопусканія онъ употреблялъ, правда, въ обильномъ количествѣ, но не до обморока, на больной сторонѣ и уже въ началѣ болѣзни, какъ напр. при плевритѣ, преимущественно изъ тыльныхъ венъ ручной кисти ⁴⁾ (способъ еще и нынѣ употребительный въ Италіи), при *Cephalaea* же—даже артеріотомію и кровопусканіе въ области рѣшетчатой кости инструментомъ *kateadion* или обрѣзанной бородкой пера ⁵⁾. Далѣе онъ примѣнялъ въ большомъ количествѣ пѣявки, напр. при *Satyriasis* ⁶⁾, а также при воспаленіи печени, гдѣ однако отдаетъ преимущество кровососнымъ банкамъ, употреблявшимся имъ также для поддержанія кровотока послѣ пѣявокъ и съ цѣлью выведенія яда изъ глубины раны ⁷⁾; далѣе шпанскія мушки, горчичники, растительныя, наружныя мази, холодныя обливанія и даже раскаленное желѣзо. Въ хроническихъ болѣзняхъ онъ любилъ назначать *Castoreum*, особенно при *Spermatorrhoea* ⁸⁾, и вино, объ употребленіи коего даетъ вездѣ образцовыя наставленія. Не лишено также интереса обширное примѣненіе имъ, какъ наружнаго средства,

¹⁾ *Aretaeus, De curatione acut., l. I, c. 1.*

²⁾ Въ этомъ отношеніи Аретей—отчасти послѣдователь методической школы, такъ *Helleborus albus* онъ считалъ полезнѣйшимъ средствомъ не только какъ рвотное и сильнѣйшее слабительное, но и какъ единственное дѣйствительное средство въ застарѣлыхъ хроническихъ болѣзняхъ, вслѣдствіе его измѣняющаго дѣйствія на весь организмъ, въ силу коего „стѣсненное до того дыханіе становится свободнѣе, блѣдность замѣняется здоровымъ цвѣтомъ кожи и тѣло, похожее на скелетъ, покрывается мясомъ“ (при *Phtisis*). Тамъ же, *De curat. diuturn. l. I, c. 8.*

³⁾ Тамъ же, *l. I, c. 4.* Ср. *Locher l. c. 207—218.* ⁴⁾ *Aretaeus, De curatione diuturn., l. I, c. 10.* ⁵⁾ Тамъ же, *l. I, c. 2.* ⁶⁾ Тамъ же, *De curat. acut., l. I, c. 11.*

⁷⁾ Тамъ же, *l. I, c. 10.* ⁸⁾ Тамъ же, *De curatione diuturn., l. II, c. 5.*

овечьей шерсти, изъ коей получается столь часто употребительный нынѣ ланолинъ. Наконецъ скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ

О *хирургіи* Аретей, по поводу которой онъ отсылаетъ къ специальному его трактату объ этомъ предметѣ, до насъ не дошедшему. Хотя, такимъ образомъ, мы лишены возможности судить о его заслугахъ въ этой области, тѣмъ не менѣе, на сколько можно заключить изъ его сочиненій о *частной патологіи и терапіи*, здѣсь вездѣ проглядываютъ смѣлость и вмѣстѣ осторожность.

Кровоуспокоеніе, разсматриваемое имъ какъ главное средство при всѣхъ болѣзняхъ, напр. при Phrenesia, Apoplexia, Elephantiasis, воспаленіяхъ печени и легкихъ, дѣлалось имъ повидимому изъ всѣхъ почти венъ тѣла, въ особенности же изъ венъ локтеваго сгиба (ἐπ' ἀρχῶν κοίλην), изъ v. saphaena (ἐπὶ τῷ σφραῖ, напр. при истерикѣ, почечной коликѣ), изъ лобной (ἐπὶ τῷ μετώπῳ, при головокруженіи) и т. д. ¹⁾—и притомъ либо безъ всякой мѣры, либо съ обозначеніемъ количества выпускаемой крови въ 8 унцевъ (ἡμίονον, hemina), напр. при Serphalaea, при которой Аретей употреблялъ еще артеріотомію (τὰς ἀρτηρίας ἐκτάμνει) ²⁾. Интересно, что онъ первый изъ древнихъ упоминаетъ о кровоуспокоеніи изъ вены между перстневымъ пальцемъ и мизинцемъ (по поводу полемики противъ врачей, приводившихъ ее въ непосредственную связь съ венами селезенки).

Кромѣ того Аретей былъ большой любитель кровососныхъ банокъ, сухихъ и съ напѣчками, а также пѣявокъ (согласно Целію Аврелиану впервые упоминаемыхъ Темисономъ,—доказательство, что Аретей жилъ послѣ послѣдняго). Далѣе изъ упомянутаго выше нерасположенія его къ трахеотоміи нельзя еще заключать о нелюбви его къ хирургіи вообще. Что онъ занимался послѣдней, видно изъ его патолого-хирургическихъ описаній нарывовъ, которые онъ смѣло вскрывалъ, напр. въ области толстой кишки и печени, а также почечныхъ и мочевыхъ камней, изъ коихъ, правда, только маленькіе (σμικροί) удалялись имъ разрезомъ черезъ промежность (πληχός) ³⁾. Наконецъ у него находимъ смѣлое примѣненіе раскаленнаго желѣза и трепана (τερέρτω) при падучей болѣзни, примѣненіе катетера какъ при мочевыхъ камняхъ, такъ и при апоплексіяхъ и т. д. Изъ инструментовъ онъ упоминаетъ только о *κατακλιών* или *σπορίνη* по поводу кровоуспокоенія изъ глубокихъ носовыхъ венъ при Serphalaea, при коей употреблялъ еще глубокіе, доходившіе до кости разрезъ на лбу ⁴⁾.

¹⁾ Ср. De curatione acutorum въ началѣ соотвѣстныхъ главъ, напр. при воспаленіи легкихъ I. II, с. 1. и т. д. ²⁾ De curat. chron. morb. I. I, с. 2. ³⁾ Aretaeus, De curatione acutor., I. II, с. 9. ⁴⁾ О хирургіи Аретей ср. Locher, I. с. 80—92.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь вкратцѣ еще пару носологическихъ описаній А р е т е я.

(*Столбнякъ*) ...При Tetanus нижняя челюсть упирается въ верхнюю такъ крѣпко, что не разжать ихъ ни рычагомъ, ни клиномъ;... все тѣло неподвижно вытянуто въ одну прямую линію, безъ малѣйшаго изгиба и способности двигать какимъ либо членомъ, ибо ноги и руки также вытянуты прямо. Opisthotonus же выгибаетъ всего человѣка назадъ, такъ что откинута назадъ голова лежитъ между плечами, гортань выпячена и торчитъ, челюсти сильно разведены и зіяютъ, рѣдко стиснуты. Хрипящее дыханіе. Животъ и грудь выпячены впередъ. Моча большею частью отдѣляется непроизвольно, подкожная область напряжена и при постукиваніи издаетъ звукъ. Руки въ состояніи разгибанія и откинута назадъ, ноги безобразно искривлены и выгнуты въ противоположномъ подкожной впадинѣ направленіи. При Emprosthonus синна сводообразно округлена, а бедра находятся въ одной линіи со спиной, макушка загнута впередъ, голова соприкасается съ грудью, подбородокъ плотно поконтится на груди, руки сжаты въ кулакъ, ноги разогнуты. При всѣхъ видахъ—сильныя боли, при всѣхъ—жалобныя стоны, исходящія изъ глубины груди. Когда болѣзнь поражаетъ грудь и дыханіе, наступаетъ смерть... Если же больной остается въ живыхъ, причеиъ дыханіе, хотя съ трудомъ, но все еще продолжается, то онъ не только пригибается впередъ напоподобіе дуги, но какъ бы свертывается въ шаръ, такъ что голова поконтится на колѣнахъ, а спина и ноги перекидываются напередъ до того, что кажется, будто колѣнный составъ вышпрется сквозь колѣнную ямку. Весь обликъ больного теряетъ тогда всякое человеческое подобіе и получаетъ отвратительный видъ, крайне тягостный и для зрителя. Страданіе это неизлечимо. Пораженный имъ становится неузнаваемъ даже для лучшихъ друзей... И присутствующій врачъ ничего не въ силахъ сдѣлать ни для сохраненія жизни, ни для уменьшенія болей, ни для улучшенія безобразнаго искривленія. Ибо разогнуть члены онъ могъ бы не иначе, какъ изрѣзавъ и взорвавъ живьемъ человѣка и, такимъ образомъ, за неимѣніемъ возможности облегчить одержимаго столбнякомъ, ему [врачу] не остается ничего другаго, какъ скорбѣть вмѣстѣ съ послѣднимъ, и въ этомъ—большое несчаствіе врача¹⁾.

(*Проказа*)... „Тогда появляются возвышенія (опухолы), одни возлѣ другихъ, и пригомъ расположенныя не по одной непрерывной линіи, а неправильно въ видѣ толстыхъ и пороховатыхъ бугровъ, промежутки между отдѣльными опухолями лопаются и получаютъ трещины и углубленія, какъ слошовая кожа. Вены представляются разширенными, не вслѣдствіе переполненія кровью, а по причинѣ толстой кожи, вскорѣ затѣмъ, по выскакиваніи бугровъ на всеиъ тѣлѣ, становится яснымъ, какого рода болѣзнь. На всѣхъ частяхъ тѣла, на рукахъ, бедрахъ и голеняхъ волосы преждевременно вымираютъ, точно также на лобовой области и на подбородкѣ они дѣлаются скудными и даже на головѣ тоньше и легче.... Если тамъ и сямъ и торчатъ еще отдѣльные волосы, то безобразіе отъ нихъ еще больше, тѣмъ отъ потери остальныхъ. Кожа на головѣ получаетъ глубокія трещины, но эти трещины имѣютъ грязный видъ, многочисленны, простираются далеко и вглубь, шороховаты. Бугры, выскакивающіе на лицѣ, тверды, заострены, иногда бѣлесоваты на верхушкѣ, на снованіи же зеленоваты. Пульсъ маленькій, еле двигающійся, вялый и какъ бы съ трудомъ робирающійся сквозь вязкую тину. Вены на вискахъ и подъ языкомъ разбухшія. Желчныя

¹⁾ Ср. выше стр. 267 и A r e t a e u s, De causis et signis acut. l. 1, с. 6.

испражнения. Языкъ отъ градиноподобныхъ бугорковъ дѣлается шорохотатымъ... Появляется узловатая сыпь на концахъ пальцевъ, а въ колѣнахъ- зудъ, такъ что больной съ наслажденіемъ чешется въ этихъ мѣстахъ. Подбородокъ эти узелки окружаютъ иногда въ видѣ вѣничка, щеки краснѣютъ и немного припухаютъ, глаза становятся мутными и бронзовыми, брови сильно выступаютъ впередъ, толсты, снабжены немногими волосками и отъ тяжести оттягиваются внизъ и припухаютъ, причѣмъ раздѣляющій ихъ промежутокъ исчезаетъ, цвѣтъ ихъ становится землистымъ и темнымъ, крайнія морщины на лбу (Episkynium) такъ сильно оттягиваются внизъ, что закрываютъ глаза, какъ это бываетъ у одержимыхъ гнѣвомъ и у львовъ. Оттого болѣзнь называется также Leontiasis, ибо больной дѣйствительно похожъ не только на льва и слона, но и на внезапно наступающую, ужасную ночь... Губы выдаются въ видѣ толстыхъ выпяченій, носъ далеко выдвинутъ впередъ; зубы потеряли свою бѣлизну; уши красныя, съ черноватымъ отливомъ, съ трещинами, похожи на уши слона и съ виду больше обыкновеннаго, у основанія ушей язвы, источающія гнилостное отдѣленіе и болѣзненнозудящія. Все тѣло покрыто жесткими морщинами, а кожа вся въ черныхъ бороздахъ и полоскахъ, оттого болѣзнь и называется Elephantiasis. Пятки и подошвы трескаются до середины ножныхъ пальцевъ. Съ усиленіемъ болѣзни упомянутые бугры изъязвляются, на щекахъ, подбородкѣ, пальцахъ и колѣнахъ образуются зловонныя, неизлечимыя язвы, ибо на однихъ язвахъ образуются повны и одиѣ кажутся меньше лишь оттого, что вытѣсняются другими. Иногда члены умираютъ раньше владѣющаго ими человѣка, и носъ, ножные пальцы, стопы, половые органы и цѣлыя руки опадаютъ, ибо болѣзнь не оставляетъ своей жертвы, пока не изувѣчитъ и не отдѣлитъ отъ нея членъ за членомъ ¹⁾.

Эти описанія въ подлинникѣ гораздо растянутѣе и напыщеннѣе и изобилуютъ еще болѣе густыми красками, по скудости же деталей не могутъ конечно идти въ сравненіе съ новѣйшими изображеніями болѣзни, напр. у Karosi; тѣмъ не менѣе они все таки имѣютъ значеніе, какъ одни изъ лучшихъ, дошедшихъ до насъ изъ древности.

Вообще говоря, хотя, какъ мы видѣли выше, авторы наперерывъ другъ передъ другомъ отдають Аретейю пальму первенства надъ древними по отношенію къ точности и ясности его нологическихъ описаній, прозванныхъ *живыми картинками* болѣзней: до того, послѣ прочтенія послѣднихъ, имъ кажется, будто больные и болѣзни стоятъ словно живые передъ глазами! Но необходимо признать вмѣстѣ съ D a r e m b e r g'омъ, что въ этихъ похвалахъ слишкомъ много преувеличеннаго, такъ какъ сравнительно-критическаго этюда объ Аретей до сихъ поръ не существуетъ, а по отношенію къ точности описаній онъ во многомъ уступаетъ напр. С о р а н у, всѣ же возвеличенія А р е т е я проистекають оттого, что красивая, увлекательная фраза и живыя краски подчасъ принимались за суть дѣла ²⁾. Все это, однакоже, отнюдь не умаляетъ его заслугъ въ дѣлѣ сохраненія нити преданія и упорченія гиппократическихъ началъ въ медицинѣ.

¹⁾ Aretaeus, De causis et signis diuturn. l. II, c. 13.

²⁾ Ср. D a r e m b e r g, l. c. I, 240.

ГАЛЕНЪ.

„Cl. Galenus, medicorum post Hippocratem princeps, philosophus, grammaticus.“
Ackermann, Instit. Hist. med.

Галенъ (131—201 или 210 по Р. Х.) стоитъ совершенно одинокимъ въ числѣ древнихъ электиковъ. Его твореніе есть кульминаціонная точка греческой медицины, ибо онъ—представитель самаго крайняго догматизма и вмѣстѣ глава экспериментальной школы, наиболѣе другихъ ушедшей впередъ въ древности. Если съ одной стороны его апіористическія сужденія, опирающіяся на слѣпую вѣру въ Гиппократа и Аристотеля, вызываютъ улыбку, то зато „по точности его наблюденій, если только онъ хочетъ наблюдать вмѣсто того, чтобы слѣпо вѣрить, по вѣрности его анатомическихъ описаній, правильности его взглядовъ на распознаваніе мѣстныхъ измѣненій и проникательности въ леченіи точно распознанныхъ имъ болѣзней, его, по всей справедливости, можно считать творцомъ истинной анатоміи человѣка, экспериментальной физиологіи и мѣстной діагностики. Онъ обладалъ всѣми качествами высокаго ума, ему только недоставало гениальности. Но каковъ бы ни былъ характеръ его ума, онъ держитъ въ своихъ рукахъ все прошедшее и все будущее медицины. Онъ подобралъ въ свои руки нить преданія и завязалъ ее такимъ крѣпкимъ узломъ, что въ теченіи 15 вѣковъ его не могли разсѣчь ни социальныя революціи, ни крушенія имперій, ни невѣжество новыхъ, ни истощеніе старыхъ народовъ“¹⁾. Этимъ авторитетомъ онъ обязанъ той счастливой случайности, что родился въ такую эпоху, когда все человѣческое знаніе могло умѣститься въ одномъ человѣческомъ мозгѣ. Такъ какъ онъ долго работалъ и цитировалъ современныхъ ему авторовъ, сочиненія которыхъ погибли отъ пожара александрійской бібліотеки, то послѣ этого истребленія хранившихся тамъ архивовъ на его долю выпало рѣдкое счастье спасти отъ забвенія и передать потомству, подъ своимъ именемъ, громадное число сочиненій, которыя безъ него для насъ совершенно бы погибли. Въ этомъ смыслѣ сочиненія его представляютъ энциклопедію всего ему предшествовавшаго знанія.

Галенъ родился въ Пергамѣ въ Азіи въ 131 по Р. Х., въ царствованіе императора Адриана. Первоначальное образованіе онъ получилъ у отца Никола, замѣчательнаго и многосторонне образованнаго архитектора, обладавшаго обширными познаніями въ математикѣ,

¹⁾ Ср. Dageberg, l. c., 207—209.

астрономіи и философіи ¹⁾. Будучи первымъ наставникомъ у своего сына, онъ съ весьма ранняго возраста привилъ къ нему любовь къ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, страсть къ которой нерѣдко навлекала вполѣдствіи на Галена насмѣшки врачей ²⁾. Благодарный Галенъ поэтому и воздастъ ему должное уваженіе. Между тѣмъ какъ о матери отзывается какъ о второй Ксантисѣ, раздражительной и сварливой, онъ въ особенно трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ объ отцѣ, преподавшемъ ему наставленія, въ конхъ онъ совѣтовалъ ему терпѣливо изучать догматы разныхъ сектъ, но не подчиняться рабски и слѣпо авторитету ни одной изъ нихъ, быть умѣреннымъ, избѣгать наслажденій и больше всего искать истинн ³⁾.

Какъ ни много однако толкуетъ Галенъ о своемъ презрѣніи къ славѣ и почестямъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, но его жизнь и дѣятельность среди сильныхъ міра сего заставляютъ сомнѣваться, чтобы онъ строго слѣдовалъ урокамъ отца. Одно только несомнѣнно, это—его безкорыстіе. Съ 14 лѣтъ отецъ заставилъ его изучать господствовавшія философскія системы, съ какою цѣлью онъ долженъ былъ посѣщать чтенія платоника Кая, затѣмъ одного стоика, ученика Филопатора, и перипатетика Аспазія, причемъ Никонъ всюду сопровождалъ сына и служилъ ему речетворомъ ⁴⁾. Больше всѣхъ его привлекали сочиненія Аристотеля и Теофраста, къ которымъ онъ тогда уже написалъ комментаріи. Врачемъ онъ сдѣлался вслѣдствіе свовидѣнія отца, новелѣваемаго ему посвятить сына врачебному званію ⁵⁾. Эту суетѣрную черту Галенъ наследовалъ отъ отца. Съ этихъ поръ, 17 лѣтъ отъ роду, онъ сталъ изучать въ Пергамѣ анатомію у Сатвира, патологию у послѣдователя Гиппократы Стратоника, Эніія Меккія и эмпирика Эсхріона. Это продолжалось 4 года; на 21 году жизни онъ потерялъ отца, послѣ чего предпринялъ рядъ путешествій съ ученою цѣлью, между прочимъ въ Смирну, гдѣ дополнилъ свои анатомическія познанія у Пелопса, а философскія у Альбина, послѣдователя Платона. Оттуда онъ отправился въ Коринѣ, гдѣ слушалъ Нумезіана ⁶⁾. Затѣмъ для нагляднаго изученія фармацевтики и естественной исторіи онъ предпринялъ продолжительныя путешествія по Малой Азіи и между прочимъ отыскивалъ на лодкѣ, по всему ликійскому берегу, черный янтарь или лигнитъ, а въ Палестинѣ—асфальтъ ⁷⁾. Наконецъ онъ прибылъ въ Александрію, гдѣ хотя уже перестали дѣлать анатомическія вскрытія, но нашелъ музеи, переполненные скелетами и препаратами какъ челоѣка, такъ и животныхъ, и гдѣ изучалъ анатомію подъ руководствомъ Геракліана ⁸⁾. 28 лѣтъ отъ роду онъ возвратился въ родной городъ, въ которомъ предался практикѣ между гладиаторами, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ сряду неоднократно имѣлъ случай заниматься хирургіей ⁹⁾. На 34 году вслѣдствіе востанія въ

¹⁾ Galenus, De bonis pravisque alim. succis (Euchymia et cacochymia), с. 1; De animi affectuum dignot. et curatione, с. 8. (Kühn. V, 40, 45); De differ. puls. I. II, с. 5.

²⁾ Galenus, De usu part. I. X, с. 12, 18 и 14 in fine. Ср. D a r e m b e r g, Exposé des connaissances de Galien etc., p. 49.

³⁾ Ср. Bouchut, Hist. de la médecine, I, 171.

⁴⁾ Galenus, De anim. affect. dignotione et curatione с. 8. (K. V, 41, 42); De libris propriis, с. 10 (K. XIX, 16).

⁵⁾ Galenus, Meth. medendi, I. IX, с. 4; De praenot. ad Posthum. с. 2.

⁶⁾ Ср. Hecker, I, 473, 474.

⁷⁾ Galenus, De simpl. med. facult. I. IX, сс. 1, 2.

⁸⁾ Galenus, Com. II in I. de natur. hom., Text. VI.

⁹⁾ Galenus, Com. III in De fract., Text. XXI; De compos. med. sec. genera, I. III, с. 2.

Пергамъ онъ имѣлъ счастливую мысль отправиться (въ 164 по Р. Х.) къ Марку Аврелію въ Римъ, гдѣ познакомился съ перипатетикомъ Евдемомъ¹⁾, и скоро приобрѣлъ обширную практику и славу, особенно благодаря своимъ предсказаніямъ и физиологическимъ лекціямъ²⁾. Но зависть римскихъ врачей, которыхъ онъ обвиняетъ даже въ отравленіи одного греческаго врача и его двухъ помощниковъ, скорѣй заставила его покинуть Римъ, откуда онъ, 37 лѣтъ отъ роду, опять отправился путешествовать, особенно по Италіи, гдѣ долго пробылъ въ Кампаніи³⁾, и затѣмъ возвратился на свою родину въ 168 по Р. Х.⁴⁾. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Пергамѣ и у своего учителя Пелонса въ Смирнѣ, Галенъ въ 169 г. снова направился черезъ Лемнось, Фракію и Македонію въ Римъ и Аквилею, тогдашнюю императорскую резиденцію, куда былъ вызванъ императорами Луціемъ Верромъ и Маркомъ Авреліемъ Антонинимъ. Но вслѣдствіе появленія чумы, отъ которой Луцій Верръ погибъ во время дороги, Галенъ возвратился въ Римъ, гдѣ, отказавшись сопровождать императора въ маркоманскую войну, вслѣдствіе полученнаго будто бы въ свидѣніи отъ Эскулана предостереженія, онъ остался лейбъ-медикомъ при молодомъ Коммодѣ въ Римѣ. Мѣсто же его при Маркѣ Авреліи занялъ архіатръ Деметрій⁵⁾. Въ этотъ промежутокъ времени до возвращенія императора (170—174) Галенъ написалъ свои сочиненія „*De anatomia*“, „*De usu partium corporis humani*“ и множество другихъ, погибшихъ отчасти, вмѣстѣ со всей папалтинской бібліотекой, во время пожара въ храмѣ мира въ царствованіе Коммода⁶⁾. О дальнейшей его жизни извѣстно только то, что онъ дожилъ до 70 или 80 лѣтняго возраста, что въ царствованія Пертинакса и Септімія Севера онъ находился еще въ Римѣ (въ 197 г. по Р. Х.)⁷⁾ и умеръ въ царствованіе послѣдняго въ началѣ 3 вѣка (между 201 и 210 по Р. Х.)⁸⁾.

Сочиненія Галена. Галенъ былъ необыкновенно плодовитый писатель. Онъ самъ говоритъ, что написалъ 125 сочиненій философскаго (115), математическаго, грамматическаго и юридическаго содержанія, которыя всѣ, за исключеніемъ 3 философскихъ, погибли вмѣстѣ съ 48 медицинскими. Изъ его собственно медицинскихъ сочиненій сохранилось 83 подлинныхъ, въ томъ числѣ 3 медицинско-философскаго содержанія, 19 сомнительныхъ, и если къ этому прибавить 15 комментаріевъ къ Гиппократу, 19 разныхъ отрывковъ, 80 еще не напечатанныхъ, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ Европы, 45 подложныхъ сочиненій, слышущихъ подъ именемъ галеновскихъ, и 48 погибшихъ, то получимъ почтенную цифру всего 434 сочиненія Галена⁹⁾. Несуществующія

¹⁾ Galenus, De praenot. ad Posthum. cc. 2, 3.

²⁾ Galenus, De loc. affect. l. V, c. 7.

³⁾ Galenus, De sanitat. tuenda, l. VI, c. 11.

⁴⁾ Galenus, De libris propriis, c. 2.

⁵⁾ Тамъ же, и De antidotis, l. c. 1.

⁶⁾ Galenus, De composit. medic. sec. gen., l. 1, c. 1.

⁷⁾ Galenus, De libris propriis, c. 13.

⁸⁾ О біографіи Галена ср. въ особенности Hecker, I, 473—477, Askerghausen, Histor. litteraria (у Kühn'a. Ed. medic. graec. I, p. XXVII—XLVII.

⁹⁾ Тамъ же, и Choulant, Bücherkunde, 112.

болѣе сочиненія Галена погибли въ аптекахъ близъ *via sacra*, въ которой они хранились вмѣстѣ съ сочиненіями другихъ писателей и которая сгорѣла во время пожара храма мира вмѣстѣ съ палатинской библіотекой.

Представляемъ здѣсь подробный перечень сочиненій Галена:

А. Несомнѣнно подлинныя сочиненія ¹⁾.

Сочиненія общаго содержанія.

(Введенія въ медицину, связь ея съ философіей, основы міросозерцанія Галена).

1. *Περὶ αἰρέσεων τοῖς εἰσχομένοις* De sectis ad eos, qui introducuntur. (К. I, 64), противъ эмпириковъ и методиковъ.
2. *Πρὸς Θρασύβουλον περὶ ἀρίστης αἰρέσεως*. De optima secta ad Thrasylulum. (К. I, 108), такого же содержанія.
3. *Περὶ ἀρίστης διδασκαλίας*. De optima doctrina liber (К. I, 40), противъ Rhavoginus'a.
4. *Περὶ τῶν παρὰ τὴν λέξιν σοφισμάτων*. De captationibus penes dictionem. (К. XIV, 582). О софизмахъ въ выраженіи.
5. *Ὅτι ἀριστος ἰατρὸς καὶ φιλόσοφος*. Quod optimus medicus sit quoque philosophus. (К. I, 58).
6. *Προτροπικὸς λόγος ἐπὶ τὰς τέχνας*. Suasoria ad artes oratio. (К. I, 1). Похвальное слово медицинѣ.
7. *Περὶ συστάσεως ἰατρικῆς*. De constitutione artis medicae. (К. I, 224).
8. *Περὶ τῶν καθ' Ἱπποκράτην στοιχείων βιβλία β'*. De elementis secundum Hippocratem libri II. (К. I, 413).
9. *Ὅτι τὰ τῆς ψυχῆς ἦθη ταῖς τοῦ σώματος κράσεσιν ἐπεταί*. Quod animi mores corporis temperamenta sequantur. (К. IV, 767). Одно изъ лучшихъ сочиненій.
10. *Fragmentum de iis, quae medicae scriptae sunt in Platonis Timaeo* (Chart. V, 275). Впервые на греческомъ въ Dageberg, *Fragmente du commentaire de Galien sur le Timée de Platon*. Paris, 1848.

Анатомія.

11. *Περὶ ἀνατομικῶν ἐγχειρήσεων βιβλία θ'*. De anatomicis administrationibus libri IX. (К. II, 215). Главное сочиненіе Галена по анатоміи,

¹⁾ Въ доступныхъ намъ библиографическихъ источникахъ мы нигдѣ не могли отыскать полной систематической группировки подлинныхъ сочиненій Галена (у Haeser'a это сдѣлано только отчасти, а именно для главнѣйшихъ). Мы сочли поэтому за лучшее, вмѣсто принятаго до сихъ поръ хронологическаго порядка, расположить означенныя сочиненія по отдѣльнымъ отраслямъ, какъ это сдѣлано выше для сочиненій Гиппократа.

состоявшее из 15 книгъ, изъ коихъ сохранились только 9 (послѣдняя въ видѣ отрывка). Въ погребшихъ книгахъ рѣчь шла о глазѣ, языкѣ, пищеводѣ, гортани, подъязычной кости, кровеносныхъ сосудахъ и нервахъ этихъ частей, головно и спинно-мозговыхъ нервахъ, наконецъ о половыхъ органахъ ¹⁾. Согласно Dagemberg'у, существуетъ еще *Наставленіе для препаровки* въ рукописи. Утраченныя 6 книгъ сохранились однако въ 2 арабскихъ переводахъ ²⁾.

12. *Περὶ ὀστέων τοῖς εἰσαγομένοις. De ossibus ad tirones* (для начинающихъ, К. П, 782).

13. *Περὶ φλεβῶν καὶ ἀρτηριῶν ἀνατομῆς. De venarum arteriarumque dissectione liber.* (К. П, 779).

14. *Περὶ νεύρων ἀνατομῆς. De nervorum dissectione* (К. П, 881).

15. *Περὶ μῶν ἀνατομῆς. De musculorum dissectione* (К. XVIII, 926, здѣсь впервые во гречески).

16. *Περὶ μήτρας ἀνατομῆς. De uteri dissectione* (К. II, 887). По исследованиямъ на животныхъ.

17. *Vocalium instrumentorum dissectio* (Chart r. IV, 219) ³⁾.

18. *Περὶ ὀσφρησεως ὄργάνου. De odoratus instrumento* (К. II, 857).

Физиологія.

19. *Περὶ χρείας τῶν ἐν ἀνθρώπου σώματι μορίων λόγοι ιζ'.* *De usum partium corporis humani libri XVII* (К. III, 1, IV, 1). Главное сочиненіе Галена по физиологіи.

20. *Περὶ δυνάμεων φυσικῶν βιβλία γ'.* *De facultatibus libri III.* (К. II, 1). Въ защиту элементарныхъ качествъ, противъ Эразистрата и Асклепиада.

21. *Περὶ οὐσίας τῶν φυσικῶν δυνάμεων. De substantia naturalium facultatum.* Отрывокъ. (К. IV, 757).

22. *Εἰ κατὰ φύσιν ἐν ἀρτερίαις αἷμα περιέχεται. An in arteriis natura sanguis contineatur.* (К. IV, 708).

23. *Περὶ μῶν κινήσεως βιβλία β'.* *De motu musculorum libri II.* (К. IV, 367).

24. *Περὶ τῶν τῆς ἀναπνοῆς αἰτιῶν. De causis respirationis* (К. IV, 465).

25. *Περὶ τῶν Ἱπποκράτους καὶ Πλάτωνος δογμάτων βιβλία θ'.* *De Hippocratis et Platonis decretis libri IX* (К. V, 181).

Патологія, этиологія, симптоматологія, прогностика.

26. *Περὶ κράσεων βιβλία γ'.* *De temperamentis libri III.* (К. I, 509).

27. *Περὶ μελαίνης χολῆς. De atra bile.* (К. V, 104).

28. *Περὶ ἀνωμάλου δυσκρασίας. De inaequali intemperie.* (К. VII, 733).

¹⁾ Galenus, De libris propriis, c. 3, 24, 25.

²⁾ Въ Bodley'евской библіотекѣ въ Оксфордѣ. Ср. Dagemberg, Oeuvres choisies de Galien, p. XXXI и „Janus“ Henschel'я, II, 396.

³⁾ Обозначенія исключительно во латини на греческомъ не существуютъ и всѣ видѣются только въ изданіи Chartergius'a.

29. Περὶ ἀρίστης κατασκευῆς τοῦ σώματος ἡμῶν. De optima corporis nostri constitutione. (K. IV, 737).
30. Περὶ εὐεξίας. De bono habitu. (K. IV, 750).
31. Περὶ τῶν πεπονηθότων τόπων βιβλία ζ'. *De locis affectis libri VI* (K. VIII, 1). Главное сочинение Галена по патологии.
32. Περὶ διαφορᾶς πυρετῶν βιβλία β'. De differentiis februm libri II. (K. VII, 273).
33. Περὶ τῶν ἐν ταῖς νόσοις καιρῶν. De morborum temporibus. (K. VII, 406).
34. Περὶ χρείας ἀναπνοῆς. De respirationis usu. (K. IV, 470).
35. Περὶ χρείας σφυγμῶν. De usu pulsuum. (K. V, 149).
36. Περὶ τῶν σφυγμῶν τοῖς εἰσαγομένοις. De pulsibus ad tirones—для начинающихъ (K. VIII, 453).
37. Περὶ διαφορᾶς σφυγμῶν λόγοι δ'. De pulsuum differentiis libri IV. (K. VIII, 493).
38. Περὶ διαγνώσεως σφυγμῶν λόγοι ε'. De dignoscendis pulsibus libri IV. (K. VIII, 766).
39. Περὶ τῶν ἐν τοῖς σφυγμοῖς αἰτιῶν λόγοι ζ'. De causis pulsuum libri IV. (K. IX, 1).
40. Περὶ προγνώσεως σφυγμῶν λόγοι δ'. De praesagitione ex pulsibus libri IV. (K. IX, 205).
41. Σύνοψις περὶ σφυγμῶν ἰδίας πραγματείας. Synopsis librorum suorum (16) de pulsibus. (K. IX, 481, здѣсь впервые по гречески).
42. Περὶ κρίσιμων ἡμερῶν βιβλία γ'. De diebus criticis libri III. (K. IX, 769).
43. Περὶ κρίσεων βιβλία γ'. De crisis libri III. (K. IX, 550).
44. Περὶ δυσπνοίας βιβλία γ'. De difficili respiratione libri III. (K. VII, 753).
45. De causis procatarteticis—о подготовительныхъ причинахъ (Chart. VII, 347).
46. Περὶ πλήθους. De plenitudine. (K. VII, 513).
47. Περὶ τῶν παρὰ φύσιν ὄγκων. De tumoribus praeter naturam. (K. VII, 705).
48. Περὶ τρόμου, καὶ παλμοῦ, καὶ σπασμοῦ, καὶ ῥίγους. De tremore, palpitatione, convulsione et rigore. (K. VII, 584).
49. Περὶ μαρασμοῦ. De marasmo. Противъ подобнаго же сочинения Филиппа. (K. VII, 666).
50. Περὶ τοῦ προγινώσκειν. De praenotione. (K. XIV, 599).
51. Περὶ διαφορᾶς νοσημάτων. De differentiis morborum. (K. VI, 836).
52. Περὶ τῶν ἐν τοῖς νοσήμασιν αἰτιῶν. De causis morborum. (K. VII, 1).
53. Περὶ συμπτωμάτων διαφορᾶς βιβλία γ'. De symptomatum differentiis libri III. (K. VII, 42).
54. Περὶ αἰτιῶν συμπτωμάτων. De symptomatum causis lib. III. (K. VII, 85).

Φαρμακολογία.

55. Περὶ κράσεως, καὶ δυνάμεως τῶν ἀπλῶν φαρμάκων βιβλία ια'. *De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus li-*

brī XI. (К. XI, 379, XII, 1). Главное сочинение Галена по фармакологіи, первая 5 книга теоретическаго, шестая историческаго содержания, въ остальныхъ разсматриваются медикаменты въ алфавитномъ порядкѣ.

56. *Περὶ συνθέσεως φαρμάκων τῶν κατὰ τόπους βιβλία ε'*. De compositione medicamentorum secundum locos libri X (К. XII, 378, XIII, 1). Главное сочинение Галена о сложныхъ медикаментахъ.

57. *Περὶ συνθέσεως φαρμάκων τῶν κατὰ γένη βιβλία ζ'*. De compositione medicamentorum secundum genera libri VII. (К. XIII, 362). О наружныхъ средствахъ.

58. *Περὶ ἀντιδότων βιβλία β'*. De antidotis libri II. (К. XIV, 1).

Гигіена и діететика.

59. *Υγιεινῶν λόγοι ζ'*. De sanitate tuenda libri VI. (К. VI, 1).

60. *Πρὸς Θρασύβουλον βιβλίον, πότερον ἰατρικῆς ἢ γυμναστικῆς ἐστὶ τὸ ὑγιεινόν. Ad Thrasymbulum liber: Utrum medicinae sit vel gymnasticae hygieine.* (К. V, 806).

61. *Περὶ τροφῶν δυνάμεως βιβλία γ'*. De alimentorum facultatibus libri. III. (К. VI, 453). Греческій оригиналь, еще не напечатанный, открытъ Мунас'омъ.

62. *Περὶ εὐχυμίας καὶ καχοχυμίας τροφῶν. De probis pravisque alimentorum succis.* (К. VI, 749).

63. *Περὶ τοῦ διὰ μικρᾶς σφαίρας γυμνασίου. De parvae pilae exercitio.* (К. V, 899).

Терапія.

64. *Θεραπευτικῆς μεθόδου βιβλία ιδ'*. *Methodus medendi*, libri XIV. (К. X, 1). Главное сочинение Галена по терапіи; послѣ *Ars medica*—самый знаменитый изъ его практическихъ трактатовъ.

65. *Τῶν πρὸς Γλαύκωνα θεραπευτικῶν βιβλία β'*. *Ad Glauconem de medendi methodo* libri II. (К. XI, 1).

66. *Περὶ πτισάνης. De ptisana.* (К. VI, 816).

67. *Περὶ φλεβοτομίας θεραπευτικῶν βιβλίον. De curandi ratione per venaesectiōnem.* (К. XI, 250).

68. *Περὶ φλεβοτομίας πρὸς Ἐρασίστρατον. De venaesectiōne adversus Erasistratum.* (К. XI, 147).

69. *Περὶ φλεβοτομίας πρὸς Ἐρασιστρατέου τοὺς ἐν Ῥώμῃ. De venaesectiōne adversus Erasistratateos Romae degentes* (К. XI, 186).

70. *Περὶ βδελλῶν, ἀντισπάσεως, σικίας, καὶ ἐγχαράξεως, καὶ κατασχεασμοῦ. De hircudinibus, revulsione, cucurbitula, incisione et scarificatione.* (К. XI, 317).

71. *Τῷ ἐπιληπτικῷ παιδὶ ὑπόθεκη. Pro puero epileptico consilium.* (К. XI, 356).

72. *De attenuante victus ratione* (Chart. VI, 411). Не напечатанный еще греч. оригиналь открытъ Мунас'омъ.

Акушерство и эмбриологія.

73. *Περὶ ἐπταμήνων βρέφῶν. De septimestri partu.* (Chart. V, 347).

74. *Περὶ κουμένων διαπλάσεως. De foetuum formatione.* (К. IV, 652).

75. *Περὶ σπέρματος βιβλία β'*. *De semine* libri II. (К. IV, 512).

Смѣсь.

76. Πῶς δεῖ ἐξελέγγειν τοὺς προσποιουμένους νοσεῖν, Quomodo morbum simulantes sint deprehendendi. (Κ. XIX, 1).

77. Περὶ τῆς ἐξ ἐνυπνίων διαγνώσεως. De dignotione ex insomniis. (Κ. VI, 832).

78. Περὶ διαγνώσεως καὶ θεραπείας τῶν ἐν τῇ ἐκάστου ψυχῇ ιδίων παθῶν. De propriorum animi cujusque (s. cujusdam) affectuum dignotione et curatione. Важно для биографіи Галена. (Κ. V, 1).

79. Περὶ διαγνώσεως καὶ θεραπείας τῶν ἐν τῇ ἐκάστου ψυχῇ ἀμαρτημάτων. De animi cujusque vitiorum (также cujuslibet peccatorum) dignotione et curatione (et medela). Κ. V, 58).

80. Τῶν Ἱπποκράτους γλωσσῶν ἐξηγήσεις. Dictionum exoletarum Hippocratis explicatio. (Κ. XIX, 62).

81. Περὶ τῶν ιδίων βιβλίων. De libris propriis liber. (Κ. XIX, 8).

82. Περὶ τῆς τάξεως τῶν ιδίων βιβλίων. De ordine librorum suorum. (Κ. XIX, 49).

Compendium.

83. Τέχνη ἰατρική. *Ars medica*, также *Ars parva* или *Mikrotechne Arabum* (Κ. I, 805). Краткое изложение основъ всей системы Галена, которое въ всѣхъ его сочиненіяхъ наиболѣе читалось и комментировалось.

II. Сочиненія сомнительной подлинности ¹⁾.

Εἰσαγωγή ἢ ἰατρός, *Introductio seu medicus*.

De subfiguratione empirica; De voce et anhelitu; De respirationis usu.

Εἰ ζῶν τὸ κατὰ γαστρός, *An animal sit, quod est in utero?*

An omnes partes animalis, quod procreatur, fiant simul?

Περὶ ἐθῶν, *De consuetudinibus*. По греч. впервые изд. Dietz'емъ.

De motu thoracis et pulmonis.

Περὶ τῶν ὅλων τοῦ νοσήματος καιρῶν, *De totius morbi temporibus*.

Περὶ τύπων, *De typhis*, о періодахъ (въ болѣзни). Πρὸς τοὺς περὶ τύπων γράφαντας, *Adversus eos, qui de typhis scripserunt* (носятъ еще названіе περὶ περίοδων).

Περὶ τοῦ παρ' Ἱπποκράτει κώματος, *De comate secundum Hippocratem*.

Περὶ τῆς κατὰ τὸν Ἱπποκράτην διαίτης ἐπὶ τῶν ὀξέων νοσημάτων, *De victus ratione in morbis acutis ex Hippocratis sententia*.

Περὶ τῆς τῶν καθαιρόντων φαρμάκων δυνάμεως, *De purgantium medicamentorum facultate*. Περὶ εὐπορίστων, *De remediis facile parabilibus*.

Περὶ τῆς θηριακῆς πρὸς Πίσωνα, *De theriaca ad Pisonem*.

Περὶ τῆς θηριακῆς πρὸς Παμφιλιανόν, *De theriaca ad Pamphilianum*.

Περὶ τῶν ἐπιδέσμων, *De fasciis*.

Ἐκ τῶν Γαληνοῦ ὑπομνημάτων περὶ ἐπιδέσμων, *Ex Galeni commentariis de fasciis*.

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ слѣдующемъ ряду (III), обозначенныя исключительно по латинки на греческомъ, за нѣкоторыми исключеніями, не существуютъ, и находятся въ изд. *Characterius'a*, обозначенныя же и по гречески помѣщены и у послѣдняго и въ изд. *Kühn'a*.

III. Сочинения подложные: 1)

Περὶ φιλοσόφου ἱστορίας, De historia philosophica.

*Ὅροι ἱατρικαί, Definitiones medicae (ad Theuthram)

De partibus artis medicae, De anatomia vivorum, De anatomia parva, De anatomia oculorum, De compage membrorum sive De natura humana, De natura et ordine cujuslibet corporis (въ изд. Chart.).

*Ὅτι αἱ ποιότητες ἀσώματα, Quod qualitates incorporeae sint.

De motibus manifestis et obscuris, De facultatibus corpus nostrum dispensantibus, De dissolutione continua s. De alimentorum facultatibus (Chart.).

Περὶ τῆς τοῦ ἀνθρωπέου σώματος κατασκευῆς; Περὶ τῆς τεσσάρων τῶν ὥρων τε καὶ ἕξ μῆθων διαίτης, De humani corporis constitutione; De diaeta quatuor anni tempestatum et duodecim mensium (въ изд. Chart.).

Περὶ χυμῶν, De humoribus; περὶ προγνώσεως, De praenotione.

Πρόγνωσης πεπειραμένη καὶ παναλήθης, Prognosis vera et experta.

Περὶ κατακλίσεως προγνωστικῆ ἐκ τῆς μαθηματικῆς ἐπιστήμης, Prognostica de decubitu ex mathematica scientia (собств. астрологическая прогностика).

Περὶ φλεβετομίας, De venaesectione.

Περὶ οὔρων, περὶ οὔρων ἐν συντόμῳ, περὶ οὔρων ἐκ τῶν Ἴπποκράτ. καὶ Γαλην. καὶ ἄλλων τινῶν, De urinis etc. (въ изд. K.). Quaesita in Hipp. de urinis (Chart.).

Περὶ σφυγμῶν πρὸς Ἀντώνιον ἢ Compendium pulsuum.

Περὶ τῶν ἐν νεφροῖς παθῶν, De renum affectionibus.

De colico dolore, De cura icteri, Introductorius liber varias morborum curas complectens. (Chart.).

Περὶ μελαγχολίας ἐκ τῶν Γαληνοῦ etc. De melancholia Galeni.

De oculis, De pica, De gynaecis, De cura lapidis, Liber secretorum ad Monteum, De medicinis expertis, De incantatione, adjuvatione et suspensione, De dynamidiis fragm. (ed. Chart.).

Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν διδασκαλία, De mensuris et ponderibus doctrina.

Περὶ ἀντεμβαλλομένων, De succedaneis (O замѣняющихъ средствахъ).

De simplicibus medicamentis ad Paternianum, De plantis, De virtute centaurei, De clysteribus (ed Chart.). De catharticiis, De peste.

IV. Разные отрывки.

Περὶ ὑδάτων ἐκ Γαληνοῦ, Ὀριβασίου, Ῥουφῶ, Διοκλοῦς καὶ Ἀθηναίου. Ἐκ τοῦ Ὀριβασίου πρὸς Εὐνάπιον, De aquis ex Galeno, Orbasio, Rufo, Diocle et Athenaeo (Chart. VI. 489).

De vinis ex Orib. ad Eunap. (Chart. VI. 494).

De vinis ex Athenaeo (Chart. VI. 497).

De pane ex Athenaeo (Chart. VI. 498).

1) Всѣ обозначенныя по греч. находятся въ изд. Kühn'a XIX, а по латини—въ изд. Charterius'a.

De balneis, въ Collectio того же имени, Venet., 1558.

Adversus empiricos (Chart. II. 339).

De morsu, qui in aegritudine parcitur.

Περὶ ἀφροδισίων, de venereis (К. V 911).

De mundi aeternitate ex Joanne Philopono Grammatico Alexandr. (Chart. II. 59).

Fragmm. ex comment. Simplicii ad Aristot. phys. auscult. (Chart. II. 67).

Fragmentum ex Averroë (Chart. II. 69).

Χαρακτηριάζοντα εἰς Ἱπποκράτην, Notae in Hippocratem (Chart. II. 72).

De anima (Chart. V. 1).

Fragm. ex Themistio ad Aristot. phys. auscult. (Chart. V. 405).

De insomniis ex Mich. Ephesio (Chart. V. 406).

Fragmm. ex aphor. Rabbi Moysis Maimonides (Chart. IX. B. 395).

Fragmm. ex Rhazis elhaavi s. Continens (Chart. IX. 406).

Τίνας δεῖ ἐκκαθαίρειν καὶ πότες καθαρτηρίοις, καὶ πότε, Quos, quibus catharticis medicamentis et quando purgare oporteat. (К. XI. 842).

Περὶ τῆς κατ' Ὀμηρον λατρικῆς, De Haleri medicatione (Chart. X. 573).

У. Коментаріи къ сочиненіямъ Сборника Гиппократа ¹⁾.

2 книги къ *De natura hominis*, 3 книги къ *De salubri victu*,

4 книги къ *De alimento*, 4 книги къ *De victu in acutis*, 3 книги къ *De humoribus*,

3 книги къ *Prorrhetica*, 17 къ *Epidem.* I, II, III и VI, 7 книгъ къ *Афоризмавъ*,

1 книга противъ Лукоза и 1 противъ Iulia nos'a, обѣ по поводу *Афоризмовъ*,

4 книги къ *De articulis*, 3 книги къ *Irognosticon*, 3 книги къ *De fracturis*,

3 книги къ *De officina medici* и 3 книги къ *De aëre, aquis et locis* Гиппократа.

Изданія:

Греческія: Venet. 1525 (Aldina), Basil. 1538 (Γαληνοῦ ἀκρωτα).

Гречески-латинскія: Charterius, Paris, 1679 (вм. съ Гиппократомъ).

Kühn, Lipsiae, 1821—1833, voll. XX (собственно 22 тома, такъ какъ 17 и 18 томы состоятъ изъ 2 отдѣловъ, величиною каждый въ 1 томъ), съ исторіей литературы о Галенѣ Аскершапп'а (вначалѣ, т. I) и алфавитнымъ указателемъ Аясшапп'а (т. XX).

О различныхъ изданіяхъ отдѣльныхъ сочиненій Галена ср. Choulant, Bücherkunde, I, 115—119.

Переводы:

Изъ латинскихъ: Venet. 1490, per Pintium de Caneto.

Pariae, 1515—1516, per Jac. Paucidrapensem de Burgofranco.

Venet., 1541, apud Iuntas (первая Iuntina, имѣвшая потомъ множество изданій).

Basil. 1534, interpret. Techtrando.

Basil. 1542 apud Frobenium (ed. Gemusäus).

Весьма интересенъ еще рукописный переводъ части сочиненій Галена:

¹⁾ Всѣ они находятся у Kühn'a, XV—XVIII, и только послѣдній у Charterius'a VI, 187.

Nicolaus de Regio (около 1380)—въ великолѣпномъ пергаментномъ кодексѣ Дрезденской библиотеки начала 15 в. (вмѣстѣ съ другими сочиненіями), украшенномъ 116 художественными сокращенными рисунками вмѣсто начальныхъ буквъ, по нѣскольку въ каждой, относящимися къ содержанію текста и весьма поучительными по отношенію къ нраву, костюмамъ и т. д. Ср. Choulant, въ Naumanns Arch. f. zeichnende Künste, I, 2 и Haeser, I, 355.

Нѣмецкіе: Galens sämtliche Werke, появился только I B., заключающій „Vom Nutzen der Theile des menschlichen Körpers,“ перев. Nöldke, Oldenburg, 1805.

Galenus Ueber Venaesect. geg. Eras., перев. Salla: Wien. 1791.

Французскіе: Dalechampius, Cl. Galien, De l'usage du corps humain etc. par questions et reponses pour la facilité des jeunes étudiants en Chirurgie, par Dalechamp, Paris, 1659.

Daremberg, Oeuvres anatomiques, physiologiques et médicales de Galien, précédé а d'une introduction, ou étude biographique, littéraire et scientifique sur Galien, par Ch. Darernberg, Paris, 1854, 1857 2 voll.

Кромѣ того существуетъ множество переводовъ на восточныя языки, въ особенности на арабскій.

Пояснительныя сочиненія:

Отрывки изъ комментариевъ, принадлежащихъ болѣе древнимъ авторамъ, до 16 столѣтія, каковы Apollonius изъ Kittium'a, Iohannes изъ Александріи, Palladius, Theophilus и Stephanus, собраны въ

Dietz, Scholia in Hippocratem et Galenum. Berol. 1834. 2 voll.

Отъ начала 16 столѣтія важнѣйшія:

Daniel Halbach von der Porten, De cognoscendis et curandis animi morbis ex Galeni sententia, Regiomonte, 1515.

Symphorianus Campegius (Champier), Speculum s. Epitome Galeni, s. Galenus abbreviatus, Lugd. 1516, 1517.

Iac. Sylvius, Ordo et ordinis ratio in legendis Hipp. et Galeni libris, Paris, 1539.

Alphonso Lopez de Corella (Lupeus Coreolanus), In omnia opera Galeni annotationes, Caesaraugustae, 1548.

Его же, Catalogus auctorum, qui post Galeni aevum et Hippocrati et Galeno contradixerunt. Valentiae, 1589.

Andr. Lacuna (Laguna), Epitome omnium rerum et sententiarum, quae notatu dignae in commentariis Galeni Hippocratem exstant. Venet. 1541.

Andr. Lacuna, Epitome Galeni operum in quatuor partes digesta, Basil. 1551 *версія*. (Весьма цѣнный комментарий).

Andr. Lacuna, Annotationes in Galeni interpretes, Lugd., 1553.

Franc. Vallegioli, Loci medicinales communes. Venet. 1563. Можетъ служить реальнымъ указателемъ къ сочиненіямъ Галена.

Alloysius Mundella, Theatrum Galeni, hoc est, universae medicinae a Galeno diffuse sparsimque traditae promptuarium. Basil. 1568.

Sigwart, Fragmenta dynamica Hippocratico-Galenicae, Tubing. 1759.

Caesr. Hoffmanni commentarii in Galeni de usu partium corporis humani c. variis lectionibus etc. Francof. 1625. Весьма цѣнные комментаріи, коими часто пользовался въ своемъ переводѣ Darernberg. Какъ дополнение къ нимъ:

G. Gruner, Program. continens specim. correctionum Galenicarum ab Caesaro Hoffmanno olim conscriptarum. Ienae, 1776.

- I. Fr. C. Hecker, Sphygmologiae Galenicæ specimen. Berol. 1817.
 C. G. Kühn, Program. inest specimen commentariorum Galeni in Hipp. libr. de humoribus, nondum græce editorum. Lips. 1819.
 Его же, Progr. inest fragmentum synopseos Galeni librorum suorum XVI de pulsibus, græce nondum editæ. Lips. 1824.
 Chauvet, Mémoire sur le traité de Galien, intitulé: Des dogmes d'Hippocrate et de Platon, Paris, 1857.
 I. Marquardt, Observationes criticae in Cl. Galeni librum περί ψυχῆς παθῶν καὶ ἀμαρτημάτων. Lips. 1870.
 Andral, Cours de Pathologie, leçons recueillies par Tartivel.
 Dagemberg, Exposition des connaissances de Galien sur l'anatomie et la physiologie du système nerveux, Paris, 1841.
 Ravel, Exposition des principes thérapeutiques de Galien, Paris, 1849.
 Frank, Galens Lehre von den Leibesübungen nach den Quellen dargestellt. Dresden, 1868.
 R. Gasquet, The practical medicine of Galenus and his time въ British and foreign med. Review, 1868, 472 и слѣд.
 Fr. Falk, Galens Lehre vom gesunden und kranken Nervensystem. Leipzig. 1871.

Къ биографіи:

- Phil. Labbé, Elogium chronologicum Galeni. Paris, 1660. Помѣе въ Vita Galeni ex propriis libris collecta. Paris, 1660.
 Abraham Werner, Oratio de vita Galeni. Viteb. 1750.
 Askermann, въ Fabricii Biblioth. Græcor., T. V, 365 и въ изд. Kühn'a ¹⁾
 Ebov, Dictionnaire histor. de la médecine, II.
 Dezeimeris, Dictionnaire historique de la médecine, II.
 Dagemberg, въ его Oeuvres choisies de Galien (см. выше: Переводы).
 Кромѣ того нѣкоторыя указанія выше сочиненія самого Галена.

Примѣч. Къ сожалѣнію въ только что названномъ трудѣ Dagemberg'a мы вмѣсто обѣщаннаго въ заголовкѣ Введенія нашли только вначалѣ предисловія объясненіе, что „издателя (Baillière et fils), вслѣдствіе разрастанія его объема по обилію матеріала, рѣшили издать его отдѣльными томами, такъ что первый томъ перевода становится вторымъ.“ По собраннмъ же нами справкамъ оказалось, что оно никогда не появлялось въ печати, несмотря на то, что самъ Dagemberg и въ текстѣ перевода и въ примѣчаніяхъ то и дѣло ссылается въ Введеніи „Dissertations sur l'anatomie, la physiologie, la pathologie de Galien“ и т. д. Мы такимъ образомъ лишены весьма дѣльнаго биографическаго, литературнаго и научнаго этюда о Галенѣ самаго лучшаго знатока послѣдняго, о чемъ стоитъ тѣмъ болѣе пожалѣть, что и задуманное Dagemberg'омъ вмѣстѣ съ Buissemaker'омъ полное изданіе Галена также не состоялось, въ чемъ однакъ настоять крайняя надобность, такъ какъ изданіе Kühn'a, по отзыву компетентнаго судьи (Haeser'a), весьма небрежное и было только дѣломъ спекуляціи.

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 98—120. Morwitz, l. c. 38—48 и Haeser' I, 351—355.

Галенъ какъ философъ ¹⁾. По примѣру Гиппократъ Галенъ собралъ и расположилъ въ систематическомъ порядкѣ всѣ добытыя до него медицинскія познанія, обогативъ ихъ собственными наблюденіями. Этотъ сводъ медицинскихъ свѣдѣній извѣстенъ подъ названіемъ „галенизмъ“, подъ которымъ, слѣдовательно, отнюдь не подразумѣвается какая нибудь философская система, а только медицинская, прoderжавшаяся, не смотря на множество новыхъ открытій, до середины 18-го столѣтія. Но и въ исторіи философіи Галенъ занимаетъ довольно почетное мѣсто, представляя большое сходство съ Аристотелемъ, какъ по отношенію къ энциклопедическому знанію, такъ и по вступленію на путь наблюденій и вліянію на средніе вѣка, съ тою однако разницею, что Аристотель создалъ вполне законченную и прочную систему логики и метафизики, большей частью принятую новѣйшими мыслителями, между тѣмъ какъ Галенъ довольствовался только обсужденіемъ доктринъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, самъ же въ философіи ничего новаго не создалъ. Можно сказать, что философія служила ему лишь орудіемъ, главною же его цѣлью была всегда медицина. Ниже будетъ изложенъ подробнѣе его взглядъ на связь, долженствующую существовать между медициною и философіей, здѣсь же разсматривается только его значеніе въ послѣдней.

Философскія сочиненія Галена посвящены почти исключительно вопросамъ критики и деталей и такъ какъ въ его время философія потеряла свой позитивный характеръ, то и его сужденія страдаютъ недостаточной точностью и неопредѣленностью. Онъ поэтому въ исторіи философіи болѣе критикъ и историкъ, часто нерѣшительный, нежели догматикъ; болѣе, быть можетъ, эклектикъ въ философіи, нежели въ медицинѣ, діалектикъ, подобно Аристотелю, которому онъ обязанъ систематикою своихъ сочиненій, и психологъ, подобно Платону, внушившему ему его лучшія мысли о природѣ и жизни ²⁾. Философскія книги Галена, сохранившіяся послѣ упомянутого выше пожара, трактуютъ отчасти о логикѣ и діалектикѣ („*De captionibus penes dictionem*“, „*Introductio logica*“ и „*Quod qualitates incorporeae sint*“—подложное), отчасти о морали („*De propriorum animi cujusdam affectuum dignotione et curatione*“, „*De propriorum animi cujusque vitiorum diagnosi et curatione*“ ³⁾, „*Quod animi mores corporis temperamenta sequuntur*“), остальные же только историческія, содержащія критическое изложеніе системъ академикова, перипатетикова и эпикурейцева, сюда Дагебергъ относитъ: „*Quod animi facultates corporis temperamenta sequuntur*“ ⁴⁾, отрывокъ о

¹⁾ При изложеніи этого вопроса мы руководствовались статьею Дагеберга: *De Galien et de ses oeuvres philosophiques*, въ его: „*La médecine, histoire et doctrines*“, Paris, 1865 pp. 57—98. О философіи Галена см. еще Письма Sprengel'я въ его *Beiträge zur Gesch. d. Medicin*, I, Halle, 1794, 117—195. ²⁾ Дагебергъ, l. c. pp. 59—62.

³⁾ Носитъ также названіе: „*De cujuslibet animi peccatorum dignotione et medela*.“

⁴⁾ У Дагеберга l. c. 66: „*Que les facultés de l'ame suivent le temperament du corps*.“ Но ни у Choulant'a, ни у другихъ мы, не смотря на всѣ старанія, не могли отыскать трактата Галена такого наименованія.

„Тимей“ (переводъ D a g e m b e r g'a, Paris 1848), наконецъ замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіе „*De dogmatis Hippocratis et Platonis.*“ Сюда относятся и подложное сочиненіе, вошедшее въ изданіе Kühn'a, (XIX, 222): „*De historia philosophica* (περί φιλοσοφου ιστορίας). Кроме того Галенъ написалъ множество математическихъ сочиненій, между прочимъ „*О преимуществахъ геометрическаго способа доказыванія передъ способомъ стоиковъ*“ и книгу „*О календарь*“. (Ср. De libr. propr. с. 16 и Comment. in Prognost. l. III, с. 4).

Обыкновенно Галенъ кладетъ въ основаніе своихъ сужденій мысли, набранныя имъ изъ различныхъ философскихъ системъ и представляющія для него достаточную степень достовѣрности, не отдавъ себѣ предварительно отчета ни въ абсолютной цѣнности этихъ идей, ни въ существующихъ между ними отношеніяхъ.

Въ *диалектикахъ* или *логикѣ* Галенъ обыкновенно слѣдуетъ Аристотелю, такъ въ ученіи о пульсѣ онъ величину (полноту) пульса относитъ къ категоріи количества, а не качества, также ритмъ, порядокъ, правильность и противоположныя состоянія пульса онъ подводитъ подъ отношеніе категоріи ¹⁾. Не трудно узнать въ этомъ знаменитыя категоріи Аристотеля. Далѣе вмѣстѣ съ послѣднимъ Галенъ различаетъ основную или главную причину, затѣмъ цѣль или формальную причину (т. е. причину, вслѣдствіе которой вещь есть то, что она есть), материальную причину и органическую или посредствующую причину ²⁾, къ которымъ Галенъ прибавляетъ еще пятую—образцовую, напоминающую ученіе Платона объ идеяхъ ³⁾. Кроме того онъ отличаетъ вмѣстѣ съ перипатетиками потенциальную и актуальную сущности (примѣры: разумный человѣкъ, летающая птица, охотничья собака и быстроногая лошадь, каковыя качества свойственны имъ послѣ рожденія лишь въ возможности, въ дѣйствительности же приобрѣтаются ими лишь впоследствии) ⁴⁾. Арабскіе комментаторы и Мупазъ ему приписываютъ также изобрѣтеніе въ логикѣ четвертой формы силлогизма, упоминаемой въ вышеприведенной *Introductio logica* ⁵⁾. Наконецъ сюда относится трактатъ Галена *De captionibus penes dictionem* („О софизмахъ въ выраженіи“), написанный имъ въ поясненіе одного темнаго мѣста Аристотеля о различныхъ причинахъ, вслѣдствіе коихъ предложеніе можетъ получить двойное значеніе, каковое объясненіе было принято комментаторами Аристотеля ⁶⁾.

Ученіе Галена о природѣ довольно сбивчиво: подъ этимъ именемъ онъ подразумѣваетъ то силу, управляющую нашимъ организмомъ ⁷⁾, то особое существо, которое онъ отождествляетъ съ душою,—субстанцію, которая сама себя движетъ и притомъ движетъ постоянно ⁸⁾, то наконецъ всемірную субстанцію, образуемую смѣшеніемъ четырехъ элементовъ, а иногда и четырехъ основныхъ влагъ ⁹⁾.

¹⁾ Galenus, De differ. puls. с. 4 (ed. Kühn, \ III, 580'.

²⁾ Galenus, De usu part. l. VI, с. 12 (trad. Daremb. I, 420): „1) почему вещь существуетъ (τὸ δι' ὅτι), 2) чѣмъ существуетъ (τὸ ὑφ' οὗ), 3) откуда приходитъ или точка отправленія (τὸ ἐξ οὗ), 4) посредствомъ чего (τὸ δι' οὗ).“

³⁾ Тамъ же: по какому сдѣлана образцу (τὸ κατ' ὅ).

⁴⁾ Galenus, De temperamentis, l. III, с. 1, (K. I, 646, 647)

⁵⁾ D a g e m b e r g, l. с. р. 70. ⁶⁾ Тамъ же, р. 71.

⁷⁾ Galenus, De symptom. causis, l. II, с. 1 вначалѣ.

⁸⁾ Galenus, De tremore, palpitatione, convulsione et rigore, с. 6.

⁹⁾ Galenus, De temperam., l. III, с. 4.

Подобно Платону, Галенъ усвоилъ себѣ телеологическій взглядъ на природу, который однако вмѣстѣ съ Аристотелемъ примѣняетъ лишь къ частностямъ, почему такъ часто и встрѣчаемъ у него Аристотелевское правило: „природа ничего не дѣлаетъ даромъ“¹⁾, въ общемъ же въ его возрѣніяхъ на природу проглядываютъ большія колебанія и неопредѣленность. Онъ, правда, допускаетъ цѣлесообразность въ природѣ, не признавая однако въ цѣляхъ чего либо непременно нематеріальнаго.

Для объясненія явленій животной природы онъ принимаетъ четыре силы живой матеріи: притягательную, удерживающую, измѣняющую и изгоняющую²⁾, но при опредѣленіи свойствъ этихъ силъ онъ опять находится въ нерѣшимости, приписывать ли ихъ смѣшенію элементовъ или признавать ихъ нематеріальными, утѣшая себя тѣмъ соображеніемъ, что знаніе этихъ вещей не необходимо для пріобрѣтенія здоровья или нравственныхъ доблестей³⁾. Точно также для извѣстныхъ медикаментовъ (специфическихъ) Галенъ принималъ, что они дѣйствуютъ не въ силу ихъ составныхъ частей, а въ силу всей ихъ природы⁴⁾. Сюда же относятся первичныя качества, которыя въ соединеніи съ первичной, вѣчной и нетлѣнной матеріей, не имѣющей никакихъ качествъ, образуютъ элементы⁵⁾. Въ этомъ отношеніи Галенъ сходится со стоиками⁶⁾ и расходится съ Аристотелемъ, связывавшимъ существованіе четырехъ основныхъ качествъ съ соответствующими имъ элементами, имѣющими свое опредѣленное мѣсто въ природѣ⁷⁾, но опять приближается къ нему, приписывая теплоту и сухость огню, а холодъ и сухость—землѣ⁸⁾. Что касается конечныхъ цѣлей, то въ принятіи этого принципа онъ совершенно сходится съ Платономъ и особенно съ Аристотелемъ, не только примѣняя его почти на каждой страницѣ своихъ сочиненій и ко всѣмъ явленіямъ органической жизни, но опираясь на него и въ признаніи господства надъ природой Творца вселенной, проявившаго „свою безконечную благодѣтельность въ заботливости о счастіи всѣхъ своихъ твореній, безконечную мудрость—въ выборѣ наилучшихъ средствъ для достиженія своихъ благихъ цѣлей, и всемогущество—въ сотвореніи каждой вещи согласно съ ея назначеніемъ“⁹⁾. Но въ то же время, какъ язычникъ, онъ допускаетъ, что это всемогущество можетъ обнаруживать свое дѣйствіе, лишь соображаясь съ извѣстными естественными условіями, присутствующими матеріи, причемъ встрѣчаемъ у него интересное въ историческомъ отношеніи указаніе на космогонію Моисея:

¹⁾ Aristoteles, de coelo, l. I, c. 4. de gener. anim., l. II, c. 6. Galenus, Administr. anat., l. IV, c. 6. (К. II, 448) и De usu partium, l. IX, c. 16. (К. III, 748, trad. Daremb. I, 601).

²⁾ Galenus, de facult. natural. l. I, c. 12.

³⁾ Galenus, Fragm. de subst. facult. nat. (К. IV, 760—772). Ср. Daremb. De Galien et de ses doctrines philosoph., p. 75.

⁴⁾ Galenus, De temper. et virt. simpl. med., l. XI, c. 1. Ср. Daremb. l. c.

⁵⁾ Galenus, de element. sec. Hippocr., l. I, c. 6.

⁶⁾ Diogenes Laërtius, l. VII, §§ 136, 137.

⁷⁾ Aristoteles, de coelo, l. IV, c. 5.

⁸⁾ Galenus, De element. sec. Hippocr. l. I, c. 6. Ср. Daremb. l. c. p. 77.

⁹⁾ Galenus, De usu partium, l. III, c. 10, trad. Daremb. I, 261.

„Если бы Богъ захотѣлъ въ мигъ создать изъ камня человѣка, ему бы это было невозможно. И вотъ въ этомъ-то и разница между мнѣніемъ Моисея и нашимъ, Платона и всѣхъ грековъ, трактовавшихъ о познании природы, ибо для Моисея достаточно, чтобы Богъ только захотѣлъ устроить матерію и она тотчасъ же устроена: онъ вѣритъ, что для Бога все возможно, даже превращеніе пепла въ лошадь или вола. Мы же не такъ думаемъ, а полагаемъ, что есть вещи, физически невозможныя, которыхъ Богъ не касаясь, но что между возможными вещами Онъ выбираетъ наилучшее“ ¹⁾.

Съ этимъ вполне согласуется *психологія* Галена. Сущность души онъ опредѣляетъ какъ „те пераментъ“ основныхъ четырехъ качествъ или элементовъ. При такомъ взрѣніи на природу души онъ, конечно, не могъ допускать безсмертность ея или мыслящей ея части по Платону, „ибо, говоритъ онъ, непонятно, какимъ образомъ душа, не будучи чѣмъ нибудь тѣлеснымъ, можетъ проникать собою все тѣло“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ съ болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительною непоследовательностью защищаетъ ученіе Платона и Гиппократова о трехъ думахъ человѣка противъ Аристотеля и стоиковъ, допускавшихъ только одну единую душу, гнѣздящуюся въ сердцѣ, съ той лишь разницей, что вмѣсто трехъ душъ Плагонъ допускалъ три различныя способности одной и той же души, тогда какъ стоики не признавали даже различія между этими способностями ³⁾.

При объясненіи *происхожденія идей* Галенъ отождествляетъ всестороннюю перцепцію, согласно которой чувства никогда не доставляютъ вѣрнаго знанія, и чувственное воспріятіе Хризиппа и стоиковъ, разсматривавшихъ чувство какъ единственное средство познания. Самъ Галенъ склоняется въ пользу послѣдняго мнѣнія:

„Если элементы безстрастны и неспособны ощущать ни удовольствія, ни боли, то не будетъ ни памяти, ни воспоминаній, ни познания, ибо ощущеніе есть корень и, такъ сказать, источникъ всѣхъ этихъ способностей. Если нѣтъ ничего этого, то невозможно будетъ существованіе никакихъ отправленій души, а слѣдовательно и самой души“ ⁴⁾.

Но въ другомъ трактатѣ Галенъ, по свойственной ему нерѣшительности, повидному опять отвергаетъ эту матеріалистическую психологію:

„По однимъ, природа существовала раньше растительныхъ и животныхъ организмовъ: она ихъ образовала и, образовавъ, сохраняла; по другимъ (эпикурейцы), все это ложно; не было съ самаго начала въ душѣ ни врожденныхъ идей, ни идеи послѣдовательности, ни идеи противорѣчія, ни идеи распредѣленія и сочетанія, ни идеи справедливаго и несправедливаго, ни идеи прекраснаго и безобразнаго, а все, по ихъ словамъ, происходитъ въ насъ отъ ощущенія и даже животное управляется извѣстными воспоминаніями и извѣстными воспріятіями. Нѣкоторые изъ нихъ даже говорятъ, что пѣть въ душѣ способности, заставляющей насъ мыслить и что мы находимся во власти ощущеній и, подобно животнымъ, лишены способности соглашаться или не соглашаться съ чѣмъ либо“ ⁵⁾.

Такими же колебаніями и такою же шаткостью отличается

Этика Галена. Признавъ тройственность души Платона, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ допустить и его четыре кардинальныхъ добродѣтели: умѣренность для желающей, мужество для энергической, мудрость или знаніе для разумной души, наконецъ справедливость, составляющую гармоническое сочетаніе способностей всѣхъ этихъ

¹⁾ Galenus, De usu part. l. XI, c. 14, trad. Daremberg, I, 688.

²⁾ Galenus, Quod. animi mores temp. seq. ec. 3, 5.

³⁾ Galenus, Com. in Tim. § 2 и De dogm. Hipp. et Platon. l. III, c. 7.

⁴⁾ Galenus, De elementis. sec. Hipp. l. I, c. 3.

⁵⁾ Galenus, De facultatibus naturalibus, l. I, c. 12, trad. Daremb., II, 227.

трехъ душъ ¹⁾. Но относительно добра и зла Галенъ часто себя противорѣчить. То онъ говоритъ, что отъ природы мы добро любимъ и желаемъ, а зло ненавидимъ и избѣгаемъ, то говоритъ, что мы отъ природы имѣемъ склонность и къ добру и къ злу, почему задача философіи и должна состоять въ томъ, чтобы удерживать насъ отъ дурныхъ поступковъ, научая, въ чемъ заключается истинное благо и въ чемъ истинное зло ²⁾. Это не мѣшаетъ ему однако часто не допускать другаго критерія добродѣтели, кромя тем пера мента тѣла, причѣмъ доказываетъ, что всѣ измѣненія души слѣдуютъ вообще измѣненіямъ, происходящимъ въ тѣлѣ, и что всѣ мнѣнія составляютъ результатъ физическаго настроенія, между прочимъ хвалить Андроника, какъ человѣка, „имѣвшаго мужество сказать, что душа есть тем пера ментъ.“ По мнѣнію Галена, люди любятъ и ненавидятъ справедливость, благодаря лишь тем пера менту своего тѣла, которому слѣдуютъ не только двѣ неразумныя души, но даже душа разумная ³⁾. Въ противоположность Платону, принимавшему, что добродѣтель не есть ни плодъ воспитанія, ни даръ природы, а даръ Божій, Галенъ допускаетъ, что нѣкоторымъ добродѣтелямъ, свойственнымъ разумной душѣ, можно научиться, другія же, свойственныя остальнымъ двумъ неразумнымъ душамъ, приобретаются упражненіемъ или привычкой ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ Аристотелю, согласно которому нравственныя добродѣтели приобретаются упражненіемъ и вмѣстѣ съ которыми Галенъ придерживается теоріи золотой середины („и наилучшее во всемъ—мѣра“) и невозможности счастья безъ внѣшнихъ благъ ⁵⁾.

Черты характера Галена и выполненная имъ задача. Вообще Галенъ въ своихъ сочиненіяхъ вездѣ обнаруживаетъ тщеславіе, самолюбіе, страсть много говорить о себѣ, рисоваться, онъ легко приходитъ въ гнѣвъ, преклоняется передъ своими фетишами, беспощаденъ въ противникамъ, догматиченъ, нагруженъ, словно тяжелой артиллеріей, вѣскими аргументами, вооруженъ какъ диалектикъ, отличается обиліемъ цитатъ и анекдотовъ и съ удивительной легкостью владѣетъ тѣмъ плавнымъ языкомъ, на которомъ писали римскіе греки. Онъ многорѣчивъ, какъ азіатскій уроженецъ, расплывчатъ, болтливъ, слогъ его растянуть и витіевать, какъ у ритора, который никогда не затруднится въ присканіи выражений, но притомъ какъ у ритора, знающаго безконечно много и которому память никогда не измѣняетъ. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ упомянутыхъ недостаткахъ, онъ все-таки весьма поучителенъ, интересенъ, завлекателенъ. Не смотря на строгій догматизмъ, онъ умѣлъ вездѣ находить вѣрующихъ и партизановъ, возстановивъ принципъ авторитета, поколебленный раздоромъ сектъ. И дѣйствительно, когда появился Галенъ, медицина представляла весьма неутѣшительное зрѣлище: гнѣнократики, эризастратеицы, эмпирики, методики и эклектики вели

¹⁾ Galenus, De dogm. Hipp. et Plat. l. VII, c. 1. ²⁾ Galenus, Quod animi mores temp. seq. c. 11 и De dogm. Hipp. et Plat. l. VII, c. 2.

³⁾ Galenus, Quod animi mores temp. seq., c. 4, c. 6 и c. 11.

⁴⁾ Galenus, De dogm. Hipp. et Plat., l. IX, c. 6.

⁵⁾ Galenus, De animi affect. dign. et curat. c. 3, 8; Cp. Daremberg l. c. 84—89.

между собой ожесточенную войну. Корень зла скрывался въ разладѣ между требованіями научной и практической медицины. Онъ поэтому поставилъ себѣ задачей—положить всему этому конецъ, возвративъ *анатоміи и физиологіи* то значеніе, котораго онѣ были лишены, благодаря эмпирикамъ и методикамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привить практической медицинѣ всѣ приобрѣтенія, накопившіяся со времени основанія александрійской школы. Далѣе Галенъ старался положить научное основаніе *патологіи*—при помощи діагностики, опирающейся на анатомію и физиологію, а *терапии*—при помощи клиническаго опыта, руководящимъ же началомъ въ этой области онъ призналъ прогностику Гиппократу. Но выполнение этой тройной задачи онъ затруднилъ себѣ тѣмъ, что, стараясь найти философскую связь между медициной какъ наукой и медициной какъ искусствомъ, онъ при этомъ избралъ систему, наименѣе для того пригодную, а именно унаслѣдованный имъ отъ Платона телеологическій идеализмъ, у котораго на каждый вопросъ есть уже наготовѣ отвѣтъ, а на каждую загадку разрѣшеніе, и который съ помощью обманчиваго призрака непогрѣшимости держалъ медицину въ оковахъ въ теченіи долгихъ вѣковъ (Haeser) ¹⁾. Галенъ, подобно Гиппократу, въ особомъ сочиненіи „*Quod optimus medicus sit quoque philosophus*“ стремится доказать, что хорошій врачъ долженъ быть въ тоже время философомъ. Онъ даже не допускаетъ, чтобы медицина могла быть отдѣлена отъ философіи и требуетъ, чтобы врачъ вполнѣ усвоилъ себѣ всѣ ея части, а именно, логику, физику и этику, чтобы онъ презиралъ деньги, отличался умѣренностью, стремился къ истинѣ и въ своихъ изысканіяхъ старался разрѣшать всѣ волнующіе его вопросы при помощи рациональнаго метода. Въ другомъ сочиненіи, обращенномъ къ юношеству („*Ad eos, qui introducendos*“), онъ объясняетъ различіе между душою животныхъ и душою человѣка, единственно-разумной, вслѣдствіе чего человѣкъ обязанъ развивать свой умъ изученіемъ искусствъ и наукъ, уклоняясь отъ погони за наживой и презрѣвъ выгоды, доставляемыя богатствомъ, рожденіемъ, красотой и силой,—выгоды, которыя, по мнѣнію Галена, ничего не значатъ въ сравненіи съ культивированіемъ свободныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и философіи. Въ своихъ комментаріяхъ къ гиппократическому тексту онъ доказываетъ, что истинный философъ тотъ, кто строитъ свою доктрину на основаніи обстоятельнаго изученія человѣческой природы, какъ это дѣлаетъ врачъ, и старается примирить ученіе Платона съ ученіемъ Гиппократу. „Знакомый основательно со всѣми философскими школами и не принадлежа ни къ одной изъ нихъ, говоритъ Guardia, Галенъ загоняетъ философовъ всѣхъ толковъ въ область медицины, словно

¹⁾ Ср. Haeser, l. c. I, 350.

желая замкнуть всю философію въ медицину.“ Этимъ, по мнѣнію Guardia, исчерпывается весь эклектизмъ Галена, въ медицинѣ же, согласно означенному мнѣнію, онъ отнюдь не эклектикъ, а убѣжденный догматикъ, твердо рѣшившійся воздвигнуть зданіе медицины или, какъ онъ выражается, „догматъ“ на развалинахъ эмпиризма и методизма. „Какъ видно изъ множества его сочиненій, онъ (по выраженію Guardia) заботливо сооружаетъ храмъ въ честь Гиппократова и самого себя возводитъ въ первосвященника этого святилища, безпощаднаго ко всѣмъ еретикамъ, отщепенцамъ, сектантамъ и невѣрующимъ“¹⁾. Тѣмъ не менѣе, при всей кажущейся правильности приведеннаго взгляда, необходимо, какъ мы видѣли, признать эклектизмъ Галена и въ медицинѣ, правда, своеобразный, отличный отъ другихъ и выразившійся въ небываломъ доселѣ сочетаніи крайняго догматизма съ указаннымъ выше чисто-экспериментальнымъ направленіемъ.

Вотъ что говорить о себѣ по этому поводу самъ Галенъ:

„Въ молодости я изучалъ доктрины всѣхъ школъ и проникся ихъ началами. Я не осуждаю ни одной изъ нихъ и ни одна не возбуждаетъ во мнѣ ненависти: я ихъ понимаю всѣ. Мой умъ питался наравнѣ учениями какъ эмпирической, такъ и догматической школъ, онъ одинаково черпалъ изъ обоихъ этихъ источниковъ, съ какой же стати питать мнѣ ненависть къ той или другой? Я не отвергаю ни одной изъ нихъ, но я понялъ, что истинная наука заключается въ сочетаніи принциповъ обѣихъ школъ. Свободный отъ всякаго духа секты, я могъ смѣло высказывать то, что думалъ“²⁾.

Неудивительно послѣ этого, что Галенъ такъ долго и безгранично господствовалъ надъ умами и что лишь по истеченіи почти полутора тысячъ лѣтъ осмѣлились усомниться въ его непогрѣшимости и могуществѣ, вліяніе котораго, незамѣтно для насъ, отчасти быть можетъ продолжается и понынѣ. Этимъ могущественнымъ вліяніемъ онъ обязанъ своей изумительной учености, знакомству со всѣми науками и школами древности, своей аналитической проницательности и здравому критическому уму. Многія изъ возрѣвнѣй его предшественниковъ дошли до насъ только черезъ его посредство и онъ самъ многое видѣлъ, многое наблюдалъ и изслѣдовалъ и потому, при помощи необыкновенной способности къ діалектикѣ и систематизированію, ему и удалось соорудить такое зданіе, которое такъ долго стояло несокрушимымъ.

¹⁾ Guardia, Hist. de la médecine, Paris, 1884, p. 31.

²⁾ Если и не буквально такъ, то въ такомъ именно смыслѣ отзывался Галенъ о своихъ отношеніяхъ къ медицинскимъ школамъ въ De locis affectiv. I. III, c. 4 (II, 546). Замѣтимъ здѣсь кстати, что ссылки въ скобкахъ относятся всегдѣ къ ижд. Oeuvres anatomiques, physiologiques et médicales de Galien (trad. Daremberg, Paris, 1854, 1857), которыми мы пользовались при дальнѣйшемъ изложеніи.

Очеркъ медицины Галена въ общихъ ея основахъ и въ частности.

Всѣ части ученія Галена тѣсно между собою связаны и образуютъ вполне законченную, цѣльную систему. Основной догматъ этого ученія въ сущности опирается на теорію Гипократа объ основныхъ элементахъ, каковы: воздухъ, вода, земля и огонь, которымъ соотвѣтствуютъ четыре основныхъ качества: холодъ, влажность, сухость и теплота. Всѣ тѣла, какъ инертныя, органическія, такъ и живыя, организованныя, происходятъ, и по мнѣнію Галена, отъ этихъ элементовъ, отъ различнаго сочетанія коихъ образуются плотныя и жидкія части организованныхъ тѣлъ. Къ плотнымъ въ животныхъ организмахъ относятся простыя или однородныя части (*partes similes*, ткани), каковы кости, нервы, мускулы, связки, кровеносные сосуды и т. д., и сложныя или органическія (органы), составленныя изъ однородныхъ частей, каковы желудокъ, печень, селезенка, матка и т. д. Жидкія части составляютъ четыре кардинальныя влаги: слизь, желтая, черная желчь и кровь. Изъ нихъ въ первыхъ трехъ основные элементы распределены неравномѣрно, а именно въ слизи преобладаетъ вода, въ желтой желчи—огонь, въ черной—земля, между тѣмъ какъ въ крови всѣ элементы распределены равномѣрно, такъ однако, что теплота все таки перевѣшиваетъ остальные качества ¹⁾. Слизь холодна и влажна, желтая желчь тепла и суха, черная холодна и суха, а кровь тепла и влажна.

Дальнѣйшее развитіе этого ученія выяснится подробнѣе при изложеніи отдѣльныхъ частей Галеновой системы, какъ анатоміи, физиологій, патологій и т. д.

Анатомія Галена, благодаря коей онъ собственно и приобрѣлъ такое высокое значеніе въ исторіи медицины, завѣщала послѣдней множество новыхъ открытій, имѣющихъ первостепенную важность. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію этой анатоміи необходимо замѣтить, что она, къ сожалѣнію, много теряетъ отъ телеологическаго ея направленія.

Вмѣсто того, чтобы разсматривать анатомію какъ основаніе физиологій, Галенъ поступаетъ совершенно наоборотъ, а именно беретъ за точку отправленія функціи различныхъ частей тѣла, анатоміей же пользуется для того, чтобы объяснять строеніе соотвѣстныхъ органовъ. По мнѣнію Галена все въ тѣлѣ возникло и сформировано по одному высшему разумному плану, такъ что по своему строенію и отправленію органъ есть только слѣдствіе, воплощенное орудіе этого заранѣе существовавшаго плана. Такимъ образомъ человѣческое тѣло служитъ только ареной для разрѣшенія телеологическихъ проблемъ. Очевидно въ этомъ онъ совершенно идетъ по стопамъ Платона и Аристотеля въ ихъ

¹⁾ Galenus, De elementis ex Hippocrat., l. II, c. 2.

ученія о конечныхъ члвкахъ. Взявъ за исходную точку аристотелевскій принципъ: природа ничего не дѣлаетъ даромъ, Галенъ приходитъ къ заключенію, что можно и должно отыскать а ргіогі предназначеніе каждой части въ животномъ организмѣ, а отсюда—къ логическому выводу о необходимости такого, а не иного строенія каждой данной части, о необходимой связи между отправленіемъ, какъ причиной, и органомъ, какъ слѣдствіемъ¹⁾. Правда, отъ Галена нельзя требовать яснаго понятія о типѣ, какъ главнѣйшемъ общемъ законѣ, обуславливающемъ строеніе органовъ сообразно съ окружающею средой и въ видахъ сохраненія типа, ибо по выраженію D a g e m b e r g ' a , нужно было дожидаться Гете и Жоффруа Сентъ-Илера, чтобы вполне завладѣть идеей типа. Но достойно удивленія, что Галенъ даже не проводилъ тѣхъ проблесковъ этого понятія, какіе мы встрѣтили у Аристотеля, которому однако онъ слѣдуетъ почти во всемъ. По ученію того и другаго, истинными существуютъ гораздо раньше органовъ, ибо тѣло—только орудіе души, этой образовательной, формальной, конечной его причины. У всѣхъ животныхъ тѣло приложено къ способностямъ души, отсюда—различіе частей въ связи съ различіемъ душъ. Такъ что, по понятію Галена, каждая индивидуальная душа созидаетъ органы сообразно съ своими врожденными способностями, идея же общаго типа, частныя проявленія коего опредѣляютъ форму органовъ, оставалась ему совершенно чуждой²⁾.

Тѣмъ не менѣе, сочиненія Галена по *анатоміи* и *физиологіи* составляютъ самую важную часть его работъ, хотя по отношенію къ первымъ съ точностью нельзя опредѣлить, что въ нихъ принадлежитъ его предшественникамъ, въ особенности M a r i n u s ' u , и что—плодъ его собственныхъ изслѣдованій. Какое высокое значеніе онъ придавалъ анатоміи, видно изъ слѣдующихъ словъ:

„Можете ли исцѣлить переломъ или вправить вывихъ, если не знаете связи костей и сочленовныхъ поверхностей съ соседними частями. Можете ли предвидѣть послѣдствія раненія, не зная продольнаго, поперечнаго или косаго направленія мышцъ [мышечныхъ волоконъ?]. Можете ли наконецъ приступить къ какойнибудь операціи, не изучивъ напередъ положенія кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ операціонной области и ихъ взаимныхъ отношеній, все равно, предстоитъ ли перерѣзать или пощадить какуюлибо изъ этихъ частей“³⁾.

Анатомическія описанія Галена почти исключительно основываются на вскрытіяхъ животныхъ⁴⁾, въ особенности обезьянъ, какъ напр. мартышки (*Macacus caudatus* въ Африкѣ, вслѣдствіе чего онъ и чело-вѣку приписываетъ os incisivum), отчасти же медвѣдей, свиней, однокопытныхъ и звачныхъ животныхъ⁵⁾. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Галенъ неоднократно имѣлъ возможность изучать и анатомію чело-вѣка на ранахъ гладіаторовъ, на выброшенныхъ на улицу мертвыхъ младенцахъ, на людяхъ, предостав-

1) Подробнѣе объ этомъ предметѣ будетъ сказано ниже при изложеніи трактата *De usu part. corporis humani*.

2) Ср. D a g e m b e r g , *Hist. des sciences médicales* I, 212—217.

3) G a l e n u s , въ *De administrationibus anatomicis*, приведено у B o n c h u t , I, 183.

4) Ср. D a g e m b e r g , l. c. I, 210. Hecker, I, 480.

5) G a l e n u s , *De anatom. administr.*, l. VI, c. 8.

ленныхъ на съѣденіе звѣрямъ, на казенныхъ разбойникахъ и наконецъ на трупахъ во время войны и на человѣческихъ скелетахъ ¹⁾. Здѣсь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ многое впервые открылъ, вообще же оставилъ тщательныя описанія въ области остеологіи, центральной и периферической нервной системы, а также отдѣльныхъ органовъ. Слабѣ всего у него вышла спланхнологія.

Въ *osteologia* онъ различаетъ длинныя кости, съ каналомъ, наполненнымъ костнымъ мозгомъ, и плоскія, широкія, безъ таковыхъ каналовъ (*De ossibus*). Въ этой области онъ между прочимъ обогатилъ анатомію описаніемъ надкостной плевы, *membranae medullaris* (нынѣ, какъ извѣстно, отвергаемой), хрящей, связокъ и различныхъ видовъ сочлененій, которыя онъ раздѣляетъ на діартрозы, допускающіе движенія, какъ артроди, *ginglymus*, и сочлененія, не допускающія движеній, какъ швы, *harmoniae* и *gomphoses* (*De articulationibus*) ²⁾. Весьма подробно описываются Галеномъ сочлененія затылочной кости съ атлантомъ ³⁾.

Miologia Галенъ равнымъ образомъ могъ обогатить новыми открытіями, такъ какъ обработалъ ее одинъ изъ первыхъ. Мышечную ткань (мясо) Галенъ считалъ состоящею изъ нервныхъ и сухожильныхъ волоконъ ⁴⁾, вѣроятно вслѣдствіе присутствія многочисленныхъ нервныхъ вѣточекъ въ существѣ мышцы. Въ *De musculorum dissectione* онъ довольно точно описываетъ мышцы позвоночнаго столба и спины, глазныя, за исключеніемъ *trochlearis*, гортанные (*sterno-* и *thyreo-hyoideus*), оба жевательныхъ, а также повидимому имъ впервые открытыя мышцы подкожные, кожный мускуль шеи (*πλάστρα μώδης*) и происхождение Ахиллова сухожилія изъ икроножной мышцы. Съ замѣчательной точностью описываетъ онъ далѣе общія и собственныя мышцы пальцевъ, даже червеобразныя, межкостныя, имъ открытыя, и *palmaris brevis*, не забывъ при этомъ ни фиброзныхъ продолженій (мѣшковъ), посылаемыхъ предплечевой апоневрозой и круглой связкой вокругъ сгибающихъ мышцъ, ни влагалищъ длинныхъ разгибателей и сгибателей, ни наконецъ прободенія поверхностнаго сгибателя глубокимъ. Онъ же открылъ кожный мускуль (*m. reaucier* французовъ) у обезьянъ. Но при всей точности и тщательности Галена въ описаніи строенія человѣческой руки, вызвавшей у него горячій дионирамбъ во славу премудрости природы, оказывается, что Га-

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 2; I, III, с. 5. Въ другомъ мѣстѣ находимъ прямое указаніе на то, что Галенъ вскрывалъ и человѣческіе трупы: „Если смерть не помѣшаетъ моему намѣренію, я изложу когда нибудь строеніе животныхъ, вскрывая каждый изъ ихъ незначительнѣйшихъ органовъ, какъ это дѣлаю для человѣка.“ *De usu partium*, I, VI, с. 4 (I, 391).

²⁾ Ср. Bouchut, I, 185.

³⁾ Galenus, *De usu part.*, I, XII, с. 7, I, XIII, с. 3.

⁴⁾ Galenus, *De motu musculor.*, I, I, с. 1.

лень описываетъ—руку обезьяны, которой недостаетъ самаго главнаго преимущества человѣческой руки—*m. oropens pollicis*. Точно также при изображеніи преимуществъ человѣческой стопы оказывается, что онъ опять таки описываетъ—заднія руки обезьяны ¹⁾

Въ области *анатоміи* Галенъ точно описываетъ аорту, артеріи, въ коихъ различаетъ три оболочки, и сердце, которое впрочемъ онъ считаетъ не мышцей, а только мышцеобразнымъ образованіемъ, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ немъ нервовъ (!) и вообще всякихъ физическихъ отправленій ²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ вѣрно описываетъ продольныя и поперечныя волокна сердца, его полости, перегородку, а. и v. *coronariae*, заслонки, *ductus Botallii*, *foramen ovale*. Положеніе сердца онъ опредѣляетъ въ срединѣ грудной полости ³⁾. Вены, по мнѣнію Галена, берутъ начало въ печени ⁴⁾, подобно тому какъ артеріи—въ сердцѣ. Венамъ Галенъ приписываетъ только одну оболочку:

„Вены всего тѣла образуются единственною собственной оболочкой (*tunica propria*), ибо покрывающая ихъ иногда снаружи существуетъ лишь тамъ, гдѣ есть необходимость соединять вены съ сосѣдними частями, укрѣплять ихъ или покрывать [для защиты]. Артеріи имѣютъ двѣ собственныя оболочки, наружную (целлулезную), похожую на венозную, и внутреннюю (по нашимъ понятіямъ среднюю) приблизительно въ 5 разъ толще, плотную и образованную изъ поперечныхъ волоконъ, тогда какъ венозная имѣетъ только продольныя и ни одного поперечнаго волокна; кромѣ того внутреннюю оболочку артерій, толстую и плотную, выстилаетъ внутри родъ плевы, явственно похожей на каутину, которую нѣкоторые рассматриваютъ какъ третью оболочку артерій (*adventitia*)“ ⁵⁾. Очевидно, Галенъ хорошо видѣлъ и точно описывалъ эту послѣднюю, только не признавалъ ее за *tunica propria*.

Въ трактатѣ „*О кровеносныхъ сосудахъ*“ Галенъ уподобляетъ вены и артеріи дереву съ его корнями, стволемъ, вѣтвями и развѣтвленіями. Венозная система, по его мнѣнію, имѣетъ свои корни въ кишечныхъ венахъ, идущихъ въ печень, стволъ—въ полой вѣтви, а вѣтви—въ развѣтвленіяхъ послѣдней, ибо онъ полагалъ, что кишечный сокъ черезъ брыжжечныя вены постукаетъ въ печень, гдѣ образуетъ кровь, а оттуда—въ верхнія печеночныя вены, полую вену и правое сердце для питанія тканей и органовъ. Артеріальная система имѣетъ назначеніе разносить повсюду вѣтшній воздухъ, представляющій собой своего рода пищу. Корни этой системы вбираютъ воздухъ изъ легкихъ, откуда онъ постукаетъ, черезъ легочную вену и лѣвое предсердіе, въ лѣвый желудочекъ и аорту ⁶⁾.

¹⁾ Ср. *Dagemb. I, 218.*

²⁾ *Galenus, De usu partium, l. VI, c. 8 и c. 18 (trad. Daremb., I, 401 и 447).*

³⁾ Тамъ же, l. VI, c. 2 (I, 382). О сосудахъ ср. тамъ же l. XVI, cc. 10—14 (II, 184—200). Дальнѣйшія подробности, во избѣжаніе повтореній, будутъ изложены въ *физиологіи* Галена.

⁴⁾ Тамъ же, l. IV, c. 12 (I, 306).

⁵⁾ *Galenus, De anatom. administr. l. VII, c. 5.*

⁶⁾ Ср. *Bouchut, I, 185.*

Изъ уцѣлѣвшихъ 9 книгъ большаго сочиненія *De administrationibus anatomicis* видно, что Галенъ отдѣляетъ анатомію наружныхъ частей, предназначенную для хирурговъ, отъ „философской“ или медицинской, т. е. анатоміи внутреннихъ органовъ—для врачей вообще.

Въ *хирургической* анатоміи имъ разсматриваются въ топографическомъ порядкѣ кости и измѣненія въ ихъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ, а равно все относящееся къ переломамъ и вывихамъ; затѣмъ мускулы, кровеносные сосуды, нервы и ногти.

Въ *медицинской* анатоміи Галенъ излагаетъ строеніе внутреннихъ органовъ, придерживаясь болѣе физиологической классификаціи, при чемъ разсматриваетъ: 1) органы пищеваренія, кровотоенія и выдѣленія, 2) дыхательные органы, 3) органы, служащіе для сношеній съ внѣшнимъ міромъ—нервные центры и ихъ продолженія, 4) органы воспроизведенія. Такимъ образомъ первый классъ составляетъ здѣсь собственно

1) *Спланхнологія*, куда Галенъ относитъ желудокъ, причемъ описываетъ видоизмѣненія его у различныхъ животныхъ, кишечный каналъ, выходящій въ его описаніи чѣмъ-то среднимъ между кишечнымъ каналомъ плотоядныхъ и травоядныхъ¹⁾; брыжжеечныя вены, доставляющія печени элементы крови; печень, приготавливающую кровь и состоящую по Галену (введенному здѣсь въ заблужденіе секціями на животныхъ) изъ четырехъ долекъ, обхватывающихъ желудокъ, которому онѣ сообщаютъ свою теплоту и тѣмъ дѣлаютъ способнымъ къ пищеваренію! Далѣе Галенъ описываетъ здѣсь селезенку, почки, мочевой пузырь, причемъ первый указалъ на отверстіе, коимъ мочеточникъ открывается въ мочевой пузырь, наконецъ общую венозную систему съ правымъ сердцемъ и легочной артеріей включительно. Второй классъ составляютъ

2) *Внутренности грудной полости*, гдѣ Галенъ разсматриваетъ подробно органы, служащіе для дыханія и проведенія воздуха во всѣ части тѣла, а именно: гортань, бронхи, легкія, легочныя вены, лѣвое сердце и артеріальную систему. При этомъ онъ указываетъ на отправленія грудной клѣтки, діафрагмы, межреберныхъ и шейныхъ мышцъ, участвующихъ въ актѣ дыханія, каковыя отправленія установлены имъ на основаніи многочисленныхъ живосѣченій спинного мозга на различной высотѣ, блуждающаго нерва, шеи, груди и межреберныхъ мышцъ. Онъ же первый констатировалъ вліяніе спинного мозга на діафрагму, доказавъ экспериментально, что перерѣзка перваго выше мѣста вхожденія п. phrenici влечетъ за собою параличъ діафрагмы.— Легкія по Галену состоятъ изъ развѣтвленій легочныхъ венъ, артерій,

¹⁾ Naefer, I, 353. Иначе думаетъ Dageberg. Ср. ниже стр. 311, прим. 6.

вѣтвей дыхательнаго горла и „перенхимы“ Эразистрата¹⁾. Онъ осторожно удаляя межреберныя мышцы на живомъ животномъ, дабы убѣдиться въ томъ, что легкія не находятся въ связи съ ребрами.

3) *Неврологія* составляетъ самый блестящій отдѣлъ анатоміи Галена. Здѣсь онъ описываетъ: а) нервныя центры—головной мозгъ съ его четырьмя желудочками, мозжечекъ и спинной мозгъ, выходящій изъ головного какъ изъ корня; изъ мозговыхъ оболочекъ паутиная была ему неизвѣстна; б) нервныя ганглии (n. splanchnicus), в) мягкіе, чувствительныя, происходящіе изъ головного мозга, плотныя, двигательныя, идущіе изъ спиннаго мозга, и наконецъ смѣшанныя нервы, имѣющіе среднюю плотность и идущіе по его мѣнѣю изъ продолговатаго мозга. Галенъ вообще прослѣдилъ нервы до малѣйшихъ развѣтвленій, а также зналъ нервныя анастомозы и ихъ значеніе по отношенію къ симпатіямъ. То обстоятельство, что нѣкоторые мозговыя нервы служатъ для движенія, Галенъ объясняетъ тѣмъ, что на своемъ протяженіи они дѣлаются плотными, превращаясь такимъ образомъ изъ чувствительныхъ въ двигательныя нервы²⁾.

Галенъ приводитъ семь паръ мозговыхъ нервовъ: 1) n. opticus, 2) oculomotorius (съ patheticus s. trochlearis), 3) первую вѣтвь тройничнаго нерва (ramus ophthalmicus n. trigemini), 4) вторую и третью вѣтви его (ramus maxillaris super. et infer. n. trigemini), 5) acusticus и facialis, которые онъ обозначаетъ какъ „portio mollis и dura“ одного и того же нерва; 6) vagus (съ glossopharyngeus и n. accessorius Willisii); 7) n. hypoglossus. Очевидно, Галенъ зналъ почти всѣ мозговыя нервы, неизвѣстными ему остались лишь немногіе, такъ какъ 10 и 11 пары новѣйшихъ онъ описываетъ вмѣстѣ съ vagus, n. trochlearis—повидимому вмѣстѣ съ oculomotorius, acusticus вмѣстѣ съ facialis, а olfactorius, отнюдь не признавая его за нервъ,—какъ отростокъ передней части боковыхъ желудочковъ³⁾.

Первая пара Галена. N. opticus Галенъ считалъ самымъ мягкимъ, такъ какъ имъ не обуславливаются никакія движенія, и весьма вѣрно описываетъ его переходъ въ сѣтчатку, причемъ опровергаетъ господствовавшее еще со временъ Аристотеля мнѣніе о продиравленіи его въ центрѣ, справедливо приписавъ это отверстіе каналу центральной артеріи⁴⁾. Начало его онъ производитъ отъ зрительныхъ бугровъ и увѣряетъ, что ему удалось прослѣдить его до стѣнокъ задней части боко-

¹⁾ Galenus, De anatom. administr., l. VII, c. 5.

²⁾ Дальнѣйшія подробности изъ анатоміи центральной нервной системы будутъ изложены въ *физиологіи* Галена.

³⁾ Ср. De usu part. l. IX, cc. 8—13 (I, 583—597).

⁴⁾ Galenus, De nervorum dissect., c. 2.

выхъ желудочковъ. Полнаго перекреста зрительныхъ нервовъ онъ не признаетъ, а принимаетъ только соприкасаніе ихъ въ видѣ (1).

Вторая пара. Происхожденіе п. oculomotorii описано неясно, яснѣе описано его выходненіе изъ мозга 2), причеиъ, какъ указано выше, Галенъ принималъ, что онъ идетъ ко всѣмъ безъ исключенія глазнымъ мышцамъ, коихъ онъ принимаетъ семь 3), слѣдовательно заодно съ нимъ описывалъ вѣроятно и trochlearis и можетъ быть еще и abducens.

Третья пара. N. trigeminus былъ изслѣдованъ еще Marinus'омъ, который не кстатн дѣлил его на два нерва, принявъ оба его корешка за два различныхъ нерва, каковое дѣленіе удержано и Галеномъ, такъ что подъ его третьей парой слѣдуетъ подразумѣвать глазничную вѣтвь (г. ophthalmicus), а его

Четвертая пара есть верхне-и нижнечелюстная вѣтви trigemini 4).

Пятая пара Галена состоитъ изъ п. acusticus и п. facialis, считавшихся Marinus'омъ однимъ нервомъ, но ясно различаемыхъ Галеномъ, который однако почему-то не нашелъ нужнымъ измѣнить здѣсь номенклатуру 5). Онъ зналъ мѣсто вступленія ихъ во внутреннее ухо, въ особо для нихъ существующія отверстія, а также выходненіе лицеваго нерва изъ foramen stylo-mastoideum, и посредствомъ вскрытія скалистой кости убѣдился въ изогнутости костнаго канала. Далѣе онъ съ замѣчательной точностью прослѣдилъ дальнѣйшія развѣтвленія лицеваго нерва и многочисленныя его соединенія съ вѣточками нижнечелюстнаго нерва. Что касается слуховаго нерва, то Галенъ не изслѣдовалъ дальнѣйшихъ его развѣтвленій, а ограничивается только замѣчаніемъ, что нервъ этотъ лежитъ открытымъ для воспринятія звука 6).

Шестая пара. Описаніе выходненія и дальнѣйшаго хода блуждающаго нерва составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ анатоміи Галена, прослѣдившаго шагъ за шагомъ, по пути его въ желудокъ, всѣ вѣтви, посылаемыя имъ къ груднымъ сплетеніямъ, и доказавшаго посредствомъ перевязки зависимость отъ него голоса 7), причеиъ подобная точность изслѣдованія навела Галена также на знакомство съ воз-

1) Gale n. s., De usu partium., l. X, с. 12 и 14 (I, 637, 646).

2) Gale n. s., De nervorum dissectione с. 3.

3) 4 прямыхъ, 2 косныхъ и 1 m. suspensor (описанъ по экземплярамъ млекопитающихъ). Gale n. s., De usu part., l. X, сс. 8, 9 (I, 628).

4) Gale n. De nervorum dissect. сс. 4, 5. 5) Тамъ же, с. 6.

6) Gale n. Method. med. l. VI, с. 6.

7) Gale n. De nervorum dissection. с. 7. Здѣсь кстатн замѣтимъ что по Haeser'у (I, 365) 6 пару Галена составляетъ только одинъ vagus, а 7 пару—glossopharyngeus, но изъ описанія самаго Галена видно, что шестая пара Галена составляетъ изъ 9, 10 и 11 паръ новѣйшихъ, а седьмая Галена есть 12 пара новѣйшихъ, т. е. hypoglossus. Ср. De usu part. l. IX, сс. 11 и 12 (I, 589—593).

вратною его вѣтвью (п. resurgens), обхватывающей подключичную артерію на правой и аорту на лѣвой сторонѣ ¹⁾.—Тоже слѣдуетъ сказать

О седьмой парѣ—п. hypoglossus ²⁾, и спинно-мозговыхъ нервахъ, коихъ начала и затѣмъ дальнѣйшее распредѣленіе, въ особенностяхъ на шеѣ, описаны имъ весьма вѣрно и съ образцовой тщательностью, послѣ чего ему уже не трудно было опредѣлить составъ п. phrenici ³⁾. Въ этомъ описаніи происхожденія спинно-мозговыхъ нервовъ, по мнѣнію Нескера, есть уже зачатки знакомства съ симпатическимъ нервомъ ⁴⁾. Причина, почему не всѣ нервы происходятъ изъ головного, но отчасти и изъ спиннаго мозга, заключаются, по мнѣнію Галена, въ томъ, что въ первомъ случаѣ нервы были бы слишкомъ длинны и легко подвергались бы разрывамъ. Что касается установленія различія между нервами, сухожиліями и связками, то въ этомъ уже давно не было надобности и Галенъ только мимоходомъ упоминаетъ о немъ, при опроверженіи нѣкоторыхъ старыхъ заблужденій ⁵⁾. Нервы Галенъ считалъ настоящими продолженіями мозгового вещества, отъ котораго они отличаются только большею плотностью ⁶⁾.

4) Въ анатоміи *органовъ произражденія* интересна параллель, проведенная Галеномъ между мужскими и женскими половыми органами. Последніе, по его мнѣнію, не что иное какъ остановившіеся на низшей ступени развитія и какъ бы вывороченные наизнанку мужскіе органы, причемъ матка соотвѣтствуетъ мошонкѣ, яички—яичникамъ, а срамныя губы—крайней плоти. Эта неполнота развитія по Галену зависитъ отъ преобладанія холода въ женскомъ организмѣ ⁷⁾. Врядъ ли однако позволительно, вмѣстѣ съ Нескеромъ, допустить, что при установленіи этой параллели Галену были извѣстны фактъ дифференцированія пола съ 5 мѣсяца и одинаковость его въ первые мѣсяцы зародышевой жизни ⁸⁾. Что касается господствовавшего до него мнѣнія о двурогости матки, то хотя Галенъ рѣшительно ее отвергаетъ, но все таки видитъ намекъ на нее въ фаллопиевыхъ трубахъ ⁹⁾, съ чѣмъ быть можетъ согласно и высказанное имъ въ другомъ мѣстѣ положеніе, что число маточныхъ полостей вездѣ соотвѣтствуетъ числу грудей ¹⁰⁾.

¹⁾ Galen. De usu part., l. VII, c. 14 (I, 504).

²⁾ Тамъ же, l. IX, c. 12 и Galen. De nervorum dissect. c. 8.

³⁾ Тамъ же. сс. 11 и 15. ⁴⁾ Hecker, I, 487.

⁵⁾ Galen. De usu part. l. I, c. 17 (I, 142). De dogmat. Hipp. et Plat. l. I, c. 9.

⁶⁾ Galen. De motu musculorum, l. I, c. 1 (II, 322).

⁷⁾ Galen. De usu part. l. XIV, c. 6 (II, 100), гдѣ такое недоразвитіе Галенъ сравниваетъ съ закрытіемъ отъ рожденія глазами Aphalax.

⁸⁾ Тамъ же, c. 7. Ср. Hecker, I, 500. ⁹⁾ Galen. De uteri dissect. c. 8.

¹⁰⁾ Galen. De usu part. l. XIV, c. 4 (II, 94).

Физиологія Галена изложена во многихъ трактатахъ ¹⁾, изъ нихъ самый обширный—

De usu partium. Прежде, чѣмъ перейти къ основнымъ положеніямъ физиологіи Галена, необходимо познакомиться съ содержаніемъ и направленіемъ этого трактата. Его обыкновенно считаютъ самымъ главнымъ сочиненіемъ Галена по физиологіи, но въ сущности онъ ничто иное какъ длинный манифестъ анатоміи въ пользу *конечныхъ причинъ*“ (Voucherit). Это былъ протестъ противъ эпикурейской (атомистической) философіи, торжествовавшей тогда свои побѣды въ Римѣ и приведшей человѣчество къ матеріализму и атеизму. Это собственно—ни трактатъ анатоміи, ни трактатъ физиологіи, а сочиненіе, въ которомъ анатомія и физиологія—лишь два различныхъ пути, ведущихъ къ признанію премудрости природы, устроившей органы наилучшимъ образомъ и вполне цѣлесообразно съ ихъ функціями. Въ этомъ трактатѣ, слѣдовательно, Галенъ не занимается спеціально ни анатоміей, ни физиологіей, онъ доискивается здѣсь не того, какъ устроены части и какъ совершаются физиологическіе акты, а почему имѣетъ мѣсто извѣстное расположеніе частей и чѣмъ оно можетъ успѣшно способствовать физиологическому дѣйствию. „Мы намѣрены, говоритъ онъ, трактовать здѣсь не о функціяхъ, но о пользѣ частей“ ²⁾. Это противоположеніе пользы (*χρεία*) и функціи (*ἐνέργεια*) проведено во всемъ трактатѣ. Итакъ здѣсь Галенъ излагаетъ, во первыхъ, причину и пользу всѣхъ особенностей формы, положенія, величины и строенія органовъ, во вторыхъ, отношенія между строеніемъ органовъ и ихъ функціями, причемъ доказываетъ, что каждый живой организмъ и каждый изъ его органовъ созданы для заранее предназначенной цѣли, а именно для служенія душѣ, для которой разныя части тѣла—только слуги, ибо тѣло—только орудіе души ³⁾.

Трактатъ *De usu partium* состоитъ изъ 17 книгъ, обнимающихъ, подобно *De administrationibus anatomicis*, конечности, органы питанія въ

¹⁾ Общая физиологія изложена преимущественно въ *De dogmatis Hippocratis et Platonis*, *De naturalibus facultatibus* и *De temperamentis*; кромѣ того равные вопросы общей и частной физиологіи, а также теоретической и экспериментальной, изложены въ *De usu partium corporis humani*, въ *De administratinationibus anatomicis*, въ трактатахъ о пульсѣ и въ *De respiratione*.

²⁾ Galenus, *De usu partium*, l. I, c. 16 (I, 141).

³⁾ Тамъ же, l. I, c. 2 (I, 112).

въ обширномъ смыслѣ, куда относятся и органы дыханія, органы сношеній съ внѣшнимъ міромъ и наконецъ органы воспроизведенія.

Какъ образецъ понятій Галена о цѣлесообразномъ устройствѣ человѣческаго тѣла можетъ служить отзывъ его о пользѣ и премудромъ устройствѣ человеческой руки, которой главная функція—хватаніе предметовъ и осязаніе и которой посвящена вся первая книга *De usu partium*:

„Только человекъ имѣетъ руку, подобно тому какъ онъ одинъ надѣленъ высшимъ разумомъ, она для него самое лучшее, самое приспособленное къ его природѣ орудіе какъ для оборонъ, такъ и для всякаго рода индустриіи“ Затѣмъ, указавъ на приспособленіе руки человека для самозащиты, для прикрыванія имъ своей наготы, для построенія жилищъ, храмовъ, кораблей, для музыкальной игры, для записыванія законовъ, исторіи и завѣщанія потомству плодовъ человеческой мысли, для бесѣдованія съ Платономъ, Аристотелемъ, Гиппократомъ и другими гениями древности ¹⁾, Галенъ восклицаетъ:

„Какъ человекъ самое разумное изъ всѣхъ животныхъ, такъ руки наиболѣе приличны разумному существу орудія, ибо человекъ разуменъ не потому, что одаренъ руками, какъ говорятъ Анаксагоръ, но имѣетъ руки потому, что онъ самое разумное существо, какъ говорятъ Аристотель. Не рука научаетъ людей искусствамъ, а разумъ, рука—только орудіе разума, подобно тому какъ лира—орудіе музыканта, а щипцы—орудіе кузнеца. Какъ лира не дѣлаетъ музыканта, а щипцы кузнеца, и каждый изъ нихъ обладаетъ искусствомъ въ силу своего разума, такъ и каждая душа одарена способностями, которыми она не могла бы пользоваться безъ орудій.“ (Слѣдуютъ примѣры инстинктивныхъ движеній разныхъ новорожденныхъ животныхъ въ доказательство того, что способности существуютъ раньше орудій) ²⁾.

Здѣсь очевидно буквально воспроизведенъ взглядъ Аристотеля, диаметрально противоположный современному, по которому наоборотъ приспособленіе къ функціямъ опредѣляется строеніемъ органовъ, видоизмѣненіемъ по закону типовъ. Но насколько шатки телеологическіе взгляды Галена на „пользу частей человѣческаго тѣла,“ настолько вѣрно въ общемъ изложеніе самыхъ функцій и въ особенности анатомическихъ данныхъ, разобранныхъ въ *De usu partium* до мельчайшихъ подробностей. Такъ напр. при описаніи руки онъ входитъ во всѣ детали устройства и формы многочисленныхъ ея сочлененій, связокъ, мышцъ и сухожилій, изъ коихъ въ пальцахъ обѣихъ рукъ насчитываетъ до 118:

„Пальцы обѣихъ рукъ, вмѣстѣ взятыхъ, представляютъ 30 составовъ, къ каждому составу прикрѣпляется по одному сухожилію на каждой изъ 4 поверхностей, за исключеніемъ перваго состава (основанія) большаго пальца, а потому вмѣсто 120 остается 118 сухожилій“ ³⁾.

¹⁾ Galenus, De usu part., l. I, c. 2 (trad. Daremb. I, 112—114).

²⁾ Galenus, De usu partium, l. I, c. 3 (I, 114).

³⁾ Тамъ же, l. I, c. 21 (I, 160).

Въ концѣ первой книги находится *краткій перечень* содержанія слѣдующихъ книгъ, который и приводимъ здѣсь со словъ Галена:

„Пора уже закончить здѣсь мою первую книгу.

„Во *второй* книгѣ буду говорить о другихъ частяхъ верхней конечности, а именно о запястьѣ, предплечіи и плечѣ.

„Въ *третьей* книгѣ покажу искусство природы въ устройствѣ нижнихъ конечностей [причемъ, также какъ и для руки, въ особенности подробно разсматриваются форма составовъ, мускулы, апоневрозы, сухожилія и всѣ роды движеній, ими обусловливаемыхъ, а также механизмъ прямого положенія человѣка, форма и механизмъ стопы для стоянія и хожденія и т. д.].

„Въ *четвертой* и *пятой* книгахъ буду говорить объ органахъ питанія.

„Въ слѣдующихъ двухъ [*шестой* и *седьмой*]—о легкихъ.

„Еще въ двухъ другихъ [*восьмой* и *девятой*] займусь головой.

„Въ *десятой* изложу строеніе однихъ только глазъ.

„Слѣдующая книга [*одинадцатая*] обнимаетъ органы лица.

„*Двѣнадцатая* будетъ содержать начало описанія области позвоночнаго столба.

„*Тринадцатая* книга закончитъ все относящееся къ позвоночному хребту и дополнитъ то, что осталось еще сказать о плечахъ.

„Въ слѣдующихъ двухъ книгахъ [*четырнадцатой* и *пятнадцатой*] я буду говорить о половыхъ органахъ и объ всемъ, что относится къ сѣдалищной области.

„*Шестнадцатая* книга обнимаетъ органы, общіе всему животному [встрѣчающіеся на всемъ протяженіи животнаго тѣла], т. е. артеріи, вены и нервы.

„*Семнадцатая* книга будетъ какъ бы эпилогомъ всего трактата, въ которомъ будетъ изложено состояніе всей совокупности этихъ частей по отношенію къ ихъ величинѣ, причемъ объясню полезность всего трактата“¹⁾.

Таково содержаніе *De usu partium*, по словамъ самого Галена. Излишне повторять, что телеологическое направленіе такъ и сквозитъ вездѣ во всемъ сочиненіи. Для примѣра укажемъ еще на одинъ любопытный обращеніе телеологіи Галена: шея создана для помѣщенія гортани и дыхательнаго горла, а равно и для того, чтобы нервы верхней конечности имѣли достаточно мѣста для выхожденія изъ спинного мозга²⁾. Но самой лучшей иллюстраціей апіористическаго направленія общей фізіологіи Галена можетъ служить именно эпилогъ, въ которомъ Бушю почему-то находитъ

¹⁾ Galenus, De usu part. l. I, c. 25 (trad. Daremb. I, 166, 167).

²⁾ Тамъ же, l. VIII, c. 1 (I, 526).

фундаментальныя истины, безъ знанія коихъ, по его мнѣнiю, невозможна никакая успѣшная медицинская дѣятельность ¹⁾. Онъ приводитъ этотъ эпилогъ въ изложенiи Андраля, составляющемъ, собственно говоря, не переводъ, а болѣе высокопарную перефразировку, воспроизводящую въ изящной формѣ изложенныя здѣсь мысли Галена, съ весьма большими отступленiями отъ подлинника, которая начинается такъ:

„Когда поэтъ довелъ до развязки дѣйствiе имъ придуманное или заимствованное изъ исторiи, въ концѣ театральнoй пьесы или лирической поэмы на сцену выступаетъ хоръ и прогнѣнитъ гимнъ въ честь боговъ. И я въ концѣ моего сочиненiя хочу высказать, какое впечатлѣнiе произвело на мой умъ изученiе чудесъ человѣческой организацiи. Вотъ мой гимнъ! Вотъ мой эподъ!“ ²⁾.

Ничего этого въ 17 книгѣ мы не нашли, а лишь въ концѣ ея сравненiе этой книги съ эпилогомъ (ἐπιλόγος). Мы съ своей стороны считаемъ также не лишнимъ привести здѣсь вкратцѣ содержанiе эпилога, придерживаясь однако изложенiя самого Галена:

„Это моя послѣдняя книга о пользѣ частей человѣческаго тѣла. Функция отличается отъ пользы тѣмъ, что функция есть активное, дѣйствующее движенiе (ἑρπύλη κίνησις), а польза ни что иное какъ то, что называется обыкновенно удобствомъ или выгодой (εὐχρηστία). Я сказалъ, что функция есть активное движенiе, потому что многiя движенiя пассивны. Итакъ первая польза для животныхъ—та, которая происходитъ отъ функций; вторая та, которая происходитъ отъ частей.“ Слѣдуетъ подробный рассказъ Галена о его изумленiи при видѣ цѣлесообразности устройства частей слона, въ особенности его хобота. Затѣмъ указавъ на то, что организацiя тѣла животныхъ не можетъ быть дѣломъ случая или случайной встрѣчи атомовъ, какъ того желаютъ Эпикуръ и Асклепиадъ, а есть напротивъ дивная машина, отличающаяся такимъ совершенствомъ, до котораго не могло додуматься никакое человѣческое искусство и которое свидѣтельствуеетъ о постоянномъ вмѣшательствѣ и присутствiи высшаго разума, Галенъ старается доказать, что части расположены и составлены именно такъ, чтобы онѣ могли способствовать наилучшимъ образомъ выполнению отправленiй органовъ, что и величина ихъ, напр. рукъ и ногъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, вполне соразмѣрна и пропорциональна съ совершаемой ими функцией.

„Налишнее доказывать, продолжаетъ Галенъ, насколько соразмѣрность и польза бровей, ушей, вѣкъ, рѣсницъ или одинаковая величина зрачковъ свидѣлствуютъ о мудрости и вмѣстѣ о могуществѣ природы; одной кожи (δέρμα), которую находятъ повсюду, достаточно для того, чтобы показать ея искусство, равно какъ и различныхъ отверстiй и каналовъ, изъ коихъ нѣтъ ни одного бесполезнаго. Волосы растутъ только тамъ, гдѣ они необходимы: на головѣ, бровяхъ, вѣкахъ; внутренняя поверхность рукъ и подошвы ногъ ихъ не имѣютъ. Ни одинъ мускулъ не соединенъ съ кожей напрасно, а лишь тамъ, гдѣ есть оттого необходимая польза.

¹⁾ „Près de dix-sept siècles ont consacré ces vérités fondamentales et le médecin qui les ignore ou qui en méconnaît l'importance ne fera jamais qu'un très mauvaise médecin.“ Ср. Bouchut, l. c. I, 203. ²⁾ Тамъ же, 201.

„Кто же будетъ до того безумцемъ и вратомъ созданій природы, что не признаетъ верховнаго художника, разсматривая хотя бы ко жу и остальные части, представляющіяся на первый взглядъ? Кто не пойметъ, что надъ землей паритъ и проникаетъ всѣ части высшій, одаренный дивнымъ могуществомъ разумъ? Земля вездѣ родитъ животныхъ, одаренныхъ чудеснымъ строеніемъ. Хотя она самая худшая изъ частей вселенной, однако и ее проникаетъ вселенскій разумъ, который выше и чище въ небесныхъ тѣлахъ, но затѣнъ и въ земныхъ. Если въ тинѣ, грязи, болотахъ, растеніяхъ и гнилыхъ плодахъ зарождаются животныя организмы, свидѣтельствующіе объ удивительномъ искусствѣ верховнаго художника, то что думать о тѣлахъ небесныхъ? Этотъ же разумъ природы отразился и въ человѣческомъ родѣ, доказательствомъ чему служатъ Платонъ, Аристотель, Гиппархъ, Архимедъ и другіе имъ подобныя. Когда въ подобной лужѣ (ибо какое другое названіе дать этой кучѣ мяса, крови, слизи, желтой и черной желчи?) видишь такой превосходный умъ, то насколько выше долженъ быть разумъ, обитающій солнце, луну, звѣзды!... Поэтому для всякаго, имѣющаго непринужденный и прямой взглядъ на вещи, то, что сначала могло показаться пустякомъ, а именно, разслѣдованіе пользы частей, должно стать основой усовершенствованной теологіи, составляющей гораздо болѣе важное и великое дѣло, чѣмъ вся медицина.

„Ислѣдованіе пользы частей, слѣдовательно, имѣетъ для философа еще болѣе значенія, чѣмъ для врача, если только онъ желаетъ обладать познаніемъ всей природы, ибо онъ долженъ быть посвященъ въ ея тайны. Люди, разсматриваемые какъ нація или соединенныя въ большомъ числѣ и боящіяся боговъ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ ничего подобнаго элевзинскимъ и самоэракійскимъ таинствамъ. Однако эти торжества только въ слабой степени освѣщаютъ то, что они должны показать, между тѣмъ какъ творчество природы очевидно во всѣхъ животныхъ, ибо не въ одномъ только человѣкѣ найдете то искусство, о которомъ я говорилъ, но и въ каждомъ животномъ столько же видны мудрость и искусство великаго художника, и чѣмъ мельче животное, тѣмъ удивительнѣе покажется его строеніе. Еще недавно, въ послѣдніе дни, одинъ художникъ вырѣзалъ на кольцѣ—Фаятона, влекомаго четырьмя конями, со всѣми ихъ уздечками, мордами, зубами и ногами, которая можно было разглядѣть только при блестящемъ освѣщеніи. Тысячу разъ считали мы всѣ 16 ногъ 4 ковей и всѣ эти части удивительно явственно и раздѣльно различались тѣми, кто только ихъ могъ видѣть. И однакоже ни одна изъ этихъ ногъ не представляла болѣе совершеннаго строенія, чѣмъ лапка блохи! Но кромѣ искусства, скрывающагося во всей лапкѣ блохи, которая тоже живетъ, питается и растетъ, еще неизмѣримо болѣе мудрости и могущества должно скрываться въ искусствѣ того, кто создаетъ блоху, ибо онъ, безъ всякаго труда, ее образуетъ, развиваетъ и питаетъ. Если столько искусства заключается въ столь низкихъ животныхъ, повидимому вѣднине сотворенныхъ, то сколько мудрости и могущества слѣдуетъ предполагать въ созданіи высшихъ животныхъ“¹⁾.

Что касается выгодъ, которыя по мнѣнію Галена могутъ быть извлечены изъ его трактата *De usu partium*, то первая изъ нихъ та, что мы изъ него узнаемъ „все могущество пользы;“ вторая заклю-

¹⁾ Galenus, De usu part. l. XVII, c. 1 (II, 201—209).

чается въ облегченіи какъ прогностики, напр. относительно неизлечимости сложныхъ вывиховъ, такъ и діагностики болѣзней скрытыхъ органовъ и частей, ибо знаніе пользы частей столь же необходимо для діагностики и прогностики, какъ и знаніе функцій:

„Если хожденіе невозможно вслѣдствіе поврежденія нерва или мускула, то оно также невозможно, когда существуетъ переломъ или вывихъ костей, съ помощью которыхъ мы держимся на ногахъ.“

Третья выгода заключается въ доставляемомъ этимъ трактатомъ оружіи противъ софистовъ, отрицающихъ и пользу частей, и всякую предусмотрительность въ строеніи животныхъ, и естественность кризисовъ. Наконецъ *четвертая* выгода, которую врачъ можетъ извлечь изъ означеннаго трактата, это—для хирургической терапіи:

„Когда зайдетъ рѣчь о томъ, чтобы разрѣзать, обрѣзать или удалить часть, перешедшую въ гніеніе, или извлечь стрѣлу или дротикъ, то, зная пользу частей, онъ въ то же время будетъ знать, какую часть можно смѣло разрѣзывать и какую нужно щадить“ ¹⁾.

„Всѣ эти преимущества (заканчивается Галенъ 17 книгу) настоящая книга излагаетъ наподобіе того, какъ это дѣлаетъ хорошій эпилогъ (ἐπιλόγος), сравнивъ съ которымъ эту послѣднюю книгу, я и далъ ей это названіе“ ²⁾.

Это телеологическое направленіе красною нитью проходитъ по всей физиологіи Галена, какъ частной, такъ и общей, къ которой теперь и переходимъ.

Общая физиологія. Выше мы видѣли, что въ основу своего міровоззрѣнія Галенъ положилъ обоснованное Гиппократомъ и разработанное подробнѣ перипатетиками ученіе о четырехъ первичныхъ элементахъ, входящихъ въ составъ плотныхъ и жидкихъ частей органическихъ тѣлъ. Эти элементы и ихъ качества, по мнѣнію Галена, нигдѣ не встрѣчаются въ чистомъ непримѣсномъ видѣ, а только въ видѣ разнообразныхъ сочетаній. Въ животномъ тѣлѣ поэтому элементарныя качества представляются вмѣстѣ и качествами тѣла и его частей лишь по столъу, по сколъу замѣчается ихъ преобладаніе въ той или другой части, такъ напр. плотность и сухость въ нервахъ, плотность и холодъ въ костяхъ, теплота въ мышцахъ и т. д. только заслопляютъ собою остальные качества ³⁾. Такое же отношеніе, какъ мы видѣли, существуетъ и для влагъ. Правильное смѣшеніе (κράσις) этихъ элементовъ, влагъ и соответственныхъ основныхъ качествъ составляетъ температурментъ, т. е. равновѣсіе или гармонію жизненныхъ актовъ или состояніе совершеннаго здоровья (εὐκρασία) ⁴⁾, менѣе совершенное ихъ смѣшеніе (intemperia) однако не есть еще бо-

¹⁾ Тамъ же, с. 2, 209 и 210. ²⁾ Тамъ же, с. 3, 210. ³⁾ Galenus, De elem. ex Hippocr. l. II, с. 2. ⁴⁾ Galenus, De temperamentis, l. I, с. 3.

лѣзнь и можетъ считаться относительно здоровьемъ ($\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$) ¹⁾. Темпераметръ видоизмѣняется пропорціонально съ взаимными отношеніями влагъ, отсюда идіосинкразія или индивидуальнѣйшій темпераментъ. Жизнь дающимъ началомъ служитъ душа, „Pneuma,“ часть міровой души. Это Pneuma постоянно возобновляется дыханіемъ и есть внутренняя причина и носитель единства организма, хотя, поступая въ послѣдній (черезъ легкія и сердце въ кровь), оно распадается 1) на жизненное Pneuma ($\pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha \zeta\omicron\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$, spiritus vitalis), какимъ оно становится въ сердцѣ, гдѣ служитъ для охлажденія животной теплоты и откуда, черезъ кровеносные сосуды и кровь, разносится по всему тѣлу, а въ мозгу превращается 2) въ душевное Pneuma ($\pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha \psi\upsilon\chi\iota\kappa\acute{o}\nu$, spiritus animalis), которому оно служитъ пищей и которое помѣщается въ боковыхъ желудочкахъ мозга и есть первый и непосредственный органъ безтѣлесной души ²⁾; наконецъ въ печени, источникъ венъ, жизненное Pneuma превращается 3) въ физическое ($\pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha \varphi\upsilon\sigma\iota\kappa\acute{o}\nu$, spiritus naturalis). Проявляется Pneuma въ тѣлѣ въ видѣ трехъ основныхъ силъ: *душевной* ($\psi\upsilon\chi\iota\kappa\acute{\eta} \delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), изъ мозга сообщаемойся нервамъ, *пульсирующей* ($\sigma\varphi\upsilon\gamma\mu\iota\kappa\acute{\eta} \delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), передающейся изъ сердца артеріямъ, и *натуральной* ($\varphi\upsilon\sigma\iota\kappa\acute{\eta} \delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), изъ печени сообщаемой венамъ. Нервы проводятъ изъ мозга въ отдѣльныя части тѣла ощущеніе и движеніе, артеріи получаютъ воздухъ и природную теплоту и питаютъ душевное Pneuma, назначеніе же венъ—приготовлять кровь и разносить ее по всему тѣлу ³⁾. Къ этому Галенъ прибавляетъ, для отдѣльныхъ отправленій тѣла, случайно дѣйствующія второстепенныя силы, какъ притягательная ($\epsilon\lambda\epsilon\kappa\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), привлекающая въ ткани необходимыя для ихъ состава элементы пищи, измѣняющая или отдѣляющая ($\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), превращающая элементы въ состояніе, необходимое для ткани ⁴⁾, удерживающая ($\kappa\alpha\theta\epsilon\sigma\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), служащая для задержанія элементовъ до окончанія дѣятельности измѣняющей силы, и изгоняющая ($\pi\rho\omega\sigma\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), помогающая живымъ плотнымъ частямъ извергать бесполезныя для нихъ молекулы ⁵⁾. Всѣ эти силы и ихъ субстраты постоянно возобновляются дыханіемъ, принятіемъ жизненнаго Pneuma ($\pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha \zeta\omicron\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$). Къ этимъ силамъ сводятся произражденіе, ростъ, питаніе, усвоеніе, отдѣленія, сокращеніе мускуловъ и вообще всѣ обычныя отправленія тѣла, въ коихъ каждый органъ обладаетъ свойствомъ—съ помощію этихъ силъ упо-

¹⁾ Galenus, De bono habitu и De optima corporis nostr. constitutione вначалѣ.

²⁾ Galenus, De usu respirationis, с. 5.

³⁾ Galenus, De usu partium, l. I, с. 16 (I, 112).

⁴⁾ Galenus, De natural. facultatibus, l. I, с. 19 и слѣд. (II, 228 и слѣд.).

⁵⁾ Тамъ же, l. III, с. 3, 4 (II, 286 и слѣд.).

доблать необходимое для его существованія ¹⁾. При развитіи этого ученія Галенъ отвергъ механическую теорію Эразистрата, старавшагося объяснить всѣ естественныя отправления различнымъ просвѣтомъ сосудовъ ²⁾. Наконецъ, такъ какъ этихъ силъ недостаточно для объясненія всѣхъ физиологическихъ процессовъ, то онъ допускаетъ еще другія: пластическую, оссификаціонную, нервы и хрящи творящую и т. д. ³⁾, а также таинственныя силы всего сущаго („специфическія“ качества позднѣйшихъ или нѣчто въ родѣ *археевъ* van Helmont'a), чѣмъ открываетъ широкое поле для всякаго рода суевѣрій и вѣры въ колдовство, сверхъестественныя силы и проч. Другіе вопросы общей физиологіи, какъ физиологія движеній и тому подобныя, будутъ изложены вмѣстѣ съ слѣдующимъ отдѣломъ.

Частная физиологія. Насколько общая физиологія Галена лишена научнаго значенія, какъ чисто-апріористическая, настолько частная его физиологія имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ Галенъ если не вездѣ, то во многихъ ея отдѣлахъ, впервые въ обширныхъ размѣрахъ положилъ въ ея основаніе экспериментъ.

Физиологія пищеварительныхъ и отдѣлительныхъ органовъ. *Желудокъ и кишечный каналъ.* Пищевареніе есть дѣло пищеварительной силы желудка и теплоты печени. Роль желудка при этомъ исполнѣ активная: онъ притягиваетъ, удерживаетъ и измѣняетъ пищевыя вещества при помощи соотвѣтственныхъ физическихъ силъ ⁴⁾, послѣ чего негодныя вещества удаляются изгоняющей силой (здѣсь Галенъ прямо ссылается на перистальтическія движенія, *περισταλτικὴ κίνησις*), а годныя, превратившіяся въ измѣненную пищевую кашицу (*χυλόν*), удерживаются еще нѣкоторое время желудкомъ до окончательной переварки, затѣмъ, опять при помощи изгоняющей силы переходятъ изъ него въ 12-перстную (продолженіе желудка) и тощую кишки ⁵⁾. Тощая кишка не имѣетъ „собственной пользы,“ а пользу второстепенную—доставку пищи въ печень ⁶⁾, а именно: въ ней, какъ и въ тонкихъ кишкахъ, работа пищеваренія продолжается и происходитъ всасываніе пищевой кашицы въ брыжжечныя вены, гдѣ она образуетъ *χυμός*, который проникаетъ въ печень и здѣсь подъ влияніемъ физическаго Рпеума превращается въ кровь ⁷⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 7—11, I, VII, с. 6 (II, 292). ²⁾ Тамъ же, I, II, с. 3 (II, 253).
³⁾ Тамъ же, I, I, с. 6 (II, 218, 219). ⁴⁾ Galenus, De facultatibus naturalibus, I, III, с. 4 и слѣд. De usu partium, I, VI, с. 7 (I, 286). ⁵⁾ Тамъ же и I, IV, с. 9 (I, 299).

⁶⁾ Тамъ же, I, V, с. 3.

⁷⁾ Тамъ же, I, IV, с. 17. Изъ сопоставленія этой и слѣдующей главы (с. 18), а также I, V, с. 3, легко усмотрѣть, что дѣленія и подраздѣленія кишечнаго канала на различныя отдѣлы у Галена тѣже, что и у новѣйшихъ. При этомъ онъ указываетъ на фактъ существованія двойной сѣтлои кишки у птицъ,—фактъ, отмѣченный уже до него Аристотелемъ. Ср. тамъ же, I, IV, с. 18 (I, 331).

Сальникъ (ἐπίπλοον) служить для согрѣванія желудка при помощи его жирной клѣтчатки, что Галену доказалъ слѣдующій случай:

„Мы сами удалили однажды почти весь сальникъ, выпавшій у гладиатора, раненаго въ эту область. Онъ выздоровѣлъ, но сдѣлался до того чувствительнымъ и впечатлительнымъ къ холоду, что не могъ выносить обнаженія живота и постоянно укутывалъ его шерстью“ ¹⁾.

Другое назначеніе сальника, равно какъ и *брыжжейки* (μεσάραιον)—служить подстилкой и опорой кровопоснымъ сосудамъ, а также для защиты ихъ отъ разрывовъ и поврежденій, особенно на мѣстахъ развѣтвленій (bifurcatio) ²⁾, для каковой цѣли служить также и *поджелудочная железа* ³⁾, назначеніе коей очевидно Галену было неизвѣстно.

Млечные сосуды рассматриваются Галеномъ какъ особенныя вены, идущія отъ брыжжеечныхъ ганглій или заложенныхъ въ брыжжейкѣ лимфатическихъ желѣзъ—не въ печень, а въ кишки (такіе же сосуды находятся и въ сальникѣ) и служація для питанія кишечнаго канала и сосѣднихъ частей, которыя и притягиваютъ изъ нихъ пищу, когда голодны! Всѣ эти заблужденія проистекаютъ, конечно, отъ незнанія Галеномъ кровообращенія. Зато онъ совершенно вѣрно угадалъ роль сфинктеровъ или круговыхъ мускуловъ задняго прохода, какъ запирающихъ нижній отдѣлъ прямой кишки (ἀπευθρομέου τοῦ κάτω πέρας) и препятствующихъ произвольнымъ испражненіямъ, наподобіе сфинктера шейки мочевого пузыря ⁴⁾.

Печень есть начало венъ и источникъ образованія крови ⁵⁾, необходимой для питанія всего тѣла и посредствомъ печеночныхъ и полой венъ поступающей въ правое сердце и отсюда во всѣ части тѣла. Существеннымъ мѣстомъ этого кровотворенія Галенъ считаетъ „мясо“, т. е. мякоть или паренхиму печени ⁶⁾, въ которой природа устроила столь обширную венозную сѣть именно для того, чтобы поступающая со-

¹⁾ Тамъ же, I. IV, с. 9 (I, 295).

²⁾ Тамъ же, I. IV, с. 20 (I, 333).

³⁾ Тамъ же, I. V, с. 2 (I, 338). Назначеніе этой желѣзы оставалось неизвѣстнымъ даже въ эпоху возрожденія. Такъ Varolius и Vauhin послѣ Галена могли только вѣстѣ съ Гиппократомъ приписывать ей отдѣленіе изъ крови грязнаго жира, котораго не могли проглотить (dearscere) сальникъ и брыжжейка! Ср. тамъ же примѣч. I.

⁴⁾ Тамъ же, I. IV, с. 19 (I, 332).

⁵⁾ Тамъ же, I. IV, с. 12 (I, 306).

⁶⁾ „παρέχυμα (quasi περιέχυμα dixisset, hoc est effusum vasis suis sanguinem et circum illa demum concretum.“ Hoffmann. Comment p. 69). Эрастратъ считалъ эту мякоть чѣмъ-то въ родѣ замазки (λίγη στοιβης) между развѣтвленіями сосудовъ, которую нетрудно всю соскоблить пальцами, послѣ чего сосуды остаются обнаженными. Galenus. De administr. anat., I. VI, с. 11, in medio. Ср. Dargem b., Oeuvres de Galien, I, 306, прим.

да измѣненная пища удерживалась подольше, пока окончательно превратится въ кровь. Эта венная сѣть состоитъ изъ *нижнихъ* венъ—вѣтвей воротной вены, несущей *chymus* въ печень, *верхнихъ*—печеночныхъ венъ, несущихъ уже готовую, очищенную ими кровь въ полую вену, и желчныхъ канальцевъ, рассматриваемыхъ Галеномъ не какъ промежуточные между корнями тѣхъ и другихъ, а какъ сопровождающіе плотно вѣтви воротной вены и отходящіе отъ нея подъ извѣстнымъ угломъ до перехода еще нечистой крови послѣдней въ надпеченочныя вены. Послѣднія тоньше, чѣмъ остальные вены тѣла, какъ имѣющія защиту въ печени. Наконецъ печеночныя артеріи расположены ближе и ниже вѣтвей воротной вены и также весьма мелки потому, что служатъ для освѣженія только вогнутой части печени, въ чемъ выпуклая ея часть, движимая постоянно сосѣдней діафрагмой, не нуждается ¹⁾.

Желчный пузырь по Галену имѣетъ двойной желчный протокъ, *cysticus*, въ которомъ оканчиваются печеночные желчные канальцы, и *choledochus*, оканчивающійся въ 12-перстной кишкѣ ²⁾. Онъ и непосредственно всасываетъ желчь подъ вліяніемъ притягательной силы, черезъ невидимые концы сосудовъ, соединяющихъ его съ печенью, ибо его назначеніе—служить резервуаромъ для желчи (*κύστει τῆ καλούμενῆ χοληδόχῳ*) ³⁾.

На желчь (желтую) Галенъ смотрѣлъ какъ на продуктъ очищенія крови, какъ на сваренную и какъ бы сгорѣвшую часть пища, очищенную желчными сосудами (*choledochi*), болѣе жидкую въ обыкновенномъ видѣ и болѣе густую при высшей степени сгорания и тогда похожую на яичный желтокъ. Во всякой желчи, по Галену, есть часть полезная, нормальная и бесполезная, противоестественная, подобно тому какъ и во всякой слизи животнаго есть часть сладкая, полезная и естественная, и часть соленая, загнившая и кислая. совершенно не сваренная. Кровь нуждается въ желтой желчи, еще не дошедшей до послѣдней степени сгорания ⁴⁾. Что касается свойствъ *желтой желчи*, то она по Галену представляетъ острую, ѣдкую жидкость, способную разрушить стѣнки желудка, почему, попадая въ него въ большомъ количествѣ, она тотчасъ извергается рвотой, въ маломъ же количествѣ способствуетъ выведенію слизи изъ желудка и кишечнаго канала ⁵⁾:

¹⁾ Тамъ же, I. IV, с. 13 и примѣч. 1 (I, 312).

²⁾ Тамъ же, I. IV, с. 12 (I, 305).

³⁾ На такое мнѣніе Галена вѣроятно навели видѣнныя имъ начала питательныхъ *vasa hepato-cystica* и желчное пропитываніе мѣста соприкосновенія печени съ желчнымъ пузыремъ на трупѣ. Тамъ же, 304 и I. V, сс. 6, 9 (I, 357 и 361).

⁴⁾ Galenus, De facultatibus naturalibus, I, II, с. 9 (II, 281, 282).

⁵⁾ Galenus, De usu partium, I. V, с. 4 (I, 346—348).

„Природа съ самага начала приготовила хорошее лекарство въ этомъ остромъ и разрушительномъ сокѣ (отъ котораго слѣдовало совершенно освободить тѣло), изливая его не въ ближайшій къ заднему проходу отдѣлъ кишечнаго канала, а въ первое продолженіе желудка (duodenum)“¹⁾.

Селезенка служитъ, рядомъ съ печенью, вспомогательнымъ „очистительнымъ“ органомъ (ἐκκαθαριστὴρ) для обработки нечистой крови, поступающей изъ печени черезъ большую соединительную вену въ селезенку, которая подъ вліяніемъ Рпейша и избытка животной теплоты, доставляемыхъ многочисленными селезеночными артеріями, усваиваетъ себѣ годныя для питанія частицы, а негодныя изливаетъ посредствомъ короткихъ венъ, въ видѣ *черной желчи* и другихъ нечистотъ, въ желудокъ²⁾. Здѣсь послѣдняя способствуетъ образованію пищевой кашицы и помогаетъ пищеваренію, ибо по своему вяжущему и кислому свойству черная желчь сокращаетъ и стягиваетъ желудокъ, заставляя его плотно обхватывать и дольше удерживать пищу до ея окончательнаго сваренія³⁾.

По мнѣнію Бушю эта теорія объ образованіи атравиле въ селезёнкѣ воскресла отчасти въ видѣ ученія Фрерихса объ образованіи въ ней пигментнаго вещества, поступающаго въ кровь я, при избыткѣ, могущаго вести къ серьезнымъ разстройствомъ, ибо, поступая черезъ воротную вену въ печень и общее кровообращеніе, оно (пигментное вещество) въ состояніи прозвести ненормальныя отдѣленія печени, перемежающіяся кишечныя кровотеченія, обильные поносы, рвоту, острую водянку въ полости брюшины, головныя боли, головокруженіе, бредъ и умственное разстройство вслѣдствіе отложенія пигмента въ корковомъ веществѣ мозга и его волосныхъ сосудахъ, въ почкахъ—альбуминурію и наконецъ упорныя перемежающіяся лихорадки⁴⁾.

Почки созданы для отнятія изъ крови полрой вены излишка воды (ὕγροτης), которая служатъ vehiculum для крови (ὕγρωσιν τρεφῆς ἔχουσα по Гиппократу)⁵⁾ и которую онѣ вбираютъ въ себя, благодаря присущей имъ для этой цѣли „притягательной силѣ“, и выдѣляютъ изъ организма въ видѣ мочи. Существо почекъ плотнѣе и каналцы ихъ мельче, чѣмъ въ другихъ отдѣлительныхъ органахъ, оттого, что онѣ должны притягивать и процѣживать означенную водянистую жидкость, которая необходима для поддержанія крови въ жидкомъ видѣ, пока она еще не прошла черезъ печень, и становится бесполезной и излишней, какъ скоро кровь поступила въ полую вену, ибо теплота печени и еще болѣе сильный жаръ сердца и безъ нея сохраняютъ кровь въ жидкомъ видѣ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, 344.

²⁾ Тамъ же, I. IV, с. 15 (I, 318 и слѣд.). По строенію Галенъ причисляетъ селезенку къ губчатымъ органамъ. Тамъ же, I. IV, с. 4.

³⁾ Тамъ же, I. V, с. 4 (I, 349).

⁴⁾ Frerichs, Болѣзни печени, 275. Ср. Bouchut, I, 195.

⁵⁾ Hippocrates, De alimento въ концѣ.

⁶⁾ Galenus, De usu part., I. IV, сс. 5, 6, I. V, сс. 5—7.

Физиология дыхания у Галена совершенно ложная, такъ какъ она выходитъ изъ ложнаго представленія о томъ, что легкія—резервуары, служащія для отпуски сердцу необходимаго ему количества воздуха и что лѣвый желудочекъ предназначенъ для воспринятія и распредѣленія Пнеума вмѣстѣ съ кровью по артеріямъ:

„Дыханіе у животныхъ существуетъ въ интересахъ сердца, которое пуждается въ субстанціи воздуха и, снѣдаемое жаромъ, жаждетъ доставляемой ему послѣднимъ свѣжести, ибо воздухъ, проникая въ него, своимъ охлаждающимъ свойствомъ освѣжаетъ сердце, выходя же изъ него, увлекаетъ съ собою распаленныя и какъ бы сожженныя и сажеобразныя частицы. Вотъ почему сердцу свойственно двоякое движеніе, зависящее отъ частей, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи, ибо, расширяясь оно притягиваетъ, а сокращаясь опорожняетъ“¹⁾.

Дыханіе есть произвольный актъ, для того, чтобы его можно было безъ вреда задерживать временно при продленіи голоса, погруженіи въ воду, прохожденіи черезъ дымъ, мѣамы и проч.²⁾ Легкое выполняетъ всю грудную полость, всегда слѣдуя за движеніями грудной клѣтки. Польза легкаго, согласно Галену, состоитъ *во-первыхъ* и главнымъ образомъ въ поддержаніи природной теплоты, *во-вторыхъ* въ питанія душевнаго Пнеума, для чего наружный воздухъ, притягиваемый черезъ бронхи, претерпѣваетъ послѣдовательныя измѣненія сначала въ самой ткани легкаго, затѣмъ въ сердцѣ, артеріяхъ и наконецъ преимущественно въ желудочкахъ мозга; *въ третьихъ* дыханіе способствуетъ образованію голоса. Природа поэтому самымъ удивительнымъ образомъ приспособила легкое ко всѣмъ этимъ функціямъ. Она устроила, во *первыхъ*, схождение гладкихъ артерій (легочныхъ венъ) въ лѣвомъ желудочкѣ сердца, какъ въ центрѣ, въ которомъ находится источникъ врожденной теплоты, доставивъ такимъ образомъ сердцу средство для постояннаго освѣженія. Во *вторыхъ*, она позаботилась о сокращеніяхъ сердца съ цѣлью постояннаго удаленія сгорающихъ частицъ крови, могущихъ вредить животной теплотѣ и тушить жаръ сердца. Въ *третьихъ*, она создала легкія изъ мягкой, пористой, легкой и наполненной воздухомъ ткани, образовавъ ее какъ бы изъ „застывшей пѣны крови,“—ткани, въ которую легко могъ бы проникать воздухъ, питающій душевное Пнеума³⁾, и которая служить для первой обработки Пнеума, подобно тому какъ печень вырабатываетъ пищу⁴⁾. Далѣе она снабдила легкое тройкаго рода

¹⁾ Тамъ же, I, VI, с. 2. (I, 381). Подробнѣе этотъ взглядъ развитъ въ трактатѣ *De usu respirationis*.

²⁾ Тамъ же, I, VI, с. 2 и 10, I, VII, с. 9 въ концѣ.

³⁾ Тамъ же, I, VII, с. 9 (I, 478), I, VI, с. 10 (411). ⁴⁾ Тамъ же, I, VII, с. 8 (I, 475).

сосудами, изъ коихъ воздухоносныя (трахея и бронхи) она расположена близко между легочными венами, дабы дать возможность сердцу пользоваться плодами дыханія, и легочными артеріями, служащими для питанія трахеи и легкихъ¹⁾. Наконецъ она поставила впереди всѣхъ трахею, которая втягиваетъ заразъ весь необходимый запасъ воздуха и выпускаетъ его лишь толчками во время рѣчи, „дабы мы могли говорить, не нуждаясь въ частыхъ вдыханіяхъ, изъ коихъ cadaго достаточно на долгій промежутокъ времени“²⁾.

Въ тѣсной связи съ существованіемъ легкаго, по ученію Галена, находится существованіе праваго желудочка, ибо по теоріи Галена этотъ желудочекъ назначенъ исключительно для того, чтобы питать легкое³⁾, съ каковой цѣлью изъ него идетъ въ легкое особаго рода сосудъ, имѣющій функціи вены и стѣнки артерій (*art. pulmonalis*). При этомъ Галенъ указываетъ на то, что вообще стѣнки венъ всего тѣла созданы порозными для того, чтобы содержащаяся въ нихъ густая кровь могла проникать черезъ эти стѣнки для питанія частей, тогда какъ стѣнки артерій сдѣланы плотными, дабы лучше удерживать чрезвычайно тонкое рпеума, которое легко можетъ улетучиваться. Съ сосудами же легкаго природа наша нужнымъ распорядиться совершенно наоборотъ, такъ какъ „вены, назначенныя для питанія легкаго“ (*art. pulmonalis*), не имѣютъ надобности слѣдовать за движеніями грудной клѣтки и легкаго при вдыханіи и выдыханіи, между тѣмъ какъ „артерія“ (легочныя вены) должны слѣдовать за этими движеніями, чтобы притягивать въ себя рпеума; а потому вслѣдствіе усиленныхъ движеній, которымъ подвержено легкое, стѣнки ихъ слѣдовало создать весьма крѣпкими. Но дабы легкое не подвергалось риску ничего не притягивать сквозъ толстыя стѣнки вѣтвей питающей его *a. pulmonalis*, природа назначила ему въ пищу только тончайшія частицы крови, достигающей высшей степени своего утонченія, чистоты и выработки въ правомъ желудочкѣ, каковыя частицы только и могутъ пропускать эти стѣнки, ибо легкія, по своему воздушному строенію, нуждаются именно только въ такой легкой, чистой и какъ бы паробразной крови⁴⁾.

Какъ бы то ни было, для Галена легочная артерія есть въ сущности вена, такъ какъ она служитъ для питанія легкаго, а легочная вена есть артерія, такъ какъ она проводитъ воздухъ въ сердце.

¹⁾ Galenus, De usu part. l. VII, c. 8 (I, 474).

²⁾ Тамъ же, l. VII, c. 9 (I, 478).

³⁾ Galenus, De usu partium l. VI, c. 9.

⁴⁾ Тамъ же, l. VI, c. 10 (I, 406--412).

Легочная артерія у своего отверстія имѣеть заслонки для того, чтобы во первыхъ препятствовать отливу крови назадъ, во вторыхъ предупредить стѣсненіе дыханія отъ одинаково-сильнаго дѣйствія венъ и артерій легкаго, въ третьихъ для того, чтобы происходилъ постоянный обмѣнъ воздуха и крови въ концѣ артерій и венъ. Ибо „когда легкое расширяется, кровь течетъ и наполняетъ всѣ вены легкаго, когда оно сокращается, происходитъ какъ бы отливъ ея, отчего можетъ быть постоянное движеніе крови въ венахъ туда и назадъ,“ а чѣмъ болѣе дѣятельность венъ приближается къ функціямъ артерій, тѣмъ болѣе опѣ своимъ давленіемъ стѣсняютъ экскурсіи движеній артерій, назначеніе коихъ—разширяясь, какъ можно больше притягивать, а сокращаясь, выгонять какъ можно большее количество воздуха. Всѣ эти неудобства устраняются заслонками ¹⁾. Что касается *бронховъ*, какъ единственныхъ сосудовъ, наполненныхъ однимъ воздухомъ (ибо „всѣ артеріи тѣла, какъ и лѣвый желудочекъ сердца, содержатъ и кровь“), по въ тоже время соединенныхъ съ сердцемъ посредствомъ гладкихъ артерій, то окончательныя ихъ отверстія устроены такъ, что они пропускаютъ только воздухъ, а не кровь; если, открываясь, они теряютъ пропорціональность своего калибра, то кровь изъ гладкихъ артерій пропотѣваетъ черезъ бронхи и вызываетъ кашель и отхаркиваніе крови ²⁾.

Вотъ къ какимъ ухищреніямъ долженъ былъ прибѣгать Галенъ вслѣдствіе незнакомства съ кровообращеніемъ!

Зато Галенъ имѣлъ нѣкоторое, хотя и смутное понятіе о химизмѣ дыханія, что доказываетъ его теорія о сгораніи частицъ крови и образованіи изъ нихъ копоти (см. ниже), а также опроверженіе теоріи Эразистрата объ асфиксіи, котораго упрекаетъ въ томъ, что онъ принималъ въ расчетъ только утонченное или сгущенное состояніе воздуха и ошибочно утверждалъ, что угольные пары легче воздуха, вслѣдствіе чего вдыхаемый съ ними воздухъ по своей легкости улетучивается изъ организма и увлекаетъ съ собою жизненный воздухъ,—тогда какъ „всѣмъ извѣстно (прибавляетъ Галенъ), что угольные пары до очевидности тяжеле воздуха, главнымъ же образомъ Эразистратъ повидимому не зналъ, что воздухъ, подобно нищевымъ веществамъ, имѣеть внутреннія качества, дѣлающія его годнымъ или негоднымъ для дыханія“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 413.

²⁾ Тамъ же, I, VII, с. 8 (I, 474). Вопросъ, почему воздухъ проникаетъ въ бронхи, кровь въ вены, а смѣсь воздуха и крови въ артеріи, Галенъ объясняетъ тѣмъ, что бронхи черезъ широкое отверстіе гортани наполняются воздухомъ, какъ болѣе легкимъ веществомъ, быстрое и ранѣе, нежели артеріи смѣсью изъ воздуха и крови, а вены—кровью, что имѣеть мѣсто лишь послѣ максимума разширенія бронховъ, легкаго и грудной вѣтки. Тамъ же, I, VII, с. 9 (I, 479). ³⁾ Тамъ же, I, VII, с. 8 (I, 475).

Совершенно вѣрно Галенъ описываетъ *механизмъ дыханія* на основаніи опытовъ, а именно перерѣзки спиннаго мозга (параличъ п. phrenici), межреберныхъ мускуловъ и ихъ нервовъ, съ выпиливаніемъ отдѣльныхъ реберъ, и наблюденій надъ проникающими ранами легкихъ. Изъ этихъ опытовъ онъ убѣдился, что вдыханіе происходитъ отъ расширенія грудной кѣтки подѣ влияніемъ трехъ факторовъ: сокращенія и опусканія діафрагмы (при обыкновенномъ дыханіи), сокращенія межреберныхъ и наконецъ грудныхъ мускуловъ (при усиленномъ дыханіи), причемъ въ легкія, расширяющіяся совершенно пассивно, проникаетъ холодный воздухъ. Выдыханіе происходитъ при обратныхъ условіяхъ, каковому акту содѣйствуетъ также упругость заключеннаго (какъ ошибочно принималъ Галенъ) въ превральномъ мѣшкѣ воздуха¹⁾. Физиологическій путь „Рнешта,“ послѣ поступленія его въ легкія, лежитъ внутри всего тѣла, причемъ лѣвое сердце притягиваетъ его черезъ легочныя вены, сообщающіяся съ съ бронхами, и затѣмъ пропускаетъ черезъ аорту и артеріи вмѣстѣ съ кровью во всѣ части тѣла, гдѣ оно служитъ для регулированія животной теплоты, послѣ чего, одновременно съ кровью, идущей изъ праваго сердца черезъ открывающіяся при выдыханіи полулунныя легочныя артеріи, Рнешта возвращается въ легкія, каковымъ путемъ выводится и „копотъ“ крови, сгорѣвшей въ правомъ сердцѣ. Ибо по мнѣнію Галена здѣсь негодныя частицы крови или „копотъ“ (λινός), подѣ влияніемъ животной теплоты, отдѣляются отъ годныхъ частей крови, поступающей сюда черезъ печеночныя и полую вены, и при выдыханіи выводятся означеннымъ путемъ наружу²⁾. Часть же крови, освобожденная отъ „копоти,“ черезъ поры сердечной перегородки проникаетъ изъ праваго въ лѣвый желудочекъ для дальнѣйшаго измѣненія и усовершенствованія подѣ влияніемъ Рнешта, а оттуда по окончательной переработкѣ, уносится во всѣ части тѣла. Очевидно, уже у Галена существовало смутное представленіе о сгораніи крови. При этомъ по счастливой догадкѣ онъ высказываетъ даже надежду, что когда нибудь откроютъ составную часть воздуха, образующаго „Рнешта,“ отъ присутствія которой зависятъ какъ горѣніе, такъ и животная жизнь³⁾. Только самъ Галенъ представлялъ себѣ это сгораніе въ ви-

¹⁾ Galenus y Oribasius, ed Daremberg, III, 219, 236.

²⁾ Таково толкованіе Haeser'a I, 359. Но этому противорѣчитъ слѣдующее мѣсто у Галена: „Совершенно рационально только одно отверстіе, а именно венозной артеріи (v. pulmonalis, orificium auriculo-ventricul. sinistr.) имѣетъ лишь двѣ заслончатыхъ створки. Оно одно обладаетъ преимуществомъ не закрываться плотно, ибо оно одно имѣетъ преимущественное назначеніе—пропускать изъ сердца въ легкія копотеобразныя остатки, образуемые здѣсь неизбежно свойственною сердцу теплотой и не имѣющіе болѣе короткаго пути для выхода“ Galenus, De usu part. I, VI, с. 15 (I, 437). Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сосудахъ Галенъ очевидно допускаетъ двоякое теченіе въ противоположныхъ направленіяхъ. Но тогда непонятно, какимъ образомъ „копотъ,“ образуемая въ правомъ сердцѣ, можетъ очутиться въ лѣвомъ желудочкѣ! Это впрочемъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ физиологіи Галена. ³⁾ Ср. Haeser, I, 361.

дѣ очищенія крови въ сердцѣ, подобно такому же процессу въ печени, селезенкѣ и почкахъ. Между тѣмъ принимаемое Галеномъ тѣсное соотношеніе между частотой дыханія и животной теплотой совершенно вѣрно, что вполне подтверждается болѣе возвышенной температурой и учащеніемъ дыханія у дѣтей и теплокровныхъ въ сравненіи со стариками и холоднокровными животными ¹⁾.

Въ тѣсной связи съ физиологіей дыханія находится

Физиологія голоса, гдѣ Галенъ подробно описываетъ форму, строеніе, положеніе, сочлененія и связки гортанныхъ хрящей: щитовиднаго (χουδρός θυρεοειδής), безыменнаго или перстнеобразнаго (ἀχρατοειδής, χρισείδης), обоихъ черпаловидныхъ или пирамидальныхъ, которые онъ разсматривалъ какъ одинъ хрящъ (ἀκρατοειδής), такъ какъ онъ изучалъ гортань, окруженную ея оболочками, наконецъ надгортаннаго (epiglottis),—а также гортанную щель (glottis):

„Совокупность этихъ трехъ хрящей образуетъ родъ флейты (αὐλός). Внутри же самаго канала гортани находится тѣло, похожее на мушкетъ флейты [древней], но образованное изъ особеннаго вещества, какого нѣтъ въ другихъ частяхъ тѣла: перепончатого, жирнаго и вмѣстѣ железистаго (glottis)“ ²⁾.

Довольно вѣрно разсматриваются Галеномъ отправленія описанныхъ хрящей, внутреннихъ и наружныхъ мышцъ гортани, въ особенности thyreo-hyoideus, crico-thyreoidei, crico-arytaenoidei и sterno-thyreoideus, а также движенія самой гортани, которыя именно вслѣдствіе сложности ея строенія составляютъ не физическій, а произвольный актъ, необходимый для вдыханія и выдыханія, для совершенной остановки дыханія, для задержанія дыханія и для голоса ³⁾. При этомъ онъ указываетъ на невозможность издавать звукъ при расширеніи гортани, при расслабленіи и удаленіи другъ отъ друга щитовиднаго и перстневиднаго хрящей и открытомъ стояніи черпаловидныхъ, такъ какъ для производства голоса необходима известная степень суженія гортани:

„если воздухъ выводится наружу потихоньку, выдыханіе совершается безъ издаванія звука, если онъ выходитъ быстро и съ силой, происходитъ вздохъ (στενόςκειν). Для того, чтобы животное могло испускать звукъ, абсолютно необходимо быстрое опусканіе гортани, равно какъ суженіе канала этого органа, но это суженіе, равно какъ и возвращеніе къ прежней ширинѣ, должны совершаться мало по малу“ ⁴⁾.

Что касается собственно механизма происхожденія голоса, то Галенъ объясняетъ его такъ:

„Части гортанной щели (glottis) соединяются тѣмъ, что приближаются одна къ другой съ правой и съ лѣвой стороны, плотно соприкасаясь между собой и закрывая такимъ образомъ каналъ. Если при этомъ незначительная часть его остается незакрытой (glottis

¹⁾ Ср. Bouchut, I, 196.

²⁾ Galenus, De usu partium, l. VII, c. 11 (I, 483—487).

³⁾ Тамъ же, 489 и с. 12, 491. ⁴⁾ Тамъ же, l. VII, c. 13 (I, 494).

interarytaenoidea), то это не небрежность со стороны природы, которая оставила по одному отверстию съ каждой стороны glottis [отверстия морганіевыхъ пазухъ] и устроила подъ каждымъ отверстіемъ довольно значительную полость [морганіеву пазуху]. Когда воздухъ входитъ или выходитъ черезъ широко открытый каналъ, онъ не отталкивается въ сторону въ это отверстіе; но если путь его закрыть, оттолкнутый воздухъ сильно ударяетъ въ стороны и открываетъ отверстіе glottis [т. е. пазухъ], которое до сихъ поръ оставалось закрытымъ отъ сближенія краевъ [верхнихъ и нижнихъ голосовыхъ связокъ той же стороны]. Этимъ фактомъ т. е. сближеніемъ краевъ [пазухъ] объясняется, почему отверстіе, о которомъ идетъ рѣчь, ускользало отъ вниманія прежнихъ анатомовъ. Когда полости [пазухъ] надуты и растянуты воздухомъ, то вся эта масса неизбежно должна податься въ воздушный каналъ, который суживается еще плотнѣе, хотя бы онъ и до того уже мало былъ открытъ.... Это искусство, которое природа обнаружила въ такихъ размѣрахъ при сотвореніи гортанной щели, достигаетъ самаго высокаго совершенства по отношенію къ о чер т а н і ю, величинѣ, расположенію, отверстіямъ и полостямъ этого органа. Если представить себѣ эту щель большей обыкновеннаго, тогда будутъ преграждены всѣ выходы для воздуха, какъ это и случается каждый разъ, когда она совсѣмъ закрыта, если же значительно меньшей противъ требуемой величины, то животное совершенно лишено голоса. Если она лишь немного уклоняется отъ желанныхъ размѣровъ, то животное имѣетъ тѣмъ болѣе рѣзкій и неправильный голосъ, чѣмъ дальше гортанная щель уклоняется отъ правильныхъ размѣровъ. Точно также, если вы измѣните ея положеніе или величину отверстій или самыхъ полостей [морганіевыхъ пазухъ], вы тѣмъ уничтожите всю ея годность. Это отверстіе [пазухи] какъ мы сказали, существуетъ на каждой сторонѣ: оно удлинено сверху внизъ въ видѣ линіи (γραμμὴ στενὴ), хотя оно само по себѣ и не узкое, но вещество губъ [гортанной щели] западаетъ такъ сказать на нижележащую полость [пазуху]; къ тому же прежде, чѣмъ губы соприкасаются, видна скорѣе морщиноватая складка (rugositas, ρυτσοτήρ), и желтъ отверстіе, когда же соприкасаются, это отверстіе [пазухи] видно явственно, а также и нижележащая полость [пазуха].... Когда токъ воздуха сильно выталкивается снизу и задерживается сверху, не будучи въ состояніи продолжать свой путь по прямой линіи и испытывая такъ сказать круженіе, онъ устремляется на стѣнки канала и, ударя въ нихъ съ силою, легко опрокидываетъ перепончатые эпифизы (голосовыя связки) въ подлежащую полость [пазухи], въ которую естественно стремится, и наполняетъ и раздуваетъ всю glottis. Такимъ образомъ неизбежно происходитъ плотное закрытіе канала“ (?)¹⁾.

Въ дополненіе къ сказанному находимъ у Галена еще замѣчанія о постоянномъ увлажненіи голосовыхъ связокъ жирной и вязкой слизью, предохраняющей ихъ отъ разрывовъ и позволяющей имъ слѣдовать противоположнымъ импульсамъ при расширеніи и суженіи гортани²⁾,—послѣ чего, обращаясь опять къ гортаннымъ мышцамъ и указавъ на сопротивленіе, оказываемое обѣими за п и р а ю щ и м и мышцами (mm. thyreo-arytaenoidci)³⁾

¹⁾ Тамъ же, 495, 496.

²⁾ Тамъ же, 497.

³⁾ Это собственно—мм. расслабляющія голосовыя связки и черезъ то способствующія закрытію glottis, почему Галенъ называетъ ихъ obturatores. Тамъ же, l. VII, с. 14 (I, 498).

совокупному дѣйствию всѣхъ мышцъ грудной клѣтки, а также на способъ вѣдренія нервовъ въ мышцы гортани, причемъ головка каждой мышцы опредѣляется точкой прикрѣпленія нерва ¹⁾, Галенъ переходитъ къ происхожденію и пути возвратныхъ нервовъ, открытіе коихъ онъ приписываетъ себѣ ²⁾. При этомъ, среди новыхъ дифирамбовъ во славу премудрости природы, онъ находитъ однако возможность нападать на Аристотеля, Эпикура и Асклепіада и наконецъ, послѣ пространнаго объясненія загиба и функций возвратныхъ нервовъ при помощи хирургической машины *glossocomion* и двойнаго бѣга (*διαιολός*) ³⁾, онъ продолжаетъ:

„Парный стволъ прямыхъ нервовъ, выходящихъ изъ задней части головного мозга (*pneumo-gastrici*), спускается черезъ шею по бокамъ трахеи въ связи съ другимъ незначительнымъ пучкомъ нервовъ (*sympathicus*?) Отъ этого-то ствола [на пути его сверху внизъ] гортанные мышцы (*mm. crico-thyreoidei*), за исключеніемъ шести, о коихъ идетъ рѣчь (т. е. *mm. crico-* и *thyreo-arytaenoidei*), а также другія прямыя мышцы шеи получаютъ болѣе или менѣе важныя вѣтви [*n. laryngeus superior* и нѣсколько нитей сердечныхъ нервовъ?]. Но такъ какъ блуждающій нервъ (*pneumo-gastricus*) весьма крупный, то отъ него хотя и отдѣляются многія вѣтви для поименованныхъ мышцъ, тѣмъ не менѣе довольно значительная часть его, пройдя черезъ всю шею, проникаетъ въ грудь. Здѣсь онъ посылаетъ непосредственно для груди первую пару нервовъ, идущую вдоль началъ реберъ (*sympathicus major*?), затѣмъ онъ отпускаетъ еще другіе нервы, одни въ сердце и легкія и еще другіе въ пищеводъ. Если бы я сталъ изчислять всѣ вѣтви, по дорогѣ посылаемымъ имъ въ желудокъ, въ печень, въ почки, во всѣ части, которыя онъ встрѣчаетъ,—вы удивитесь, что ни одна изъ нихъ не отдѣляется къ сказаннымъ 6 мышцамъ гортани. Но мы доказали, что эти мышцы не должны были получать нервовъ, направляющихся сверху внизъ. Теперь объяснимъ, какимъ образомъ Создатель не забылъ однако этихъ мышцъ и отдѣлилъ отъ этихъ большихъ пучковъ, проходящихъ мимо нихъ, достаточной величины вѣтвь, чтобы сообщить имъ чувствительность в движеніе. На пути нервовъ чрезъ грудную клѣтку, съ каждой стороны по той же дорогѣ, поднимается снизу вверхъ по одной восходящей вѣтви, совершающей такимъ образомъ двойной путь... Хотя эти нервы берутъ начало въ мозгу, но когда воля пожелаетъ, чтобы мышцы гортани были натянуты какъ бы ремнями, движеніе (импульсъ), исходящее отъ источника нервовъ, распространяется сверху внизъ и, спустившись черезъ шею на значительномъ протяженіи въ грудь, возвращается отсюда вверху въ гортань, гдѣ нервы вибрируютъ въ сказанные шесть мускуловъ, изъ коихъ каждый тянется внизъ какъ бы руками.“ Здѣсь слѣдуетъ опять сравненіе съ дѣйствіемъ машины *glossocomion* и *diaulos*, а также объясненіе цѣлесообразности загиба возвратныхъ нервовъ вокругъ аорты на лѣвой и подключичной артеріи на правой сторонѣ, какъ единственно удобныхъ и гладкихъ точекъ опоры для безнаказаннаго возврата нервовъ и предохраненія ихъ отъ разрывовъ) ⁴⁾.

Очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто-механической теоріей.

¹⁾ Тамъ же и 499.

²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 14 (I, 503): „Это открытіе, которое держу въ рукахъ, впервѣе сдѣлано мною.“

³⁾ Тамъ же, 500—502.

⁴⁾ Тамъ же, 503—506. Дальнѣйшія подробности о началѣ и развѣтвленіяхъ блуждающаго нерва и его отношеніяхъ къ симпатическому ср. I. XVI, сс. 3—7.

Какъ бы то ни было, но изъ сказаннаго видно, что мнѣніе Галена о распредѣленіи гортанныхъ нервовъ повидимому вполне подтвердилось изысканіями повѣйшихъ анатомовъ, какъ Крювелле, Sarrey и другихъ.

Физиологія кровяной системы. Движенія сердца Галенъ описываетъ довольно вѣрно, на основаніи опытовъ на животныхъ и наблюденій на мальчикѣ, у котораго сердце было обнажено вслѣдствіе костоѣды ¹⁾. Изъ этихъ опытовъ онъ убѣдился въ совмѣстномъ, одновременномъ сокращеніи праваго и лѣваго сердца и при томъ въ синхронизмѣ сокращенія и расширенія обѣихъ верхнихъ или обѣихъ нижнихъ половикъ сердца, т. е. въ томъ, что одинъ желудочекъ сокращается или расширяется одновременно съ другимъ ²⁾. Кроме того, послѣ отдѣленія большихъ сосудовъ отъ сердца путемъ перерѣзки, онъ наблюдалъ продолжающіяся пульсаціи сердца:

„Вы можете видѣть эти движенія сердца, либо вынувъ его животрепещущимъ изъ груди животнаго, либо приподнявъ грудь. Оно уменьшается въ длину и увеличивается въ ширину, т. е. расширяется при сокращеніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ (позначеніе коняъ—притягивать кровь) и расслабленіи остальныхъ; оно наоборотъ сокращается при расслабленіи продольныхъ и сжѣиваніи или сокращеніи поперечныхъ мышечныхъ волоконъ (служащихъ для изгнанія или же удержанія содержимаго при одновремнѣ сокращеніи всѣхъ этихъ волоконъ). Въ промежутки между этими движеніями вѣдетъ мѣсто короткая пауза, въ теченіе которой сердце плотно сжимаетъ свое содержимое, причѣмъ приходятъ въ дѣйствіе всѣ его мышечныя волокна, въ особенности косыя. Связки (*сύνδεσμοι*, сосквидимыя мышцы съ ихъ сухожиліями), прикрѣпленныя внутри, въ самыхъ полостяхъ сердца, и обладающія такою силой, что, сокращаясь, могутъ произвести втягиваніе стѣнокъ сердца, много содѣйствуютъ систолѣ или вѣриѣ въ большой мѣрѣ и производятъ систолу. Ибо между обѣими полостями существуетъ перегородка, къ которой прикрѣплены концы сухожилій и которую они соединяютъ со стѣнками желудочковъ: когда эти стѣнки приближаются къ перегородкѣ, сердце вытягивается вдлину и сжѣивается въ ширину, когда онѣ удаляются отъ нея, оно становится шире, но длина его уменьшается. Если расширеніе и сокращеніе сердца—ни что иное какъ высшая степень удаленія или приближенія стѣнокъ въ поперечномъ діаметрѣ, то ставовится яснымъ, какимъ образомъ совершается одно или другое движеніе.“

„Такимъ образомъ сердце снабжено крѣпкими сухожиліями и различными волокнами для того, чтобы быстро и безъ труда приспособляться къ тремъ различнымъ состояніямъ, расширяясь (діастола), когда оно хочетъ притягивать полезныя [для тѣла] составныя части сжѣиваясь (пауза), въ моментъ, когда оно должно пользоваться притянутымъ матеріаломъ, и сокращаясь (систола), когда спѣшить прогнать дальше остатки этого матеріала“ ³⁾.

Изъ приведеннаго мѣста, равно какъ и изъ многихъ другихъ, видно, что Галенъ говоритъ преимущественно о двухъ полостяхъ (желудочкахъ),

¹⁾ Galenus, De administrat. anatom. l. VII, c. 12.

²⁾ Тамъ же, с. 15; De different. pulsuum, l. IV, c. 2.

³⁾ Galenus, De usu partium, l. VI, c. 8 (I, 402, 403).

какъ составныхъ частей сердца. Существованіе праваго желудочка, какъ указано выше, по ученію Галена тѣсно связано съ существованіемъ легкихъ, для питанія коихъ онъ и предназначенъ, а потому онъ отсутствуетъ у животныхъ, не имѣющихъ легкаго ¹⁾. Что касается предсердій, которыя онъ называетъ то ушками, по сходству ихъ съ ушами животныхъ, то придатками (*ἐπιφύσεις*) или надставками (*ἀπέφύσεις*) сердца, то Галенъ считалъ ихъ какъ бы преддверіями къ сердцу, по своему строенію способствующими быстрому наполненію сердца:

„Ушки (*ὠττα*) темнѣе самаго сердца, они похожи на перепончатые эпифизы, имѣющіе цѣлью обрамлять полость при входѣ въ сердце, одну впереди праваго и одну впереди лѣваго желудочка. Когда ихъ вскрываютъ, становится виднымъ вещество сердца“ ²⁾.

Очевидно въ этомъ отношеніи его анатомія составляетъ шагъ назадъ даже отъ анатоміи Герофила, который, какъ принято и нынѣ, рассматривалъ предсердія какъ составныя части самаго сердца. Зато Галенъ правильно оцѣнилъ и описалъ различныя отверстія и заслонки сердца съ ихъ функціями, описанныя уже впрочемъ Эразистратомъ до того вѣрно, что, какъ сознается самъ Галенъ, ему ничего не осталось прибавить ³⁾.

„Во всѣхъ отверстіяхъ сосудовъ, исходящихъ отъ сердца, есть перепонки, покрывающія одна другую и такъ хорошо устроенныя, что если онѣ напрягаются и выпрямляются разомъ, то онѣ, захлопываясь, закрываютъ все отверстіе.

„Есть вообще четыре отверстія, по два въ каждой полости (желудочкахъ), одно для введенія (*ostium atrioventriculare*), а другое для выведенія (*ostium ventriculo-vasculare s. arteriosum*)...“ ⁴⁾. Для трехъ изъ нихъ существуетъ по три заслончатыхъ створки и только для одного, для венозной артеріи [т. е. для легочной вены]—двѣ створки [*valvula bicuspidalis s. mitralis ostii auriculo-ventricularis sinistri*, которое Галенъ рассматриваетъ какъ отверстіе легочныхъ венъ]. Всѣ онѣ берутъ начало въ самыхъ отверстіяхъ, но, выходя отсюда, онѣ проникаютъ въ желудочки сердца, прикрѣпляясь къ нимъ крѣпкими связками [заслончатыми сухожиліями], другія обращены наружу, къ жѣсту, откуда оба большіе сосуда поднимаются изъ сердца. Въ артеріальной венѣ (*art. pulmonalis*), питающей, какъ мы сказали, легкое, находятся три перепонки [створки], наклоненныя изнутри кнаружи, коимъ по причинѣ ихъ формы дано названіе сигмоидальныхъ тѣмъ, которые производили тщательныя вскрытія. Въ венѣ, приводящей кровь (*vena cava*), также находятся 3 створки, обращенныя снаружи внутрь (*valvula tricuspidalis ostii auriculo-ventricularis dextri*), которыя далеко превосходятъ предыдущія въ отношеніи толщины, плотности и величины. Въ правомъ желудочкѣ нѣтъ третьяго отверстія. Въ самомъ дѣлѣ вена, питающая нижнія части груди (*v. azygos major et minor*: и вѣчная вена сердца (*v. coronaria*) берутъ свое начало

¹⁾ Безгласныя рыбы имѣютъ только 1 желудочекъ и 1 предсердіе. Galenus, De usu part. l. VI, c. 9 (I, 404 и слѣд.).

²⁾ Тамъ же, l. VI, c. 15 (I, 433 и слѣд.) и De administ. anatom., l. VII, c. 9 вначалѣ.

³⁾ Galenus, De dogmat. Hipp. et Plat. l. I, c. 10 вначалѣ.

⁴⁾ De usu part., l. VI, c. 11 (I, 417).

нѣи мѣста происхожденія этихъ заслонокъ. Въ другомъ желудочкѣ сердца существуетъ отверстие [аортальное], самое большое изъ всѣхъ, откуда начинается большая артерія (аорта), изъ которой происходятъ всѣ артеріи животнаго. Здѣсь также находятся три сигмоидальныя перепонки, обращенныя извнутри кнаружи. Другое отверстие, въ венозной артеріи (*v. pulmonalis*), развѣтвляющейся въ легкомъ, представляетъ двѣ перепончатыя створки (*valvula bicuspidalis* *v. mitralis*), открывающіяся снаружи внутрь, формы коихъ ни одинъ анатомъ не пытался сравнивать съ извѣстнымъ предметомъ, какъ это сдѣлано для сигмоидальныхъ заслонокъ, ибо данное послѣднимъ названіе *triglochines* отнесено не къ формѣ каждой изъ нихъ, а къ взаимному ихъ положенію. И въ самомъ дѣлѣ, когда онѣ соединены, онѣ представляютъ точное сходство съ остріями стрѣлы или метательныхъ копій“... „Сосуды приводящіе справедливо имѣютъ большія и толстыя заслонки, а выводящіе— менше крѣпкія... Когда сердце разширяется, каждая изъ связокъ (сосковидныхъ мышцъ и ихъ сухожилій), натянутая именно вслѣдствіе удаленія стѣнокъ сердца одной отъ другой, тянетъ къ себѣ и, такъ сказать, опрокидываетъ заслонку къ самой стѣнкѣ сердца. Отъ заворачиванія всѣхъ трехъ заслонокъ изъ видѣ круга къ стѣнкѣ сердца, отверстія сосудовъ открываются и сердце притягиваетъ черезъ широко открытый путь содержимое этихъ сосудовъ. Сердце этимъ движеніемъ притягиваетъ къ себѣ и содержимое и самый сосудъ, натянутый и увлеченный посредствомъ заслонокъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы заслонки натягивались сердцемъ и чтобы такое притяженіе ничѣмъ не отозвалось на слѣдующемъ за ними сосудѣ. Такимъ образомъ отъ одного движенія сердца при его сокращеніи заслонки, натянутыя сухожиліями, опрокидываются въ самую полость сердца и послѣ круговаго заворачиванія ихъ назадъ отверстіе ихъ открывается, сосуды одновременно притягиваются заслонками въ сердце и содержимое ихъ безпрепятственно течетъ въ полость.. чему все способствуетъ при разширеніи сердца: сердце притягиваетъ, полости находящіяся впереди его предсердія гонять, а сосуды приводятъ это содержимое“¹⁾.

Тоже самое, только въ нѣсколько иной формѣ, изображено у Галена въ другомъ трактатѣ:

„Другія два отверстія (легочной артеріи и аорты) также имѣютъ по три заслонки, представляющія фигуру *sigma C*. Согласно Эразистрату, эти два послѣднія отверстія расположены такъ, чтобы выводить содержимое изъ сердца: черезъ первое (черезъ легочную артерію) кровь идетъ изъ сердца въ легкія, а черезъ второе (аорту) воздухъ проникаетъ во все тѣло, такъ что эти заслонки попеременно оказываютъ сердцу противуположныя услуги. Прикрѣпленныя къ приводящимъ сосудамъ сердца (*ostium auriculo-ventriculare*), онѣ смотрятъ снаужи внутрь, дабы могли опускаться подъ натискомъ притекающихъ веществъ и, ложась въ желудочки сердца, открывать входъ къ нему введеніемъ притягиваемыхъ сюда веществъ. Не слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ думать, что эти вещества входятъ сюда сами собою какъ въ неодушевленное вмѣсталище: сердце своимъ разширеніемъ вътягиваетъ ихъ подобно тому, какъ мѣхъ кузнецовъ вътягиваетъ воздухъ; вотъ какимъ образомъ наполняется сердце. Заслонки сосудовъ, служащихъ для выведенія веществъ, обращены вспять, т. е. смотрятъ извнутри кнаружи, такъ что, ложась или опрокидываясь выходящими веществами, онѣ открываютъ отверстія въ то время, когда сердце доставляетъ или толкаетъ эти вещества; въ другіе же моменты онѣ плотно закрываютъ эти же отверстія и не допускаютъ никакого возврата того, что разъ вышло. Точно также заслонки сосудовъ, служащихъ для

¹⁾ Тамъ же, I. VI, с. 14 (I, 429—433).

введеніа веществъ, закрываютъ отверстія этихъ сосудовъ во время систолы сердца, не выпуская ничего изъ того, что разъ было притянуто“¹⁾).

Несмотря на такое удивительное знакомство съ физиологическимъ дѣйствіемъ заслонокъ, Галенъ былъ однако весьма далекъ отъ мысли о кровообращеніи. Слѣдующія выдержки дадутъ приблизительное понятіе о воззрѣніи Галена на связь между дыханіемъ и кровообращеніемъ:

„Во всемъ тѣлѣ артеріи анастомозируютъ съ венами и между ними происходитъ обмѣнъ воздуха и крови посредствомъ невидимыхъ и чрезвычайно тонкихъ отверстій. Если большое отверстіе артеріальной вены (ostium auric-ventr. dextrum) было бы постоянно и одинаково открыто и природа не изобрѣла бы средства закрывать и открывать его попеременно въ необходимые моменты, кровь никогда бы не проникала въ артеріи черезъ невидимыя и узкія отверстія во время сжатія грудной кѣтки.“ (Это все, что Галенъ зналъ о маломъ кровообращеніи). „Когда грудная кѣтка сжимается, артеріи легкыхъ съ венозными стѣнками (легочныя вены), сдавленные и смятыя внутри со всѣхъ сторонъ, тотчасъ выжимаютъ содержимое въ нихъ Рпеиша и взаимно его напгтываются черезъ эти узкіе каналы частицами крови, что никогда бы не могло имѣть мѣста, еслибы эта кровь могла возвращаться черезъ большое отверстіе (ostium auriculo-ventric. dextrum), которое существуетъ въ этой деѣ со стороны сердца. Въ этомъ состояніи, когда вена сжимается со всѣхъ сторонъ, кровь, встрѣчая входъ въ это большое отверстіе закрытымъ, проникаетъ мелкими каплями въ артеріи черезъ эти узкіе каналы“²⁾).

„Когда грудная кѣтка сильно суживается, то мускулы и кости сильно напгнутъ на легкія и вены также неизбежно сжимаются и сокращаются, не дозволяя однако своему содержимому истекать обратно черезъ отверстіе, уже закрытое заслонками. Чѣмъ болѣе грудная кѣтка, сжимаясь, стремится прогнать кровь съ силой, тѣмъ плотнѣе заслонки закрываютъ отверстіе. Прикрѣпаясь въ видѣ кольца извнутри и обхватывая всю окружность, каждая изъ нихъ представляетъ до того точные видъ и размѣры, что, напрягаясь и расправляясь разомъ, образуютъ словно одну перепонку, запирающую отверстіе. Опрокинутыя же токомъ, нѣбующимъ направленіе извнутри кнаружи, и откидываясь съ этой стороны назадъ на вѣнную оболочку, онѣ доставляютъ этому току легкій проходъ черезъ отверстіе, которое въ сильной степени открывается и расширяется. Когда наоборотъ токъ идетъ снаружн ввнутри, онъ сближаетъ перепонки, прижимающіяся одна къ другой и образушія такимъ образомъ плотно закрытый выходъ“³⁾).

Очевидно, Галенъ отлично видѣлъ направленіе и понималъ механизмъ полулунныхъ заслонокъ легочной артеріи, о коихъ безспорно здѣсь идетъ рѣчь

Артеріальный пульсъ, какъ извѣстно, сталъ предметомъ изслѣдованія только въ александрійской школѣ и различными авторами объяснялся различно. Одни (Праксагоръ, Асклепидъ, Филотимъ) причиной его считали присущую артеріямъ активную способность расширяться и сокращаться; другіе видѣли въ немъ пассивный актъ,—движеніе, сообща-

¹⁾ De dogmat. Hipp. et Plat. l. VI, c. 6.

²⁾ Galenus, De usu part. l. VI, c. 10, (I, 414).

³⁾ Тамъ же, l. VI, c. 11 (I, 416).

ущееся артеріямъ отъ сердца (Герофилъ) или отъ напора Ренеши (Эразистратъ), наконецъ еще другіе считали активной одну только систолу артерій (Атений). Галенъ первый пытался путемъ эксперимента установить связь между діастолой и систолой сердца и діастолой и систолой артерій, но внесъ сюда еще большую путаницу введеніемъ новой силы („пульсирующей“, *σφύγγική δύναμις*), передаваемой отъ сердца артеріямъ ¹⁾. Объ относящихся сюда опытахъ будетъ сказано ниже.

Какое значеніе Галенъ придавалъ изученію пульса, видно изъ того, что посвятилъ ему 16 трактатовъ, а также изъ слѣдующаго:

„Наука о пульсѣ (говорить Галенъ) есть трудное дѣло, она требуетъ отъ желающаго ее познать приложенія большаго ума и рѣдкаго дара наблюденія, въ особенности же — продолжительнаго и постояннаго упражненія и любви къ серьезнымъ вещамъ... Наука о пульсѣ я сдѣлалъ дѣломъ всей моей жизни, но кто послѣ меня захочетъ посвятить себя этой наукѣ въ нашъ жалкій вѣкъ, когда никто не признаетъ другого бога, кромѣ богатства?... Но все равно, найдись изъ тысячи хоть одинъ человекъ, кто изучать и войдетъ мои работы, я достаточно буду вознагражденъ за мои усилія“ ²⁾.

Подробности о различныхъ видоизмѣненіяхъ пульса подъ вліяніемъ физиологическихъ или болѣзнетворныхъ причинъ будутъ рассмотрѣны въ *патологіи* Галена.

Кровообращеніе не было извѣстно Галену, что лучше всего подтверждается его взглядомъ на роль полой вены.

По Галену, какъ и по новѣйшимъ воззрѣніямъ, содержимое воротной вены направляется отъ брюшныхъ внутренностей къ печени, но согласно Галену эта вена, которая подобно всѣмъ другимъ венамъ сама идетъ изъ печени, несетъ пищу, претерпѣвшую уже начало обработки, окончаніе которой лежитъ на обязанности печени. Полая вена по Галену рождается изъ печеночныхъ венъ и идетъ вверхъ и внизъ, составляя въ сущности только одну вену, такъ какъ правое предсердіе есть лишь какъ-бы разширеніе ея (*diverticulum*, ампула) ³⁾. Та часть полой вены, которая находится выше мѣста отхожденія печеночныхъ венъ, несетъ кровь въ верхнія части тѣла, т. е. составляетъ для Галена нѣчто въ родѣ восходящей части полой вены, между тѣмъ какъ часть, лежащая ниже сказаннаго мѣста, несетъ кровь въ нижнія части тѣла и слѣдовательно составляетъ для него нисходящую часть полой вены. Такимъ образомъ для Галена полая вена по отношенію къ печени играетъ

¹⁾ Ср. Haeser, I, 363, 364.

²⁾ Ср. изложеніе Andral'я, Cours de pathol. у Bouehut, I, 198.

³⁾ Galenus De usu partium, l. VI, c. 15 (I, 434, note). Ср. также мѣста, указанныя въ слѣдующихъ трехъ примѣчаніяхъ.

такую же роль, какую аорта играет по отношенію къ сердцу. Когда Галенъ говоритъ, что полая вена беретъ начало на выпуклой поверхности печени, то онъ подъ этимъ подразумѣваетъ, что преимущественно въ этой области находятся крупныя вѣтви печеночныхъ венъ, ибо онъ очень хорошо зналъ, что развѣтвленія этихъ венъ проникаютъ во всю паренхиму печени и анастомозируютъ съ вѣтвями воротной вены. Какъ бы то ни было, въ системѣ Галена полая вена имѣетъ первостепенное значеніе для кровообращенія, онъ сравниваетъ ее съ водопроводомъ, наполненнымъ кровью, изъ котораго отдѣляется множество большихъ или меньшихъ каналовъ, распредѣляющихся во всѣхъ частяхъ животнаго ¹⁾ Восходящей или верхней по Галену, повторяемъ, считается вся часть ея, идущая начиная отъ печени вплоть до дѣленія на стволы *vv. brachio-cephalica* въ яремной ямѣ, причѣмъ правое предсердіе, встрѣчающееся на ея пути, есть только ея ампула, имѣющая цѣлью доставлять кровь для питанія легкихъ ²⁾. При этомъ часть полой вены, которую нынѣ называемъ восходящей, разсматривалась Галеномъ какъ прямое продолженіе нисходящей по нашимъ понятіямъ части, идущее сквозъ полость предсердія, такъ что кровь, по его мнѣнію, частью держитъ прямой путь, частью же идетъ въ правый желудочекъ. Въ виду же важности полой вены для кровообращенія и питанія всего тѣла природа приняла мѣры для защиты и укрѣпленія ея на всемъ ея пути черезъ грудную полость, начиная отъ діафрагмы до шеи. Такими опорами противъ разныхъ сотрясеній служатъ: 1) удлиненіе, идущее отъ сердца—правое предсердіе); 2) пятая доля легкаго и 3) зубная желѣза, на которыхъ Галенъ долго останавливается, въ особенности по поводу раздѣленія полой вены, на уровнѣ зубной желѣзы, на главныя свои двѣ вѣтви и нѣсколько мелкихъ ³⁾. Кромѣ того на мѣстѣ прохода черезъ діафрагму и выше она, какъ и развѣтвленія ея восходящей части, укрѣпляется плеврой и ея удлиненіями, а въ нисходящей части—удлиненіями брюшины ⁴⁾.

Нескер, на основаніи правильныхъ сужденій Галена о движеніяхъ сердца, пытался доказать, что кровообращеніе „по существу открыто у же Галеномъ“ и что весь механизмъ кровообращенія, за исключеніемъ венныхъ заслонокъ, ему былъ вполне извѣстенъ и только перѣшительность и господствовавшіе предразсудки помѣшали ему глубже проникнуть въ

¹⁾ Galenus, De usu partium, l. IV, c. 5 (I, 284 и note 1).

²⁾ Galenus, De administr. anatomicis, l. VII, c. 9.

³⁾ Galenus, De usu part. l. VI, c. 4 (I, 388 и note 1).

⁴⁾ Тамъ же, 389, note, Galenus, De administr. anatom. l. VII, c. 5.

дѣло и, воспользовавшись своими наблюденіями, связать ихъ въ одно цѣльное и законченное ученіе.

Впервые этотъ взглядъ высказанъ былъ Hесker'омъ въ его *Sphygmologiae Galenicae Specimen*, Berol., 1817, и затѣмъ воспроизведенъ въ его руководствѣ. Вотъ относящееся сюда мѣсто:

„Это положеніе, чтобы не показаться смѣлымъ, должно быть точнѣе доказано. Со-
кращеніемъ лѣваго желудочка, по Галену, кровь изъ послѣдняго прогоняется въ аорту,
причемъ возвратъ для нея невозможенъ, такъ какъ путь для нея закрытъ тремя
полулунными заслонками ¹⁾. Отсюда она течетъ по всему протяженію артерій
до послѣднихъ окончаній ихъ и здѣсь черезъ многочисленныя анастомозы наливается въ
вены ²⁾, такъ что польза, притекающая отъ дыханія, отъ воспріятія жизненнаго Рвеша,
простирается не только на сердце и артерій, но черезъ нихъ и на вены ³⁾. Черезъ
полую вену кровь опять поступаетъ въ правое сердце, а отсюда, посредствомъ легочной
артерій (φλέψ ἀρτηριώδης), направляется въ легкія ⁴⁾, воспринимается легочни-
ми венами (ἀρτηρία φλεβώδης) и этимъ путемъ наконецъ опять течетъ въ лѣвое сердце ⁵⁾,
чтобы излиться въ аорту. Здѣсь весьма кстати Галену явилось на помощь строеніе
какъ полулунныхъ заслонокъ въ легочной артерій, такъ и обѣихъ большихъ
заслонокъ въ желудочкахъ сердца, описанныхъ самымъ точнымъ обра-
зомъ ⁶⁾, такъ что трудно было бы отыскать какую-либо ошибку въ указаніяхъ Галена на
ихъ цѣль. Полулунныя заслонки обѣихъ артерій препятствуютъ воз-
врату крови въ сердце, а mitrales и трехстворчатая—выступленію
ея изъ сердца. Движенія сердца Галенъ довольно часто наблюдалъ на живыхъ жи-
вотныхъ и училъ, что сокращеніе и расширеніе въ желудочкахъ и предсердіяхъ происхо-
дятъ попеременно, такъ однако, что движенія въ верхней, какъ и въ нижней по-
ловинѣ сердца всегда одновременны, т. е. одинъ желудочекъ сокращается и расширяется од-
новременно съ другимъ ⁷⁾. Что правый желудочекъ долженъ существовать ради
легкаго, объ этомъ Галенъ заключилъ изъ отсутствія его у животныхъ, не имѣющихъ легкаго
⁸⁾. Кромѣ того ему вполне было извѣстно различіе между артеріальной и венозной
кровью ⁹⁾... Оказывается, что кромѣ открытія венозныхъ клапановъ, о коихъ
въ его сочиненіяхъ нѣтъ слѣда, у него не было недостатка ни въ одномъ во-
чти вспомогательномъ средствѣ, чтобы объяснить кровообращеніе ¹⁰⁾.

При всей кажущейся правдоподобности этого взгляда нельзя не ви-

¹⁾ Galenus, De usu partium, l. VI, c. 14, ed. Kühn, p. 438. Цитировано Нескер'омъ, равно какъ и всѣ непосредственно слѣдующія, относящіяся къ приводимой здѣсь выноскѣ изъ Нескер'а о кровообращеніи по Галену.

²⁾ Galenus, De usu pulsuum, c. 4, p. 438, T. V.

³⁾ Galenus, De usu part., l. IV, c. 17 p. 443; De usu puls. c. 3.

⁴⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis, l. VII, c. 11, p. 1, 58.

⁵⁾ Galenus, De usu part., l. VI, c. 11, p. 433.

⁶⁾ Тамъ же, c. 14, p. 437.

⁷⁾ Тамъ же, c. 15. De administr. anatom. l. VII, c. 15. De different. pula. l. IV, c. 2.

⁸⁾ Galenus, De usu part., l. VI, c. 9, p. 426.

⁹⁾ Тамъ же, c. 17, p. 444 и De usu pulsuum, c. 2, 435.

¹⁰⁾ Hесker, I, 489—491.

дѣтъ здѣсь слишкомъ искусственной сгруппировки фактовъ, подобранныхъ съ предвзятой мыслью—во чтобы ни стало навязать Галену открытіе, котораго онъ не сдѣлалъ, и взгляды, которые могли установиться въ наукѣ только полторы тысячи лѣтъ спустя. Неосновательность приведеннаго мнѣнія вполне выяснена Haeser'омъ, доказавшимъ, что въ ученіи Галена нельзя отыскать даже намековъ ни на большое, ни на малое кровообращеніе, что слѣдовательно онъ не могъ предвосхитить этого открытія. Во первыхъ, понятія Галена объ отправленіяхъ сердца чрезвычайно сбивчивы, такъ какъ онъ, согласно вышесказанному, не считалъ его даже за мускуль, ибо, по его мнѣнію, таковой не былъ бы пригоденъ для различныхъ отправленій сердца⁽¹⁾,—а лишь за лишенное нервовъ мускулистое образованіе. Далѣе, по понятіямъ Галена, правое сердце служитъ для питанія легкаго и доставленія врожденной теплоты крови и чрезъ посредство венъ—органамъ тѣла, назначеніе же лѣваго сердца—посредствомъ діастолы, составляющей активный процессъ¹⁾, притягивать въ себя Pneuma, смѣшивать съ нимъ и одушевлять посредствомъ него кровь, переходящую сюда изъ праваго желудочка, и посредствомъ артерій доставлять его во всѣ части тѣла. Велѣдствіе этой примѣси Pneuma, кровь лѣваго желудочка теплѣе, жиже и газообразнѣе, чѣмъ кровь праваго желудочка. Стѣнки лѣваго сердца, содержащаго болѣе легкое Pneuma, толще стѣнокъ праваго, для уравненія тяжести обоихъ желудочковъ, какое равновѣсіе необходимо для удержанія сердца въ вертикальномъ положеніи²⁾. Систола праваго желудочка гонитъ кровь въ вены, систола лѣваго желудочка—въ артеріи. Между концами венъ и артерій находятся анастомозы въ видѣ поръ, подобныхъ порамъ въ перегородкѣ сердца и назначенныхъ для доставки нѣкотораго количества Pneuma въ кровь, содержащуюся въ окончательныхъ венозныхъ вѣточкахъ.

Что касается вопроса о роли крови, то Галенъ, подобно Аристотелю, полагалъ, что она вся уходитъ на питаніе и одушевленіе частей тѣла, въ которыя попадаетъ и гдѣ потребляется безъ слѣда. Слѣдовательно о переходѣ крови изъ артерій въ вены, а отсюда въ сердце не можетъ быть и нигдѣ дѣйствительно и нѣтъ рѣчи у Галена³⁾.

Изысканіями Dargemberg'a и Haeser'a, а равно и вышеприведенными нами выдержками изъ Галена можно считать положительно доказаннымъ, во-первыхъ, что по Галену и артеріи (вмѣстѣ съ воздухомъ) и ве-

¹⁾ Къ такому выводу Галенъ пришелъ на основаніи продолжающейся пульсаціи сердца и послѣ отрѣзки большихъ сосудовъ.

²⁾ Galeus, De usu partium l. VI, c. 16 (I, 438—441).

³⁾ Ср. Haeser, I, 361, 362.

ны гонять кровь въ центробѣжномъ направленіи, слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о переходѣ крови изъ артерій въ вены, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о большомъ кровообращеніи; во-вторыхъ, что кровь, проходящая черезъ легочныя артеріи въ легкія, по мнѣнію Галена, служитъ лишь для питанія легкихъ, слѣдовательно исключается всякая мысль и о маломъ кровообращеніи ¹⁾.

Такимъ образомъ кровообращеніе по Галену можно, вмѣстѣ съ Dargenberg'омъ и Haeser'омъ, представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: правое и лѣвое сердце сокращаются одновременно и гонять кровь, вмѣстѣ съ Рпеиша, въ вены и артеріи, сообщающіяся между собою посредствомъ пористыхъ анастомозовъ въ лежащихъ рядомъ и соприкасающихся между собою окончательныхъ ихъ вѣточкахъ, каковыя поры служатъ для доставки въ венозную кровь „Рпеиша,“ которое первоначально, вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ, поступаетъ въ легочныя вены и оттуда уже притягивается въ лѣвое сердце посредствомъ діастолы; правая же половина сердца сообщаетъ тѣлу, также посредствомъ венъ, вмѣстѣ съ кровью, еще и врожденную теплоту, имѣющую свое мѣстопробываніе во всемъ сердцѣ, ибо изъ праваго сердца она черезъ поры сердечной перегородки переходитъ вмѣстѣ съ просачивающейся туда кровью и въ лѣвую половину. Сообразно съ этимъ венозная часть кровеносной системы есть исходный пунктъ для теплоты тѣла и питанія, артеріальная же система для жизненнаго Рпеиша (πνεῦμα ζωτικόν), возврата же крови въ сердце по Галену не бываетъ, такъ какъ вся масса крови, прогоняемая въ тѣло и легкія идетъ на питаніе и потребляется безслѣдно. Даже поспѣлость и охлажденіе периферической части тѣла послѣ ея перевязки Галенъ объясняетъ только уменьшеннымъ притокомъ крови ²⁾. Одно только можно съ положительностью утверждать, что Галенъ допускалъ въ незначительныхъ размѣрахъ обмѣнъ между содержимымъ артеріальной и венозной системъ, а именно сквозь поры сердечной перегородки и окончательныхъ анастомозовъ, причемъ сквозь первыя изъ праваго въ лѣвое сердце просачивается немного крови и вмѣстѣ съ нею и врожденная теплота, а сквозь послѣднія изъ артерій въ вены проникаетъ немного Рпеиша. Все связанное какъ нельзя лучше резюмировано въ слѣдующихъ изреченіяхъ Галена:

¹⁾ Тамъ же. Все, что Галенъ зналъ о маломъ кровообращеніи сводится къ описаніемъ функціи полулунныхъ заслонокъ въ отверстіи легочной артеріи. Ср. De usu part. I. VI. c. 11 (I, 416) и выше стр. 325.

²⁾ Galenus, De usu pulmonum, I. III, c. 4.

„Артерія содержать жидкую, чистую и газообразную (ατμώδους) кровь, венъ же [кромя крови] небольшое количество игоистаго воздуха.“—„Въ правемъ желудочкѣ преобладаетъ не въ маломъ количествѣ сущность (οὐσία) крови, въ лѣвомъ—Pneuma“¹⁾).

Что таковъ былъ господствовавшій въ послѣ-галеновскій періодъ взглядъ на содержимое артерій и венъ, доказываетъ одно мѣсто у Galienus (XIII, 10):

„Vena est conceptaculum sanguinis, quod ἀγγείον medici vocant, mixti confusique cum spiritu naturali; in quo plus sanguinis est, minus spiritus: arteria est conceptaculum spiritus naturalis mixti confusique cum sanguine; in quo plus spiritus est, minus sanguinis“²⁾).

Наконецъ прибавимъ здѣсь нѣсколько словъ о самой крови по Галену. Это по его мнѣнію самая главная основная влага въ организмѣ, отъ которой рождаются всѣ остальные (желтая, черная желчь и слизь). Образуется она изъ пищевого сока въ печени и видоизмѣняется сообразно съ состояніемъ печени и качествомъ и количествомъ пищи. Галенъ доказалъ въ ней присутствіе главнымъ образомъ двухъ частей: волокнины и кровяной сыворотки. изъ нихъ одна идетъ на образование и восстановление органовъ, а другая на образование выдѣленій: пота, мочи и невидимыхъ испареній, бесполезныхъ для организма, и слизи, желтой и черной желчи, играющихъ въ экономіи организма важную роль какъ въ образованіи темпераментовъ, такъ и болѣзней (при ихъ задержаніи).³⁾

Физиологія движеній⁴⁾ есть одинъ изъ отдѣловъ, впервые обоснованныхъ Галеномъ на самыхъ рациональныхъ и согласныхъ съ истиной началахъ. Относящіяся сюда положенія систематически развиты и изложены Галеномъ въ его трактатѣ *De motu musculorum*, одномъ изъ лучшихъ его сочиненій по физиологіи.

Въ первой книгѣ Галенъ, указавъ на многочисленность мышцъ, на трудность точнаго ихъ счисленія и опредѣленія ихъ прикрѣпленій въ различныхъ мѣстахъ, старается путемъ эксперимента доказать, что мускуль

1) „Καὶ μετέχουσι αἱ μὲν ἀρτηρίαι λεπτῷ καὶ καθαρῷ καὶ ἀτμώδους αἵματος, αἱ δὲ φλέβες ὀλίγῳ καὶ ὀμιχλώδους αἵρος. — Πλεονεκτηί γὰρ οὖν ὀλίγω κατὰ μὲν τῆν δεξιάν ἢ τοῦ αἵματος οὐσία, κατὰ δὲ τὴν ἀριστερὰν ἢ τοῦ πνεύματος. Galenus, De usu partium, l. VI, c. 16, къ концу; De dogmatis Hippocratis et Platonis, l. VI, c. 4 и An in arter sanguis continetur, c. 4. Ср. Haeser, I, 361.

2) Тамъ же, 363.

3) Такъ черная желчь содержится во рвотѣ и подаетъ поводъ къ происхожденію болѣзней, какъ Anthrax, ракъ, varices, меланхолія, дизентерія. Galenus, De atrabile. Ср. Bouchut I, 204.

4) Въ доступныхъ намъ сочиненіяхъ о Галенѣ мы нигдѣ не нашли подробнаго изложенія этого предмета на основаніи изысканій Галена; мы сочли поэтому нелишнимъ, въ виду крайняго его интереса, остановиться здѣсь нѣсколько подольше на этомъ предметѣ.

вѣстѣ съ его нервомъ есть органъ произвольныхъ движеній¹⁾:

„Отъ перерѣзки различныхъ мускуловъ нижней конечности становятся невозможными ни сгибанія, ни разгибанія, ни подниманія, ни опусканія, ни наконецъ вращательныя движенія этой конечности. Воспаленіе, скирръ, гніеніе или ушибъ этихъ мускуловъ, а также омовогиость рубцовъ влекутъ за собой тѣже послѣдствія какъ для верхней, такъ и для нижней конечности“²⁾.

Затѣмъ, объяснивъ различія между связками, сухожиліями и нервами, получившими свое названіе отъ ихъ назначенія—сгибать или напргать (отсюда *vebrov* отъ *vebeu*, сгибать или мигать, и древнее названіе *tvoc*, напргатель)³⁾, Галенъ переходитъ къ связи, существующей между мускулами и нервами, которые онъ впервые призналъ проводниками двигательныхъ импульсовъ отъ мозга къ мускуламъ:

„Разрѣзъ, прижатіе, ушибъ, перевязка, скирръ или гніеніе нерва отнимаетъ у мускула всякое движеніе и чувствительность. Сверхъ того, у большаго числа больныхъ воспаленіе нерва вызывало судороги или бредъ, отъ коихъ они избавлялись тотчасъ послѣ перерѣзанія нерва разумнымъ врачомъ [едва-ли не первое указаніе на пользу невротеміи], но зато соответственный мускулъ съ тѣхъ поръ оставался нечувствительнымъ и неспособнымъ къ движенію. Слѣдовательно, въ нервахъ существуетъ значительная сила, истекающая свыше, изъ главнаго источника чувствительности, ибо эта сила не врождена имъ. Въ томъ легко убѣдитесь изъ слѣдующаго факта: если разрѣжете какой угодно изъ этихъ нервовъ или спинной мозгъ, то части органа лежащія выше разрѣза и остающіяся въ связи съ головнымъ мозгомъ, сохраняютъ еще способности, исходящія отъ этого начала, между тѣмъ какъ вся часть, лежащая ниже разрѣза, не въ состояніи быть сообщать этому органу ни движенію, ни чувствительности“⁴⁾.

Все это нынѣ можетъ показаться обыденнымъ и, пожалуй, тривиальнымъ, но не забудемъ, что Галену первому пришлось установить эти истины.—Что касается самой мякоти мышцы, то Галенъ представляетъ ее себѣ какъ мясо раздѣленное перегородками, идущими отъ мышечныхъ влагалищъ, и состоящее изъ сѣти каналовъ, изъ коихъ одни происходятъ отъ кровеносныхъ сосудовъ, а другіе отъ нервовъ, по мнѣнію Галена, вѣдряющихся въ головкѣ мускула, развѣтвляющихся затѣмъ въ существѣ мускула путемъ дѣленія (*bifurcatio*) до превращенія въ точки, перепончатая фибры, благодаря чему онъ и пріобрѣтаетъ отличительныя свойства животности, какъ психическаго органа чувствительности и произвольнаго движенія⁵⁾.

Раздѣливъ затѣмъ мускулы а) на мышцы, оканчивающіяся сухожиліями, состоящими изъ нервной и собственно сухожильной массы и прикрѣпляющимися къ костямъ, которыя онѣ приводятъ въ движеніе, и б) на мышцы не имѣющія сухожилій, а также указавъ на свой-

¹⁾ Въ противоположность имъ артеріи, вены, а также кишечникъ суть органы непроизвольныхъ движеній. (Ed. Kühn, IV, 372).

²⁾ Galenus, De motu muscul., l. I, c. 1 (II, 322). ³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, l. I, c. 1 (II, 323). ⁵⁾ Тамъ же, 324.

ство послѣдняго рода мышцъ либо укорачивать сами себя (сфинктеры, многія мышцы языка, изъ коихъ послѣднимъ свойственны всѣ возможныя движенія), либо притягивать сосѣднюю кожу, какъ мышцы губъ, лба и лица, наконецъ на особенности движеній глазныхъ, височныхъ, сгибающихъ (biceps), грудныхъ и брюшныхъ мышцъ ¹⁾—Галенъ впервые устанавливаетъ многіе существенные факты изъ физиологіи мышцъ, изъ коихъ главнѣйшіе могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Для каждаго мускула есть только одно активное движеніе—сокращеніе, ибо растяженіе (удлиненіе) мускула есть лишь пассивное слѣдованіе или повиновеніе активному движенію антагонистовъ ²⁾. Оттого

2) Всѣ противоположныя движенія производятся антагонистами, что доказывается состояніемъ постоянного разгибанія при перерѣзкѣ сгибатель и наоборотъ.

3) Естественная дѣятельность всякой мышцы—сокращеніе или съезживаніе (tonus новѣйшихъ). Какъ сгибаніе, такъ и разгибаніе члена происходятъ только при помощи сокращенія, единственнаго элементарнаго движенія мускуловъ, ибо каждый мускулъ тянетъ къ своему началу ³⁾.

4) Есть движенія, при коихъ ни одинъ мускулъ не приходитъ въ дѣйствіе (бездѣятельность мышцъ при паденіи) и наоборотъ есть неподвижность члена, когда всѣ его мышцы напряжены, хотя эта дѣятельность ничѣмъ не обнаруживается (напряженное вытягиваніе руки), это—такъ называемыя напряженныя движенія (τονικαὶ κινήσεις) ⁴⁾, которыя можно себѣ представить въ видѣ цѣлаго ряда быстрыхъ противоположныхъ движеній въ весьма короткіе промежутки, такъ что рука повидимому находится въ покоѣ ⁵⁾. Все это сводится въ сущности къ параллелограму силъ.

5) Такимъ образомъ есть вообще четыре вида мышечныхъ движеній: сокращеніе, удлиненіе (разслабленіе или вытяженіе), пассивное перемѣщеніе, напряженіе; изъ нихъ послѣднее и первое принадлежатъ одному и тому же роду, ибо и въ томъ и другомъ случаѣ мускулъ находится въ состояніи дѣятельности ⁶⁾.

6) Тѣло мускула никогда не приходитъ въ состояніе точнаго и полнаго сгибанія (сокращенія) безъ помощи психической способности. Эта способность старается однако тянуть

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 3.

²⁾ Тамъ же, I, I, с. 4.

³⁾ Тамъ же, I, I, с. 5.

⁴⁾ Тамъ же, I, I, с. 7 (II, 337—340).

⁵⁾ Тамъ же, I, I, с. 8 (II, 341).

⁶⁾ Тамъ же.

мускуль въ направленіи его собственнаго сокращенія, а потому мускуль надѣленъ строеніемъ, приспособленнымъ къ этому эффекту. Чтобы убѣдиться во вліяніи импульса воли на движенія, Галенъ придумалъ слѣдующій остроумный опытъ:

„Когда будетъ разрѣзана наружная мышца или сухожиліе (разгибашія), то часть тотчасъ согнется, еслибъ даже и не было желанія сгибать. Прикажете тогда стараться еще сильнѣе согнуть поврежденную часть, и вы увидите явственно, что она согнулась еще. Прикажете затѣмъ отказаться отъ этого желанія сгибать, и вы увидите, что часть вытягивается въ обратномъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не вернется къ той степени сгибанія, до которой она дошла первоначально безъ содѣйствія воли“ ¹⁾.

7) Изъ двухъ крайнихъ положеній (наибольшаго растяженія и сокращенія) мускуль, предоставленный самому себѣ (при перерѣзѣ или параличѣ антагониста), всегда стремится принять крайнюю степень сокращенія. (Это положеніе Галенъ выводитъ изъ опытовъ при помощи устроенныхъ имъ для этой цѣли снарядовъ ²⁾, а также и изъ слѣдующаго наблюденія: если сухожиліе сгибателя отдѣлено отъ головки кости, то мускуль сокращается въ такой же степени, въ какой онъ приводитъ членъ въ состояніе крайняго сгибанія подъ вліяніемъ импульса воли) ³⁾.

8) Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что одновременно и съ одинаковой силой дѣйствующіе два антагониста, вслѣдствіе взаимнаго препятствія къ наибольшему своему укороченію, теряютъ половину своей сократительности, причѣмъ членъ принимаетъ среднее между крайними положеніями (крайнимъ сгибаніемъ и крайнимъ разгибаніемъ), если ни одинъ изъ нихъ не приводится въ движеніе психомоторной способностью; во вторыхъ,

9) Движенія антагонистовъ обнаруживаютъ одинаковую силу, когда ни одному изъ нихъ не помогаетъ психическое напряженіе, и наоборотъ неодинаковую при содѣйствіи послѣдняго, всегда усиливающаго сокращеніе мускула, почему членъ сгибается, укорачивается или растягивается каждый разъ, когда воля приводитъ въ движеніе одинъ изъ этихъ мускуловъ.

10) Первую причину несокращенія мускуловъ въ обыкновенномъ состояніи составляетъ связка, прикрѣпленная къ головкѣ кости (мышцелку), притягиваемой ею въ противоположную сторону ⁴⁾.

11) Начала мускуловъ находятся на костяхъ и мышцелкахъ, лежащихъ выше, прикрѣпленія—на мышцелкахъ и костяхъ, лежащихъ ниже сочлененій. Объемъ и величина мускуловъ пропорціональны массѣ кости, приводимой ими въ движеніе ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, 343. ²⁾ Подробнѣе ср. ниже, стр. 340 въ концѣ. ³⁾ De motu musc. l. I, c. 9 (II, 344—347). ⁴⁾ Тамъ же, 348. ⁵⁾ Тамъ же, 345, 346.

12) При разрѣзѣ разгибателя членъ согнуть дальше средняго, но не до крайняго положенія (сокращенія); при разрѣзѣ сгибателя членъ остается въ состояніи между среднимъ положеніемъ и крайнимъ разгибаніемъ, ибо разгибатель не въ состояніи совершенно разогнуть членъ безъ импульса воли ¹⁾.

Въ заключительной главѣ I книги Галенъ говоритъ объ ощущеніяхъ при крайнихъ и среднихъ положеніяхъ (боль и потребность скорой ихъ перемѣны при первыхъ, безболѣзненность послѣднихъ) и заканчиваетъ снова выводомъ, что мускулы сами по себѣ всегда стремятся къ крайнему сокращенію, причемъ встрѣчаютъ естественныя къ тому препятствія въ антагонистахъ, связкахъ и костяхъ, и что даже въ среднихъ положеніяхъ ни одинъ мускулъ не остается свободнымъ отъ напряженія ²⁾.

Во второй книгѣ *De motu musculorum* Галенъ входитъ въ подробности относительно среднихъ положеній, которыя онъ раздѣляетъ на абсолютныя и относительныя, активныя (тоническія) и пассивныя, причемъ разбираетъ для примѣра пронацію, супинацію, крайнее сгибаніе и разгибаніе верхней конечности, а также положеніе подъ прямымъ угломъ ³⁾, равно какъ и мѣры, принятыя природою для обезпеченія разнообразія и точности движеній въ локтевомъ составѣ ⁴⁾. Далѣе онъ рассматриваетъ различныя сочетанія супинаціи и пронаціи съ угловымъ сгибаніемъ или относительныя среднія положенія ⁵⁾; состояніе мускуловъ во время сна, возможность ходить въ сонномъ состояніи („ибо душа не отдыхаетъ вполнѣ во время сна“) ⁶⁾, зависимость движеній во время естественнаго или болѣзненнаго сна отъ воли, различіе между произвольными и непроизвольными движеніями; произвольность нѣкоторыхъ движеній во время сна, теорію памяти и забытья, наконецъ произвольность акта движенія, который остается нами незамѣченнымъ (дыханіе) ⁷⁾.

Затѣмъ Галенъ излагаетъ видоизмѣненія средняго положенія, смотря по членамъ и сочлененіямъ: такъ для руки самое безболѣзненное положеніе есть угловое, составляющее какъ разъ средину между

¹⁾ Тамъ же, 349.

²⁾ Тамъ же, I, I, с. 10.

³⁾ Galenus, De motu musculorum, I, II, с. 1 (II, 352 и слѣд.).

⁴⁾ Тамъ же, I, II, с. 2.

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 3.

⁶⁾ Тамъ же, I, II, с. 4.

⁷⁾ Тамъ же, I, II, с. 5.

⁸⁾ Тамъ же, I, II, с. 6.

крайнимъ разгибаниемъ и крайнимъ сгибаниемъ, для ноги же—среднее между среднимъ положениемъ и крайнимъ разгибаниемъ, что находится въ связи съ привычкой, такъ какъ мы чаще всего употребляемъ наши ноги въ состояніи разгибанія. Для позвоночнаго столба среднимъ будетъ положеніе, близкое къ сгибанію, а для запястнаго состава—прямое. Для мускуловъ, независимыхъ отъ сочлененій, какъ мышцы языка, мочеваго пузыря и задняго прохода, безболѣзненна средняя степень сокращенія ¹⁾. Функція послѣдняго рода мускуловъ состоитъ не въ томъ, чтобы изгнать, а въ томъ, чтобы удерживать экскременты ²⁾. Что касается *диафрагмы и брюшныхъ* мышцъ, которыя какъ органы души, дѣйствуютъ по ея импульсу (въ отличіе отъ кишечныхъ и желудочныхъ, какъ органовъ природы, дѣйствующихъ безъ импульса) ³⁾, то при сокращеніи брюшныхъ первая уступаетъ и поддается вверхъ, при сопротивленіи же диафрагмы содержимое этихъ полостей выгоняется наружу, чему способствуетъ косо положеніе диафрагмы, подающее сжатія вещества внизъ. При этомъ мышцы подреберной области сокращаются сильнѣе, чѣмъ нижніе; при испусканіи же мочи дѣло бываетъ наоборотъ, т. е. нижніе мускулы сокращаются сильнѣе. Одновременно съ означенными видами мускуловъ сокращаются и межреберныя ⁴⁾. Въ концѣ II книги Галенъ излагаетъ роль межреберныхъ (внутреніе завѣдываютъ выдыханіемъ) ⁵⁾ диафрагмы, грудныхъ и брюшныхъ мускуловъ при различныхъ актахъ дыханія, въ особенности при задержаніи дыханія и образованіи голоса, а также различныя состоянія диафрагмы (напряженіе, расслабленіе) при движеніяхъ, причемъ выпуклость ея всегда наклонена къ позвоночному столбу и только при положеніи на животѣ—напередъ, въ сторону желудка ⁶⁾.

Какъ образчикъ точности Галена при описаніи и объясненіи физиологическаго дѣйствія отдѣльныхъ группъ мускуловъ приведемъ здѣсь его описаніе бедренныхъ мышцъ, которыя онъ раздѣляетъ на три группы: 1) *m. triceps*, поднимающій голень и производящій разгибаніе колѣннаго состава; 2) *m. rectus internus*, служащій для отведенія и *biceps*—для приведенія ноги; 3) между ними находится *m. semi-tendinosus*, который прилегаетъ къ *rectus internus*, сгибаетъ колѣно и приводитъ ногу внутрь, *m. semi-membranosus*, прилежающій къ *m. biceps*, отводящій и въ то же время сгибающій ногу, и наконецъ отдѣльный пучокъ *m. ad-*

¹⁾ Тамъ же, I, II, с. 7. ²⁾ Тамъ же, I, II, с. 8. ³⁾ Первый намекъ на произвольныя [поперечно-полосатыя] и гладкія мышечныя волокна.

⁴⁾ Тамъ же, I, II, с. 8 (II, 371).

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 9 вначалѣ (II, 372). Въ *De dissectione muscular.* (p. 92, ed. Froben) Галенъ однако ошибочно говоритъ, что наружныя межреберныя мышцы служатъ, а внутреннія расширяютъ грудную клетку. Ср. Sprengel, II, 144.

⁶⁾ Galeni, De motu musculorum, I, II, с. 9 (II, 373 и слѣд.).

ductoris magnus, который сгибает все бедро и тянетъ съ собою всю ногу. Девятый и послѣдній изъ мускуловъ колѣннаго состава, „узкій и длинный“ (*m. sartorius*) поднимаетъ ногу и служить для скрещиванія ногъ, какъ это дѣлаютъ портные. Наконецъ сюда относится *m. popliteus*, сгибающій колѣно:

„Въ трехъ большихъ мускулахъ (*triceps*), разгибающихъ ногу и вмѣстѣ напрягающихъ и поднимающихъ надколѣнную чашку, сосредоточивается почти вся сила движеній колѣна. Одна изъ ногъ должна развернуть всю свою силу и точно вытянуться, когда при ходеніи она поднимается впередъ, въ то время какъ тяжесть всего тѣла покоится на другой, которая опирается и твердо стоитъ на землѣ. Для этого необходимо, чтобы три разгибающія мышцы колѣна дѣйствовали и напрягались съ точностью, ибо сгибаніе колѣннаго состава производится задними, разгибаніе передними мышцами. Поэтому, когда наша нога должна быть какъ можно болѣе напряжена и мы предоставляемъ однимъ этимъ тремъ мускуламъ точное удерживаніе колѣна въ выпрямленномъ и напряженномъ состояніи, а также приведеніе назадъ и прижатіе надколѣнной чашки для сохраненія мускуловъ въ вертикальномъ положеніи, то очевидно, что въ нихъ сосредоточивается вся сила дѣйствія ногъ. Что касается ихъ способности сообщать ногѣ косою движенія, то эта способность—придаточная, ибо къ необходимой функціи членовъ природа всегда прибавляетъ нѣчто лишнее. Первая функція ногъ, для которой онѣ созданы, это—ходьба, для осуществленія которой мы преимущественно нуждаемся въ сгибающихъ мышцахъ колѣна, приводящихъ въ дѣйствіе ея составъ. Если поэтому, какъ мы сказали, на стопѣ два мускула (*gastrocnemius*) вполне основательно прикрѣпляются къ задней части пятки посредствомъ весьма большого (ахиллова) сухожилія, то для колѣна не менѣе важно, чтобы мускулы прикрѣплялись къ верхнему и переднему концу голени. Этими тремя разгибающими мускулами обезпечивается стопѣ твердость стоянія, а всей ногѣ неподвижная напряженность.

„Тремъ мускуламъ (разгибателямъ—*triceps*) природа противопоставила сзади три другіе [*mm. semitendinosus, semi-membranosus* и отдѣльный пучекъ большой приводящей мышцы], не столь сильныя и не соединяющіеся, подобно *triceps*, для образованія одного сухожилія. Было необходимо, какъ это указано нами въ трактатѣ *De motu musculorum*, чтобы каждый мускулъ имѣлъ своего антагониста, производящаго противоположное дѣйствіе, такъ однако, чтобы сгибаніе колѣна не равнялось въ силѣ разгибанію. Далѣе она сообщила двумъ мускуламъ [*rectus internus, semi-membranosus*], расположеннымъ по обѣ стороны средней [отдѣльнаго пучка *adductoris magni*], довольно объемистое косое движеніе. Но для того, чтобы составъ могъ двигаться и производить во всѣ стороны круговыя движенія, природа поставила справа и слева два мускула, одинъ (*biceps*) съ боку переднихъ, другой (*rectus internus*) съ боку заднихъ мышцъ“¹⁾.

О мышцахъ тазобедреннаго состава находимъ у Галена слѣдующія подробности:

„Такъ какъ тазобедренный составъ долженъ быть согнутъ, когда нога поднимается, и разогнутъ, когда нога опускается, и такъ какъ его главныя дѣйствія заключаются въ этихъ движеніяхъ (ибо дѣятельность его менѣе полезна, когда одна нога приближается къ другой, отводится кнаружи и еще менѣе, когда она производитъ вращательное движеніе), то каждый скоро признаетъ искусство природы въ различныхъ величинѣхъ и количествѣ му-

¹⁾ *Galenus, De usu partium* l. III, c. 16 (I, 272 и слѣд.).

скуловъ, ибо разгибающія и сгибающія мышцы она создала самыми крупными и многочисленными. Второе мѣсто по отношенію къ величинѣ и количеству занимаютъ мускулы, назначенные для боковыхъ движеній, наконецъ послѣднее мѣсто занимаютъ вращательныя мышцы. Таково первое дѣленіе мышцъ на три группы, рассчитанное на пользу движеній. Раздѣлимъ еще каждый изъ предшествующихъ трехъ отдѣловъ на два и объяснимъ, какими преимуществами обладаютъ мускулы самой послѣдней категоріи. И въ самомъ дѣлѣ сгибающія меньше величиной и числомъ, нежели разгибающія, приводящія меньше, чѣмъ отводящія, а вращательныя занимаютъ почти такое же мѣсто. Дѣятельность пѣтъ, въ виду которой созданы мускулы, обнимаетъ хожденіе, бѣгъ и стояніе. При хожденіи и бѣгѣ ноги имѣютъ обратное взаимное положеніе. При стояніи положеніе ихъ одинаковое, и дѣйствительно при стояніи обѣ ноги опираются на землю, на которую производятъ одинаковое давленіе. При хожденіи и бѣгѣ одна опирается, другая направляется впередъ, причемъ нога, покоющаяся на землѣ, утомляется больше.

„Въ самомъ дѣлѣ та нога, которая снимается съ мѣста, двигаетъ только самое себя; та же, которая опирается, не только остается постоянно напряженной въ одномъ и томъ же положеніи, но поддерживаетъ еще все тѣло, вынося такимъ образомъ тяжесть адное большую той, которую она несла, когда обѣ ноги стояли. При передвиженіи (*translatio*), дѣйствуютъ больше сгибающія мышцы ноги, при стояніи разгибающія мышцы остаются сильно напряженными, ибо при малѣйшемъ ихъ ослабленіи и подкашиваніи ноги всему тѣлу животнаго угрожало бы паденіе. Слѣдовательно нога согнута въ виду, когда мы ее поднимаемъ, и если вы желаете поддерживать членъ въ этомъ положеніи, сгибающія мышцы должны быть напряжены. Нога вытянута, когда опускаемъ ее на землю, и достигаетъ максимума своего вытяженія, когда стоимъ прямо. Природа поэтому вполне вѣрно рассчитала, возложивъ эту дѣятельность на сильныя мышцы, многочисленные и большія, сначала—на покрывающую весь составъ сзади (*glutaeus maximus* и *tensor fasciae latae*) и представляющую сходство съ плечевой мышцей (*m. deltoideus*), затѣмъ—на слѣдующую мышцу, происходящую отъ всѣхъ наружныхъ частей подвздошной кости и прикрѣпляющуюся къ бугру большого вертела, и даже нѣсколько впереди его (*glutaeus medius*), далѣе—на третью и слѣдующую, начинающуюся съ наружной и нижней части подвздошной кости, прикрѣпляющуюся къ внутренней части большого вертела и заворачивающуюся впереди (*glutaeus minor*); наконецъ на четвертую и послѣднюю, начинающуюся отъ широкой кости (*os ischium*) и прикрѣпляющуюся ко всей задней части вплоть до верхушки большого вертела (сходство съ пирамидальнымъ мускуломъ).

„Первый изъ этихъ мускуловъ своими двумя концами доставляетъ сильное и исключительное ни въ какую сторону натяженіе; если поднимаете бедро вверхъ и напрягаете лишь одинъ изъ этихъ концовъ, то вмѣсто прямолинейнаго получите косое натяженіе. Второй поднимаетъ вверхъ и въ тоже время тянетъ внутрь головку бедра, каждая изъ остальныхъ двухъ мышцъ немного поднимаетъ бедро; одна изъ нихъ поворачиваетъ эту кость вокругъ ея оси кнаружи, другая болѣе поворачиваетъ ея немного внутрь, нежели поднимаетъ вверхъ, но гораздо менѣе, чѣмъ мускулъ, на который прямо возможно это дѣйствіе и о которомъ рѣчь впереди.

„Теперь буду говорить сначала о разгибающихъ, затѣмъ о сгибающихъ и наконецъ о мускулахъ, производящихъ боковыя движенія. Но такъ какъ движенія большей части мускуловъ смѣшанныя и природа стремится всегда создать для животныхъ какъ можно больше функций при возможно-меньшемъ ко-

личествъ органовъ, то по поводу разгибающихъ мышцъ ноги приведу тѣ, которыя производятъ еще и другое движеніе. Изъ четырехъ поименованныхъ мышцъ *первая*, имѣющая сходство съ плечевою (*deltoides*) и вытягивающая ногу посредствомъ двухъ прикрѣпленій, выпрямляетъ ее совершенно, когда оба конца дѣйствуютъ одновременно. Когда дѣйствуетъ одинъ конецъ, то мускулъ заставляетъ ногу слегка висѣть со стороны. Точно также *вторая* мышца вытягиваетъ и въ то же время тянетъ нѣсколько внутрь головку бедра. *Третья* и *четвертая* весьма мало тянутъ, а больше производятъ слегка вращательное движеніе.

„Кромѣ этихъ мышцъ есть еще *пятая*, самая большая изъ всѣхъ мышцъ тѣла (*adductor magnus, medius et minor*), прикрѣпляющаяся къ внутреннимъ и заднимъ частямъ бедренной кости и нисходящая почти вплоть до колѣна. Заднія волокна этой мышцы, идущія отъ сѣдалищной кости, укрѣпляютъ ногу, напругая составъ. Не менѣе сильно это дѣйствіе производится нижней порціей волоконъ, идущихъ отъ *os pubis*, къ чему присоединяется еще легкое вращательное движеніе внутрь. Выше ихъ лежація волокна приводятъ бедро внутрь, точно также какъ самыя верхнія приводятъ и въ то же время нѣсколько поднимаютъ бедро.

„Сгибающія мышцы состава, антагонисты пяти обозначенныхъ мышцъ, ниже ихъ по количеству и величинѣ. Изъ нихъ мышца, идущая сверху—прямая; начиналась двумя началами, она оканчивается однимъ сухожиліемъ, прикрѣпляющимся къ верхушкѣ малаго вертела (оба *proas, m. iliacus, m. quadratus lumborum*, вмѣстѣ взяты). Другая мышца, ее сопровождающая, прикрѣпляется къ тому же вертелу, немного ниже; еще другая, выходящая изъ переднихъ частей *pubis* и составляющая повидимому порцію наибольшей мышцы, имѣетъ косое направленіе и дѣйствуетъ также. Четвертая натягиваетъ колѣнное сочлененіе посредствомъ апоневроза, заходящаго черезъ надколѣнную чашку (*rectus anterior*); она сгибаетъ бедро только случайно, ибо это главная функція трехъ остальныхъ; идущая сверху мышца наклоняетъ бедро нѣсколько внутрь; идущія изъ переднихъ частей *pubis* сильно наклоняютъ бедро внутрь и немного тянутъ вверхъ. Четвертая мышца, созданная первоначально не для тазобедреннаго состава, много поднимаетъ и сгибаетъ бедро, однако въ гораздо меньшей степени, чѣмъ первая мышца (*proas* и проч.) Въ самомъ дѣлѣ, мышца, идущая отъ поясницы и отъ внутреннихъ частей подвздошной кости, спускается къ малому вертелу. Такъ какъ мышца, натягивающая колѣнный составъ (*rectus anterior*), для котораго она была создана, беретъ начало отъ прямой ости подвздошной кости и слѣдовательно натягиваетъ сама себя, то она назначена не только для подниманія голени, но и для сгибанія бедра, ибо если бы она начиналась ниже состава и наховой области, то она приводила бы въ движеніе только голень. Природа повидимому преднамѣренно устроила такимъ образомъ эту мышцу, заставивъ ее начинаться выше тазобедреннаго состава, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ она могла выполнять и другое необходимое для животнаго движеніе.

„Внутреннія бедро приводяція мышцы (*adductores*) суть, во-первыхъ, двѣ упомянутыя выше, происходящія отъ переднихъ частей *pubis* и способныя не только тянуть членъ внутрь, но и умѣренно сгибать его. Затѣмъ третья (*rectus anterior*), которая хотя и не достигаетъ длины предшествующихъ мышцъ, но все еще достаточно длинна, и дѣйствительно, выходя изъ переднихъ частей *pubis*, она идетъ вдоль всего члена до колѣна, гдѣ оканчивается на внутренней головкѣ (*condylus internus tibiae*). Внутренняя порція наибольшей мышцы (приводящей) производитъ тоже дѣйствіе. Кнаружи бедро отводится одною изъ порцій *m. gluteus magnus*, а также мышцей, происходящей отъ широкой кости (*m. ruga-*

midalis), которая, какъ мы сказали, сообщаетъ бедру слегка вращательное движеніе. Есть еще двѣ мышцы, приводящія бедро въ движеніе; изъ нихъ одна начинается отъ внутреннихъ, другая отъ наружныхъ частей pubis (mm. obturatores internus et externus; gemelli). Обѣ эти мышцы, заворачиваясь вокругъ сѣдалищной кости, сходятся къ одному пупку и прикрѣпляются крѣпкими сухожиліями въ одной ямкѣ на заднихъ частяхъ бедра, особенно тамъ, гдѣ начинается возвышеніе большого вертела. Изъ всѣхъ поименованныхъ мускуловъ однѣ лишь эти мышцы своимъ собственнымъ сокращеніемъ поворачиваютъ бедро и сообщаютъ ему круговращательное движеніе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было объяснено выше, тѣ изъ разгибающихъ мышцъ, которыя въ видѣ побочнаго дѣйствія заставляютъ бедро вращаться около своей оси, сообщаютъ ему въ этомъ направленіи лишь весьма незначительное движеніе, ибо природа ихъ создала прежде всего для разгибанія сѣдалищнаго состава.

„Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ польза точекъ начала и прикрѣпленія мышцъ, а также расположенія каждой мышцы на всемъ ея протяженіи. И точно, когда онѣ натягиваются вверхъ къ своему началу, то конецъ ихъ, улекаемый натяженіемъ, necessarily принимаетъ съ собою в членъ. Необходимо поэтому также, чтобы мышца, поднимающая ногу, спускалась отъ верхнихъ частей. Изъ мышцъ, сообщающихъ ей боковыя движенія, приводящія внутрь должны имѣть внутреннее происхожденіе, а отводящія внаружи — наружное происхожденіе, но такъ какъ при извѣстныхъ движеніяхъ бедро должно вращаться вокругъ своей оси, то природа загибаетъ, обматываетъ циркулярно все тѣло этого рода мускуловъ или одни ихъ сухожилія, долженствующія выполнять эти движенія. Прямыя мышцы производятъ простое движеніе: онѣ тянутъ члены по прямой линіи, но направленію къ точкамъ, гдѣ оканчиваются ихъ головки. Мышцы, обматывающія всѣмъ своимъ тѣломъ или своими сухожиліями, производятъ скорѣе круговое, чѣмъ прямое движеніе, оттого именованныя мышцы, прикрѣпляющіяся съ большому вертелу, направляющіяся къ приводимой ими въ движеніе части косо, а не по прямой линіи (obturatores, gemelli), производятъ движеніе, сообразное съ ихъ положеніемъ“¹⁾.

Читая эти строки, по неволѣ проникаешься глубочайшимъ изумленіемъ и уваженіемъ при видѣ такого тонкаго знанія анатомическихъ отношеній и дѣйствія описываемыхъ мускуловъ, впервые въ исторіи медицины обнаруженнаго Галеномъ, хотя и не безъ обычной примѣси телеологіи. Изъ приведенныхъ выдержекъ, равно какъ и изъ книги *De motu musculorum* вытекаетъ съ очевидностью, что Галенъ представилъ первую научную физиологію движеній, положивъ въ ея основаніе какъ самую точную анатомію мускуловъ, такъ и экспериментъ, ибо для изученія ихъ дѣйствія онъ первый прибѣгалъ къ перерѣзкѣ нервовъ и самыхъ мускуловъ, а также къ устройству, для большей наглядности, снарядовъ изъ костей скелета и прикрѣпленныхъ къ нимъ „цѣпей“ (вѣроятно святыхъ изъ эластическихъ снурковъ), долженствовавшихъ воспроизводить и демонстрировать механизмъ движеній²⁾. Это уже не одни проблески и намеки на науку, какъ у Аристотеля, а сама наука! Но вънцомъ его творенія по всей справедливости должна считаться его

¹⁾ Galenus, De usu partium l. XV, c. 8 (II, 152—157).

²⁾ Тамъ же, l. II, c. 9 (II, 355—347).

Физиология нервной системы. *Нервная физиология* Галена, установившая впервые, при помощи эксперимента, значение центральной и периферической нервной системы въ психической и животной жизни, къ сожалѣнію, рядомъ съ капитальными истинами содержитъ и многія заблужденія.

Начать съ того, что Галенъ, частью иронизируя, частью при помощи серьезныхъ разсужденій, старается опровергнуть на этотъ разъ совершенно справедливое мнѣніе Аристотеля о томъ, что голова создана преимущественно въ видахъ мозга: „ἡ μὲν κεφαλὴ μάλιστα τοῦ ἐγκεφάλου χάριν“¹⁾.

Защищая противоположный взглядъ, а именно, что голова создана не въ видахъ мозга, а только для глазъ, такъ какъ они должны находиться на самомъ выдающемся мѣстѣ²⁾, Галенъ, очевидно слишкомъ уже употребляетъ во зло апіористическій методъ сужденія.

Излишне доказывать, что въ этомъ случаѣ Аристотель вполнѣ правъ противъ Галена. Хотя и есть безголовыя животныя, у коихъ нервныя центры расположены въ груди или животѣ, во тамъ, гдѣ существуетъ голова, она несомнѣнно создана для мозга и связанныхъ съ нимъ органовъ чувствъ, слѣдовательно голова создана первоначально не для глазъ, а глаза помѣщаются въ ней потому, что существуетъ голова³⁾. Въ связи съ этимъ предметомъ находится длинное разсужденіе Галена о неудачности выраженія *encephalon* для центральнаго органа чувствованій и произвольныхъ движеній, въ виду существованія этого органа у безголовыхъ, и неправильности выраженія „*encephalon* въ груди или животѣ,“ почему лучше уже латинское *cerebrum* или греческое *σχινδελφος* (франц. *choue*), которому можно придавать какое угодно условное значеніе⁴⁾.

Зато Галенъ блистательно опровергаетъ мнѣніе Аристотеля о томъ, что мозгъ служить для охлажденія сердца, причѣмъ ссылается какъ на свидѣтельство чувствъ, такъ и на противорѣчія, въ которыя впадаетъ самъ Аристотель, съ одной стороны утверждая (вполнѣ справедливо по мнѣнію Галена), что для этой цѣли служить дыханіе, и съ другой признавая, что воздухъ отъ природы теплый. Доказывая физическую невозможность охлажденія сердца мозгомъ, Галенъ въ тоже время поддерживаетъ (противъ Аристотеля) мнѣніе, что всѣ органы чувствъ находятся въ связи съ

¹⁾ Aristoteles, De partibus animal., l. IV, c. 10, вначалѣ.

²⁾ Galenus, De usu partium, l. VIII, cc. 2 и 5 (I, 527 и 530).

³⁾ Ср Тамъ же, (I, 527, примѣч. 1).

⁴⁾ Тамъ же, l VIII, c. 4 (I, 535—537 и note). Falk (Galen's Lehre vom gesunden u. kranken Nervensystem, p. 12) утверждаетъ, что *scindapsus* означаетъ какой-то инструментъ, о которомъ говорится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у Галена и у неклассическихъ авторовъ.

мозгомъ, иначе существованіе его не имѣло бы никакого смысла или было бы сведено къ состоянію губки:

„Аристотель утверждаетъ, что не всѣ органы чувствъ оканчиваются въ мозгу ¹⁾. Но можно ли такъ говорить? Нитъ приходится даже нитъ красить, приводя эти слова. Не очевидно ли входить въ тотъ и другой глазъ по значительному нерву, даже съ влагалищами? Не спускается ли къ каждой сторонѣ носа часть самаго мозга ²⁾ гораздо крупнѣе той, которая идетъ къ ушамъ (n. acusticus)? Не получаетъ ли каждый глазъ по мягкому и плотному нерву (nn. opticus и oculomotorius), изъ коихъ одинъ прикрѣпляется къ его корню, а другой къ его двигательнымъ мышцамъ? Не идутъ ли отъ него четыре нерва въ языкъ, два мягкихъ черезъ небо (nn. linguales) и два плотныхъ, спускающихся вдоль ушей (nuroglossi)? Всѣ органы чувствъ, слѣдовательно, находится въ связи съ мозгомъ, если вѣрять своимъ глазамъ и чувству осязанія. Назвать ли еще и другія части, входящія въ составъ строенія мозга? Сказать ли еще о пользѣ, доставляемой мозговыми оболочками, plexus reticularis, glandula pinealis, gland. pituitaria, infundibulum, лирой, processus vermiformis, множествомъ желудочковъ и отверстій, коими они сообщаются между собою, разнообразными ихъ формами, идущими къ спинному мозгу отростками (arophyses), наконецъ корнями нервовъ, оканчивающихся не только въ органахъ чувствъ, но и въ глоткѣ, гортани, пищеводѣ, желудкѣ, во всѣхъ внутренностяхъ, кишкахъ, во всѣхъ частяхъ лица? Аристотель не пытался даже объяснить пользы ни одной изъ этихъ частей, равно какъ и нервовъ сердца. Между тѣмъ мозгъ есть источникъ всѣхъ нервовъ. И еслибы онъ служилъ только для охлажденія сердца, онъ былъ бы только ненужной и безформенной губкой, лишенной всякаго строенія, обнаруживающаго столько искусства ³⁾.

Отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ видно, съ какими частями мозга былъ знакомъ Галенъ. Относительно свойствъ различныхъ отдѣловъ и слоевъ мозга находимъ у него слѣдующія данныя:

„Самый мозгъ созданъ двойнымъ, болѣе мягкимъ въ передней и болѣе плотнымъ въ задней части (мозжечкѣ, rag-cerephale). Онъ разгороженъ складкой твердой мозговой оболочки (tentorium cerebelli) и соединяются только въ уровень съ каналомъ, расположеннымъ подъ макушкой, и посредствомъ тѣлъ, окружающихъ этотъ каналъ... ⁴⁾ Въ переднемъ мозгѣ части, расположенныя ближе къ твердой мозговой оболочкѣ (корковое или сырое вещество), плотнѣе, а среднія (бѣлое вещество мозга) — мягче, ибо наружный слой долженъ имѣть [въ твердой оболочкѣ] защиту отъ поврежденій и быть приспособленнымъ къ произведенію плотныхъ нервовъ, а средний (внутренній) защищенъ отъ поврежденій своимъ положеніемъ и есть удобный пунктъ для ната-

¹⁾ См. выше, стр. 602.

²⁾ Выше мы видѣли, что обонятельные нервы Галенъ считаетъ продолженіями мозга.

³⁾ Тамъ же, I. VIII, с. 3 (I, 531 -- 534).

⁴⁾ Здѣсь подразумѣвается пространство, обозначенное Magendie какъ confluentia huiusmodi cerebro-spinalis, границы коего образуютъ: снизу и съ боковъ — corpora quadrigemina, сверху — паутинная оболочка, перекинута въ видѣ мостика отъ мозга къ мозжечку; этотъ каналъ открывается впереди — въ средний желудочекъ, а взади — въ 4-й желудочекъ (мозжечка), въ уровень съ valvula Vicussenii. Ср. Daremberg, Oeuvres de Galien, I, 566, примѣч. 1.

ла мягких нервовъ. Мозжечекъ не даетъ начала ни одному мягкому нерву, передній же мозгъ по необходимости долженъ былъ дать начало однимъ изъ плотныхъ нервовъ, напр. двигательнымъ нервамъ глаза“ 1).

Мягкая мозговая оболочка (μήνιγξ λεπτή) богата сосудами и наподобіе chorion въ зародышѣ и брюшечки въ кишкахъ служить для связыванія и соединенія всѣхъ сосудовъ мозга и даже самаго вещества мозга, мѣшая спаденію, разворачиванію и расплыванію его вещества:

„Возьмите какое нибудь животное (лучше большое) и, обнаживъ мозгъ, начните отдѣлять мягкую мозговую оболочку, и вы тотчасъ увидите какъ каждая изъ освобожденныхъ отъ нея частей мозга западаетъ назадъ и выворачивается кнаружи, а по совершенномъ его обнаженіи отъ мягкой оболочки онъ изъ округленнаго становится шире и плоче на каждой изъ своихъ поверхностей, причемъ самыя возвышенныя его части спадаются и расплываются въ сторону, не смотря на то что мозгъ, такъ какъ экспериментировался на мертвомъ животномъ, долженъ быть уплотненъ и охлажденъ вслѣдствіе разныхъ причинъ, а именно отъ выходенія душевнаго Pneuma и царевъ, отъ выдѣленія и потери природной теплоты и наконецъ отъ створженія всей содержавшейся въ немъ крови, слези и другихъ влаги. Тѣмъ болѣе мозгъ долженъ нуждаться въ такомъ сжиманіи и связываніи при жизни животнаго“ 2).

Твердая мозговая оболочка (μήνιγξ παχύτη, σκληρά, δερματώδης) болѣе сужожильнаго свойства (νευροδέστερα) и, словно „оборонительный валъ,“ предохраняетъ мозгъ отъ толчковъ и ушибовъ о черепную кость, мягкая же защищаетъ его отъ давленія, которое могла бы производить на него въ свою очередь твердая мозговая оболочка. Природа установила такимъ образомъ дивный переходъ между абсолютно-твердой массой черепа (κράνιον, каска) и мягкимъ веществомъ мозга 3).

Мозжечекъ, какъ и его processus vermiformis и pedunculi cerebelli, по ихъ большей плотности, не нуждаются въ поддержкѣ со стороны мягкой мозговой оболочки, которая поэтому не проникаетъ въ эти части и не выстилаетъ ихъ наподобіе боковыхъ желудочковъ 4). Точно также она не проникаетъ такъ далеко и на выпуклой поверхности *мозжечка*, такъ какъ онъ хотя по цвѣту и свойству похожъ на головной, но не отличается такими большими, раздѣленными мягкой оболочкой, извилинами, какъ большой мозгъ и, какъ источникъ нервовъ всего тѣла, состоитъ изъ многочисленныхъ, но меньшихъ тѣлъ, содержащихъ и производящихъ психическое Pneuma въ нервы всего тѣла. При этомъ случаѣ Галенъ старается опровергнуть мнѣніе Эразистрата о томъ, что умъ тѣмъ болѣе бываетъ развитъ, чѣмъ многочисленнѣе извилины, тогда

1) Galenus, De usu, part. I. VIII, с. 6 (I, 542).

2) Тамъ же, с. 8 (I, 553, 554).

3) Тамъ же, I, VIII, с. 9.

4) Тамъ же, с. 12 (I, 561).

какъ, по его мнѣнію, умъ зависитъ меньше отъ различія формы, чѣмъ отъ хорошаго темперамента вещества, назначеннаго для акта мышленія, — „меньше отъ количества, чѣмъ отъ качества психическаго Pneuma“ ¹⁾.

Въ большемъ мозгу и мозжечкѣ Галеномъ различаются слѣдующія части:

1) *Большая мозговая стійка* (corpus callosum, χορὰ πλωδης), видная въ глубинѣ, при раздвиганіи полшарій (самъ Галенъ не употребляетъ этого выраженія).

2) *Боковые или передніе желудочки* (αἱ πρόσθια κελύκια) производятъ „дыханіе“ мозга (inspiratio, exspiratio и exsufflatio) и служатъ мѣстомъ приготовленія для него психическаго Pneuma, органомъ обонянія и вмѣстѣ каналами для стока ненужныхъ влагъ. Ихъ два для того, чтобы въ случаѣ поврежденія одного другой выполнялъ функціи обоихъ ²⁾. Ихъ передняя внутренняя часть есть θάλαμος νευρῶν ἐπιτικῶν, еще болѣе кпереди находится открытый Галеномъ „нижній роу“ (Аммоніевъ новѣйшихъ), гдѣ по его мнѣнію собственно и слѣдуетъ искать корни первой пары, ἡ πρὸτῃ συζύγια ³⁾. Вообще по Галену боковые желудочки конусообразно суживаются и сильно конвергируютъ кпереди до корня носа, гдѣ такъ тѣсно сокрикасаются между собою, что между ними остается только pia mater ⁴⁾. Сзади оба желудочка сходятся въ одно мѣстѣ, образуя каналъ:

3) III или *средній желудочекъ* новѣйшихъ, соединяющій боковые съ

4) IV *желудочкомъ* новѣйшихъ (III по Галену) или желудочкомъ мозжечка и служащій для передачи послѣднему выработаннаго въ боковыхъ желудочкахъ Pneuma. Часть мозга надъ общей имъ полостью, т. е. кровля третьяго желудочка новѣйшихъ или

5) *Сводъ* (τοπίχ, χαμάριον τε καὶ ψηλοσιδές) служитъ для поддержанія тяжести вышележащихъ частей мозга и защиты желудочковъ отъ давленія ⁵⁾. Интересно, что уже Галенъ упоминаетъ о *Давидовой лиртѣ* (Psalterium Davidis между задними позжками свода) ⁶⁾. Объемъ мозговыхъ желудочковъ пропорціоналенъ количеству содержаемыхъ въ немъ веществъ,

¹⁾ Тамъ же, с. 13 (I, 563).

²⁾ Въ доказательство этого Галенъ приводитъ случай выздоровленія юности въ Смирнѣ отъ раны, проникшей до одного изъ боковыхъ желудочковъ, что было бы невозможно при раненіи желудочковъ! Тамъ же, с. 10 (I, 557).

³⁾ Ed. Kühn, IV, 276, V, 613.

⁴⁾ Galenus, De nervis l. II. с 2 (K. III, 832).

⁵⁾ Galenus, De usu part. l. VIII, с. 11.

⁶⁾ См. выше стр. 342 и *Анатомію* Вальтера, 515 (изд. II).

почему *четвертый* (III по Галену) меньше, какъ не заключающій въ себѣ излишнихъ влагъ подобно боковымъ ¹⁾). На днѣ IV желудочка при осмотрѣ его сзади видно

6) *Писчее перо* (calamus scriptorius, ἀναγλύφη κάλαμου)—часть спинного мозга.

7) Processus s. pedunculi cerebelli ad corpora quadrigemina (τένοντες).

8) *Коническій прибавокъ* мозга (κωνάριον, glandula pinealis), расположенный у входа въ каналъ, проводящій Рнешма изъ средняго въ желудочекъ мозжечка, есть похожая на сосновую шишку желѣза, которая выполняетъ мѣсто раздѣленія большой вены (vena magna Galeni) и подобно другимъ такимъ желѣзамъ служить опорой для ея вѣтвей, но отнюдь не привратникомъ или экономомъ для опредѣленія количества отпускаемаго Рнешма, какъ думаютъ нѣкоторые ²⁾, каковая функція возложена цѣликомъ на

9) *Червячокъ* мозжечка (σκαλητχοειδής ἀπόφυσις), окружающій соединительный каналъ между III и IV желудочками ³⁾ и наболѣе приспособленный къ этой цѣли по своему строенію, формѣ, размѣрамъ, консистенціи и отношеніямъ къ сосѣднымъ частямъ, каково въ особенности

10) *Четверохолмие* (corpora quadrigemina):

„Съ каждой стороны вначалѣ канала существуютъ нѣжныя, продолговатая возвышенія мозга (ἔξοχα), называемыя pates (corpora quadrigemina). Ихъ соединеніе какъ нельзя болѣе походить на бедра человѣка, соприкасающіяся вверху ⁴⁾. Одни называютъ ихъ testes, по сходству съ яичками. Другіе называютъ testes тѣла, примыкающія къ сопагіумъ (pates новѣйшихъ или corp. quadrigem. anteriora), а ягодицами тѣла, расположенныя сзади ихъ (testes новѣйшихъ или corp. quadrigem. posteriora) Лѣвыя и правыя части канала принадлежать именно этимъ тѣламъ; верхнія части образуются тонкой, но довольно плотной перепонкой, прикрѣпляющейся съ каждой стороны къ testes; перепонка, простирающаяся до задняго желудочка есть нижній конецъ червячка (arachnoidea и обрывки valvul. Viesssenii), нимало не похожій ни на testes, ни на pates. Червячокъ представляется членистымъ, состоящимъ изъ различной формы [поперечныхъ] членовъ, тогда какъ testes и pates во всѣхъ частяхъ однородны и не имѣютъ разнообразнаго строенія. Еще одна особенность его: конецъ, расположенный въ заднемъ желудочкѣ, вѣсть примыканія его къ растянутой вверху перепонкѣ, выпуклъ и малъ. Начиная съ этого мѣста онъ увеличивается въ объемъ, расширяется такъ, что верхняя поверхность его равняется промежутку между pates. Черезъ это, вдаваясь въ каналъ, онъ его совершенно запираетъ, а отгибаясь

¹⁾ Galenus, De usu part. l. VIII, c. 12 (I, 561).

²⁾ Тамъ же, с. 14 (I, 564).

³⁾ Haeser и Falk полагаютъ, что Галену былъ извѣстенъ служащій для этой цѣли aquaeductus Sylvii. Но Галенъ говоритъ только глухо объ одномъ соединительномъ πόροςъ и выше мы видѣли, что согласно Dagembeg'у подъ нимъ слѣдуетъ подразумѣвать пространство Magenpie, что подтверждается слѣдующей въ текстѣ выдержкой.

⁴⁾ Они-то и окружаютъ сопагіумъ и соединены между собою связками, нѣшающими ихъ расхожденію. Ср. Falk. l. c., p. 17.

назадъ, въ тоже время тянетъ за перепонку (*valvula Vieussenii*), которая прикрѣпляется къ его выпуклымъ частямъ и отрываетъ опять каналъ въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ уходитъ назадъ. Закругляясь и сокращаясь при загибаніи назадъ, онъ настолько же становится шире, насколько теряетъ въ длинѣ. Оттого при небольшомъ загибаніи и расширеніи, его нижніе концы могутъ проникнуть только въ узкія части основанія канала; если же онъ сокращается сильнѣе и увеличивается въ ширину, отверстіе канала тоже будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ уменьшится выпуклость, которая должна туда войти¹⁾.

Пути, которыми мозгъ освобождается отъ излишнихъ влагъ, различны. Этому способствовать, во первыхъ, пористое строеніе самаго черепа и устройство швовъ²⁾, во-вторыхъ, для этой цѣли служатъ два канала, оканчивающіеся въ носу, и два другихъ, изъ коихъ одинъ выходитъ изъ средняго желудочка, а второй изъ упомянутаго выше мозгово-мозжечковаго канала, затѣмъ отъ соединенія обоихъ образуется

11) *Воронка* (*infundibulum*, *πελὸς καὶ χώνη*), на концѣ которой виситъ

12) *Мокротная желѣзка* (*hypophysis, glandula pituitaria, ὁ ἀδὴν τῆς κελίας*); она, а равно и *ришетчатая* кость, оканчивающаяся въ твердомъ небѣ, служатъ фильтрами для процеживанія мозговыхъ влагъ, дабы онѣ не капали прямо изъ мозга³⁾.

Кромѣ того Галенъ упоминаетъ еще о лежащемъ у мозжечка

13) *ἀπὸφισις νωτιαῖοι μελεῖ*—быть можетъ *pons Varolii* или *medulla oblongata*⁴⁾.

Относительно *сосудовъ мозга* находимъ у Галена обстоятельное описаніе различныхъ синусовъ (*sinus longitudinales* и проч.) и происходящихъ изъ нихъ венъ (*venae Galeni*), а также ихъ отношеній къ твердой мозговой оболочкѣ, *falx cerebri* и различнымъ черепнымъ швамъ (*лямбдовидному*, *вѣнечному* и т. д.), причемъ указывается на цѣлесообразность устройства всѣхъ этихъ частей, рассчитаннаго на то, чтобы избавить какъ различныя части мозга (желудочки), такъ и самые сосуды отъ взаимнаго давленія⁵⁾. Наконецъ у Галена находимъ въ двухъ мѣстахъ⁶⁾ описаніе открытаго уже Герофиломъ *confluens sinuum* (*torcular Herophilii, ληρός*). Весьма большое значеніе онъ придаетъ питанію мозга артериальной кровью, поступающей сюда изъ обѣихъ сонно-мозговыхъ арте-

¹⁾ Galenus, De usu part. l. VIII, c. 14 (I, 565—567).

²⁾ Тамъ же, l. IX, cc. 1, 2.

³⁾ Galenus, De usu part., l. IX, c. 3. ⁴⁾ Ср. Falk, l. c. p. 19.

⁵⁾ Galenus, De usu part., l. IX, cc. 6, 7.

⁶⁾ Galenus, De administr. anatom. l. IX (ed. K. П, 712) и De usu partium l. IX c. 6 (ed. D. I, 581).

рій, которыя, отдавъ по дорогѣ изъ шеи различныя вѣтви и прошедши черезъ назначенный для нихъ *canalis caroticus* въ скалистой кости, направляются къ удивительной нѣжной сосудистой сѣти, извѣстной подъ именемъ *plexus reticularis* и служащей для орошенія основанія мозга и выработки психическаго Рнеума, подобно тому какъ извилистая сѣть сѣменныхъ сосудовъ служить для выработки сѣмени. Эта сѣть опять соединяется въ 2 артеріи, проникающія въ мозгъ, образующія *plexus choriodei* въ желудочкахъ, посылающія вѣтви кпереди въ глаза (*aa. ophthalmicae*) и кзади въ мозжечекъ и спинной мозгъ и соединяющіяся съ сосудами, идущими изъ отверстій поперечныхъ отростковъ первыхъ 6 шейныхъ позвонковъ по отдѣленіи отъ *a. carotis* въ уровень съ 6—7 позвонкомъ (*circulus arteriosus Willisii*) Такимъ образомъ въ мозгу все расположено наилучшимъ образомъ какъ для выработки и распредѣленія Рнеума, такъ и для питанія мозга ¹⁾.

Спинной мозгъ по Галену происходитъ изъ головнаго, какъ изъ ствола (*ὄλον τὸ κρέμνον*) или подобно тому „какъ рѣка происходитъ изъ источника.“ При этомъ Галенъ упрекаетъ въ невѣжество Праксагора и Филотима, считавшихъ головной мозгъ какъ бы росткомъ спиннаго мозга ²⁾. Спинной мозгъ состоитъ изъ такого же вещества, какъ головной, только не такъ влаженъ, какъ послѣдній и тѣмъ ближе къ концу, тѣмъ плотнѣе, хотя самъ по себѣ мягче нервовъ. Еще одно отличіе его—плотное облеганіе вокругъ него твердой и мягкой оболочекъ, вслѣдствіе чего онъ не пульсируетъ подобно головному. *Сосуды* его мягкая оболочка получаетъ отъ арты и полой вены черезъ тѣже отверстія, въ которые проходятъ нервы. Совершенно вѣрно описаніе выходенія изъ позвоночнаго канала *спинно-мозговыхъ нервовъ*, коихъ онъ принимаетъ 58 ³⁾, только объ ихъ гангліяхъ онъ не упоминаетъ. При этомъ онъ называетъ спинной мозгъ вторымъ мозгомъ для частей, лежащихъ ниже головы ⁴⁾, и описываетъ 8 шейныхъ паръ нервовъ съ происходящими изъ нихъ *nn. phrenici*, путь послѣднихъ черезъ *mediastinum* и вѣдреніе въ діафрагму, которая такимъ образомъ не получаетъ нервовъ изъ мозга, какъ увѣряютъ нѣкоторые ⁵⁾, а также описываетъ довольно вѣрно и остальные нервы туловища,

¹⁾ Тамъ же, с. 4.

²⁾ Galenus, De usu part. l. VIII, с. 12 (I, 562).

³⁾ Galenus, De usu part., l. XII, с. 15 (II, 40); въ другомъ мѣстѣ—30 паръ. Здѣсь же поведенію Галенъ разсматриваетъ послѣднюю пару какъ окончаніе самаго спиннаго мозга.

⁴⁾ Тамъ же, р. 41.

⁵⁾ Тамъ же, l. XIII, с. 5 (II, 65).

съ нѣкоторыми впрочемъ неточностями, въ родѣ напр. той, что вѣтвь первой пары грудныхъ нервовъ доходить до руки ¹⁾. Изъ *нервовъ конечностей* онъ вѣрно описываетъ начало, положеніе, пути и развѣтвленія nn. radialis, ulnaris, medianus; а также crurales, ischiadici и тазовые, нигдѣ впрочемъ не называя ихъ этими именами; кожныхъ нервовъ онъ также касается нѣрѣдко. Наконецъ у Галена находимъ вездѣ обстоятельныя описанія *нервовъ внутреннихъ* при изложеніи каждой изъ послѣднихъ.

Если отбросить произвольныя умозаключенія, прорывающіяся у Галена на каждомъ шагу тамъ, гдѣ онъ удаляется отъ примаго наблюденія, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ считать творцомъ научной нервной физиологіи. Изъ двухъ теорій, существовавшихъ до Галена относительно источника чувства и движеній, изъ коихъ по одной центромъ ихъ должно считать сердце (Аристотель), а по другой—мозгъ (Гиппократъ), Галенъ по счастливой случайности остановился на послѣдней,—счастливой потому, что это подало ему поводъ къ повѣркѣ, расширенію и распространенію этой теоріи при помощи прекраснѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ опытовъ, путемъ нослойнаго срѣзыванія отдѣльныхъ частей мозга на молодыхъ свинкахъ и проч., приведшихъ его къ слѣдующимъ положеніямъ:

Головной мозгъ есть источникъ чувствительности и движенія, спинной же мозгъ составляетъ какъ бы другой центръ или другой мозгъ ²⁾, получающій однако многочисленныя свои отправленія отъ головного, коего онъ составляетъ продолженіе. Нѣтъ въ тѣлѣ ни одной части, которая не получала бы чувствительности и движенія иначе, какъ чрезъ посредство нервовъ. Нервы не одарены никакой собственной, прирожденной имъ силой, а получаютъ ее отъ головного и спиннаго мозга. Источникомъ двигательной и чувствительной способностей мозга служить по Галену отчасти вырабатываемое въ мозгу и разливающееся отсюда по нервамъ Рнеума, главнымъ же образомъ состояніе мягкости или плотности нервныхъ центровъ и ихъ развѣтвленій,—теорія, по преимуществу механическая, основанная на теоріи температуровъ:

„Каждый изъ органовъ чувствъ нуждается именно въ мягкомъ нервѣ, въ нервѣ потому, что онъ есть органъ ощущенія, въ мягкомъ потому, что органъ этотъ долженъ быть извѣстнымъ образомъ расположенъ и измѣняемъ (модифицированъ) внѣшнимъ предме-

¹⁾ Galenus, De usu part. l. XIII, c. 5 (П, 66)

²⁾ Смъ предыдущую стр. и Dageberg, Histoire des sciences médicales, I, 221 и слѣд., которому слѣдуемъ здѣсь отчасти при дальнѣйшемъ изложеніи.

томъ для того, чтобы имѣло мѣсто ощущеніе. Мягкое же болѣе способно къ восприниманію впечатлѣній, а плотное къ дѣйствованію [движеніямъ]. Вотъ почему мягкіе нервы оказались необходимыми для чувствъ, а плотные для всѣхъ другихъ частей. Въ органахъ чувствъ, движимыхъ волей, какъ въ глазахъ и языкѣ, существуютъ оба рода нервовъ, а не одни мягкіе, какъ въ ушахъ и въ носу. Отсюда происходитъ то, что поврежденіе одного изъ означенныхъ нервовъ подвергаетъ опасности лишь ту пользу, которая зависитъ отъ этого нерва. Такъ языкъ въ однихъ случаяхъ бываетъ лишенъ движенія, въ другихъ—способности оцѣнивать вкусовыя впечатлѣнія.⁴

„Къ тому же плотные и мягкіе нервы не происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же частей мозга и не слѣдуютъ по одному и тому же пути, чтобы дойти до органовъ чувствъ. Одни, исходя отъ мягкихъ, другіе отъ плотныхъ частей мозга, направляются къ органамъ чувствъ, одни по прямой линіи, другіе окольнымъ путемъ. Такъ изъ нервовъ языка одни, исходящіе изъ нижнихъ и переднихъ, другіе изъ заднихъ и боковыхъ частей мозга, входятъ въ языкъ и притомъ первыя прямо (лат. *linguales*), вторыя же, болѣе плотныя (*hypoglossi*)—послѣ предварительнаго обхода кругомъ шеи. Мало того, первыя, т. е. мягкіе, развѣтвляются на наружной поверхности языка, а вторыя, плотныя въ мускулахъ языка, ибо наружная поверхность его приходитъ въ соприкосновеніе съ вкусовыми частицами, а мускулы приводятъ его въ движеніе. Было поэтому рационально, чтобы нервы, назначенные для воспринятія впечатлѣній, развѣтвлялись въ частяхъ, способныхъ къ перцепціи, а другіе, плотные, въ органахъ движенія, т. е. въ мышцахъ.“ (Такія же условія представляютъ нервы глаза)¹).

Приведенный здѣсь механическій взглядъ на различіе двухъ родовъ нервовъ развивается Галеномъ и въ другомъ мѣстѣ:

„Плотные нервы устроены какъ наилучшіе для движеній и наименѣе способные къ ощущеніямъ; наоборотъ мягкіе нервы впечатлительны и потому чувствуютъ, но въ нихъ нѣтъ силы двигать. Совершенно мягкіе нервы абсолютно неспособны къ движеніямъ, менѣе мягкіе и уже приближающіеся къ среднимъ (смѣшаннымъ)—также двигательныя, но по дѣйствию ниже совершенно плотныхъ. Знайте, что спинной мозгъ даетъ начало всѣмъ плотнымъ нервамъ, а его нижній конецъ—самымъ плотнымъ, что головной мозгъ есть источникъ всѣхъ мягкихъ нервовъ, а центръ его передней части назначенъ для самыхъ мягкихъ, наконецъ мѣсто соединенія головного и спинного мозга есть начало субстанции среднихъ нервовъ“²).

Итакъ переднія части мозга (большія полушарія) мягче заднихъ (мозжечка), потому что въ нихъ настоящее мѣстопробываніе чувствительности. Головной мозгъ становится плотнѣе съ приближеніемъ къ спинному, а спинной—къ концу. Поэтому нервы, рождающіеся отъ головного мозга надѣлены чувствительностью, а рождающіеся отъ спинного—двигательной способностью. Оттого *шестая пара* Галена (*vagus*) посылается къ внутренностямъ изъ головного мозга, хотя ближайшій путь былъ бы изъ спинного³). Причина, почему нѣкоторые мозговые нервы

¹) Galenus, De usu part. l. VIII, c. 5 (I, 539, 540).

²) Тамъ же, l. IX, c. 14 (I, 597, 598).

³) Galenus, De usu partium, l. IX, c. 11 (I, 590).

все-таки оказываются двигательными, заключается, по мнѣнію Галена, въ томъ, что нѣкоторые нервы на пути своемъ изъ черепа становятся плотными или же происходятъ изъ самыхъ заднихъ областей мозга. Тѣмъ не менѣе опытъ, вопреки этой теоріи, заставилъ его убѣдиться въ томъ, что *вторая пара* по его классификаціи (*δευτέρα οὐλόγια, oculomotorius*) есть двигательный нервъ, что его *третья пара* (*trigeminus*)—и чувствительный и двигательный вслѣдствіе его анастомозовъ съ его *пятой парой*, т. е. съ *facialis*, который есть двигательный нервъ, что *шестая пара* (*vagus, glossopharyngeus, spinalis*)—чувствительный, а *седьмая* (*hypoglossus*)—двигательный, наконецъ, что изъ спиннаго мозга рождаются специальные чувствительные нервы для кожи шеи, головы и плечъ ¹⁾.

Эта механическая теорія вѣроятно построена на основаніи наблюденій надъ оптическимъ и обонятельнымъ нервами, по виду совершенно мягкими. Въ пользу же динамической дѣятельности нервовъ Dageberg находитъ только одно мѣсто у Галена:

„Нервная сила не зависитъ отъ величинъ нерва“ ²⁾.

Къ этому присоединяется еще взглядъ Галена на нѣкоторые нервы, какъ на снурки, которые тянутъ за мускулы и заставляютъ ихъ двигаться, взглядъ, составляющій отголосокъ долго продолжавшагося въ древности смѣшиванія нервовъ и сухожилій. Такъ по Галену *p. phrenicus* идетъ сверху внизъ и прикрѣпляется къ центру діафрагмы для того, чтобы тянуть ее кверху. Изъ нервовъ гортани одни загигаются какъ бы вокругъ блоковъ для того, чтобы осаживать нижніе ея мускулы внизъ, другіе наоборотъ дѣйствуютъ снизу вверхъ на верхніе ея мускулы. Мышцы желудка переплетаются и укрѣпляются кругомъ его для того, чтобы не подвергаться разрывамъ отъ его тяжести при переполненіи его пищей ³⁾. Наконецъ у Галена есть еще смѣшанная механически-виталистическая теорія: нервы имѣютъ тройное назначеніе—служить для движеній, для ощущеній и для оповѣщенія общаго чувствленія о полезныхъ или вредныхъ дѣтеляхъ черезъ воспринятіе ощущеній боли или удовольствія ⁴⁾. Это послѣднее свойство не связано съ состояніемъ большей или меньшей плотности или мягкости, а зависитъ отъ измѣняющихся и притягательныхъ силъ. Благодаря этому свойству, кишечный каналъ не изъязвляется экскрементами, мочевоу пузырь не разъѣдается мочей, бла-

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. IV, c. 7 и l. III, c. 14. Ср. Dageberg, l. c. I, 222. ²⁾ Galenus, De administrat. anatom, l. III, c. 9.

³⁾ Ср. Dageberg, l. c. I, 223.

⁴⁾ Galenus, De usu partium, l. V, c. 9 (I, 361).

годари ему мы ощущаемъ голодь, жажду, позывъ къ испражненіямъ. Это сила жизненной сопротивляемости, сила тонуса, признаваемая новѣйшими чѣмъ-то въ родѣ внутренней, инстинктивной воли. При этомъ необходимо еще замѣтить, что Галенъ неоднократно повторяетъ, что всякій нервъ обладаетъ въ одно и тоже время чувствительной и двигательной силами, освобождая каждый разъ ту изъ нихъ, въ которой нуждается органъ, имъ снабжаемый. Слѣдовательно онъ сначала не имѣлъ точнаго понятія о различіи между чувствительными и двигательными нервами и это понятіе онъ усвоилъ себѣ лишь впоследствии ¹⁾.

Возвращаясь къ физиологіи мозга, замѣтимъ, что умъ, по мнѣнію Галена, находится въ связи съ объемомъ мозга (фактъ, замѣченный уже Эразистратомъ) и съ качествомъ мозгового вещества. Онъ зналъ также, что большая выпуклость черепа есть признакъ замѣчательныхъ умственныхъ способностей. Точно также имъ подтверждается замѣченный уже александрийцами и Кассіемъ Феликсомъ фактъ перекрестнаго дѣйствія мозговыхъ полушарій на движенія противоположной стороны и односторонняго дѣйствія каждой изъ половинокъ спиннаго мозга на движенія той же стороны ²⁾.

Къ совершенно произвольнымъ заключеніямъ относится мнѣніе Галена, что психическое Рнеума происходитъ отчасти изъ воздуха, проникающаго черезъ рѣшетчатую кость, отчасти изъ Рнеума въ нѣжнѣйшей крови сонно-мозговыхъ артерій и мягкой мозговой оболочки, причемъ, претерпѣвъ свою метаморфозу въ сосудистыхъ сплетеніямъ боковыхъ желудочковъ, проникаетъ отсюда въ третій для усовершенствованія, а изъ него черезъ особый каналъ (*пѣрос*, однако не Сильвіевъ водопроводъ, какъ полагали прежде, а приведенный выше мозгово-мозжечковый каналъ)—въ четвертый желудочекъ, откуда уже, черезъ спинной мозгъ и нервы, сообщается смотря по надобности въ различныя части тѣла. Червячекъ мозжечка какъ мы видѣли служить при этомъ чѣмъ-то въ родѣ „задвижки,“ препятствующей выходу Рнеума и предупреждающей путаницу въ мысляхъ. Къ этому же разряду апіористическихъ взглядовъ Галена относится его мнѣніе, что нечистыя вещества выводятся посредствомъ Рнеума черезъ рѣшетчатую пластинку, ибо по Галену рѣшетчатая кость, равно какъ и *membrana pituitaria* продиравлены отъ природы для того, чтобы поддерживать между задней частью глотки и мозгомъ необходимыя сообщенія, черезъ которыя послѣднему,

¹⁾ Ср. Daremberg, Histoire des sciences médicales, I, 223, note.

²⁾ Ср. Bouchut, l. I, 199, 200.

при содѣйствіи его (венозныхъ) движеній, подобныхъ дыхательнымъ, и доставляется выходъ для очищенія отъ нечистотъ. Точно такую же великую премудрость природы Галенъ видитъ въ существованіи, для защиты мозга, именно двухъ (а не больше и не меньше) мозговыхъ оболочекъ, составляющихъ какъ разъ приличную средину между плотностью черепа и мягкостью мозга ¹⁾!

Такой же произволь проглядываетъ во всѣхъ его сужденіяхъ о природѣ души, о которой Галенъ, хотя и высказываетъ предположеніе, что она есть быть можетъ животная теплота, или что-либо другое безтѣлесное (какъ мы бы сказали, невѣсомое), или наконецъ общій отпечатокъ формы мозга (τὸ σῆμα αὐτῆς τῆ κατασκευῆς εἶδος) ²⁾, но которую однако онъ въ тоже время приводитъ въ тѣсную связь съ душевнымъ Рнеума. Въ дѣленіи души и распредѣленіи ея способностей Галенъ главнымъ образомъ слѣдуетъ, какъ мы видѣли, Платону. Разумной, мыслящей или господствующей душѣ (ἡγεμονικός, ψυχῆ λογιστική), имѣющей свое мѣстопробываніе въ мозгу, свойственны способность разсужденія, въ посредственной же связи съ нею находятся дѣятельность пяти органовъ чувствъ и стремленіе къ благородному и изящному. Энергической или мужественной душѣ (θυμός, ψυχῆ θυμοειδής), мѣстопробываніе коей въ сердцѣ, свойственны храбрость, гнѣвъ, а также властолюбіе, честолюбіе, жажда свободы, побѣдъ, мести, наконецъ третьей женственной части души (ἐπιθυμία, ψυχῆ ἐπιθυμητική), гнѣздящейся въ печени, свойственны одни только низменныя желанія, какъ любовь и пр. ³⁾. Согласно сказанному, причина душевной дѣятельности заключается по Галену въ психическомъ Рнеума, происходящемъ, какъ мы видѣли, отъ заключеннаго въ крови жизненнаго Рнеума, чѣмъ объясняется также зависимость душевной дѣятельности отъ состояній тѣла. Изъ существенной же связи между душой и душевнымъ Рнеума, которое, какъ субстанція, также подвержено измѣненіямъ, вытекаетъ ученіе Галена объ измѣнячивости души и *темпераменталъ*, которые онъ объясняетъ смѣшеніемъ элементовъ и сообразно съ этимъ дѣлитъ по принятому обычаю на четыре: сухой и теплый (холерическій), сухой и холодный (меланхолическій), влажный и теплый (сангвиническій) и влажный и холодный (флег-

¹⁾ Galenus, De usu part. l. VIII, c. 9 (I, 554), каковую главу Галенъ всю посвятилъ доказыванію этой истины, не предвидѣвъ, конечно, что когда нибудь откроютъ третью, паутинную оболочку.

²⁾ Galenus, De usu respirationis, c. 5.

³⁾ Galenus, Quod animi mores corporis temperamenta sequantur., c. 2.

матическій), къ коммъ прибавляетъ еще пятый, въ которомъ бываетъ равномѣрное смѣшеніе всѣхъ элементовъ ¹⁾).

Ученіе Галена объ органахъ чувствъ равнымъ образомъ основано на теоріи его о смѣшеніи элементовъ и душевномъ Рнеума, къ которымъ еще присоединяется третій факторъ—элементарный составъ этихъ органовъ. Вотъ что говоритъ Галенъ по этому поводу въ *De instrumento odoratus*:

„Ухо воздушно, чтобы воспринимать звуки, глаза прозраченъ, чтобы воспринимать свѣтовые лучи, языкъ влаженъ и мягокъ, чтобы воспринимать впечатлѣнія отъ вкусовыхъ частицъ, органы обонянія легче воздуха и тоньше воды, такъ какъ объекты обонянія (пахучія вещества) составляютъ нечто среднее между воздухомъ, влагой и свѣтомъ ²⁾).

Главнымъ образомъ, однако, чувствительныя ощущенія по Галену зависятъ отъ душевнаго Рнеума.

Въ *лазъ*, который Галенъ изучалъ на овцахъ и телятахъ, онъ различалъ 4 оболочки: соединительную, роговую, сосудистую и сѣтчатую, и три влаги: водянистую, хрусталиковую и стекловидную ³⁾. Что касается зрительныхъ нервовъ, то Галенъ, какъ сказано, не признаетъ полного ихъ перекреста, а принимаетъ только соединеніе между ихъ каналами, служащее для того, чтобы въ случаѣ засоренія одного изъ нихъ, чувствительное Рнеума могло изъ заднихъ частей засореннаго нерва сообщаться съ Рнеума другаго, оставшагося проходимымъ, черезъ что предупреждается разстройство зрѣнія ⁴⁾.

Зрѣніе происходитъ отъ той части свѣтлага Рнеума (*κνεύμα ψυχικόν δπτικόν*), которое здѣсь также находится между хрусталикомъ и радужной оболочкой, куда постоянно притекаетъ (*ἐπιρρέειν*), черезъ тонкіе нервные каналы, изъ мозга, и которое воспринимаетъ свѣтовые лучи, а полученные отъ нихъ ощущенія проводитъ по зрительнымъ первамъ къ зрительнымъ буграмъ и центральному зрительному органу:

„Въ самомъ тѣлѣ, зрительныя нервы рождаются въ томъ мѣстѣ, гдѣ оба передніе желудочка оканчиваются сбоку и для этихъ именно нервовъ только и существуютъ эти своего рода ложа или слои желудочковъ [зрительныя бугры]. Анатомы не узнали этого удивительнаго произведенія природы, такъ какъ они не вслѣдовали ни оковечностей же-

¹⁾ Galenus, De temperam. l. I, сс. 2, 3.

²⁾ Galenus, De instrument. odorat. с. 2.

³⁾ Galenus, De caus. symptom. l. I, с. 2 и слѣд.; Definitiones medicae № 41.

⁴⁾ Galenus, De usu part., l. X, с. 12, 14. Необходимо однако признать, что отно- сительно перекреста зрительныхъ нервовъ новѣйшая анатомія почти того же мнѣнія, какъ и Галенъ, ибо только самыя внутреннія волокна хіазмы идутъ съ противоположной стороны, наружныя же остаются въ связи съ однимъ и тѣмъ же нервнымъ стволомъ на всемъ протяженіи, начиная отъ сопрога quadrigemina вплоть до глазнаго яблока той же стороны.

лудочковъ, ни почему они такъ устроены, и не замѣтили, что начала зрительныхъ нервовъ соединены съ оконечностями желудочковъ. Вотъ почему нервы глазъ въ одно и то же время малы, крупны и мягки, тогда какъ нервы другихъ чувствъ только крупны и мягки¹⁾.

Слухъ также происходитъ отъ прониканія въ ухо душевнаго Рпеуша въ видѣ тѣлца *ακουστικόν*, воспринимающаго звукъ, который проводится въ формѣ волнъ (*κίνησις ὀσόν χῆμα*) черезъ хрящевыя и костяныя части уха къ слуховому нерву, не имѣющему и, по мнѣнью Галена, не могущему имѣть такого распространенія по поверхности, какое имѣетъ *opticus*²⁾.

По отношенію къ *обонянію* Галенъ отвергаетъ способность къ нему слизистой оболочки носа, какъ по отсутствію въ ней нервовъ, такъ и по строенію, ничѣмъ не отличающемуся отъ другихъ слизистыхъ оболочекъ, мѣстопробываніемъ же обонянія онъ считалъ боковые желудочки мозга и полагалъ, что Рпеуша, насыщенное пахучими молекулами, напр. черного тмина, проходитъ сквозь отверстія рѣшетчатой кости прямо въ переднія части боковыхъ желудочковъ мозга, которые и служатъ центральнымъ органомъ обонянія. Что касается *lamina cribrosa*, то она служитъ для очищенія грубыхъ нечистотъ (слизи), между тѣмъ какъ черепные швы служатъ для выведенія болѣе тонкихъ воздухообразныхъ нечистотъ³⁾.

Въ *De usu partium* Галенъ подробно распространяется о специфическихъ различіяхъ между органами чувствъ и особенностяхъ ихъ строенія:

„Хотя всѣ органы чувствъ имѣютъ общій имъ всѣмъ источникъ ощущенія въ мозгу и въ этомъ отношеніи представляютъ между собою большое сходство, тѣмъ не менѣе между ними существуютъ специфическія различія по отношенію къ самымъ ощущающимъ способностямъ и къ тѣламъ, черезъ которыя эти способности доходятъ до органа [т. е. къ нервамъ]. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ способностей одна судитъ о запахахъ, другая о вкусахъ, эта о звукахъ, а та о цвѣтахъ. (Слѣдуетъ изчисленіе соответственныхъ четырехъ нервовъ и ихъ физическихъ свойствъ по отношенію къ легкости). Что касается пятого пути (*facialis*?), то онъ представляетъ крѣпкій и плотный нервъ, способный и къ движенію и къ осязанію—этому самому грубому изъ всѣхъ чувствъ. Этотъ нервъ не способенъ къ той утонченной оцѣнкѣ, которая существуетъ въ другихъ чувствахъ.“

„Для того, чтобы имѣло мѣсто ощущеніе, каждое изъ нихъ должно непременно испытывать измѣненіе [ощущаемое мозгомъ]. Блескащее и свѣтлое аффектируется цвѣтами, воздушное — звуками, парообразное—запахами, словомъ подобное и познается себѣ подобнымъ. Такъ органъ чувства, имѣющаго отношеніе къ воздуху, не можетъ претерпѣвать измѣненій отъ цвѣтовъ.... Точно также этой функціи не могутъ выполнять ни мутное и мглистое, ни влажное и водянистое, ни твердое и землянистое, такъ что ни одно *sensorium*, кромѣ чувства зрѣнія, не можетъ быть измѣнено цвѣтами.

¹⁾ Galenus, De usu part., l. XVI, c. 8. (II, 164).

²⁾ Galenus, De dogmatis Hippocrat. et Plat. l. V, c. 3, De usu part., l. VIII, c. 6. Въ историческомъ отношеніи интересно указаніе Галена на нѣвніе прежнихъ изслѣдователей, что ощущеніе звука происходитъ отъ сотрясенія заключеннаго въ головѣ воздуха голосомъ. Galenus, De histor. philosoph. c. 16 (K. XIX, 309).

³⁾ De instrum. odorat., c. 2.

ибо только это чувство имѣть чистое и блестящее *versorium*—хрусталиковую влагу. Но это измѣненіе осталось бы безъ эффекта, еслибъ оно не было доведено до сознанія направляющаго начала, мѣстопробыванія воображенія, памяти и разума. Вотъ почему мозгъ посылаетъ частицу самого себя къ чеченичной влагѣ, чтобы узнавать получаемыя ею впечатлѣнія. Это единственное продолженіе мозга, заключающее въ себѣ чувствительный каналъ [намекъ на центральную артерію], потому что оно одно содержитъ большое количество психическаго Рнеиша¹⁾... „Дошедши до глазныхъ впадинъ, это продолженіе, уплощаясь и утончаясь, растягивается въ значительную поверхность и принимаетъ свое первоначальное свойство, такъ что въ немъ мозгъ появляется опять въ своемъ прежнемъ видѣ, со свойственными ему цвѣтомъ, плотностью и другими особенно тѣми, о коихъ рѣчь впереди“.... „Если бы мозгъ не былъ пунктомъ, отъ котораго исходить и къ которому возвращается происходящее въ каждомъ изъ органовъ чувствъ измѣненіе, животное оставалось бы лишеннымъ ощущеній. Посмотрите на людей, сраженныхъ ударомъ: хотя всѣ органы чувствъ у нихъ не тронуты, эти органы однако остаются у нихъ безъ всякаго употребленія для оцѣнки ощущаемыхъ вещей. Въ глазахъ, состоящихъ изъ замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ оболочекъ, цвѣтотныя впечатлѣнія быстро достигаютъ до заключенной въ нихъ части мозга [сѣтчатой оболочки].“

„Въ ухахъ тоже было необходимо такое же продолженіе мозга для воспринятія вѣдшихъ впечатлѣній, каковы шумъ или звукъ, вызываемый сотрясеніемъ воздуха, причѣмъ производимое этимъ сотрясеніемъ движеніе, распространяясь впередъ наподобіе волны, восходитъ къ мозгу. Окружить нервы влагалитцемъ, какъ въ глазахъ, здѣсь не было возможности, ибо отъ этого возникло бы значительное препятствіе для сотрясенія ушей пришедшимъ въ движеніе воздухомъ, въ особенности если послѣднее слабо, какъ это бываетъ при слабомъ голосѣ. Но въ тоже время нельзя было оставить нервовъ и совершенно открытыми и предоставленными всѣмъ возможнымъ толчкамъ со стороны инородныхъ тѣлъ. Нельзя было также (это было бы третьимъ и послѣднимъ средствомъ) дать имъ достаточно разрѣженной и тонкой перепонки для пропуска воздуха, что подавало бы поводъ не только ко всѣмъ возможнымъ поврежденіямъ нервовъ, но и къ охлажденію мозга.... „Природа поэтому, въ видахъ прочной и достаточной защиты, помѣстила здѣсь твердую и толстую кость и продавила ее спиральными, извилистыми ходами наподобіе лабиринта: вслѣдствіе этой предосторожности холодный воздухъ, который въ прямыхъ ходахъ дѣйствовалъ бы изо всей силы, въ этихъ синусозныхъ ходахъ отъ частыхъ преломленій мало-по-малу смягчается и такимъ образомъ существуетъ только отдаленная опасность отъ проникновенія тѣлецъ (молекулъ?) вплоть до нерва. И дѣйствительно тѣла болѣе объемистыя, чѣмъ каналъ, не были бы въ состояніи не только повредить, но и доходить до него, изъ меньшихъ же тѣлъ одни, напирая съ быстротой, силой и по прямой линіи, сначала ударятся о спирали, а другія, проникая въ эти спирали тихо, безъ натиска, словно перекатываясь, должны вѣжко и безъ силы касаться перепонки. (Слѣдуетъ объясненіе, почему слуховые нервы созданы лишь вѣскольکو плотнѣе, чѣмъ это необходимо для ихъ функціи, ибо совершенная плотность лишала бы ихъ почти всей ихъ чувствительности, а мягкость сдѣлала бы ихъ слишкомъ чувствительными, но болѣе подверженными поврежденіямъ)“²⁾.

¹⁾ Gale n u s, De usu part. l. VIII, c. 6 (I, 543, 544). Здѣсь Галень ссылается на трактатъ De dogmatis Hipp. et Platonis (l. VII, c. 3 и слѣд.), гдѣ имъ подробно разсматриваются природа, происхожденіе и функція этого Рнеиша. О значеніи хрусталиковой влаги, какъ органа зрѣнія см. ниже.

²⁾ Тамъ же, 545, 546. Вообще же п. acusticus, входящій вмѣстѣ съ dura mater въ узкій *rogus acusticus*, плотнѣе чѣмъ это необходимо для его функціи, чтобы легче переносить вызываемыя голосомъ сотрясенія.

„Нервъ языка, по совершенно противоположной причинѣ, и а т е, ибо ему за- щитой служить ротъ. Этотъ органъ, не могущій различать ни свойствъ свѣта, ни колебаній воздуха, ни испареній, и занимающій у насъ четвертое мѣсто, приведенъ нами здѣсь, что- бы показать, что онъ отъ природы снабженъ нервомъ, соответствующимъ безопасности его положенія, въ отличіе отъ слуховаго, расположеннаго природой такъ, чтобы онъ былъ болѣе защищенъ отъ поврежденій, чѣмъ способенъ къ перцепціи.“

„Изъ всѣхъ органовъ чувствъ одинъ только органъ обонянія помѣщенъ пре- родою внутри черепа, въ пере-никъ желудочкахъ мозга, содержащихъ паробразное Раса- ша. Необходимо было, въ самомъ дѣлѣ, чтобы тѣльца, вызывающія это ощущеніе, измѣнили также часть самаго мозга и чтобы это вещество было окружено оболочкой, способной за- щитить его, не преграждая прохода ощущаемыхъ предметовъ, для чего она должна была быть болѣе разрѣженной, чѣмъ слуховая, и притомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой объектъ, воспринимаемый носгѣдной, грубѣе предмета, воспринимаемаго обоняніемъ, ибо во тонкости частицъ воздухъ почти настолько же уступаетъ испареніямъ, насколько онъ ниже свѣта въ этомъ отношеніи“¹⁾. Слѣдуетъ описать онта для удостовѣренія въ порозности обонятельной веро- понки, выступающей явственно при растяженіи носгѣдной и поливанні ея теплой водою, если она взята отъ мертваго животнаго. При этомъ еще какъ доказательство этой порозности Га- ленъ приводитъ быстрое опорожненіе черезъ нее излишнихъ влагъ, истекающихъ изъ ве- зга (*βλέννα et χόρυξα*—тиспа), чѣмъ предупреждаются апоплексія и дана благоприятныя условія для очищенія мозга при его болѣзняхъ. Такимъ образомъ одинъ этотъ органъ, во- мимо своей главной функціи—обонянія запаховъ отъ испареній предметовъ, служить еще для очищенія мозга отъ излишнихъ влагъ, а также и для дыханія мозга и при- томъ такъ, что оцѣнка запаховъ имѣетъ мѣсто при вдыханіи, а опорожненіе матерій при выдыханіи; для предупрежденія же охлажденія мозга входящимъ воздухомъ и вообще во- врежденія мозга органъ этотъ снабженъ еще рѣшетчатой костью²⁾. Эти три функціи, бла- годаря удачному расположенію частей, оказываютъ одна другой взаимныя услуги: рѣшетча- тая кость создана для охраны мозга, но самое ихъ устройство стѣснано бы обоняніе, если бы мозгъ при вдыханіи и выдыханіи не измѣнялъ свойствъ воздуха и не опорожнялъ излиш- нихъ влагъ. Съ своей стороны обоняніе, воспринимая запахи, извѣщаетъ насъ о томъ це- ровъ или вреденъ воздухъ, вдыхаемый мозгомъ. Обоняніе слѣдовательно есть стражъ ды- ханія и служитъ не только для сохраненія, но и для украшенія жизни³⁾.

Изъ сказаннаго видно, что согласно Галену каждому изъ орга- новъ чувствъ соответствуетъ особый только имъ ощущаемый объектъ, такъ что то, что вызываетъ измѣненіе или впечатлѣніе въ одномъ изъ органовъ чувствъ, не можетъ вызывать такихъ же измѣненій въ другомъ.

Такъ какъ изъ органовъ чувства глазу Галенъ посвятилъ въ *De usu partium* особую книгу, то считаемъ нелишнимъ привести здѣсь вкратцѣ изложенныя въ этой книгѣ данныя, получающія особенный инте-

¹⁾ Т. е. слишкомъ малые (воздухъ) и слишкомъ большіе объекты (вода), не прои- скаснне узкими каналами рѣшетчатой кости, недоступны обонянію, ибо эти многочислен- ные извилистые каналыцы проходимы только для испареній пахучихъ предметовъ и устро- ены наподобіе клапановъ, которые при сильномъ вдыханіи открываются неподвижнымъ ве- лѣ движеніемъ и пропускаютъ запахи.

²⁾ Тамъ же, I. VIII. с. 6 (I, 547—550).

³⁾ Тамъ же, с. 7 (I, 550—552).

ресь потому, что здѣсь находимъ рядомъ съ ложной физиологіей зрѣнія и весьма сбивчивой анатоміей глаза, первое въ наукѣ геометрическое построение теории зрѣнія съ рисунками.

Главнымъ органомъ зрѣнія (τὸ πρῶτον ὄργανον τὸ τῆς ὀψέως) Галенъ считалъ *Хрусталикъ* (κρυσταλλοειδής, также αἰγροειδής ὑγρόν), который питается *стекловидной влагой* (ὕαλοειδής ὑγρόν), получающей въ свою очередь свою пищу путемъ просачиванія (κατὰ διάθεσιν) отъ окружающей ея оболочки ¹⁾. Эта послѣдняя и есть

Сѣтчатая оболочка (ἀμφιβληστροειδής χιτῶν), по Галену—ничто иное, какъ чрезвычайно тонкое продолженіе самаго существа мозга ²⁾. Сѣтчатая оболочка имѣетъ двоякое назначеніе: передавать мозгу впечатлѣнія, получаемыя хрусталикомъ, и питать стекловидную влагу посредствомъ многочисленныхъ сосудовъ ретинны. „Хотя вмѣстѣ со всѣми выходящими изъ мозга нервами отдѣляется порція сосудистой (мягкой) мозговой оболочки, содержащая артерію и вену, но никакой другой нервъ не сопровождается столь значительными сосудами, какъ этотъ [opticus]“ ³⁾.

Сосудистая оболочка глаза (χοροειδής), прямое продолженіе мягкой мозговой оболочки и получившая свое названіе отъ богатства сосудами, подобно chorioe в зародышѣ, согласно Галену посылаетъ къ сѣтчатой тонкія перегородки, похожія на паутину, служація ей связками и вмѣстѣ для ея питанія [processus ciliares]. Допуская ошибочно такое прямое сообщеніе между кровеносными системами обѣихъ оболочекъ, какъ извѣстно, совершенно самостоятельными и отдѣленными одна отъ другой, Галенъ повидимому былъ введенъ въ заблужденіе мостовиднымъ расположеніемъ пигментнаго слоя въ целулезно-пигментной ткани. Какъ на особенности chorioideae Галенъ указываетъ на отсутствіе въ ней сосудовъ вначалѣ, на весьма ясно выраженное сосудистое ея строеніе нѣсколько дальше и наконецъ на появленіе въ ней густой сѣти сосудовъ, коими она прикрѣпляется къ сѣтчатой оболочкѣ, „какое прикрѣпленіе, можно сказать, похоже на рѣсницныи вѣкъ (ligam. et corpus ciliares),—сравненіе (прибавляетъ Галенъ), сдѣланное по моему не безъ основанія занимающимися естественной исторіей. На мѣстѣ прикрѣпленія верхнее продолженіе (retina) прерывается и не идетъ дальше; ибо цѣль его достигнута: оно прикрѣпляется къ [капсулѣ] хрусталика и можетъ съ пользой извѣщать мозгъ о получаемыхъ послѣднимъ ощущеніяхъ. Это прикрѣпленіе справедливо представляетъ совершенный кругъ,.... самый большой кругъ, образуемый въ хрусталикѣ, который онъ дѣлитъ на двѣ половины. Было умѣстно, чтобы стекловидное тѣло не перешло за этотъ кругъ дальше напередъ: такимъ образомъ хрусталикъ плаваетъ на стекловидномъ тѣлѣ въ центрѣ, какъ шаръ, разсѣченный на двое водой (?). Этотъ кругъ (iris) служитъ общей границей и связью для обѣихъ этихъ тѣлъ [стекловидной влаги и хрусталика], равно какъ и для сѣтчатой и, въ четвертихъ, для сосудистой оболочекъ, ибо изъ всѣхъ этихъ частей сосудистая оболочка самая крѣпкая и наиболѣе способная ихъ укрѣплять и поддерживать.“

„*Склеротика* (σκληρα, продолженіе твердой мозговой оболочки) служитъ для защиты сосудистой, которую она окружаетъ, хотя и отдѣлена отъ нея на всемъ протяженіи и

¹⁾ Galenus, De usu partium l. X, c. 1 (I, 608). Къ хрусталику и проводится черезъ нервъ πνευματικὴ οὐσία ἐγκεφάλου. Изъ крови образуется humor vitreus, изъ послѣдней—humor crystallinus.

²⁾ Тамъ же, с. 2, 609 и De dogm. Hipp. et Plat. l. VII, c. 4. ³⁾ De usu partium, l. c.

связана съ ней только посредствомъ промежуточныхъ сосудовъ. Она также соединяется съ хрусталикомъ въ упомянутомъ кругѣ, образуя такимъ образомъ пятое прикрѣпленіе, защищающее глубже лежащія части отъ окружающихъ костей и предупреждая ихъ разрывы при движеніяхъ. Поверхъ всѣхъ этихъ частей находится окружающая ихъ

„Шестая оболочка—апоневроза, составляющая истонченное продолженіе сухожилій двигательныхъ мышцъ глаза.

„Седьмая и послѣдняя есть прикрѣпляющаяся къ кости плева [*περιοστεον*, подл котороу, согласно *Dagembeg'u*, здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать *соединительную оболочку*], соединяющая весь глазъ съ костью и покрывающая двигательныя мышцы глаза. Вы можете даже до разсѣченія глаза видѣть, какъ эта явственно бѣлая оболочка оканчивается на мѣстѣ, подл которнмъ находится каждый изъ другихъ круговъ, дабы соединить бѣлое съ чернымъ (?). Эту связь свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ называютъ *iris*, другіе называютъ ее вѣшникомъ. Если вамъ удастся искусно отдѣлнить ихъ одинъ отъ другаго и изслѣдовать, не смѣшивая, то убѣдитесь, что всѣ эти семь круговъ окружаютъ одинъ другой, различаясь толщиной и цвѣтомъ, такъ что, волей-неволей, вы не можете дать этому мѣсту другаго названія, кромѣ *iris*“¹⁾.

Хотя въ приведенномъ описаніи мы находимъ всѣ и нынѣ принятая наименованія частей глаза и даже знакомство Галена съ зубчатымъ краемъ сѣтчатки, но необходимо признаться, что Галенъ ничего или почти ничего не зналъ о самомъ строеніи глазныхъ оболочекъ и влаги и имѣлъ весьма смутное понятіе о способѣ соединенія ихъ и взаимныхъ отношеній въ передней половинѣ глазнаго яблока. Во-первыхъ, онъ не различилъ *membrana hyaloidea* сѣтчатки, а соединительную оболочку и апоневрозъ глаза считалъ за собственные оболочки глаза, тогда какъ они только придаточныя. Съ другой стороны стекловидное тѣло и хрусталикъ онъ то причисляетъ повидимому къ глазнымъ оболочкамъ, то разсматриваетъ какъ простыя влаги и во всякомъ случаѣ заставляеть ихъ и вообще всѣ оболочки глаза участвовать въ образованіи или, вѣрнѣе, оканчиваться и соединяться на уровнѣ того воображаемаго круга, который онъ называетъ *iris* и въ которомъ, словно въ пробуравленномъ отверстіи, склепаются такъ сказать стекловидное тѣло, хрусталикъ, *Uvea* и быть можетъ еще и роговая оболочка, ибо, какъ увидимъ ниже, Галенъ не имѣлъ точнаго понятія о рѣзкой разграничительной линіи между нею и склеротикой. И даже сѣтчатая оболочка по Галену то прерывается въ уровень съ хрусталикомъ, то обхватываетъ все стекловидное тѣло и слѣдовательно проходитъ между нимъ и хрусталикомъ. Такое же колебаніе замѣчается у него въ опредѣленіи слова кругъ (*κύκλος*), подл коимъ Галенъ то подразумѣваетъ самыя оболочки, то лишь ихъ окончаніе или пересѣченіе въ передней части глазнаго яблока.

¹⁾ Тамъ же, I. X, с. 2 (I, 609—614).

Согласно сказанному, семь круговъ Галена, входящихъ въ составъ *iris*, представляются, извнутри кнаружи, въ слѣдующемъ порядкѣ: *хрусталикъ*, *стекловидная влага*, *стычатка*, *сосудистая оболочка*, (4 мягкихъ круга), *склеротика*, *сухожильное растяженіе глазныхъ мышцъ*, *соединительная оболочка глазъ* (3 плотныхъ круга) ¹⁾.

Роговая оболочка прозрачна и имѣетъ назначеніемъ—служить защитой для хрусталика и предупреждать слишкомъ сильныя свѣтотыя впечатлѣнія, не оставляя его, съ другой стороны, въ потьмахъ, поэтому она сотворена изъ продолженія плотной склеротики, которая въ центрѣ становится тоньше, прозрачнѣе и вмѣстѣ компактнѣе, представляя большое сходство съ тонкими роговыми пластинками, откуда ея названіе ²⁾. Далѣе Галенъ описываетъ

Uvea и *зрачекъ*, его отношеніе къ хрусталику, его пользу—отдѣленіе хрусталика отъ роговой оболочки посредствомъ *humor aqueus* и *рнеиша*. При этомъ оказывается, что Галенъ повидимому не отдавалъ себѣ яснаго отчета ни о передней и задней камерѣ, ни объ отношеніяхъ зрачка и его движеній къ нервамъ ³⁾.

„Природа наилучшимъ образомъ устроила органъ зрѣнія по отношенію къ мягкости, удобству положенія, цвѣту и плотности оболочекъ. Собственная его оболочка [сумка хрусталика], блеститъ и свѣтится подобно зеркалу; слѣдующая за нимъ [*iris* новѣйшихъ] богата сосудами, чтобы его питать, мягка, дабы касалась хрусталика, не беспокоя его, черна, дабы собирать свѣтъ и сосредоточивать его въ зрачкѣ, продравлена, дабы оставить выходъ наружу для свѣта, идущаго изъ мозга; наружная оболочка [*cornea*], служащая ему защитой, похожа на пластинку тонкаго рога, блѣую и плотную, для пропуска лучей и надежной защиты“ ⁴⁾.

Самый глазъ защищается *отками*, *ртъсницами* и возвышеніемъ скуловой кости ⁵⁾. Далѣе рассматриваются способъ образованія вѣкъ и ихъ спайки, расположеніе *conjunctivae*, *Мейбоміевы желѣзы* и образованіе изъ нихъ „гидатидъ“ (нчменей), *хрящи вѣкъ*, удачное расположеніе *рѣсницъ*, такъ чтобы онѣ не заворачивались ни внутрь глаза, ни наружу ⁶⁾. Затѣмъ рѣчь идетъ о движеніяхъ глазнаго яблока, какъ первомъ условіи для расширенія поля зрѣнія, достигаемыхъ при помощи многочисленныхъ глазныхъ мышцъ ⁷⁾, о мышцахъ вѣкъ, изъ коихъ описывается только *m. orbicularis palpebr.*, но *levator palpebrae super.* Галену остался неизвѣстнымъ. Здѣсь Галенъ раздражается цѣлой филиппикой противъ софи-

¹⁾ Ср. *De usu part.* I. X, с. 2 (I, 612, прим. 1, 614, прим. 1).

²⁾ Тамъ же, I. X, с. 3.

³⁾ Тамъ же, I. X, с. 4, 5. О расширеніи зрачка находимъ лишь слѣдующую замѣтку: „если мигаемъ однимъ глазомъ, то зрачекъ другаго разширяется; тоже бываетъ, когда одинъ глазъ закрытъ.“ *De caus. symptom.* I. I, с. 2 (К. VI, 89).

⁴⁾ *De usu partium*, I. X, с. 6 (I, 624).

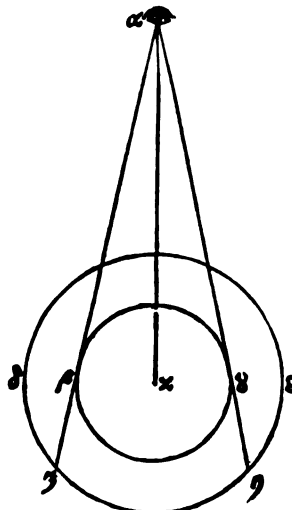
⁵⁾ Тамъ же, I. X, с. 6 (I, 625).

⁶⁾ Тамъ же, с. 7. ⁷⁾ Тамъ же, с. 8.

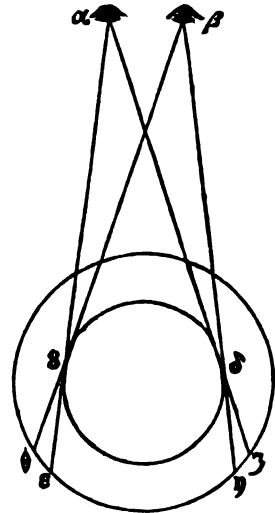
стовъ, утверждавшихъ, что движенія верхняго вѣка произвольны, причѣмъ самъ впадаетъ въ заблужденіе, такъ какъ есть произвольныя и непроизвольныя движенія вѣкъ ¹⁾. Что касается нижняго вѣка, то оно не имѣетъ собственной мышцы для подниманія и опусканія и меньше верхняго для того, чтобы плотнѣе обхватывать глазное яблоко и выжимать все излишнее ²⁾.

Наконецъ, послѣ совершенно вѣрной оцѣнки пользы слезнаго мясышка, слезныхъ точекъ, каналцевъ и желѣзъ, изъ которыхъ послѣднія „изливаютъ жидкость посредствомъ видимыхъ протоковъ, подобно тому какъ подъязычныя желѣзы изливаютъ слюну въ ротъ,“ а также пользы окружающей глазъ жирной клѣтчатки ³⁾, въ концѣ книги Галена о глазахъ излагается построенная на математическихъ началахъ

Теорія зрѣнія Галена. Для объясненія механизма зрѣнія Галенъ прибѣгнулъ къ помощи геометрическихъ фигуръ, а именно круговъ, конусовъ и линій съ обозначеніемъ ихъ буквами греческаго алфавита:



Фиг. 1.



Фиг. 2.

„Пусть $\beta\gamma$ будетъ кругъ (я называю *кружомъ* фигуру, всѣ точки которой одинаково отстоятъ отъ центра), видимый однимъ глазомъ (α) при другомъ закрытомъ; отъ точки (x) — середины круга (*центра*) вправо до смотрящаго на него зрачка предположите [проведенной] прямую линію (xa), на въ какую сторону неуклоняющуюся отъ своего прямолинейнаго направленія; представьте себѣ эту линію въ видѣ тонкаго волоса или наутинной нити, точно протянутой отъ зрачка къ центру круга. Предположите еще между зрачкомъ и огра-

¹⁾ Тамъ же, с. 9 и прим. 2, р. 630.

²⁾ Тамъ же, с. 10.

³⁾ Тамъ же, с. 11.

ничивающей кругъ линіей (*окружностью*) множество другихъ прямыхъ линій, проведенныхъ въ порядкѣ подобно наутяннымъ нитямъ ($\alpha\beta$, $\alpha\gamma$), и назовите *конусомъ* фигуру, ограниченную всѣми этими прямыми и кругомъ; назовите *вершишкой* этого конуса, а кругъ—*основаніемъ*. Назовите *осью* прямую линію, проведенную отъ *зрачка* къ центру круга и находящуюся въ центрѣ всѣхъ другихъ линій и конуса.“ (Фиг. 1).

При этомъ находимъ здѣсь слѣдующія главные положенія:

1) Предметы бываютъ видимы въ направленіи прямыхъ линій или зрительныхъ лучей.

2) Округность круга бываетъ видима посредствомъ зрительныхъ лучей, идущихъ отъ *зрачка* къ этой округности; центръ его—посредствомъ зрительнаго луча, направленнаго по осевой линіи конуса, вся же плоскость круга—посредствомъ конуса многочисленныхъ, оканчивающихся въ ней лучей. Лучи, находящіеся въ одинаковомъ разстояніи отъ оси въ одной плоскости, суть лучи одного и того же порядка.

3) При фиксированіи каждаго изъ видимыхъ предметовъ различаются не только этотъ предметъ, но и близъ лежащіе другіе, такъ какъ зрительные лучи падаютъ и за предѣлы этого предмета:

„Пусть *зрачекъ* будетъ въ пунктѣ α , видимый предметъ— $\beta\gamma$; отъ *зрачка* α лучи падаютъ на каждую сторону $\beta\gamma$. Поставьте дальше $\beta\gamma$ предметъ $\delta\epsilon$, продолжайте лучи $\alpha\beta$, $\alpha\gamma$ и пусть они падаютъ на $\delta\epsilon$ въ $\zeta\eta$, предметъ $\beta\gamma$, понятно, будетъ видѣнъ въ направленіи предмета $\zeta\eta$. Оттого предметъ $\zeta\eta$ будетъ закрытъ такъ хорошо, что его никомъ образомъ нельзя будетъ видѣть. Зато предметы лежащіе по обѣ стороны, а именно $\delta\zeta$ и $\epsilon\eta$ видимы сбоку $\beta\gamma$, или иначе, $\beta\gamma$ видѣется еще близко отъ того и другаго.“ (Фиг. 1).

4) Предметъ, видимый однимъ правымъ глазомъ, если онъ близокъ, кажется лежащимъ на лѣвой сторонѣ, если отдаленъ—на правой, точно также предметъ, видимый однимъ лѣвымъ глазомъ, кажется на правой сторонѣ, если близокъ, и на лѣвой, если отдаленъ, наконецъ предметъ, видимый обоими глазами вмѣстѣ, кажется посрединѣ. Другими словами: предметъ не бываетъ видимъ ни правымъ глазомъ на томъ же мѣстѣ, какъ и лѣвымъ, ни обоими глазами на томъ же мѣстѣ, какъ и однимъ, но правый глазъ видитъ въ одномъ мѣстѣ, лѣвый въ другомъ, а оба вмѣстѣ—въ третьемъ.

„Пусть правый *зрачекъ* будетъ въ точкѣ α , лѣвый—въ точкѣ β и пусть $\gamma\delta$ —пространство, видимое каждымъ изъ *зрачковъ*. Лучи падаютъ въ $\gamma\delta$, послѣ чего пусть будутъ продолжены [въ $\theta\eta$ и $\epsilon\zeta$]. Пространство $\gamma\delta$ будетъ видно правымъ *зрачкомъ* по направленію пространства $\epsilon\zeta$, а лѣвымъ—по направленію $\theta\delta$, обоими вмѣстѣ—по направленію $\eta\epsilon$, такъ что ни тотъ, ни тотъ не увидать предмета въ томъ же мѣстѣ, какъ другой, ни оба вмѣстѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, на какомъ его видитъ каждый изъ нихъ.“ (Фиг. 2) ¹⁾.

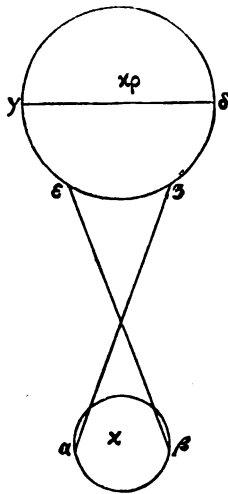
¹⁾ Galenus, De usu part., l. X, c. 12 (I, 638—641).

5) Если зрачекъ одного изъ глазъ будетъ прижатъ или отклоненъ вверхъ или внизъ, то предметы, различавшіеся прежде въ простомъ видѣ, будутъ видимы вдвойнѣ ¹⁾.

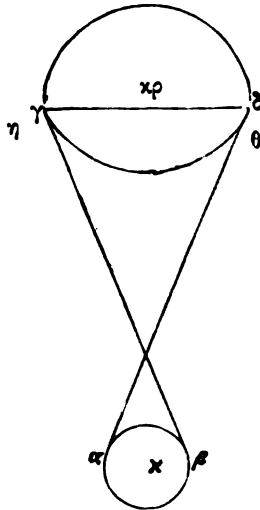
6) Всякій предметъ видѣнъ на своемъ мѣстѣ ²⁾.

7) Чтобы предметъ не казался двойнымъ, оси зрительныхъ конусовъ должны лежать въ одной плоскости ³⁾. Средствомъ для этого и служить *chiasma nervorum opticorum*, въ которомъ пересѣкаются оба зрительные нерва, лежащіе въ одной плоскости и притомъ такъ, что каждый изъ нихъ находится на одной прямой линіи съ соответствующимъ зрачкомъ и съ перекрестомъ зрительныхъ нервовъ, оба же зрачка также находятся въ той же плоскости и ни одинъ изъ нихъ не поставленъ природою ни выше, ни ниже другого ⁴⁾.

8) Вполнѣ сферическое тѣло сообщается съ видимымъ предметомъ меньшимъ числомъ точекъ, чѣмъ плоское. Для этого положенія, относящагося къ формѣ хрусталика, Галенъ даетъ слѣдующее геометрическое объясненіе:



Фиг. 3.



Фиг. 4.

„Такъ какъ предметы различаются въ направленіи прямой линіи, а впереди хрусталика находится отверстіе *uveae* (зрачекъ), черезъ которое ему предназначено получать ощущенія, то становится яснымъ, что тѣло вполнѣ и со всей точностью сферическое будетъ сообщаться съ различаемыми предметами меньшимъ количествомъ своихъ частей, а плоское большимъ количествомъ частей. Если это непонятно, то объяснимъ это при помощи линій. Пусть діаметръ зрачка (x , фиг. 3), совершеннаго круга α , будетъ $\alpha\beta$, а діаметръ хру-

¹⁾ Тамъ же, с. 12 (I, 642, 643).

²⁾ Тамъ же, 643.

³⁾ Тамъ же, с. 13 (I, 644).

⁴⁾ Тамъ же, l. 18 (I, 645).

сталика— $\gamma\delta$ и пусть $\gamma\epsilon\zeta\delta$ —обращенная къ зрачку часть хрусталика. Проведите отъ зрачка къ хрусталику тангенсы $\beta\epsilon$, $\alpha\zeta$, ясно, что порція $\epsilon\zeta$ будетъ сообщаться съ предметами, а части $\gamma\epsilon$ и $\delta\zeta$ ни одной изъ своихъ точекъ не придутъ въ сообщеніе съ различающимися предметами. Если бы хрусталикъ былъ менѣе выпуклый (фиг. 4), онъ сообщался бы большимъ количествомъ своихъ частей, такъ какъ тангенсы обнимаютъ меньшую часть выпуклыхъ и большую плоскихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположите въ хрусталикѣ болѣе плоскомъ, порцію $\gamma\delta\eta\theta$ —обращенной къ зрачку и проведите отъ краевъ зрачка тангенсы $\beta\eta$, $\alpha\theta$, тогда порція $\eta\theta$ хрусталика будетъ вся схватывать предметы и съ каждой стороны внѣ тангенсовъ останется лишь весьма незначительная часть, лишняя этого сообщенія [съ предметомъ]. Ибо будь хрусталикъ совершенно плоскостью, онъ былъ бы весь причастенъ этому сообщенію. Но [выше] было доказано, что для того, чтобы быть защищеннымъ отъ поврежденій, хрусталикъ долженъ быть периферическимъ. Это еще одно изъ дивныхъ твореній природы, которая создала его периферическимъ и въ тоже время способнымъ сообщаться съ ощущаемыми предметами наибольшимъ количествомъ своихъ частей“¹⁾.

Отсюда видно, что Галенъ хотя и напрасно потратилъ столько времени и остроумія для доказыванія механизма зрѣнія хрусталикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что имъ сдѣлана первая попытка геометрическаго обоснованія теоріи зрѣнія вообще. Не лишена также интереса, въ біографическомъ отношеніи, слѣдующая находящаяся здѣсь замѣтка Галена о своихъ математическихъ познаніяхъ и отношеніяхъ къ нему современныхъ ему врачей:

„Этотъ богъ (отрившій Галену истинное назначеніе хіазмы) знаетъ, что я не только въ этомъ случаѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ моихъ комментаріевъ нарочно пропускалъ доказательства изъ области анатоміи, музыки и другой спекулятивной науки, дабы мои книги окончателно не внушили врачамъ отвращенія. И дѣйствительно, въ теченіе всей моей жизни я тысячи разъ испытывалъ это непріятное положеніе, а именно: что люди, съ радостью встрѣчавшіе меня въ виду добрыхъ услугъ, которыя я оказывалъ больнымъ, лишь только узнавали о моихъ свѣдѣніяхъ въ математикѣ, стали меня избѣгать, а если и встрѣчались со мною, то уже не съ прежнимъ удовольствіемъ“²⁾.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ слѣдить здѣсь, шагъ за шагомъ, за дальнѣйшимъ богатымъ содержаніемъ трактата *De usu partium*. Замѣтимъ только, что въ книгѣ XI Галенъ входитъ въ мельчайшія подробности относительно устройства другихъ частей лица, а именно: носа, ушей, губъ и т. д. въ особенности же относительно *мускуловъ и нервовъ лица*, прослѣженныхъ имъ до малѣйшихъ развѣтвленій (напр. *plexus asperius*), а также обѣихъ челюстей и ихъ сочлененій, причемъ находимъ специальную главу (с. 18), посвященную *остеології* (строеніе, дѣленіе костей на несодержащія и содержащія костный мозгъ и примѣненіе этихъ данныхъ къ челюстямъ);

въ книгѣ XII встрѣчаемъ такіа же подробности о шеѣ, а

въ книгѣ XIII—о позвоночномъ столбѣ, о которомъ сообщаются до того интересныя данныя изъ описательной и сравнительной анатоміи, что онѣ могли бы фигурировать въ любомъ новѣйшемъ руководствѣ по *анатоміи*. О содержаніи остальныхъ книгъ см. выше стр. 306.

¹⁾ Тамъ же, I. X. с. 15 (I, 649, 650).

²⁾ Тамъ же, I, X, с. 14 (I, 649).

Прозражденіе. Исторіи развитія зародыша Галенъ посвятилъ два трактата: *De semine* и *De foetus formatione*. Мужское сѣмя по Галену образуется въ яичкахъ (въ правомъ для мальчиковъ, въ лѣвомъ для дѣвочекъ), женское—въ яичникахъ. Прозражденіе происходитъ отъ смѣшенія сѣмени обоого пола во время или послѣ coitus ¹⁾. Ядро зачатка или собственно зародышъ составляетъ мужское сѣмя, изъ котораго преимущественно развиваются мозгъ, кровеносные сосуды и кишечный каналъ, женское же, какъ болѣе холодное, идетъ на образованіе оболочекъ яйца и на питаніе, такъ какъ въ зародышѣ по Галену преобладаетъ холодный темпераментъ, а потому и источникъ питанія его долженъ быть болѣе холодный (!) ²⁾. Порядокъ возникновенія органовъ зачатія по Галену слѣдующій: сначала образуются изъ женскаго сѣмени оболочки яйца, изъ мужскаго—*печень, сердце и кровеносные сосуды* и затѣмъ уже *мозгъ и кишечный каналъ* ³⁾, и притомъ мозгъ изъ мужскаго сѣмени и Ренеша, кишечный каналъ изъ сѣмени и крови, присылаемой зародышемъ изъ послѣда, въ развитіи же кровеносныхъ сосудовъ участвуетъ еще, кромѣ крови, и Ренеша. Позже всего образуются хрящи, кости и ногти ⁴⁾. Сердце, согласно взгляду Галена на роль Ренеша при дыханіи, по его мнѣнію начинаетъ пульсировать только послѣ рожденія. Другое заблужденіе его заключается въ томъ, что аллатоис по его мнѣнію содержитъ мочу зародыша и что liquor amnii происходитъ отъ кожныхъ испареній его ⁵⁾. Точно также Галеномъ удержанъ старый предразсудокъ объ образованіи мальчиковъ въ правой и дѣвочекъ въ лѣвой половинѣ матки ⁶⁾.—Отдѣленіе молока у родильницъ, по его мнѣнію, происходитъ механически, отъ прилива крови къ сосудамъ грудныхъ желѣзъ вслѣдствіе давленія матки на брюшные сосуды, съ которыми первые анастомозируютъ ⁷⁾.

Историческій интересъ представляютъ сохранившіеся въ трактатѣ *De semine* нѣсколько наблюденій относительно удаленія яичниковъ у животныхъ, казавшая операція, по словамъ Галена, „не безопасна и врядъ ли мы имѣемъ слѣдовать советамъ тѣхъ, которые захотѣли бы ее принять у человека, чтобы удалить некоторымъ образомъ яичниковъ.“

Очевидно, овариотомія, даже на людяхъ, была уже извѣстна во времена Галена и отнюдь не можетъ считаться завоеваніемъ новѣйшей хирургіи ⁸⁾!

¹⁾ Очевидно Галенъ, подобно Аристотелю, былъ сторонникомъ эпигенезиса.

²⁾ Galenus, De temperamentis, l. II, c. 2, De usu part., l. XIV, c. 11.

³⁾ Тамъ же и l. XV, c. 6 (II, 147). Поэтому-то мозгъ находятъ уже въ зародышахъ выкинутыхъ по истеченіи 80 дней послѣ зачатія. ⁴⁾ Galenus, De temperamentis, l. c.

⁵⁾ De usu part. l. XV, c. 5 (II, 142). ⁶⁾ Galenus, De semine, l. II, c. 5.

⁷⁾ Тамъ же, l. XIV, c. 8 (II, 111). ⁸⁾ Ср. Bouchut, I, 201.

Экспериментальная физиология Галена. Мы выше уже несколько раз имѣли случай представить выдержки изъ опытной физиологии Галена. Но такъ какъ Галенъ былъ первый физиологъ, введшій въ медицину и физиологию живосѣченія и экспериментъ, то считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь рядъ другихъ произведенныхъ имъ опытовъ.

Къ пищеваренію. „Накормите какое нибудь животное жидкой пищей, какъ это я неоднократно пробовалъ на свиньяхъ, давая имъ смѣсь воды и муки, нѣчто въ родѣ кикеона, и вскрывавъ ихъ 3—4 часа спустя, — и вы, если поступите также, найдете пищу еще въ желудкѣ. И дѣйствительно конечный срокъ ея пребыванія въ желудкѣ есть не разжиженіе (*χύλωσις*), которое можно произвести, когда она еще находится внѣ желудка, а свареніе, отличающееся отъ разжиженія подобно тому, какъ кровотовереніе отличается отъ питанія. Подобно тому, какъ эти процессы составляютъ результатъ измѣненія качествъ пищи, точно также свареніе пищи въ желудкѣ состоитъ въ измѣненіи ея и приобрѣтеніи ея такого качества, съ помощью котораго она могла бы послужить въ пользу питаемому существу. Когда свареніе окончено, нижнее отверстие желудка открывается и пища легко спускается туда, даже въ сопровожденіи большого количества камешковъ, костей, ядрышекъ или другихъ предметовъ, неспособныхъ превратиться въ *chylus*. Это вы можете видѣть на животномъ, считавъ моментъ перехода пищи внизъ. Если бы даже вы ошиблись относительно этого момента и вы одно изъ перевариваемыхъ желудкомъ пищевыхъ веществъ еще не прошло, то и въ этомъ случаѣ вскрытіе не будетъ для васъ бесполезно. Вы въ самомъ дѣлѣ увидите выходъ желудка (*pylogus*) плотно закрытымъ, а желудокъ — плотно обхватывающимъ пищу, подобно тому, какъ матка обхватываетъ плодъ. Ибо нѣтъ возможности найти пустое мѣсто ни въ маткѣ, ни въ желудкѣ, ни въ обоихъ пузыряхъ, какъ въ называемомъ *choledochus* (желчномъ), такъ и другомъ (мочевомъ пузырь); каково бы ни было количество ихъ содержимаго, малое или большое, полости ихъ всегда представляются наполненными, такъ какъ оболочки всегда плотно обхватываютъ содержимое при нормальномъ состояніи животныхъ. Уразистратъ, не знаю какимъ образомъ, все объясняетъ давленіемъ желудка: и раздробленіе пищи, и удаленіе избытка, и распределеніе того, что превращено въ *chylus*. Что касается меня, то въ тысячу (!) случаевъ, гдѣ я вскрывалъ брюшину животныхъ еще при жизни, я всегда находилъ всѣ [брюшныя] внутренности сжимающими свое содержимое. Давленіе желудка — не простое: неподвижный, онъ плотно обхватываетъ пищу сверху, снизу и во всѣхъ направленіяхъ, составляя съ нею одно нераздѣльное цѣлое. Въ этомъ случаѣ я всегда находилъ *pylogus* плотно закрытымъ подобно маточному устью у беременных женщинъ. Когда свареніе приходило къ концу, *pylogus* открывался и желудокъ, подобно кишкамъ, обнаруживалъ перистальтическія движенія“¹⁾.

Къ физиологии мочеочечниковъ. а) „Раздѣлите часть брюшины, лежащую впереди мочеочечниковъ; приподнимите послѣдніе и завяжите нитками, затѣмъ закройте рану повязкой и предоставьте животное самому себѣ: оно не въ состояніи болѣе мочиться. Снимите затѣмъ повязку и покажите, что пузырь пустой, что мочеочечники со-

¹⁾ Galenus, De facultatibus naturalibus, l. III, c. 4 (II, 290).

вершено наполнен, растянут и готов лопнуть. Связши нитки, легко видѣть, как пузырь наполняется мочою. Констатировавъ эти явленія прежде, чѣмъ животное помочится, перевязываютъ *renes* и нажимаютъ на пузырь со всѣхъ сторонъ, тогда ничего не можетъ больше возвратиться вверхъ, въ почки, черезъ мочеточники. Этотъ опытъ доказываетъ ясно, что не только у мертваго, но и у живаго животнаго моча встрѣчается препятствіе къ возврату изъ пузыря въ мочеточники. б) Затѣмъ животному возвращаютъ способность мочиться, распустивъ связывающій *renes* смурокъ, снова перевязываютъ одинъ изъ мочеточниковъ, оставивъ другому свободу опорожняться въ пузырь, и по истеченіи нѣкотораго времени легко доказать, что тотъ изъ обонхъ мочеточниковъ, который былъ перевязанъ, наполненъ и растянутъ со стороны почекъ, тогда какъ другой, оставленный не перевязаннымъ, расслабленъ и наполнилъ пузырь мочою. в) Послѣ того нужно сначала разрѣзать наполненный каналъ и показать, что моча брызгаетъ отсюда, подобно крови изъ вскрываемой вены, затѣмъ тотчасъ разрѣзать другой и закрыть наружную рану. Тогда, перевязавъ оба мочеточника и удостовѣрившись, что прошло достаточно времени, аппаратъ (лигатуры?) распускаютъ. При этомъ пузырь останется пустымъ, между тѣмъ какъ и область между кишками и брюшиною наполнена жидкостью, похожею на ту, какалъ бы вывелъ при водянкѣ¹⁾.

Къ физиологическимъ движеніямъ. „Возьмите лапку какой нибудь птицы, отдѣлите отъ нея пальцы, старайтесь пальцами напрягать ихъ сухожилія, сначала внутреннія, затѣмъ наружныя, и вы увидите, что одними конечность разгибается, а другими сгибается. Если хотите, можете взять лапку, еще связанную съ тѣломъ, и натянуть сухожилія или мускулы, и этимъ способомъ убѣдитесь, что конечность попеременно то сгибается внутренними, то разгибается наружными мышцами. Если пожелаете сдѣлать поперечный разрѣзъ черезъ дѣльный мускулъ, все равно на [только что] умершемъ и еще живомъ животномъ, вы воочію убѣдитесь, что одна изъ частей этого мускула сокращается вверхъ, а другая внизъ, причемъ каждая часть притягивается къ своему концу. Вы убѣдитесь также съ очевидностью, что явленіе это имѣетъ мѣсто, на какой бы то ни было производили поперечный разрѣзъ мускула. Откуда слѣдуетъ, что всякая часть мускула обладаетъ способностью сокращаться, какъ врожденнымъ движеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы снова перерѣжете одинъ только верхній конецъ мускула, этотъ мускулъ сократится по направленію къ своему нижнему концу, а если перерѣжете нижній конецъ, онъ сократится по направленію къ своей головкѣ. Наконецъ, если вы отдѣлите его на обонхъ концахъ, вы увидите, что онъ съжимается и превращается какъ-бы въ шаръ, начиная отъ обонхъ концовъ по направленію къ срединѣ. Думаю, что мое положеніе достаточно доказано каждымъ изъ этихъ объясненій“²⁾.

(Pendant къ предыдущему опыту). „Возьмите двѣ соединенныя составомъ кости какого-нибудь животнаго и, связавъ двѣ дѣли изъ многихъ смурковъ („нервовъ“),.... укрѣпите и тщательно однимъ концомъ на мѣстѣ начала мускула, а другимъ къ головкѣ другой кости на мѣстѣ его прикрѣпленія, только здѣсь необходимыми двѣ предосторожности: во-первыхъ дѣль должна быть достаточно толста и въ состояніи двигать и поднимать ниже лежащую кость во вторыхъ, въ крайнихъ положеніяхъ дѣль отнюдь не должна быть натянута. Пусть дѣли заступаютъ мѣсто мускуловъ-антагонистовъ, предназначенныхъ разгибать и сгибать членъ, тогда одна изъ нихъ, будетъ совершенно свободна отъ натяженія при крайнемъ положеніи члена, наружная при точномъ его разгибаніи, внутренняя—при полномъ его сгибаніи. Обставивъ все это какъ сказано, легко усмотрѣть, что та или другая дѣль, если

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 13 (II, 231).

²⁾ Galenus, De motu musculorum, I, I, с. 5 (II, 334).

тянуть ихъ руками, приведуть сочленяющіяся кости въ состояніе крайняго разгибанія или сгибанія, предостереженія же самимъ собою, онѣ заставляютъ ихъ принять среднее положеніе и остаться въ покоѣ. Необходимо тщательно и со вниманіемъ присматриваться къ этому положенію, ибо оно во всей точности представляетъ среднее между вытяженіемъ и сокращеніемъ. Если надрѣжете одну изъ цѣпей въ какойнибудь точкѣ, не перерѣзавъ ее совершенно, вы заставите соединенныя кости перейти за среднее положеніе, но въ весьма слабой степени. Вы сдѣлаете это въ большей степени, перерѣзавъ ее совершенно, по все же она не дойдетъ до крайняго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, крайнія положенія повидному получаются не иначе, какъ посредствомъ притяженія цѣпей руками къ собственному началу. Тѣже факты можно наблюдать на мускулахъ, ибо мускуль—подобіе цѣпи, а душа—подобіе руки, приводящей цѣпь въ движеніе.

И дѣйствительно, безъ руки ни та, ни другая изъ цѣпей не можетъ привести соединенныхъ костей въ крайнее положеніе и безъ импульса души ни одинъ изъ обоихъ мускуловъ не произведетъ крайняго сгибанія или разгибанія, ибо если отнимете этотъ импульсъ у мускуловъ и руки у цѣпей, вы увидите, что кости и члены принимаютъ среднее положеніе. Если разрѣжете наружный мускуль, членъ согнется дальше средняго положенія, точно разрѣзали наружную цѣпь; точно также если разрѣжете внутренній мускуль, вы замѣтите, что разгибаніе члена переходить за среднее положеніе¹⁾.

Къ физиологіи зрѣнія. „Если поставите на вашемъ носу, во всю его длину, между обонянъ глазами, деревянную пластинку или свою ладонь, или всякій другой предметъ, могущій препятствовать глазамъ видѣть разомъ каждый изъ внѣшнихъ предметовъ, вы тогда будете видѣть только несовершенно однимъ или другимъ глазомъ. Закройте одинъ глазъ, и вы будете видѣть гораздо яснѣе, какъ будто зрительная способность, до того раздѣленная, вся перешла въ другой глазъ. Я хотѣлъ только указать на одну эту пользу отъ соединенія обонянъ проводящихъ. Но природа создала извѣстныя вещи съ главною, а другія съ побочною цѣлью. Такъ и въ этомъ случаѣ первая и необходимѣйшая польза та, чтобы глазъ не видѣлъ вдвойнѣ каждого изъ отдѣльныхъ предметовъ, вторая же польза та, о которой теперь идетъ рѣчь.“ Этотъ опытъ Галенъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы подтвердить открытую ему нѣкимъ божествомъ истину, что настоящая причина вихожденія зрительныхъ нервовъ изъ разныхъ точекъ мозга и затѣмъ расхожденія ихъ, послѣ соединенія въ *chiasma nervorum opticorum*, заключается въ томъ, что предметы были бы видимы вдвойнѣ, если бы не существовало этой хіазмы²⁾.

Къ физиологіи дыханія и голоса. Галенъ даетъ подробныя наставленія для секціи межреберныхъ нервовъ, мускуловъ и самыхъ реберъ съ цѣлью доказать вліяніе этихъ частей на дыханіе и голосъ. Указавъ на направленіе переднихъ межреберныхъ мышцъ, идущихъ сзади напередъ, отъ верхняго къ нижнему ребру, и заднихъ, идущихъ слегка наискось въ противоположномъ направленіи и образующихъ съ первыми X, каковое расположеніе видоизмѣняется въ уровень съ хрящами,—Галенъ говоритъ, что можно перерѣзывать отдѣльно передніе мускулы или же передніе и задніе вмѣстѣ, не вскрывая однако легочной плевры. Для разсѣченія однихъ только переднихъ мышцъ, ихъ отдѣляютъ отъ нижняго ребра брюшистыми скальпелями, затѣмъ разсѣкаютъ снизу вверхъ, стараясь не задѣвать нервовъ и сосудовъ, расположенныхъ въ жолобкѣ

¹⁾ Galenus, De motu muscul., l. I, c. IX (II, 845—847).

²⁾ Galenus, De usu partium l. X, c. 14 (I, 648).

верхняго ребра. Потеря голоса пропорціональна числу разрёза межреберныхъ мышцъ. Если оставлять легочную плеву нетронут видны дыхательныя движенія легкаго, по вскрытїи же легочной легкія уходятъ назадъ и воздухъ входитъ и выходитъ во время выдыханія. При производствѣ отверстія на одной только стороне животное становится на половину нѣмымъ, при отверстїи обѣихъ сторонахъ—совершенно нѣмымъ, если же закрываютъ верствя, голосъ возвращается ¹⁾.

Межреберные нервы отыскиваютъ сбоку позвоночнаго столба, обнаживъ, подъ нихъ подводятъ маленькій крючекъ, подобный требляемому при операциіи *varices*. Этотъ крючекъ не долженъ слишкомъ тупой, чтобы легко проскользнуть подъ нервъ, и не слишкомъ острый, чтобы не повредить окружающихъ частей. Оттянувъ слегка крючекъ замѣняютъ обыкновеннымъ стилетомъ или зондомъ съ различными утолщенїями на обоихъ концахъ (*dipyrnum*), удерживая нервъ въ уровень съ краями раны. Затѣмъ подъ него проводятъ и вдѣтой льняной ниткой и завязываютъ узелъ какъ можно ближе къ мозгу. Когда повторяютъ эти опыты публично, узла сначала завязываютъ, но имѣютъ нѣсколько помощниковъ, которые, по данному знаку, разомъ стягиваютъ всѣ нервы: животное, которое до тѣхъ кричало, нѣмѣетъ, при прекращенїи же давленїя на нервъ, къ немалому удивленїю присутствующихъ зрителей, снова издаетъ крики. Говорятъ очевидно не чуждавшійся театральныхъ эффектовъ, добавляетъ, что разнообразить это интересное зрѣлище, сдавливая то немного больше, то немного меньше, то всѣ нервы, то извѣстное только число ихъ, и что различно съ этимъ измѣняется и голосъ ²⁾.

Отъ перевязки или перерѣзыванїя блуждающаго на шеѣ голосъ пропадаетъ еще больше и скорѣе ³⁾. Тоже бываеи возвратными нервами гортани (*nn. recurrentes*) ⁴⁾. Если во время опытовъ надъ нервами повреждается вена и въ особенности артерія которой кровь брызжетъ струей, необходимо поскорѣе оканчивать перерѣзку сосуда и притомъ нѣсколько косо, ибо для всѣхъ разрёзаемыхъ довъ существуетъ общїй законъ, по которому оба конца тотчасъ

¹⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis, l. VIII, c. 3.

²⁾ Тамъ же, с. 4. Ср. Darenberg, Hist. des sciences médicales. I, 227.

³⁾ Galenus, De administr. anatomicis, l. VIII, c. 5.

⁴⁾ „Одинъ врачъ, желая удалить глубокіе зобы на шеѣ и опасаясь разрёза вмѣсто ножа раздѣлить перепонки ногтемъ. Въ своемъ невѣжествѣ онъ не замѣтилъ разрыва въ возвратные нервы, такъ что правда вылечилъ дитя отъ его опухоли, но нѣмымъ.“ Galenus, De locis affectis, l. I, c. 6 (П, 498).

щуются и сжимаются каждый въ противоположную сторону; причемъ мягкія части закрываютъ собою зияющія отверстія, подобно пробкамъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ мягкихъ частей, совершенное раздѣленіе артерій не ведетъ къ цѣли (т. е. отверстія разрѣза не закрываются), но съ межреберными артеріями этого не случается.

Для резекціи реберъ Галенъ бралъ тощее животное, пользуясь для этого моментомъ вдыханія. Можно посредствомъ ножницъ разомъ раздѣлить кожу и ребро, но при слишкомъ сильномъ взмахъ ножницъ рискуютъ попасть въ грудную полость. Для обнаженія ребра отъ мышцъ и надкостной плевы употребляютъ искривленный инструментъ, имѣющій форму лавроваго листа, послѣ чего между надкостной плевой и костью проводится широкій шпатель, ребро разрѣзываютъ съ помощью ножницъ, концы вѣтви расположены не накрестъ, а одна противъ другой, и удаляютъ, падая грудь, сосуды и нервы ¹⁾).

Къ физиологіи кровеносной системы. а) *Сердце*. О наблюденіяхъ Галена надъ пульсаціей сердца рѣчь была уже выше. Чтобы доказать, что сердце не есть центральный органъ для движенія и чувствительности, а слѣдовательно и для разума и души, Галенъ обнажалъ сердце, кололъ и щипалъ его кузнечными щипцами, что не влекло за собой никакихъ расстройствъ въ умственной или чувствительной сферѣ, между тѣмъ какъ тѣже опыты надъ мозгомъ всегда влекутъ за собой потерю чувствительности, движенія и умственныхъ функцій, каковыми опытами Галенъ разъ навсегда опровергнулъ извѣстное заблужденіе Аристотеля ²⁾. Не менѣе интересны опыты, предпринятые Галеномъ на живыхъ животныхъ, чтобы изучать

Артеріальный пульсъ. Для этой цѣли Галенъ

- 1) обнажалъ бедренную артерію у козъ и накладывалъ на нее лигатуры въ двухъ мѣстахъ: пульсъ исчезалъ;
- 2) вскрывалъ сосудъ между лигатурами, вводилъ въ него металлическую трубочку и затѣмъ снималъ лигатуры: пульсъ опять появлялся.
- 3) Для повѣрки онъ повторялъ опытъ № 2, наложивъ предварительно на часть сосуда, обращенную къ сердцу, третью лигатуру. На этотъ разъ, по снятіи обѣихъ нижнихъ лигатуръ, пульсъ въ металлической трубочкѣ не появлялся вновь—по мнѣнію Галена, вслѣдствіе воспрепятствованнаго доступа пульсирующей силы изъ сердца въ артеріи, на самомъ же дѣлѣ, безъ сомнѣнія, отъ образованія тромба ³⁾).

¹⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis, l. VIII, c. 7. Ср. Daremberg, l. c. I, 228.

²⁾ Galenus въ De dogmat. Hipp. et Platonis. Ср. Bouchut. I, 199.

³⁾ Ср. Haeser, I, 364.

Къ физиологіи нервной системы. а) *Головной мозгъ*. Для того, чтобы удостовѣриться въ функціяхъ отдѣльныхъ частей мозга, а именно, какія части мозга управляютъ чувствительностью и какія движеніемъ, Галенъ предпринялъ рядъ многочисленныхъ живосѣченій, состоявшихъ въ сложномъ разрѣзываніи или снесеніи частей мозга, причѣмъ оказалось, что по удаленіи однѣхъ изъ нихъ замѣчалась потеря чувствительности и умственныхъ отправленій, по удаленіи же другихъ—потеря движенія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ опытовъ, считаемъ нелишнимъ указать на слѣдующій опытъ Галена: онъ накладывалъ лигатуры на сонномозговья артеріи, послѣ чего убѣдился, что животныя продолжали жить и двигаться. Хотя этотъ опытъ былъ имъ предпринятъ съ предвзятой цѣлью доказать, что мозгъ не нуждается непременно въ притокѣ жизненнаго Рпеума изъ сердца для питанія душевнаго Рпеума и что послѣднее можетъ питаться и помимо сердца, черезъ одно притягиваніе въ себя воздушнаго Рпеума сквозь рѣшетчатая кости ¹⁾, но вѣсть съ тѣмъ этотъ опытъ навелъ его на мысль о независимости душевной дѣятельности отъ сердца (въ противоположность утвержденію Аристотеля) и вѣроятно послужилъ поводомъ къ дальнѣйшимъ его опытамъ надъ мозгомъ, которые состоятъ въ слѣдующемъ:

Можно снять черепъ на живомъ животномъ и по обѣ стороны *foramen cecum* гдѣ угодно дергать крючками за твердую мозговую оболочку, а также за неврилему нервовъ и оболочки спинного мозга, можно даже вырѣзать цѣлый кусокъ твердой оболочки, рѣзать самое существо мозга, даже снести цѣлыя полушарія,—животное не теряетъ ни движенія, ни чувствительности ²⁾. Параличъ наступаетъ только тогда, когда разрѣзомъ вскрываются желудочки: изъ нихъ по степени важности первое мѣсто занимаетъ поврежденіе IV желудочка (или четверохолмія), влекущее за собою полный параличъ животнаго, весьма важно также поврежденіе III желудочка, но при этомъ параличъ нѣсколько меньше, поврежденіе же боковыхъ желудочковъ у молодыхъ животныхъ не влечетъ за собой почти никакихъ расстройствъ, нѣсколько явственнѣе бываютъ расстройства у старыхъ животныхъ. Такіе же результаты, по замѣчанію Галена, бываютъ при случайныхъ ушибахъ или невольныхъ повре-

¹⁾ Galenus, De usu respirationis, c. 5. Ср. Hecker, l. c. I, 498.

²⁾ Galenus, De dogmatis Hipp. et Plat. c. VII, c. 8. Въ доступныхъ намъ сочиненіяхъ мы нигдѣ не нашли намека на то, были ли извѣстны Галену наступавшія при этомъ спячка и вообще пассивное состояніе и отсутствіе чувства голода, ведущее къ смерти животнаго, если не кормить его искусственно.

жденіяхъ мозга во время трепанациі ¹⁾. Онъ допускалъ, кромя того, что подъ вліяніемъ медленнаго возрожденія Рпеуса и послѣ зарубцованія стѣнокъ желудка (*συνχθεισῶν τῶν κοιλίῳν*) къ животнымъ постепенно возвращались движенія и чувствительность ²⁾. Эти опыты вмѣстѣ съ тѣмъ опровергли прежніе взгляды на физиологическую роль мозговыхъ оболочекъ, въ особенности мнѣніе Эразмстрата, считавшаго твердую мозговую оболочку сначала—источникомъ всѣхъ нервовъ, а позднѣе—однихъ двигательныхъ нервовъ ³⁾.

б) *Спинной мозгъ* Опыты на спинномъ мозгѣ Галенъ производилъ частнымъ образомъ и публично, причемъ пользовался маленькими свинками, но не обезьянами, „дабы не возмущать чувства зрителей отъ сходства послѣдней съ человѣкомъ.“ Онъ клалъ животное на столъ, привязывалъ всѣ четыре конечности и голову и скальпелемъ разрѣзывалъ кожу и заднія позвоночныя мышцы. Затѣмъ разрѣзывалъ эти части сбоку для обнаженія задней части позвонковъ. На большомъ животномъ онъ, до перерѣзки спиннаго мозга, удалялъ часть задней области позвоночнаго канала. У молодаго животного онъ проникалъ между двумя позвонками и дѣлалъ поперечные разрѣзы спиннаго мозга острымъ, желѣзнымъ, *норическимъ* ножомъ (инструментъ, изобрѣтенный Галеномъ, съ ланцетообразнымъ концомъ—*scolopomachaeres*). При этомъ Галенъ даетъ наставленіе—первый разрѣзъ ножомъ вести по направленію слегка выраженной кривизны сочленовыхъ поверхностей, а вторымъ разсѣкать спинной мозгъ перпендикулярно къ его оси, послѣ чего прибавляетъ:

„Слѣдуетъ перерѣзать спинной мозгъ во всю его толщину, если только не имѣютъ намеренія перерѣзать лишь одну половину [подъ которой Галенъ вѣроятно подразумѣваетъ боковую, ибо тутъ же говоритъ]: если разрѣзываютъ спинной мозгъ продольно, по срединной линіи, чувствительность и движенія сохраняются на обѣихъ сторонахъ; если же разрѣзываютъ косо или поперекъ одну изъ боковыхъ половинокъ, чувство и движеніе уничтожаются на той же сторонѣ ниже мѣста перерѣзки, а животное становится на половину безгласнымъ; оно становится совершенно безгласнымъ, когда разрѣзъ черезъ спинной мозгъ полныи ⁴⁾. Если разрѣзать спинной мозгъ у его начала, между первымъ шейнымъ позвонкомъ и затылкомъ, или между первымъ и вторымъ позвонками, животное тотчасъ погибаетъ ⁵⁾. При разрѣзѣ между третьимъ и четвертымъ позвонками прекращается дыханіе и все туловище и члены становятся неподвижными и нечувствительными; при разрѣзѣ между шестымъ

¹⁾ Эразмстратъ, видѣвшій неподвижность, появившуюся у вола тотчасъ послѣ раненія между затылкомъ и первымъ позвонкомъ, приписывалъ это явленіе поврежденію одной только оболочки. Онъ повидному не зналъ, что здѣсь былъ также задѣтъ и четвертый желудочекъ, оканчивающійся здѣсь.

²⁾ Galenus, De dogm. Hipp. et. Plat. l. VII, c. 3. Здѣсь Daresbergъ указываетъ еще на наблюденія Галена, что воспаленіе нервовъ и мозга влечетъ за собою частныя и общія судороги. De locis affectis l. III, c. 8, 14, De musculis, l. I, c. 1. Ср. Daresberg, l. c. I, 224.

³⁾ Ср. Sprengel, I, 574.

⁴⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis l. VIII, c. 6.

⁵⁾ Тамъ же, c. 8, 9, 5.

и седьмымъ — шесть верхнихъ мускуловъ, идущихъ отъ шеи къ груди, и диафрагма сохраняютъ свои отправленія. Тоже бываетъ при разрывѣ между седьмымъ и восьмымъ позвонками. Только животное дышетъ тогда нанодобіе того, когда оно должно усиленно дышать, ибо, если оно бѣжало, или если оно изволиваемо лихорадкой, или задыхается отъ жара, то диафрагмѣ сильно помогаютъ шесть верхнихъ грудныхъ мускуловъ, межреберныя мышцы и брюшныя. Но вотъ нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ: послѣ разрыва между седьмымъ и восьмымъ шейными позвонками функционируютъ только одна диафрагма, хотя верхніе мускулы сохраняютъ способность къ сокращенію; если же тогда разрывать стволъ п. phrenicus или одинъ за другимъ каждый изъ его корешковъ, то верхніе мускулы приходятъ въ сильное движеніе и одни выполняютъ дыхательные акты. Если разрывать лишь одинъ phrenicus, грудная кѣтка остается неподвижной; если ограничиться только разрывомъ спиннаго мозга между шестымъ и седьмымъ шейными позвонками, животное падаетъ на сторону, но грудная кѣтка движется тогда сверху внизъ при помощи диафрагмы и верхнихъ мускуловъ. Если одна диафрагма остается двигателемъ дыханія, то бока втягиваются и поднимаются попеременно. Если одни шесть мускуловъ выполняютъ актъ дыханія, межреберныя помогаютъ мышцы плечевыхъ составовъ и верхней части плечевыхъ костей. Въ самомъ дѣлѣ, если шесть мускуловъ парализованы, плечевые приходятъ на помощь межребернымъ, если наоборотъ плечевые мускулы лишены движенія поперечнымъ разрывомъ ихъ волоконъ или оканчивающихся въ нихъ верхнихъ стволовъ, то мускулы верхней части груди теряютъ почти всякую силу¹⁾.

Результаты, добытыя Галеномъ при помощи этихъ, впервые или предпринятыхъ, сѣченій спиннаго мозга на различной высотѣ сводятся, согласно Бушю, къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Поперечный разрывъ черезъ спинной мозгъ вызываетъ потерю чувствительности и движенія въ частяхъ, расположенныхъ ниже мѣста перерываки.

2. Продольный разрывъ во всю длину, раздѣляющій спинной мозгъ на двѣ боковыя половины, не причиняетъ никакихъ разстройствъ ни въ чувствительной, ни въ двигательной сферѣ, слѣд. сѣрое вещество спиннаго мозга для этихъ обѣихъ функций не необходимо.

3. Перерывка спиннаго мозга между 1 шейнымъ позвонкомъ и затылочной костью или между 1 и 2 шейными позвонками влечетъ за собою мгновенную смерть животнаго.

4. Перерывка спиннаго мозга между 3 и 4 шейными позвонками причиняетъ внезапную неподвижность грудной кѣтки, крайнее стѣсненіе дыханія, нечувствительность членовъ и весьма скорую смерть.

5. Перерывка спиннаго мозга между 6 и 7, а также между 7 и 8 позвонками влечетъ за собою параличъ шейно-грудныхъ и межреберныхъ дыхательныхъ мышцъ, отчего наступаетъ сильное стѣсненіе дыханія, которое тогда совершается только диафрагмой. Если при этомъ перерывать еще п. phrenicus, то наступаетъ параличъ диафрагмы и животное умираетъ отъ асфиксіи.

Наконецъ, Галену было извѣстно, что *передніе* корешки спинномозговыхъ нервовъ—двигательные, а *задніе*—чувствительные²⁾.

¹⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis l. VIII, с. 5. Ср. Daremberg l. I, 225, 226. ²⁾ Ср. Bouchut, l. c. I, 200.

Общая патологія. *Здоровье* (εὐηξία), согласно Галену, есть состояніе, въ которомъ всѣ отправленія тѣла совершаются безболѣзненно и безостановочно. Оно есть результатъ, во первыхъ, правильнаго смѣшенія 4 основныхъ элементовъ и соотвѣтственныхъ основныхъ качествъ и влагъ (εἴδηρῶς), въ особенности же крови, каковое смѣшеніе составляетъ сущность того, что Галенъ называетъ „темперamentомъ,“ во вторыхъ, нормальнаго состоянія плотныхъ частей по отношенію къ составу ихъ тканей, объему, взаимному положенію и т. д.; въ третьихъ, правильнаго отношенія между плотными и жидкими частями.

Болѣзнь есть состояніе, противоположное предыдущему и заключается въ измѣненіяхъ смѣшенія элементовъ (сами элементы по Галену неизмѣняемы), или же въ разстройствѣ или уклоненіи въ строеніи плотныхъ частей (κατασκευή), ведущемъ къ разстройству отправленій ¹⁾. Отсюда—заболѣванія вслѣдствіе измѣненій въ смѣшеніи основныхъ элементовъ, влагъ и ихъ качествъ (діатезы) и заболѣванія отъ измѣненій въ формѣ строенія или взаимныхъ отношеній органовъ. Нарушеніе отправленій, являющееся вслѣдъ за первымъ нарушеніемъ здоровья, въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи слѣдуетъ всегда измѣненіямъ одного или двухъ какихъ-либо элементовъ въ плотныхъ или жидкихъ частяхъ организма. Безъ предшествовавшаго измѣненія въ матеріальномъ составѣ организма никогда не бываетъ нарушенія отправленій ²⁾. Нарушеніе отправленій есть проявленіе болѣзни, измѣненіе же матеріальнаго состава—сама болѣзнь. Между здоровьемъ и болѣзью есть множество переходныхъ состояній. Одно нарушеніе отправленій не есть еще болѣзнь. Болѣзнь наступаетъ тогда, когда нарушеніе отправленій обнаруживается явственными симптомами. Границы болѣзненнаго процесса самого по себѣ (въ плотныхъ тканяхъ) лежатъ между видимымъ, черезъ наступившіе симптомы, нарушеніемъ отправленій вслѣдствіе измѣненія строенія и—совершеннымъ разрушеніемъ частей ³⁾. Выраженіе affectio (δυσθεσία) имѣетъ мѣсто какъ для здоровья, такъ и для болѣзни и переходныхъ ступеней ⁴⁾, ибо здоровье и болѣзнь, согласно Галену, представляютъ результатъ естественныхъ или противоестественныхъ движеній (κίνησις), вызываемыхъ внѣшними дѣятелями, отраженіе коихъ на организмъ въ обоихъ случаяхъ выражается словомъ „affectio.“ Болѣзнь же возникаетъ лишь тогда, когда внѣшнія вліянія наталкиваются на болѣзненное расположеніе.

¹⁾ Galenus, De morborum differentiis, c. 2. ²⁾ Galenus, De locis affectis, l. I, c. 2 (II, 478). ³⁾ Galenus, De morb. diff. c. 4. ⁴⁾ De Symptom. different, l. I, c. 1.

Болѣзненный процессъ, согласно Галену, слагается изъ четырехъ торовъ: 1) изъ *непосредственной причины* ненормальныхъ движеній Plethora, πλῆθος, дискразія или порча соковъ, διαφθορά, 2) изъ *причины* ея *страданія* (πάθος, πάθησις, passio), все равно, продолжаетъ существовать причина или нѣтъ, 3) изъ *вызываемыхъ страданіемъ ненормальныхъ процессовъ образованія* — болѣзненный процессъ въ тѣсномъ (νόσος, νόσησις), наконецъ 4) изъ *симптомовъ* (ἐπιγεγνημένα), служащихъ признакомъ нарушенія отправления¹⁾.

Этіологія Галена. *Причины* болѣзни Галенъ дѣлитъ на ближія или непосредственныя и отдаленныя, которыя распадаются на внѣшнія (случайныя, προγεγομμένα) и внутреннія (приготавливающія, παρρηχαι). Приготавлиющія причины большей частью состоятъ въ и или порчѣ соковъ, для каковой Галенъ удерживаетъ понятіе о пневматикѣ (σῆψις) пневматиковъ²⁾.

Строго говоря, ученіе Галена о происхожденіи болѣзни сводится къ его ученію о „темпераментѣ“ вообще (этомъ въ природѣ не встрѣчающемся идеально-совершенномъ смѣшеніи четырехъ основныхъ качествъ въ однородныхъ тканяхъ и влагахъ) и его видовымъ различіемъ *темпераментовъ* или причинъ, происходящихъ отъ преобладанія изъ четырехъ основныхъ влагъ. Каждому индивиду и каждой частности свойственны извѣстный темпераментъ или преобладающее качество, которое измѣняется съ возрастомъ и съ которымъ врачу приходится считаться. Одной ступеню выше это несовершенство смѣшенія соковъ ставится дискразіей или intemperie, — началомъ болѣзненного состоянія. Такихъ intemperie Галенъ допускаетъ четыре простыхъ: влажную, теплую и холодную, и четыре сложныхъ: сухую и теплую, сухую и холодную, влажную и теплую, влажную и холодную. Здѣсь, въ этомъ ученіи, Галеномъ заложено основаніе его гуморальной логіи, продержавшейся до 15 столѣтія и павшей подъ ударами Цельса. Этотъ гуморизмъ не проведенъ однако со строгой послѣдствіемъ во всѣхъ сочиненіяхъ Галена. Онъ, правда, всегда разсматриваетъ болѣзнь, какъ матеріальное разстройство влагъ, но это разстройство по его мнѣнію связано съ одновременнымъ общимъ разстройствомъ силъ, допускаетъ именно, что разстройство животнаго Pneuma ведетъ къ измѣненію элементовъ, органовъ и ихъ функций. Разстройство

¹⁾ Galenus, De symptomatum differentiis l. I, c. 1. Ср. Sprengel, II, 15.

²⁾ Тамъ же, 158. Galenus, De locis affectis, l. VI, c. 4 (II, 681). De febrium, l. I, c. 5.

здѣсь всегда первичный моментъ, функциональныя же или органическія разстройства—отдаленныя послѣдствія. Онъ, какъ мы видѣли, принимаетъ, что всякое измѣненіе функціи предполагаетъ измѣненіе соотвѣтственнаго органа, ее выполняющаго, но прибавляетъ, что болѣзнь наступаетъ съ того момента, когда есть выраженное извѣстными симптомами нарушение отправления; что это нарушение функціи, если оно не проявляется при помощи извѣстныхъ симптомовъ, не есть еще болѣзнь и что есть функциональныя разстройства, которыхъ нельзя привести въ связь съ матеріальнымъ измѣненіемъ (лихорадка, судороги, диспепсія) ¹⁾. Въ трактатѣ *De locis affectis* есть даже специальная глава о разстройствѣ функцій безъ разстройства частей ²⁾.

Въ *De causis morborum* Галенъ разсматриваетъ какъ болѣзнетворныя причины: *ingesta, excreta, acta* и *circumfusa* ³⁾.

Болѣзни, смотря по изолированному или комбинированному дѣйствію причинъ, бываютъ: а) общія безъ локализаціи, вслѣдствіе особеннаго порока влагъ, б) общія съ послѣдовательной локализацией, в) мѣстныя безъ послѣдовательной общей (врожденныя) и д) мѣстныя съ послѣдующей общей (лихорадки, воспаления) ⁴⁾.

Патологія Галена въ тѣсномъ смыслѣ или ученіе его о *страданіи* (*πάθος*) и *болѣзненно* процессъ (*νόσος*) сводится къ слѣдующему: сначала появляется измѣненіе влагъ, влекущее за собой измѣненіе плотныхъ частей или, что рѣже бываетъ, дезорганизация плотныхъ частей, ведущая къ измѣненію влагъ, иногда же раньше всякаго измѣненія органовъ измѣняются управляющія силы.

Влаги измѣняются либо во всей ихъ массѣ, черезъ посредство крови, отъ которой всѣ онѣ происходятъ (плетора, анемія), либо частью, когда преобладаетъ одна влага, причемъ возникаютъ болѣзни теплоты и крови, холода и слизи, сухости и желтой желчи и влажности и черной желчи. А такъ какъ всѣ почти болѣзни состоятъ въ измѣненіи влагъ, обращающихся вмѣстѣ съ кровью, то большая часть болѣзней—общія, *totius substantiae*, ибо преобладающая влага, обращаясь во всемъ организмѣ, причиняетъ вездѣ разстройства, пока наконецъ, задержанная или загнанная куда нибудь болѣзненно-измѣненной удерживающей или изгоняющей силой, влага эта не накопится въ извѣстномъ мѣстѣ, подавая такимъ образомъ поводъ къ происхожденію мѣстной болѣзни посреди

¹⁾ Ср. Bouchut, l. c. I, 209—211.

²⁾ Galenus, *De locis affectis*, l. I, c. 6 (II, 494).

³⁾ Ср. Bouchut, l. c. I, 211. ⁴⁾ Тамъ же, 213.

общаго заболѣванія (діатеза). Съ этой точки зрѣнія *большеинный процесс* почти всѣхъ болѣзней опредѣляется по Галену двумя моментами: 1) измѣненіемъ влагъ, составляющихъ діатезы, и 2) измѣненіемъ специфическихъ силъ заболѣвшей части, обусловливающимъ мѣстное пораженіе, т. е. локализацию діатеза.

Итакъ въ большей части болѣзней происходятъ матеріальныя измѣненія вслѣдствіе избытка одной изъ влагъ или эксцесса основныхъ качествъ (примѣръ: образованіе лихорадокъ и воспаленій отъ теплоты и крови), въ меньшей части обнаруживаются порча плотныхъ частей, измѣненія ихъ формы, положенія и строенія вслѣдствіе порочнаго сѣмени (прирожденныя болѣзни), каковыя измѣненія, хотя и рѣдко, могутъ имѣть мѣсто и безъ измѣненія влагъ. Наконецъ тамъ, гдѣ болѣзнь и связь явленій нельзя объяснить измѣненіями ни жидкихъ, ни плотныхъ частей. Галенъ вводитъ, какъ факторъ болѣзни, разстройства управляющихъ органическими актами физиологическихъ силъ, коихъ избытокъ, уменьшеніе или извращеніе могутъ служить точкой отправленія и дальнѣйшаго теченія болѣзненнаго состоянія: большее или меньшее притяженіе либо задержаніе, дурная переработка или недостаточное заверженіе какой нибудь изъ влагъ весьма естественно могутъ породить болѣзнь.

Въ противорѣчій съ этимъ находятся другое утвержденіе Галена, что „силы не существуютъ сами по себѣ и что ихъ измѣненія—слѣдствіе предшествовавшаго разстройства матеріи, изъ чего вытекаетъ, что органическое измѣненіе предшествуетъ измѣненію силъ и что слѣдовательно нѣтъ основанія принимать ихъ въ расчетъ при происхожденіи болѣзней“¹⁾.

Симптоматологія Галена. *Симптомы* по Галену суть видимыя послѣдствія болѣзни и бываютъ различны въ различныхъ періодахъ болѣзни. Они распадаются на а) непосредственное нарушеніе функций, б) измѣненія въ видимыхъ качествахъ—послѣдовательныя явленія (παρασφύξις, напр. лихорадка) и с) измѣненія въ *отдѣленіяхъ* и *выдѣленіяхъ*. *Патогномонистическими* называютъ тѣ симптомы, которые составляютъ непосредственныя послѣдствія основнаго болѣзненнаго процесса, *несущественными* тѣ, которые происходятъ отъ интенсивности (μέγεθος) или отъ характера (ἕρως) болѣзни²⁾. Вообще же симптомы распадаются на два большихъ класса, а именно: относящіеся къ нарушенію нормальной дѣятельности 1) въ сферѣ растительной, 2) въ сферѣ животной жизни.

¹⁾ Тамъ же, I, 211, 212.

²⁾ Galenus, в De differ. morb. (К. VI, 837), Method. medendi (К. X, 50). Comment. II in Hipp. De natur. hom. (К. XV, 111 и Definit. med. (К. XIX, 388) Ср. Haeser, I, 369 и Sprengel, I, 158

I. **Симптомы разстройствъ въ области растительной жизни** или въ области питанія состоятъ въ подавленіи, уменьшеніи или извращеніи каждой изъ 4 органическихъ силъ: притягательной, удерживающей, измѣняющей и изгоняющей, такъ что въ каждой части могутъ имѣть мѣсто двѣнадцать различныхъ видовъ разстройствъ, берущихъ начало какъ въ нарушеніи нормальной дѣятельности одной изъ упомянутыхъ силъ, такъ и въ измѣненіи плотныхъ частей, въ коихъ произошли уклоненія отъ нормальной дѣятельности этихъ силъ.

Въ *пищеварительномъ* каналѣ сюда относятся: а) рвота—вслѣдствіе заболѣванія желудка или же сочувственная отъ разстройства какого-нибудь отдаленнаго органа (мозга, легкихъ, брюшины, кишечнаго канала); б) испражненія нанизъ—слишкомъ рѣдкія вслѣдствіе слабости изгоняющей силы, вялости кишечнаго канала или брюшныхъ мышцъ, притупленія чувствительности слизистой оболочки, недостаточнаго питанія, паралича прямой кишки и сфинктеровъ (?) и проч., или слишкомъ частыя вслѣдствіе большаго количества жирныхъ или жидкихъ пищевыхъ веществъ, въ особенности же вслѣдствіе остроты содержимыхъ въ кишечномъ каналѣ веществъ, раздражающихъ слизистую оболочку; с) образованіе газовъ отъ извѣстныхъ разстройствъ кишечнаго канала, или симпатическое отъ истерики или мозговыхъ страданій.

Въ *печени и брызжжеечныхъ венахъ* можетъ имѣть мѣсто неполная дѣятельность притягивающей силы, недостаточно привлекающей пищевые соки, или обратный токъ изъ печени въ кишечный каналъ, ведущій къ измѣненію содержимыхъ въ немъ веществъ и образованію веществъ и экскрементовъ, похожихъ на мясной настой (дизентерія, составляющая по Галену болѣзнь печени).

Симптомы со стороны мочи служатъ по Галену выраженіемъ мѣстныхъ страданій (такъ напр. обильное мочеиспусканіе, отсутствіе мочи, содержаніе въ ней различныхъ веществъ, разстройства въ актѣ мочеиспусканія находятся въ связи съ вялостью мочеваго пузыря, мочевыми камнями, кровяными свертками, затвердѣніями и туберкулами въ области шейки пузыря, воспаленіемъ мочеваго пузыря) или общаго состоянія организма, такъ малое количество можетъ быть слѣдствіемъ сухости организма при лихорадочномъ состояніи, обильное же отдѣленіе—слѣдствіемъ извѣстнаго діатеза—сахарнаго мочеизнуренія. Далѣе задержаніе мочи можетъ вести къ пропитыванію органовъ обыкновенно выдѣляемыми вмѣстѣ съ нею веществами и вслѣдствіе этого къ образованію поносовъ, обильныхъ потовъ, истощенію, маразму и смерти.

Симптомы со стороны дыханія изложены въ трактатѣ *De dyspnoea* учащенное или рѣдкое, поверхностное или глубокое, протяжное и короткое, ровное или неровное, наконецъ затрудненное дыханіе (*dyspnoea orthopnoea*) служатъ выраженіемъ какъ органическихъ поражений дыхательныхъ путей, такъ и динамическаго измѣненія дыхательныхъ силъ, какъ это наблюдается въ первнхъ болѣзняхъ и при разрѣженіи атмосфернаго воздуха ¹⁾).

Симптомы со стороны пульса. Пульсъ, по мнѣнію Галена, долженъ быть изучаемъ по отношенію къ его скорости и медленности, по отношенію къ интерваламъ, наконецъ по отношенію къ твердости и мягкости, силѣ и слабости, большей или малой величинѣ. На видоизмѣненія его вліяютъ: 1) возрастъ, полъ, сонъ или бодрствованіе, пищевареніе, мышечная дѣятельность, нравственныя причины, различнаго вида боли, 2) качество и количество напитковъ или пищи, теплыя или холодныя ванны, времена года, климатъ и т. д. 3) различныя болѣзненные состоянія, въ коихъ пульсъ служитъ показателемъ состоянія силъ. Такъ малый, частый и неровный пульсъ указываетъ на истощеніе силъ, которое можетъ состоять либо въ угнетеніи вслѣдствіе отсутствія или недостаточности пищи, разныхъ эксцессовъ, упорной продолжительности боли, чрезмѣрныхъ изверженій или тяжкаго характера болѣзней,—либо во временномъ ихъ подавленіи вслѣдствіе наполненія влагъ въ сосудахъ или сосредотеченія всей жизненной энергій въ одномъ только органѣ, въ ущербъ остальной экономіи организма. Далѣе пульсъ можетъ быть измѣненъ вслѣдствіе прижатія артерій, накопленія въ сосудахъ инородныхъ влагъ или Рпейша, вслѣдствіе плеторы и т. д.

Хотя при изложеніи видовъ пульса Галенъ впадаетъ въ совершенно ненужныя тонкости, допуская безконечное число видоизмѣненій пульса, коимъ придаетъ самыя причудливыя названія, но ему принадлежить заслуга введенія въ науку распознаванія пульса, какъ неопцѣннаго средства для *диагностическихъ* и *прогностическихъ* цѣлей, заслуга тѣмъ болѣе важная, что его изысканія о пульсѣ основаны на наблюденіяхъ и экспериментахъ на животныхъ, предпринятыхъ имъ какъ съ цѣлью установить отношенія между частотой пульса и учащеніемъ дыхательныхъ движеній, такъ и для опредѣленія вліянія на пульсъ перевязки артерій и венъ, отдѣльно и вмѣстѣ, въ особенности же нѣкоторыхъ артерій, какъ сонномозговая и т. д. ²⁾).

¹⁾ Galenus, въ *De symptomatum differentiis* и *De causis symptomatum*. Ср. Вейсхут, I, 214, 215.

²⁾ Тамъ же, I, 197, 198.

Различія въ пульсѣ по ученію Галена биваютъ:

1) *абсолютныя*, которыя видоизмѣняются смотря

а) по величинѣ пульсовой волны: *pulsus celer* (ταχύς), *moderatus* (μέσος), *tardus* (βραδύς);

б) по объему артерій во время діастолы и притомъ:

по длинѣ пульсовой волны: *longus* (μακρός), *moderatus* (σύμμετρος), *brevis* (βραχύς);

по ширинѣ „ „ *p. latus* (πλατύς), *moderatus*, *angustus* (στενός);

по высотѣ „ „ *p. altus* (ύψηλός), *moderatus*, *humilis* (ταπεινός);

с) по силѣ „ „ *p. validus* (εὐρωστος), *moderatus*, *imbecillus* (ἄρρωστος)

д) по качеству артерій: *p. durus* (σκληρός), *moderatus*, *mollis* (μαλακός);

е) по паузамъ—*p. rarus* (ἀραιός), *moderatus*, *creber* (πυκνός);

Всѣ эти виды пульса могутъ комбинироваться между собою самымъ различнымъ образомъ, какъ видно изъ представленныхъ для такихъ комбинированныхъ пульсовъ таблицъ

2) *Относительныя*—во временныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ пульсовыхъ ударовъ: *p. rhythmicus* и *arrhythmicus*, *aequalis* и *inaequalis*, *regularis* и *irregularis*, *dicrotus* и т. д. Изъ нихъ послѣдній видъ пульса составляетъ открытіе Галена и удержался въ наукѣ и по настоящее время ¹⁾.

II. **Симптомы разстройствъ въ области животной жизни** относятся къ измѣненіямъ такъ называемыхъ, по Галену, направляющихъ силъ, т. е. чувствительности, движенія и разума.

а) Чувствительность въ органахъ чувствъ или другихъ органахъ можетъ быть уменьшена или извращена и вызывать боль вслѣдствіе измѣненія существенной части органа и пораженія второстепенныхъ частей и чувствующей силы, т. е. нервной системы и мозга.

б) Движеніе можетъ быть уменьшено, потеряно или извращено. Совершенная потеря его есть слѣдствіе засоренія густыми соками кровеносныхъ сосудовъ, мышцъ и нервовъ парализованной части, иногда же засоренія желудочковъ мозга бѣловатой жидкостью. Отношенія между другими пораженіями мозга и движеніемъ, отмѣченныя уже Аретеемъ, повидимому, остались Галену неизвѣстными.

Извращеніе движеній выражается въ видѣ зноба, трясенія, судорогъ, пальпитаций. Судороги завязать отъ наполненія или пустоты; пальпитации сердца или мускуловъ отъ прилива крови и Рнеума, трясеніе отъ возраста, эмоцій, адинамическаго состоянія, холода, спиртныхъ напитковъ; ознобъ въ началѣ лихорадочныхъ болѣзней зависитъ отъ густыхъ соковъ, производящихъ временное подавленіе силъ. Знобъ, по Галену, есть борьба природы противъ болѣзнетворной влаги, которую она старается вывести

¹⁾ Galenus въ De pulsuum differ. Ср. Wunderlich, Belege etc., 21.

наружу, подобно тому какъ кашель и чиханіе служатъ для выбрасыванія вредныхъ веществъ, а рвота и поносъ для изверженія желудочно-кишечныхъ выдѣленій. Всѣ эти симптомы водворяютъ порядокъ посредствомъ безпорядка, подъ разумнымъ руководствомъ природы. Другія внутреннія движенія (органическая сократительность, необходимая для передвиженія жидкостей, подлежащихъ дѣйствію притягательной или изгоняющей силы) могутъ видоизмѣняться, извращать молекулярное питаніе и причинять болѣзнь черезъ притяженіе или задержаніе тока жидкостей. Отсюда—приливы и отсутствіе или неполное развитіе благотворныхъ кризисовъ.

Сознаніе (способность разсужденія, память и воображеніе) можетъ быть помрачено или потеряно. Бредъ и безуміе составляютъ извращенія сознанія, они бываютъ безъ лихорадки или съ лихорадкой. Кратковременный бредъ безъ лихорадки не имѣетъ значенія; если онъ продолжается, то онъ составляетъ манію. Бредъ съ лихорадкой бываетъ симптоматическій, вслѣдствіе страданія другихъ внутренностей, и идіопатическій, вслѣдствіе пораженія мозга (Phrenitis или Phlegmasia мозга или мозговыхъ оболочекъ) ¹⁾.

Діагностика изложена Галеномъ преимущественно въ *De locis affectis* ²⁾ и составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ его медицины.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи почти никакихъ средствъ для распознаванія внутреннихъ состояній заболѣвшаго организма, Галенъ вынужденъ былъ ограничиваться большею частью изслѣдованіемъ внѣшнихъ явленій и потому создалъ болѣе рациональную и посредственную діагностику, нежели физическую и непосредственную. Онъ повидимому даже небрежно относился къ распознаванію всѣхъ видимыхъ болѣзней и не задавался ни точными описаніями болѣзней, ни подробнымъ изученіемъ всѣхъ ихъ симптомовъ, а ставилъ себѣ только задачей—при помощи особеннаго метода, заимствованнаго имъ у Эразистрата ³⁾, на основаніи точныхъ подчасъ анатомическихъ и физиологическихъ данныхъ, установить тѣсную связь, существующую по его мнѣнію между пораженнымъ мѣстомъ (locus affectus), свойствомъ страданія и извѣстными опредѣленными симптомами, и притомъ

¹⁾ Ср. Bouchut, I, 213, 214.

²⁾ Въ *De locis affectis* есть главы, трактующія спеціально о діагностикѣ, а именно: I. II, сс. 2—9 (о боли, какъ діагностическомъ средствѣ), I. II, с. 10 (какъ упражняться въ діагностикѣ) I. III, сс. 1—4 (о зависимости терапіи отъ мѣстной діагностики). ³⁾ Тамъ же, I. I, с. 1 (II, 475).

какъ находящимися на лицо, такъ и исчезнувшими, свѣдѣнія о которыхъ получаются изъ разсказовъ больнаго и окружающихъ ¹⁾.

Извѣстные симптомы, согласно Галену, ведутъ къ полному, совершенному распознаванію, это тѣ, которые ясно обнаруживаютъ свойственныя пораженной субстанціи качества, другіе же находятся въ зависимости отъ индуктивной логической догадки. Далѣе: „есть три пути, ведущіе къ распознаванію пораженныхъ мѣсть: изслѣдованіе частей тѣла, изслѣдованіе причинъ болѣзней, наконецъ различіе между симптомами“ ²⁾.

Основное положеніе сочиненія *De locis affectis* слѣдующее:

Нѣтъ нарушенія отправления безъ страданія части, отъ которой оно беретъ начало и которая служитъ его мѣстопребываніемъ или доставляетъ ему матеріалъ ³⁾.

Изъ этого основнаго положенія вытекаютъ всѣ остальные общія положенія, которыя Dagemberg ⁴⁾ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Для распознаванія требуется умъ, изощренный въ наукѣ объ отправленияхъ и пользѣ частей, слѣдовательно въ анатоміи, ибо анатомія знакомитъ насъ, между прочимъ, со свойственными субстанціи каждой части особенностями.

Иначе на дѣло распознаванія смотрѣли гипократики: „сдѣлать выводъ изъ способа происхожденія и точки отправления; повторныя бесѣды, подробныя изслѣдованія; узнавать совпаденія и затѣмъ несоотвѣтствія между симптомами.... до тѣхъ поръ, пока въ результатъ не получится одно единое совпаденіе. Этимъ способомъ достигнется подтвержденіе точной оцѣнки и откроются недостатки ошибочной“ ⁵⁾.

2) Знакомство съ отправлениями частей или съ тѣмъ, для чего эти части служатъ, позволяетъ намъ открывать мѣстопребываніе болѣзни, когда одно изъ этихъ отпращиваній нарушено или когда части больше не пригодны къ тому, чему онѣ отъ природы должны служить, ибо нарушеніе свойственной каждой части функціи есть патогномонистическій признакъ разстройства данной части.

3) До распознаванія не всегда возможно доходить путемъ извѣстной дедукціи, но часто—при помощи ряда сужденій, принадлежащихъ логическому дедуктивному предположенію, составляющему средину между точнымъ понятіемъ и полнымъ невѣдѣніемъ.

4) Мѣстныя страданія бывають двухъ родовъ: одни образуются отъ постояннаго или идиопатическаго діатеза, другія—отъ скоропрехо-

¹⁾ Galenus, *De locis affectis*, l. I, c. 1 (II, 472). ²⁾ Тамъ же, l. II, c. 1 (II, 506).

³⁾ Тамъ же, l. I, c. 2 (II, 478) и 6 (II, 494).

⁴⁾ Dagemberg, *Hist. des sciences médicales*, I, 229 и слѣд.

⁵⁾ Hippocrates, *Epidem.* VI, III, 12.

дящаго, симпатическаго (послѣдовательнаго) діатеза, связаннаго другимъ страданіемъ, какъ тѣнь съ тѣломъ. Въ томъ и другомъ слѣдствіи тѣмъ не менѣе, есть мѣстное страданіе или пораженное мѣсто, ибо нарушенныя отправления (примѣръ: симптомы катаракты въ извѣстныхъ страданіяхъ желудка).

5) Нѣтъ нарушенія функцій безъ предварительнаго пораженія органовъ; но органическое страданіе, производящее поврежденіе функцій, не всегда пребываетъ въ мѣстѣ, гдѣ совершается поврежденіе, необходимо поэтому искать дальше. Примѣры: извѣстные измѣненія голоса или голоса отъ паралича межреберныхъ мышцъ, измѣненія чувствительности и движенія отъ пораженія спинного или головного мозга — такъ-называемыя страданія безъ мѣстныхъ матеріальныхъ измѣненій — выраженію Галена — „страданія отъ недостатка матеріи, свойственныя мѣстамъ“¹⁾.

6) Съ другой стороны, такъ какъ каждой функціи свойственна извѣстная часть, то функція должна быть нарушена, какъ скоро пораженная ее часть испытываетъ какое либо измѣненіе.

7) Продолженіе функціональнаго разстройтва зависитъ отъ характера пораженія органическаго пораженія, составляющаго причину разстройтва функціональнаго.

8) Если въ кишечномъ каналѣ ощущается острая боль, то нѣтъ сомнѣнія, что эта часть тѣла поражена, но несомнѣнно также, что быстрое изверженіе оттуда извѣстной влаги устраняетъ боль и вмѣстѣ съ тѣмъ и страданіе. Здѣсь Галенъ, принимавшій боль за страданіе, очевидно и въ своемъ послѣднемъ заключеніи, что боль, а слѣдовательно и страданіе, причинены влагой.

9) Есть два главныхъ класса болѣзней: простыя или *элементарныя*, разсматриваемыя сами по себѣ и въ тканяхъ — воспаленія, скразии, которыя бывають постоянныя или легкія, скоропреходящія и *органическія*. т. е. простыя, разсматриваемыя въ различныхъ органахъ, причемъ мѣняется не ихъ сущность, а мѣстопробываніе, распространенность, и бывающія также постоянныя или преходящія.

10) Отыскивая пораженное мѣсто, въ тоже время открываютъ и причину часто и свойство страданія, а слѣдовательно терапевтическое поведеніе, которое въ случаѣ удачи въ свою очередь подтверждаетъ эту двойную

¹⁾ Galenus. De locis affectis, l. I, c. 6; l. III, c. 11, 14 (опасность апоплексическаго приступа), l. IV, c. 2 (дифференціальная діагностика болѣзней глазъ), c. 7, 8 (различныя страданія внутреннихъ органовъ и кровохарканія); l. V, c. 8 (различныхъ видовъ воспаленія перитонита).

агностику. Многочисленные тому доказательства представляются Галеномъ для страданій различныхъ частей пищеварительныхъ путей.

11) Отыскиваніе свойства страданія составляетъ существенную часть искусства распознаванія.

12) Есть извергаемая вещества, напр. ложныя перепонки, совершенно тождественныя, хотя принадлежать страданіямъ, имѣющимъ различное мѣстопребываніе; необходимо поэтому излѣдовать, какими путями они выдѣлились, чтобы установить дифференціальное распознаваніе мѣстопребыванія болѣзни („Нарушенія отравленія указываютъ только на пораженную часть; различія же въ разстройствахъ отгрываютъ страданіе части“). Но есть также признаки, свойственные страданіямъ съ опредѣленнымъ характеромъ и мѣстопребываніемъ. Такъ отвращеніе къ пищѣ, тошноты указываютъ на страданіе входа въ желудокъ; испраженія, похожія на мясной настой, означаютъ атонію печени; похожіе на тыквенныя сѣмена кусочки въ испраженіяхъ указываютъ на ленточную глисту, а слѣдовательно на болѣзнь кишечнаго канала. Красныя пятна на щекахъ сопровождаютъ воспаленіе легкихъ. Есть также спеціальныя симптомы, обличающіе особенныя страданія. Такъ искривленные, загнутые ногти составляютъ признаки длительного страданія. Внезапный ознобъ посреди лихорадочнаго состоянія, безъ видимой причины, служитъ провозвѣстникомъ образованія гноя ¹⁾.

Какъ примѣры *хирургической мѣстной диагностики* могутъ служить слѣдующіе простые случаи:

1) При раненіяхъ промежности на первый день еще нѣтъ патогномонистическихъ признаковъ, но нѣкоторое время спустя изъ раны показывается моча, слѣдовательно мочевоу пузырь также раненъ. Здѣсь Галенъ приводитъ одно наблюденіе, когда больной сначала не мочился и ощущалъ большую тяжесть.

2) Отдѣленіе каловыхъ массъ изъ раны указываетъ на пораненіе кишечнаго канала.

3) Если изъ раны со свистомъ выходитъ воздухъ, то это доказываетъ, что оружіе проникло глубоко въ грудную полость (въ легкія).

4) Если выпадаетъ брыжжейка или кишечная петля, не можетъ быть сомнѣнія, что брюшина вскрыта.

5) Язвы мочеваго пузыря узнаются по перепончатымъ клочкамъ, отдѣляющимся вмѣстѣ съ мочей, а язвы почекъ—по отдѣляющимся съ ней мясистымъ клочкамъ.

6) Если при раненіяхъ черепа показывается „fungus,“ то это указываетъ на поврежденіе твердой мозговой оболочки.

¹⁾ Ср. D a r e m b e r g, l. с. 230—232.

7) Въ страданіяхъ костей гной отличается особеннымъ характеромъ. Простые примѣры изъ различныхъ другихъ областей:

8) Ложныя перепонки, извергнутыя кашлемъ, указываютъ на поврежденіе воздухоносныхъ путей.

9) При явленіяхъ, относящихся къ мочеиспусканію, вниманіе слѣдующаго никогда не обратится въ сторону печени или легкихъ. Не вѣрно и то, что безъ содѣйствія со стороны анатоміи и фізіологіи мы бы не знали, гнѣздится ли болѣзнь въ почкахъ, мочеточникахъ, мочевомъ пузырьѣ или мочеиспускательномъ каналѣ. Къ тому же необходимо знать вмѣстѣ съ Галеномъ, что задержаніе или произвольное изсеченіе мочи связано со страданіемъ спинного мозга, или можетъ также зависеть отъ образованія опухоли внѣ, но по близости мочевыхъ путей.

10) Наконецъ есть признаки, зависящіе существенно и исключительно отъ присутствія инородныхъ тѣлъ, могущихъ существовать лишь въ определенныхъ мѣстахъ, напр. камни въ мочевыхъ путяхъ ¹⁾.

Вотъ еще нѣсколько замѣтокъ Галена о его діагностикѣ:

„Отъ Архигена, выступившаго на сцену послѣ знаменитыхъ врачей, ожидать, что онъ внесетъ еще больше ясности въ преподаваніе: къ сожалѣнію онъ сдѣлалъ какъ разъ обратное и мы сами, посѣдившіе въ практикѣ искусство, не понимаемъ его языка. Попытаюсь поэтому сдѣлать то, что сдѣлать ему. Начну съ того, что укажу на общій методъ, котораго необходимо держаться для того, чтобы самимъ умѣть находить пораженія мѣста и состоянія указывать путь и другимъ. Вотъ этотъ методъ, какимъ мы его изложили въ предшествующей книгѣ. Во-первыхъ, необходимо осмотрѣться, есть ли возможность обнаружить особенные признаки для каждой части, каково бы ни было ея пораженіе, и они видоизмѣняются смотря по страданіямъ. Во-вторыхъ, необходимо знать, особенные признаки для каждого страданія или же эти признаки видоизмѣняются для каждой части, а также необходимо ли сначала говорить о мѣстѣ страданія, называть признака.“ (Слѣдуетъ различительное распознаваніе воспаленія легкихъ и плевры, а также отчасти страданія желудка)... „Патогномонистическіе признаки мѣста выводятся изъ симптомовъ и ихъ видоизмѣненій, изъ нарушеній изъ качества выбрасываемыхъ веществъ, изъ противестественныхъ опухлючествъ изъ страданій, изъ измѣненій цвѣта какъ во всемъ тѣлѣ, такъ въ одной изъ частяхъ, въ особенности же въ глазахъ и языкѣ. Кромѣ того есть особенные признаки, что называютъ симпатіей“....

„Прежде всего необходимо изслѣдовать, кака я функція нарушена (нарушеніе функціи влечетъ за собою страданіе соотвѣтственнаго органа ²⁾). Открывъ

¹⁾ Тамъ же, 233, 234 и особенно Galenus, De locis affectis, l I, c. 1 (II, 4) гдѣ указывается также на анамнезъ и катетеръ какъ на средства для рѣшенія вопроса, произошла ли Ischuria отъ камня, кровяного свертка, гноя изъ почекъ или мѣсть, или отъ язвенныхъ грануляцій въ самомъ каналѣ.

²⁾ Это одно изъ многочисленныхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ

женіе функціи, перейдите къ свойству этого разстройства и посмотрите, какому оно соответствует страданію. Затѣмъ наслѣдуйте страдающую часть и посмотрите, не обнаруживается ли она опухолью или боли. Это наслѣдованіе должно предпринимать серьезно: не слѣдуетъ пренебречь ни однимъ изъ видоизмѣненій этого рода явленій, ибо вы научились распознавать различныя виды не только опухолей, но и болей. Послѣ того рассмотрите извергаемыя страдающей частью вещества, какими путемъ они выдѣлились и не выходятъ ли частицы самаго вещества пораженной части. Затѣмъ слѣдуетъ удостовѣриться, совершенно ли срыи извергаемыя вещества или умѣренно сварены, и рассмотреть, какія послѣдствія это имѣетъ для всего организма и для нѣкоторыхъ частей, въ однихъ—по отношенію къ функціи, въ другихъ—по отношенію къ цвѣту или формѣ. Если кто ощущаетъ боль въ области ложныхъ реберъ, не спѣшите заключать, что онъ плевритикъ, а убѣдитесь прежде, отхаркивается ли онъ вмѣстѣ съ кашлемъ. Если видите обращенныя мокроты, вы можете утверждать, что онъ плевритикъ; если онъ ничего не отхаркиваетъ съ кашлемъ, все таки возможно, что онъ плевритикъ, но воспаленіе находится тогда еще въ періодѣ сырости и сопровождается состояніемъ такого сжиганія тканей, что оно ничего не пропускаетъ наружу. Причиной боли въ означенной области можетъ быть также воспаленіе печени, откуда она доходитъ до плевры черезъ *ligamentum vispernogenicum*. Но нульъ бываетъ различенъ въ воспаленіи печени и плевры, къ тому же и выраженія неодинаковы въ обоихъ страданіяхъ. Но самое лучшее—ощупывать правое подреберье, хотя и тутъ не слѣдуетъ теряться, если и не найдутъ опухоли, ибо воспаленіе можетъ имѣть мѣсто и на вогнутой поверхности печени“¹⁾.

Ученіе о теченіи болѣзней совершенно преобразовано Галеномъ. Онъ, какъ и его предшественники, дѣлитъ болѣзни на скоротечныя—отъ пороковъ крови и желтой желчи, разрѣшающіяся на 7 день, и хроническія—отъ слизи и черной желчи, но на мѣсто гиппократовскихъ періодовъ сырости, сваренія и кризиса, примѣнимыхъ лишь къ извѣстному числу острыхъ болѣзней, онъ поставилъ періоды начала, усиленія, разгара и уменьшенія болѣзни (*ἀρχή*, *stadium initiale*, *ἐπιβολή*, *stadium incrementi*, *ἄσμη*, *асме* и *παρασμη*, *stadium decrementi*), каковыя періоды однако могутъ быть выражены неполно или вовсе не бывать²⁾.

„Болѣзнь имѣетъ свои возрасты, какъ и тѣло: она рождается, растетъ, достигаетъ зрѣлости, затѣмъ, какъ бы послѣ нѣ котораго колебанія, она устремляется къ своему славному или несчастному концу.“

Въ этой эволюціи болѣзни сказывается дѣятельность такой же высшей разумной силы, какъ и въ отравленіяхъ здороваго организма, дѣятельность, при помощи коей измѣненныя количественно или качественно (отъ примѣси инородныхъ началъ) влаги приводятся въ нормальное со-

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. II, c. 10 (II, 594—597).

²⁾ Galenus, De optima aetate c. 35 и слѣд. (II, 451).

стояніе черезъ переработку подъ вліяніемъ измѣняющей и удаленіи родныхъ веществъ посредствомъ изгоняющей силъ.

Обыкновеннымъ естественнымъ исходомъ острыхъ болѣзней бываетъ выздоровленіе и только въ исключительныхъ случаяхъ смерть, но послѣдняя всегда бываетъ исходомъ хроническихъ болѣзней, въ пораженіе плотныхъ частей повлекло за собою глубокія измѣненія и влагу организма. Смерть въ острыхъ болѣзняхъ бываетъ слѣдствіемъ либо интенсивнаго дѣйствія болѣзнетворной причины, либо недостатка силы сопротивленія вслѣдствіе истощенія жизненныхъ силъ, способныхъ измѣненію и удаленію болѣзнетворной причины. Отсюда видно, что врачъ долженъ избѣгать слишкомъ поспѣшнаго вмѣшательства въ дѣятельность природы, „ибо во всякой болѣзни имѣетъ мѣсто борьба болѣзнетворной причиной и силами, стремящимися устранить ее изъ организма, откуда слѣдуетъ, что смотря по состоянію силъ болѣзнь можетъ быть легкой или тяжелой: есть врачи, которые мѣшаютъ меньше вредять, ничего не дѣлая, чѣмъ дѣлая слишкомъ много“¹⁾

Въ связи съ исходомъ болѣзней находится вопросъ о кризисѣ въ критическихъ дняхъ въ острыхъ болѣзняхъ, въ которомъ Галенъ вполне слѣдуетъ взглядамъ Гипократа, признавая здѣсь вмѣстѣ съ критическимъ важнымъ „рѣшающее,“ критическое значеніе носовыхъ, геморроидальныхъ или маточныхъ кровотеченій, слизистыхъ выдѣленій, воспаленій околоушныхъ железъ, нѣкоторыхъ кожныхъ сыпей и т. д. И хотя отъ его вниманія не ускользнуло, что наступленіе кризиса безусловно связано съ извѣстными днями и въ концѣ *De diebus criticis* онъ даже восклицаетъ:

„Боги безсмертные! вы знаете, что лишь по просьбѣ моихъ друзей и нѣмалымъ образомъ по ихъ настоянію я написалъ эти строки въ пользу ученія, котораго не раздѣляю“

Галенъ тѣмъ не менѣе онъ является горячимъ защитникомъ критическаго ученія (въ критическихъ дняхъ и всѣхъ съ ними связанныхъ явленій²⁾).

Въ дополненіе къ общей патологіи Галена здѣсь необходимо еще разсмотрѣть его ученіе о *воспаленіи* и *михорадкѣ*, какъ занимающаго средину между *общей* и *частной* патологіей.

Воспаленіе занимаетъ видное мѣсто въ патологіи Галена, и Галенъ говоритъ о немъ почти на каждомъ шагѣ, въ особенности въ книжкахъ

¹⁾ Позднѣе Morgagni сказалъ: „sunt plures medici qui aegros interimunt nesciunt ipsi quiescere.“

²⁾ Galenus въ *De diebus criticis* и *De crisisibus*. Ср. Bouchut, I, 216, 217.

опухолягъ (*De tumoribus praeter naturam*), въ классу коихъ онъ причисляетъ и воспаленіе, опредѣляя его какъ противоестественную опухоль (*δύλος κατὰ φύσιν*), зависящую отъ прониканія крови въ ненадлежащее мѣсто (*ergo loci Эразистрата*), застоя ея и мѣстнаго ненормальнаго возвышенія температуры (*ἄμετρος θερμάσις*), отсюда—кардинальные симптомы воспаленія у Галена (тѣже, что и у Цельса): *краснота, жаръ, опухоль и боль*. Исходною точкой всякаго воспаленія Галенъ считаетъ возвышеніе температуры пораженной части. Онъ принимаетъ 8 видовъ воспаленія: 1) если процессъ ограничивается только увеличеннымъ образованіемъ тепла, то возникаетъ *сухое* воспаленіе. Обыкновенно же отъ мѣстнаго возвышенія температуры происходитъ усиленный приливъ соковъ (*ρεῖμα*). 2) Если приливаетъ одна только заблудившаяся кровь, то происходитъ обыкновенное простое, *флегмонозное* воспаленіе, 3) *слизистое*, если въ крови присоединяется слизь. 4) *Рожистое* воспаленіе происходитъ тогда, когда вмѣстѣ съ кровью приливаетъ желтая желчь, 5) *отечное*—когда вмѣстѣ съ кровью приливаетъ вода, 6) *пневматозное*, когда въ крови присоединяется Рпеуша, 7) *скиррозное*, когда приливаетъ еще черная желчь ¹⁾. 8) Если наконецъ жаръ доходитъ до крайне высокой степени, то наступаетъ *флегденическое* или *загнетное* воспаленіе, когда бываетъ выпотѣніе черной желчи. Обыкновенными исходами воспаленія бываютъ: а) разрѣшеніе, б) выпотѣніе или просачиваніе сквозь стѣнки сосудовъ серозной жидкости (*χυρός*), смѣшанной съ кровью и желчью (напр. при воспаленіи легкихъ) ²⁾, и в) нагноеніе, вслѣдствіе превращенія выпота подъ вліяніемъ измѣняющей силы въ гной. Это нагноеніе по Галену есть „полуиспорченная“ кровь (*ἡμιποροθηρόν*), продуктъ, который можно сравнить съ золою сгорѣвшаго дерева. Съ окончаніемъ этого процесса горѣнія и образованія гноя обыкновенно прекращается и лихорадочный жаръ ³⁾. Наконецъ при *флегденическомъ* воспаленіи бываетъ исходъ въ омертвѣніе и гніеніе (*σῆψις*). Воспаленіе можетъ оставаться мѣстнымъ или сдѣлаться общимъ и причинять лихорадку вслѣдствіе распространенія мѣстнаго жара, сообщающагося черезъ сердце всему тѣлу. Вообще же по Галену всѣ воспаленія, за исключеніемъ травматическихъ, находятся всегда въ зависимости отъ общаго состоянія орга-

¹⁾ Galenus, De tumoribus praeter naturam, c. 2; De crisis, l. II, c. 12; Meth. med. ad Glauconem, l. II, c. 1.

²⁾ Galenus, De morbor. tempor., c. 1.

³⁾ Galenus, Comment. in Hipp. Aphorism., 47. Ср. Haeser, I, 370.

визма: то при этомъ бываетъ избытокъ крови, то она насыщена вѣнцами и инородными веществами, которыя переносятся вмѣстѣ съ кровью съ одного мѣста въ другое. Пока физическія силы въ равновѣсіи, вещества обращаются свободно, но при нарушеніи этого равновѣсія онѣ остаются въ мѣстѣ, накапливаются и порождаютъ флегмону. Такъ въ адинамическихъ лихорадкахъ и какохиміяхъ, при ослабленіи изгоняющей силы, въ слѣдствіе атоніи, мѣстомъ приливовъ и воспаления становятся слабыя части, откуда слѣдуетъ, что въ такихъ случаяхъ для остановки воспаления не всегда пригодны кровопусканія, а умѣстнѣе укрѣпить и лечить частей. Эти взгляды Галена совершенно согласны съ нашими взглядами о послѣдовательныхъ вторичныхъ „флегмазіяхъ“ въ тифоидномъ тифоидѣ и совпадаютъ съ опытами Клодъ Бернара, доказавшаго перерѣзкой симпатическаго нерва на шеѣ наступленіе паралича и перерыва капилляровъ одной стороны лица и, въ слѣдствіе этого, появленія прилива, красноты и жара въ этихъ частяхъ.

Въ трактатѣ *De tumoribus*, кромѣ воспаления, разсматриваются атеромы, meliceris, скирръ, бубоны, Hydrocele, туберкулы (кожные) ¹⁾.

Пиретологія Галена изложена въ *De differentiis febrium*, причѣмъ Галенъ не выходитъ за предѣлы элементарной теоріи и гуморальной пиретологіи. Онъ описываетъ лихорадку, какъ состояніе, близкое къ воспаленію и опредѣляетъ ея сущность, какъ „противоестественное возмущеніе теплоты“ ²⁾, составляющее при лихорадкѣ существенное состояніе (рѣже первичнымъ явленіемъ бываетъ влажность). Къ возвышенію температуры обыкновенно присоединяется учащеніе пульса и дыханія, исходящее, по его мнѣнію, отъ того, что предусмотрительная природа позаботилась о болѣе глубокомъ тогда прониканіи воздуха въ экстеріоръ организма для охлажденія крови и нейтрализаціи жара. Эта чрезмѣрная теплота, посредствомъ сердца и артерій сообщаемая всему тѣлу, въ лихорадкѣ, бываетъ *эссенціальная* или первичная, безъ какой-либо матеріальной причины, когда она рождается въ сердцѣ, и *симптоматическая* или послѣдовательная, въ слѣдствіе матеріальнаго разстройства отдаленныхъ органовъ. Причиной *вторичныхъ*, а также общей лихорадки почти всѣхъ лихорадокъ, исключая Ephemera, служитъ главнымъ образомъ ³⁾ гніеніе (σῆψις) одной или всѣхъ кардинальныхъ влагъ ³⁾,

¹⁾ Ср. Bouchut I, 220 и 221.

²⁾ Galenus, De differentiis febrium, l. I, c. 1.

³⁾ Тамъ же, с. 5.

рое и производить возвышеніе температуры. Далѣе причинами лихорадки бываютъ: 2) и з м ѣ н е н і е п л о т н ы х ъ ч а с т е й с ѣ м ѣ с т н ы м ѣ п р и л и в о м ѣ , откуда жаръ доходитъ до сердца либо *per continuitatem* черезъ ткани, либо по симпатіи; 3) в о з д у х ѣ , который можетъ причинять лихорадку вслѣдствіе примѣси къ нему пагубныхъ для жизни веществъ, какъ міазмы, контагіи (чахотка, чума и т. д.). Очевидно Галенъ былъ знакомъ съ вліяніемъ болотныхъ испареній на образованіе малярии, каковое открытіе приписывалось Ланцизи, а также съ чумой, которую онъ опредѣляетъ какъ „гнилостную лихорадку, осложненную опухолями и карбункулами въ пахахъ и подмышкахъ.“ Кромѣ того лихорадочныя движенія могутъ быть вызваны измѣненнымъ количествомъ и качествомъ пищи, подающей поводъ къ образованію густыхъ и дурныхъ соковъ, далѣе напитками, въ особенности спиртными, ядами, лекарственными веществами, усиленной мышечной дѣятельностью, наконецъ даже огорченіемъ, гнѣвомъ и т. п., производящими разстройство въ актахъ органической жизни ¹⁾. Засореніе Ренеша, какъ причину лихорадки, онъ признаетъ для одной только однодневной лихорадки (*Ephemera*) ²⁾. Ознобъ (*ῥίγος*) Галенъ объясняетъ страданіемъ нервныхъ центровъ и считаетъ весьма важнымъ симптомомъ въ отношеніи діагностики ³⁾.

О типахъ и отдѣльныхъ формахъ лихорадки рѣчь будетъ ниже въ *частной патологіи* Галена.

Общая терапія Галена требуетъ отъ врача прежде всего основательнаго знакомства съ анатоміей и физиологіей, ибо для того, чтобы быть въ состояніи устанавливать показанія для леченія болѣзненно-измѣненныхъ органовъ, необходимо раньше всего знать ихъ строеніе и отправленія въ нормальномъ состояніи. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Гиппократомъ признаетъ *φύσις* верховнымъ цѣлительнымъ началомъ, какъ видно уже изъ его опредѣленія здоровья и болѣзни, въ которомъ начертана программа всей его терапіи:

„Здоровье есть равновѣсіе и гармонія четырехъ элементовъ, влаги, однородныхъ частей, органовъ, наконецъ управляющихъ всѣмъ организмомъ силъ.“

„Болѣзнь есть беспорядокъ, вторгнувшійся въ гармонію и равновѣсіе плотныхъ частей, влаги и силъ. Она проходитъ сама собою подъ вліяніемъ силъ природы или отъ вмѣшательства искусства, употребляющаго противоположныя средства; но въ большинствѣ случаевъ врачъ долженъ только помогать усиліямъ природы“ ⁴⁾.

Эти усилія природы заключаются, по мнѣнію Галена, въ безсозна-

¹⁾ Ср. Bouchut, I, 218. ²⁾ Galenus, De different. februm, l. I, c. 7.

³⁾ См. ниже въ отдѣлѣ *нервныхъ болѣзней*. ⁴⁾ По изложенію Андрая у Bouchut, I, 209.

тельномъ ея стремленіи къ восстановленію здоровья, по законамъ необходимости, при помощи притягивающей, задерживающей, измѣняющей и изгоняющей силъ, изъ коихъ послѣдней принадлежитъ самая главная задача—выведеніе болѣзненныхъ веществъ. Природа сама образуетъ, питаетъ тѣло, руководитъ его функціями, она же и восстанавливаетъ его. Задача врача заключается поэтому также въ томъ, чтобы не противодействовать природѣ, а предоставлять ей полную свободу дѣйствія въ дѣлѣ восстановленія нарушеннаго здоровья: если не приносить пользы, то не вредить! ¹⁾

Основные положенія общей терапіи Галена состоятъ въ слѣдующемъ:

„Для того, чтобы сохранять здоровье, необходимо пользоваться подобное подобнымъ.“

„Чтобы лечить болѣзнь, необходимо пользоваться противоположное противоположнымъ.“

„Въ болѣзняхъ врачъ долженъ только помогать природѣ, ибо часто сама природа излечиваетъ“ ²⁾.

Одну изъ величайшихъ заслугъ Галена, которой онъ самъ не мало гордился, составляетъ его

Ученіе о показаніяхъ (ἐνδειξις), состоящее въ установленіи задачъ терапіи въ случаяхъ, гдѣ однихъ усилій природы недостаточно и для устраненія болѣзни необходимо прибѣгать къ содѣйствію искусства.

Показанія по Галену раздѣляются на четыре класса: 1) *показанія болѣзни*, которыя въ свою очередь распадаются на причинное или профилактическое, далѣе симптоматическое, относящееся главнымъ образомъ къ регулированію изверженій, устраненію болей, къ опаснымъ случайностямъ, наконецъ собственно показаніе самой болѣзни, относящееся къ характеру, интенсивности, типу болѣзни, періодамъ, исходамъ, осложнениямъ и періоду выздоровленія. При этомъ по отношенію къ періодамъ болѣзни представляется правило—употреблять энергическія средства лишь въ началѣ и концѣ болѣзни, а по отношенію къ осложнениямъ правило—*„ex juvantibus et nocentibus.“* 2) *Индивидуальныя* показанія, при которыхъ принимаются въ расчетъ индивидуальность, силы, темпераментъ больнаго, возрастъ, полъ, мѣстопребываніе, особенности заболѣвшихъ тканей и органовъ и т. д. 3) показанія, относящіяся къ окружающей больнаго *атмосферѣ*, 4) показанія, выводимыя изъ *свидѣній* больнаго (!) ³⁾.

¹⁾ Galenus, Comment. in Hipp. Epidem., I, 50.

²⁾ Galenus, De arte medica, въ концѣ.

³⁾ Galenus, Methodus medendi, I. II, с. 7; De constit. art. med. с. 12. De aectis ad eos, qui introducuntur, с. 3 (II, 379 и слѣд.). Ср. Haeser, I, 372.

Основной законъ Галеновой терапіи — лечить болѣзненное состояніе противоположнымъ ему состояніемъ ¹⁾, напр. противъ лихорадки употреблять прохладяющій методъ и вообще холодъ противъ жара, влажность противъ сухости, расслабленіе противъ сокращенія ²⁾. Изъ отдѣльныхъ методовъ леченія одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ у Галена

Кровоусканіе, которому онъ посвятилъ 3 лучшихъ трактата ³⁾. При кровоусканіи необходимо всегда руководствоваться силами больнаго, возрастомъ и пульсомъ. *Показаніями* къ кровоусканію служатъ: полнокрое, только не у дѣтей моложе 14 лѣтъ и не у стариковъ, далѣ сильная лихорадка, жестокія воспаленія и боли, въ послѣднихъ случаяхъ даже до обморока ⁴⁾. При постоянныхъ лихорадкахъ и въ особенноти при воспаленіяхъ дыхательныхъ органовъ съ гнилостной лихорадкой кровоусканіе показано только у крѣпкихъ и молодыхъ субъектовъ, у коихъ, по замѣчанію Галена, подобныя лихорадки весьма опасны. Далѣ у Галена находимъ указанія на болѣе благопріятныя для кровоусканія времена года (весна и осень), на послѣдствія слишкомъ большихъ потерь крови, какъ-то: малокровіе, водянка, ослабленіе дѣятельности желудка и печени, параличи, психическія болѣзни ⁵⁾, на періоды болѣзни, когда необходимо дѣлать кровоусканіе, на мѣсто кровоусканія (вообще на больной сторонѣ ⁶⁾, при приливахъ на здоровой сторонѣ, см. ниже), наконецъ на артеріотомію и мѣстныя кровоизвлеченія. Интересно его наблюденіе, что жители умѣренныхъ странъ (Италіи и Греціи) лучше переносятъ кровоусканіе, чѣмъ жители южныхъ и сѣверныхъ странъ (Египта и Галліи) ⁷⁾. Второе мѣсто послѣ кровоусканія у Галена занимаетъ

Отвлекающій методъ, куда онъ прежде всего также относитъ отвлекающія кровоусканія (*venaesectio revulsoria*, ἀντιστασις), которыя онъ, подобно Гиппократу, употреблялъ при приливахъ и т. п. на мѣстахъ, отдаленныхъ отъ больной части тѣла; для устраниенія образовавшихся уже застоевъ (*derivatio*, παραχέτευσις) онъ употреблялъ пъявки, кровососныя банки и т. д. вблизи заболѣвшихъ частей. Вообще объ

¹⁾ Galenus, Methodus medendi, l. VIII, c. 3.

²⁾ Тамъ же, с. 1.

³⁾ См. выше стр. 288, № № 67, 68, 69.

⁴⁾ Galenus, Methodus medendi, l. IV, c. 6, De curandi ratione per venaesectionem, c. 8.

⁵⁾ Galenus, Methodus medendi, l. IX, c. 10.

⁶⁾ Galenus, De curandi ratione per venaesectionem, c. 16.

⁷⁾ Galenus, De sectis ad eos, qui introducuntur, cc 7, 8 (II, 388, 390).

отвлекающемъ методѣ онъ высказываетъ весьма дѣльные замѣчания, составляющія впрочемъ лишь болѣе подробное развитіе взглядовъ Гиппократа ¹⁾).

Опорожняющій методъ Галена обнимаетъ какъ рвотныя, такъ и слабительныя и изложенъ въ *De purgantium medicamentorum facultatibus* (сочиненіе сомнительной подлинности), гдѣ разсматривается дѣйствіе каждаго изъ слабительныхъ, смотря по его средству къ желтой, черной желчи и слизи, преимущественно же въ трактатѣ о показаніяхъ къ слабительнымъ (*De Catharticis*), согласно коему рвотныя умѣстнѣе лѣтомъ и вообще показаны при болѣзняхъ желчи, требующихъ опорожнения вверхъ, и противопоказаны при хроническихъ болѣзняхъ и узкомъ строеніи груди; слабительныя же приличнѣе употреблять зимой и въ случаяхъ, требующихъ опорожнения слизи (эпилепсія, апоплексія, болѣзни составовъ, осложненныя лихорадкой, болѣзни холодныхъ влагъ). Вообще у здоровыхъ не слѣдуетъ вовсе употреблять опорожняющаго метода, но онъ умѣстенъ у расположенныхъ къ заболѣванію весной ²⁾).

Диѣтетика и гимнастика занимаютъ чуть ли не самое главное мѣсто въ терапіи Галена, какъ видно изъ многихъ сочиненій его по этому предмету. Регулированіе пріема пищи и напитковъ, втиранія, ванны и проч. составляютъ у Галена основное требованіе при леченіи всѣхъ болѣзней. Вообще *мѣна* Галена выше всего, что досталось намъ отъ древности въ этой области. Книги, посвященныя имъ этой отрасли медицины ³⁾, не только —отличные трактаты о физическомъ воспитаніи юношества, но и превосходные путеводители для старости. Трудно представить себѣ что-нибудь рациональнѣе этихъ правилъ для сохраненія здоровья при помощи средствъ, приспособленныхъ къ различнымъ возрастамъ и различнымъ социальнымъ условіямъ. Вообще онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ модѣ, ничѣмъ не поступался въ пользу предразсудковъ и не старался подобно своимъ современникамъ, угождать толпѣ. Что касается трактатовъ о *терапіи*, то въ

De medendi methodo ad Glaucanem Галенъ сначала выставляетъ на первый планъ одинъ изъ главнѣйшихъ принциповъ терапіи—необхо-

¹⁾ Ср. трактаты *De hirudinibus, revulsione, cucurbitula, incisione et scarificatione; De medendi methodo ad Glaucanem* l. II, с. 4; *Meth. med.*, l. V, с. 3 и *Com. in Hipp. De humor.*, l. I, с. 14, гдѣ встрѣчаемъ весьма драгоцѣнныя указанія на счетъ употребленія банокъ при отсутствіи или обильныхъ мѣсячныхъ (на груди), при воспаленіяхъ глазъ, наковецъ при носовыхъ кровотеченияхъ (на *praecordia*).

²⁾ Ср. *Bouchut*, I, 231.

³⁾ См. выше стр. 283, №№ 59—63.

димосгь изученія общей всѣмъ людямъ природы и особенностей натуры каждаго отдѣльнаго индивида,—сходство съ методической школой.

Methodus medendi начинается обращеніемъ къ Герону, въ которомъ Галенъ жалуется на манеру, господствовавшую въ медицинской практикѣ его времени:

... „Въ нашъ вѣкъ ни у кого почти нѣтъ охоты къ исканію истины. Жажда денегъ, почестей, сладострастїя увлекаютъ до того, что тотъ, кто отдается изученію мудрости, считается почти помѣшаннымъ. Для большинства людей нашего вѣка мудрость, эта наука о божественныхъ и людскихъ предметахъ, не существуетъ вовсе. Первое мѣсто у нихъ занимаетъ не тотъ, кто отличается въ философскихъ познанїяхъ, но тотъ, кто опорожняетъ больше стакановъ. Когда они больны, они зовутъ и обогащаютъ не лучшихъ изъ врачей, а тѣхъ, кто имъ льститъ и поворствуетъ ихъ прихотямъ, позволяютъ имъ пить холоднаго, если они того пожелаютъ, словомъ становятся ихъ угоднями, въ разрѣзъ съ древними потомками Эскулапа, управлявшими своими больными, какъ генералы солдатами, какъ короли подданными.“

„Такъ велъ себя въ Римѣ безстыдный Тессалъ, дошедшїй въ своей дерзости до того, что хвастался, что въ состоянїи научить всему медицинскому искусству въ 6 мѣсяцевъ. Увлеченные подобнымъ общанїемъ, сапожники, портные, всякаго рода ремесленники бросали свои работы, собирались массами вокругъ такого-то наставника и къ великому несчастію человѣческаго рода брались за исполненїе самой благородной и самой священной изъ всѣхъ профессїй. Но согласно благоразумному правилу, признаваемому всѣми мудрецами, нельзя браться за леченїе богѣней, не познакомившись съ природою тѣла во всѣхъ его частяхъ. Нашъ же общїй наставникъ, Гиппократъ, совѣтовалъ намъ изучать человѣческую природу во всѣхъ подробностяхъ. Чтобы установить законѣрность хорошей терапїи, необходимо поэтому изучать въ тѣлѣ и составъ его и качества“¹⁾,

Подробнѣе содержанїе упомянутыхъ трактатовъ будетъ изложено въ *частной патологїи и терапїи*.

Фармакологїя Галена вся основана на его теорїи объ элементахъ. Основное положенїе этой фармакологїи заключается въ томъ, что взаимныя отношенїя всѣхъ предметовъ природы, а слѣдовательно и лекарственныхъ веществъ, къ человѣческому тѣлу и его отдѣльнымъ частямъ необходимо оцѣнивать по ихъ *тетпераменту*²⁾. Хотя, согласно этому, первое требованїе фармакологїи составляетъ по Галену изслѣдованїе основныхъ свойствъ простыхъ лекарствъ³⁾, но такъ какъ онъ главнымъ образомъ имѣлъ при этомъ въ виду основныя качества (сухость, влажность, теплоту и холодъ), то дѣйствїе каждаго средства разсматрива-

¹⁾ Galenus, *Method. medendi* вначалѣ. Ср. изложенїе Андрала у Bouchut, I, 228. ²⁾ Galenus, *De temperamentis*, l. III, c. 8.

³⁾ Galenus, *De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus*, l. IV, c. 7, l. II, c. 21.

лось имъ всегда лишь по его отношенію къ элементарнымъ качествамъ отдѣльныхъ состояній больного или страждущей части. Отъ каждаго лекарственнаго вещества поэтому требуется, по его мнѣнію, не высія или низшія, а среднія степени его дѣйствія, т. е. гармоническій темпераментъ вещества, такъ чтобы на тѣло не дѣйствовало ни одно преобладающее основное качество вещества. При этомъ онъ различаетъ 4 степени преобладанія, изъ коихъ первая недоступна чувствамъ, вторая выражается внѣшними признаками, третья можетъ быть названа сильною, а четвертая разрушительною, какъ это замѣчается при самомъ сильномъ дѣйствіи жара и холода ¹⁾. Не довольствуясь этимъ дѣленіемъ лекарствъ, Галенъ на основаніи специфическихъ, свойственныхъ всей ихъ субстанции (*totius substantiae*) дѣйствій, эмпирически принималъ еще дѣленіе ихъ на средства опорожняющія, задерживающія, сгущающія, разрѣжающія, стягивающія, расслабляющія, гніеніе вызывающія, иссушающія и т. д. ²⁾ а также яды и противоядія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произвольно приписывалъ извѣстнымъ чувственнымъ признакамъ лекарствъ элементарныя качества, такъ напр., принималъ въ горькихъ средствахъ высокую, въ сладкихъ—низкую степень теплоты, а въ кислотахъ—холодное качество ³⁾. Кромѣ того Галенъ старался объяснять сложное дѣйствіе лекарствъ принятіемъ въ нихъ главныхъ и побочныхъ свойствъ. Сообразно съ этимъ Галенъ принималъ три класса лекарствъ: 1) простые, дѣйствующія элементарными качествами холода, теплоты, влажности и сухости, смотря по различной степени ихъ преобладанія, 2) сложные, смотря по различному сочетанію главныхъ и побочныхъ свойствъ (горькія, сладкія, кислыя и т. д.), 3) специфическія, дѣйствующія всѣмъ составомъ, какъ опорожняющія и т. д.

Изъ отдѣльныхъ средствъ Галенъ употреблялъ минеральныя и преимущественно растительныя вещества.

Изъ *минеральныхъ* металлическія вещества онъ употреблялъ какъ наружныя, особенно при страданіяхъ глазъ, язвахъ и для впрыскиваний, а какъ внутреннія *terra lemnica* противъ укушенія змѣй, *terra armenica* противъ чумы, квасцы при кровавомъ поносѣ и кровавой мочѣ, пережженныя раковины при кровавомъ поносѣ.

Изъ *растительныхъ* средствъ имъ употреблялись:

- а) Какъ рвотныя—медь, *Hellebodus* и разныя тошнотворныя.
- б) Какъ слабительныя—отваръ чечевичы, водомедъ, винныя ягоды, сливы съ медомъ, виноградъ, молоко, сыворотка, капуста, варенная на маслѣ, соль съ масломъ, *ol. Ricini*, *Aloës*, колоквины, морской лукъ. Далѣе *Scammonium* для опорожненія желтой желчи, атическое *Epithimum*

¹⁾ Тамъ же, I. V, с. 27. ²⁾ Тамъ же, I. III, сс. 14, 21. ³⁾ Тамъ же, I. IV, сс. 9, 12.

противъ черной желчи и смена *Daphne Cnidium* для очищенія слизи.

с) Какъ противопонсныя—сыръ, каштаны, crustacea, улиги, жженная кость, влжущія вина.

d) Какъ мочегонныя—петрушка и сельдерей (*Arium*), служившія вмѣстѣ съ тѣмъ какъ emmenagoga ¹⁾.

е) Изъ наркотическихъ средствъ (κωλύμα) Галенъ примѣнялъ преимущественно опій, который онъ описываетъ такъ:

„Опій по своему темпераменту, подобно другимъ наркотическимъ, холоденъ и причинаетъ поэтому въ тѣлѣ значительный, а при высшей степени невыносимый холодъ (1). Отсюда слѣдуетъ, что для умѣренія его дѣйствія его необходимо соединять съ согревающими средствами, изъ коихъ самое пригодное *Castoreum*“ ²⁾.

И дѣйствительно задолго передъ употребленіемъ опіи подвергался тренію съ *Castoreum* въ различныхъ пропорціяхъ ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$) ³⁾. Къ нему, для усиленія его дѣйствія, примѣшивали еще пряности и острия средства, напр. перецъ, въ различныхъ пропорціяхъ, особенно въ такъ называемомъ *Philonium* ⁴⁾. Чаще всего употребляли опій снаружн въ видѣ втираній, пластырей и т. д., а для растворовъ густое виноградное сусло (*sapa*) считали пригоднѣе, чѣмъ сладкія вина ⁵⁾. Неосторожное его употребленіе въ глазныхъ болѣзняхъ часто вело въ темной водѣ, ослабленію зрѣнія, атрофіи глаза ⁶⁾. Галенъ считаетъ его сильнѣйшимъ одуряющимъ и снотворнымъ средствомъ, оставляющимъ весьма дурныя послѣдствія, вслѣдствіе чего его слѣдуетъ употреблять внутрь съ величайшей осторожностью и лишь въ крайнихъ случаяхъ, причемъ на болѣзнь онъ не имѣетъ никакого вліянія, а облегчаетъ только какъ боль утоляющее и снотворное ⁷⁾, почему онъ составляетъ неоцѣненное средство при страданіяхъ, осложненныхъ сильными болями, при бессонницѣ, кашлѣ, а также при лихорадкахъ съ сильнымъ возбужденнымъ состояніемъ ⁸⁾. Кроме того онъ входилъ въ составъ противодій, въ особенности териака, напр. при отравленныхъ ранахъ, укушеніяхъ змѣй и проч.

Изъ пряностей Галенъ чаще всего употреблялъ перецъ при 3 и 4-дневныхъ лихорадкахъ.

Несмотря однако на большое количество встрѣчающихся у Галена сложныхъ смѣсей, которыя онъ, пожалуй, еще умножилъ, Галенъ тѣмъ не менѣе отдастъ предпочтеніе вообще простымъ и діететическимъ средствамъ.

¹⁾ Ср. Haeser, 1, 375.

²⁾ Galenus, De compos. medic. sec. loc. 1. VIII, c. 3. ³⁾ Тамъ же, 1. III, c. 1.

⁴⁾ Тамъ же, 1. IX, c. 4. ⁵⁾ Тамъ же, 1. III, c. 1.

⁶⁾ Galenus, Methodus medendi, 1, III, c. 2.

⁷⁾ Galenus, De compos. medic. sec. loc. 1. IX, c. 4, 1. II, c. 1, 1. III, c. 1.

⁸⁾ Тамъ же, 1. VII, c. 4, и De theriaca ac Pisonem, 1. I, c. 10.

Частная патологія и терапія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе

Классификація болѣзней по Галену. Согласно вышеприведенному опредѣленію болѣзни и сообразно съ припятымъ Галеномъ анатомическимъ дѣленіемъ частей организма на однородныя (ткани), разнородныя (органы, состоящія изъ однородныхъ частей) и элементарныя (влаги), онъ и болѣзни дѣлитъ на три большихъ разряда, которые съ своими подраздѣленіями представляются въ слѣдующемъ видѣ:

I. Болѣзни однородныхъ частей (*γένος ὁμοιομερές*) или тканей, какъ-то: перепонокъ, мускуловъ, нервовъ, костей, связокъ.

а) Аномаліи физическихъ свойствъ (механическія разстройства).

1) Болѣзни вслѣдствіе слишкомъ сильнаго сокращенія или напряженія.

2) Болѣзни вслѣдствіе слишкомъ большаго расслабленія.

[сходство съ методической школой].

б) Аномаліи отъ преобладанія одного изъ элементарныхъ качествъ (химическія разстройства):

1) Болѣзни отъ преобладающей теплоты. 2) Болѣзни отъ преобладающего холода.

3) Болѣзни отъ преобладающей сухости. 4) Болѣзни отъ преобладающей влажности.

[сходство со взглядами Гипократа] ¹⁾.

II. Болѣзни разнородныхъ частей или органовъ (*γένος ἑτεροειχόν*) или мѣстная патологія, а именно: болѣзни легкихъ, сердца, печени, мозга и другихъ внутренностей, которыя (болѣзни) подраздѣляются на

а) аномаліи отъ разстройствъ въ формѣ или строеніи органовъ,

б) аномаліи объема: увеличеніе (гипертрофія), уменьшеніе (атрофія),

с) аномаліи отъ измѣненія положенія органовъ,

д) аномаліи отъ механическихъ нарушеній связи и дѣлости ихъ,

е) аномаліи отъ увеличеннаго или уменьшеннаго ихъ количества ²⁾.

III. Болѣзни элементовъ и основныхъ влагъ, дискразіи—общія болѣзни (*γένος ἀπάντων κοινόν*):

а) отъ преобладанія крови,

б) отъ преобладанія слизи,

с) отъ преобладанія желтой желчи,

д) отъ преобладанія черной желчи,

{ ихъ можетъ быть восемь, смотря потому, преобладаютъ ли одна или двѣ элементарныхъ влаги ³⁾.

Несмотря на эту классификацію, у Галена *частная патологія* нигдѣ не изложена въ систематическомъ порядкѣ по приведенной здѣсь шемѣ, а разбросана въ разныхъ сочиненіяхъ, преимущественно въ *De locis affectis*

¹⁾ Galenus, De morborum differentiis, с. 12.

²⁾ Тамъ же, с. 6.

³⁾ Galenus, De morborum causis, вначалѣ

и *Methodus medendi*. Мы поэтому рассмотрим здѣсь отдѣльныя болѣзни по Галену приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ была рассмотрѣна его физиологія.

Болѣзни желудка и кишечнаго канала приводятся Галеномъ въ тѣсную связь съ погрѣшностями въ діетѣ, недостаточностью и состояніемъ сырости пищеварительныхъ соковъ и присутствіемъ желчи. Что касается измѣненій строенія, то онъ ихъ почти вовсе не касается и при болѣзняхъ желудка, напримѣръ, настаиваетъ главнымъ образомъ на различеніи между его идиопатическимъ заболѣваніемъ и симпатическимъ вслѣдствіе органическаго измѣненія отдаленнаго органа, напр. мозга. Съ другой стороны онъ указываетъ на то, что самый выдающійся симптомъ болѣзни желудка можетъ заключаться въ сильной головной боли, и наоборотъ, поврежденіе мозга можетъ выражаться нарушеніемъ отправленій желудка ¹⁾.

Противъ *диспепсии*, которая предшественниками его пользовалась наружными, вызывающими красноту, и внутренними, вяжущими средствами, а также алоѳе съ пряностями, Галенъ, по примѣру Архигена, употреблялъ слѣдующій методъ леченія: сначала рвотныя, прикладываніе къ головѣ и области желудка горячихъ полотенцевъ, абсолютное воздержаніе отъ пищи въ теченіе сутокъ, иногда же холодныя примочки на область желудка, холодное питье, ледъ внутрь; при сильной рвотѣ—растительныя вяжущія, опій съ ароматическими веществами ²⁾.

Болѣзни тонкихъ кишекъ (воспаленіе, накопленіе кала, *Peus* и *Chordapsus* s. *volvulus*) выражаются болью и опухолью, легко прощупываемой сквозь стѣнки живота. При заболѣваніи всего желудочно-кишечнаго канала выдающуюся роль играетъ у Галена *diathesis lienterica et coeliaca*, причѣмъ обиліе жидкихъ испраженій зависитъ не отъ ѣдкихъ свойствъ кишечныхъ выдѣленій, а отъ атоніи кишекъ, вслѣдствіе которой послѣднія не въ состояніи удерживать содержимаго даже на короткое время, а тотчасъ его выбрасываютъ ³⁾.

Изъ болѣзней *толстыхъ* кишекъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на отличительные симптомы: такъ тошноты и рвоты болѣе испорченною слизью здѣсь сильнѣе, запоры упорнѣе, чѣмъ при болѣзняхъ тонкихъ кишекъ, при этомъ нѣтъ ни отхожденія вѣтровъ, ни отрыжки,

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. I, c. 6, l. V, c. 7 (II, 496, 646).

²⁾ Galenus, De compos. med. sec. loc. l. VIII, c. 2.

³⁾ Galenus, De locis affectis l. VI, c. 2 (II, 671).

боли распространяются и мѣняютъ мѣсто (въ отличіе отъ страданія почекъ, гдѣ боль ощущается постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ) ¹⁾. Особенно много Галенъ распространяется

О дизентеріи, которая, по его мнѣнію, происходитъ отъ ѣдкой желчи, производящей отслоеніе какъ-бы соскобленныхъ ключевъ слизистой оболочки съ примѣсью крови:

„Когда выходятъ только эти соскобленные ключи, если они смѣшаны съ жиромъ, то это признакъ изъязвленія толстыхъ кишекъ; когда же начинаетъ истекать и кровь, то изслѣдовать способъ смѣшенія крови: если она совершенно и вся смѣшана съ другими веществами, то изъязвленіе находится въ высшихъ отдѣлахъ толстыхъ кишекъ, если же кровь плаваетъ на поверхности какой нибудь изъ этихъ матерій, то изъязвленіе нижній отдѣлъ. Эта діагностика можетъ быть также установлена посредствомъ выскребобразныхъ выдѣленій, но не такъ явственно, какъ посредствомъ крови. Такъ выдѣленіе ложной перепонки (*εφέλας*) указываетъ на мѣсто кишекъ, откуда оно происходитъ, какъ по свойству самаго вещества перепонки, такъ и по случайной примѣси другихъ матерій или находенію ея на поверхности одной изъ нихъ. Между тѣмъ для леченія не все равно, въ какомъ отдѣлѣ кишекъ находится мѣстопребываніе изъязвленія: если въ верхнемъ, то облегченіе получается отъ лекарствъ въ видѣ питья, если въ нижнемъ—отъ употребленія лекарствъ въ видѣ промывательныхъ.“

„Такия дизентеріи отличаются отъ кровотеченій вслѣдствіе болѣзней печени, во первыхъ, выдѣленіемъ при послѣднемъ страданіи сначала жидкаго нхора изъ крови и впоследствии, съ усиленіемъ болѣзни, болѣе густой, похожей на дрожжи кровавой жидкости, отдѣляющейся вмѣстѣ съ испраженіями; во вторыхъ тѣмъ, что при этомъ никогда не бываетъ одновременнаго отдѣленія выскребобразныхъ кусковъ; мало того, при кровотеченіяхъ печеночнаго происхожденія иногда бываютъ промежутки въ 2—3 дня, послѣ коихъ болѣзнь возвращается, причѣмъ выдѣляемое принимаетъ все болѣе и болѣе дурной характеръ. При изъязвленіяхъ кишекъ этого не бываетъ: истеченіе крови не бываетъ ни внезапнымъ, ни черезъ длинныя промежутки“ ²⁾.

Такия же явленія бываютъ при тенезмахъ отъ изъязвленія нижняго отдѣла толстыхъ кишекъ, причѣмъ частое жидленіе сопровождается лишь отдѣленіемъ небольшихъ количествъ описанныхъ массъ, однако безъ крови, за то иногда съ порозными камнями („по увѣренію нѣкоторыхъ врачей,“ чего впрочемъ самъ Галенъ не наблюдалъ) ³⁾. Причинами кроваваго поноса Галенъ считаетъ, какъ мы видѣли, разѣдающія вещества, особенно желчь; далѣе употребленіе воды изъ бронзовыхъ трубъ, внезапное пріостановленіе привычной работы. Господствуетъ эта болѣзнь преимущественно весною и лѣтомъ. *Леченіе* состоитъ въ воздержаніи отъ пищи, примѣненіи промывательныхъ, при заболѣваніи верхнихъ отдѣловъ—въ назначеніи раковинъ, оленьяго рога, опія, галлусовыхъ орѣшковъ и т. д. ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 669. ²⁾ Тамъ же, 668. ³⁾ Тамъ же, 669.

⁴⁾ Galenus, Comm. in Hipp. De humor. I, 12, и in II Epid., II, 17. Ср. Haeger I, 377.

Болѣзни печени бываютъ зависящія отъ видимаго матеріальнаго разстройства органа (воспаленія съ увеличеніемъ объема, образованіемъ гноя и безъ него, а также скirrosныхъ неровностей) и зависящія отъ нарушенія функцій печени безъ видимаго измѣненія, другими словами, отъ разстройства измѣняющей силы, служащей для переработки проходящихъ черезъ печень влагъ, которыя вслѣдствіе порчи согрѣваютъ или охлаждають органъ ¹⁾. Послѣдствіями измѣненій печени какъ въ строеніи, такъ и въ отправленіяхъ бываютъ: желтуха, кровоизліяніе въ кишки и водянка.

а) *Желтуха* бываетъ слѣдствіемъ матеріальныхъ измѣненій (засоренія желчныхъ протоковъ, воспаленія, опухоли), или отъ нарушеній функцій печени, въ исключительныхъ случаяхъ отъ измѣненій крови ядами, напр. при укушеніяхъ ядовитыхъ животныхъ; далѣе отъ ослабленія притягательной силы желчнаго пузыря, предназначеннаго притягивать желчь изъ крови, наконецъ желтуха можетъ быть только критическимъ симптомомъ ²⁾. Лечение желтухи состояло въ примѣненіи теплыхъ ваннъ и втираній ³⁾, а также колоквиновъ, мочегонныхъ и полыни.

б) *Кишечныя кровотеченія* происходятъ отъ затрудненнаго кровообращенія въ печени, причеиъ кровь, вмѣсто полой вены, течетъ обратно черезъ брыжжеечныя вены въ кишечный каналъ ⁴⁾.

в) *Водянка брюшины* и впослѣдствіи нижнихъ конечностей вслѣдствіе болѣзней печени также приписывалась Галеномъ затрудненному кровообращенію въ печени, причеиъ происхожденіе водянки онъ объяснялъ задерживаніемъ въ печени болѣе густыхъ частицъ пищеварительныхъ соковъ и прохожденіемъ къ сердцу болѣе жидкихъ, слѣдствіемъ чего является обѣднѣніе крови, способствующее изліянію водянистыхъ частей въ пустыя пространства тканей. Другія водянки, напр. вслѣдствіе болѣзней желудка, кишекъ, матки, происходятъ, по его мнѣнію, также только черезъ посредство печени, въ которой вызываютъ *intempergiae* или измѣненіе силъ ⁵⁾.

Вообще существуетъ связь между печенью и заболѣвшими сосѣдними органами (желтуха вслѣдствіе воспаленія легкихъ и плевры, измѣненія

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. V, c. 8 (II, 649), гдѣ находимъ дифференціальную діагностику между болѣзнями выпуклой поверхности (покашливаніе, острая боль въ правомъ подреберьи, доходящая до ключицы) и вогнутой поверхности печени (черный языкъ, тошнота, рвота, тяжесть въ области праваго подреберья).

²⁾ Тамъ же, l. V, c. 9 (II, 654—664).

³⁾ Galenus, Comment. in Aphorism. 62.

⁴⁾ Galenus, De locis affect., l. V, c. 9 (II, 661, 662). ⁵⁾ Тамъ же. l. V, c. 8 (II, 653)

печени при воспаленіяхъ желудка и кишекъ, нарывы печени при дизентеріи въ жаркихъ странахъ и хроническое воспаленіе печени при другихъ болѣзняхъ) ¹⁾.

Болѣзни селезенки также находятся въ связи съ болѣзнями печени и характеризуются припуханіемъ или уплотненіемъ селезенки, бронзовымъ цвѣтомъ кожи (отъ присутствія черной желчи). Происходятъ онѣ отъ продолжительныхъ перемежающихся лихорадокъ, а увеличеніе объема селезенки влечетъ за собою прижатіе печени и вслѣдствіе этого водянку ²⁾. Очевидно Галенъ принималъ здѣсь причину за слѣдствіе, такъ какъ въ этихъ случаяхъ затрудненное кровообращеніе селезенки ведетъ къ гипертрофіи ея и затѣмъ къ хроническому перитониту и водянкѣ, причиной которой впрочемъ можетъ быть также уменьшеніе бѣлковины въ крови, вслѣдствіе болотнаго худосочія.

Главными средствами при болѣзняхъ селезенки служатъ Squilla и корень капорца, введенный въ употребленіе Галеномъ. Архигентъ употреблялъ воду, въ которой гасилось раскаленное желѣзо, при острыхъ заболѣваніяхъ селезенки Галенъ употреблялъ сильныя слабительныя, при хроническихъ—кровососныя банки ³⁾.

Изъ болѣзней почекъ Галенъ рассматриваетъ нарывы и язвы почекъ, гнойное мочеиспусканіе, почечную колику, Haematuria, сахарное мочеизнуреніе. Главную причину болѣзней почекъ составляетъ каменная болѣзнь, имѣющая, согласно Галену, много общаго по отношенію къ происхожденію съ подагрой (мочевые камни въ почкахъ, по Галену, образуются наподобіе torhi въ составахъ) ⁴⁾, а потому и леченіе ихъ одинаковое, а именно: вино съ медомъ, ослиное молоко, мочегонныя, а изъ лекарствъ—мирра, петрушка, тминъ, Ammoniacum, въ особенности же известковый порошокъ морскихъ губокъ ⁵⁾.

Почечная колика отъ кишечной отличается свойствами мочи при дальнѣйшемъ теченіи и бесполезностью слабительныхъ при этой формѣ болѣзни. При кровотеченіи изъ почекъ Галенъ употреблялъ квасцы, при ischuria—arium⁶⁾. Что касается сахарнаго мочеизнуренія, то Галенъ описываетъ его довольно вѣрно и только считалъ его не болѣзнію желудка (Boulimia), наподобіе его современниковъ, а слѣдствіемъ разрыхленія

¹⁾ Ср. Bouchut, I, 226.

²⁾ Galenus, De locis affectis, l. VI, c. 1 (II, 665). ³⁾ Galenus, Methodus medendi l. XIII, c. 17. De simpl. medic. temp. et facult. l. V, c. 18. ⁴⁾ Galenus, Comment. in Hipp. Epid. VI, 2. De locis affectis, l. VI, c. 3 (II, 672 и слѣд.).

⁵⁾ Galenus, De compos. medicam. sec. loc. l. X, c. 1, De sanit. tuenda l. VI, c. 11.

⁶⁾ Haeser, I, 380.

почекъ, по причинѣ котораго питье тотчасъ же процеживается и вытекаетъ ¹⁾. О содержаніи сахара въ мочѣ онъ, разумѣется, не зналъ.

Болѣзни мочевого пузыря, какъ *Ischuria*, *Stranguria*, непроизвольное отдѣленіе мочи, кровавая моча, зависятъ отъ измѣненной стѣнокъ пузыря (атонія мышцъ пузыря отъ присутствія камней), отъ страданій почекъ и наконецъ отъ измѣненной спиннаго мозга. Здѣсь находимъ отличительную діагностику между болѣзнями почекъ и пузыря. Такъ если гной равномерно смѣшанъ съ мочою, такъ что образуется мутная жидкость, то источникъ его находится въ почкахъ, если же неравномерно или плаваетъ отчасти на поверхности мочи, наконецъ, если отдѣляется чистый гной безъ мочи, то это служитъ признакомъ нагноенія въ самомъ пузырьѣ. Далѣе, если ложныя перепонки имѣютъ пластинчатое строеніе, то онѣ указываютъ на изъязвленіе пузыря, если же въ формѣ мяса, то на изъязвленіе почекъ. Наконецъ Галенъ считаетъ даже возможнымъ опорожненіе нарывовъ печени, легкихъ и грудной полости черезъ почки и мочевой пузырь, причемъ въ гнойъ должны найдаться обрывки тканей соответственныхъ органовъ ²⁾.

Что касается самой мочи, то основанная на ней семіотика у Галена изобилуетъ многочисленными тонкостями ³⁾.

Болѣзни дыхательныхъ органовъ. Здѣсь Галенъ разсматриваетъ *острый и хроническій* катарръ (*κατάρρος*) вѣтвей дыхательнаго горла, изъ коихъ при первомъ употреблялъ медъ, какъ отхаркивающее, и опій съ вареннымъ сусломъ, какъ успокоивающее, а при послѣднемъ наркотическія въ соединеніи съ перцемъ, Galbanum и въ особенности *Marrubium vulgare*, а также легкое вино ⁴⁾. Далѣе онъ болѣе чѣмъ другіе древніе врачи способствовалъ разграниченію *воспаленія легкихъ* отъ *воспаленія плевры*, причемъ установилъ болѣе точную дифференціальную діагностику, указавъ на большую одышку и кровянистыя мокроты, какъ на главные отличительные признаки первой болѣзни ⁵⁾ *Леченіе* обѣихъ болѣзней состояло въ употребленіи главнымъ образомъ теплыхъ припарокъ, въ особенности при воспаленіи легкихъ, и кровопусканій изъ вены руки больной стороны до обморока и появленія алаго цвѣта, служившаго доказательствомъ удаленія всѣхъ болѣзненныхъ веществъ, далѣе

¹⁾ Galenus, De locis affectis l. VI, c. 3 (II, 675 и слѣд.).

²⁾ Galenus, De locis affectis l. VI, c. 4 (II, 679—684).

³⁾ Galenus, Comment. in Prognost. Hipp. II, 26. Ср. выше стр. 377.

⁴⁾ Ср. Haeser I, 377, 378.

⁵⁾ Galenus, De locis affectis, l. II, c. 10 (II, 534).

въ примѣненіи слабительныхъ, какъ колоквинты и *Helleborus*, а при поносѣ, составлявшемъ дурное предзнаменованіе—опія, *Hyoscyamus* и мочегонныхъ. Наконецъ назначались водомедъ, птизаны, легкая пища и вино, особенно при скудномъ отхаркиваніи ¹⁾.

Далѣ Галенъ описываетъ *хроническій плевритъ*, *Pleurpneumothorax* и *Эмфизема*, причеъ по поводу второй болѣзни онъ приводитъ какъ отличительный признакъ—грудной плескъ ²⁾, а распознаваніе эмпиемы основываетъ только на большей теплотѣ больной стороны и на субъективныхъ симптомахъ. Что касается прокола и опорожненія посредствомъ раскаленнаго желѣза, то польза ихъ по мнѣнію Галена сомнительная ³⁾. Затѣмъ у Галена рѣчь идетъ о *кровохарканіи* съ изъязвленіями легкаго вслѣдствіе разъѣденія (*διαβρωσις*) и надъѣденія (*ἀναβρωσις*) ⁴⁾ и весьма подробно разсматривается ученіе

О чахоткѣ. Туберкуловъ въ нашемъ смыслѣ, на которые намекали уже гиппократики, Галенъ, повидимому, не зналъ. Хотя у него и встрѣчаемъ слово *ѣбра* по поводу болѣзней шейныхъ позвонковъ, которые разрушаются этой опухолью, но онъ употребляетъ его не въ смыслѣ туберкула, а для обозначенія опухолей, составляющихъ нѣчто среднее между фурункулами и бубонами ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе его заслуги относительно ученія о чахоткѣ весьма значительны, ибо онъ, подобно нынѣшней патологій, строго разграничиваетъ обѣ формы этой болѣзни: *острую*, воспалительную и *хроническую*, язвенную, не основанную на воспаленіи.

Острая форма чахотки происходитъ, по его мнѣнію, отъ механическихъ поврежденій легочной ткани продолжительнымъ кашлемъ или отъ кровохарканія. Изъ относящихся сюда наблюденій онъ приводитъ слѣдующее, интересное лишь по описываемому здѣсь способу леченія, но по блѣдности картины болѣзни далеко уступающее классическому изображенію той же болѣзни у Аретей:

„Одинъ больной вдругъ началъ при кашлѣ отхаркивать мокроту, весьма похожую на жидкую желчь, свободную отъ всякой остроты, цвѣта блѣдно-желтаго. Съ этого времени отхаркиваніе подобныхъ мокротъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, вслѣдствіи присоединилась незначительная лихорадка; больной хрипѣлъ все болѣе и болѣе, отхаркивая гной съ кашлемъ. Около четырехъ мѣсяцевъ спустя онъ сталъ выхаркивать гной, съ примѣсью

¹⁾ Galenus, De compos. medic. sec. locos l. VII, c. 5; Comment. in Hipp. De victu acut. I, 43.

²⁾ Galenus, De locis affectis, l. V, c. 4 (II, 629—640), l. IV, c. 11 (II, 619).

³⁾ Galenus, Comment. in Hipp. Aphorism., 27. Ср. Haeser, I, 378.

⁴⁾ Galenus, De locis affectis l. IV, c. 8 (II, 607).

⁵⁾ Galenus, Comment. in Hipp. Epid. VI, 13.

нѣсколько капель крови, при этомъ изнуреніе и лихорадка усиливались, затѣмъ онъ сталъ отхаркивать еще болѣе, наконецъ въ весьма обильномъ количествѣ, послѣ чего, съ усиленіемъ лихорадки и истощеніемъ силъ, онъ умеръ подобно тѣмъ, которые умираютъ отъ чахотки. Послѣ этого больного я видѣлъ другаго, прохворавшаго такимъ же образомъ, затѣмъ еще другаго, болѣвшаго еще дольше.... Несмотря на всѣ мои усилія, никто изъ нихъ и никто послѣ нихъ не былъ спасенъ. Всѣ они передъ смертью отхаркивали испорченные кусочки легкаго и этимъ путемъ я констатировалъ ясно, что они были одержими страданіемъ, похожимъ на то, которое наблюдаютъ на наружныхъ частяхъ, изъязвленныхъ разѣдающей ихъ влагой, съ той разницей, что для этихъ частей возможны ограниченія [процесса] и даже прижиганія, но ничего такого нельзя предпринимать въ легкихъ ¹⁾, и всѣ больные умираютъ. Пользуя послѣдняго, видѣннаго мною, больного, я старался достигнуть основательнаго высушиванія большой внутренности благовоинными веществами и соотвѣственными напитками. Я совѣтовалъ ему вдыхать каждый день и носить постоянно подъ носомъ лекарство, которое называемъ *ῥῆβύχρον* (хорошаго цвѣта), а передъ сномъ записаться однимъ изъ тѣхъ приголомляемыхъ въ Римѣ драгоцѣнныхъ маселъ (*μύρον*), которое называютъ *φουδάτα τε καὶ στικῆατα*, и натирать имъ ноздри. Я давалъ ему также лекарственные напитки, антидотъ Митридата, амброію, аэназію и теріакъ. Но послѣ употребленія всѣхъ этихъ смѣсей въ теченіи дѣлаго года онъ кончилъ тѣмъ, что умеръ подобно чахоточнымъ, продливъ, быть можетъ свою жизнь описанной діетою ²⁾.

При этомъ случаѣ находимъ у Галена различительное распознаваніе источниковъ кровохарканія, а именно при кровохарканіи изъ изъязвленнаго легкаго вмѣстѣ съ кровью извергаются ложныя перепонки или маленькіе кусочки легочной ткани и большое количество гнойныхъ мокротъ, однако безъ боли; при кровохарканіи же изъ язвъ дыхательнаго горла и гортани въ нихъ ощущаются ссадненіе и боль. „При этомъ, прибавляетъ Галенъ, я видѣлъ иногда тѣло надгортаннаго хряща опрокинутымъ поперегъ гортани вслѣдствіе изъязвленія“ ³⁾. *Леченіе* острыхъ формъ чахотки, кромѣ указаннаго въ выше приведенномъ мѣстѣ, состояло, смотря по надобности (при сильномъ кровохарканіи и крѣпкомъ состояніи больного) въ примѣненіи кровопусканій, перевязки членовъ, раздражающихъ втираній въ конечность и грудь, ячменной воды, плодовъ, покойнаго содержанія и молчанія. Теріакъ, упомянутый выше, Галенъ давалъ на ночь, какъ снотворное и ограничивающее отдѣленіе ⁴⁾.

¹⁾ Галенъ, конечно, не могъ предвидѣть нынѣшнихъ усилій легочной хирургіи.

²⁾ Galenus, De locis affectis, l. IV, c. 11 (II, 622, 623). Здѣсь же Галенъ довольно нехотая приводитъ „всѣмъ извѣстный“ случай съ Антипатромъ, одержимаго неправильнымъ пульсомъ и умершаго впоследствии отъ болѣзни сердца при явленіяхъ удущья и распознаннаго Галеномъ суженія большихъ легочныхъ артерій (valv. mitralis?) Тамъ же, 624.

³⁾ Тамъ же, 621, 622.

⁴⁾ Ср. Haeser, I, 879.

Хроническая форма чахотки происходитъ отъ порчи влагъ, при этомъ больные никогда не ощущаютъ сильной боли, а часто—чувство тяжести и напряженія на [верхнемъ] концѣ грудины или позвоночнаго столба. Часто они ощущаютъ также чувство стѣсненія въ груди и слѣдовательно дышутъ скоро и часто, не вдыхая однако много воздуха. Если эти припадки не сопровождаются лихорадкой, то они указываютъ на то, что въ легкомъ существуютъ туберкулы (*tubercula*) или значительныя накопленія вязкихъ и густыхъ влагъ или другихъ веществъ, или пропитываніе гноемъ, или другой густой, вязкой влагой. Эти случаи отличаются одинъ отъ другаго предшествующими симптомами (анамнезомъ). Если кто-либо при совершенномъ здоровьи и безпрепятственномъ исполненіи своихъ занятій вдругъ почувствуетъ стѣсненіе дыханія, постоянно увеличивающееся, безъ появленія хрипливаго жосткаго дыханія, то слѣдуетъ подозрѣвать образованіе „сыраго туберкула.“ „Жосткое и шумное дыханіе указываетъ на стѣсненіе его присутствіемъ большаго количества вязкихъ, густыхъ мокротъ въ бронхахъ и легкихъ, не имѣющихъ возможности быть извергнутыми“ ¹⁾. Очевидно о туберкулахъ въ смыслѣ современной патологии тутъ не можетъ быть и рѣчи. Неблагоприятными признаками считаются по Галену соленыя на вкусъ мокроты, поносы и выпаденіе волосъ. *Леченіе* хронической чахотки у Галена прежде всего климатическое: морскія плаванія, пребываніе въ Египтѣ, Ливіи, Италиі, особенно въ Табіае (Mons lactarius, къ югу отъ Везувія, въ углубленіи Неаполитанскаго залива, близъ нынѣшняго Pimonte—мѣсто, защищенное отъ вѣтровъ и отличающееся сухимъ воздухомъ, хорошими пастбищами и молокомъ); далѣе Sorrento, гдѣ больные пользовались молокомъ, особенно женскимъ, при запорахъ—въ смѣси съ медомъ и солью. Кромѣ того внутрь мирра, терпентинъ, морской лукъ, bolus armenicus и различныя противоядія, между прочимъ и теперь еще употребляемыя простонародьемъ лисья легкія (!) ²⁾.

Изъ *болѣзней сердца* Галенъ разсматриваетъ *Endocarditis*, *Pericarditis* съ припадками одышки, учащеннаго сердцебіенія, обморока (syncope). Противъ сердцебіенія Галенъ рекомендуетъ кровопусканія и тощую діету ³⁾.

Интересны приводимыя здѣсь Галеномъ патолого-анатомическія измѣненія у животныхъ:

¹⁾ Galenus, De locis affectis l. IV, c. 11 (II, 618, 619).

²⁾ Galenus, Methodus medendi, l. V, c. 12, 14. Ср. Haeser, I, 379, 380.

³⁾ Galenus, De locis affectis l. V, c. 2, 3 (II, 625—629).

„Вскривляя животныхъ, мы часто находимъ въ околосердечной сумкѣ обильное количество жидкости, похожей на мочу. Одна обезьяна, на которой занятія не позволили намъ сдѣлать секцій [вѣроятно живосѣченій?], худѣла съ каждымъ днемъ, послѣ смерти мы нашли у нея всѣ остальные части тѣла здоровыми, но въ околосердечной сумкѣ оказалась противоположенная опухоль, заключающая жидкость, похожую на содержимое гидатидъ.—У и ѣ т у х а мы не нашли жидкости, но въ околосердечной сумкѣ имѣлась склеротическая опухоль, походящая на многія, сложенные вмѣстѣ одна на другую, толстыя перепонки. Весьма вѣроятно поэтому, что и у человека попадаются образования подобнаго рода“¹⁾.

Въ качествѣ врача гладиаторовъ Галенъ имѣлъ также неоднократно случай наблюдать проникающія раны сердца, причемъ по его замѣчанію смерть бываетъ мгновенная, при поверхностныхъ же раненіяхъ сердечнаго мускула она наступаетъ впоследствии отъ воспаления²⁾. Пораженія околосердечной сумки онъ считалъ совершенно безопасными, какъ и вообще сердце—мало способнымъ къ заболѣваніямъ, вслѣдствіе плотности его вещества³⁾, въ чемъ сходится съ Аристотелемъ.

Нервные болѣзни. Несмотря на многіе пробѣлы и ошибочныя толкованія Галена при объясненіи происхожденія нервныхъ болѣзней, необходимо признать за нимъ заслугу перваго научнаго обоснованія нервной патологіи тамъ, гдѣ онъ опирается на анатомію и экспериментальную физиологію нервной системы. Онъ рассматриваетъ какъ душевныя болѣзни, такъ и головокруженіе, Cephaloea, параличъ, апоплексію, эпилепсію и истерику.

Свое изложеніе нервныхъ болѣзней Галенъ начинаетъ довольно пространнимъ разсказомъ о томъ, какъ, встрѣтивъ однажды надобность лечить больного отъ потери памяти и узнавъ, что Архигенъ оставилъ книгу о леченіи болѣзней памяти (въ видѣ одного изъ 11 писемъ, а именно къ Magnus'у), онъ „побѣждалъ“ отыскивать эту книгу во всѣхъ библіотекахъ, у всѣхъ книгопродавцевъ и у всѣхъ знакомыхъ врачей,“ въ надеждѣ найти въ пей указаніе, если не на мѣстопребываніе болѣзни (которое Архигенъ, вѣрный своей школѣ, долженъ былъ полагать въ сердцѣ), то на способъ леченія и производящую ее одну изъ восьми дискразій. И какъ велико было его разочарованіе, когда, послѣ первыхъ словъ Архигена объ отсутствіи памяти (*ἐπιλησμοσύνη*) или потерѣ ея (*λήθη*), онъ нашелъ только голословное, ничѣмъ не мотивированное указаніе на пользу горчичниковъ и кровососныхъ банокъ при этой болѣзни, тогда какъ по мнѣнію Галена леченіе должно быть основано на „раціональномъ показаніи“ и „логическомъ методѣ“⁴⁾.

Къ общимъ симптомамъ нервныхъ болѣзней по Галену относятся:

1) Боль, которая по опредѣленію Галена есть „тягостное ощущеніе,“ берущее начало въ нервахъ и могущее поражать всѣ органы чувствъ, однако въ наименьшей степени—органъ зрѣнія. Боль происходитъ либо отъ нарушенія цѣлости постоянного состава

¹⁾ Тамъ же, 628. ²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Сердце есть плотное мясо, не легко уязвимое.“ Galenus, De usu part. l. VI, c. 8 (I, 400). ⁴⁾ Galenus, De locis affectis l. III, c. 5 (II, 548, 549).

ва, либо отъ быстрого измѣненія всего смѣшенія (ἵππο συνεχεῖας λύσιν ἢ ἀλλοιωσιν ἀθροῦν) ¹⁾. Вмѣстѣ съ Архигеномъ Галенъ признаетъ возможность опредѣлять пораженное мѣсто и родъ страданія по различному характеру боли, вмѣстѣ съ Гипократомъ— происхождение боли отъ матеріальныхъ измѣненій и порчи частей тѣла (*Афоризмы*), къ чему прибавляетъ еще внезапность и силу пораженія, наконецъ вмѣстѣ съ Платономъ опредѣляетъ ее какъ быстрый, противоестественный, разомъ и вдругъ вторгающийся въ организмъ процессъ (*Тимей*), къ чему прибавляетъ еще поражение органовъ чувствъ соответственными раздраженіями (обонянія—дурно пахучими веществами, глаза—сильнымъ свѣтомъ и т. д.) ²⁾. Холодъ, теплота, уколъ, разрѣзъ или разрывъ поражаютъ чувство ослзанія, при воспаленіи уха боль ощущается не органомъ слуха, а чувствительными нервами. Различія болей бываютъ: 1) количественныя (самая сильная—при воспаленіи и образованіигноя) ³⁾, причѣмъ болѣе слабая всегда заглушается болѣе сильною, 2) качественныя, такъ боль бываетъ тупая (*αρχαῖος*), разъядающая (*ἐλκώδης*) или сверлящая, доходящая до кости, колючая (*νευματώδης*), пульсирующая (при воспаленіи), диффузная (*χερῶμενος*), распушенная (*χαλαρώτερος*) и т. д., наконецъ злокачественная отъ разрушающихъ медикаментовъ (*δηλητηρία*) или ядовитыхъ животныхъ ⁴⁾. Зудъ есть шекотаніе (*κνησμός*), сопровождающееся нѣкоторой болью ⁵⁾. По отдѣльнымъ областямъ тѣла различаютъ:

Головная боль, которая бываетъ острая (*κεφαλαλγία*)—отъ различныхъ причинъ (лихорадки и проч.), имѣющая свое мѣстообитываніе въ мозгу и его оболочкахъ и въ околочерепной плесви, причѣмъ отличительнымъ признакомъ перваго рода боли служитъ распространеніе ея до корня глазъ посредствомъ продолженій оболочекъ и сосудовъ въ глаза, чего при послѣдняго рода боли не бываетъ,—и хроническая (*κεφαλαία*), которая по Галену есть продолжительная и трудно поддающаяся леченію головная боль, возникающая въ видѣ сильныхъ приступовъ по поводу незначительныхъ причинъ, причѣмъ больной не въ состояніи выносить даже малѣйшаго шума, сильнаго свѣта и движеній. При обычномъ наступленіи можетъ также имѣть мѣсто метастазъ на желудокъ. Если болить только одна часть головы, то это Галенъ называетъ мигренью (*ἡμικρανία*), которая также можетъ имѣть мѣсто въ *regio parietalis* и внутри черепа. Причиной головной боли, по Галену, бываютъ также мглообразное Ренеша или же остатки желчи, накопляющіеся въ отверстіи желудка, а также вино и разныя пахучія вещества ⁶⁾.

Колѣка (*κολικὴ διάβασις*) опредѣляется Галеномъ какъ воспаленіе толстыхъ и тонкихъ кишекъ, ибо „несмотря на ея названіе часто трудно бываетъ различать, страдаютъ ли больше *κόλον* или тонкія кишки.“ Она появляется въ видѣ приступовъ—въ сочетаніи съ одышкой, особенно вслѣдствіе задержанія въ послѣднихъ холодныхъ *πνεύματα*, и неблагоприятна преимущественно тогда, когда наступаетъ въ видѣ тяжкаго *Πεус* и *volvulus* (*εἰλεος*

¹⁾ Galenus, в De constitutione art. medic. ad Patrophil. Cp. Sprengel, II, 160. De locis affectis, I. II, с. 5 (II, 512).

²⁾ Здѣсь замѣтимъ кстати, что потеря обонянія, служащаго, какъ мы видѣли (стр. 356), не только для сохраненія, но и для украшенія жизни (τῆ μὲν εἰς αὐτὸ τὸ ζῆν ἀναγκαῖα, τῆ δ'εἰς τὸ βέλτιον ζῆν, К. III, 650), обуславливается по Галену измѣненіями въ центръ (обонятельномъ *ἀπόφυσις*), въ рѣшетчатой кости и носовой полости (полости и другія опухоли). Cp. Falk, I. с., 31, а также 39 и слѣд. вообще о боляхъ по Галену.

³⁾ Galenus, De totius morbi temporibus (К. VII, 445).

⁴⁾ Galenus, De locis affectis I. II, сс. 5, 8 и 9 (II, 515, 518, 527, 530)

⁵⁾ Galenus Comment. in Hipp. Aphorism. (К. XVII, В. 629).

⁶⁾ Galenus, De locis affectis I. III, с. 18 (II, 577, 578).

и *χόρδαφος*), причѣмъ въ тонкой кишкѣ прощупывается извилистая колбасообразная опухоль. Отъ почечной колки кишечная отличается тѣмъ, что при послѣдней бываетъ вначалѣ тошнота, рвота, запоръ, самыя боли выше и распространяиѣе и облегчаются слабительными, при почечной же (отъ камней) боль сосредоточивается въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и вполнѣдствіи присоединяется густой осадокъ въ мочѣ (*ὀπώρασιν παχύταιν*) ¹⁾.

Ischias (*ισχίαις*) Галенъ, правда, опредѣляетъ какъ сильную, периодически наступающую боль въ тазобедренной области, достигающую до подкожной ямки и икры, но въ *Εισαγωγή* онъ опредѣляетъ ея мѣстопробываіе въ связкахъ состава (*νεύρα*), слѣдовательно не считаетъ ее невралгіей. Происходитъ она отъ переполненія кровью, особенно при задержаніи мѣсячныхъ, а также отъ дурныхъ соковъ и простуды, и излечивается кровопозвеченіями, а также слабительными и рвотными ²⁾. Въ одномъ мѣстѣ Галенъ рассказываетъ объ излеченіи многолѣтняго *Ischias* случайнымъ раненіемъ съ разрывомъ артерій ³⁾.

Леченіе болѣи состоитъ въ употребленіи болеутоляющихъ (*ἀνόδονα*) и наркотическихъ (*χαλκία*), какъ *Hyoscyamus*, *Conium*, маковый сокъ, корка корня *Mandragora*.

Противоположный боли симптомъ нервныхъ болѣзней составляетъ

2) *Анестезія* (*ἀναίσθησία*) или совершенная потеря чувствительности (См. ниже).

3) *Головокруженіе*, *δίωξις*, Галенъ отличаетъ отъ потемнѣнія въ глазахъ, *ἰλιγγός* или *σκότοδιός*, *σκότωμα*, оно имѣетъ два источника происхожденія: голову (мозгъ) и желудокъ. Въ первомъ случаѣ оно по Галену причиняется нервнымъ страданіемъ мозга вслѣдствіе паробразнаго горячаго Рнеума, поднимающагося черезъ артеріи въ мозгъ, который самъ можетъ быть мѣстомъ зарожденія подобнаго Рнеума вслѣдствіе какой-либо *intemperia* или дискразіи. Во второмъ случаѣ головокруженіе есть симпатическое страданіе, идущее отъ входа въ желудокъ, причѣмъ всегда бываютъ тошноты и сердцебиеніе. Что касается симптомовъ (потемнѣніе въ глазахъ и т. п.), то они одинаковы въ обоихъ случаяхъ ⁴⁾. Причиной головокруженія можетъ также быть застой крови, противъ чего Галенъ рекомендуетъ кровопозвеченія, особенно позади ушей, и теріакъ.

Болѣзни мозга хотя и приписываются Галеномъ дискразіямъ (холодной или теплой, сухой или влажной и ихъ сочетаніямъ) ⁵⁾, по вѣстѣ съ тѣмъ онъ строго различаетъ мозговья болѣзни вслѣдствіе наполненія (*πλήρωσις*, *Plethora*) и вслѣдствіе пустоты (*Anaemia*). Къ первымъ относится

1) *Апоплексія*, которая, согласно Галену, происходитъ не отъ кровозліянія, а отъ мгновеннаго наполненія главныхъ полостей (желудочковъ) мозга холодной, густой или вязкой слизью ⁶⁾, слѣдствіемъ чего являются внезапное подавленіе всѣхъ психическихъ отправления и прекращеніе дѣятельности двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ всего тѣла, въ томъ числѣ и лица, причѣмъ діагностическимъ симптомомъ болѣе или менѣе тяжкаго пораженія мозга служитъ большее или меньшее раз-

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. VI, c. 2 (II, 669—671).

²⁾ Эти же средства полезны вообще при боляхъ напр. при колкѣхъ. Ср. Falk, 42.

³⁾ Galenus, De cur. ratione per venas. c. 13 (K. XI, 315).

⁴⁾ Galenus, De locis affectis l. III, c. 12 (II, 575, 576).

⁵⁾ Тамъ же, c. 6 (II, 554—556).

⁶⁾ Тамъ же, c. 11 (II, 574).

стройство дыханія и даже самая смерть апоплектиковъ, согласно Галену, происходитъ отъ прекращенія дыханія вслѣдствіе паралича легкихъ ¹⁾. Если поражена только правая или лѣвая половина тѣла, то это состояніе Галенъ называетъ *параличъ*, подъ которымъ онъ всегда подразумѣваетъ потерю движенія, въ отличіе отъ пораженія чувствительныхъ нервовъ, обозначаемого имъ просто словомъ нечувствительность (*ἀνασθησία*), хотя, какъ онъ говоритъ, „нѣкоторые въ наши дни называютъ это пораженіе параличъ чувствительности“ ²⁾. При этомъ Галенъ различаетъ параличъ естественныхъ отправленій, какъ задержаніе мочи и бала, и параличъ произвольнаго движенія или вообще произвольной дѣятельности, куда относятся непроизвольное истеченіе мочи, бессознательныя испраженія подъ себя, параличъ дыханія и голоса (*ἀπνοή* и *ἀφωνία*), въ особенности же обширный классъ мышечныхъ параличей вслѣдствіе воспаленія, скирра или растяженія самой мышцы (отъ слишкомъ сильнаго вытяженія при переломахъ и вывихахъ) ³⁾, чаще — вслѣдствіе страданій началъ нервовъ, идущихъ къ мышцамъ туловища и конечностей (что доказывается параличъ всѣхъ нервовъ, происходящихъ ниже разрѣза при поперечномъ перерѣзываніи спинного мозга и одностороннимъ параличъ при разрѣзѣ лишь одной половины спиннаго мозга), наконецъ вслѣдствіе страданій головнаго мозга, причемъ главнымъ критеріемъ служатъ одновременное пораженіе мышцъ лица и сведеніе парализованной половины въ противоположную сторону. Если же параличъ обнаруживается даже во всемъ тѣлѣ, за исключеніемъ однако лица, то мѣсто пораженія находится въ началѣ спиннаго мозга (также какъ и при судорогахъ). Съ другой стороны отъ вниманія Галена не ушло, что страданіе это поражаетъ иногда только отдѣльныя группы мышцъ конечностей (при страданіи соответственныхъ нервныхъ корешковъ), иногда же

„поражаетъ только отдѣльныя части лица или даже только одну изъ этихъ частей, языкъ, глазъ, челюсть, губу, такъ какъ повидимому они получаютъ свои нервы не изъ одного начала, а отъ различныхъ частей головнаго мозга, что видно при секціяхъ (животченіяхъ)“ ⁴⁾.

Подъ *параличей* Галенъ, подобно Гиппократу, подразумѣваетъ остающійся послѣ апоплексіи совершенный параличъ лица и конечностей съ полнымъ сохраненіемъ сознанія.

¹⁾ Тамъ же, с. 14, (II, 580).

²⁾ Тамъ же, с. 581.

³⁾ Galenus, Comment. in De officina medici Hipp., 8 (К. XVIII, В. 647).

⁴⁾ Galenus, De locis affectis, l. c. 580.

2) *Параличи спинно-мозговых нервов* происходят от травматических повреждений, а также от сырых отложений или туберкуловъ, не переходящихъ въ нагноение (*φύματх ἀτεκτα*, вѣроятно *Spondylarthrocace*). Галенъ конечно зналъ и законъ перекреста мозговыхъ параличей. *Дрожаніе* (*τρέμος*) происходитъ только при попыткахъ къ произвольнымъ движеніямъ. *Paralysis agitans* (*παλιμός*) есть постоянное трясеніе или колебаніе одной или нѣсколькихъ частей тѣла не только при движеніяхъ, но и въ покойномъ состояніи, и часто происходитъ отъ *Phrenitis*, на что указалъ еще Гиппократъ въ *Prorrheticon*.

Леченіе апоплексіи и параличей отъ пораженій головного мозга состоятъ по Галену въ употребленіи кровоизвлеченій, горчичниковъ и вообще отвлекающихъ и сложныхъ втираній, въ составъ коихъ между прочимъ входитъ корень *Vergoniae*, *Ороропах* и перецъ ¹⁾, наконецъ въ примѣненіи его панацеи—*теріака* ²⁾.

Интересенъ случай распознаннаго Галеномъ *чувствительнаго пареза послѣднихъ двухъ пальцевъ и половины средняго пальца* лѣвой руки у софиста Пазванія, родомъ изъ Сиріи, пріѣхавшаго въ Римъ,—случай, о которомъ Галенъ не безъ самодовольства рассказываетъ въ *De locis affectis*. Этотъ софистъ сначала обращался къ врачамъ „третьей секты“ (методической школы), которые примѣняли разные смягчительныя, а когда улучшенія не послѣдовало, то перешли къ вяжущимъ средствамъ. Но и эти средства остались безуспѣшными и болѣзнь ухудшилась, вслѣдствіе чего больной обратился къ Галену:

„Увидѣвъ его, я сталъ его расспрашивать, что случилось съ нимъ раньше, не получилъ ли онъ какого-нибудь ушиба или раны на рукѣ? Онъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда я обратилъ свои поиски въ сторону спиннаго мозга и узналъ, что по дорогѣ этотъ софистъ упалъ съ воза на острый камень, что ударъ пришелся между обоими плечами въ началѣ спины, что сначала онъ чувствовалъ сильную боль, которая затѣмъ успокоилась, а по скоромъ заживленіи ушиба уступила мѣсто потерѣ чувствительности, усилившейся съ каждымъ днемъ. Больше мнѣ ничего не нужно было расспрашивать: я угадалъ, что болѣзнь поддерживалась остаткомъ *воспаленія спиннаго мозга*. Я приказалъ перенести прикладывавшіяся къ пальцамъ смягчительныя лекарства на пораженную область спины и больной скоро выздоровѣлъ. Врачи даме не знаютъ, что для нервовъ существуютъ особые корешки, которые распределяются въ кожѣ всей руки и отъ которыхъ зависитъ ея чувствительность, и другіе, которые даютъ начало вѣтвямъ, приводящимъ въ движеніе мускулы“ ³⁾.

¹⁾ Galenus, De compos. medic. secundum genera (К. XIII, 1008). Ср. Falk, 44.

²⁾ Galenus, De theriaca ad Pisonem, с. 5 (К. XIV, 276).

³⁾ Galenus, De locis affectis l. III, с. 14 (II, 581). Не понимаемъ, почему *Нааеег* (I, 381) вмѣсто паралича говоритъ здѣсь о судорогѣ пальцевъ.

Въ другомъ мѣстѣ находимъ болѣе полный вариантъ этой исторіи болѣзни, съ поясненіемъ, что болѣзнь продолжалась 30 дней, что движенія въ пораженныхъ пальцахъ не были нарушены, что, пригласивъ пользовавшаго врача, Галенъ нашелъ примѣненныя средства умѣстными и, выслушавъ рассказъ больного о полученномъ имъ въ верхней части спины ушибѣ, онъ заподозрилъ „скиррозный“ діатезъ вследствие воспаленія на мѣстѣ выходения нерва ниже седьмага шейнаго позвонка, причемъ въ концѣ прибавляетъ:

„Нижняя порція послѣдняго изъ шейныхъ нервовъ идетъ къ малымъ [двумъ послѣднимъ] пальцамъ (p. ulnaris), распредѣляясь въ окружающей ихъ комѣ и на половинѣ [внутренней сторонѣ] средняго пальца. Врачей особенно поражало то, что страданіе занимало только половину средняго пальца. Этотъ же фактъ и меня укрѣпилъ въ мысли, что страдала именно та часть нерва, которая, отдѣлившись отъ ствола на предплечіи, окапчивается на указанныхъ пальцахъ“¹⁾.

Приведенная исторія болѣзни не нуждается въ комментаріяхъ и, на нашъ взглядъ, даетъ Галену полное право гордиться своимъ по истинѣ изумительнымъ знаніемъ анатоміи, которое достаточно искупаетъ какъ его теорію о „скиррозномъ“ діатезѣ, такъ и очевидно бьющій на эффектъ, тонъ самаго рассказа.

3) *Hydrocephalus* Галенъ, подобно Аретею, принимаетъ четырехъ родовъ, причемъ однако не упоминаетъ о накопленіи жидкости въ мозговыхъ желудочкахъ: по его мнѣнію она находится между мозгомъ и оболочками, между оболочками и черепомъ, между черепомъ и *regisanium* и между послѣднимъ и общими покровами. Самая жидкость есть по его мнѣнію вода или осадившаяся кровь (*τρογώδες αίμα*)²⁾.

4) *Судороги* (*σπασμὸς*), какъ и параличи, происходятъ либо отъ наполненія, либо отъ пустоты, т. е. отъ плевоты или анеміи головного или спиннаго мозга (отъ потери крови или обильныхъ поносовъ, напр. судороги въ икрахъ при холерѣ),—далѣе отъ влажнаго или сухаго діатеза (послѣдній—вслѣдствіе бессонницы и лихорадки, истощенія и проч.)³⁾. Судороги у дѣтей во время прорѣзыванія зубовъ могутъ обусловливаться густымъ молокомъ и опасны особенно тогда, когда присоединяются къ лихорадочнымъ болѣзнямъ, и наоборотъ, лихорадка, присоединяющаяся къ судорогамъ, благоприятна для послѣднихъ. Происходятъ судороги при воспаленіяхъ нервныхъ и сосѣднихъ съ ними частей, особенно же при поврежденіяхъ и поперечныхъ раненіяхъ нервовъ. Лечение судорогъ поэтому должно со-

¹⁾ Тамъ же, I. III, с. 6 (II, 499, 500).

²⁾ Ср. Falk, I. с. 49.

³⁾ Galenus, De locis affectis I. III, с. 8 (II, 560).

образоваться каждый раз съ вызывающей ихъ причиною, такъ напр. при холерѣ, гдѣ онѣ происходятъ отъ анеміи, слѣдуетъ заботиться о наполненіи кровеносныхъ сосудовъ и т. д. Какъ особенныя *anti-spastica* Галенъ хвалитъ бобровыя лички (*Castoreum*) и опять-таки всеисцѣляющій теріакъ, а также вино, которое однако можетъ иногда вызывать и судороги ¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ формъ судорогъ (*crampi*) Галенъ много занимается некою (*λυγγός, singultus*), которая, по его мнѣнію, есть судорожное страданіе входа въ желудокъ вслѣдствіе раздраженія перцемъ и другими подобными веществами ²⁾, но не настоящая судорога, такъ какъ Галенъ въ желудкѣ не признаетъ мускуловъ. Здѣсь онъ рекомендуетъ задержаніе дыханія, чихательныя (особенно при *Plethora*), *Sisymbrium* и весьма сложное т. н. средство амазонокъ изъ *Cinamonum*, мирры и проч. Къ частичнымъ судорогамъ относятся, далѣе, *spasmus cynicus* (*κνικὸς σπασμὸς*)—страданіе *Platysma myoides* ³⁾; *στραβισμὸς*—судорожное сокращеніе глазныхъ мышцъ ⁴⁾, *γυνορρόβια*—судорожное сокращеніе сѣменныхъ сосудовъ, но только съ эрекціей и истеченіемъ сѣмени, въ противномъ случаѣ болѣзнь эта есть только ослабленіе удерживающей силы. Наконецъ Галенъ часто говоритъ о *Tetanus*, *Opistho*—и *Emprosthotonus*, какъ ревматическаго (по Галену—отъ жара) и травматическаго происхожденія, такъ и какъ объ осложненіяхъ воспаленія или раненія нервовъ, особенно же слѣпо оканчивающихся ранъ. Иногда впрочемъ Галенъ примѣняетъ выраженіе *Tetanus* у умирающихъ отъ чрезмѣрнаго употребленія вина или отъ оцѣпѣтости вслѣдствіе замерзанія, кромѣ того онъ упоминаетъ и о болѣе легкой формѣ—*Trismus* и вмѣстѣ съ Гиппократомъ считаетъ опасность миновавшей послѣ 4 дня болѣзни ⁵⁾.

5) *Эпилепсія* („судорога всего тѣла“) описана у Галена почти также, какой она изображается и нынѣ. Причиняющее эту болѣзнь страданіе двигательныхъ нервовъ онъ сравниваетъ съ *ἀγρυπία* чувствительныхъ нервовъ. По мнѣнію Галена, это болѣзнь мозга, вызываемая густой влагой, засоряющей пути душевнаго *Pneuma*, но могущая возникнуть также безъ пораженія мозга, симпатическимъ путемъ,

¹⁾ Ср. Falk, l. c. 45.

²⁾ Galenus, De locis affectis, l. III, c. 11 (II, 574).

³⁾ Ср. Falk, l. c. Haeser (I, 381), ссылаясь на Dagerberg, Oeuvres d'Oribase, IV, 672, говоритъ, что подъ названіемъ *spasmus cynicus* Галенъ описываетъ параличъ n. facialis.

⁴⁾ Въ *Definitiones medicae strabismus* опредѣляется также какъ параличъ. Ср. Falk, l. c. ⁵⁾ Тамъ же, 46.

безъ всякаго страданія нервной системы ¹⁾, напр. при страданіи желудка вслѣдствіе поста, при болѣзняхъ отдаленныхъ органовъ, при коихъ ауга ощущается особенно явственно. Она по преимуществу—болѣзнь дѣтскаго возраста и проходитъ нерѣдко съ наступленіемъ зрѣлости, иногда также отъ присоединенія 4-дневной лихорадки. Наконецъ уже Галенъ, какъ и вообще древніе, допускалъ связь между этой болѣзнію и душевными страданіями ²⁾. Характеризуется она судорогами, потерей сознанія и потерей чувствительности. Ауга (*αὔρα ψυχρῆ*) онъ описываетъ, какъ особенное ощущеніе, восходящее, какъ выражается Галенъ со словъ больныхъ, въ видѣ дуновенія отъ нижнихъ конечностей черезъ поясницу, бока и шею къ головѣ, послѣ чего сознаніе тотчасъ теряется. Въ то время было уже извѣстно, что перевязываніе конечности выше мѣста исхода этого ощущенія въ состояніи предупредить судороги и что если ощущеніе это имѣетъ свое постоянное мѣстопребываніе въ какой-нибудь оконечности, напр. въ большемъ пальцѣ ноги, то ампутація можетъ излечить отъ болѣзни ³⁾.

Леченіе падучей болѣзни по Галену состояло въ кровопусканіяхъ изъ стопы, главнымъ же образомъ въ употребленіи теріака и множества отвратительныхъ и суевѣрныхъ эмпирическихъ средствъ. Далѣе онъ рекомендуетъ слабительныя для выведенія слизи изъ мозговыхъ желудочковъ, кровопусканіе для устраненія застоя крови, теріакъ, Scilla, Aristolochia, Anthyllis, носеніе корня піонія; въ самомъ приступѣ—чистительныя (примѣненныя у грамматика Діодора), вообще же обстоятельное регулированіе образа жизни въ юношескомъ возрастѣ. У взрослыхъ она рѣдко излечивается ⁴⁾.

Истерика (*ὑστερικὴ τῆξι* или *ἀπνοῆ ὑστερικῆ*) приписывается Галеномъ преобладанію холода вслѣдствіе задержанія болѣе холоднаго женскаго сѣмени, особенно при безбрачии и у вдовъ (наподобіе того какъ у мужчинъ отъ той же причины являются припадки отъ преобладанія теплоты, какъ тоскливость, лихорадка, извращеніе аппетита, дурное пищевареніе). Отсюда—необходимость примѣненія мѣстнаго леченія женскихъ половыхъ органовъ и даже брака. При этомъ случаѣ Галенъ опровергаетъ во имя анатоміи господствовавшій со временъ Платона взглядъ на матку, какъ на животное, смѣщенія или странствованія коего вплоть до діа-

¹⁾ Galenus, De locis affectis l. III, с. 9 (II, 561) и с. 11 (II, 571).

²⁾ Тамъ же, l. III, с. 10 (II, 564). Ср. Falk l. с. 47.

³⁾ Galenus, De locis affectis, l. III, с. 11 (II, 573).

⁴⁾ Galenus, Pro puero epileptico, с. 23 и Falk l. с. 47, 48.

фрагмы причиняютъ будто припадки истерическаго удушья ¹⁾. Изъ симптомовъ Галена больше всего занимаетъ истерическое удушье, *κλιζις*, подъ которымъ имъ подразумѣвается не *globus hystericus*, а состояніе совершеннаго судорожнаго обмиранія или же *arhonia hystericca*, причеиъ больная лежитъ словно мертвая, наподобіе животныхъ, погруженныхъ въ зимнюю спячку, дыханіе же болѣе не происходитъ черезъ ротъ, а „совершается еще только посредствомъ артерій“ (*perspiratio, διαπνοή*) ²⁾. Истерическія судороги вообще даютъ благоприятное предсказаніе и опасны лишь при воспаленіяхъ матки вслѣдствіе траума, задержанія мѣсячныхъ, простуды и послѣ выкидыша.

7) *Katalēpsia* (*καταλήψις*) опредѣляется Галеномъ какъ *ἀναίσθησις φυχῆς μετὰ κηρέως* (съ оцѣпѣніемъ) *τοῦ πάντος σώματος* и считается заболѣваніемъ задней части мозга, *Katochus* же (*κατῶχος*)—какъ параличъ воображенія (*φαιταστικῆ ἐνεργεία*) ³⁾.—Къ мозговымъ болѣзнямъ онъ, понятно, относитъ и

8) *Душевная болѣзнь* ⁴⁾. Изъ нихъ его особенно много занимаютъ

Меланхолия и *ипохондриа*, которыя имѣютъ свое мѣстопробываніе либо въ мозгу, либо въ нервахъ, либо въ отдаленныхъ отъ мозга органахъ, особенно въ желудкѣ. Излишне сказать, что именно здѣсь Галенъ выступаетъ во всеоружіи своего ученія о темпераментахъ. Онъ именно учитъ, что при *меланхолии* вся кровь превращается въ *atrabile*, причеиъ это измѣненіе можетъ имѣть мѣсто либо во всемъ тѣлѣ, либо только въ крови мозга, куда она притекаетъ изъ другихъ мѣстъ, или же меланхолическая влага образуется въ самомъ мозгу вслѣдствіе мѣстнаго жара, причеиъ сгораетъ желтая желчь или самая густая, или самая черная часть крови. Если все тѣло имѣетъ атрабильную кровь, лечение начинаютъ кровопусканіемъ, если же только мозгъ, то кровопусканій не дѣлаютъ. Кровопусканіе дѣлается изъ средней локтевой вены и если вытекающая кровь не атрабильна, то ее тотчасъ останавливаютъ. Третій видъ меланхолии беретъ начало въ желудкѣ, каковой діатезъ называютъ *ипохондрией* и *вздутиемъ*. Сопровождается эта форма припадками затрудненнаго пищеваренія, кислой отрыжкой, отхожденіемъ вѣтровъ, чувствомъ жара въ подреберьяхъ, зыбленіемъ, иногда болями. По мнѣнію Галена, припадки эти происходятъ вслѣдствіе воспаленія желудка и задержанія густой и атрабильной крови въ воспаленной части. Психическіе припадки при *меланхолии* онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Galenus, De locis affectis, l. VI, c. 5 (II, 685—693). ²⁾ Тамъ же, 687.

³⁾ Galenus, Definitiones medicae (K. XIX, 414). Ср. Falk, 48.

⁴⁾ Судя по смѣлому трактату Галена „*Quod mores*“, слѣдовало бы встрѣтить у него болѣе точныя понятія о психическихъ болѣзняхъ, между тѣмъ у него психіатрія такое же слабое мѣсто, какъ вообще у древнихъ, не ушедшихъ дальше эмпирическаго примѣненія опорожняющихъ (*Helleborus*) и мѣръ принужденія при этихъ болѣзняхъ. 53

„Меланхолики всегда одержимы страхомъ, но фантастическіе образы не всегда представляются имъ въ одинаковой формѣ. Такъ одинъ воображалъ себя сдѣланнымъ изъ равонинъ и вслѣдствіе этого убѣгалъ отъ всѣхъ прохожихъ, изъ опасенія разбиться въ дребезги. Другой, видя какъ пѣтухи бьютъ крыльями прежде тѣмъ запоютъ, подражалъ голосу этихъ животныхъ и хлопалъ себя по бокамъ. Еще другой боялся, что Атлантъ, утопленный тяжестью міра, который онъ носитъ на плечахъ, стряхнетъ съ себя свою ношу и тогда разожмутъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ насъ всѣхъ. Тысяча подобныхъ мыслей проходятъ черезъ ихъ мозгъ. Между меланхоликами существуютъ различія: всѣ одержимы страхомъ, печалью, жалуется на жизнь, ненавидятъ людей, но никто изъ нихъ не хочетъ умирать, а наоборотъ есть такіе, у коихъ сущность меланхолии составляетъ страхъ смерти. Другіе вамъ покажутся странными: они боятся и въ тоже время желаютъ смерти. Гиппократъ повидимому справедливо подвелъ всѣ симптомы, свойственные меланхоликамъ, подъ двѣ категоріи: страха и печали. Вслѣдствіе этой-то грусти меланхолики ненавидятъ всѣхъ, кто имъ попадается на глаза и кажутся постоянно огорченными и исполненными страха, подобно дѣтямъ и невѣжественнымъ людямъ, которыхъ охватываетъ дрожь, если очутятся въ глубокомъ мракѣ. Подобнымъ же образомъ черная желчь, затемняя своимъ цвѣтомъ, подобно мраву, мѣстопробываніе разума, порождаетъ страхъ.“

Затѣмъ, указавъ на измѣненіе функцій души отъ измѣненія вла гъ или темперамента и производя отсюда также названіе *меланхолия*, которая, по Галену, происходитъ отъ черной желчи и теплаго діатеза головы (разгоряченіе, воспаленіе, *phrenitis*, безсонница), онъ отмѣчаетъ отсутствіе при ней желудочныхъ припадковъ, бывающихъ при гипохондріи, въ чемъ и заключается различіе послѣдней отъ меланхолии, составляющей такимъ образомъ первичное страданіе мозга вслѣдствіе накопленія черной желчи. Здѣсь же онъ приводитъ случай излеченія болѣзни посредствомъ ваннъ и жидкой діеты ¹⁾.

Наконецъ къ мозговымъ болѣзнямъ примыкаетъ у Галена

9) *Phrenitis*, которая въ соединеніи съ каталепсіей представляетъ *torporavia* и вѣроятно совпадаетъ съ брюшнымъ тифомъ, ибо какъ одинъ изъ симптомовъ ея, кромѣ бреда, жара, помраченія сознанія, часто упоминаются поносы. Но самый существенный патогномоностическій признакъ здѣсь—неутиханіе бреда и по ослабленіи лихорадки ²⁾. Очевидно *Phrenitis* занимаетъ у Галена средину между мозговыми и лихорадочными болѣзнями. Лечение ея было слѣдующее: вначалѣ кровопусканіе для уменьшенія прилива крови въ головѣ, затѣмъ прикладываніе примочекъ изъ листьевъ розы съ уксусомъ, при сонливости холодныя обливанія головы, мѣстное примѣненіе пахучихъ и эфирныхъ веществъ (для разжиженія густыхъ соковъ), при бредѣ—настой изъ маковыхъ головокъ; наконецъ примѣненіе сильныхъ раздражающихъ, чихательныхъ, *Castoreum* ³⁾.

¹⁾ Galenus, *De locis affectis* l. III, c. X (II, 564—570).

²⁾ Тамъ же, l. V, c. 5 (II, 641); *Comm. in Hipp. De victu acut.*, IV, 35.

³⁾ Galenus, *Methodus medendi*, l. XIII, c. 21. *Ср. Haeser*, I, 381.

Лихорадки. Ученіе Галена о *лихорадочномъ процессѣ* вообще было изложено выше. Здѣсь же остается рассмотреть его ученіе

О *лихорадкахъ въ частности.* При этомъ считаемъ умѣстнымъ еще разъ оговориться, что ознобъ причисляется Галеномъ къ классу *неврозовъ*. По его мнѣнію потрясающій ознобъ, *rigor*, есть распространяющійся на все тѣло *треморъ*, съ ненормальными, произвольными, неправильными и „атактическими“ движеніями, происходящій отчасти отъ прониканія желтой желчи изъ сосудовъ въ мускулы и имѣющій особенное діагностическое значеніе вначалѣ *кассиды* или 3-и 4-дневныхъ лихорадокъ и при переходѣ воспаленія въ нагноеніе, при нарывахъ и раненіяхъ (пѣзмическій ознобъ). Настоящую же причину ознобовъ по Галену слѣдуетъ всегда искать въ центральной нервной системѣ ¹⁾.

По типу онъ раздѣляетъ лихорадки на *постоянныя* и *перемежающіяся*.

1) Къ *постояннымъ* относятся: а) *острая*, какъ эфемерная, продолжающаяся отъ 1—3 дней и синохальная—отъ 8—40, 60 и даже 80 дней и подраздѣляющаяся на простыя синохальныя, воспалительныя, желчныя, гнилостныя и чумообразныя. Всѣ онѣ, за исключеніемъ послѣднихъ, могутъ быть отнесены къ разряду *тифовъ*, чумообразная же, сопровождаемая нагноеніями паховыхъ и подкрыльцовыхъ железъ есть ничто иное, какъ чума, которая была Галену также извѣстна, какъ и то, что для дѣйствія заразы вообще необходимо особое предрасположеніе ²⁾. Всѣ эти лихорадки не переходятъ обыкновенно въ хроническія формы. Изъ нихъ эфемерныя происходятъ отъ сильныхъ напряженій, обремененія пищею, опьяненія, гнѣва и добракачественныхъ бубоновъ (въ отличіе отъ злокачественныхъ при чумѣ), каковыя обыкновенно берутъ начало отъ язвы (*ѳлгос*). Лечение этихъ формъ, особенно въ случаѣ ихъ происхожденія отъ погрѣшностей въ діетѣ, состоитъ въ примѣненіи теплыхъ ваннъ, легкой діеты и вина ³⁾. При гнилостныхъ лихорадкахъ—стараться выводить вредныя вещества обильнымъ употребленіемъ ячменной воды, настоя корня петрушки и промывательныхъ, впоследствии давать ромашку и легкое вино ⁴⁾

Отъ этихъ постоянныхъ острыхъ лихорадокъ отличается

б) *Хроническая* или *изнурительная*, которая не начинается въ видѣ острой и продолжается отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до нѣсколькихъ

¹⁾ Ср. Falk, l. c. 46, 47. ²⁾ Ср. Bouchut, I, 219.

³⁾ Galenus, Methodus medendi, l. VIII, c. 9. De methodo medendi ad Glauconem, l. I, c. 2 (II, 709 и слѣд.). De crisisibus II, въ концѣ. ⁴⁾ Ср. Haeser, I, 376.

лѣтъ при постоянно усиливающемся истощеніи и длительной лихорадкѣ. Она бываетъ либо отъ матеріальныхъ причинъ, заключающихся въ измѣненіи не влагъ, а плотныхъ частей, въ особенности легкихъ (при чахоткѣ), желудка, печени и т. д., либо же эссенціальная, берущая начало въ сердцѣ и происходящая отъ различныхъ нравственныхъ вліяній, страстей, либо отъ синохальной, не перешедшей въ выздоровление ¹).

2) *Переменяющіяся* лихорадки бываютъ: 3-дневныя—отъ измѣненной печени (желтой желчи), 4-дневныя—отъ измѣненной селезенки (черной желчи), и тѣ и другія влекутъ за собой оплотненіе селезенки и водянку. Первые часто исчезаютъ съ седьмымъ приступомъ, послѣднія весьма упорны. Что касается ежедневныхъ, происходящихъ отъ слизи, то онѣ могутъ сдѣлаться весьма опасными ²). Кроме того Галенъ приводитъ различія между трехдневной и полутрехдневной, четырехдневной и получетырехдневной (*tertiana* и *tritaeophya*, *quartana* и *tetartophya*, *homotonos* или *acmastica*, *anabatica* или *eracmastica* и *paracmastica* и т. д.) ³).

Галену было извѣстно, что трехдневныя переменяющіяся лихорадки продолжаются такъ долго, что приступы ихъ почти переходятъ одинъ въ другой, такъ что ихъ можно смѣшивать съ постоянными формами лихорадокъ. Причина переменяющагося типа заключается по Галену въ томъ, что природа не въ состояніи изгнать болѣзнетворное начало иначе, какъ въ нѣсколько приемовъ или приступовъ, апирексія же служить для приготовленія организма къ изгнанію новаго количества этого вещества въ слѣдующій приступъ ⁴). Лечение переменяющихся лихорадокъ по Галену: въ періодъ озноба, особенно при адинамической лихорадкѣ—продолжительное растираніе тѣла отъ ногъ вверхъ ⁵); при правильныхъ трехдневныхъ—слабительныя, рвотныя, затѣмъ мочегонныя (*Arium* или *Anethum*), полынь, впослѣдствіи теплыя ванны; при неправильныхъ—согрѣваніе области желудка, рвотное, смотря по надобности кровопусканіе, затѣмъ въ теченіе 7 дней перецъ и т. п. и въ концѣ леченія полынь. При четырехдневныхъ у полнокровныхъ—кровопусканіе, перецъ, а во время апирексіи укрѣпляющая діета, наконецъ при однокровныхъ—уксусомедъ и сильныя мочегонныя ⁶).

¹ Ср. Bouchut, I, 219.

² Galenus, De differ. febr. l. I, c. 6. De meth. med. ad Glauconem, l. I, c. 3 (II, 715). Ср. также трактаты De typis и Adversus eos, qui de typis scripserunt.

³ Galenus, De different. febr. l. II, c. 2. ⁴ Ср. Bouchut, I, 200.

⁵ Galenus, Methodus medendi, l. XII, c. 3.

⁶ Тамъ же, l. XI, c. 21; Meth. med. ad Glauconem l. I, cc. 10—15 (II, 723—731), гдѣ для опорожняющаго метода при лихорадкахъ вездѣ встрѣчаемъ правило—руководствоваться временами года и индивидуальностью больного.

Изъ болѣзней кожи Галенъ при *острымъ* воспаленияхъ употреблялъ: холодъ и вяжущія, въ послѣдствіи теплоту и болѣе легкія стягивающія, въ аспе болѣзни—теплоту и расслабляющія и наконецъ разрѣшающія средства, при *хроническихъ* болѣзняхъ кожи самую главную роль играло общее лѣченіе ¹⁾.

Изъ болѣзней крови Галенъ разсматриваетъ *водянку*, которая чаще всего происходитъ отъ уплотненія печени, а также отъ заболѣванія селезенки, кишечнаго канала, легкихъ, почекъ, задержанія мѣсячной и геморроидальной крови. Самыми главными средствами для выведенія воды изъ организма были у Галена Squilla и каперцовый корень. Далѣе изъ болѣзней крови Галенъ описываетъ *ревматизмъ*, въ особенности составовъ, который онъ строго разграничиваетъ отъ *подагры*—одной изъ самыхъ обыкновенныхъ и часто встрѣчавшихся въ древности болѣзней, причинами коей онъ признавалъ наслѣдственное расположеніе и излишества. При этомъ Галенъ разсматриваетъ и аномальную подагру, напр. поражающую желудокъ. Особенное вниманіе въ этой болѣзни обращено Галеномъ на мочу.—Леченіе состояло въ приличной діетѣ, кровопусканіяхъ и слабительныхъ, у полнокровныхъ каждой весной ²⁾, но не у слабыхъ, у коихъ они легко производятъ переносы на составы; въ приступѣ подагры употреблялись раздражающія до образованія пузырей, припарки съ наркотическими, послѣ приступа—разрѣшающіе пластыри (Empi. Diachylon и проч.) для уменьшенія опухоли ³⁾.

Сюда же наконецъ можно отнести и водобоязнь, по поводу коей встрѣчаемъ у Галена первый въ исторіи клинической медицины примѣръ *сравнительнаго метода леченія*, по которому оказалось, что оставленный безъ пользованія погибъ при явленіяхъ судорогъ, а принявшій противоядіе выздоровѣлъ ⁴⁾.

Въ заключеніе замѣтимъ здѣсь, что подобно тому какъ *De locis affectis* есть трактатъ дифференціальной діагностики и частной патологии, такъ *Methodus medendi* есть трактатъ не только общей, но и частной терапіи, а потому считаемъ нелишнимъ привести здѣсь вкратцѣ его содержаніе, тѣмъ болѣе, что это самый главный трактатъ Галена по терапіи.

Въ *первой* книгѣ, послѣ вышеприведеннаго обращенія къ Негон'у, Галенъ, указавъ снова на необходимость восходить отъ нарушенной функціи къ разстройству выпол-

¹⁾ Ср. Haеver, I, 383.

²⁾ Тамъ же, 382 и Galenus, Comm. in Aphor. VI. 47. De venaesectione (К. XIX, 579).

³⁾ Galenus, De compos. medic. sec. gen. I. VII. c. 10.

⁴⁾ Galenus, De sectis ad eos qui introducuntur, c. 8 (II, 389).

няющаго ее органа, совѣтуетъ отыскивать прежде всего причину разстройства для того, чтобы быть въ состояніи его устранить.—*Вторая* книга посвящена и мен кла-турѣ болѣзней, причѣмъ Галенъ указываетъ правила, по которымъ ее слѣдуетъ устанавливать, а именно: по мѣстопробыванію болѣзни, напр. Pleuritis, Encephalitis, Metritis; по симптомамъ—паралычъ, рвота, икота; по причинѣ—меланхолія; по сходству съ виѣшними предметами—ракъ, полипы, Elephantiasis, по свойству болѣзни—Phlegmone, наконецъ по собственному усмотрѣнію врачей—Oedema, Fungusculus, Dotiema (Dotiienteria или тифъ?). Въ этой же книгѣ Галенъ указываетъ на то, что всякая терапия требуетъ знанія обыкновенныхъ условий здоровья, точноа знакомства съ состояніемъ влаги и установленія показаній, вытекающихъ изъ сочетанія наблюденія и разсужденія: безъ разума, освѣщающаго опытъ, не можетъ быть истиннаго врача. —*Третья* книга посвящена различнымъ способамъ леченія нарушеній цѣлости какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ органовъ, кровотеченій, лихорадокъ, воспаленія, язвъ, изъ коихъ по поводу послѣднихъ находимъ замѣчаніе, что такъ какъ онѣ часто зависягъ отъ измѣненія крови, то для достиженія ихъ заживленія необходимо соединять мѣстное леченіе съ общимъ. —*Четвертая* книга посвящена опорожняющему методу леченія, совершенно въ догматическомъ духѣ. *Пятая* книга содержитъ правила для леченія кровотеченій маленькими повторными кровопусканіями черезъ короткіе промежутки, кровососными банками, приставляемыми подалше отъ мѣста кровотеченія, напр. на груди при маточныхъ кровотеченіяхъ. При кровохарканіи вслѣдствіе изъясненія легкаго, кровѣ мѣленькихъ кровопусканій 3 раза въ день, Галенъ совѣтуетъ пластыри и вяжущія, а также слабительныя, если не существуетъ ноноса, въ особенности иллоли изъ Aloës, scammonia, colocynthovъ, Adagisus и Gum. arabica, и мѣязобрѣтеныя, наконецъ молоко животныхъ, употребляющихъ въ кормъ бальзамическія растенія, умѣренную гимнастику на чистомъ воздухѣ, наковыя средства умѣстны только до появленія лихорадки, съ обнаруженіемъ коей все они остаются бесполезными. —*Шестая* книга посвящена леченію переломовъ, раненій, язвъ и поврежденій мускуловъ и нервовъ. —Въ VII—X книгахъ Галенъ занимается леченіемъ эссенціальныхъ, а также эфемерныхъ и спнохальныхъ лихорадокъ, изъ коихъ при послѣднихъ Галенъ настойчиво совѣтуетъ кровопусканія, препятствующія по его мнѣнію лихорадкѣ принимать гнилостный характеръ, противопоказаніями для кровопусканій служатъ: молодой возрастъ, общія слабость, показаніями—измѣненное качество крови или избытокъ ея, ведущій къ подавленію силъ и къ растяженію и разрыванію сосудовъ. Необходимымъ допущеіемъ къ этому леченію служили холодная омыванія, ванны, вентиляция и легкая пища.—Въ XI—XIV книгахъ рѣчь идетъ о леченіи флегмоны, опухолей и рожи. Кровопусканіе играетъ здѣсь вездѣ главную роль, но при смѣшанномъ характерѣ страданія, отъ прилива крови и желчи, оно отсутствуетъ на второй планъ и замѣняется рвотными и слабительными ¹⁾.

Что касается *Methodus medendi ad Glaucouem*, то, кромѣ указанія вышеупомяну-таго общаго принципа ²⁾, трактатъ этотъ заключаетъ въ себѣ леченіе эфемерныхъ, 3—, 4— и одиодневныхъ, а также постоянныхъ лихорадокъ, далѣе воспаленія, отека, скирра, опухолей селезенки и печени, простыхъ и фистулезныхъ нарывовъ, рака, Elephantiasis ³⁾.

¹⁾ Ср. Bouchut, I, 229, 230. ²⁾ Ср. выше Общую терапію, стр. 393.

³⁾ Dageberg, Oeuvres de Galien, II, 706—784. Здѣсь въ хирургическомъ отноше-ніи интересны изложеніе леченія фистулезныхъ язвъ введеніемъ водомеда или шелока посредствомъ бронзовой или троякарной трубочки (pulsus), мазями изъ Lithargyrum, мѣд-наго колчедана и сала и противоотверстіями (тамъ же, ¹ II, с. 10, 778 и слѣд.), а также

Хирургія Галена не имѣетъ особеннаго значенія и заслуги его въ этой области далеко уступаютъ его заслугамъ въ другихъ областяхъ медицины. Повидимому ему не доставало ни необходимаго навыка, ни того особеннаго призванія, благодаря коимъ только и возможны дѣйствительные успѣхи въ этой отрасли медицинскаго искусства. Въ молодости онъ, правда, много и ревностно занимался хирургіей какъ въ своемъ родномъ городѣ Пергамѣ, такъ и въ Римѣ, гдѣ обрабатывалъ эту область и теоретически на лекціяхъ, и въ частной практикѣ. Съ особенной любовью Галеномъ обработано ученіе *о повязкахъ*, гдѣ имъ воспроизведено все, что по этой части сдѣлано александрійской школой.

Хирургія Галена изложена въ *Comm. III in I. Hipp. De medici officina*,—*Comm. III in Hipp. De fracturis*,—*Comm. IV. in Hipp. De articulis*, далѣе, какъ мы только что видѣли, въ *Methodus medendi*, а также въ сомнительной подлинности книгѣ *Medicus*, принадлежащей быть можетъ Геродоту и въ которой изчислены важнѣйшія операціи.

Что Галенъ много занимался хирургіей, доказываетъ его увѣреніе, что въ Римѣ не было почти ни одного труднаго случая вывиха плеча, въ которомъ не обращались бы къ нему за помощью ¹⁾. Изъ сохранившейся въ его сочиненіяхъ казуистики хирургическихъ операцій укажемъ на случай вырѣзыванія раздробленной теменной кости (*τὰ βρέγμα*) ²⁾ и *трепанацию* „съ наилучшимъ исходомъ для больного“ ³⁾ и случай *резекціи грудины*, пораженной костоѣдой, съ обнаженіемъ сердца ⁴⁾. Интересно также одно наблюденіе Галена, которое онъ повторяетъ нѣсколько разъ въ *De administrationibus anatomicis*, чтобы доказать необходимость и практическую пользу знанія анатоміи для всякаго хирурга, въ особенности топографическаго положенія кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ, безъ чего онъ ежедневно рискуетъ ранить ихъ при операціяхъ или опибаться въ опредѣленіи мѣста страданія при поврежденіи ихъ отъ какой нибудь случайной причины. Галенъ по этому поводу рассказываетъ именно случай съ однимъ смѣлымъ хирургомъ, который, удаливъ часть „наружной“ мышцы плеча и воспаливъ „глупымъ“ желаніемъ показать свою ловкость и свое искусство, воткнулъ ножъ въ толщу передней мышцы и, сдѣлавъ рукой одинъ туръ, разомъ перерѣзалъ nn. medianus, radialis и ulnaris и плечевыя вену и артерію. Ошеломленный потокомъ хлынувшей

указаніе на заживленіе нарывовъ въ ширину (*κατὰ πλάτος ἀγρωγῆ*, тамъ же, I. II, с. 9 въ концѣ), т. е. *вторымъ натяженіемъ*, каковое выраженіе встрѣчается уже у *Stephanus'a* (*κατὰ δευτέρου πλοῦν*) и *Антилла* (*κατὰ σοσάρκωσιν*). Тамъ же, 773, note 1.

¹⁾ Galenus, *Comment. IV in Hipp. De articulis*. Ср. Haeser, I, 383.

²⁾ Вѣ *Medicus*, с. 2 (К. XIV, 720) теменные кости называются: *τὰ κορυφες*.

³⁾ Galenus, *methodus medendi* l. VI, с. 6 (К. X, 453).

⁴⁾ Galenus, *De administr. anat.* l. VII, cc. 12, 13.

крови, онъ едва успѣлъ наложить лигатуры на вскрытые сосуды. Это разумѣется не помѣшало совершенной потерѣ движения и чувствительности въ оперированной конечности, и больной, взбѣшенный противъ своего хирурга, вездѣ и повсюду преслѣдовалъ его возгласомъ: „это ты мнѣ перерѣзалъ нервы!“ Съ своей стороны Галенъ прибавляетъ: „Мнѣ часто приходилось водить рукой хирурговъ, мало изощрившихся въ анатоміи, и тѣмъ спасти ихъ отъ публичнаго позора!“¹⁾

Изъ приведеннаго наблюденія вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что уже во времена Галена перевязка артерій практиковалась даже мало опытными хирургами, причемъ нелишне прибавить, что какъ у Галена, такъ и у другихъ современныхъ ему авторовъ сохранились многіе, не менѣе положительные и совершенно ясные тексты о перевязкѣ или скручиваніи артерій²⁾.

Повидимому болѣе всего данныхъ, сравнительно, сохранилось у Галена о *хирургіи въ области нервной системы*, гдѣ онъ упоминаетъ о *переломахъ черепа* (calvariae fracturae), вызывающихъ давленіе на мозгъ и его оболочки, желчную рвоту, глубокую спячку и анестезію и служащихъ показаніемъ для трепанациі. Одни изъ этихъ переломовъ доходятъ только до діуроё, другіе до внутренней пластинки. При этомъ Галенъ различаетъ двѣ формы переломовъ черепа:

... „quas recentiorum nonnulli medicorum eggisomata et camaroses nominant. Eggisomata quidem quae in medio sui membranae innituntur; camaromata vero, quae eandem ipsam partem exaltatam habent“³⁾.

При *раненіяхъ мозговыхъ оболочекъ* Архигеномъ съ пользою примѣнялась Calamintha, къ чему Галенъ присопокупляетъ слабительныя.

Раны мозга всегда опасны, при поврежденіи желудочковъ больной погибаетъ. Далѣе Галенъ описываетъ явленія сотрясенія мозга.

Спинной мозгъ часто страдаетъ отъ сжатія вслѣдствіе смѣщенія и вывиховъ позвонковъ, каковыя вывихи происходятъ отъ травматическихъ поврежденій или „сырыхъ туберкуловъ“ (φύματα ἀκρεπτα)⁴⁾, причемъ опасность тѣмъ меньше, чѣмъ меньше смѣщеніе, а явленія паралича тѣмъ рѣче и опаснѣе, чѣмъ выше смѣщеніе и чѣмъ больше захватывается нервныхъ корешковъ, въ особенности дыхательныхъ нервовъ⁵⁾.

Раны периферическихъ нервовъ легко ведутъ къ обморокамъ; при этомъ Галенъ различаетъ поперечныя и продольныя раны нервовъ, съ нарушеніемъ

¹⁾ Galenus, De administrationibus anatomicis, l. III, c. 1 и 9.

²⁾ Ср. Daremberg, Histoire des sciences médicales, I, 235.

³⁾ Galenus, Methodus medendi l. VI, c. 6. Ср. Albert, Beiträge zur Geschichte der Chirurgie, I, 69

⁴⁾ Galenus, De locis affectis l. IV, c. 6 (II, 600.)

⁵⁾ Ср. Falk, l. c., 48.

цѣлости кожи и безъ него, въ первомъ случаѣ слѣдуетъ примѣнять болѣе нѣжныя средства. Наконецъ Галенъ говоритъ о воспаленіяхъ, припухлостяхъ (отекахъ) и скиррахъ нервовъ ¹⁾. При этомъ онъ приводитъ также интересный случай излеченія больного съ поврежденіемъ нерва, съ которымъ не могло справиться искусство академическихъ врачей или „цеховыхъ ученыхъ“ (*iatroi kata tyn aulon*) ²⁾.

Весьма скудны сохранившіяся у Галена данныя о *болѣзняхъ зубовъ* ³⁾ и *глазъ* (мѣстопробываніе катаракты Галенъ полагаетъ отчасти въ humor aqueus, отчасти въ чечевицѣ) ⁴⁾ и еще скуднѣе у него изложено

Анушерство, которымъ онъ повидимому не занимался. Онъ говоритъ только вскользь о плотномъ закрытіи отверстія матки во время беременности и „удивительной ея способности расширяться во время родовъ, а также ему безспорно были извѣстны различныя *положенія младенца*:

„Прежде всего въ шейку матки входитъ головка младенца, пролагая такимъ образомъ путь прочимъ частямъ. Если младенецъ для выхода представляется въ *косомъ, поперечномъ* направленіи или во всю свою длину, что бываетъ рѣдко, ... или если ножка или ручка показывается раньше головки, тогда затрудненъ выходъ всѣмъ остальнымъ членамъ. Если на три или четыре неблагоприятныхъ положенія въ одномъ зародышѣ встрѣтитъ препятствіе къ выходу, то на четверста это будетъ въ ста случаяхъ, но это едва ли встрѣчается въ одномъ на тысячу случаевъ“ ⁵⁾.

Заключеніе. Выше уже неоднократно указывалось на то, что Галенъ имѣетъ множество сходныхъ чертъ съ Аристотелемъ. Но изъ всего предшествующаго изложенія вытекаетъ съ достаточной ясностью, что по отношенію къ исторіи нашей науки Галенъ далеко оставляетъ его за собой, такъ какъ онъ для медицины сдѣлалъ еще болѣе, чѣмъ Аристотель для естественныхъ наукъ вообще. Благодаря своему всеобъемлющему, универсальному образованію и эклектизму, основанному на преданіи, а также особенно благопріятному стеченію обстоятельствъ, онъ какъ бы самой судьбой былъ предназначенъ для того, чтобы сдѣлаться „абсолютнымъ монархомъ медицины“ вплоть до 17 столѣтія.

¹⁾ Ср. Falk, l. c. 48, 49.

²⁾ Galenus, De praenotione ad Epigen. (K. XIV, 625).

³⁾ Galenus, De composit. medicam. sec. loc. I, II, c. 4.

⁴⁾ Сочиненія его объ *офтальміахъ* всѣ погибли. Въ *De locis affectis* онъ распространяется болѣе о параличахъ отдѣльныхъ глазныхъ мышцъ и дифференціальной діагностики между первичными и симпатическими страданіями глубокихъ частей глаза: такъ перемежающееся видѣніе мушекъ безъ потемнѣнія въ зрачкѣ и одновременно въ обоихъ глазахъ есть признакъ симпатическаго заблѣванія глазъ отъ пораженія входа въ желудокъ или мозга, при катарактѣ же оно бываетъ постоянно и чаще только въ одномъ глазѣ. Первое Галенъ съ успѣхомъ лечилъ пилюлями изъ албесъ (священнымъ горькимъ средствомъ, *isra pikra*) и притомъ даже за глазнопописъ менни мъ просьбамъ изъ Иберіи, страны Кельтовъ, Азіи и Фракіи. При этомъ случаѣ узнаемъ, что хватаніемъ мушекъ (*caprophlogia, crocidismus*) вслѣдствіе сильнаго лихорадочнаго состоянія Галенъ самъ страдалъ въ молодости и излѣчился холодными обливаніями головы. *De locis affectis*, l. IV, c. 2 (II, 588—589).

⁵⁾ Galenus, De usu part., l. XV, c. 7 (II, 150).

Впродолженіе четырнадцати слишкомъ вѣковъ Аристотель и Галенъ были, по выраженію Guardia, почти единодержавными властелинами мысли и тиранами науки, имѣвшими гораздо болѣе могучее вліяніе на области философіи и медицины, чѣмъ имперія и папство на соответственныя имъ сферы. Это единственный въ исторіи примѣръ, представляющій къ тому же еще ту особенность, что оба они были первыми творцами науки, пользовавшимися даже *санкціей теологіи*. Одинъ изъ нихъ, несмотря на самой высшей пробы спекулятивный складъ ума, въ душѣ постоянно оставался эмпирикомъ, никогда не терявшимъ изъ подъ ногъ твердой почвы дѣйствительности. Другой, обладавшій многостороннимъ философскимъ образованіемъ, колоссальной ученостью и громадными познаніями не только въ медицинѣ, но и въ математикѣ и механикѣ, не могъ идти противъ своей природы, то увлекавшей его къ гипотезѣ, то приводившей его опять къ дѣйствительности. Этотъ удивительно гибкій и плодотворный умъ, съ его склонностью къ догматизму и контроверсіи, съ его богатымъ воображеніемъ и мощной діалектикой, былъ бы одинаково способенъ основать философскую школу или сдѣлаться гностикомъ и мистикомъ, еслибы его не удерживала прочная позитивная подкладка, благодаря положительному знанію, приобрѣтенному путемъ наблюденія и опыта и многочисленными путешествіями ¹⁾.

Хотя значеніе Галена въ исторіи знанія вообще и медицины въ особенности достаточно выяснено выше, все же въ концѣ этого, признаемся, далеко неполнаго очерка будетъ лишне подвести итогъ его заслугамъ.

Во-первыхъ, *энциклопедія* Галена представляетъ одну изъ самыхъ богатыхъ сокровищницъ греческаго языка. Онъ, можно сказать, почти такой же универсальный греческій писатель, какъ и Аристотель, которому онъ родственъ по утонченности, хотя и не по глубинѣ ума. Но при всей врожденной его склонности къ діалектикѣ онъ никогда однако не теряется въ этомъ лабиринтѣ классификацій, дѣлений, подраздѣленій и анализовъ безъ конца.

Во-вторыхъ, онъ былъ грандіозный *собиратель* и *ученый*, можно сказать, самый *полный историкъ* греческой, александрійской и римской медицины. Безъ этого необъятнаго моря фактовъ, замѣтокъ и доктринъ, исторія древней медицины была бы невозможна, ибо Цельсъ, въ своемъ краткомъ компендіи, не могъ входить въ детали и подвергнуть подробному критическому анализу мнѣнія предшественниковъ. Виѣсть съ тѣмъ, завершивъ собою, съ одной стороны, исторію древней медицины, Галенъ, съ другой, сдѣлался ея единственнымъ законодателемъ и во все продолженіе слѣдующаго за нимъ періода

¹⁾ Ср. Guardia, Histoire de la médecine, Paris, 1884, pp. 264—266.

исторіи медицины, ибо послѣ него, втеченіе всего средневѣковья и даже позднѣе, не возникло ни одной новой медицинской школы, а всѣ до того существовавшія онъ похоронилъ или, вѣрнѣе, поглотилъ и растворилъ въ своемъ *догматизмѣ*, воздвигнутомъ съ необычайнымъ искусствомъ, хотя и при помощи заимствованнаго матеріала и подъ знаменемъ Гиппократата.

Въ-третьихъ, онъ былъ первый самостоятельный научный изслѣдователь.

Въ *анатоміи* онъ хотя довольно нерѣдко отъ животныхъ заключаетъ о человѣкѣ, но онъ несомнѣнно вскрывалъ и человѣческіе трупы и первый описалъ и наименовалъ кости, мускулы, нервы и сосуды, до него неизвѣстные, а относительно извѣстныхъ исправилъ множество ошибокъ.

Въ *физиологіи* онъ, правда, допускаетъ въ живыхъ организмахъ три основныя силы: душевную въ мозгу, черезъ нервы заправляющую животными отправленіями (мышленіе, чувствительность и произвольныя движенія), жизненную въ сердцѣ, черезъ артеріи поддерживающую жизненные процессы (страсти, животная теплота, артеріальный пульсъ) и физическую въ печени, посредствомъ венъ завѣдывающую естественными или растительными процессами (питаніе въ обширномъ смыслѣ). Но зато въ *частной физиологіи* онъ первый обосновалъ научную экспериментальную, далѣе физиологію голоса, мышечную, нервную, а также физиологію кровеносной системы, причеъ въ мышечной вѣрно оцѣнилъ различіе между тонической и зависящей отъ нервовъ сократительностью мышцъ, нервную создалъ цѣликомъ на основаніи многочисленныхъ опытовъ и наблюденій, а въ послѣдней былъ только на шагъ отъ великаго открытія кровообращенія, котораго не сдѣлалъ лишь вслѣдствіе слишкомъ преувеличеннаго значенія, придаваемого имъ печени и мѣшавшаго ему видѣть, что дѣлается въ легкихъ и сердцѣ.

Галену присвоиваютъ проблески понятій о химическомъ соединеніи и газахъ пламени, но если это и преувеличено, то съ другой стороны ему нельзя отказать въ извѣстной интуиціи относительно многихъ вопросовъ физиологіи, какъ видно изъ предыдущаго, наир. относительно притягательной силы, приписываемой имъ ткани почекъ, на которая уже Галенъ смотрѣлъ не какъ на простыя фильтры, что совпадаетъ съ новѣйшей теоріей (Haidenhain) о сродствѣ эпителія извитыхъ мочевыхъ канальцевъ къ извѣстнымъ веществамъ (мочевина и проч.), которыя онъ извлекаетъ изъ крови.

Въ *общей патологіи* онъ преобразовалъ ученіе о теченіи болѣзней. Что касается симптоматологіи, то, за исключеніемъ ученія о пульсѣ, она у Галена вообще мало подвинулась впередъ, прогностика же его также ничѣмъ не отличается отъ Гиппократовской (а потому и не вошла въ этотъ очеркъ).

Въ *частной патологии* онъ, правда, ввелъ дифференціальную діагностику по мѣсту страданія (*De locis affectis*), но весьма мало сдѣлалъ прибавленій къ накопленному до него матеріалу, только картины нѣкоторыхъ болѣзней получили у него большую опредѣленность, благодаря болѣе тонкому анализу отдѣльныхъ явленій. Сюда относятся описанія чахотки и, воспаленія легкихъ и плевры, подагры, ревматизма, перемежающихся лихорадокъ, различныхъ видовъ судорогъ и другихъ нервныхъ болѣзней. Что касается *казуистики*, то она у него довольно скудна, по крайней мѣрѣ бѣднѣе, чѣмъ у Гиппократа.

Въ *терапии* Галенъ, правда, любилъ повидимому прописывать много лекарствъ, число коихъ, и безъ того огромное, онъ значительно увеличилъ. Но не смотря на это пристрастіе къ полиформациі, въ практикѣ его правила для леченія чрезвычайно просты, хотя и связаны тѣсно съ его гуморальной патологіей. Все искусство врача по Галену—въ томъ, чтобы поддерживать равновѣсіе между влагами организма и возстановлять ихъ нормальныя пропорціональныя отношенія при ихъ недостаткѣ или избыткѣ. Отсюда—щедрое примѣненіе кровопусканій, слабительныхъ, рвотныхъ. Зато находимъ у него значительный шагъ впередъ въ развитіи ученія о *показаніяхъ* и *противопоказаніяхъ* по отношенію къ предупрежденію, характеру, типу, періоду, причинамъ, а также явленіямъ болѣзни на основаніи имъ же усовершенствованной діагностики,—далѣе по отношенію къ индивидуальности, силамъ и вѣвшимъ условіямъ больного, наконецъ къ природѣ заболѣвшихъ органовъ. Онъ, согласно этому, установилъ превосходныя правила для кровопусканий, употребленія опія и пр., въ особенности же для *иницическаго* и діететическаго содержанія больного.

Весьма любопытную черту въ исторіи развитія системы Галена составляетъ генетическая связь его міросозерцанія со взглядами современной ему методической школы, противъ которой онъ выступилъ съ такою яростью,—связь, какъ нельзя удачнѣе выясненную Guardia. Какъ первоклассный и притомъ первый анатомъ и фізіологъ, Галенъ, по выраженію Guardia, „отъ поэтическихъ измышленій *Тимея* просто возвращается къ истинѣ и въ маленькомъ трактатѣ (*Quod animi mores temperamenta sequantur*) устанавливаетъ самымъ точнымъ образомъ взаимныя отношенія физической и нравственной природы человѣка и, какъ убѣжденный врачъ, пытается возстановить право медицины на познаніе всего человѣка. Задолго до современной намъ школы *психо-фізіологіи* уже Галенъ съ необыкновенной проникательностью старался предупредить прискорбное искусственное раздѣленіе этихъ двухъ, въ сущности нераздѣльныхъ и неразрывно связанныхъ отъ природы, элементовъ, ибо нельзя разрѣзать человѣка пополамъ и одну половину предоставить врачу, а другую философу. Философія отнюдь не заключается въ томъ, чтобы презирать плоть и третировать тѣло, словно ненужную ветошь. Гигіена, подобно анатоміи и фізіологіи, тѣсно связана съ органами, нравственность же непосредственно вытекаетъ изъ гигиены, а не изъ метафизики. Эта связь отлично сознавалась Галеномъ, ибо въ сущности метафизика обни-

маетъ лишь все то, что слѣдуетъ непосредственно за предѣлами физическихъ явленій, и Аристотель не безъ основанія далъ это названіе своему обширному трактату, ибо только, пройдя черезъ конкретное и частное, можно подняться до общаго и отвлеченнаго. Галенъ, правда, умножилъ въ своей системѣ число сущностей (ens), давая имъ наименованія, точно реальнымъ существамъ. Сюда относятся множество принимаемыхъ имъ естественныхъ силъ, а также его „духи“ (spiritus) — жизненный въ сердцѣ, физическій въ печени и душевный въ мозгу. Въ защиту Галена можно привести лишь то, что вопреки своимъ метафизическимъ тенденціямъ онъ одинъ изъ первыхъ пытался локализовать высшія отправленія въ мозгу, указавъ на его желудочки какъ на мѣсто пребываніе умственныхъ способностей. Не смотря на свой *гуморизмъ*, онъ отлично видѣлъ, что нельзя мыслить безъ мозга. По Галену, мозгъ есть мѣстопребываніе разума и воли и, вмѣстѣ съ сердцемъ и печенью, образуетъ жизненный треножникъ. Въ безтѣлесную же, нематериальную, бессмертную душу Галенъ не вѣрилъ.“

„Этотъ удивительный трактатъ, въ которомъ онъ изложилъ свое научное profession de foi, въ сущности представляетъ лишь подтвержденіе научныхъ началъ Гиппократата и Аристотеля и безпощадную, презрительно-ироническую критику гипотезъ Платоновскаго *Тимея*, изъ коего, какъ благоразумный эклектикъ, Галенъ удержалъ лишь мѣста, удобныя для его теоріи, состоящей въ томъ, чтобы доказать непосредственную зависимость нравственной отъ физической природы человѣка. Въ глазахъ Галена человѣкъ, какъ чувствующее, мыслящее и хотящее существо, положительно и всецѣло зависитъ отъ своего темперамента и внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ образующихъ его тѣло органовъ и отъ окружающей его среды, въ которой онъ родился и живетъ. Другими словами, человѣкъ есть цѣльный, отлитый какъ бы изъ одного куска, организмъ и, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, только имъ и слѣдуя ему и живетъ, болѣе или менѣе приспособляясь къ внѣшнимъ дѣятелямъ и реагируя на нихъ сообразно съ своей природой. Жизнь — одна на всѣхъ ступеняхъ жизненной лѣстницы, болѣе или менѣе совершенная, болѣе или менѣе сложная, но абсолютно одна. Дуализмъ совершенно изгнанъ изъ этой крайне простой системы. Это весьма ясное и точное profession de foi сложилось у него не только подъ влияніемъ Аристотеля, но и ожесточенной полемики противъ *методической школы*, отъ которой онъ однако сдѣлалъ немало позаимствованій.“

„Онъ заигрывалъ съ Платономъ, обожалъ Гиппократата, уважалъ Аристотеля, но больше всего боялся могущественной методической школы, процвѣтавшей въ Римѣ какъ разъ въ то время, когда

туда явился Галенъ. Онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ противопоставить Асклепіаду Гиппократу, но, выставивъ себя защитникомъ и истолкователемъ гиппократизма, въ который вдохнулъ новую жизнь и юность, онъ въ то же время многимъ попользовался у школы своихъ противниковъ и по своему обыкновенію взялъ, что могъ. Можно даже, не опасаясь ошибки, сказать, что Галенъ у методической школы заимствовалъ всю свою положительную и фізіологическую психологию и еслибы уцѣлѣли сочиненія основателя этой школы, то было бы нетрудно убѣдиться, что эти позаимствованія близко граничили съ плагиатомъ¹⁾.

Какъ ни суровъ этотъ приговоръ *Guardia*, въ немъ заключается однако извѣстная доля истины. Достаточно вспомнить между прочимъ значительную роль, отведенную въ *классификаціи болѣзней* Галена заболѣваніямъ отъ сокращенія и расслабленія тканей.

И въ области *терапии* вліяніе методической школы на Галена не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Методъ этой школы, какъ мы видѣли выше, состоялъ въ томъ, чтобы не только пользоваться каждою болѣзнью согласно съ ея свойствами (при сокращеніи — расслаблять, при расслабленіи — сокращать), но и считаться со всѣмъ, что въ ней есть особеннаго и общаго, другими словами, имѣть въ виду патологическія измѣненія, зависящія не только отъ индивидуальности, но и отъ окружающей больного среды. А такъ какъ природа, дѣлая добро, немало творитъ и зла, то Асклепіадъ, въ разрѣзъ съ Гиппократомъ, считалъ недостойной врача роль пассивнаго наблюдателя и требовалъ отъ него разумнаго вмѣшательства. Широкое примѣненіе въ этой терапіи находили восстанавливающій методъ и въ особенности гигиена, къ лекарствамъ же прибѣгали въ весьма ограниченномъ количествѣ, дабы не вводить въ тѣло вредныхъ веществъ. Гигиена въ примѣненіи къ терапевтикѣ — вотъ сущность ученія Асклепіада относительно леченія болѣзней: регулированіе діеты, разумное употребленіе вина, теплой, холодной воды, ваннъ, душей, втираній, словомъ вся гидротерапія, были могущественными орудіями въ рукахъ методистовъ. Неудивительно, что эти солидныя основанія, на которыхъ утвердилась репутація методической школы, внушала Галену уваженіе. Онъ понялъ, что послѣ революціи, совершенной Асклепіадомъ, самое удобное было призвать на помощь преданіе и прикрыться именемъ Гиппократу. Въ сущности же этотъ эклектикъ, отличавшійся неистощимымъ запасомъ познаній во всѣхъ областяхъ науки, не признавалъ себя

¹⁾ Тамъ же, 267—272, въ различныхъ мѣстахъ.

приверженцемъ исключительно ни одной изъ существовавшихъ школъ: хотя какъ врачъ онъ обнаруживалъ особенное тяготѣніе къ школѣ *перипатетиковъ*, тѣмъ не менѣе, какъ практикъ, онъ не могъ обойти безъ щедрыхъ позаимствованій у методической школы, порицаемой имъ на каждомъ шагѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Вотъ почему и въ трактатѣ „*Quod animi mores,*“ гдѣ онъ такъ часто ссылается на авторитетъ Гиппократъ и Платона, Галенъ въ сущности вполне согласенъ съ Асклепиадомъ, если не по отношенію къ медицинскимъ теоріямъ, то по крайней мѣрѣ по отношенію къ философскому догмату. Значительная часть сочиненій Галена, въ особенности гигиеническія, носятъ рѣзкій отпечатокъ основныхъ ученій методистовъ. Гигіена становится подъ его перомъ энциклопедіей физическаго воспитанія и основаніемъ педагогики, а умственная гигиена—условіемъ хорошаго обученія. Въ его системѣ—воспитаніе, задача коего—воздѣйствовать на нравы, не можетъ обойтись безъ воздѣйствія на страсти, представляющія совокупную систему жизни аффектовъ ¹⁾.

Что касается пристрастія Галена къ гипотезамъ и систематизированію и подчасъ слишкомъ смѣлаго полета не въ мѣру разыгрывающейся у него фантазіи, то эти недостатки нисколько не мѣшали его правильнымъ и совершенно вѣрнымъ сужденіямъ, когда онъ не бывалъ ослѣпленъ школьными предразсудками, и вполне выкупались его постояннымъ стремленіемъ къ истинѣ, сказывающимся весьма ясно въ тысячахъ мѣстъ его многочисленныхъ сочиненій.

По мнѣнію Наебергъ, Галенъ былъ болѣе гениальный ученый и потому рожденъ болѣе сдѣлаться учителемъ, чѣмъ практикомъ, и въ этомъ онъ видитъ существенное его отличіе отъ Гиппократъ: у Гиппократъ творчество въ медицинѣ, по его мнѣнію, сводилось къ практическому ея примѣненію и осуществленію, у Галена же самостоятельное творчество проявлялось единственно въ теоретическихъ областяхъ медицины и все его знаніе и мышленіе сводилось къ теоретическому ея пониманію.

Мы однако видѣли выше, что Гиппократъ обосновалъ медицину и какъ науку и какъ искусство. Поэтому, намъ кажется, будетъ вѣрнѣе и ближе къ истинѣ, въ концѣ концовъ, признать, что если у Гиппократъ рельефнѣе выступаетъ практически-художественная сторона медицины или медицина какъ искусство, то у Галена обѣ стороны медицины, и *научно-теоретическая* и *практическая*, дошли до высшаго своего разцвѣта и болѣе или менѣе полнаго сліянія, такъ какъ всѣ собственно научныя изслѣдованія Галена несомнѣнно имѣли своимъ конечнымъ резуль-

¹⁾ Тамъ же, 276.

татомъ чисто-практическую пользу и внесенеіе большей сознательности въ практику медицинскаго искусства, большей осмысленности въ дѣятельность врача у постели больного. Тѣ, что Гиппократъ создалъ въ силу своего художественнаго чутья и пониманія природы, Галенъ стремился познать и возвести въ науку путемъ теоретическаго знанія, большею частью выведеннаго изъ вѣскихъ и впервые имъ возвышенныхъ ученому міру фактовъ и наблюденій. Предпринятый имъ трудъ—по истинѣ гигантскій, и онъ блистательнѣйшимъ образомъ выполнилъ свою задачу—завершить древнюю медицину, придавъ ей не только окончательную самостоятельную форму, какъ наукѣ, но и возможно полную художественную округленность и законченность, какъ практическому искусству.

Медицина Галена есть вѣнецъ зданія древней медицины, фундаментъ которой заложенъ Гиппократомъ. Въ нихъ обоихъ рѣзко отпечатлѣлся древне-греческій геній, задача коего состояла въ томъ, чтобы вылить медицину и ея преданіе въ прочныя формы и завѣщать ее грядущимъ поколѣніямъ, вмѣстѣ съ другими науками и искусствами, въ видѣ вполне готоваго и стройнаго цѣлага.

Врачи эклектической школы во время и послѣ Галена.

Marcellus изъ Sida (138 п. Р. X.) написалъ сочиненія о медицинѣ въ гекзаметрахъ, изъ коихъ сохранились поэмы о *лекарственныхъ средствахъ изъ царства рыбъ* и о „*ликантропії*“ или эпидемической психической болѣзни, которая, вѣроятно вслѣдствіе слишкомъ большого напряженія фантазіи, доходившей до умопомѣшательства, заставляла больныхъ посѣщать ночью могилы, гдѣ они подражали волчьему вою, воображала себя волками. Болѣзнь эта проявлялась ежегодно въ февралѣ и мартѣ ¹⁾).

Magnus изъ Ephesus ²⁾ (около 150 п. Р. X.), ученикъ Архигена, во времена Галена архіатръ при римскомъ дворѣ, объяснялъ пульсъ приливомъ и отливомъ крови въ сосудахъ, а мѣстопробываніе водобоязни полагалъ въ желудкѣ и діафрагмѣ ³⁾. Кромѣ того онъ оставилъ „*Исторію изобрѣтеній послѣ Themison'a*“, отъ которой, къ сожалѣнію, сохранилось одно только названіе ⁴⁾).

¹⁾ Oribas. Synopsis, l. VIII, c. 10. Aëtius, Tetrab. II, s. 2, c. 11. Suidas, voc. Μάρκελλος.

²⁾ Cael. Aurelianus, *Acut.* l. III, c. 14.

³⁾ Galenus, De theriaca, l. I, c. 12, De differ. puls. l. III, c. 1.

⁴⁾ Тамъ же.

Врачей съ этимъ именемъ было въ древности нѣсколько: *Magnum* изъ Александрии, софистъ и авторъ сочиненія о *мочи*; *Magnum* изъ Ефеза (въ 5 в. по Р. X.), авторъ большей части подложнаго сочиненія Галена *De urinis*, и еще одинъ *Magnum* изъ Александрии во времена Магомета, одинъ изъ александрийскихъ редакторовъ Галена (Ср. *Naeser*, I, 388).

Leonides изъ Александрии (200 п. Р. X.). Галенъ о немъ не говоритъ, но онъ упоминаетъ о Галенѣ. Онъ извѣстенъ подь именемъ „эписинтетика“ и какъ хирургъ, ампутировавшій члены и ракъ грудныхъ железъ ножомъ и раскаленнымъ желѣзомъ, каковыя способы употреблялъ и при операціи эмпіемы.

Для наименьшей потери крови при ампутаціи онъ совѣтуетъ: разрѣзъ, безъ перевязки сосудовъ, вести въ разныя времена операціи; „сначала раздѣлять мягкія части на одной сторонѣ, затѣмъ перепиливать кость, послѣ чего уже окончательно перерѣзать все остальное, для остановленія же крови прибѣгать къ раскаленному желѣзу“¹⁾.

Иначе въ новѣйшее время, для достиженія той же цѣли, поступалъ Шимановскій (въ Кіевѣ): сначала перевязывалъ сосуды, а затѣмъ уже перепиливалъ кость.

При *Hydrocele* *Leonides* сначала примѣнялъ прижиганіе, а потомъ разрѣзъ, при *anasarca* производилъ насѣчки, при головной водянкѣ, въ которой не различалъ ни острой ни хронической формы²⁾, совѣтовалъ проколъ (!) и первый производилъ грыжи отъ растяженія брюшины. Фистулы, особенно заднепроходныя, онъ оперировалъ пуговчатымъ ножомъ (*syngotom*). Далѣе онъ упоминаетъ о бородавкахъ и разращеніяхъ, для устраненія коихъ прибѣгалъ къ раскаленному желѣзу. Наконецъ онъ былъ самый значительный сифилидологъ древности, описавшій „язвы съ каллезными краями,“ хотя еще не употреблялъ для нихъ ходячихъ нынѣ названій и не былъ знакомъ съ общимъ заболѣваніемъ отъ сифилиса, сдѣлавшимся предметомъ наблюденій гораздо позднѣе³⁾.

Alexander изъ *Aphrodisias* въ Каріи (вначалѣ 3 вѣка по Р. X.) любимецъ Септимія Севера, извѣстенъ подь названіемъ „эксегета,“ за его толкованія Аристотеля, наравнѣ съ коимъ ставилъ Галенъ⁴⁾. Онъ сначала жилъ въ Афинахъ, а потомъ въ Александрии и оставилъ сочиненія „*О михораджѣ*“ (*περί πυρετών*) и „*Медицинскіе вопросы и физическія проблемы*“ (*ιατρικῶν ἀπορημάτων καὶ φυσικῶν προβλημάτων βιβλία β'*)⁵⁾, изъ коихъ въ первомъ отразился гуморизмъ, а во второмъ электизмъ Галена, ибо здѣсь рѣчь идетъ о плотныхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ составныхъ

¹⁾ *Paul. Aegineta*, I, VI, с. 84. ²⁾ *Aëtius*, *Tetrabiblos*, II, с. 2.

³⁾ Ср. *Sprengel*, II, 126; *Hecker*, I, 464, II, 100.

⁴⁾ *Alexand. Aphrodis. Topicorum* VIII, 2 (*de responsione*). Ср. *Naeser*, I, 385.

⁵⁾ Оба у *Ideler*, *Phys. et med. graeci minor.* (I, 1—80 и 81 и слѣд.), а первое на греч. и лат. ed. *Rassow*, *Vratisl.* 1822. Ср. *Choulant*, 120 и *Naeser*, I, с. 387.

частяхъ живыхъ организмовъ, а также о ζωτικῆ и φυσικῆ δύναμις Галена,— наконецъ сочиненіе „*O судьба*“ (περὶ εἰμαρμένης), предназначенное для убѣжденія Септимія Севера въ ничтожности астрологіи ¹⁾).

Theon изъ Александріи (въ концѣ 4 в. по Р. X.), архіатръ, жившій въ Галліи, авторъ сочиненія „*Ἀνθρῶπος*“, въ которомъ самое главное мѣсто отведено терапіи и рецептурѣ ²⁾). Но болѣе всѣхъ изъ числа этихъ врачей заслуживаетъ вниманія

Antyllus (330 по Р. X.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ древности. Онъ оставилъ большое сочиненіе, обнимавшее всю медицину, изъ коего сохранились только отрывки у Орибазія.

Изданія: Nicolaides, Antylli, veteris chirurgi, τὰ λαίψανα (auct. Sprengel, Hal. 1799).

Bussemaker, Diss. exhib. I. XLIV collectaneorum medicinalium Oribasii, Groning. 1835. (Обработано по Mai: Das 44, 45 u. 50 Buch d. Oribasius въ Classic. auct. t. IV).

Wolz, Antylli veteris chirurgi quae apud Oribasium I. XLIV, XLV et L leguntur fragmenta. Diss. inaug. Jen. 1842.

Lewy, Auszüge aus einer handschriftlichen Sammlung der Fragmente des Antyllus, Philagrius und Posseidonius, обнаруженныхъ Landsberg въ Janus Henschel'а, II. 1847.

Daremberg, Oeuvres d'Oribase. Paris, 1856 ³⁾).

Эти отрывки отчасти *мигическаго*, отчасти *хирургическаго* содержанія.

Въ *мигическомъ* отдѣлѣ Antyllus, подобно методикамъ, придавалъ значеніе вліанію на тѣло жилищъ, вѣтровъ, различной степени теплоты воздуха, мѣстопребыванію больного въ гористыхъ мѣстностяхъ, ваннамъ, въ томъ числѣ песочнымъ и воздушнымъ, пѣнію, декламаціи, тѣлдвиженіямъ, играмъ и гимнастическимъ упражненіямъ, и вмѣстѣ съ діететическими правилами даетъ наставленія о приготовленіи пластырей, мазей и проч. ⁴⁾).

Въ *хирургическомъ* отдѣлѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе описаніе *операциі извлеченія катаракты* (рядомъ съ низдавленіемъ), каковой способъ, т. е. извлеченіе, по его мнѣнію, изъстенъ только при маленькихъ (subtilis) катарактахъ, такъ какъ при операциі большихъ по этому способу вся стекловидная влага можетъ вытекать изъ глаза ⁵⁾. Кромѣ того Антиллъ упоминаетъ еще о *высасываніи* катаракты. По словамъ Rhazes'а (въ 10 в. по Р. X.), нѣкто Lathyrion, вообще неизвѣстный врачъ, также извлеченію отдавалъ предпочтеніе передъ низдавленіемъ ⁶⁾).

¹⁾ Тамъ же и Nourisson, Essai sur Alexandre d'Aphrodisias, suivi du traité du Destin et du Libre pouvoir, aux Empereurs. Paris (Didier.) 1870.

²⁾ Ср. Hecker, I. c. II, 51. ³⁾ Ср. Haeser, II, 389 и Choulant, 121.

⁴⁾ Oribasii Collectio, I. IX, c. 11, l. VI, cc. 1, 5, 6, 7, 36, l. VIII, c. 5, l. X, c. 3. Ср. Sprengel, II, 124. ⁵⁾ Rhazes, Liber Helchani, i. e. continens artem medicinae et dicta praedecessorum etc., I. II, c. 3. Venet., 1506. Fol 41b. ⁶⁾ Тамъ же, 40b.

При операціи низдавленія Antyllus совѣтуетъ обмотать катарактную иглу ниткой, дабы она не проникла дальше, чѣмъ на длину ячменнаго зерна, самую же операцію предпринимать только тогда, когда нѣтъ сращеній съ радужной оболочкой и цвѣтъ катаракты свинцовый или желѣзный, но отнюдь не похожій на гипсъ или свѣжно-бѣлый ¹⁾.

Но наибольшую славу онъ снискалъ себѣ операціей аневризмъ, и понынь известной подъ именемъ Антиллава способа (перевязка выше и ниже и затѣмъ вскрытіе аневризматическаго мѣшка):

„Есть два вида аневризмъ. Одинъ происходитъ отъ мѣстнаго расширенія артерій (ἀνευρυσμῆσις, отсюда названіе аневризма). Другой происходитъ оттого, что артерія разрывается и кровь изливается въ окружающія мягкія части (σάρξ). Аневризматическія опухоли, происходящія отъ расширенія, имѣютъ болѣе продолговатую форму, а происходящія отъ разрыва—болѣе круглую. Аневризма, произшедшая отъ растяженія артерій, покрыта болѣе толстымъ слоемъ мягкихъ частей [лежитъ глубже]. Въ аневризмахъ, произшедшихъ отъ разрыва, при давленіи пальцемъ ощущается шорохъ (ψόφος), чего не бываетъ при другомъ видѣ. Глупо отказываться отъ леченія всякой аневризмы, каково было правило древнихъ хирурговъ. Но столь же опасно оперировать каждую аневризму. Такъ мы отказываемся отъ операціи аневризмъ въ подкрыльцовой впадинѣ, въ области лодыжъ и на шеѣ, по причинѣ большихъ сосудовъ, а также невозможности ихъ изолированія (ἐκλήψις) и перевязки (ἀποφροσισις). Далѣе мы отказываемся отъ слишкомъ большихъ аневризмъ, хотя бы и на другихъ мѣстахъ тѣла. Но тѣ, которыя находятся на концахъ конечностей (ἐν τοῖς ἄκροις), на членахъ (κάλοις) и на головѣ [на вискахъ послѣ артеріотоміи ?], мы оперируемъ слѣдующимъ образомъ:

„Если передъ нами аневризма вслѣдствіе расширенія (a. varum), то проводимъ продольный, прямолинейный разрѣзъ вдоль сосуда. Раздвигая затѣмъ края раны крючками, мы осторожно раздѣляемъ всѣ перепонки между кожей и артеріей, находящуюся же возлѣ артерій вену мы отодвигаемъ въ сторону тупыми крючками, обнажая въ тоже время во всѣхъ направленіяхъ расширенный отдѣлъ артерій. Подложивъ затѣмъ подъ обнаженный кусокъ артерій пуговую зонда (πορῆνα μήλης), мы приподнимаемъ опухоль при помощи снабженнаго двѣной ниткой зонда и притомъ такъ, чтобы нитка помѣщалась подъ артеріей; тогда ножницами разрываемъ нитки у верхушки иглы, черезъ что получаютъ двѣ [отдѣльных] нитки и четыре конца нитокъ. Захвативъ затѣмъ два изъ этихъ концовъ, осторожно потягиваемъ ихъ къ одному изъ концовъ аневризмы и тамъ тщательно завязываемъ. Такимъ же образомъ проводимъ и другую нитку къ противоположному концу аневризмы и завязываемъ ее точно также, черезъ что вся аневризма очутится между обѣими лигатурами. Тогда маленькимъ разрѣзомъ вскрываемъ аневризму посрединѣ опухоли и такимъ образомъ совершенно опорожняется ея содержимое, безъ малѣйшей опасности кровотеченія ²⁾. Тѣ, которыя, подобно намъ, хотя и перевязываютъ артерію по обѣ стороны, но впрѣзываютъ средней кусокъ аневризмы, выбираютъ опасный образъ дѣйствій, ибо отъ сильнаго напора и напряженія Pneuma лигатуры часто соскальзываютъ (ἐκλύεται, въ буквальномъ значеніи: „сплываюцца“).“

„Если аневризма произошла отъ разрыва, то необходимо стараться захватить какъ можно больше опухоли вмѣстѣ съ кожей, затѣмъ съ помощію иглы провести подъ при-

¹⁾ Тамъ же, 40b. Ср. Neeser, II, 60, 61.

²⁾ Antyllus повидимому упустилъ изъ виду опасность отъ отверстій сосудовъ, открывающихся въ аневризму на противоположной стѣнкѣ. Ср. Naeser, II, 515.

поднятую опухоль льняную нитку или кишечную струну (*νεύρα*), послѣ чего разрѣзать нитку близъ уха иглы такъ, чтобы образовались двѣ нитки. Тогда одну нитку захватываютъ за оба конца, перетягиваютъ ихъ вправо и крѣпко завязываютъ, дабы не соскользнули; точно также концы другой нитки проводятся на лѣвую сторону. Если возникаетъ опасеніе, чтобы нитки не соскользнули, то на томъ же мѣстѣ проводятъ [подъ опухоль] другую иглу (такъ чтобы она перекрещивалась въ первой на подобіе X), также снабженную двойною ниткой, которую разрѣзываютъ ножницами и завязываютъ какъ прежнія, такъ что лигатура оказывается состоящей изъ 4 нитокъ. Тогда опухоль вскрываютъ на самой выдающейся точкѣ и, удаливъ изъ нея содержимое, срѣзываютъ лишнюю кожу, сохранявъ части, лежащія между нитками. Ибо операція производится безъ малѣйшаго кровотечения“ ¹⁾.

Въ области *малой хирургіи* Antyllus совѣтовалъ при примѣненіи пъявокъ, послѣ того какъ онѣ насосались, отрѣзывать заднюю часть (*Bdellotomia* новѣйшихъ), дабы высасывали больше крови ²⁾. Весьма точно Antyllus описываетъ способы примѣненія кровопусканія, кровососныхъ банокъ, насѣчекъ, артеріотоміи ³⁾, подкожнаго перерѣзыванія сочленовныхъ связокъ при неподвижности составовъ и разрѣзваніе уздечки языка при разстройствахъ рѣчи вслѣдствіе *ankyloglosson* ⁴⁾.

При операціи *Phimosi* онъ производилъ перерѣзваніе внутренняго листка безъ поврежденія кожи ⁵⁾. Далѣе послѣ Асклепіада онъ одинъ изъ немногихъ производилъ *трахеотомию* ⁶⁾.

При *Hydrocephalus acutus* онъ различаетъ три формы: накопленіе жидкости между кожей и надчерепной плевою, между послѣднею и черепомъ и между черепомъ и мозговыми оболочками, присутствіе же ея между мозговыми оболочками (и въ желудочкахъ) онъ отрицаетъ ⁷⁾. Интересенъ еще предложенный Antyllus'омъ аппаратъ для окуриванія при *большахъ* матки, состоящій изъ горшка и опрокинутого деревяннаго кубка съ прикрѣпленной къ нему трубкой для проведенія паровъ во влагалище,—методъ, напоминающій таковой же въ талмудической медицинѣ, для константированія невинности (?) ⁸⁾. Наконецъ ему были извѣстны доброкачественные и злокачественные (сифилитическіе?) кондиломы, лечившіеся вырѣзываніемъ и присыпкой порошкомъ квасцовъ и галлусовыхъ орѣшковъ ⁹⁾.

Theodotus Severus (въ концѣ 3 или началѣ 4 вѣка) былъ также отличный офтальмологъ, производившій *извлеченіе катаракты*. Онъ былъ знакомъ съ пластинчатымъ или слоистымъ (*κτηδόνες*) строеніемъ *роговой*

¹⁾ Antyllus, въ Oeuvres d'Oribase, l. XLV, c. 24 (ed. Daremberg, IV, 52).

²⁾ Oribasii Collect., l. VII, c. 21. ³⁾ Тамъ же, l. VII, cc. 7, 9—12, 14, 16, 18.

⁴⁾ Тамъ же, l. XLV, c. 16 (ed. Daremberg, IV, 25).

⁵⁾ Тамъ же, l. L, c. 5 (ed. Daremberg, IV, 466).

⁶⁾ Paulus Aeginet. l. VI, c. 33, Rhazes, l. III, c. 7. Fol. 68.

⁷⁾ Nicetas, Collect. chirurg. veter. c. 79. Cp. Hecker, II, 62.

⁸⁾ Тамъ же, 66 и Oribas. Collect. l. X, c. 19—36. ⁹⁾ Cp. Haeser, II, 510.

оболочки и образованіемъ *δύχλιον* между ея пластинками, въ отличіе отъ *ὀπίσθιον*, причеиъ описываетъ *phlyctenulae* и разрывъ роговицы съ выпаденіемъ радужной оболочки ¹⁾. Далѣе онъ описываетъ измѣненія соединительной оболочки глазъ (*ἐπιπεφύκως*) при господствовавшихъ въ его время заразныхъ *бленнорреяхъ* и *трахомахъ* (*δαρύματα, τραχώματα, σικώσις, τώλωσις*), изъ коихъ при послѣднихъ совѣтовалъ *periscythismus* ²⁾, т. е. полукруглое разрѣзываніе кожи головы, вплоть до кости, отъ одного до другаго вѣка ³⁾, и *angio log ia* (*ἀγγειολογία*), т. е. двойное обкалываніе глазной вены и затѣиъ перерѣзываніе ея между лигатурами, стягиваемыми послѣ достаточнаго кровоточенія ⁴⁾. Первая операція практиковалась имъ также для предупрежденія глазныхъ болѣзней, чему должно было содѣйствовать продолжительное нагноеніе раны. Черезъ такое же нагноеніе противъ глазныхъ болѣзней долженъ былъ дѣйствовать *hypo spath this mus* (отъ *hypospathister, spathomela*, шпательобразный инструментъ), состоявшій въ проведеніи трехъ продольныхъ разрѣзовъ черезъ кожу дба и въ прижиганіи висковъ мѣсами ⁵⁾. *Staphyloma* роговой оболочки (*στῆλον, clavus*), по его мнѣнію, происходитъ отъ язвъ послѣдней, осложненныхъ выпаденіемъ радужной оболочки, излечивается же оно двойными перекрепчивающимися лигатурами ⁶⁾.

Братья *Philagrius* и *Posseidonius* (около 350—375 по Р. X.), изъ коихъ послѣдняго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, жившимъ въ 5 вѣкѣ по Р. X. и извѣстнымъ по отрывкамъ о чумѣ, сохранившимся у *Rufus'a*,— были настолько просвѣщенны, что серьезно возстали противъ господствовавшего тогда обычая произносить своеобразныя формулы при приготовленіи лекарствъ ⁷⁾. Первый изъ нихъ удалилъ камень *верхнимъ стеченіемъ* шейки мочевого пузыря ⁸⁾ и описалъ операцію *ложной аневризмы* послѣ неловкаго кровопусканія. Онъ обнажалъ артерію, накладывалъ двойную лигатуру выше мѣшка и проводилъ разрѣзъ между обѣими лигатурами, затѣиъ вскрывалъ мѣшокъ продольнымъ разрѣзомъ, удалялъ свернувшуюся кровь и, перевязавъ нижній конецъ подобно верхнему, опять проводилъ разрѣзъ между обѣими лигатурами, послѣ чего предоставлялъ мѣшокъ нагноенію или совсѣиъ удалялъ его ⁹⁾. Второй былъ отличный невропатологъ и псіахтръ, писавшій о *каталенсіи, мании, коимартъ, водобоязни* ¹⁰⁾,

¹⁾ Aëtius, Tetrab. II, Serm. 3, сс. 28, 29, 34.

²⁾ Отъ *περισκοθίζω*—скальпированіе у скиноовъ. ³⁾ Тамъ же, с. 91.

⁴⁾ Тамъ же, с. 93. ⁵⁾ Тамъ же, с. 92. Ср. Galenus, Introductio s. Medicus, с. 18.

⁶⁾ Aëtius, l. с. 35. Ср. Hecker. II, 107—116.

⁷⁾ Aëtius, Tetrab. III, S. 4, с. 42. ⁸⁾ Тамъ же, S. 3, с. 5.

⁹⁾ Тамъ же, IV, S. 3, с. 10. *Philagrius*, кроиъ того писалъ о лихорадкахъ и *f. gastrica* (*συντήξις*). Тамъ же II, s. 1, с. 90. ¹⁰⁾ Тамъ же, II, S. 2. сс. 4, 8, 12, 24.

а также о *Phrenitis*, явленія коей сводилъ къ анатомическому ея мѣсто-пробыванію—въ передней части мозга (очагъ воображенія), которая въ случаѣ заболѣванія становится ареной для извращенныхъ представленій, причеъ однако разсудокъ сохраняетъ свою ясность ¹⁾.

Изъ этого обзора врачей эклектической школы, жившихъ во время и послѣ Галена видно, что они преимущественно съ успѣхомъ разрабатывали *хирургію* и *офтальміатрію*, пополняя такимъ образомъ этотъ весьма ощущительный пробѣлъ въ медицинѣ Галена. Послѣ нихъ медицинская литература постепенно пришла въ упадокъ. Вообще въ первое время послѣ смерти Галена его сочиненія мало обращали на себя вниманія. Распространенію ихъ препятствовали, во-первыхъ, ихъ необыкновенный объемъ и утомительная растянутость, во-вторыхъ, и это самое главное, ненависть къ нему господствовавшихъ медицинскихъ школъ, методической и эмпирической, которую онъ навлекъ на себя по собственной винѣ, такъ какъ жилъ во враждѣ съ большинствомъ римскихъ врачей. Вотъ почему гораздо раньше врачей къ нему почувствовали уваженіе философы. Между врачами же онъ сталъ пользоваться почетомъ лишь послѣ того, какъ врачи-несторіанцы, изгнанные изъ Византіи въ Персію и вѣроятно весьма ему симпатизировавшіе за его почти христіанское благочестіе, стали распространять его сочиненія и доктрины въ Малой Азій, откуда они проникли къ арабамъ. Съ другой стороны, начиная со 2 вѣка по Р. Х., въ послѣдній періодъ византійской имперіи, стали появляться *сборники*, заключавшіе большею частью извлеченія изъ его сочиненій, изъ коихъ нѣкоторые еще раньше были переведены на латинскій языкъ (Haeser). Но до того, какъ сказано, медицинская литература у римлянъ находилась въ крайнемъ упадкѣ, и состояла большею частью изъ рецептурныхъ сборниковъ. Врачи этого періода либо предались магической медицинѣ, либо были компиляторы, либо наконецъ эмпирики, но никто изъ нихъ не создалъ ничего новаго или самостоятельнаго. Въ этомъ и заключается тайна того деспотическаго обаянія, съ какимъ Галенъ царилъ въ медицинѣ полторы тысячи лѣтъ. Не его вина, если послѣ него не нашлось продолжателей его дѣла, не онъ затормозилъ дальнѣйшее движеніе и ростъ науки среди глубокаго мрака послѣдующихъ вѣковъ, а рабская подчиненность и бесплодность выступившихъ послѣ него, втеченіе этого долгаго періода, умовъ, для коихъ его колоссальный образъ былъ все таки единственной яркой звѣздой, озарявшей темный путь медицины.

¹⁾ Тамъ же, в. 2, с. 2.

Прибавление къ Галену.

Къ анатоміи *Къ остеологii*. Какъ обращеніе полноты остеологii Галена можетъ служить принятое имъ дѣленіе костей черепа, изъ коихъ имъ различаются: лобная (*μετωπον*), теменные (*βρέγματα, κορυφες*), височныя (*τα χροταφου*), которыя онъ описываетъ вмѣстѣ со скалнстыми и ихъ извитыми слуховыми каналами и отростками, какъ шиловидными (*processus styloidei, βελονοειδης η γραφοειδης εκφουσις*), такъ и соскочидными и ареными; далѣе затылочная (*το κατινον*), коей боковыя стѣнки тоньше, а задняя толще и въ которой онъ различаетъ также боковыя отростки по обѣ стороны мозжечка (*χορωναι*), сочленяющіеся съ первымъ шейнымъ позвонкомъ (*processus condyloidei?*) и сзади ихъ другіе, назначенные для прохода нервовъ и для сухожилій (*οστεοειδεις αποφορσεις*); наконецъ основная (*οστέον πολυμορφον*)¹⁾, въ которой Галенъ различаетъ тѣла, криволидныя отростки, служащіе для прикрѣпленія небныхъ мускуловъ, и *fossa pterygoidea* (*κοιλότης των πτερυγων*)²⁾. Точно также Галенъ вѣрно описываетъ соединеніе черепныхъ костей между собою посредствомъ швовъ (*ραφαι*), а съ лицевыми костями — простымъ наложеніемъ (*αρμονια*). Теменные кости такъ тѣсносоединены съ височными, что въкоторыя, какъ Гиппократъ, называли это соединеніе чешуйчатымъ швомъ (*λεπινοειδης ραφη* или спайкою (*προσκολληματα*)³⁾). Обыкновенная форма черепа — продолговато-шарообразная съ переднимъ и заднимъ продолговатымъ возвышеніемъ, но есть и остроконечныя головы; съ изчезновеніемъ задняго возвышенія сглаживается и Δ-видный шовъ, съ изчезновеніемъ передняго возвышенія — вѣнечный шовъ, такъ что въ обоихъ случаяхъ получается Γ (Г)-образная фигура. Наконецъ могутъ исчезать оба возвышенія, но продольный (стрѣловидный) шовъ никогда не сглаживается⁴⁾. Весьма вѣрно описаны Галеномъ позвонки и связочный аппаратъ позвоночнаго столба, равно какъ и цѣлесообразное его устройство въ видахъ защиты спинного мозга и обезпеченія туловищу разнообразныхъ движеній⁵⁾. Любопытно, что кивательныя движенія приводятся имъ въ связь съ зубодными отросткомъ, а боковыя движенія головы — съ сочлененіемъ между первымъ шейнымъ позвонкомъ и затылочной костью⁶⁾.

Къ ангиологii. Галенъ весьма подробно описываетъ начало, дальнѣйшіе пути и безопасное положеніе аорты и главныхъ артерій, какъ-то: подключичной, сонно-мозговой, нижней межреберной, позвоночной, внутренней титечной, затымъ полой вены и v. azygus, артерій брюшныхъ внутренностей, въ особенности почечной и сѣменной, заднихъ вѣтвей нисходящей части аорты, сосудовъ, назначенныхъ для мочеполовыхъ и вообще внутри — и внѣтазовыхъ органовъ, а также vasa epigastrica⁷⁾; далѣе артерій шеи, лица, мозга, груди, позвоночнаго столба и верхнихъ конечностей⁸⁾. По поводу венозной системы онъ замѣчаетъ что артеріи всегда сопровождаются венами, но вены встрѣчаются и отдѣльно безъ артерій, распредѣленіе же венъ въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла главнымъ образомъ обуславливается ихъ назначеніемъ — служить для питанія этихъ частей. Изъ отдѣльныхъ венъ между прочимъ онъ упоминаетъ и о v. jugularis externa и v. sarphaena externa⁹⁾.

Къ неврологii. Здѣсь рядомъ съ ошибочными описаніями, напр. п. infraorbitalis, встрѣчаемъ и поразительно-точные, куда между прочимъ относится описаніе III вѣтви п. trigemini, выходящей по Г., вмѣстѣ съ a. carotis, черезъ foramen ovale и раздѣляющейся на 2 вѣтви, изъ коихъ одна идетъ большей частью къ наружной поверхности языка (п. lingualis, онъ же вкусовой), а другая частью анастомозируетъ съ п. facialis, (у млекопитающаго сочлененія) и идетъ къ жевательнымъ мышцамъ (п. scotari. buccinat., temporalis superficialis¹⁰⁾), частью же снабжаетъ чувствительными вѣточками десна, зубы и кожу лица. Съ другой стороны п. facialis посылаетъ нервы къ вискамъ, жельзамъ и другимъ частямъ уха и къ волосистой части лица (въ видѣ тоненькихъ паутинообразныхъ волоконъ, plexus anvergicus)¹⁰⁾. Изъ нервныхъ гангліевъ (шарообразныхъ утолщеній нервнаго вещества¹¹⁾) Галенъ явственно описываетъ таковыя въ п. vagus, а именно: ganglion cervicale superius et inferius, g. coeliacum, при чемъ находимъ намеки и на п. sympathicus, а именно, замѣтку, что органы грудной и брюшной полостей снабжаются нервами, идущими вмѣстѣ съ п. vagus сбоку и вдоль позвоночнаго столба и соединяющимися со спинно-мозговыми нервами¹¹⁾.

Къ хирургіи Галена нелишне прибавить, что онъ первый опредѣлялъ раны какъ *нарушеніе цѣлости* (continuitatis), и разрывъ — какъ *принужденность частей*, а phlegmon оне какъ *мыльное воспаление* (вмѣсто общаго, какъ опредѣляли до него, напр. Celsus, I. III, с. 10), которое лечилось мягчительными, разрывающими, способствующими нагноенію, скарификаціями и разрывомъ. Какъ и скирръ Галенъ хотя и пользовалъ разрывающими

¹⁾ Galenus, Introductio s. Medicus, (K. XIV, 720) ²⁾ Galenus, De ossibus ad tirones (K. II, 732 и слѣд.). ³⁾ Тамъ же, 742. ⁴⁾ Тамъ же, 741. Ср. Falk, I. с. 8—10.

⁵⁾ Galenus, De usu part., I. XII, с. 11, 12 и слѣд. (trad. Daremb. II, 32, 33 и слѣд.), I. XIII, с. 1 и слѣд. (II, 48 и слѣд.). ⁶⁾ Тамъ же, I. XII, сс. 4—7 (II, 8—20).

⁷⁾ Galenus, De usu part., I. XVI, с. 10 (II, 184—191).

⁸⁾ Тамъ же, сс. 11, 12 (II, 192—196). ⁹⁾ Тамъ же, сс. 13, 14 (II, 197—200).

¹⁰⁾ Ср. Falk, I. с. 34, 35 и De usu part., I. IX, сс. 9, 10, 13—15 (I, 588, 589, 596—599).

¹¹⁾ Тамъ же, I. XVI, с. 5 (II, 172).

ми и вырѣзываніемъ, но позднѣе, подобно Гиппократу, признавалъ неизлечимыми.

Излеченіе катаракты, а быть можетъ и *высасываніе* (позднѣе изобрѣтенное Albucasis'омъ), согласно Dujardin'у, было извѣстно и Галену. Вообще глаза нынѣ, какъ и у шпильки бодѣзни во времена Галена лечились особыми спеціалистами. Далѣе въ различныхъ сочиненіяхъ Галена указаны способы оперативнаго леченія воспаления околушныхъ желѣзъ, бубончъ, бубончъ, бубончъ оухолоей, воспалией зѣва, костоуды шейныхъ позвонковъ и воспаления грудныхъ желѣзъ. Точно также встрѣчаются указанія и относительно *раненій* различныхъ частей, ихъ свойствъ, степени ихъ важности и способовъ ихъ соединенія и заживленія, а также относительно *кровотеченій* и способовъ ихъ остановки съ помощью лигатуры и ѣдкихъ средствъ. При этомъ Галенъ различаетъ веночныя кровотеченія отъ артеріальныхъ (бры гающихъ струей), для остановки коихъ онъ совѣтуетъ прибѣгать къ закрытію кровотокащаго отверстия посредствомъ давленія, къ холоду и вливающимъ, способствующимъ образованію сгустка, къ прижигающимъ (ѣдка известъ, раскаленное желѣзо), наконецъ къ перевязкѣ сосуда или члена (Method. medendi l. V, с. 3 и 5). Въ одномъ мѣстѣ (тамъ же, с. 7) онъ общаается описать операцію ложной пульсирующей аневризмы, но не исполнилъ этого общанія, и только Аэцій и Павелъ Эгинскій разъяснили, что тутъ рѣчь шла о перевязкѣ выше и ниже опухоли съ послѣдовательнымъ ея вскрытіемъ и опорожненіемъ послѣдней.

Кромѣ того тамъ и сямъ разсѣяны у Галена замѣтки о ранахъ сухожилій, объ эмпіемѣ, ведущей къ чахоткѣ и подлежащей операціи, несмотря на возможность опор жизни гноя черезъ легкія и дыхательное горло,—объ отраженіи болей въ рукѣ при страданіяхъ груди, задѣвающихъ первый и второй межреберные нервы,—о частной или общей резекціи и измѣненнаго ребра (Meth. med. l. V, с. 8), о выпрыскиваніяхъ вина въ грудную полость (тамъ же), о раненіяхъ живота съ выпаденіемъ внутренностей и необходимомъ тогда леченіи (тамъ же, l. VI, с. 4),—о кишечныхъ ранахъ и ихъ зашиваніи,—далѣе о язвахъ, коимъ посвящены III, IV и V книги трактата Method. medendi,—о произвольныхъ вывихахъ тазобедреннаго и другихъ составовъ (въ Comment. in Hipp. De articulis), о переломахъ, наконецъ о гангрени членовъ и ихъ ампутаціи въ здоровыхъ частяхъ и т. д. Всѣ эти разбросанныя всегдѣ у Галена хирургическія замѣтки собраны въ одно цѣлое Dujardin'омъ и по мнѣнію Вочута все таки составляютъ шагъ впередъ, хотя и весьма незначительный, въ сравненіи съ хирургіей Цельза (Ср. Вочут, II, 480—493).

Ретропспективный взглядъ на сочиненія Галена. Оглядываясь назадъ на пройденный нами путь, нетрудно убѣдиться, что изученіе твореній Галена представляетъ высочайшій интересъ

Трактатъ *De usu partium*, лучше всего резюмирующійся въ изреченіи Аристотеля: *природа ничто не дѣлаетъ даромъ* (μηδὲν ἄτῃς τῆν φύσιν), не смотря на обнаруживаемыя здѣсь Галеномъ парадоксы, незнаніе нѣкоторыхъ статей анатоміи, упорное нежаніе во чтобы ни стало все объяснить и признаніе абсолютной неогрѣшимости какъ за собою, такъ и за природой и т. д.,—все таки крайне завлекательны: смѣлый и въ извѣстной степени новый взглядъ на гармонію между частями тѣла, воплотѣ законченная теорія конечныхъ причинъ, возвышенныя понятія о Богѣ и природѣ, ѣдка критика теорій атомовъ и случаевъ, оживленныя описанія, воплотѣ вѣрныя и согласныя съ истинной понятія о пользѣ и функціяхъ органовъ, широкія обобщенія, плодотворные принципы по нѣкоторымъ вопросамъ естественной исторіи—все это неоспоримыя достоинства упомянутого трактата.

Въ трактатѣ *De administratombus anatomicis* раскрываются во всемъ блескѣ искусство и точность Галена какъ анатома и экспериментатора: здѣсь онъ воплотѣ отдаѣтъ себя во власть природы, забывъ все свои систематическія понятія и обнаруживая поведенію только одно желаніе—хорошо наблюдать.

Въ трактатѣ *De locis affectis* Галенъ предвосхитилъ пріобрѣтенія новѣйшей школы, и теоріей и фактами доказавъ, какъ важно, и для распознаванія, и для леченія бодѣзней, точное опредѣленіе ихъ мѣстопребыванія, т. е. мѣстная діагностика. Это одинъ изъ наиболѣе замѣтательныхъ трактатовъ, способствовавшихъ упроченію его воплотѣ заслуженной неувядаемой славы. (Ср. Dargemberg, Oeuvres de Galien, Praeface IX—XI).

Если къ этому прибавить изобилующіе научными фактами трактаты его по *физиології* (De facultatibus naturalibus, De dogmatis Hippocratis et Platonis, De motu musculorum, De respiratione, сочиненія о пульсѣ), и вспомяни, какой богатый матеріалъ заключается по вопросамъ *практической медицины* въ трактатахъ по *терапии и ииіемъ* (Methodus medendi, De methodo medendi ad Glauconem, De sanitate tuenda и пр.) и по *общимъ философско-медицинскимъ* вопросамъ въ обоихъ трактатахъ De sectis и многихъ другихъ,—не говоря уже о его трактатахъ по *патології* (De causis symptomatum, De causis morborum, De differentis morborum и т. д.), интересныхъ хотя бы только въ историческомъ отношеніи, то нельзя не видѣть, что сочиненія Галена представляютъ не только богатый непочатый родникъ для археологій и исторій литературы, нравовъ и медицинскихъ системъ древности, но крайне поучительный во многихъ отношеніяхъ предметъ и для научно-образованныхъ и даже практическихъ врачей.